ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

I

2023

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Чочиев Г.В.
Иммиграция черкесов в Османскую Империю в 1820-х – 1850-х гг. **14-32**

Исмаилова А.М.
Акцизная политика царского правительства в Закавказском крае
во второй половине XIX – начале XX в. **33-50**

Павлов К.А.
Формирование пограничной стражи
на российско-персидской границе в конце XIX – начале XX в. **51-60**

Новейшая история

Николаев А.В.
Участие Терского казачества в антибольшевистском движении на
Тереке в 1917-1920 гг.: политический аспект, вооруженная борьба, итоги **61-69**

Лобанов В.Б.
Политическая элита Северного Кавказа
в годы революции и гражданской войны:
планы и реализация политических концепций **70-78**

Дириванкина М.С.
Аграрная политика РКП(б) на Кубани и Черноморье
в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу: 1920–1924 гг. **79-93**

Сулаберидзе Ю.С.
Деятельность М.А. Полиевктова в академических учреждениях
Грузии в 1920-1930-х годах **94-107**

Акопян З.В.
Исторический опыт создания административных центров
для национальных автономий: основание и развитие
города Микоян-Шахар (1926–1943 гг.) **108-123**

Тетуев А.И.
Повседневность учащихся общеобразовательных школ
в годы Великой Отечественной войны
(на примере Кабардино-Балкарии) **124-141**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Газиева А.А., Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.
История изучения русского населения Дагестана и терского казачества (XVIII – начало XXI в.): историко-библиографический обзор **142-173**

Кузьминов П.А., Журтова А.А., Тахушева И.С., Лаврова Н.С.
Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения **174-187**

Этнология, антропология и этнография

Донежук М.Ю.
Проблемы бытования адыгейского языка среди адыгейской молодежи: на примере сравнения городских и сельских студентов в г. Майкоп **188-201**

Зельницкая Р.Ш.
Некоторые аспекты похоронной обрядности у современных абхазов **202-215**

Кагазежев Ж.В.
Проблема происхождения восточно-адыгского населения **216-225**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Атабиева А.Д.
Циклизация малых форм балкарской прозы **226-239**

Ёзденланы Т.къ.Ф.
Бегийланы Абдуллахны суратлау хат энчилиги **240-252**

Хавжокова Л.Б.
Метрико-рифмовочная система адыгского стиха: проблемы становления и развития **253-266**

Фольклористика

Гулиева (Занукоева) Ф.Х.
Чудесные предметы-сигнализаторы в карачаево-балкарских волшебных сказках **267-275**

Чекалов П.К., Борокова Л.А.
Абазинская сказочная проза
в контексте традиций мирового фольклора **276-292**

Языки народов Российской Федерации
(языки народов Северного Кавказа)

Абазэ М.М.
Диаспорэм адыгэбзэр хъума зэрыщыхъуар **293-306**

Гончаров А.С., Макарова О.С., Лизенко И.И.
Лексико-семантические особенности говора кара-ногайцев
г. Михайловск Ставропольского края
(по материалам лингвистической экспедиции НИУ СГПИ 2023 г.) **307-323**

Жылэтеж Хь.Ч., Жылэтеж Л.Хь.
Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм къыхыхьа псалъэщIэхэр
(бзэщIэныгъэ терминхэм ехьэлIауэ) **324-332**

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Джабраилов Ю.Д.
Современные проблемы сохранения дагестанских языков:
экспертное мнение **333-346**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Абазов А.Х.
Обзор сборника «100 лет Кабардино-Балкарской Республике.
Архивная летопись. – Нальчик: Издательство
М. и В. Котляровых, 2022. 384 с. + 80 с. вкл.» **347-352**

НАШИ АВТОРЫ **353-356**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Chochiev G.V.
Immigration of Circassians to the Ottoman Empire in the 1820s - 1850s. **14-32**

Ismailova A.M.
Excise policy of the tsarist government in the Transcaucasian region in the second half of the XIX – early XX century **33-50**

Pavlov K.A.
Formation of the border guard on the russian-persian border in the late XIX – early XX century **51-60**

Contemporary history

Nikolaev A.V.
Participation of the Terek Cossacks in the anti-Bolshevik movement on the Terek in 1917-1920: political aspect, armed struggle, results **61-69**

Lobanov V.B.
The political elite of the North Caucasus during the revolution and civil war: plans and implementation of political concepts **70-78**

Dirivyankina M.S.
Agrarian policy of the RCP (B) in the Kuban and the Black Sea region in conditions of the transition from war communism to nep: 1920–1924 **79-93**

Sulaberidze Y.S.
Polievktov activities in academic institutions of Georgia in the years 1920-1930 **94-107**

Akopyan Z.V.
The historical experience of creating administrative centers for national autonomies: the foundation and development of the city of Mikoyan-Shahar (1926-1943) **108-123**

Tetuev A.I.
Daily students of general schools during the great patriotic war (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic) **124-141**

Historiography, source studies, methods of historical research

Gazieva A.A., Seferbekov R.I., Khalidova O.B.
The history of the study of the Russian population of Dagestan and the Terek Cossacks (XVIII – early XXI century): historical and bibliographic review **142-173**

Kuzminov P.A., Zhurtova A.A., Tahusheva I.S., Lavrova N.S.
Historian of science in the historiographic space of Caucasian studies **174-187**

Historiography, source studies, methods of historical research

Donezhuk M.Yu.
Problems of existence of the Adygean language among the adygean youth: on the example of comparison of urban and rural students in the city of Maikop **188-201**

Zelnitskaya R.Sh.
Some aspects of funeral rites among modern Abkhazians **202-215**

Kagazezhev Zh.V.
The problem of the origin of the east adyghe population **216-225**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Atabieva A.D.
Cyclization of small forms of Balkar prose **226-239**

Uzdenova F.T.
Peculiarities of Abdullah Begiev's idiostyle **240-252**

Khavzhokova L.B.
Metric-rhyming system of the Adyghe verse: problems of formation and development **253-266**

Folklore studies

Gulieva (Zanukoeva) F.H.
Wonderful objects-signalizators in karachay-balkarian magical fairy-tales **267-275**

Chekalov P.K., Borokova L.A.
Abaza fairy tale prose in the context of world folklore traditions **276-292**

Languages of the peoples of the Russian Federation (languages of the peoples of the North Caucasus)

Abazova M.M.
On the issue of the preservation of the adyghe (kabardino-circassian) language in the diaspora **293-306**

Goncharov A.S., Makarova O.S., Lizenko I.I.
Lexico-semantic features of Kara-Nogais talk of the Mikhailovsk city, Stavropol Territory (by the linguistic expedition materials of NRU SSPI 2023) **307-323**

Zhiletezhev Kh.Ch., Zhiletezheva L.Kh.
Neologisms in the Kabardino-Circassian language (based on linguistic terminology). **324-332**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY

Dzhabrailov Yu.Dzh.
Modern problems of the dagestan languages preservation through the eyes of experts **333-346**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Abazov A.Kh.
Review of the collection «100 years of the Kabardino-Balkarian Republic. Archival chronicle. – Nalchik: Publishing house M. and V. Kotlyarovs, 2022. 384 pp. + 80 pp. on» **347-352**

OUR AUTHORS **353-356**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 94(5)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32
EDN: AANHXY

ИММИГРАЦИЯ ЧЕРКЕСОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1820-Х – 1850-Х ГГ.

Георгий Витальевич Чочиев
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8082-7806

Аннотация. Задолго до начавшегося на финальной стадии Кавказской войны массового исхода представителей народов Северо-Западного Кавказа в Османскую империю происходили спорадические групповые и индивидуальные миграции черкесов в султанские владения, прямо или опосредованно обусловленные российской военно-политической экспансией в регионе. Эти эпизоды раннего кавказского мухаджирства, равно как и положение переселенцев этого периода в османских владениях, зачастую остаются за пределами внимания исследователей. В настоящей статье главным образом на основе впервые вводимых в научный оборот турецких архивных источников и свидетельств современников выявляются имевшие место в 1820-х – 1850-х гг. факты прибытия на османскую территорию иммигрантских общин и семейств из Черкесии, прослеживаются их перемещения и основные места временного и постоянного поселения в Анатолии и характеризуются особенности адаптации переселенцев на новой родине в рамках формирующейся колонизационной политики Порты. В данном контексте уточняются также некоторые обстоятельства пребывания и деятельности в османском государстве одной из значимых фигур хаджретского сопротивления в Закубанье князя Хатокшоко Магомета Аша.

Ключевые слова: Османская империя, Северо-Западный Кавказ, черкесы, иммиграция, колонизация, адаптация, Хатокшоко Магомет Аша.

Для цитирования: Чочиев Г.В. Иммиграция черкесов в Османскую империю в 1820-х – 1850-х гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. EDN: AANHXY

© Чочиев Г.В., 2023

Original article

IMMIGRATION OF CIRCASSIANS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 1820S – 1850S

Georgy V. Chochiev
V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8082-7806

Abstract. Long before the mass exodus of the Northwestern Caucasus people representatives to the Ottoman Empire during the final stage of the Caucasian War, there were sporadic group and individual migrations of Circassians to the Sultan's possessions, directly or indirectly caused by Russian military-political expansion in the region. These episodes of the early Caucasian muhajirism, as well as the situation of this settlers in the Ottoman possessions, usually remain outside the attention of researchers. This article, based mostly on the Turkish archival sources and testimonies of contemporaries introduced into scientific circulation for the first time, reveals the cases of immigrant communities and families from Circassia to the Ottoman territory, traces their relocations and main places of temporary and permanent settlement in Anatolia and characterizes the features of the settlers' adaptation in their new homeland within the framework of the emerging colonization policy of the Porte during the 1820s–1850s. In this regard, this article clarifies some circumstances of the stay and activity in the Ottoman state of one of the significant figures of the Hadjret resistance in the Trans-Kuban region - Prince Hatokshoko Mohammed Asha.

Keywords: Ottoman Empire, Northwestern Caucasus, Circassians, immigration, colonization, adaptation, Hatokshoko Magomet Asha.

For citation: Chochiev G.V. Immigration of Circassians to the Ottoman Empire in the 1820s–1850s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 14-32. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-14-32. EDN: AANHXY

© Chochiev G.V., 2023

Одним из итогов Кавказской войны стал начавшийся на ее завершающей стадии процесс массового переселения представителей горских народов в Османскую империю, известный в отечественной историографии и общественном обиходе как мухаджирство[1]. Его первым значимым актом можно считать прибытие в Стамбул в декабре 1858 г. 1060 кубанских черкесов и ногайцев, которые, согласно официальному османскому документу, «покинули свою страну и пожертвовали своим имуществом, чтобы укрыться под спасительным крылом Высокого Халифата» [BOA. İ.DH 420/27766]. Это событие положило начало длившемуся с переменной интенсивностью в течение нескольких следующих десятилетий потоку преимущественно вынужденной миграции, приведшему к формированию на Ближнем Востоке северокавказского рассеяния численностью в сотни тысяч человек – главным образом адыгов, абхазов и абазин.

[1] Слово «мухаджир» в рассматриваемый период обозначало в османо-турецком языке переселенца, обычно вынужденного, из одной страны или области в другую, утратив в значительной степени религиозную коннотацию, восходящую к хиджре пророка Мухаммеда. К примеру, в изданном в 1856 г. турецко-английском словаре *мухаджир* толкуется как «One compelled to abandon his country», а *мухаджерет* (мухаджирство) – как «An abandoning one's home and country» [Redhouse 1856: 1066]. При этом, хотя в официальных документах XIX – начала XX в. данные термины употребляются главным образом в отношении мусульманских иммигрантов и беженцев в Османскую империю из христианских государств (прежде всего из России), отмечены случаи их использования также и применительно к миграциям османских христиан и мусульман в Америку, османских армян в Россию, европейских евреев в османскую Палестину и т.п.

Очевидно, однако, что задолго до указанного времени имели место спорадические групповые и индивидуальные переселения жителей Северного Кавказа на османскую территорию, прямо или опосредованно обусловленные российской военно-политической экспансией в регионе и в какой-то степени предопределившие как направление будущих миграционных волн, так и базовые принципы политики Порты в отношении кавказских мухаджиров. Целью настоящей работы, опирающейся преимущественно на турецкие архивные источники[1] и немногие свидетельства современников, является выявление основных фактов иммиграции в пределы султанской империи общин и семейств выходцев из исторической Черкесии и характеристика особенностей их приема, расселения и адаптации в новой для них стране в хронологических границах от первых документально зафиксированных эпизодов данного рода в 1820-х гг. до разворачивания масштабного исхода черкесов с родины на рубеже 1850-х – 1860-х гг., иными словами, в период и на фоне продолжающейся Кавказской войны.

Наиболее ранним известным нам свидетельством османских документов о перемещении населения Северо-Западного Кавказа в султанские владения являются относящиеся к первой половине 1820-х гг. упоминания о попытке эмиграции какой-то части «беглых» кабардинцев или хаджретов. В составленном в октябре 1822 г. укрывшимися в крепости Анапа представителями кабардинского духовенства и знати обращении на имя шейх-уль-ислама (главного муфтия империи) выражалась просьба ходатайствовать перед Портой об их приеме и поселении в османских землях «как мухаджиров… ввиду невозможности терпеть далее гнет России» [BOA. HAT 1102/44553-B, 1102/44553-C]. В начале декабря комендант крепости Сейид Ахмед-паша переправил это прошение своему правительству с собственными пояснениями, в которых отмечал, что кабардинцы, «…сражаясь с русскими, своими силами пробились через границу и прибыли на территорию Высокого Государства (т.е. в Анапу. – *Г.Ч.*)», откуда намеревались отплыть в Стамбул, но были остановлены до выяснения позиции Порты по данному вопросу [BOA. HAT 1102/44553, 1102/44553-A]. По всей видимости, разрешение на коллективную иммиграцию кабардинцев в «материковую» часть империи на этом этапе получено не было. Внутри стен самой Анапы, однако, данная община продолжала проживать под защитой местного гарнизона и в последующие годы. В ноябре 1824 г. Сейид Ахмед-паша обратился к Порте с просьбой предпринять необходимый демарш перед посольством России в Стамбуле в связи с «агрессивным расположением здешних русских служащих к беженцам кабардинского племени» [BOA. HAT 1042/43107]. Нахождение последних под покровительством Порты было подтверждено в августе 1825 г. и

[1] Использованы документы из Османского архива Управления государственных архивов при Администрации Президента Турецкой Республики (Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi, сокр. – BOA), относящиеся к фондам «Августейшие рескрипты» (Hatt-ı Hümayun, код – HAT), «Высочайшие указы» (İrade, код – İ), «Великий везират» (Sadaret, код – A), «Министерство иностранных дел» (Hariciye Nezareti, код – HR), «Джевдет» (Cevdet, код – C) и их различным подфондам, а также опубликованные или цитированные в работах современных турецких исследователей материалы других фондов.

назначенным новым комендантом крепости губернатором Трабзонского эялета[1] Чечен-заде Хаджи Хасан-пашой[2] [BOA. HAT 1042/43104]. В одном из его донесений в столицу численность этой группы оценивалась в несколько сотен семейств [BOA. HAT 639/31452-A].

Уступка османами по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. земель закубанских черкесов России придала новый импульс эмиграционным настроениям в среде адыгской знати. Так, в составленном в 1245 г.х. (не позднее 21 июня 1830 г.) послании натухайского предводителя Хунагу Девлет-Мирзы в Стамбул выражались разочарование и растерянность по поводу этого дипломатического решения, сообщалось о росте числа жертв среди черкесов в столкновениях с русскими войсками и высказывалась настоятельная просьба в случае неспособности или нежелания Порты защитить лояльное ей население предоставить ему – «ради спасения женщин и детей» – убежище на находящейся под управлением султана территории [BOA. HAT 1106/44620-D]. Требования разъяснить новый статус региона и проявить «милость» к его жителям содержались и в написанном тогда же обращении более чем 30 шапсугских старшин и духовных лидеров к османским властям [BOA. HAT 1106/44620-L]. Эти ожидания и озабоченности были непосредственно доведены до сведения высокопоставленных чиновников в Трабзоне и Стамбуле находившейся там летом-осенью 1830 г. представительной делегацией натухаевцев и шапсугов. Вскоре после этого на утверждение султана Махмуда II (1808-1839) поступило предложение великого везира о поселении в «подходящих местах» государства не желающих оставаться под российской оккупацией черкесов [BOA. HAT 1106/44620], лежавшее, в сущности, в русле 13-й статьи упомянутого договора, которая предоставляла российским и османским подданным право на свободный переезд из одной страны в другую в течение 18 месяцев после его ратификации [Шеремет 1975: 155-156].

Судя по всему, плодом описанной активности стал доставленный в Черкесию в ноябре того же года должностным лицом по имени Салахур (Силяхдар?) Мехмед-ага и известный нам лишь по упоминаниям в русских источниках султанский фирман, санкционировавший прием в османское подданство и перевозку на османских судах черкесов, готовых покинуть родину в ограниченный срок с марта по май 1831 г. Впрочем, согласно донесению российского агента, это приглашение вызвало резко негативную реакцию участников «собрания старшин шапсугского и натухайского народов», возмущенных отказом Порты от участия в дальнейшей судьбе их страны [Томкеев 1898: 196; Фелицын 1904: 14-15]. Тем не менее, несмотря на отсутствие соответствующих документальных подтверждений, нельзя исключать, что незначительное число протурецки настроенных представителей верхушки западноадыгских субэтносов все-таки воспользовалось в последующие месяцы этой возможностью для эмиграции.

[1] Эялет (провинция, губерния) – административно-территориальная единица первого уровня в Османской империи в рассматриваемую эпоху. Единицами следующих уровней были санджак (округ), каза (уезд), нахийе (волость).

[2] Хасан-паша происходил из чеченской семьи, предположительно в XVIII в. обосновавшейся в городе Карахисар-и-Шарки (ныне Шебинкарахисар в провинции Гиресун) [Tosun 2014: 8-9].

Достоверный факт переселения в Османскую империю крупной группы отмечен лишь в 1250 / 1834-35 г., когда в порт Самсун в организованном порядке несколькими партиями было доставлено примерно 400 семейств (домохозяйств)[1] «черкесских и кабардинских мухаджиров» [BOA. HAT 737/34972][2]. По некоторым данным, этому предшествовало обращение их представителей к трабзонскому губернатору с констатацией утраты ими из-за военных действий почти всего своего имущества и угрожающей их жизням на родине опасности. Примечательно, что созданная по этому поводу османскими властями комиссия дала разрешение на их иммиграцию с условием ее осуществления «семьями» [İpek et al. 2016: 25, 336], что указывает на наличие у Порты уже на этом этапе определенных демографических и хозяйственных расчетов в связи с кавказским мухаджирством.

Распоряжение великого везирата, изданное вслед за прибытием названных семейств и квалифицировавшее их как «достойных высочайшего милосердия и сострадания… беженцев», предусматривало их безвозмездное наделение землей в санджаках Самсун, Амасья и Чорум в Центральной Анатолии и освобождение от всех налогов на 3 года [BOA. HAT 737/34972]. Заслуживающим внимания положением этого документа представляется назначение, «подобно другим племенам», предводителем (*бей*) всей группы некоего Мехмед-бея «из их знати», что напоминает применявшуюся центральной властью до середины XIX в. практику управления через традиционных лидеров проживающими на территории империи полуавтономными сообществами (туркменскими, курдскими, албанскими племенами и др.) [Çelik 1999: 64-65; Orhonlu 1987].

Несмотря на очевидное стремление османского руководства к скорейшему превращению своих новых подданных в благополучный, самодостаточный и, соответственно, налого- и военнообязанный элемент населения, реальный процесс их поселения и адаптации в стране оказался сопряжен с немалыми трудностями и не лишен некоторого драматизма.

В этом отношении показательно адресованное султану недатированное прошение за подписью «главы (*мир*) трех-четырех сотен семейств… черкесских и кабардинских бедняков» Хатозук-оглу Чолака Мехмед-бея, который, бесспорно, является тем же лицом, что и вышеназванный назначенец Порты. Более того, едва ли приходится сомневаться в том, что данный персонаж есть не кто иной, как известный участник хаджретского сопротивления в Закубанье князь Магомет Атажукин (Хатокшоко) [см. о нем: Алоев 2019; Мирзоев, Чанак

[1] В документе использован термин *хане* «дом, домохозяйство», который применительно к северокавказским иммигрантам второй половины XIX в. соответствовал, как правило, малой и лишь в редких случаях расширенной семье. Среднее количество душ в иммигрантских семьях, по некоторым подсчетам, составляло в этот период 4,1 чел., в т.ч. вследствие высокой смертности из-за тягот пути [Göyünç 1979]. С учетом этих данных подушная численность иммигрантов 1834 г. могла колебаться в пределах от 1,6 до 2 тыс. чел.

[2] Данный документ условно датирован работниками архива 1250 годом хиджры, соответствующим периоду от 10 мая 1834 до 28 апреля 1835 г. Несомненно, однако, что описываемая миграция началась и в основном состоялась в 1834 г. Это подтверждается как другими османскими материалами [см., напр., BOA. C.DH 137/6832], так и свидетельством составленного в июле 1837 г. российскими чиновниками «Обзора политического положения Черкесии» об «[о]коло 370 сем[ьях], вышедших три года тому назад из разных мест Кабарды и Черкесии» [Шамиль… 1953: 127]. По-видимому, именно эту миграцию имел в виду Султан Хан-Гирей в своем увидевшем свет в 1836 г. сочинении, говоря об уходе части хаджретов «в Турцию и Египет» [Хан-Гирей 1978: 160].

2022a], зафиксированное в источниках прозвище которого на его родном языке – *Іэшэ* (русифиц. *аша*), – как и турецкое *чолак*, означает «сухорукий, косорукий, безрукий». По свидетельству знавшего Атажукина барона Торнау, в 1834 или 1835 г. он, «тяжело раненный в правую руку, лишился возможности владеть оружием и поехал в Турцию лечить рану» [Торнау 2008: 331]. Трудно судить о наличии у князя других мотивов для этой поездки, помимо медицинских. Заметим лишь, что факт немедленного и безоговорочного признания его лидерства османскими властями указывает на определенные феодально-иерархические и владельческие отношения между ним и значительной частью остальных переселенцев, что в свою очередь наводит на мысль о намерении (или попытке) обосноваться в новой стране традиционной общиной – вместе с представителями зависимых групп и сословий. Что касается времени появления документа, то, согласно содержащемуся в самом тексте указанию, он был написан по прошествии одной зимы после миграции, то есть, по-видимому, весной 1835 г.[1]

Автор прошения после выражения чувств верноподданства государству османов и монаршей особе подчеркивал, что находящиеся под его началом мухаджиры, «лишившись родины и дома», прибыли в Анатолию в надежде «обрести покой под сенью Халифата». Из дальнейшего изложения следовало, что после долгих блужданий в районе Самсуна черкесы, перейдя Понтийский хребет, добрались до Мерзифона и затем Чорума, где «минувшей зимой» были остановлены чиновниками, которые, вероятно, намеревались рассредоточенно поселить их в этом и соседних санджаках. В противовес этому Мехмед-бей, напоминая, что его соотечественники «подобны племенам и общинам» (*ашаир ве кабаиль мисиллю олдуклары*), и ссылаясь на их «бедственное положение» и незнание ими турецкого языка и обычаев страны, просил султана дать указание мютеселлиму (исполняющему обязанности главы администрации) Чорума «собрать» группу на расположенной в местности Кадыкёй в нахийе Эмляк «пустующей и заброшенной на протяжении ста пятидесяти лет земле,… достаточной для совместного поселения пяти-шести сотен семейств», а также землях в «других подходящих местах» того же санджака. В заключение выражалось пожелание о предоставлении переселенцам отсрочки в несколько лет от призыва на военную службу, по истечении которой каждое семейство должно было начать выставлять по одному воину для османской регулярной кавалерии [BOA. C.DH 137/6832].

К лету 1835 г. предложения Чолака Мехмеда о компактном поселении указанных семейств в Чоруме были в принципе одобрены Министерством внутренних дел [Мирзоев, Чанак 2022b: 82-83], однако, судя по отсутствию в последующий период упоминаний о сколько-нибудь крупной колонии северокавказцев в этом районе, на практике они не были реализованы в полной мере, воз-

[1] В одной из прошлых работ мы, исходя из общего контекста рассматриваемого прошения, ошибочно отнесли его к началу 1860-х гг., т.е. к периоду первых массовых черкесских иммиграций в Османскую империю [Чочиев 2015: 30]. Заметим, что содержащаяся в архивном описании документа условная датировка последним днем 1255 г.х., соответствующим 4 марта 1840 г., также не является верной и базируется, видимо, лишь на факте упоминания в нем административной должности мютеселлима, упраздненной в указанном году.

можно ввиду выявившейся недостаточности здесь фактически и юридически свободных земель (см. ниже о коллизии 1840 г.). С другой стороны, нельзя полностью исключать и того, что власти в конечном счете предпочли воздержаться от совместного размещения этой группы, к тому же под эффективным контролем над ней со стороны ее феодального предводителя[1]. Во всяком случае, примерно в этот период завершаются роль и полномочия Магомета Атажукина как формально признанного лидера своего сообщества в Османской империи. Не позднее начала 1836 г. он вернулся на родину, где спустя ряд лет закончил свой жизненный путь в сражении с русскими [Торнау 2008: 356; Мирзоев, Чанак 2022а: 39].

Немногочисленные документальные данные о дальнейшей судьбе иммигрантов 1834-1835 гг. свидетельствуют о быстрой фрагментации этой группы, позволяя лишь в общих чертах установить основные места постоянного или временного нахождения некоторых ее частей в Анатолии.

По всей видимости, в санджаке Самсун, где изначально высадились переселенцы, после ухода оттуда основного их массива осталось сравнительно небольшое число черкесов. В реестре населения (*нюфус дефтери*) центральной казы этого округа за 1250 / 1834-35 г. в категории «чужеземцев и гостей» зарегистрированы «кабардинские и анапские мухаджиры» в количестве 123 душ мужского пола. Из актуализированной же в 1261 / 1845 г. версии этого реестра следует, что в течение десятилетия 43 из них умерли, 19 выбыли из казы (в основном в соседние казы и санджаки, но также в Стамбул, Хиджаз и Египет), а 1 вернулся на Кавказ. При 8 родившихся и 36 прибывших из-за пределов казы за указанное время численность группы сократилась до 104 человек[2] [İpek et al. 2016: 19, 336-340; Karagöz 2017: 1518-1519]. Даже с учетом возможной неточности и недостаточной репрезентативности данной статистики она вполне определенно отражает впечатляюще высокие уровни текучести и особенно смертности среди иммигрантов в первые годы их пребывания на новой родине. Вероятно, сопоставимое число кавказцев осело в этот период и в других частях санджака, что подтверждают, к примеру, упоминания в окружном реестре населенных пунктов 1253 / 1837-38 г. о «селе черкесских мухаджиров» в казе Арым

[1] В последующие годы Порта стала все больше склоняться к политике дробной («неплеменной») колонизации северокавказских иммигрантов и нейтрализации влияния родовой знати на своих «подданных» из опасения превращения этих коллективов в фактор региональной нестабильности [Saydam 1997: 143, 144].

[2] Из первоначально зарегистрированных в документе 123 мухаджиров 44 выступают как «анапцы» (*анапалы*) и, скорее всего, являются не этническими северокавказцами, а обосновавшимися в Анапе в период османского правления выходцами из различных регионов империи, что подтверждается такими прозвищами некоторых из них, как Сиваслы-оглу («сын сивасца») или Кюрд-оглу («сын курда»). Из остальных лиц 55 обозначены как «кабардинцы» (*кабардалы*), 5 – как «абазы» (*абаза, абаза-оглу*), 4 – как «черкесы» (*черкес, черакис*). Происхождение 15 человек не уточнено. Среди северокавказцев встречаются обладатели явно немусульманских и нетурецких имен или прозвищ, таких как (вероятно, в искаженной форме) Куйши, Хебах, Туфйе, Шури, Джаби, Пренч и др. Вместе с тем, согласно обновленному реестру 1845 г., 18 северокавказцев и 7 анапцев имеют почетный титул «хаджи», что указывает на факт совершения ими, предположительно уже после иммиграции, паломничества в Мекку. Три человека в списке отмечены как «рабы» (*гулям*).

(ныне Чаршамба) и двух сельских мухтарах (старостах) с прозвищем «Черкес-оглу» в казах Арым и Кавак [Erler 2009: 183, 184, 190][1].

Какая-то часть семейств, о которых шла речь в прошении Чолака Мехмеда, по-видимому, была, в соответствии со стремлением Порты, мелкими партиями поселена в регионе Амасьи и Чорума.

Так, известно, что в июне 1835 г. около 50 иммигрантов переместились в санджак Амасья, где им была предоставлена пустующая земля в нахийе Аргома (ныне Сулуова). Принимая во внимание тяжелое физическое и материальное положение этой группы, власти пошли навстречу просьбе ее лидера Тахир-бея «из кабардинской знати» об освобождении его подопечных от налогов, сборов и пошлин «до обретения ими благосостояния» [BOA. C.DH 161/8028, 216/10776; BOA. HAT 680/33173].

О черкесской колонизации в санджаке Чорум можно судить по прошению, поданному в начале 1840 г. султану от имени «поселенных некоторое время назад… в окрестностях городка Чорум» 20 семейств их представителями Хаджи Омером и Хаджи Мехмедом. В документе содержалась жалоба на препятствия, чинимые мухаджирам местными жителями в строительстве домов и занятии сельским хозяйством, а также просьба об отсрочке уплаты налогов (последнее указывает на факт иммиграции более 3 лет назад). Последовавший в связи с этим султанский фирман в довольно строгих выражениях предписывал окружным властям проявить милосердие к данной общине «как беженцам и беднякам», в частности обеспечить их безопасное проживание в выбранном ими месте и невзыскание с них налогов в течение 5 лет с соответствующим указанием министру финансов [Korkmaz 1995: 118-120]. Впрочем, этот конфликт, в основе которого, скорее всего, лежали подкрепленные традиционными правами пользования претензии коренного населения на занятую иммигрантами землю, не удалось урегулировать на месте, и в конце того же года Портой было принято решение о переводе названных семейств в санджак Кютахья в Западной Анатолии [BOA. İ.MVL 13/201].

Достаточно отчетливо прослеживается также перемещение из Самсуна, Амасьи и Чорума в западном направлении и поселение на территории государственного землевладения (чифтлика) Чифтелер в санджаке Эскишехир 40 семейств, изъявивших желание быть включенными в эту относительно отлаженную хозяйственную структуру. Указанный чифтлик площадью около 180 тыс. гектаров и всего с десятком находящихся в его границах сел числился за Военным министерством и располагал крупным конным заводом и другими скотоводческими и земледельческими предприятиями [Köksal 2009: 333-343, 358]. Хотя первые упоминания о планируемой отправке туда черкесов относятся к лету 1836 г. [BOA. C.DH 83/4135; BOA. HAT 1418/58002], их достоверное присутствие в хозяйстве отмечено лишь в 1838 г., когда, по сообщению официального хрониста Ахмеда Лютфи-эфенди, было издано высочайшее повеление о

[1] В упомянутом российском «Обзоре» 1837 г. сообщается о расселении черкесов также и за пределами санджака Самсун в причерноморских населенных пунктах от Трабзона на востоке до Синопа на западе [Шамиль… 1953: 127].

выделении 50 тыс. курушей[1] на обеспечение данных семейств «возможностями для занятия хлебопашеством… из сострадания к их бедности и нужде» [Ahmed Lütfî 1999]. В султанском же рескрипте от декабря 1838 г. говорилось о покрытии половины расходов на их «пропитание» из средств самого чифтлика, а половины – из доходов четырех ближайших к нему санджаков [BOA. HAT 381/20572-F, 381/20572].

Известно, что образовавшие в Чифтелере село Черкескёй («черкесское село») мухаджиры в 1843 г. обратились к окружной администрации с просьбой о строительстве для них мечети и примечетной начальной школы. Несмотря на наличие подобных объектов в двух находящихся в пределах пешей доступности соседних селах, власти после некоторых колебаний согласились с обоснованностью стремления черкесов к обладанию собственной мечетью и распорядились о составлении сметы для ее сооружения [Güneş 2014: 446]. Данный факт может, очевидно, свидетельствовать как о достаточно успешной социально-экономической адаптации этой общины, так и о ее тяготении к определенной культурной изоляции от окружающего населения.

Вышеприведенными примерами, безусловно, не исчерпываются все маршруты передвижения и места поселения иммигрантов 1834-1835 гг., обстоятельства колонизации и адаптации многих из которых, вероятно, не получили отражения в источниках.

Документально не зафиксированными могли остаться и факты прибытия в Османскую империю мелких групп переселенцев из Черкесии, предположительно имевшие место во второй половине 1830-х гг. и позже. Так, не вполне ясно время возникновения локализуемого в центральной казе санджака Амасья села Куту, которое впервые упоминается в окружном налоговом реестре (*теметтуат дефтери*) 1256 / 1840-41 г. как «новое» и состоящее из 16 семейств, включающих в себя 46 лиц мужского пола [Genç 2020: 88]. Согласно аналогичному реестру 1259 / 1843-44 г., в селе проживало то же количество семейств при всего лишь 27 лицах мужского пола (последняя цифра маловероятна и, скорее всего, является следствием распространенной практики сокрытия числа податных членов домохозяйств). При этом несколько семейств все еще не имели земли и какого-либо дохода [Genç 2020: 88; Serbestoğlu, Yıldırım 2017: 1498-1503], что может объясняться их недавним заселением либо испытываемыми экономическими трудностями. Судя по всему, процесс адаптации сельчан, характеризуемых в документах как кабардинцы, не был простым, что в последующие годы проявилось в их неспособности платить налоги, несмотря на неоднократное продление льгот по ним [BOA. İ.MVL 114/2728]. В сентябре 1851 г. в администрацию санджака поступило заявление жителей села за подписями 6 лиц духовного звания с просьбой об очередной налоговой отсрочке «до обретения имущества и благосостояния» [BOA. A.MKT.UM 74/64]. Однако после изучения властями вопроса на местном и центральном уровнях Порта в феврале 1852 г. постановила отказать в удовлетворении этого прошения. Изданным в

[1] Куруш (гуруш) – денежная единица, сотая часть лиры. В середине XIX в. приблизительно равнялся ¼ французского франка.

этой связи указом предписывалось взыскать с иммигрантов, поселенных не только в Куту, но и ряде других районов страны, все налоги и недоимки, образовавшиеся после истечения 3-летнего периода их льгот. Одновременно было провозглашено о начале по прошествии указанного срока призыва в армию иммигрантов соответствующего возраста [BOA. İ.MVL 231/8005; BOA. A.MKT.MVL 50/99]. Несомненно, что такие решения диктовались прежде всего необходимостью укрепления подорванного финансового и военного потенциала государства в условиях обострения «восточного вопроса» накануне Крымской войны.

Относящееся же к 1858 г. свидетельство о Куту известного русского ученого Петра Чихачева дает основание для заключения о выработке к этому времени весьма своеобразной хозяйственной специализации села, состоявшей в выполнении им функций своего рода «депо и агентства» для промышлявших между Анатолией и Кавказом черкесских работорговцев и ориентированной на османский элитный спрос «фабрики живого товара» [Tchihatcheff 1859: 74-75; Дзидзария 1982: 266-267][1]. Несмотря на откровенно обличительный по отношению к Порте, равно как и к «мятежным кавказским подданным России» [Tchihatcheff 1859: 73] пафос автора и, возможно, сознательное акцентирование им внимания на данной теме, следует отметить, что отдельные османские источники середины 1850-х гг. также упоминают о причастности проживающих в Амасье черкесов к незаконной работорговле, в том числе к порабощению свободнорожденных людей [BOA. HR.MKT 161/41].

С середины 1840-х гг. несколько усилился приток небольших партий и отдельных семей с Северо-Западного Кавказа в Трабзон, Самсун и реже Стамбул[2], что, по-видимому, было связано с нарастающим ожесточением русско-черкесского военного противостояния и обострением социальной борьбы внутри адыгского общества [Касумов, Касумов 1992: 99-104]. Посетивший в эти годы Трабзон немецкий путешественник и естествоиспытатель Мориц Вагнер описывает город как «место встречи всех поддерживающих политические связи с Турцией черкесов и абхазов… и всех беженцев из России» [Wagner 1852: 156].

Основным регионом колонизации черкесских иммигрантов в этот период выступает Южное Мраморноморье. Летом 1845 г. в казу Михалич (ныне Караджабей) санджака Бурса были направлены приблизительно 60 семейств, до этого временно размещавшихся в окрестностях Стамбула. Местом их поселения было избрано селение Улуабад на берегу одноименного озера, где имелись обширные неиспользуемые пахотные земли, принадлежавшие вакфу султана Баязида I (1389-1402). Эти земли были распределены между названными семействами с условием «их благоустройства ими… и ежегодного внесения приемлемой арендной платы» в счет доходов вакфа. В связи с этой колонизацией Порта, предвидя, очевидно, дальнейшее прибытие в страну кавказских и иных

[1] О том, что «[у]здени… [мухаджиров 1834 г.] ежегодно путешествуют в Черкесию и вывозят невольников для продажи в Турцию», говорится также в «Обзоре» 1837 г. [Шамиль… 1953: 127].

[2] Из российских источников известно об эмиграции в феврале 1847 г. и поселении в Стамбуле относительно крупной группы – темиргоевского князя Каплан-Гирея с семейством и подвластными крестьянами в количестве 1619 чел. [Касумов, Касумов 1992: 86]. В османских документах не удалось обнаружить сведений об этой иммиграции.

переселенцев, впервые сочла необходимой выработку некой общей, но при этом чрезмерно не обременительной для государственной казны схемы их хозяйственного обустройства, нацеленной на скорейшее превращение иммигрантов в производительный элемент населения. Согласно утвержденному султаном по представлению Высшего совета по правовым решениям[1] «временному порядку», средства на строительство жилья и приобретение аграрного инвентаря должны были выделяться мухаджирам взаймы из провинциальных налоговых поступлений с обязательным предоставлением ими «кругового поручительства» и «надежной расписки» о возвращении полученных денег. В соответствии с этим принципом, поселяемой в Улуабаде общине было выдано 79 тыс. курушей, подлежавших выплате в рассрочку в течение следующих 4 лет. Безвозмездно в качестве «высочайшего дара» было предоставлено семенное и продовольственное зерно (пшеница, ячмень и просо) и некоторые другие продукты питания и предметы первой необходимости. Срок освобождения от налогов также составил 4 года [BOA. İ.MVL 73/1394, 299/12169; Sarıbal 2018].

Поселение черкесов в Улуабаде весьма примечательно также тем, что оно было сопряжено с первым серьезным конфликтом между кавказскими иммигрантами и христианскими подданными Порты. Данное село и окружающий его район были компактно населены православными греками[2], которые с крайним беспокойством восприняли появление здесь мухаджиров-мусульман с чуждым им социокультурным профилем. Предположительно в конце 1846 г. ими была направлена в российское посольство в Стамбуле жалоба, в которой утверждалось, что переселенцы[3], находящиеся в беспрекословном подчинении у своего «именуемого ханом» лидера, жестоко притесняют коренных жителей при полном попустительстве местной администрации. Особую обиду сельчан вызывал факт предоставления властями черкесам значительной денежной помощи, тогда как грекам, пострадавшим несколькими годами раньше от землетрясения, якобы было отказано в подобной поддержке. В заключение авторы обращения предупреждали, что в случае непресечения правительством бесчинств черкесов и направления в село, согласно имеющим хождение слухам, еще 24 их семейств местным христианам не останется ничего другого, как искать себе новое место жительства. В ответ на ноту российского посла османские власти провели расследование изложенных в документе утверждений, придя к выводу об их беспочвенности или, по крайней мере, сильной преувеличенности. Тем не менее, во избежание создания повода для дальнейшего иностранного вмешательства (аналогичная петиция была направлена улуабадцами и английскому послу, также заявившему протест Порте [MacFarlane 1850: 413]) было решено предупредить черкесов о недопустимости такого поведения, а в случае продолжения жалоб – перевести их в другое место [BOA. HR.MKT 17/19]

[1] Высший совет по правовым решениям (*Меджлис-и валя-и аххям-и адлийе*) – созданный в 1837 г. консультативно-законодательный орган при султане и правительстве Османской империи, прообраз Министерства юстиции.

[2] Улуабад (Улубад) расположен на месте крупного поздневизантийского культурно-религиозного и военно-политического центра Лопадион, от которого и унаследовал свое турецкое название.

[3] В этом документе иммигранты названы «дагестанскими черкесами», что, видимо, объясняется путаницей вследствие поселения в эти же годы в городе Бурса нескольких десятков представителей суфийского ордена накшбандия из Дагестана [BOA. İ.DH 114/5757; BOA. C.DH 306/15265].

Несколько иной, хотя в целом не противоречащий приведенной выше информации официальных документов и отчасти дополняющий ее взгляд на черкесско-греческую коллизию в Улуабаде содержат свидетельства проведшего там несколько дней в ноябре 1847 г. британского историка и писателя Чарльза Макфарлейна. Опираясь в основном на сведения, почерпнутые из бесед со старостой греческой части села, он сообщает, что данная община иммигрантов, «изгнанная с родины русскими или какими-то из их собственных кланов, находящимися в союзе с русскими», после прибытия в Улуабад вместо создания отдельного села на прилегающих к озеру свободных невозделанных землях предпочла силой занять сады, обработанные поля и даже жилища греков в самом селе. При этом попытки последних восстановить справедливость посредством апелляций к стамбульским властям и европейским дипломатам не принесли результата, поскольку, хотя Порта и направила окружной администрации распоряжение о необходимости возвращения владельцам их захваченной собственности, оно было проигнорировано «пашой Бурсы», получившим от «вождя» черкесов взятку в виде молодой невольницы [MacFarlane 1850: 412-413].

По наблюдениям Макфарлейна, непримиримость сторон усугублялась тем обстоятельством, что обе были до фанатизма привержены каждая своей религии, и в то время, как черкесы не упускали случая оскорбительно высказаться о вере своих соседей и пригрозить осквернить их недавно возведенный храм, греки искренне полагали, что последний дал трещину и осадку из-за разгневанности его небесного покровителя – архангела Михаила – присутствием в селе «задиристых иноверцев», уже успевших построить собственную небольшую деревянную мечеть [MacFarlane 1850: 410-411, 413]. На самого же путешественника и его спутников встреченные ими черкесы бросали «недружелюбные взгляды», а их дети награждали их кличками «гяур» и «москоф» (московит) [MacFarlane 1850: 415].

По сведениям британца, в селе насчитывалось 30 греческих и столько же черкесских семейств, причем часть последних проживала в захваченных домах коренных жителей, но большинство – в построенных ими самими маленьких глинобитных мазанках, «ничем не уступавших лачугам греков». В отличие от местного населения, колонисты не пренебрегали заготовкой на зиму сена и одевались «гораздо лучше и изящнее, чем османцы». Вместе с тем иммигранты уже успели приобрести на новой родине дурную славу не только искусных ското- и конокрадов, но и неисправимых торговцев «живым товаром», не брезгующих продажей состоятельным туркам собственных детей и похищением в тех же целях детей местных христиан [MacFarlane 1850: 414-416]. Впрочем, на деле скорее могла иметь место контролируемая традиционной феодальной верхушкой торговля членами зависимых сословий, стимулировавшаяся высоким рыночным спросом и несомненными материальными проблемами всех слоев переселенцев, не исключая и знать[1]. Вероятно, именно с тяготами и лишениями первых лет иммиграции было связано и двукратное сокращение с 1845 по 1847

[1] Как известно, в упомянутой общине князя Каплан-Гирея большая часть домашней прислуги и крестьян была распродана хозяевами вскоре после иммиграции [Касумов, Касумов 1992: 86].

г. (при условии корректности вышеприведенных цифр) количества семейств в улуабадской общине. Показательно, что на нее также было распространено упомянутое постановление 1852 г. о непрощении просроченных мухаджирских долгов по налогам [BOA. A.MKT.MVL 50/99].

В конце 1852 г. в Улуабад прибыли еще 5 черкесских семейств в количестве 47 душ. Эти лица, иммигрировавшие предположительно в октябре, первоначально разместились в издавна пользовавшемся популярностью среди северокавказцев стамбульском квартале Топхане в домах, снятых на выданные им властями пособия в размере 5 кесе[1] на человека. В направленном на имя султана одним из лидеров группы Ахмед-беем прошении констатировалось, что они «покинули свою страну Кабарду… из-за ее захвата Российским государством», и выражалась просьба оказать им, «как это принято в отношении дагестанских и черкесских мухаджиров», милость в виде предоставления постоянного жилья и назначения денежных жалований[2] [BOA. İ.MVL 251/9218]. Такая формулировка связанных с дальнейшей жизнью на новой родине ожиданий, похоже, несколько озадачила османское руководство, усмотревшее в ней стремление иммигрантов к иждивенческому и к тому же городскому (предпочтительно столичному), но не сельскому образу поселения. В представленной султану Высшим советом по правовым решениям докладной записке отмечалось, что, хотя государству не составит труда «обеспечить едой и питьем» подателей заявления, это может послужить основанием для требований «других таких же, которые, думается, отныне будут прибывать партиями». Поэтому вместо рассмотрения вопросов размещения и обустройства каждой общины, семьи или индивида в отдельности было предложено ввести в действие «постоянный порядок» колонизации аграрных иммигрантов, предусматривающий их наделение «достаточным» количеством свободной казенной земли, выделение им из провинциальных средств займов на обзаведение домами и сельскохозяйственными орудиями и их освобождение от всех налогов на срок от 4 до 5 лет, чем должны были быть решены две важные государственные задачи – интеграция переселенцев в местный класс крестьян-производителей и хозяйственное освоение пустующих земель в Анатолии [BOA. İ.MVL 251/9218; BOA. A.MKT.MVL 57/78].

Вслед за утверждением султанским рескриптом этих предложений указанные семейства были переправлены на лодках из Стамбула в санджак Бурса, где предпочли поселиться рядом со своими соотечественниками в Улуабаде. Примечательно, что поданное перед поселением главой одного из семейств по имени Хаджи Ислам-эфенди прошение о назначении ему временного жалованья и разрешении на проживание в городе Бурса также было отклонено Портой, подтвердившей обязательность занятия всех членов группы «землепашеством или торговлей» [BOA. İ.MVL 299/12169]. Такое в целом нетипичное для османских властей игнорирование просьбы иммигранта духовного звания, каковым, по-видимому, являлось названное лицо, явно свидетельствовало о твердом стрем-

[1] Кесе (кисе) – «кошелек», денежная сумма в 500 курушей.

[2] В прошении речь идет не о 5, а о 10 семействах, однако их подушная численность также указана в 47 человек. Это разночтение может объясняться разными интерпретациями термина *хане* как малой (нуклеарной) или расширенной семьи.

лении к претворению в жизнь означенных целей официальной колонизационной политики. Вместе с тем ввиду обнаружившегося исчерпания в окрестностях села свободных государственных и вакфных земель вновь прибывшие семьи были по решению властей размещены на находящихся в собственности их предшественников, но не обрабатываемых ими участках на условиях их испольной аренды. При этом 3 семействам из 5 не удалось по причине их бедности найти среди своих соплеменников поручителей для получения займа. На запрос провинциальной администрации в Стамбул о возможности выделения им денег без соблюдения этого требования Порта ответила отказом («во избежание составления примера для будущих мухаджиров»), но рекомендовала в качестве выхода из положения поощрить местных жителей к поручительству за своих малоимущих новых соподданных, после чего всем иммигрантским семьям было выплачено по 3 тыс. курушей подъемных [BOA. İ.MVL 299/12169].

В изученных источниках не выявлено сведений о создании черкесскими иммигрантами других сколько-нибудь значимых колоний на османской территории в рассматриваемый период, хотя в документах конца 1840-х – начала 1850-х гг. и встречаются единичные упоминания о прибытии в империю и поселении в различных регионах малых коллективов и отдельных семей и лиц[1].

В период Крымской войны османскому командованию удалось привлечь в состав т.н. Батумской армии для восполнения дефицита кавалерии несколько сотен иррегуляров из Абхазии и Черкесии, участвовавших главным образом в операциях в Западном Закавказье [Allen, Muratoff 1953: 95-96; BOA. A.AMD 51/81; BOA. A.MKT.MHM 60/36], однако данных об уходе кого-либо из них вместе с турецкими войсками в Анатолию нет. Достоверно известно лишь об иммиграции в конце 1853 г. через Эрзурум 4 или 5 представителей черкесской знати[2] с намерением «сражаться вместе с османскими войсками». Все они сразу по прибытии вступили в подданство Порты, а их семьям на время их пребывания в Эрзуруме султанским указом были назначены ежемесячное жалованье в размере 425 курушей и поденное пособие в 12 окк[3] хлеба [BOA. İ.DH 282/17705, 283/17755; BOA. İ.MVL 306/12615; BOA. A.MKT.NZD 109/35]. В послевоенные годы отмечен ряд обращений к властям лиц, обозначающих себя как «черкесские мухаджиры», с просьбами о предоставлении им пенсий или материальной помощи за проявленное в ходе боевых действий отличие, но не вполне ясно, переселились ли они в Османскую империю в период войны или до нее [BOA. A.AMD 87/79, 88/15; BOA. A.MKT.MHM 215/45; BOA.

[1] Из известных фактов подобного рода могут быть названы поселение прибывшего из Черкесии в Самсун Хаджи Исмаил-эфенди с семейством и спутниками в ранее созданной черкесской колонии в чифтлике Чифтелер с предоставлением им материальной помощи в 1847 г. [BOA. İ.MVL 101/2186; BOA. A.MKT 4/112, 112/31], направление находящегося в Стамбуле некоего Бекташа «из анапских мухаджиров» на поселение в санджак Бурса в 1848 г. [BOA. A.MKT 156/29], поселение Уста-шейха «из черкесских мухаджиров» вместе с семейством в городе Бурса с назначением ему жалованья в 1848 г. [BOA. A.MKT.DV 8/11], возможное направление прибывших в Стамбул 11 черкесских семейств на поселение в санджак Измит в 1852 г. [BOA. A.MKT.NZD 315/77], оказание материальной помощи поселившемуся в Египте представителю черкесского духовенства Муса-эфенди в 1852 г. [BOA. A.MKT.DV 65/25], назначение жалований поселенным в казе Зиле санджака Токат Абубекир-эфенди и Зекерийя-эфенди «из кабардинских алимов» в 1853 г. [BOA. A.MKT.NZD 88/96] и др.

[2] В документах названы Султан-бей, Хаджи Бекир-бей, Хаджи Али-бей и Хаджи Омер-бей.

[3] Окка – мера веса, равная 1,283 кг.

A.MKT.NZD 202/91, 235/2, 284/101, 287/48; BOA. A.MKT.UM 261/22]. Уже по окончании войны, в конце 1856 г., иммигрировал некий майор русской службы Хасан-бей, зачисленный в османскую армию с сохранением ему того же звания [BOA. A.MKT.NZD 211/57]. В дальнейшем, вплоть до конца 1850-х гг., известные нам официальные документы не фиксируют фактов прибытия в страну выходцев с Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что уже на достаточно раннем этапе Кавказской войны, в начале-середине 1820-х гг., наметился и в дальнейшем усиливался поток миграции в Анатолию жителей Черкесии – представителей феодально-патриархальных и военно-политических элит, аграрных общин, духовенства и др. Независимо от обстоятельств переселения, мотивов и устремлений конкретных коллективов и индивидов очевидно, что владения султана-халифа рассматривались ими как более безопасное место для проживания и отчасти сохранения привычного социально-экономического и культурного уклада по сравнению с подвергавшимся все большему давлению российской военно-государственной машины Кавказом. Будучи в значительной мере обусловлено историческими связями населения региона с османско-мусульманским миром (особенно усилившимися с конца XVIII в. на фоне российской экспансии), это раннее мухаджирство в то же время стало предвестником и подготовило определенную почву для исхода черкесских переселенцев и беженцев на османскую территорию после окончательного покорения Россией Северо-Западного Кавказа в 1860-х гг.

Ввиду далекого от благополучия финансового положения османского государства и отсутствия у него сколько-нибудь четкой программы и достаточного опыта переселенческой колонизации, прибывавшие в страну группы, несмотря на их немногочисленность, похоже, порой сталкивались с серьезными проблемами материального и гуманитарного свойства, хотя, вероятно, и не столь тяжелыми и продолжительными, как это имело место на последующих, массовых стадиях мухаджирства. При несомненном отсутствии у Порты в рассматриваемый период цели привлечения в страну иммигрантов с Кавказа очевидно, что по мере их притока происходила выработка некоторых общих принципов и методов их поселения в соответствии с демографическими, экономическими и политическими интересами империи. В частности, уже на данном этапе проявились такие присущие османской колонизационной политике второй половины XIX в. подходы, как дробление крупных общин, использование новых подданных для хозяйственного освоения пустующих земель и коррекции этноконфессионального баланса в отдельных местностях, поддержка аграрных иммигрантов посредством налоговых льгот и ограниченных выплат из провинциальных бюджетов и др.

На основе имеющихся сведений о численности прибывших партий и с учетом вероятного неотражения изученными источниками всех фактов иммиграции количество черкесских переселенцев указанного периода может быть очень приблизительно оценено в 3-4 тыс. чел. Несомненно, что какая-то их часть после переселения отделилась по различным причинам от своих общин и прошла индивидуальный путь интеграции и ассимиляции в османское общество, не

оставив о себе свидетельств в официальных документах. Большинство, однако, явно тяготело к общинному и до известной степени культурно-изолированному поселению, позволившему некоторым колониям (в Чифтелере, Улуабаде и др.), несмотря на их малочисленность и взаимную удаленность, сохранить свою этническую идентичность вплоть до эпохи массового мухаджирства, а с его началом – стать центрами притяжения для вновь иммигрирующих групп своих соотечественников [Köksal 2009; Sarıbal 2018].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Хатокшоко Магомет Аша: вступая на путь легенды // Вестник КБИГИ. – 2019. – № 4-1 (43). – С. 29-35. – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-29-35.

Дзидзария 1982 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми: Алашара, 1982. – 530 с.

Касумов, Касумов 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. – Нальчик: Логос, 1992. – 199 с.

Мирзоев, Чанак 2022a – *Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К.* Личность Магомет Аш Атажукина в контексте участия Хаджретской Кабарды в Кавказской войне // Кавказология. – 2022. – № 2. – С. 37-54. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-2-37-54. – EDN: BVRPLU.

Мирзоев, Чанак 2022b – *Мирзоев А.С., Чанак М.-Р.К.,* «Вольные кабардинцы» в контексте русско-турецких и османо-черкесских отношений первой половине XIX столетия на основе российских и османских источников // Кавказология. – 2022. – № 4. – С. 69-87. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-69-87. – EDN: EKRGKJ.

Томкеев 1898 – *Томкеев В.И.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. – 1898. – Т. 19. – С. 120-220.

Торнау 2008 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. – М.: АИРО-XXI, 2008. – 456 с.

Фелицын 1904 – *Фелицын Е.Д.* Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. – 1904. – Т. 10. – С. 1-167.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Чочиев 2015 – *Чочиев Г.В.* Некоторые проблемы адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи во 2-й половине XIX в. (по обращениям иммигрантов к властям) // Вестник КБИГИ. – 2015. – № 3 (26). – С. 27-34.

Шамиль… 1953 – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов (сборник документальных материалов) / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Груз. ССР, 1953. – X+562 с.

Шеремет 1975 – *Шеремет В.И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

Ahmed Lütfî 1999 – *Ahmed Lütfî Efendi.* Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi. – Cilt 6-7-8. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 1999. – 1335 s.

Allen, Muratoff 1953 – *Allen W.E.B., Muratoff P.* Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828-1921). – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – XXII+614 p.

BOA – Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı Osmanlı Arşivi.

Çelik 1999 – *Çelik G.* Osmanlı Devleti'nin Nüfus ve İskân Politikası // Divan. – 1999. – № 1. – S. 49-110.

Erler 2009 – *Erler M.Y.* Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Livaı Canik (1837) // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2009. – Cilt 2. – № 8. – S. 169-190.

Genç 2020 – *Genç S.* 19. Yüzyılda Veray Kazasının Nüfusu ve Ekonomik Yapısı // 19 Mayıs Sosyal Bilimler Dergisi. – 2020. – Cilt 1. – № 2. – S. 79-104.

Göyünç 1979 – *Göyünç N.* "Hâne" Deyimi Hakkında // Tarih Dergisi. – 1979. – № 32. – S. 331-348.

Güneş 2014 – *Güneş M.* Kafkasya Muhacirlerinin Karahisar-ı Sahib'de İskânı ve Karşılaşılan Sorunlar (1861-1895) // Tarih Okulu Dergisi. – 2014. – № 18. – S. 421-452. – DOI: http://dx.doi.org/10.14225/Joh536.

İpek et al. 2016 – *İpek N., Karagöz R., Uslucan C.* Canik Sancağı Samsun Kazasının Nüfus Yapısı (1834-1845). – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2016. – VI+509 s.

Karagöz 2017 – *Karagöz R.* Nüfus Defterlerine Göre Samsun Kazasında Misafir ve Göçmen Nüfus (1834-1845) // Geçmişten Günümüze Göç / Editör O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Cilt 3. – S. 1515-1524.

Korkmaz 1995 – *Korkmaz Ş.* H.1255-1264 (M.1839-1847) Tarihli Çorum Şeriyye Sicili (Transkripsiyon ve Değerlendirme). – Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. – Ankara: Gazi Üniversitesi, 1995. – VIII+669 s.

Köksal 2009 – *Köksal O.* Osmanlı Dönüşüm Sürecinde Bir Devlet Teşebbüsü Olarak Çifteler Hâra-yı Hümayunu ve Türk Atçılığına Katkıları // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2009. – Cilt 10. – № 2. – S. 333-363.

MacFarlane 1850 – *MacFarlane C.* Turkey and Its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of that Country. – L.: John Murray, 1850. – Vol. 1. – XII+543 p.

Orhonlu 1987 – *Orhonlu C.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Aşiretlerin İskânı. – İstanbul: Eren Yayıncılık, 1987. – XX+152 s.

Redhouse 1856 – *Redhouse J.W.* An English and Turkish Dictionary, in Two Parts, English and Turkish, and Turkish and English. – L.: Bernard Quaritch, 1856. – XXVI+1149 p.

Sarıbal 2018 – *Sarıbal İ.* Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845-1908). – İstanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 s.

Saydam 1997 – *Saydam A.* Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 s.

Serbestoğlu, Yıldırım 2017 – *Serbestoğlu İ., Yıldırım R.* Amasya Temettuat Defterlerinde Göçmen Haneler // Geçmişten Günümüze Göç / Editör O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Cilt 3. – S. 1497-1505.

Tchihatcheff 1859 – *Tchihatcheff P.* Lettres sur la Turquie. – Bruxelles: Auguste Schnée, 1859. – 84 p.

Tosun 2014 – *Tosun M.D.* Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı: Bulunduğu Görevler, Yaptığı Çalışmalar ve Aile Efradı. – İstanbul, 2014. – 225 s.

Wagner 1852 – *Wagner M.* Reise nach Persien und dem Lande der Kurden. – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Band 1. – VIII+360 s.

REFERENCES

AHMED LÜTFÎ EFENDİ. *Vakanüvis Ahmed Lütfî Efendi Tarihi.* – Vol. 6-7-8. – Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 1999. – 1335 p.

ALLEN W.E.B., MURATOFF P. *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828-1921).* – Cambridge: Cambridge University Press, 1953. – XXII+614 p.

ALOEV T.KH. *Khatokshoko Magomet Asha: vstupaya na put' legendy* [Hatokshoko Mohammed Asha: Embarking on a Legend]. IN: *KBIHR Bulletin.* – 2019. – № 4-1(43). – P. 29-35. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Nekotorye problemy adaptatsii cherkesskikh immigrantov v Osmanskoi imperii vo 2-i polovine XIX v. (po obrashcheniyam immigrantov k vlastyam)* [Some Problems of Adaptation of the Circassian Immigrants in the Ottoman Empire in the 2nd Half of the 19th Century (on the Immigrants' Applications to Authorities)]. – IN: *KBIHR Bulletin.* – 2015. – № 3(26). – P. 27-34. (In Russ.).

ÇELİK G. Osmanlı Devleti'nin Nüfus ve İskân Politikası. – IN: *Divan.* – 1999. – № 1. – P. 49-110.

DZİDZARİYA G.A. *Makhadzhirstvo i problemy istorii Abkhazii XIX stoletiya* [Muhajirism and Problems of the Abkhazia History in the 19th Century]. – Sukhumi: Alashara, 1982. – 530 p. (In Russ.).

ERLER M.Y. Osmanlı Nüfus Kayıtlarına Dair Alternatif Bir Kaynak: Defter-i Liva-ı Canik (1837). – IN: *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi.* – 2009. – Vol. 2. – № 8. – P. 169-190.

FELITSYN E.D. *Knyaz' Sefer-bei Zan. Politicheskii deyatel' i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda* [Prince Sefer Bey Zan. Politician and Champion of the Independence of the Circassian People]. – IN: *Kubanskii sbornik.* – 1904. – Vol. 10. – P. 1-167. (In Russ.).

GENÇ S. 19. Yüzyılda Veray Kazasının Nüfusu ve Ekonomik Yapısı. – IN: *19 Mayıs Sosyal Bilimler Dergisi.* – 2020. – Vol. 1. – № 2. – P. 79-104.

GÖYÜNÇ N. "Hâne" Deyimi Hakkında. – IN: *Tarih Dergisi.* – 1979. – № 32. – P. 331-348.

GÜNEŞ M. Kafkasya Muhacirlerinin Karahisar-ı Sahib'de İskânı ve Karşılaşılan Sorunlar (1861-1895). – IN: *Tarih Okulu Dergisi.* – 2014. – № 18. – P. 421-452.

İPEK N., KARAGÖZ R., USLUCAN C. *Canik Sancağı Samsun Kazasının Nüfus Yapısı (1834-1845).* – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2016. – VI+509 p.

KARAGÖZ R. Nüfus Defterlerine Göre Samsun Kazasında Misafir ve Göçmen Nüfus (1834-1845). – IN: *Geçmişten Günümüze Göç* / Ed. by O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Vol. 3. – P. 1515-1524.

KASUMOV A.KH., KASUMOV KH.A. *Genotsid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke* [Genocide of Adygs. From the History of the Struggle of the Adygs for Independence in the 19th Century]. – Nalchik: Logos, 1992. – 199 p. (In Russ.).

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nalchik: El'brus, 1978. – 333 p. (In Russ.).

KORKMAZ Ş. *H.1255-1264 (M.1839-1847) Tarihli Çorum Şeriyye Sicili (Transkripsiyon ve Değerlendirme).* – Unpublished MA Thesis. – Ankara: Gazi University, 1995. – VIII+669 p.

KÖKSAL O. Osmanlı Dönüşüm Sürecinde Bir Devlet Teşebbüsü Olarak Çifteler Hâra-yı Hümayunu ve Türk Atçılığına Katkıları. – IN: *Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi.* – 2009. – Vol. 10. – № 2. – P. 333-363.

MACFARLANE C. *Turkey and its Destiny: The Result of Journeys Made in 1847 and 1848 to Examine into the State of that Country.* – London: John Murray, 1850. – Vol. 1. – XII+543 p.

MIRZOEV A.S., CHANAK M.-R.K. *Lichnost' Magomet Ash Atazhukina v kontekste uchastiya Khadzhretskoi Kabardy v Kavkazskoi voine* [The Personality of Mahomet Ash Atazhukin in the Context of Participation of the Hajreti Kabarda in the Caucasus War]. – IN: *Caucasology.* – 2022. – № 2. – P. 37-54. (In Russ.).

MIRZOEV A.S., CHANAK M.-R.K. *«Vol'nye kabardintsy» v kontekste russko-turetskikh i osmano-cherkesskikh otnoshenii pervoi polovine XIX stoletiya na osnove rossiiskikh i osmanskikh istochnikov* ["Free Kabardians" in the Context of Russian-Turkish and Ottoman-Circassian Relations in the First Half of the 19th Century Based on Russian and Ottoman Sources]. – IN: *Caucasology.* – 2022. – № 4. – P. 69-87. (In Russ.).

ORHONLU C. *Osmanlı İmparatorluğu'nda Aşiretlerin İskânı.* – Istanbul: Eren Yayıncılık, 1987. – XX+152 p.

Ottoman Archives of the Directorate of State Archives of the Presidency of the Republic of Turkey.

REDHOUSE J.W. *An English and Turkish Dictionary, in Two Parts, English and Turkish, and Turkish and English.* – London: Bernard Quaritch, 1856. – XXVI+1149 p.

SARIBAL İ. *Osmanlı Devleti'nde Muhaceret, İskân ve Entegrasyon: Bursa Sancağı Örneği (1845-1908).* – Istanbul: İdeal Kültür Yayıncılık, 2018. – 186 p.

SAYDAM A. *Kırım ve Kafkasya Göçleri (1856-1876).* – Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1997. – 235 p.

SERBESTOĞLU İ., YILDIRIM R. Amasya Temettuat Defterlerinde Göçmen Haneler. – IN: *Geçmişten Günümüze Göç* / Ed. by O. Köse. – Samsun: Canik Belediyesi Kültür Yayınları, 2017. – Vol. 3. – P. 1497-1505.

Shamil' – stavlennik sultanskoi Turtsii i angliiskikh kolonizatorov (sbornik dokumental'nykh materialov) [Shamil – a Protege of Sultan's Turkey and the English Colonialists (Collection of

Documentary Materials)] / Ed. by Sh.V. Tsagareishvili. – Tbilisi: Gosizdat Gruzinskoi SSR, 1953. – X+562 p. (In Russ.).

SHEREMET V.I. *Turtsiya i Adrianopol'skii mir 1829 g. Iz istorii Vostochnogo voprosa* [Turkey and the Peace of Adrianople of 1829. From the History of the Eastern Question]. – Moscow: Nauka, 1975. – 230 p. (In Russ.).

TCHIHATCHEFF P. *Lettres sur la Turquie.* – Brussels: Auguste Schnée, 1859. – 84 p.

TOMKEEV V.I. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya* [Caucasian Line under the Control of General Emmanuel]. – IN: *Kavkazskii sbornik.* – 1898. – Vol. 19. – P. 120-220. (In Russ.).

TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo ofitsera* [Memoirs of a Caucasian Officer]. Moscow: AIRO-XXI, 2008. – 456 p. (In Russ.).

TOSUN M.D. *Çeçenzade Hacı Hasan Paşa'nın Hayatı: Bulunduğu Görevler, Yaptığı Çalışmalar ve Aile Efradı.* – Istanbul, 2014. – 225 p.

WAGNER M. *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden.* – Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1852. – Vol. 1. – VIII+360 p.

Информация об авторе

Г.В. Чочиев – кандидат исторических наук.

Information about the author

G.V. Chochiev – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-33-50
EDN: ADBRMF

АКЦИЗНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКАВКАЗСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Алмаз Мусаевна Исмаилова
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, almaz.ismailova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3562-3032

Аннотация. Статья посвящена исследованию акцизной политики России в Закавказском крае, степени ее воздействия на экономическое развитие исследуемого региона. Цель исследования – рассмотреть вопрос о величине акцизных доходов, вносимых в российскую казну от различных отраслей промышленности Закавказского края и определить степень ее воздействия на экономическое развитие исследуемого региона. На основе изучения, обобщения и обзора архивных материалов и дореволюционных источников предпринята попытка выявить особенности акцизной политики царского правительства во второй половине XIX – начале XX в. в исследуемом регионе. Раскрываются, анализируются и обобщаются задачи, связанные с введением акциза в нефтяной, табачной, питейной и других отраслях промышленности. Делается вывод, что акцизная политика имела большое значение не только для пополнения российской казны, она также оказала существенное влияние на развитие различных отраслей промышленности исследуемого региона.

Ключевые слова. Российская империя; Закавказский край; акциз; откупная система; акцизная политика; экономическая политика самодержавия; нефтепродукты; акцизное обложение; питейные сборы; фотогенное производство; акциз на табак; губернское акцизное управление; табак; торговля; монополия; откуп; акциз; бандероль; патент; налог; надзор.

Для цитирования: Исмаилова А.М. Акцизная политика царского правительства в Закавказском крае во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 33-50. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-33-50. EDN: ADBRMF.

© Исмаилова А.М., 2023

Original article

EXCISE POLICY OF THE TSARIST GOVERNMENT IN THE TRANSCAUCASIAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Almaz M. Ismailova
Dagestan State University, Makhachkala, Russia, almaz.ismailova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3562-3032

Abstract. The article is devoted to the study of the excise policy of Russia in the Transcaucasian region, the degree of its impact on the economic development of the region under study. The

purpose of the study is to consider the amount of excise revenues contributed to the Russian treasury from various industries of the Transcaucasian Region and to determine the degree of its impact on the economic development of the region under study. Based on the study, generalization and review of archival materials and pre–revolutionary sources, an attempt is made to identify the features of the excise policy of the tsarist government in the second half of the XIX – early XX century in the studied region. The tasks related to introducing excise duty in the oil, tobacco, drinking and other industries are disclosed, analyzed and summarized. It is concluded that the excise policy was of great importance not only for replenishing the Russian treasury, it also had a significant impact on the development of various industries in the region under study.

Keywords. The Russian Empire; Transcaucasian Territory; excise tax; tax system; excise policy; economic policy of autocracy; petroleum products; excise taxation; drinking dues; photogenic production, tobacco excise, provincial excise administration, tobacco, trade, monopoly, tax, excise, parcel, patent, tax, supervision.

For citation: Ismailova A.M. Excise policy of the tsarist government in the Transcaucasian region in the second half of the XIX – early XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 33-50. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-33-50. EDN: ADBRMF.

© Ismailova A.M., 2023

Введение

Закавказский край – геополитический регион, расположенный на границе Восточной Европы и юго-западной Азии, лежащий к югу от Каспия. В него входили Бакинская, Елизаветпольская, Тифлисская, Эриванская, Кутаисская губернии, Батумская и Карская области и Закатальский округ.

Население Закавказского края по данным переписи 1897 г. составляло 4 593 960 человек [РГИА РФ. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 92. Л. 40]. Кавказ отличали полиэтничность и большая языковая дробность населения – в его пределах проживало более 50 этносов [Исмаил-заде 2008: 55].

В Закавказском крае внедрялись те же законы, которые были распространены на всей территории Российской империи. Современные исследователи отмечают, что поначалу Закавказский край воспринимался российскими властями как колония наряду с Туркестаном, где при подготовке правительственных мероприятий рассматривался колониальный опыт Британии и Франции [Правилова 2006: 13]. Существование колониального статуса изучаемого региона поддерживали в своих суждениях и исследователи советской эпохи [Мильман 1961; Петрушевский 1936].

Однако стратегический «вес» региона явно перетягивал экономический [Демешек 2003: 159], поскольку для России он являлся, в первую очередь, «как пункт, связующий торговлю её с Турцией и Персией», а во-вторых, «был полезным для России в военном отношении» [Обозрение российских владений за Кавказом 1836: 89].

Несмотря на возражения царских чиновников против представления Закавказского края как о составной части России и видя в нем колонию, интеграция в имперское пространство рассматриваемого региона стало главной задачей для Российской империи.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. в империи оказали влияние на южные регионы Российской империи, в том числе и на Закавказский край. После проведения либеральных реформ существенные изменения произошли здесь в области торговли, в частности, во внутренней и внешней торговле. Это произошло в связи с проникновением русского капитала в исследуемый регион [Пашаев 2014: 43].

С момента присоединения Закавказского края к России финансовая составляющая края состояла из податной системы, отличающейся наличием множества недостатков, главным из которых было «разнообразие между областями и в границах отдельных уездов». Правилова отмечает, что фактически значительная часть поступала со всего Закавказского края. Однако Имеретия пока не давала доходы от подымных сборов [Правилова 2006: 251]. Однако, как отмечалось в отчетах российских чиновников, подымная система не только не приносила казне большого дохода, но и была обременительной для населения края. Попытки улучшить финансовую систему в Закавказском крае предпринимались неоднократно в виде различных проектов [Зульхарнеев 2008: 76].

В Российской империи акцизы были одним существенных направлений экономической политики. Прежде чем раскрыть данную тему, следует раскрыть понятие акциз. Известный ученый Иван Янжул считал, что определение акциза как производного от латинского *accido* – обрезаю, означающего «налагать», а в английском excise «отсекать». В энциклопедии дается следующее разъяснение слова акциз. Акциз – косвенный налог, который взимается с предметов внутреннего производства [Янжул 1904: 397].

Акцизом облагались в основном те отрасли промышленности, которые приносили высокий доход. Несмотря на то, что акциз был косвенным налогом, он приносил царской казне значительные доходы, пополняя ее до 2/3 от цены товара. Было принято решение ввести акцизную политику в Закавказском крае. Однако, не все акцизы могли служить для пополнения казны.

Для обложения производителей и торгующих заведений предусматривались патентные сборы акцизного ведомства [Юсупов и др. 2019]. Особенностью акцизной политики в Российской империи было то, что акцизы применялись только на предметы внутреннего производства, выделываемые и продаваемые частными лицами [Голик 2014: 62]. Акцизный сбор включался в цену товара или тариф на услуги и, таким образом, фактически оплачивался потребителем.

Некоторые исследователи считают, что акциз не играл какой-либо значительной роли в экономике государства, однако это не так. Ниже мы рассмотрим виды товаров, на которые был наложен акциз.

Акцизы с нефтепродуктов

История самой доходной промышленности в России – нефтяной – свидетельствует о развитии российского капитализма не только «вширь», но и «вглубь». Нефтяные источники, находящиеся в районе Апшеронского полуострова, пользовались мировой известностью [Клупт 1929: 28]. Из нефти вырабатывались три вида фабрикатов: осветительные материалы (бензин); смазочные материалы (астралин); мазутные нефтяные остатки (керосин).

Нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность была развита в основном в Бакинской губернии. В 1867 г. в Тифлисе была создана комиссия, которая пришла к выводу о необходимости ликвидации откупной системы (Откупная система – порядок взыскания государственных повинностей или эксплуатации государственной монополии путем сдачи права на них частным лицам за определенную плату.).

Одним из важных явлений в развитии нефтяной промышленности было то, что были приняты «Правила о нефтяном промысле и акцизе с фотогенного производства» в 1872 г. (Фотоген – разновидность керосина, минерального масла, получаемого при сухой перегонке бурого угля, торфа, богета и проч.).

Первыми в России способ промышленной перегонки нефти применили братья Дубинины. Первые нефтеперегонные заводы называли фотогенными, что ознаменовало конец откупной системы в российской нефтяной промышленности. [Пажитнов 1940: 75; Исмаилова 2011: 66].

Поступление доходов от акциза фотогенного производства за 1873 г. в бакинское казначейство по Закавказскому Акцизному управлению в течение января 1873 г. составило 194279 руб. 57 коп. [ЦГИАГ. Ф. 7 Оп. 6. Д. 492. Л. 20]. Увеличение акцизного обложения керосина привело к тому, что предприниматели повысили цены на этот продукт [Мамедова 2010: 139].

В год снятия акциза с фотогена в 1877 г. было добыто 15 млн пудов сырой нефти. В 1877 г. было вывезено до 4 млн пудов фотогена, в 1882 г. – 52 979 954 пудов.

21 декабря 1887 г. акцизные налоги, отмененные в 1877 г., были восстановлены для увеличения поступления денег в казну. 80-е гг. XIX в. нефтяная промышленность развивалась ускоренными темпами. Акцизом были обложены керосин и другие нефтепродукты. По акцизным «Правилам» 1888 г., продукты, полученные в результате переработки нефти, облагались налогом: керосин – 40 коп. за пуд, легкие масла – 60 коп. за пуд, тяжелые – 50 коп. за пуд. Введение новых акцизных правил принесло казне в первый год более 8 млн руб., через 10 лет прибыль составила 20 млн руб. [Мамедов 1992: 18].

К 1888 г. в промышленных городах страны уже действовало 15 крупных нефтеперерабатывающих заводов, сырьем для которых была бакинская нефть. В этом году они произвели 5,35 млн пуд. керосина и смазочных масел высокого качества. Кроме того, во внутренних губерниях России имелось еще 40 мелких нефтеперерабатывающих предприятий, изготавливающих различные смеси и мази из бакинской нефти [Першке1913: 35].

После так называемого «безакцизного десятилетия» (1877–1888 гг.) с 15 января 1888 г. были введены в действие новые «Правила об обложении акцизом осветительных нефтяных продуктов», просуществовавшие с некоторыми изменениями вплоть до 1917 г. Они регламентировали обложение акцизом широкого спектра нефтепродуктов, а не только керосина как ранее. Акциза с керосина в 1889–1892 гг. было начислено 1 025 197 руб. 82 коп. [Обзор Бакинской губернии 1892: 34]. По акцизным «Правилам» 1888 г., продукты, полученные в результате переработки нефти, облагались налогом: керосин – 40 коп. за пуд, легкие масла – 60 коп. за пуд, тяжелые – 50 коп. за пуд.

С введением акцизного налога поступления в казну от производства керосина значительно выросли. В 1877 г. по Каспийскому морю и Бакинско-Тифлисской железной дороге было вывезено 4 594 766 пудов керосина, в 1885 г. – 27 422 694 пуда, в 1886 г. – 32 453 494 пуда [Мехтиев 2000: 109]. Ведение акцизного налога обеспечило большие поступления в казну от производства керосина. Благодаря акцизу с нефтепродуктов по всей Российской империи в казну поступило: в 1888 г. – 6,6 млн руб., 1889 г. – 9,2 млн руб., 1890 г. – 10,5 млн, руб., 1891 г. 10,1 млн руб. [Правилова 2006: 267] Основная сумма приходилась, конечно на Закавказский край, в частности, на Бакинскую губернию. С Бакинского нефтепромышленного района в результате акцизного налога в казну поступило: 1888 г. – 3,6 млн руб., 1889 г. – 3,4 млн руб., 1890 г. – 4,1 млн руб., 1891 г. – 4,3 млн руб. [Умаев 2002: 123].

Рост потребления керосина и повышение с 1892 г. размера налога обеспечили еще большие поступления в имперскую казну. Развивающаяся нефтедобыча была способна в будущем действительно превратить Закавказский край в один из наиболее «доходных» регионов империи. Царское правительство постоянно искало резервы для пополнения казны. Поэтому свое взоры они обратили на нефтяную промышленность, откуда можно было получить высокие доходы за счет увеличения акцизного налога.

Так, например, было принято решение поднять цену до 50 коп. с пуда тяжелого керосина и 60 коп с легкого керосина. Конечно же все это не прошло бесследно, и казна смогла пополниться за счет именно с данного акцизного налога на 35 млн. руб. Также российские экономисты принимают решение классифицировать осветительные масла.

22 мая 1896 г. Департаменту таможенных сборов было разрешен вывоз нефтяных масел со сложением акциза, на общем основании, из Бакинского района Каспийским морем в Персию и в русские порты [ГААО. Ф. 681 Оп. 1. Д. 652. Л. 21]. Кроме того, в 1900 г. со станции «Баку-Товарная» было отправлено 484 вагона с топливом. Всего для нужд Закавказских железных дорог было вывезено 16 725 вагонов-цистерн топлива, то есть на 2 460 вагонов больше, чем в 1899 г. (14 277 вагонов-цистерн). Производство керосина в Бакинском районе с 1873 по 1900 г. увеличилось с 832 000 пуд. до 1 341 000 пуд. [Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1900… 1901: 256].

Поступление нефтяного дохода в 1900 г. уменьшилось, вывоз керосина на имперские рынки с рассрочкою акциза производился в течение летних месяцев, так как к концу года еще не наступил 9-месячный срок уплаты акциза, рассрочкою под залоги [Отчет заведующего акцизными сборами Закавказского края1902: 142].

Таблица 1. Акцизные доходы за 5-летие поступления нефтяного дохода по губерниям было таково (в рублях) [Отчет заведующего акцизными сборами Закавказского края 1902: 121].

Губернии	1896	1897	1898	1899	1900
Тифлисская	1 080	1 020	-	2580	3 280

Кутаисская	2 519 096	3 750 531	3 615 948	3283862	2 043 936
Бакинская	8 870 282	11 076 236	10 825 319	13 432 905	13 430 920
Всего	11 390 458	14 827 787	14 441 267	16 719 347	15 478 136

Таким образом, из общей суммы нефтяного дохода в местные кассы поступило 7 332 руб. 650 коп., а в имперские за счет Управления – 8 145 руб. 485 коп.

Акцизные доходы в 1911 г. с нефтяных продуктов достигли – 29 903 451 руб. по отсрочке акциза – 47 814 руб.

В 1913 г. облагаемых акцизом продуктов (в пудах) было зафиксировано: бензина – 35 пуд., керосина – 4 795 пуд., соляровых масел – 503 пуд., веретенного масла – 12 пуд., машинного – 2 944 пуд., цилиндрового – 283 пуд., смазочного мазута – 93 пуд., светлой колесной мази – 293 пуд., парафина – 593 пуд. В 1913 г. Закавказские железные дороги израсходовали в качестве топлива, принятого из Бакинского нефтепромышленного района, 6 693 829 пуд. сырой нефти и 6 582 482 пуда нефтяных остатков, всего 13 276 311 пуд. [Обзор отраслей промышленности… 1914: 121].

Очевидно, что сбор акцизов с нефтяной промышленности позволил пополнить казну огромными средствами. С 1873 г. по 1900 г. со всей России в результате акцизного налога с нефтепродуктов в казну поступило 236,7 млн руб.; за 1892–1900 гг. – 186 млн руб., с Бакинского нефтепромышленного района за 1873–1900гг. – 98,2 млн руб., за 1892–1900гг. – 81,1 млн руб. [Бабаев 2005: 23].

Благодаря развитию нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности город Баку вышел на первое место на Южном Кавказе. Благодаря бакинской нефти Россия вышла на лидирующие позиции по данной отрасли промышленности [Исмаилов 1997: 252].

В государственную казну в среднем ежегодно поступало более 100 млн руб. [Азизов 1997: 22].

Питейные сборы

Следующей категорией акцизного налогообложения были питейные сборы. Несмотря на важность борьбы с пьянством, питейные сборы приносили казне солидный доход на протяжении всей российской истории.

В 1861 г. было принято решение ввести «Положение о питейном сборе». Российские экономисты понимали, что именно спиртные напитки могут послужить очень значительной статье дохода в казну. С этой целью 1 января 1863 г. был введен акцизный налог на алкогольные напитки. Косвенный налог был наложен на спиртоводочные заводы [Родионов 2011: 114].

При этом Положение оговаривало, что патентный сбор вносится хозяевами торгующих заведений, а акциз – как покупателями напитков, так и заводчиками [ПСЗ – II: 29].

1 марта 1871 г. был введен акциз с питейных сборов по 5 % с градуса. По патентному сбору, местности Закавказского края разделялись на 4 разряда: г. Тифлис; все губернские областные города; все уездные и портовые города; все остальные местности края. Акцизы взимались: с заводов, выделывающих напитки, по 1 коп. с ведра; с заводов, выделывающих водки виноградные и фруктовые, 5 % с ведра; с заводов, на коих выделываются садовладельцами водки виноградные и фруктовые, по 1 руб.; с пивоваренных заводов – 3 руб.; с медоваренных заводов – 5 руб.; с заводов водочных – от 15 до 80 руб.

Распоряжение Главного управления об открытии действий Закавказского Акцизного управления и о введении новой акцизной системы с «питей и табаку» вступало в силу с 1 июля 1873 г. [ЦГИАГ. Ф. 7. Оп. 6. Д. 994. Л. 42]. С этого времени любой спирт, выкуриваемый в Закавказском крае и привозимый из других губерний империи, подлежал обложению акцизом. Размер акциза сначала был определен в 4 коп., затем, постоянно увеличиваясь, он вырос к 1 января 1888 г. до девяти и одной четвертой копейки с каждого градуса алкоголя. Акциз с градуса спирта увеличился с 4 до 7 коп. Вино и спирт обеспечивались залоговыми квитанциями в размере определенного акциза по 7 коп. [РГИА РФ. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 92. Л. 43].

С уничтожением откупной системы в империи и по всему Закавказскому краю была введена однообразная питейно-акцизная система. По Закавказскому положению, расход с питей составлял акцизный сбор от 1 руб. до 1 руб. 20 коп. За право торговли напитками, привозимыми в край из внутренних губерний России, патентный сбор составлял от 6 руб. 25 коп до 80 руб.

Акцизные сборы за остатки питей на 1 июля 1873 г. составили 68 119 руб. 1 коп. Акциз с привозных губерний с внутренних губерний водочных изделий составил 323 руб. 30 коп., патентный сбор – 1 198 руб. 20 коп. Количество виноградно-фруктовых заводов с оплатой акцизов в период винокурения с 1 июня 1873 по 1 июля 1874 г. на Южном Кавказе составило: в Тифлисской губернии – 256, в Кутаисской губернии – 15, Бакинской губернии – 54, Эриванской губернии – 83, Елизаветпольской губернии – 94 завода. Всего 502 завода с производительностью около 20 877 ведер в год. Акцизные сборы за 1874 г. с винокуренных заводов составили 5 953 руб. 50 коп., доходы – 34 324 руб. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 175. Д. 52. Л. 12].

По Бакинской губернии в 1874 г. поступило акцизных сборов: с винокурения и патентного сбора – 449 641 руб. 52 коп. Взысканий и штрафов за нарушение питейного устава – 581 руб. 40 коп. 30 октября 1874 г. о правилах касательно выпуска в Закавказский край из губерний империи и обратно вина и спирта с рассрочкою акциза было сказано следующее: «Выпускать в Закавказский край из внутренних губерний и обратно вина и спирта через следующие пограничные учреждения Закавказского края: А) По Каспийскому морю, через карантинно-таможенную заставу Ленкоранскую контору Бакинской заставы, Дербентскую и Петровскую; Б) на Черном море через конторы Сухум-Кальскую и Потийскую… Вино и спирт обеспечивались залоговыми квитанциями в размере определенного для империи акциза по 7 копеек за градус безводного спирта в половинном размере суммы акциза, или в полной сумме, если оптовые склады

находятся в местностях, где имеются места постоянного жительства или Окружный Надзиратель, или один из его помощников».

Так, например, о поступившем в январе 1875 г. дополнительном акцизе за привезенный из Кавказского края спирт через Чирюртовский акцизный пост имеются следующие сведения: в январе – 72 руб. 29 коп., в феврале – 9 руб., в марте – 3 руб. 45 коп., в апреле – 5 руб. 40 коп., в мае – 38 руб. 1 коп. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 175. Д. 52. Л. 19].

На Южный Кавказ отправлялись и приборы для питейных сборов. 5 ноября 1877 г. в Закавказское акцизное управление были высланы 11 металлических спиртомеров. 14 марта 1878 г. для акцизных нарядов были получены: спиртомеры, стаканы на сумму 314 руб. 45 коп.

Акцизные поступления из внутренних губерний с водочных изделий в этот период составили 323 руб. 30 коп., патентный сбор – 1 198 руб. 20 коп. Вино и спирт обеспечивались залоговыми квитанциями в размере определенного акциза по 7 коп. [РГИА РФ. Ф. 1268. Оп. 16. Д. 92. Л. 46].

На Закавказский край также были распространены системы взимания акцизной системы с питейного сбора.

С уничтожением откупной системы в империи по всему Закавказскому краю и Северному Кавказу была введена однообразная питейно-акцизная система. Ввоз в Закавказский край из внутренних губерний империи и вывоз обратно вина и спирта дозволялся только через посты в Ларге, Чирюрте и Казиюрте. Ввозимые из внутренних губерний в Закавказский край вино и спирт должны были обеспечиваться залоговыми квитанциями в размерах о представлении для Закавказского края акциза по 7 коп. за градус безводочного спирта в половинном размере суммы акциза или в полной сумме.

Перевоз вина и спирта из внутренних губерний в Закавказский край разрешался окружными надзирателями акцизных управлений, регулировавших количество и место назначения подакцизной продукции [ЦГИАГ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 995. Л. 12–13].

Питейные доходы края пополнялись за счет акцизного сбора в размере 1 руб. 20 коп. Откупной доход определялся по торгам, заключаемым с откупщиками контрактами. Патентный сбор зависел от территории: в Тифлисе он составлял от 20 до 80 руб., в прочих городах края – от 12 руб. до 25 руб., в казенных селениях – от 6 руб. до 15 руб. Также питейные доходы пополнялись за счет штрафов. Акцизному сбору не подлежали спиртовой лак, уксус, пиво, мед и все заграничные напитки.

В течение трех лет взимания питейных акцизов в Закавказском крае поступало в среднем по 430 907 руб. 76 коп. в год.

В 1887 г. царское правительство значительно увеличило акциз на винокурение в Закавказском крае, что несколько замедлило рост производства спирта. По закону от 15 июня 1887 г., винные и спиртные заводы делились на промышленные и садовладельческие [Антелава и др. 1967: 91]. По роду перегонных аппаратов винокуренные заводы делились на усовершенствованные и неусовершенствованные.

По акцизным правилам 1887 г. количество выкуренного спирта усовершенствованных заводов учитывалось по контрольному снаряду, а неусовершенствованных – по нормам выхода спирта в сутки на ведро емкости перегонных кубов. Это значит, что акцизное обложение производилось с усовершенствованных заводов по фактическому количеству выкуренного спирта, а с неусовершенствованных – по емкости перегонных аппаратов, независимо от степени их использования.

Такой порядок акцизного обложения заставлял владельцев неусовершенствованных заводов по возможности полнее и крайне интенсивно использовать емкости перегонных аппаратов.

Акцизные правила 1887 г. предоставляли большие льготы садовладельцам, занимающимся винокурением. От предоставленных садовладельцам льгот в основном выиграли крупные промышленники и кулаки.

В 1893 г. ожидалось поступление в казну питейных доходов: недоимок – 5621 руб., окладов – 341 034 руб. 54 коп., итого – 346 655 руб. 95 коп. Увеличение питейных доходов зависело от увеличения с 1 сентября отчетного года акциза с виноградных и фруктовых водок с 5 на 6 копеек за градус. Так, например, в отчете Эриванского губернатора за 1895 г. указано, что акцизные сборы на питейные доходы достигли 146 665 руб. 22 коп. [ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1639. Л. 24].

Несмотря на повышение акцизных ставок, винокуренное производство обеспечивало достаточно высокие прибыли, и потому его продукция быстро увеличивалась. За период с 1890 по 1900 г. производство всех видов спирта в Эриванской губернии возросло более чем в 3,6 раза [Адонц 1957: 428]. Особенно большие прибыли обеспечивало коньячное производство, возникшее в Армении в 1890 г.

В общей сумме акциза со спирта доход Бакинской губернии составляет 52,7 % в 1900 г., Тифлисской губ. – 21,5 %, (потребление – 10,7 г.), Эриванской губернии – 8,6 % (потребление – 3,4 г.), Кутаисской губернии – 9,2 % (потребление 4 г.), Елизаветпольской губернии – 6,5 % (потребление – 2,7 г.), Карской области около 0,1 % (потребление 5 г.) и Закатальского округа – около 0,4 % (потребление – 4 г спирта).

По отдельным губерниям на поступление акциза влияет не только размер душевого потребления спирта, но и размер потребления спирта–местного или привозного, и в последнем случай оплаченного акцизом в место вывоза или привезенного край с рассрочкою акциза.

Показатели поступления патентного сбора значительно колебались и в 1900 г. уменьшились в сравнении с предыдущим годом на 17 744 руб. – или на 3,3 %, при том, что потребление спирта увеличилось, как общий с ним торговый оборот.

В результате общее поступление питейного дохода в 1900 г. оказалось более предыдущего на 338 826 руб., или на 19 %. По данным акцизного надзора в течение 1910 г. в Кутаисской губернии было выкурено виноградного спирта 930 749 градусов и коньячного 23 352 градусов. По сравнению с выкуркой в 1909 г., в отчетном 1910 г. было выкурено спирта на 10 718 градусов больше.

Средняя стоимость градуса спирта составляла 11 ½ коп. Кроме того, в селении Абастумани Зугдидского уезда был один хлебно-винокуренный завод, на котором было выкурено 1 256 367 градусов хлебного спирта [Азизов 1997: 98].

В 1913 г. питейный сбор составил 229 211 руб. 91 коп. по сравнению с предыдущим годом на 12 147 руб. 86 коп. больше. Весь акцизный доход в отчетном году достигал 353 326 руб. 68 коп., меньше предшествовавшего года на 19 207 руб. 56 коп. [Обзор отраслей промышленности 1914: 202].

В 1913 г. в Закавказском крае было 3 630 заводов винокуренной промышленности. Выкурено было 43 625 920 градусов спирта.

Таким образом, акциз, налагаемый на винокуренное производство, также приносил большой доход российской казне.

Акциз на табак

Механизм правового регулирования табачной торговли в России прошел сложный исторический путь своего становления и развития.

Законом от 6 февраля 1873 г. на Закавказский край был распространен налог с табака. Правительствующий Сенат слушали предложение Министра Юстиции от 23 февраля 1873 г. (№1850) «1. О применении к Закавказскому краю действующего в империи устава об акцизе с табаку; 2. Для применения сего устава к Закавказскому краю марта сего дня 1873 г. Государственный совет, соглашаясь на применение к Закавказскому краю действующих в империи постановлений об акцизе с табаку с предположенными изменениями, смеет предурочить: увеличить согласно мнению Министерства финансов, предполагаемый мною размер обязательного выбора здешними фабрикантами табачных бандеролей до размеров, установленных для Сибирских губерний, кроме г. Тифлиса. Оставить в своей силе 123, 124, 125 ст. Устава об акцизах с табаку изделий 1871 г.» [ПСЗ-II. Т. XLVI: 782].

«Табак, в Закавказском крае приготовляемый, не может быть продаваем без бандеролей в прочих частях Империи» [ПСЗ-II. Т. XLVI: 41]. Обложение бандеролями помещений с вывозимым во внутренние губернии табаком Закавказского произрастания, равно и упаковка оного в ящики, тюки. Приставы должны были присутствовать, так как на эти ящики и тюки ставилась полицейская печать. Эта печать подтверждала, что данный товар вырос в Закавказском крае. Кроме этого, товар сопровождался листом, где фиксировалась фамилия, имя упаковщика, качество табака.

Обязанность таможенного надзора по Кавказской линии, растет как и Черноморских и Каспийских портовых таможен, при следовании через оных партий табаку с печатями местного полицейского начальства Закавказского края, ограничивается одним поверхностным досмотром транспортов, для удостоверения лишь в том, что действительно провозится тот самый табак, какой означен в свидетельстве.

Устав, созданный 18 мая 1882 г. вносил существенные поправки в решения о табачной промышленности и торговле [Желобова 2014: 429].

Сухопутный привоз во внутренние губернии из Закавказского края, через кавказскую линию, всякого иностранного табака, как в приготовленном, так и в сыром виде, воспрещается.

Бандерольный сбор за табачные патенты и раскурочные марки в 1873 г. составил 304 961 руб. 71 коп., взыскания и штрафы за нарушение табачного устава – 733 руб. 29 коп. Акциз по табачной части за 1875 г. в Эриванской губернии собирался с 3 фабрик. С них было собрано с бандероли на сумму – 16 880 руб. 80 коп., с папирос – 2 795 000 шт. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 74. Л. 3].

Табачный сбор в 1887 г. составил 124 114 руб.; менее предшествовавшего года на 25 208 руб. 69 коп. [ЦГИАГ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 74. Л. 9]. Табачных доходов в 1893 г. поступило: за бандероли для оклейки конфискованных табачных изделий – 476 руб. 97 коп.; взыскания и штрафы за нарушение Устава о табачных сборах – 372 руб., за патенты – 9 643 руб. 25 коп.; итого – 10 492 руб. 36 коп. [РГИА РФ. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 253. Л. 10].

Табачная промышленность в крае развивалась, и доход от акциза на табак увеличивался. В 1900 г. поступление акциза с табака увеличилось на 10 % по сравнению с предыдущим годом.

Весь акцизный доход с табака в 1913 г. г. достигал 353 326 руб. 68 коп., что на 19 207 руб. 56 коп меньше, чем за 1912 г. Табачные доходы составили 6 322 руб. 20 коп.

Акциз с табака не приносил очень высокие доходы, но все же финансы, получаемые с этой отрасли, также были значимы для казны империи.

Акцизы на соль

Обложение соли акцизом продолжалось сравнительно короткое время. 14 мая 1862 г. был введен в действие государственный соляной доход [Всеподданнейшая записка главноначальствующего на Кавказе 1890: 45]. С 1821 по 1873 г., то есть за 52 года, казна получила доход с акциза на соль в размере 1,4 млн руб. [Положение акцизного дела в Закавказском крае за 1891–1900 гг.: 27].

15 января 1874 г. был издан Указ о введении в Закавказском крае акциза на соль. Откупная система взимания дохода с соли была отменена, взамен вводилась акцизная система: самосадочная и крупная соль облагалась 10 коп., мелкая 6 коп. с пуда. Сверх того, соль, вывозимую из Каспийского и Закавказского края во внутренние губернии, обложили дополнительным акцизом по 15 коп. с пуда.

С введением в Закавказском крае акцизной соляной системы, как казенные, так и частные соляные промыслы и разработки перешли в ведение местных акцизных управлений.

В 1875 г. были изданы «Правила» об отдаче в аренду с торгов соляных промыслов в Закавказском крае. В первые годы действия акцизной системы соляное производство империи приносило ежегодно более 11 млн руб. С 1 января 1881 г. соляной акциз был отменен. Уничтожение акциза на соль и переход соляных месторождений из ведения Акцизного управления к Горному содействовали изменению и способов эксплуатации этих месторождений, поступлений доходов в казну.

Акцизный налог на спички

Спичечных доходов в 1893 г.: поступило за бандероли для обложения фосфорных спичек – 192 руб. 8 коп.; за бандероли для обложения конфискованных спичек – 54 руб. 34 коп. [РГИА РФ. Ф. 1284: 470], взыскания за нарушения спичечного устава – 11 руб., 75 коп. Итого – 258 руб. 17 коп.

В начале XX в. Российское правительство продолжало облагать акцизом продукты, которые приносили значительный доход в казну государства. Главное Управление издало распоряжение об открытии действий Закавказского акцизного управления, о введении новой акцизной системы с питей и табаку в полное действие с 1 июля 1900 г. Деятельность акцизных управлений в первое время должна была заключаться в описании заводов, в изменении заводской посуды, в приведении в надлежащее состояние питейной и табачной промышленности в 1900-1901 гг. Поступление разных видов питейного дохода, как-то: а) акциза со спирта, питейный доход. б) акциза с дрожжей, в) акциза с пива и меда, г) акциза с водочных изделий, д) патентного сбора и е) штрафов за нарушения.

Выводы акцизных поступлений в царскую казну в конце XIX в. с Закавказского края можно сделать по таблице акцизных доходов (в рублях) за 1896-1900 гг.

Вся сумма поступивших доходов в 1900 г. была меньше предыдущей на 819 254 руб., уменьшились доходы нефтяной и спичечный, а питейный и табачный увеличились. В общей сумме доходов по данным за 1900 г. нефтяной доход составляет 78,8 %, питейный – 10 %, табачный – 10,2 % и спичечный – около 1 %.

Таблица 2. Акцизные доходы на 1911-1915 гг. по Закавказскому краю
[Кавказский календарь 1916: 352].

Годы	От нефтяных осв. Масел	Питейного и дрожжевого	табачных	спичечного	Итого
1911	11.390,458	2.016,911	1.471,671	25,426	14.904,466
1912	14.827,787	2.119,011	1.604,244	23,030	18.574,072
1913	14.441,267	1.784,852	24,915	24,351	18.111,752
1914	16.719,347	1.773,089	1.947,974	20,351	20.460,761
1915	15.478,136	2.011,915	2.132,200	19,156	19.641,407

Выводы

Таким образом, эономическая политика, проводимая в центральных губерниях, распространялась и на Закавказский край. Цель правительства была в том, чтобы как можно больше получить доходы от введения акцизных сборов. Таким образом, развитие различных отраслей промышленности, и, конечно же, обложение этих отраслей акцизом. Приводило в свою очередь обогащению и накоплению финансов империи. С другой стороны, развитие капиталистических отношений приводили страну к развитию промышленности. Российская империя, несмотря на то что находилась во втором эшелоне развитых капита-

листических стран, все-таки продвигалась к высшей точке капитализма – империализму через призму различных финансово-экономических нововведений. Таким нововведением и явилась акцизная политика, которая явилась последствием проведенной новой налоговой политики, способствующая увеличению государственных доходов и развитию акцизного сбора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адонц 1957 – *Адонц М.А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX веке. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1957. – 560 с.

Азизов 1997 – *Азизов Т.* Азэрбајчан XX эсрин эввелериндэ. – Баку: Азербайджанское Государственное Издательство Азернешр,1997. – 255 с. (на азерб. яз.).

Антелава И.Г. и др. 1967 – *Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.А., Хоштария Э.В.* К вопросу о развитии капитализма в с/х и промышленности Грузии. – Тбилиси.: АН Груз. ССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили, 1967. – 128 с.

Бабаев 2005 – *Бабаев А.-М.Б.* Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX. – Махачкала: типография ДГУ, 2005. – 379 с.

Всеподданнейшая записка главноначальствующего на Кавказе 1890 – *Всеподданнейшая записка Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе*: 1882-1890: [Отчет по всем отраслям упр. Кавк. края]. – Тифлис: Б.и., 1890. – 115 с.

Всеподданнейший отчет Эриванского губернатора 1892 – *Всеподданнейший отчет Эриванского губернатора за 1892 г.* // История Азербайджана в архивных документах. XIX–XX вв. Т. III. Документы Российского государственного исторического архива (РГИА РФ). Т. III. – Баку: Чашыоглы, 2012. – 560 с.

ГААО. Ф. 681 – *Государственный архив Астраханской области*. Ф. 681. 22 мая 1896 года Департаменту Таможенных сборов. Астраханская таможня.

Гавлин 2007– *Гавлин М.Л.* Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи. XVIII–XIX вв. // Институциональные аспекты экономической истории. Экономическая история. Обозрение. Выпуск 13 / Под ред. Л.И. Бородкина. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 127-139.

Голик 2014 – *Голик Е.Н.* Экономическая природа акцизного налога и возможности ее реализации в практике отечественного налогообложения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 3 (46). – С. 60-65.

Демешек 2003 – Демешек И. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века) // Вестник Евразии. – 2003. – № 1. – С. 155-175.

Жолобова 2014 – *Жолобова Г.А.* Механизм правового регулирования табачной торговли в дореволюционной России: история становления и специфика в условиях акцизной системы обложения 1881–1913 гг. // Налоги и налогообложение. – № 2. – 2014. – С. 424-444.

Зульхарнеев 2008 – *Зульхарнеев А.* Закавказье для России: «колония» или «губерния»? Имперские проекты освоения региона 1820-30 гг. // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – Вып. 3. – С. 74-82.

Исмаил-заде 2008 – *Исмаил-заде Д.* И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 360 с.

Исмаилов 1997 – *Исмаилов М.А*. Азэрбајчан тарихи. – Баку: Елм. 1997. – 320 с. (на азерб. яз).

Исмаилова 2011 – *Исмаилова А.М.* Из истории акцизной политики России в нефтеперерабатывающей промышленности Северного Азербайджана во второй половине XIX в. // Вестник Адыгейского Государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 4. – С. 63-71.

Кавказский календарь 1916 – *Кавказский календарь на 1917год*. Отдел статистический. – Тифлис: Канцелярия Кавказского Наместника, 1916. 1845-1916: 72-й год. 1916. – 1231 с.

Клупт 1929 – *Клупт В.С.* Закавказье. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929. – 158 с.

Мамедов 1992 – *Мамедов М.Г.* Акцизная политика в Азербайджане в XIX в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Баку, 1992. – 25 с.

Мамедова 2010 – *Мамедова Р.* Налоговая политика в Северном Азербайджане во второй половине XIX – начале XX в. – Баку: Нурлан, 2010. –196 с. (на азерб. яз).

Мехтиев 2000 – *Мехтиев А.М.* Азербајчанда нефт санаеси XIX эсрин сонунда. – Баку: Элм, 2000. – 127 с. (на азерб. яз).

Мильман 1961– *Мильман А.Ш.* Как избирались органы самоуправления в дореволюционном Азербайджане. – Баку: Азернешр,1961. – 53 с.

Обзор Бакинской губернии 1892 – *Обзор Бакинской губернии* за 1889-1892 гг. – Баку: тип. Губ. Правл., 1892. – 132 с.

Обзор Бакинской нефтяной промышленности 1901 – *Обзор Бакинской нефтяной промышленности* за 1900. – Баку: Тип. АРОР , 1901. – 754 с.

Обзор отраслей промышленности 1914 – *Обзор отраслей промышленности, служащих предметом косвенного обложения*, и положение акцизного дела в Закавказском крае: Отчет по Закавк. акциз. упр. за 1914 год – Тифлис: [б.и.], 1916 (Электропечатня Тифлисской губернской тюрьмы)1916. – 293 с.

Обозрение российских владений за Кавказом 1836 – *Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях*. – В 4 тт. – СПб.: (Тип. департамента внешней торговли), 1836. – Т. 1. – 303 с.

Отчет заведующего акцизными сборами Закавказского края 1902 – *Отчет заведующего акцизными сборами Закавказского края о ходе акцизного дела* в 1900 году Л.Л. Першке / Гл. упр. неоклад. сборов и казен. продажи питей. – Спб.: (изд-во), 1902. – 151 с.

Отчет по Главному управлению наместника кавказского 1873 — *Отчет по Главному управлению наместника кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем его императорским высочеством вел. кн. Михаилом Николаевичем* (6 декабря 1862 г. – 6 декабря 1872 г.). – Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1873. – 414 с.

Пажитнов 1940 – *Пажитнов К.А.* Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности (от конца XVII в. до Великой Октябр. соц. революции). – Москва; Ленинград: Гостоптехиздат, 1940. – 192 с.

Пашаев 2014 – *Пашаев Д.Т.* Региональные особенности национальной политики царской России в Закавказье // Вестник Поволжского института управления. – 2014. – № 45 – С. 42-44.

Першке 1913 – *Першке С.Л.* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. – Тифлис: тип. К.П. Козловского, 1913. –193 с.

Петрушевский 1936 – *Петрушевский И. П.* колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в. – М.;Л.: Издательство АН СССР, 1936. – 463 с.

Положение акцизного дела в Закавказском крае – Положение акцизного дела в Закавказском крае за 1891–1900 гг. Петербург. Типография Киршбаума, 1901. – 52 с.

Правилова 2006 – *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801-1917 гг. – М.: Новое издательство, 2006. – 453 с.

РГИА РФ. Ф. 1268 – *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1268. «Кавказский комитет».

РГИА РФ. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 253. *Всеподданнейший отчет Эриванского губернатора за 1892 г.* // История Азербайджана в архивных документах. XIX–XX вв. Т. III. Документы Российского государственного исторического архива (РГИА РФ). – Баку: Чашыоглу, 2012. – 560 с.

Родионов 2011 – Родионов Б.В. История русской водки от полугара до наших дней. – М.: Эксмо, 2011. – 336 с.

Умаев 2002 – *Умаев А.А*. Процессы капиталистического развития в сельском хозяйстве Азербайджана в конце XIX – начале XX вв. – Баку: Элм, 2002. – 526 с.

ЦГИАГ. Ф. 7. – *Центральный Государственный Исторический Архив Грузии*. Ф. 7 «Департамент главного управления гражданской частью на Кавказе. Выпуск в Закавказский край из внутренних губерний империи и обратно вина и спирта».

ЦГИАГ. Ф. 12. – Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф. 12. Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

ЦГИАГ Ф. 370. – Центральный Государственный Исторический Архив Грузии. Ф.370. Управление Акцизными сборами Закавказская края и Закаспийской области (1873-1918).

Юсупов и др. 2019 – *Юсупов Р.Г., Хайретдинова О.Б.* Акциз: специфика использования термина в царской России с начала XIX в. до периода реформ Александра II // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. №4. С. 202-219.

Янжул 1904 – *Янжул И.И.* Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. Издание четвертое. – СПб., тип. И. Стасюлевича, 1904. – 500 с.

REFERENCES

ADONTs M.A. *Ekonomicheskoe razvitie Vostochnoi Armenii v XIX veke* [Economic Development of Eastern Armenia in the 19th Century]. – Erevan: Izd-vo Akad. nauk Arm. SSR, 1957. – 560 s. (In Russ.).

AZIZOV T. *Azerbajchan XX esrin evvelerinde* [Azerbajchan XX Esrin Evererinde]. – Baku: Azerbaidzhanskoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Azerneshr, 1997. – 255 s. (in Azerbaijani). (In Russ.).

ANTELAVA I.G., ORDZhONIKIDZE E.A., KhOShTARIYa E.V. *K voprosu o razvitii kapitalizma v s/kh i promyshlennosti Gruzii* [On the development of capitalism in the agricultural and industrial sectors of Georgia]. – Tbilisi.: AN Gruz. SSR, In-t istorii, arkheologii i etnografii im. I.A. Dzhavakhishvili, 1967. – 128 s. (In Russ.).

BABAEV A.-M.B. *Kavkaz v geopolitike mirovykh derzhav v pervoi polovine XX* [The Caucasus in the geopolitics of world powers in the first half of the XX]. – Makhachkala: tipografiya DGU, 2005. – 379 s. (In Russ.).

Vsepoddanneishaya zapiska Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze: 1882-1890: [Otchet po vsem otraslyam upr. Kavk. kraya] [The Most Comprehensive Note of the Chief Civil Officer in the Caucasus: 1882-1890: [Report on all sectors up. Kavk. edges]]. – Tiflis: B.i., 1890. – 115 s. (In Russ.).

Vsepoddanneishii otchet Erivanskogo gubernatora za 1892 g. [The Most Comprehensive Report of the Governor of Erivan for 1892]. In: Istoriya Azerbaidzhana v arkhivnykh dokumentakh. XIX-XX vv. T. III. Dokumenty Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva (RGIA RF). T. III. – Baku: Chashyogly, 2012. – 560 s. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti. F. 681. 22 maya 1896 goda. *Departament Tamozhennykh sborov. Astrakhanskaya tamozhnya* [Department of Customs Duties. Astrakhan customs.]. (In Russ.).

GAVLIN M.L. *Vopros o vinnykh otkupakh v istorii zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii. XVIII-XIX vv.* [The question of wine purchases in the history of the legislation of the Russian Empire. XVIII XIX в.]. In: Institutsional'nye aspekty ekonomicheskoi istorii. Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vypusk 13 / Pod red. L.I. Borodkina. – M.: Izd-vo MGU, 2007. – S. 127–139. (In Russ.).

GOLIK E.N. *Ekonomicheskaya priroda aktsiznogo naloga i vozmozhnosti ee realizatsii v praktike otechestvennogo nalogooblozheniya* [Economic nature of excise tax and its implementation in the practice of domestic taxation]. In: Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2014. – № 3 (46). – S. 60–65. (In Russ.).

DEMEShEK I. *Upravlenie okrainami v Rossiiskoi imperii (Zakavkaz'e i Finlyandiya v pervoi polovine XIX veka)* [Edge management in the Russian Empire (Transcaucasia and Finland in the first half of the 19th century)]. In: Vestnik Evrazii. – 2003. – № 1. – S. 155–175. (In Russ.).

ZhOLOBOVA G.A. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya tabachnoi torgovli v dorevolyutsionnoi Rossii: istoriya stanovleniya i spetsifika v usloviyakh aktsiznoi sistemy oblozheniya 1881–1913 gg.* [The mechanism of legal regulation of tobacco trade in pre-revolutionary Russia: the history of formation and specificity in the conditions of the excise tax system of 1881-1913.]. In: Nalogi i nalogooblozhenie. – № 2. – 2014. – S. 424–444. (In Russ.).

ZUL"KhARNEEV A. *Zakavkaz'e dlya Rossii: «koloniya» ili «guberniya»? Imperskie proekty osvoeniya regiona 1820-30 gg.* [Transcaucasia for Russia: "colony" or "province"? Imperial projects for the development of the region 1820-30.]. In: Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. – Vyp. 3. – S. 74-82. (In Russ.).

ISMAIL-ZADE D. *I.I. Vorontsov-Dashkov – administrator, reformator* [I.I. Vorontsov-Dashkov - administrator, reformer]. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2008. – 360 s. (In Russ.).

ISMAILOV M.A. *Azerbajchan tarikhi* [Azerbajchan tarihi]. – Baku: Elm. 1997. – 320 s. (in Azerbaijani).

ISMAILOVA A.M. *Iz istorii aktsiznoi politiki Rossii v neftepererabatyvayushchei promyshlennosti Severnogo Azerbaidzhana vo vtoroi polovine XIX v.* [From the history of Russia's excise policy in the oil refining industry of Northern Azerbaijan in the second half of the XIX century]. In: Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2011. – № 4. – S. 63–71. (In Russ.).

Kavkazskii kalendar' na 1917 god. Otdel statisticheskii [Caucasian calendar for 1917. Statistical Division]. – Tiflis: Kantselyariya Kavkazskogo Namestnika, 1916. 1845-1916: 72-i god. 1916. – 1231 s. (In Russ.).

KLUPT V.S. *Zakavkaz'e* [Transcaucasia]. Izd. 2-e, ispr. i dop. – Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo, 1929. – 158 c. (In Russ.).

MAMEDOV M.G. *Aktsiznaya politika v Azerbaidzhane v XIX v*. [Excise policy in Azerbaijan in the XIX century.]. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk. – Baku, 1992. – 25 s. (In Russ.).

MAMEDOVA R. *Nalogovaya politika v Severnom Azerbaidzhane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Tax policy in Northern Azerbaijan in the second half of the XIX - early XX centuries]. – Baku: Nurlan, 2010. –196 s. (in Azerbaijani).

MEKhTIEV A.M. *Azerbajchanda neft sanaesi XIX esrin sonunda* [Azerbaijan neft sanaesi XIX esrin sonunda]. – Baku: Elm, 2000. – 127 s. (in Azerbaijani).

MIL"MAN A.Sh. *Kak izbiralis' organy samoupravleniya v dorevolyutsionnom Azerbaidzhane* [How self-government bodies were elected in pre-revolutionary Azerbaijan]. – Baku: Azernesh,1961. – 53 s. (In Russ.).

Obzor Bakinskoi gubernii za 1889-1892 gg. [Review of Baku Governorate for 1889-1892]. – Baku: tip. Gub. pravl,1892. – 132 s. (In Russ.).

Obzor Bakinskoi neftyanoi promyshlennosti za 1900. [Baku Oil Industry 1900 Review]. – Baku: Tip. AROR , 1901. – 754 s. (In Russ.).

Obzor otraslei promyshlennosti, sluzhashchikh predmetom kosvennogo oblozheniya, i polozhenie aktsiznogo dela v Zakavkazskom krae: Otchet po Zakavk. aktsiz. upr. za 1914 god [Overview of industries that serve as the subject of indirect taxation, and the situation of excise in the Transcaucasian Territory: Report on Zakavk. excise tax. upr. for 1914]. – Tiflis: [b.i.], 1916 (Elektropechatnya Tiflisskoi gubernskoi tyur'my)1916. – 293 s. (In Russ.).

Obozrenie rossiiskikh vladenii za Kavkazom v statisticheskom, etnograficheskom i finansovom otnosheniyakh [Review of Russian possessions beyond the Caucasus in statistical, ethnographic and financial relations]. – V 4 tt. – SPb.: (Tip. departamenta vneshnei torgovli), 1836. – T. 1. – 303 s. (In Russ.).

Otchet zaveduyushchego aktsiznymi sborami Zakavkazskogo kraya o khode aktsiznogo dela v 1900 godu L.L. Pershke [Report of the head of excise duties of the Transcaucasian Territory on the progress of excise business in 1900 L.L. Pershke]. / Gl. upr. neoklad. sborov i kazen. prodazhi pitei. – Spb.: (izd-vo), 1902. – 151 s. (In Russ.).

Otchet po Glavnomu upravleniyu namestnika kavkazskogo za pervoe desyatiletie upravleniya Kavkazskim i Zakavkazskim kraem ego imperatorskim vysochestvom vel. kn. Mikhailom Nikolaevi-

chem (6 dekabrya 1862 g. – 6 dekabrya 1872 g.) [The report on the Main Directorate of the Governor of the Caucasus for the first decade of the administration of the Caucasus and Transcaucasian Territories by his imperial highness was conducted. Prince Mikhail Nikolaevich (December 6, 1862 - December 6, 1872)]. – Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1873. – 414 s. (In Russ.).

PAZhITNOV K.A. *Ocherki po istorii bakinskoi neftedobyvayushchei promyshlennosti (ot kontsa XVII v. do Velikoi Oktyabr. sots. revolyutsii)* [Essays on the history of the Baku oil industry (from the end of the XVII century to the Great October. social revolutions)]. – Moskva; Leningrad: Gostoptekhizdat, 1940. – 192 s. (In Russ.).

PAShAEV D.T. *Regional'nye osobennosti natsional'noi politiki tsarskoi Rossii v Zakavkaz'e* [Regional features of the national policy of tsarist Russia in Transcaucasia]. In: Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2014. – № 45 – S. 42–44. (In Russ.).

PERShKE S.L. *Russkaya neftyanaya promyshlennost', ee razvitie i sovremennoe polozhenie v statisticheskikh dannykh* [Russian oil industry, its development and current position in statistical data]. – Tiflis: tip. K.P. Kozlovskogo, 1913. –193 s. (In Russ.).

PETRUShEVSKII I.P. *Kolonial'naya politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane v 20-60-kh gg. XIX v.* [The colonial policy of Russian tsarism in Azerbaijan in the 20-60s. XIX century.]. – M.;L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936. – 463 s. (In Russ.).

Polozhenie aktsiznogo dela v Zakavkazskom krae za 1891-1900 gg. [The situation of excise business in the Transcaucasian Territory for 1891-1900]. Peterburg: Tipografiya Kirshbauma, 1901. – 52 s. (In Russ.).

PRAVILOVA E.A. *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801-1917 gg.* [Empire finance: Money and power in Russian politics on the national outskirts. 1801-1917]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – 453 s. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1268. «*Kavkazskii komitet*» [Caucasian Committee]. (In Russ.).

Vsepoddanneishii otchet Erivanskogo gubernatora za 1892 g. [The Most Comprehensive Report of the Governor of Erivan for 1892]. In: Istoriya Azerbaidzhana v arkhivnykh dokumentakh. XIX–XX vv. T. III. Dokumenty Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva (RGIA RF). – Baku: Chashyoglu, 2012. – 560 s. (In Russ.).

RODIONOV B.V. *Istoriya russkoi vodki ot polugara do nashikh dnei* [The history of Russian vodka from half a car to the present day]. – M.: Eksmo, 2011. – 336 s. (In Russ.).

UMAEV A.A. *Protsessy kapitalisticheskogo razvitiya v sel'skom khozyaistve Azerbaidzhana v kontse XIX – nachale XX vv.* [The processes of capitalist development in the agriculture of Azerbaijan in the late XIX – early XX centuries]. – Baku: Elm, 2002. – 526 s. (In Russ.).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Gruzii. F. 7 «*Departament glavnogo upravleniya grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. Vypusk v Zakavkazskii krai iz vnutrennikh gubernii imperii i obratno vina i spirta*» [Department of the main management of the civil part in the Caucasus. Release to the Transcaucasian Territory from the internal provinces of the empire and back wine and alcohol]. (In Russ.).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Gruzii. F. 12. *Kantselyariya glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze* [Office of the chief civil unit in the Caucasus]. (In Russ.).

Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Gruzii. F.370. *Upravlenie Aktsiznymi sborami Zakavkazskaya kraya i Zakaspiiskoi oblasti (1873-1918)* [Excise tax management of Transcaucasian Territory and Trans-Caspian Region (1873-1918)]. (In Russ.).

YuSUPOV R.G., KhAIRETDINOVA O.B. *Aktsiz: spetsifika ispol'zovaniya termina v tsarskoi Rossii s nachala XIX v. do perioda reform Aleksandra II* [Excise tax: the specifics of the use of the term in tsarist Russia from the beginning of the XIX century. until the period of reforms of Alexander II]. In: Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2019. №4. S. 202-219. (In Russ.).

YaNZhUL I.I. *Osnovnye nachala finansovoi nauki: Uchenie o gosudarstvennykh dokhodakh* [Basic principles of financial science: The doctrine of state income]. Izdanie chetvertoe. – SPb.: Tip. I. Stasyulevicha, 1904. – 500 s. (In Russ.).

Информация об авторе:
А.М. Исмаилова – кандидат исторических наук.
Information about the author:
A.M. Ismailova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 26.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 22.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.
The article was submitted 26.01.2023, approved after reviewing 22.02.2023, accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 94(404)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-51-60
EDN: AHUWVA

ФОРМИРОВАНИЕ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ НА РОССИЙСКО-ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Константин Александрович Павлов
Независимый исследователь, Анапа, Россия, kommendor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6808-3322

Аннотация. В статье анализируется процесс развития охраны российско-персидской границы подразделениями пограничной стражи в конце XIX – начале XX в. Правильно организованный и точно установленный пограничный надзор, составляя необходимые условия охраны государственной границы, имел важное значение в обеспечении безопасности на границах Кавказа в XIX в. Связано это было с тем, что государственную границу на Кавказе нарушали не только профессиональные контрабандисты, но и местное население. В статье показано, что в силу этих обстоятельств, устройство целесообразного пограничного надзора на российско-персидской границе, вместе с тщательным изучением местных географических, топографических и экономических условий являлось предметом первой государственной важности. На основе изученных источников и литературы был выявлен процесс формирования пограничной стражи на российско-персидской границе. В дореволюционной и советской историографии исследования деятельности пограничных подразделений практически не осуществлялись и лишь в постсоветский период данному вопросу был проявлен интерес. Однако работы постсоветского периода в основном обзорные и вопросов истории формирования пограничной стражи на российско-персидской границе в конце XIX – начале XX в. не касались. В работе показано, что без специализированных подразделений Российская империя не была способна защитить свои национальные интересы в пограничном пространстве на Кавказе. Отмечается, что развитие системы охраны российско-персидской границы осуществлялось в сложных топографических условиях.

Ключевые слова: государственная граница, пограничная стража, контрабанда, Кавказ, отдельный корпус пограничной стражи, Персия

Для цитирования: Павлов К.А. Формирование пограничной стражи на российско-персидской границе в конце XIX – начале XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 51-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-51-60. EDN: AHUWVA.

© Павлов К.А., 2023

Original article

FORMATION OF THE BORDER GUARD ON THE RUSSIAN-PERSIAN BORDER IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Konstantin A. Pavlov
Independent researcher, Anapa, Russia, kommendor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6808-3322

Abstract. The article analyzes the process of development of protecting the Russian-Persian border-by-border guard units in the late XIX–early XX century. Properly organized and precisely established border surveillance, forming the conditions for protecting the state border, was important in ensuring security on the borders of the Caucasus in the XIX century. This was because the state border in the Caucasus was violated not only by professional smugglers but also by the local population. The article shows that, because of these circumstances, the establishment of expedient border surveillance on the Russian-Persian border, together with a thorough study of local geographical, topographic and economic conditions, was the subject of the first state's importance. Based on the studied sources and literature, the process of the border guard formation on the Russian-Persian border was revealed. In pre-revolutionary and Soviet historiography, studies of the activities of border units were practically not performed, and only in the post-Soviet period, interest was shown in this issue. However, the works of the post-Soviet period are mainly overview and did not concern the issues of the history of the formation of the border guard on the Russian–Persian border in the late XIX–early XX centuries. The paper shows that without specialized units, the Russian Empire could not protect its national interests in the border area in the Caucasus. The development of the system of protection of the Russian-Persian border was conducted under difficult topographic conditions.

Keywords: state border, border guard, smuggling, Caucasus, separate corps of border guards, Persia

For citation: Pavlov K.A. Formation of the border guard on the russian-persian border in the late XIX – early XX century. In: Electronic journal "Caucasology". – 2023. – № 1. – P. 51-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-51-60. EDN: AHUWVA.

© Pavlov K.A., 2023

Введение

До образования на Кавказе специализированных подразделений пограничной стражи граница охранялась в основном казаками. Роль таможенных объездчиков в охране государственной границы была незначительной так как они за частую привлекались к выполнению различным мероприятий не относящиеся к охране границы. Караульные команды занимались охраной таможенных касс и пакгаузов, вовсе не участвуя в охране государственной границы [Бояр-ский 1992: 121].

Таким образом, интересы Российской империи по защите своих национальных интересов на Кавказе требовали принятия безотлагательных мер по созданию более надежной системы охраны государственной границы. Такой системой министерством финансов было признано учреждение пограничной стражи, которая уже достаточно долго существовала на европейской границе Российской империи, показывая достаточно удовлетворительные результаты [Чернушевич 1903: 265].

Формирование пограничной стражи на Кавказе

Принципы и все детали организации пограничной стражи на Кавказе и в Закавказье были выработаны специально командированным с этой целью в

1880 г. полковника А.Т. Озеровского, который объехав все внешние границы Кавказе и Закавказья, обстоятельно и всесторонне изучил все данные на месте [Шапиров 1909: 5]. После завершения обследования границ в регионе А.Т. Озеровским был сделан вывод, что состояние дел по охране государственной границы в регионе находится в неудовлетворительном состоянии. Причины этого он видел в больших расстояниях между пограничными постами «равносильно полному обнажению границы в некоторых ея участка», а также в организации охраны государственной границы в одну линию [Плеханов А.А., Плеханов А.М. 2003: 23-24]. На основании всестороннего изучения состояния охраны государственной границы на Кавказе и в Закавказье А.Т. Озеровский представил подробные соображения о необходимости и возможности организации пограничного надзора в регионе. На основании представленных предложениях полковником А.Т. Озеровским была определена необходимая численность личного состава для охраны государственной границы в регионе, были распределены границы вновь реорганизованных карантинно-таможенных учреждений, дислокация постов и кордонов, а также были выработаны детали новой организации пограничного надзора в регионе [Шапиров 1909: 5].

В результате в конце 1881 г. в Государственный совет была представлена записка «Об устройстве Пограничной Стражи на Кавказе и в Закавказском крае» [Чернушевич 1903: 265]. Формирование бригад пограничной стражи на Кавказе и в Закавказье планировалось осуществить в течение 4 лет, начиная с 1 января 1882 г., таким образом, чтобы каждый год учреждалось по одной бригаде [Чернушевич 1903: 269]. Кроме того, взамен существовавших двух карантинно-таможенных округов, Кутаисского и Бакинского, образованы были два таможенных округа: Черноморский и Бакинский [Шапиров 1909: 5].

В записке, представленной в Государственный совет, Н.Х. Бунге указывал на безотлагательную необходимость учреждения пограничной стражи на российско-персидской границе и по побережью Каспийского моря, изложив следующее:

> «Из сведений этих видно, что тайное водворение иностранных товаров и притом весьма часто европейских независимо берегов Чернаго и Каспийскаго морей, производится почти на всей сухопутной границе нашей с Персией, в особенности на некоторых ея участках, пролегающих против г.г. Эривани, Нахичевани, Шуши, Елисаветполя и проч.: что зло это уже давно было сознаваемо кавказским начальством, изыскивавшим способы к усилению Пограничнаго надзора, как единственнаго средства для успешной борьбы с контрабандным промыслом, и что в позднейшее время, вследствие возвышения пошлин на ввозные товары вообще, стремление к водворению контрабанды еще не более усилилось» [Чернушевич 1903: 291].

Таким образом, для усиления охраны российско-персидской границы и побережья Каспийского моря было предложено усилить Бакинский карантинно-таможенный округ путем увеличения численного состава карантинно-таможенных объездчиков до 727 человек, которые должны были охранять участок государственной границы в пространстве 1500 верст.

Однако, несмотря на предложения по значительному увеличению личного состава для охраны российско-персидской границы данного количества было недостаточно для надежной защиты государственной границы в регионе. На

основании проведенных расчетов Бакинская бригада должна была состоять из 4 отделов и 19 отрядов распределенных на 55-60 постах [Чернушевич 1903: 292]. Комплектование кадров Бакинского карантинно-таможенного округа для охраны российско-персидской границы, предлагалось из числа «…самых опытных в таможенной службе и известных своею энергиею офицеров из существующих бригад Пограничной Стражи на европейских границах и преимущественной сухопутных, где пограничная служба доставляет наиболее боевой опытности в частых столкновениях с контрабандирами» [Чернушевич 1903: 294].

Для борьбы с контрабандистами на Каспийском побережье, особенно в пространстве от Астары до северо-восточной банки предлагалось путем снабжения учреждаемых там постов лодками «..для выезда в море и для преследования скрывающихся контрабандирских лодок на близлежащих мелких островах, в плавнях и камышах». Предлагалось снабдить семь таких постов 4-хвесельными лодками [Чернушевич 1903: 296].

В результате Государственным советом в соответствии с предложениями министерства финансов было утверждено следующее заключение:

«1) К действующим штатам управлений Бакинскаго… карантинно-таможенных округов прибавить по одному чиновнику для поручений…

...3) Для усиления таможеннаго надзора в Бакинском карантинном таможенному округе учредить в 1883 году Бакинскую бригаду Пограничной стражи…

...11) Снабдить лодками соответствующих размеров и конструкции… приморские поста …и 7 Бакинской.

12) Потребныя для постов и других надобностей помещения в Бакинской бригаде приискать наемныя...

13) Вновь учреждаемыя кавказския бригады Пограничной Стражи подчинить действию общих законоположений о сей Страже вообще и согласно сему, действия особых о кавказских таможенных объездчиках узаконений...

14) Потребные на расходы по сформированию и устройству …и Бакинской 40 т. руб. …к расходной смете Департамента Таможенных Сборов на 1883 г…» [Чернушевич 1903: 300-302].

Таким образом, в соответствии с утвержденным предложениями министерства финансов, в регионе были учреждены три бригады пограничной стражи – Черноморская, Бакинская и Карская. По мере образования данных бригад, войсковые подразделения, которые ранее занимались охраной государственной границы, освобождались от несения кордонной службы. Однако численный состав данных пограничных бригад не позволял полностью взять под свой контроль государственную границу, а только наиболее важные участки границы. В итоги на участках государственной границы, которые небыли заняты пограничной стражей функции пограничной стражи продолжали выполнять войсковые подразделения. Однако опыт использования пограничной стражи в регионе указывал на необходимость усиления «таможеннаго надзора» [Чернушевич 1903: 308-309]. В результате на основании проекта министерства финансов относительной общего устройства пограничного надзора на Кавказе и в Закавказье предполагалось образовать четвертую бригаду пограничной стражи – Эриванскую, которая должна была взять под свой полный контроль Аралыхскую кордонную линию.

Эриванская бригада пограничной стражи должна была взять под охрану протяженный участок от Тендурека до Ордубата, что составляет 397 верст, а штатная численность бригады, необходимой для охраны участка государственной границы должна была насчитывать 802 офицера и нижних чинов из которых полагалось иметь 755 объездчиков и 329 лошадей [Чернушевич 1903: 311-312]. В последствии 1889 г. Государственным советом было определено:

«1) Учредить Эриванскую бригаду Пограничной Стражи в составе 5 штаб и 16 обер-офицеров, врача, 329 конных и 432 пеших нижних чинов.

2) Для сформирования названной бригады прибавить к существующему штату Пограничной Стражи 3 штаб и 5 обер-офицеров, а также 246 пеших нижних чинов, а недостающее затем число офицеров и нижних чинов пополнить перечислением из Кавказских бригад по распоряжению Министерства Финансов.

3) Для замещения добавляемых к штату Пограничной Стражи должностей 8 офицеров и 246 нижних чинов перевести в Эриванскую бригаду ровное число чинов из бригад, расположенных на европейской границе, пополнив имеющий образоваться в них некомплект установленным порядком…

…10) Отпустить в 1889 году семьдесят одну тысячу руб., на единовременныя издержки по сформированию Эриванской бригады…» [ПСЗРИ-III. Т. IX. № 5897: 126-127]

Как уже было сказано, по мере образования бригад пограничной стражи в регионе, войсковые подразделения, охранявшие государственную границу, освобождались от несения кордонной службы. По состоянию на 1892 г. для охраны участков, где еще не было чинов пограничной стражи, военным ведомством использовалось 12 конных и 4 пеших казачьих сотен. [Чернушевич 1903: 326-329]. Однако в связи с обострением военно-политических отношений с Турцией военное министерство требовало полного освобождения от охраны государственной границы войсковых подразделений, которые планировалось использовать на российско-турецкой границе в случае дальнейших осложнений и возникновения вооруженного столкновения [Боярский 1992: 121]. В этих соображениях военным министерством предлагалось перевести на персидскую границу части пограничной стражи, охраняющие в настоящее время турецкую границу. «Вся охраняемая со стороны Персии граница имеет протяжения в до 1146 верст из коих до 289 в. Каспийскаго побережья и 155 в. сухопутной границы, начиная от турецкой границы на востоке, находятся и ныне в ведении Пограничной Стражи, до 100 верст в Мигринском ущелье охраняются двумя сотнями от пешаго пластунскаго баталиона, в ведении коих полагается пока оставить охрану этого района и на будущее время, и засим остальные до 602 в., охранявшияся до сего времени 57-ю постами Полтавскаго и Ейскаго казачьих полков, подлежат ныне занятию Пограничною Стражею….». Таким образом, для охраны протяженного участка российско-персидской границы необходимо было «…для Каспийскаго побережья – 5 отрядных офицеров, 73 объездчика, 83 стражника и 73 лошади…для охраны же всей сухопутной персидской границы от п. Чемурлинскаго до Каспийскаго побережья, протяжением 764 вер., считая в том числе и нынешния дистанция Полтавкаго и Ейскаго казачьих полков,

требуется назначить 30 отрядных офицеров, 757 объездчиков, 1062 стражника и 757 лошадей» [Чернушевич 1903: 329-329].

В результате «на основании вышеизложеннаго министр финансов в заключении полагал:

1) По случаю перемещения Карсской бригады Пограничной Стражи на персидскую границу наименовать бригаду эту Елисаветпольскою, со включением ея в состав Бакинскаго Карантинного Таможеннаго Округа.

2) Существующий штат кавказских бригад Стражи уменьшить на две должности отряднаго офицера и увеличить: на две должности обер-офицера для поручений, с назначением по одному такому офицеру к штабам Эриванской и Елисаветпольской бригад, и на 16 объездчиков, 25 стражником и 18 строевых верховых лошадей, предоставив Министру Финансов перечислить для сего порядком, указанным в примеч. 2 к ст. 48 Уст. Там. по прод. 1886 г. соответствующее число людей и лошадей из других приморских бригад стражи» [Чернушевич 1903: 334].

В итоге предложения министерства были удовлетворены и решением правительства от 24 мая 1892 г. Карская бригада пограничной стражи была переведена на персидскую границу и получила наименование «Елисаветпольская» [Плеханов1993: 55].

Деятельность Отдельного корпуса пограничной стражи по охране государственной границы

Таким образом, в конце XIX в. на Кавказе и в Закавказье для охраны государственной границы была создана пограничная стража на твердых воинских началах. Однако, несмотря на то что пограничная стража имела военную организацию руководство оставалось в ведении гражданских чиновников. В результате в соответствии с предложением министра финансов 15 октября 1893 г. пограничная стража выводилась из таможенного управления в Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС) [ПСЗРИ-III. Т. XIII. № 9975: 567]. С образованием ОКПС, на российско-персидской границе располагались Елисаветпольская, Эриванская и Бакинская бригады пограничной стражи, которые совместно с кордонной стражей, состоящей из войсковых подразделений, осуществляли охрану государственной границы [Миклашевский 1887: 351].

Расположение постов Эриванской бригады занимало приграничную с Турцией и Персией полосу на протяжении 395 верст. Елисаветпольская бригада имеет в своем составе 4 отдела и «...протяжением по границе не велика, всего 305 верст».

Бакинская бригада «…в 531 версту, занимая протяжением своим восточную часть Закавказья и образуя как бы неправильный треугольник, с одной стороны является морскою по низменному морскому Каспийскому прибрежью, а с другой стороны сухопутною частью у подножья, а частью на высотах Зувандских гор.

Береговая линия от крайняго севернаго поста Апшеронскаго до самаго южнаго Астаринскаго представляет собою в общем низменное поморье, местами холмистое, лишенное растительности, но, начиная от устья реки Куры, переходит в прибрежную до крайности сырую полосу, пересекаемую болотами, особенно в районах самой Астары и частью Ленкора-

ни. Сухопутная линия, от Астары до Кобжинскаго поста, находится в низменности, спускающейся от отрогов Зувандских гор, и речки Астаринки, составляющей в данном месте границу с Персией» [Шапиров 1898: 7-19].

В 1894 г. с целью усиления охраны российско-персидской границы был увеличен штаб Эриванской и Елисаветпольской бригад пограничной стражи, путем добавления бригадам по одному новому отделу, «…что вызывает надобность в назначении в означенныя бригады всего 6 штаб и 22 обер-офицеров» [Сборник циркуляров 1984: 5].

Как уже было отмечено ранее на российско-персидской границе со стороны Персии действовали вооруженные бандформирования, которые занимались контрабандной деятельностью. Наиболее дерзкие действия контрабандистов отмечались в Бакинском и Ленкоранском районах, где участились случаи прорыва вооруженных групп численностью до 40 человек в Персию [Ульянич 2010: 116]. В итоге в 1894 г. в связи с достаточно частыми случаями прорыва через границу персидских вооруженных бандитских формирований были утверждены временные правила применения оружия чинами ОКПС при осуществлении ими охраны государственной границы, где были четко определено в каких случаях чины ОКПС имеют право применять оружие [Высотенко 2004: 111]. В дальнейшем в период с 1893 г. по 1897 г. между Российской империей и Персией были заключены ряд соглашений, которые позволяли чинам ОКПС пересекать границу с Персией при преследовании контрабандистов или «вооруженных разбойников», что в свою очередь положительно сказалось на подготовке чинов пограничной стражи [Минаков 2004: 184]. Однако пересечение государственной границы разрешалось лишь в экстренных случаях «когда того безусловно требуют обстоятельства дела» [РГВИА. Ф. 4895. Оп. 1. Д. 41. Л. 1].

Как уже отмечалось ранее, совместно с чинами ОКПС охраной государственной границе занимались войсковые подразделения. Наиболее активно войсковые подразделения привлекались для пресечения прорыв вооруженных бандформирований с территории Турции и Персии. Однако количества вооруженных прорывов через государственную границу не уменьшалось [Плеханов 1993: 82-84]. Поэтому министерством финансов был согласован с командующим Кавказского военного округа порядок совместной охраны российско-персидской границы войсковыми и пограничными подразделениями в весенне-летний период времени [Сборник циркуляров 1900: 49-51].

1914 г. ознаменовался началом первой мировой войны. С 18 июля 1914 г. все бригады ОКПС перешли в полное подчинение военного ведомства и приняли участие в боях. Однако бригады пограничной стражи, располагавшиеся на российско-персидской границе, оставались на своих местах и продолжали охранять государственную границу, так как на их участках не было активных боевых действий [Плеханов А.А., Плеханов А.М. 2003: 205].

Заключение

В феврале 1917 г. в Российской империи началась революция, в результате чего вместе с Российской империей прекратил свое существование ОКПС.

Таким образом, до создания на Кавказе специализированной пограничной стражи, охране государственной границы в регионе уделялось недостаточное внимание. Охраной российско-персидской границей занимались разносторонние подразделения, в основном карантинно-таможенные объездчики и переменные команды от казачьих и других иррегулярных войсковых частей. В результате чего системы охраны государственной границы находилась в неудовлетворительном состоянии и не отвечала требованиям безопасности национальных интересов России в регионе. Отсутствие специализированных пограничных подразделений на российско-персидской границе и неприкрытость государственной границы создавало угрозы национальным интересам России. В итоге конце XIX в. российское правительство осознавая имеющуюся опасность национальным интересам, приступило к созданию на Кавказе пограничной стражи.

В результате только после создания на Кавказе специализированной пограничной стражи в регионе появилось подразделение способное обеспечить надежную защиту российско-персидской границы и национальных интересов России в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Боярский 1992 – *Боярский В.И.* На стороже Руси стояти: страницы истории пограничной стражи Российского государства. – М.: Граница, 1992. – 168 с.

Высотенко 2004 – *Высотенко А.В.* Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи отдельным корпусом пограничной стражи: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 284 с.

Минаков 2004 – *Минаков В.П.* Пограничная стража России в войнах второй половины XIX – начала XX века: исторический опыт и уроки: дис... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 238 с.

Плеханов А.А., Плеханов А.М. 2003 – *Плеханов А.А., Плеханов А.М.* Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917): Ист. очерк. – М.: Граница, 2003. – 287 с.

Плеханов 1993 – *Плеханов А.М.* Отдельный корпус пограничной стражи России: крат. ист. очерк. – М.: Граница, 1993. – 282 с.

ПСЗРИ-III – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. 1881-1913 гг.: В 48 т. – СПб.: Государственная типография, 1891. – Т. IX.

ПСЗРИ-III – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. 1881-1913 гг. : В 48 т. – СПб.: Государственная типография, 1897. – Т. XIII.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Сборник циркуляров отдельного корпуса пограничной стражи за 1893 год. – СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1894.– 239 с.

Сборник циркуляров отдельного корпуса пограничной стражи за 1899 год. – СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1900. – 275 с.

Миклашевский 1887 – *Миклашевский М.Н.* Таможенный устав по европейской и азиатской торговле, дополненный соответственными инструкциями и разъяснениями по октябрь 1886 года. – СПб.: Изд. М.Н. Миклашевского, 1887. – 219 с.

Ульянич 2010 – *Ульянич А.М.* Исторические аспекты пограничного и таможенного контроля на границе Российской империи в 1721–1917 гг.: дис… канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2010. – 286 с.

Чернушевич 1903 – *Чернушевич П.М.* Материалы к истории пограничной стражи. Служба в мирное время. Стычки с контрабандистами и прочие происшествия на границе:

(сборник). – Ч. I. – Выпуск I–IV. – СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1900-1906. – Ч. I. – Вып. III. – 1903. – 349 с.

Шапиров 1898 – *Шапиров Б.М.* Кавказские бригады Отдельного Корпуса пограничной стражи в санитарном отношении. – СПб.: Тип. т-ва «Нар. Польза», 1898. – 57 с.

Шапиров 1909 – *Шапиров Б.М.* Наши пограничные окраины на Кавказе: Путевые наброски Бориса Шапирова. – СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1909. – 222 с.

REFERENCES

BOYARSKII V.I. *Na storozhe Rusi stoyati: stranitsy istorii pogranichnoi strazhi Rossiiskogo gosudarstva* [On the watch of Russia stand: pages of the history of the border guard of the Russian state]. – M.: Granitsa, 1992. – 168 p. (In Russ.).

CHERNUSHEVICH P.M. *Materialy k istorii pogranichnoi strazhi. Sluzhba v mirnoe vremya. Stychki s kontrabandistami i prochie proisshestviya na granitse: (sbornik)* [Materials for the history of the border Guard. Peacetime service. Clashes with smugglers and other incidents at the border: (collection)]. – Ch. I. – Vypusk I–IV. – SPb.: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi, 1900-1906. – Ch. I. – Vyp. III. – 1903. – 349 p. (In Russ.).

MINAKOV V.P. *Pogranichnaya strazha Rossii v voinakh vtoroi poloviny XIX– nachala XX veka: istoricheskii opyt i uroki* [Russian Border Guards in the Wars of the Second Half of the XIX – early XX century: historical experience and lessons]: dis... kand. ist. nauk: 07.00.02. – M., 2004. – 238 p. (In Russ.).

PLEKHANOV A.A., PLEKHANOV A.M *Otdel'nyi korpus pogranichnoi strazhi imperatorskoi Rossii (1893–1917): Ist. ocherk* [Separate Corps of the Border Guard of Imperial Russia (1893-1917): Historical report]. – M.: Granitsa, 2003. – 287 p. (In Russ.).

PLEKHANOV A.M. *Otdel'nyi korpus pogranichnoi strazhi Rossii :krat.ist. ocherk* [Separate corps of the Russian Border Guard: A brief historical sketch]. – M.: Granitsa, 1993. – 282 p. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e ***(PSZRI)*** [Complete Compilation of the Laws of Russian Empire. The Third Meeting]. 1881-1913 gg.: V 48t. — Saint-Petersburg: Gosudarstvennaja tipografija. Vol. IX. 1891. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e ***(PSZRI)*** [Complete Compilation of the Laws of Russian Empire. The Third Meeting]. 1881-1913 gg.: V 48t. — Saint-Petersburg: Gosudarstvennaja tipografija. Vol. XIII. 1897. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

Sbornik tsirkulyarov otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi za 1893 god. [Collection of circulars of the separate corps of the Border Guard for 1893.] – SPb.: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi, 1894. – 239 p. (In Russ.).

Sbornik tsirkulyarov otdel'nogo korpus apogranichnoi strazhi za 1899 god. [Collection of circulars of the separate corps of the Border Guard for 1899.] – SPb.: Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi, 1900. – 275 p. (In Russ.).

SHAPIROV B.M. Kavkazskie brigady Otdel'nogo Korpusa pogranichno istrazhi v sanitarnom otnoshenii [Caucasian Brigades of a Separate Border Guard Corps in sanitary terms]. – SPb.: Tip. t-va «Nar. Pol'za», 1898. – 57 p. (In Russ.).

SHAPIROV B.M. Nashi pogranichnye okrainy na Kavkaze: Putevye nabroski Borisa Shapirova [Our border suburbs in the Caucasus: Travel Sketches by Boris Shapirov]. – SPb.: tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhi, 1909. – 222 p. (In Russ.).

MIKLASHEVSKII M.N. Tamozhennyi ustav po evropeiskoi i aziatskoi torgovle, dopolnennyi sootvetstvennymi instruktsiyami i raz"yasneniyami po oktyabr' 1886 goda [Customs Regulations on European and Asian Trade, supplemented with relevant instructions and explanations for October 1886]. – SPb.: Izd. M.N. Miklashevskogo.1887. – 219 p. (In Russ.).

UL'YANICH A.M. Istoricheskie aspekty pogranichnogo i tamozhennogo kontrolya na granites Rossiiskoi imperii v 1721–1917 gg.: dis…kand.ist. nauk: 07.00.02. [Historical aspects of

border and customs control on the border of the Russian Empire in 1721-1917]. – M., 2010. – 286 p. (In Russ.).

VYSOTENKO A.V. Istoricheskii opyt obespecheniya bezopasnosti gosudarstvennoi granitsy Rossiiskoi imperii otdel'nym korpusom pogranichnoi strazhi: dis. …kand.ist. nauk: 07.00.02 [Historical experience of ensuring the security of the state border of the Russian Empire by a separate corps of border guards]. – M., 2004. – 284 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.А. Павлов – кандидат исторических наук

Information about the author

K.A. Pavlov – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 12.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 10.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94«1917-1920»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-61-69
EDN: AKYOWS

УЧАСТИЕ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРЕКЕ В 1917-1920 ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ, ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА, ИТОГИ

Александр Васильевич Николаев
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, Санкт-Петербург, Россия, avn739@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с изучением участия терского казачьего войска в событиях, связанных с Революцией и Гражданской войной 1917-1920 гг., на территории Терской области. Борьба шла за повышение политического статуса терского казачества и Терской области, для чего пришлось вступить в союз с горской либеральной интеллигенцией, которая также боролась за автономию, а затем федерализацию в рамках демократической Российской республики. Приводится анализ причин захвата власти большевиками на Тереке в 1918 г., роли в этом процессе терского казачества, результатах Терского восстания 1918 г. Аргументируется активное участие терского казачества в антибольшевистском вооруженном движении в 1919-1920 гг. Указывается на последствия поражения белого движения для терского казачества, депортацию терских станиц с территории области. Делаются выводы о том, что поражение в Гражданской войне и активное участие на стороне белогвардейцев привели к депортации казачества и лишению «титульного» статуса как терского казачества, так и самой Терской области.

Ключевые слова: Терек, Гражданская война, революция, казаки, белогвардейцы, Советская власть, Вдовенко, Деникин, Владикавказ, Караулов, Терско-Дагестанский край.

Для цитирования: Николаев А.В. Участие Терского казачества в антибольшевистском движении на Тереке в 1917-1920 гг.: политический аспект, вооруженная борьба, итоги // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 61-69. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-61-69. EDN: AKYOWS.

© Николаев А.В., 2023

Original article

PARTICIPATION OF THE TEREK COSSACKS IN THE ANTI-BOLSHEVIK MOVEMENT ON THE TEREK IN 1917-1920: POLITICAL ASPECT, ARMED STRUGGLE, RESULTS

Alexander V. Nikolaev
St. Petersburg State Forest Engineering University, St. Petersburg, Russia, avn739@yandex.ru

Abstract. This article handles the problems related to the study of the participation of the Terek Cossack army in the events related to the Revolution and the Civil War of 1917-1920 on the territory of the Terek region. The struggle was for raising the political status of the Terek Cossacks and the Terek region, for which it was necessary to enter an alliance with the mountain liberal intelligentsia, which also fought for autonomy, and then federalization within the framework of the democratic Russian Republic. An analysis of the reasons for the seizure of power by the Bolsheviks on the Terek in 1918, the role of the Terek Cossacks in this process, the results of the Terek uprising of 1918 are given. The active participation of the Terek Cossacks in the anti-Bolshevik armed movement in 1919-1920 is argued. The consequences of the defeat of the white movement for the Terek Cossacks, the deportation of the Terek villages from the territory of the region, are showed. Conclusions are drawn that the defeat in the Civil War and active participation on the side of the White Guard led to the deportation of the Cossacks and the deprivation of the "titular" status of both the Terek Cossacks and the Tersk region itself.

Keywords: Terek, Civil War, revolution, Cossacks, White Guards, Soviet power, Vdovenko, Denikin, Vladikavkaz, Karaulov, Tersko-Dagestan region

For citation: Nikolaev A.V. Participation of the Terek Cossacks in the anti-Bolshevik movement on the Terek in 1917-1920: political aspect, armed struggle, results // Electronic journal "Caucasology". – 2023. – № 1. – P. 61-69. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-61-69. EDN: AKYOWS.

© Nikolaev A.V., 2023

История Гражданской войны на Северном Кавказе и участие в ней терского казачества всегда привлекали внимание отечественных исследователей. В советский период отечественной истории антибольшевистское движение и, в частности, историю участия казачеств юга России в Гражданской войне, воевавших в основном на стороне белогвардейцев, не принято было изучать подробно, обходясь расхожими клише в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». Постсоветский период в плане историографии участия терского казачества в вооруженном противостоянии 1917-1920 гг. принес огромное количество работ, так или иначе связанных с терской казачьей тематикой. Среди авторов, пишущих по затрагиваемой тематике, следует особо отметить работы Е.Ф. Кринко, Т.Н. Литвиновой, Ф. Киреева, В.Б. Лобанова, А.Т. Джамбулатова, О.А. Жанситова, Ю. Пыльцына, С.А. Орешина. Среди тем, разрабатываемых этими исследователями, следует отметить участие терского казачества в целом в Первой мировой и Гражданской войнах, Терское восстание 1918 г., Южно-Русскую конференцию, боевые действия терских казачьих частей в походе на Москву, борьба с горским восстанием 1919-1920 гг.

Свержение монархии в России в марте 1917 г. придало особый импульс для развития общественного движения в национальных регионах бывшей империи. Революционные изменения не прошли мимо и Терской области, где каждая из национальных групп пыталась «играть на повышение», расширить свое участие в управлении на местах [Литвинова 2017: 157]. Терское казачество в этой связи не стало исключением. Прежняя подчиненная роль по отношению к центру не устраивала верхи казачества.

Первым шагом на пути повышения своего статуса явилось избрание атамана, каковым стал один из активнейших деятелей февральско-мартовского пе-

реворота в Петрограде, член Временного комитета Государственной думы М.А. Караулов. Известный бытописатель казачьего уклада, член 2-ой и 4-ой созыва Государственной думы, он боролся за сближение с горцами [Жанситов 2019: 39], поэтому был авторитетен как среди казачества, так и среди горских активистов. Именно этот казачий политический деятель стал проводником интересов Временного правительства на Тереке, куда он был послан первоначально как комиссар новой победившей власти, а затем, в марте 1917 г., был выбран на Терском круге атаманом [Киреев 2019: 389; Орешин 2015: 85; Джамбулатов, Чекулаев 2017: 98].

Именно компромиссность его фигуры позволило ему принять участие в работе 1-го горского съезда в мае во Владикавказе [Кажаров 2017: 102; Жанситов 2017: 113]. Либеральная горская интеллигенция, понимая бессилие новой власти, решила перехватить инициативу [Матиев 2021: 314] и стать новыми хозяевами Северного Кавказа.

Понимая, что без благосклонного участия терского казачества не обойтись, горское лидеры пригласили на этот съезд атамана М.А. Караулова с частью казачьей старшины. Был найден компромисс на почве неприятия старого режима, якобы на протяжении десятилетий искусно стравливавших казаков и горцев в своих интересах на Кавказе. На этой же основе намечался военно-политический союз против большевиков, которые только весной-летом 1917 г. начинали набирать политические очки.

Однако казачье-горские отношение изначально не были безоблачными. На почве нерешенного земельного противоречия прежде всего между терцами и ингушами и чеченами в этот же период начались межэтнические столкновения, которые так и не были преодолены до момента захвата власти большевиками в центре.

Накануне Октябрьского переворота казаками и горцами были созданы собственные правительства на Тереке – Терское казачье на территории 4 казачьих отделов и Горское на территории 6 национальных округов плюс Дагестан и ряд территорий Закавказья, власть на которые фактически не распространялась.

После захвата власти большевиками в Петрограде терский атаман М.А. Караулов не признал на подконтрольной казачьему правительству территории новую власть, что фактически означало начало гражданской войны в регионе. Однако у обеих сторон противостояния не было реальных вооруженных сил для окончательной победы. Казачьи верхи пытались заручиться поддержкой либерального горского движения, а также возвращавшихся казачьих частей. Созданное в начале декабря 1917 г. Временное Терско-Дагестанское правительство [Лобанов 2021: 71; Кажаров 2018: 30] во главе с терским атаманом изначально показало свою недееспособность. Все в регионе ожидали ответного шага их оппонентов. Большевики также изначально не располагали обширным силовым ресурсом для захвата власти, однако они сыграли на национальном и земельном вопросах в январе-марте 1918 г., что в результате дало им возможность захватить столицу региона Владикавказ практически без боя, провозгласить здесь создание Терской советской республики и стать частью РСФСР.

Все это удалось совершить при благосклонном нейтралитете терского казачества. Однако такой ситуация оставалась недолго. В мае 1918 г. на 3-м съезде народов Терека в ответ на ультиматум ингушской и чеченской делегаций было принято решение о передаче части казачьих земель горским народам. Именно такая односторонняя политика привела к тому, что первоначально вполне лояльное терское казачество стало главной вооруженной силой антибольшевистского сопротивления на Тереке.

В июне 1918 г. на Тереке вспыхнуло антибольшевистское восстание терского казачества, которое поддержали осетины и кабардинцы. Во главе выступления стал терский казак-осетин Г.Ф. Бичерахов. Борьба с Советской властью в регионе затянулась до ноября и фактически продолжалась до захвата территории Советского Терека Добровольческой армией генерала А.И. Деникина. Выступление было разрозненным, не существовало одного фронта и единой программы действий [Пыльцын, Лобанов 2020: 289]. Фактически казаки выступили не против Советской власти, а против большевистских эксцессов на местах. Все это привело к затяжным безрезультатным боестолкновениям на всей территории Терека с последующим отходом сил восставших с одной стороны на соединение с силами Л.Ф. Бичерахова, а после их разгрома с силами Горского правительства в Дагестане, а с другой – с наступавшими с запада войсками генерала А.И. Деникина.

На рубеже 1918-1919 г. вся территория бывшей Терской советской республики была захвачена силами Добровольческой армии (позднее преобразованными в Вооруженные силы на юге России) [Матиев 2020: 238]. В основной своей массе терское казачество поддержало белогвардейцев, став частью конных соединений ВСЮР. В начале 1919 г. был избран новый терский атаман – им стал Г.А. Вдовенко, активный участник Терского восстания.

Терское казачье правительство, как и все казачества юга России, пытались в рамках антибольшевистской борьбы повысить статус своих войск и подконтрольных территорий, требуя автономии (и даже федерализации, как часть кубанского казачества) в рамках белой России и, в перспективе, в рамках единой неделимой России, после победы над большевиками.

В рамках этого процесса терские казачьи верхи приняли участие в Южнорусской конференции лета-зимы 1919 гг., на которой донское, кубанское и терское казачества пытались занять более самостоятельное положение по отношению к главному командованию ВСЮР. Длительные переговоры с представителями ВСЮР в итоге привели к образованию Южнорусского правительства, однако это произошло в момент краха южнорусского белого фронта и не повлияло на положительное развитие военно-политической ситуации для белого лагеря.

Следует особо отметить, что терская делегация никогда не выдвигала федералистских претензий, в отличие от той же кубанской делегации. Этому было множество объяснений, главными из которых были малочисленность терского казачества – сложность этнической обстановки на Тереке заключалась в том, что в области казаков было около 20 % [Пученков 2016: 181], оставались нерешенными поземельные отношения с ингушами и чеченами.

К тому же, помимо воинского контингента, выставленного для продолжения вооруженной борьбы с большевиками в 1919 г., летом и осенью этого года терское казачество напрягало все силы для борьбы с начавшимся в регионе антибелогвардейским восстанием [Лобанов 2022: 99]. На территории Терека и Дагестана [Камбиев 2021: 56-57; Сулаев 2021: 114] сложился конгломерат разнородных сил, главной целью которых была борьба с белогвардейцами на Северном Кавказе. Первоначально разнородные силы осенью 1919 г. были объединены под началом Совета обороны Северного Кавказа и Дагестана [Сулаев 2019: 476], который на начальном этапе возглавляли исламисты, а затем власть в нем перешла к большевикам.

На борьбу с Терско-Дагестанским краем ВСЮР, организационно существовавшим с января 1919 по март 1920 гг. [Добрякова, Донин, Лобанов 2019: 60], основной вооруженной силой которого в регионе было лояльное белогвардейцам терское казачество, встали горцы Терека и Дагестана, турки, грузины, азербайджанцы [Артемьев, Лобанов 2019: 44; Камбиев 2020: 1146-1147], каждые из которых преследовали свои цели. Именно поэтому в такой напряженной ситуации в интересы терского казачьего руководства не входило обострение отношений с верховным командованием ВСЮР. Лояльность терского атамана генерала Г.А. Вдовенко и в целом терского казачества по отношению к белой власти не вызывала у генерала А.И. Деникина никаких сомнений.

Ситуация кардинально изменилась в начале 1920 г., когда в ходе Северокавказской наступательной операции силами Кавказского фронта РККА под командованием М.Н. Тухачевского на Тереке в марте 1920 г. была восстановлена Советская власть. Часть терских частей эвакуировалась в Крым, часть ушла в составе Владикавказского отряда под командованием генерала И.Г. Эрдели в Грузию, где была интернирована.

К проигравшей стороне, каковой в регионе считалось, в частности, терское казачество, практически сразу же были применены карательные меры, выразившиеся в продолжении политики депортации части казачьих станиц, начатой еще в 1918 г. К началу 1921 г., когда официальная политика депортации была остановлена, свои родные станицы вынуждены были покинуть до 25 тысяч казаков.

Помимо массового выселения казачества, еще одним следствие поражения в Гражданской войне для терского казачества была сначала потеря прежнего статуса «хозяина» Терека, что в первый период привело к сужению подконтрольной «титульной» территории до небольшой северной полоски земли в начале 1921 г., первоначально названной победившими большевиками Терской губернией [Кринко 2019: 152]. Остальная территория бывшей Терской области с начала 1921 г. была преобразована в Горскую АССР [Даудов 2012: 31], что свидетельствовало о том, что именно горские народы, а не терские казаки, одержали победу в игре на «повышение».

Однако и Терская губерния с центром в Георгиевске просуществовала недолго – до 1924 г., когда была преобразована в Терский округ с центром в Пятигорске. Но и эта административно-территориальная единица просуществовала недолго – до 1930 г., когда окончательно термин «Терек» исчезает из названия региона. Терское казачество, как, впрочем, и донское, и кубанское, потеря-

ли в результате разгрома белого движения и активной в нем роли вместе с поражением в правах и «титульный» статус в некогда принадлежавших им регионах. И если Область войска Донского, потеряв часть территорий, была переименована в Ростовскую область, Кубанская область, также потеряв часть территорий, была переименована в Краснодарский край, то Терская область перестала существовать и была в итоге разделена на «национальные квартиры».

Подводя краткие выводы, стоит отметить, что все национальные движения (а казаки считали себя именно отдельным народом) пореволюционной России на протяжении 1917-1920 гг. пытались в результате политических преобразований повысить свой административно-территориальный статус в рамках нового государства. И если горское движение Северного Кавказа, вернее его социалистический лагерь, добился своего, повысив свой политический статус с областного до республиканского, то казачество юга России в целом, и, в частности, терское, в результате поражения белого движения потеряло не только власть в регионе, но и в ходе советских административно-территориальных преобразований и советской национальной политики Терская область перестала существовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев, Лобанов 2019 – *Артемьев А.С., Лобанов В.Б.* Добровольческая армия в Терской области: Конец 1918 – первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 43-50.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д.* Революционные вихри 1917 года: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. – С. 98-101.

Добрякова, Донин, Лобанов 2019 – *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917-1920 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 58-67.

Жанситов 2019 – *Жанситов О.А.* Горско-казачьи противоречия в Терской области (1917-1918): факторы эскалации // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2019. – № 3 (46). – С. 36-41.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917-1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Камбиев 2020 – *Камбиев А.М.* Азербайджанская Демократическая Республика и ее политика в отношении Терека и Дагестана (вторая половина 1919 – первая половина 1920 гг.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 1140-1173.

Камбиев 2021 – *Камбиев А.М.* Терек и Дагестан под власть Терско-Дагестанского края ВСЮР (начало 1919 – март 1920 гг.) // Тенденции развития науки и образования. - 2021. - № 80-3. - С. 55-57.

Киреев 2019 – *Киреев Ф.С.* Из истории войсковых регалий Терского казачьего войска // Терский сборник. – Екатеринбург, 2021. – Выпуск 4. – С. 388-395.

Кринко 2019 – *Кринко Е.Ф.* Национально-государственные и административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в 1920-1930-х гг. // Magna Adsurgit: Historia Studiorum. – 2019. – № 2. – С. 151-164.

Литвинова 2017 – *Литвинова Т.Н.* Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революций 1917 года и гражданской войны // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20. – № 4. – С. 154-168.

Лобанов 2021 – *Лобанов В.Б.* Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период Революции и Гражданской войны, 1917-1920 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 67-80.

Лобанов 2022 – *Лобанов В.Б.* Гражданская война на Северном Кавказе: Горская республика (май 1918 – май 1919 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. - № 3. – С. 95-104.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917-1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Орешин 2015 – *Орешин С.А.* Становление и кризис казачьей государственности на Тереке (1917 – начало 1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 84-88.

Пученков 2016 – *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). – М.: Научно-популярная книга, 2016. – 399 с.

Пыльцын, Лобанов 2020 – *Пыльцын Ю.С., Лобанов В.Б.* Терское восстание 1918 г. – стихийное выступление или спланированная операция? // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2 (26). – С. 285-293.

Сулаев 2019 – *Сулаев И.Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917-1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

Сулаев 2021 – *Сулаев И.Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917-1921 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2021. – 199 с.

REFERENCES

ARTEMYEV A.S., LOBANOV V.B. *Dobrovol'cheskaya armiya v Terskoj oblasti: Konec 1918 – pervaya polovina 1919 gg.* [The Volunteer Army in the Tersk region: The end of 1918 – the first half of 1919]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – No. 1. – pp. 43-50. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR* [The state structure of the Mountain ASSR]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 1. – S. 31-41. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolyucionnye vihri 1917 goda: Kizlyarshchina ot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary whirlwinds of 1917: Kizlyar region from February to October]. IN: Revolyucii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb.: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., DONIN A.YA., LOBANOV V.B. *Antibol'shevistskie sily Tersko-Dagestanskogo regiona v period Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg.* [Anti-Bolshevik forces of the Tersk-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – No. 2. – pp. 58-67. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Gorsko-kazach'i protivorechiya v Terskoj oblasti (1917-1918): faktory eskalacii* [Mountain-Cossack contradictions in the Terek region (1917-1918): factors of escalation]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2019. – № 3 (46). – Pp. 36-41.

ZHANSITOV O.A. *Revolyucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 2 (76). – S. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchie sily i itogi (1917-1919 gg.)* [The organization "Union of United Mountaineers" and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1(214). – S. 28-38. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Azerbajdzhanskaya Demokraticheskaya Respublika i ee politika v otnoshenii Tereka i Dagestana (vtoraya polovina 1919 – pervaya polovina 1920 gg.)* [The Azerbaijan Democratic Republic and its policy towards Terek and Dagestan (the second half of 1919 – the first half of 1920)]. IN: Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. – 2020. – Vol. 4. – No. 4. – pp. 1140-1173. (In Russ.).

KAMBIEV A.M. *Terek i Dagestan pod vlast' Tersko-Dagestanskogo kraya VSYUR (nachalo 1919 – mart 1920 gg.)* [Terek and Dagestan under the rule of the Tersk-Dagestan region of the AFSR (early 1919 – March 1920)]. IN: Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2021. – №. 80-3. – Pp. 55-57.

KIREEV F.S. *From the history of the military regalia of the Terek Cossack Army* [Iz istorii voiskovykh regalii Terskogo kazach'ego voiska]. IN: Tersky collection. – Yekaterinburg, 2021. – Issue 4. – Pp. 388-395.

KRINKO E.F. *Nacional'no-gosudarstvennye i administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v 1920-1930-h gg.* [National-state and administrative-territorial transformations in the North Caucasus in the 1920s-1930s.]. IN: Magna Adsurgit: Historia Studiorum. – 2019. – No. 2. – Pp. 151-164. (In Russ.).

LITVINOVA T.N. *Politicheskaya institucionalizaciya i bor'ba elit na Severnom Kavkaze v period revolyucij 1917 goda i grazhdanskoj vojny* [Political institutionalization and the struggle of elites in the North Caucasus during the revolutions of 1917 and the Civil War]. IN: Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2017. – Vol. 20. – No. 4. – Pp. 154-168. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Administrativno-territorial'noe delenie Tereka i Dagestana v period Revolyucii i Grazhdanskoj vojny, 1917-1920 gg.* [Administrative-territorial division of Terek and Dagestan during the Revolution and Civil War, 1917-1920]. IN: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – No. 1. – pp. 67-80. (In Russ.).

LOBANOV V.B. *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze: Gorskaya respublika (maj 1918 – maj 1919 gg.)* [Civil War in the North Caucasus: the Mountain Republic (May 1918 – May 1919))]. IN: Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya». – 2022. – No. 3. – pp. 95-104.

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)* [The Mountain National Movement in Revolutions and Civil War in the North Caucasus (1917-1921)]. – Nazran': OOO «Kep», 2020. – 402 s. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyucii i grazhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain national movement" in the modern historiography of the revolution and civil War of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. CH.E. Ahrieva. – Magas: KEP LLC, 2021. – Pp. 309-316. (In Russ.).

ORESHIN S.A. *Stanovlenie i krizis kazach'ej gosudarstvennosti na Tereke (1917 – nachalo 1918 gg.)* [The formation and crisis of Cossack statehood on the Terek (1917 – early 1918)]. IN: Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2015. – Vol. 7. – No. 1. – Pp. 84-88. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. – M.: Nauchno-populyarnaya kniga, 2016. – 399 p. (In Russ.).

PYLTSYN YU.S., LOBANOV V.B. *Terskoe vosstanie 1918 g. – stihijnoe vystuplenie ili splanirovannaya operaciya?* [The Terek uprising of 1918 – a spontaneous performance or a planned operation?]. IN: Peterburgskij istoricheskij zhurnal. – 2020. – No. 2(26). – pp. 285-293. (In Russ.).

SULAEV I. H. *Musul'manskoe duhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast': bor'ba i sotrudnichestvo (1917-1921 gg.)* [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation (1917-1921)]. – Mahachkala: DGU, 2021. – 199 s. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyatii i deyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and deeds of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1-2. – S. 463-487. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Николаев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Nikolaev – Candidate of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 94«1917-1921»
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-70-78
EDN: AMJAHN

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПЛАНЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Владимир Борисович Лобанов
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9608-6619

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с современной отечественной историографией, посвященной Революции и Гражданской войне на территории Терской и Дагестанской областей в 1917-1921 гг. Утверждается, что постсоветский период предоставил отечественным историкам уникальную возможность исследовать ранее малоизученные темы, связанные с административно-территориальными и национально-государственными изменениями в терско-дагестанском регионе, с историей казачества и его участием в антибольшевистском движении на Тереке. Также пристальное внимание историков уделено изучению вопросов, связанных с деятельностью горского либерального общественного движения, влиянию исламистов на ход революционных событий в регионе. Делаются выводы о том, что отечественная историография революционного периода на Северном Кавказе переживает период расцвета, что данная тематика привлекает внимание не только северокавказских историков, но также исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга.

Ключевые слова: Революция, Гражданская война, Терек, Дагестан, казаки, горцы, исламисты, белогвардейцы

Для цитирования: Лобанов В.Б. Политическая элита Северного Кавказа в годы революции и гражданской войны: планы и реализация политический концепций // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 70-78. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-70-78. EDN: AMJAHN.

© Лобанов В.Б., 2023

Original article

THE POLITICAL ELITE OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE REVOLUTION AND CIVIL WAR: PLANS AND IMPLEMENTATION OF POLITICAL CONCEPTS

Vladimir B. Lobanov
Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, lobanov19772009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9608-6619

Abstract. The article handles the problems associated with modern Russian historiography devoted to the Revolution and the Civil War on the territory of the Terek and Dagestan regions in 1917-

1921. Some argue the post-Soviet period provided Russian historians with a unique opportunity to explore previously little-studied topics related to administrative-territorial and national-state changes in the Terek-Dagestan region, with the history of the Cossacks and their participation in the anti-Bolshevik movement on the Terek. Historians also pay close attention to the study of issues related to the activities of the mountain liberal social movement, the influence of Islamists on revolutionary events in the region. It is concluded that the Russian historiography of the revolutionary period in the North Caucasus is experiencing a flourishing period; this topic attracts the attention of not only North Caucasian historians but also researchers from St. Petersburg, Moscow, Yekaterinburg.

Keywords: Revolution, Civil War, Terek, Dagestan, Cossacks, highlanders, Islamists, White Guards

For citation: Lobanov V.B. The political elite of the North Caucasus during the revolution and civil war: plans and implementation of political concepts. In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – No. 1. – P. 70-78. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-70-78. EDN: AMJAHN.

© Lobanov V.B., 2023

В современной отечественной историографии, посвященной периоду Революции и Гражданской войне на Тереке и Дагестане в 1917-1921 гг., особое место уделено нескольким направлениям изучения. Прежде всего это касается проблематики национально-государственных преобразований в регионе, связанной как с большевистской, так и с антибольшевистской государственностью (А.С. Пученков, А.Г. Кажаров, А.Х. Даудов, К.Р. Амбарцумян). Также пристальное внимание исследователей привлечено к участию терского казачества в революционных событиях (Ф.С. Киреев, Ю.С. Пыльцын, Р.Г. Гагкуев). Еще одним направлением изучения является либеральное горское движение, пытавшееся активно влиять на события (Т.Х. Матиев, О.А. Жанситов, Т.Н. Литвинова). Также без внимания историков не обошлось религиозное движение Терека и Дагестана, повлиявшее на итоги Гражданской войны в регионе (Х.М. Доного, И.Х. Сулаев). Цель данного исследования – дать краткую характеристику современного состояния отечественной историографии по каждому из представленных направлений.

Период отечественной истории применительно к событиям на территории Терской и Дагестанской областей, с момента свержения монархии в начале 1917 г. по момент создания Горской и Дагестанской АССР и Терской губернии в начале 1921 г., крайне насыщен событиями. Это время бурного национально-государственного и административно-территориального переустройства терско-дагестанского региона. Причем все стороны военно-политического противостояния пытались закрепиться в регионе путем своего госстроительства. Первым еще автономистским и лоялистским по отношению к победившей власти Временного правительства был проект общественной организации, созданной по итогам 1-го горского съезда мая 1917 г. [Жанситов 2017: 113] – Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Этот союз планировал создать на базе горских районов Терека, Дагестана, части Ставрополья и Закавказья отдельный регион – «штат» в составе демократической федеративной Российской республики. Проект остался нереализованным, как и Юго-Восточный союз, который уже создавался как антибольшевистский оплот на юге России.

Первым относительно удачным национально-государственным проектом антибольшевистской направленности на Северном Кавказе оказалось создание Временного Терско-Дагестанского правительства, объединившего казачьих и горских антибольшевиков Терека и Дагестана [Пученков 2016: 182]. Однако местных сил оказалось недостаточно, чтобы противостоять большевизации региона.

Сыграв на национальных и земельных противоречиях, большевики во главе с С.М. Кировым в марте 1918 г. провозгласили на Тереке советскую власть, создав Терскую советскую республику в составе РСФСР, с июля 1918 г. республика вошла в состав Северо-Кавказской ССР, просуществовавшей до февраля 1919 г. В апреле 1918 г. основные центры Дагестана были захвачены большевиками, что в свою очередь не привело к созданию там советской республики.

Следующим государственным образованием на Северном Кавказе по хронологии было создание Кавказско-Каспийского союза, появившегося в сентябре 1918 г. и просуществовавшего до ноября этого года. История появления этого союза такова. В августе 1918 г. с территории, подконтрольной на тот момент Диктатуре Центрокаспия, на территорию советизированного Дагестана вступили войска под командованием Л.Ф. Бичерахова. Свергнув здесь Советскую власть, силы Л.Ф. Бичерахова заручились поддержкой Уфимской директории, от которой Лазарь Федорович получил чин генерала и пост главы новосозданного союза, который должен был распространять свою власть на часть Дагестана, Терека, Закавказья и Закаспия. Краткая история этого государственного новообразования закончилась в ноябре 1918 г., когда войска союза были выбиты из Дагестана турками совместно с горскими силами.

После разгрома и изгнания сил Л.Ф. Бичерахова с ноября 1918 г. на территории Дагестана появляется правительство, провозгласившее еще в мае 1918 г. в Батуме создание Горской республики. Фактически это было продолжение того, что планировали либеральные горские деятели еще в 1917 г. Однако вместо автономии была предпринята попытка создать вполне самостоятельное светское горское государство по образцу Швейцарии. Эта попытка, как и многие другие, не подкрепленная ни внешней помощью, ни активной поддержкой внутри «государства», была обречена на провал при столкновении с более сильной структурой, каковой оказалась Белая армия генерала А.И. Деникина. Все попытки Горской республики договориться с добровольцами не имели успеха – каждая из сторон признавала законность только своих претензий на территории между Черным и Каспийским морями. Не имея значительной армии и отлаженного госаппарата, Горская республика в мае 1919 г. была захвачена белогвардейцами практически без какой-либо борьбы.

На рубеже 1918-1919 гг. на территории Терека появляется новая военно-политическая сила, которая в той или иной степени контролировала Терек и Дагестан до марта 1920 г. – Добровольческая армия, а чуть позже Вооруженные силы на юге России во главе с генералом А.И. Деникина. В начале 1919 г. в составе территорий, занятых Белой армией, появилась новая административно-территориальная единица – Терско-Дагестанский край ВСЮР. Во главе края первоначально был поставлен генерал В.П. Ляхов [Амбарцумян 2020: 17], а с апреля 1919 г. – генерал И.Г. Эрдели. Оба генерала участвовали в вооруженной борьбе по

захвату Терека и свержению Советской власти в регионе. Каждый из народов края получил своего правителя, который напрямую подчинялся главе края, при каждом правителе образовывался совет для решения местных задач. Основные задачи, которые пришлось решать руководству края – создание воинских частей из местных народов и затяжная борьба с повстанческим горским движением во второй половине 1919 – начале 1920 гг. Его возглавляли первоначально исламисты, которым оказывали поддержку турки, грузины и азербайджанцы, позже власть в Совете обороны Северного Кавказа и Дагестана перехватили большевики.

Одновременно с белогвардейцами на территорию Северного Кавказа с сентября 1919 г. претендовал Северо-Кавказский эмират во главе с Узун-Хаджи Салтинским. Столица «эмирата» находилась в Ведено, ориентировался он на Османскую империю, которая к тому моменту уже потерпела поражение в Первой мировой войне и была частично оккупирована войсками западных союзников. Фактически власть Узун-Хаджи распространялась только на некоторые районы горной Чечни и Дагестана, эмират был критически зависим от военной и денежной помощи большевиков, которая осуществлялась через Н.Ф. Гикало, который одновременно командовал одной из частей «армии» эмирата. Эмирату пришлось согласиться на тактический союз с Советом обороны Северного Кавказа и Дагестана, что фактически сделало его союзником большевиков в борьбе против сил Терско-Дагестанского края ВСЮР. После захвата Северного Кавказа большевиками в марте 1920 г. была сделана попытка перетянуть уже на официальной основе Узун-Хаджи на свою сторону, однако он отказался от сотрудничества, после чего внезапно умер, что стало концом Северо-Кавказского эмирата как очередного государственного образования в регионе.

Северный Кавказ был повторно большевизирован в марте 1920 г. в результате успешной военной операции Кавказского фронта РККА под командованием М.Н. Тухачевского. Первоначально административно-территориальная структура региона не претерпела существенных изменений, однако во второй половине 1920 г. советское руководство приступило к разработке нового национально-государственного деления терско-дагестанского региона. Вызвано это было как начавшимся антибольшевистским восстанием в Дагестане под руководством Нажмуддина Гоцинского, так и идейным брожением среди горского населения и запросом на горскую автономию. Собственно проект курировал нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Местные народы были поделены на «победителей» и «побежденных», и именно эти статусы должны были быть отражены в новом административно-территориальном делении, который появился в начале 1921 г. Победители, т.е. горские народы, получили две автономии в составе РСФСР – Горскую [Даудов 2012: 32] и Дагестанскую АССР в составе горских районов бывших Терской и Дагестанской областей плюс некоторые казачьи территории. Побежденные, т.е. терское казачество, потеряли «титульный» статус в рамках бывшей области, оставив за собой узкую полосу земли, преобразованную в Терскую губернию со столицей в Георгиевске. Однако Горская АССР также просуществовала недолго и к 1924 г. в связи с неразрешимыми внутренними противоречиями была разделена на национальные области, а Терская губерния сначала превратилась в Терский округ, а затем также прекратила свое существование.

Тематика, связанная с историей терского казачества и его ролью в революционных процессах на Тереке в 1917-1921 гг., привлекает значительное внимание современных отечественных исследователей. Несмотря на то, что казачество было одним из привилегированных сословий Российской империи и таковым его считали те же горские народности Терской области, внутри него самого протекали противоречивые процессы. Достаточно упомянуть тот факт, что одной из центральных фигур, участвовавших в свержении монархии в России, был депутат 2-го и 4-го созывов Государственной Думы, терский казачий общественный деятель М.А. Караулов. Именно он был одним из членов Временного комитета Государственной Думы, а затем был направлен от Временного правительства комиссаром в Терскую область. Неслучайно в этой связи и то, что именно Караулов стал первым выборным атаманом терского казачества в 1917 г. [Орешин 2015: 85].

Следует особо упомянуть, что верхи казачества и горских общественных деятелей вполне успешно находили общий язык на протяжение всех революционных событий в регионе. На 1-ом горском съезде во Владикавказе, куда была приглашена терская казачья делегация во главе с М.А. Карауловым, казаки и горцы нашли общий язык на основе общего неприятия старого режима, который якобы специально стравливал народы друг на друга, осуществляя тем самым управление Тереком в интересах империи. Что касается низового уровня, тот тут противоречия были неразрешимыми. Особенно чувствительными были земельный конфликт между казаками с одной стороны и чеченцами и ингушами с другой.

Столкновения начались практически сразу после победы революции, весной 1917 г. Казачья старшина в союзе с горскими общественниками пыталась потушить конфликт, однако реальных рычагов для изменения ситуации ни у кого не было. Низы казачества стали обвинять свое руководство в потворстве горцам, на чем не преминули сыграть большевики. Именно это привело к гибели первого терского атамана М.А. Караулова в декабре 1917 г. [Пыльцын 2018: 453], это же привело к тому, что большевики фактически нейтрализовали терское казачество, стремившееся к радикальному решению конфликта с чеченцами и ингушами. Первый съезд народов Терека в январе-феврале 1918 г. запретил казакам начать войну с горцами, именно благодаря нейтралитету казачества большевики в марте 1918 г. свергли власть бессильного Временного Терско-Дагестанского правительства и провозгласили на Тереке Советскую власть.

Только 3-ий съезд народов Терка в мае 1918 г. изменил отношение терского казачества к большевикам. Под давлением чеченской и ингушской фракций съезда руководство Терской советской республики решило перераспределить часть казачьих земель в пользу горцев. Ранее нейтральное в целом казачество Терека встало на путь вооруженной борьбы с большевиками. Восстание, начавшееся в июне и вовлекшее в себя часть осетин и кабардинцев, продолжалось в активной фазе полгода, до ноября 1918 г., а фактически не останавливалось до вступления на Терек Добровольческой армии в конце 1918 г. Казаки, не пожелавшие снова оказаться под властью большевиков, отступили в конце 1918 г. на территорию, контролировавшуюся тогда Горским правительством, с которым заключили договор о совместной борьбе с большевиками.

С момента вступления белогвардейцев на территорию Терека терское казачество активно включилось в антибольшевистскую борьбу, в начале 1919 г. был избран новый терским атаман, им стал генерал Г.А. Вдовенко [Киреев 2017: 239]. Казачество напрягало все свои силы, принимая участие в формировании новых частей как для продолжения вооруженной борьбы за пределами Терской области, так и внутри области для борьбы с горскими повстанцами во второй половине 1919 – начале 1920 гг. [Гагкуев, Шилова 2019: 86] Терские казачьи верхи приняли участие в Южно-Русской конференции в 1919 г., в результате которой должна было быть сформирована новая система власти антибольшевистского юга России. В отличие от тех же кубанцев, терское казачество не было заражено «самостийничеством», на что были свои причины, главными из которых был напряженная межэтническая ситуация на Тереке и горское повстанческое движение в 1919-1920 гг.

Именно активная роль терского казачества в антибольшевистской борьбе на протяжение 1919-1920 гг. привела к тому, что победившие весной 1920 г. большевики начали проводить карательную политику по отношению к казачеству. Применительно к Тереку антиказачья политика большевиков заключалась в переселении части станиц и передаче земель в пользу чеченцев и ингушей и упразднению «титульного» статуса казачества в пользу горских народов.

Что касается либерального горского движения, то оно было представлено на территории Терека и Дагестана достаточно широким относительно всего населения двух областей слоем военной и гражданской интеллигенции. По своим взглядам горская интеллигенция была ближе к кадетам с местной национальной спецификой.

После свержения монархии в России именно либеральные горские деятели получили простор для реализации свои общественных установок [Матиев 2021: 311]. Прежде всего на 1-ом горском съезде в мае 1917 г. [Кажаров 2017: 102] была создана главная общегорская либеральная общественная организация революционной поры – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В первоначальных планах союза было создание национально-культурной автономии [Литвинова 2017: 157] с выделением горских районов Северного Кавказа и Закавказья в отдельную административно-территориальную единицу в будущей федеративной демократической России.

Но Временное правительство не удержало власть, пришлось на местах создавать противовес для борьбы с региональной угрозой большевизма. Горские либералы пошли на союз с казачьими верхами, создали Временное Терско-Дагестанское правительство, но оно продержалось недолго. Первоначально горские общественники оказались в Дагестане, а позже в Тифлисе. В мае 1918 г., в ходе Батумской мирной конференции, либеральные активисты провозгласили создание Горской республики с опорой на Османскую и Германскую империи.

Им удалось реализовать свои политические амбиции только после захвата власти в Дагестане в октябре-ноябре 1918 г. Обосновавшись здесь, они вступили в конфликт с белогвардейцами, что в итоге привело их к поражению в мае 1919 г. После поражения и изгнания с территории Северного Кавказа горские либералы участвовали в политической жизни Закавказья в надежде повлиять на

политический климат Терека и Дагестана, даже приписывали себе руководящую роль в горском повстанческом движении 1919-1920 гг. Более реалистичным было идейное влияние и сам факт существования Горской республики, что в конечном счете повлияло на создание уже победившими большевиками на территории Терека советской Горской АССР в начале 1921 г.

Наконец, роль исламского движения на ход революционных событий в терско-дагестанском регионе не стоит преуменьшать. Именно в постсоветский период отечественной историографии этому фактору придается подобающее ему значение. После свержения монархии в России именно исламисты Северного Кавказа боролись за власть с местными либералами. Первоначально силы были равны, и даже на каком-то этапе «шариатисты» имели определенное преимущество. Это они показали на 1-ом горском съезде мая 1917 г., по итогам которого был создан муфтият Северного Кавказа, во главе которого стал аварский богослов Нажмуддин Гоцинский [Доного 2011: 114]. Однако попытка провозгласить его имамом Северного Кавказа на Андийском съезде потерпела поражение.

Окончательно потеряв надежду стать имамом после дагестанского съезда в январе 1918 г., Нажмуддин Гоцинский разошелся во взглядах с Узун-Хаджи Салтинским, с этого момента проводившим самостоятельную политику. В итоге исламисты во главе с Нажмуддином Гоцинским поддержали власть генерала А.И. Деникина на Северном Кавказе в 1919 г. [Сулаев 2019: 476], а исламисты во главе с Узун-Хаджи Салтинским приняли активное участие в антидобровольческом повстанческом движении в союзе с большевиками. В итоге в 1920 г. Узун-Хаджи умирает после захвата власти большевиками на Северном Кавказе, а Нажмуддин Гоцинский поднимает восстание в Дагестане против большевиков. Однако после создания Дагестанской АССР и перехода от политики военного коммунизма к НЭПу восстание пошло на спад, а сам глава повстанцев долго скрывался, пока не сдался большевикам и не был расстрелян в 1925 г.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что современная отечественная историография, посвященная Революции и Гражданской войне на территории Терека и Дагестана, переживает поистине небывалый расцвет. Связано это как с тем, что сняты прежние идеологические запреты на исследование определенной тематики, так и с предоставившейся для исследователей возможностью использовать в своих работах ранее засекреченные материалы центральных и региональных архивов. Такие направления в историографии, как национально-государственное и административно-территориальное строительство в 1917-1921 гг., история терского казачества в революционный период, либеральное и исламистское движение Терека и Дагестана, привлекают пристальное внимание как северокавказских исследователей, так и историков из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Амбарцумян 2020 – *Амбарцумян К.Р.* Горская республика в представлениях британской миссии и Добровольческой армии (1919-1920 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 4. – С. 14-22.

Гагкуев, Шилова 2019 – *Гагкуев Р.Г., Шилова С.Г.* «Терское войско собственными руками вычистило родные станицы от заразы»: Горско-Моздокские полки в рядах ВСЮР в

начале 1919 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 84-92.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Доного 2011 – *Доного Х.М.* Нажмуддин Гоцинский. – Махачкала: ДГПУ, 2011. – 560 с.

Жанситов 2017 – *Жанситов О.А.* Революционные процессы в национальных округах Терской области (1917-1918) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2017. – № 2 (76). – С. 113-118.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917-1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Киреев 2017 – *Киреев Ф.С.* Атаман Терского казачьего войска Герасим Андреевич Вдовенко // Терский сборник. Выпуск 2. Ответственный за выпуск О.В. Губенко. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский Дом МИРАКЛЬ», 2017. – С. 237-246.

Литвинова 2017 – *Литвинова Т.Н.* Политическая институционализация и борьба элит на Северном Кавказе в период революций 1917 года и гражданской войны // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20. – № 4. – С. 154-168.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917-1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Орешин 2015 – *Орешин С.А.* Становление и кризис казачьей государственности на Тереке (1917 – начало 1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 84-88.

Пученков 2016 – *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). – М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.

Пыльцын 2018 – *Пыльцын Ю.С.* Воинская подготовка в Терском казачьем войске в период Гражданской войны // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. сборник статей. Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН; Удмуртский государственный университет. – Ижевск: Изд-во «АлкиД», 2018. – С. 452-460.

Сулаев 2019 – *Сулаев И.Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917-1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

REFERENCES

AMBARTSUMYAN K.R. *Gorskaya respublika v predstavleniyah britanskoj missii i Dobrovol'cheskoj armii (1919-1920 gg.)* [The Mountain Republic in the representations of the British Mission and the Volunteer Army (1919-1920)]. IN: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – No. 4. – Pp. 14-22. (In Russ.).

GAGKUEV R.G., SHILOVA S.G. *«Terskoe vojsko sobstvennymi rukami vychistilo rodnye stanicy ot zarazy»: Gorsko-Mozdokskie polki v ryadah VSYUR v nachale 1919 goda* [«The Terek army cleaned the native villages from infection with their own hands»: Gorsko-Mozdok regiments in the ranks of the VSYUR at the beginning of 1919]. IN: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2019. – Vol. 24. – No. 4. – Pp. 84-92. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR* [The state structure of the Mountain ASSR]. IN: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. – 2012. – № 1. – S. 31-41. (In Russ.).

DONOGO KH. M. *Najmuddin Gotsinsky* [Najmuddin Gotsinsky]. – Makhachkala: DSPU, 2011. – 560 p. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Revolyucionnye processy v nacional'nyh okrugah Terskoj oblasti (1917-1918)* [Revolutionary processes in the national districts of the Tersk region (1917-1918)]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2017. – № 2 (76). – S. 113-118. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskih processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Mountain intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4 (209). – S. 100-110. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Ataman Terskogo kazach'ego vojska Gerasim Andreevich Vdovenko* [Ataman of the Terek Cossack army Gerasim Andreevich Vdovenko]. IN: Terskij sbornik. Vypusk 2. Otvetstvennyj za vypusk O.V. Gubenko. – Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu «Izdatel'skii Dom MIRAKL"», 2017. – Pp. 237-246. (In Russ.).

LITVINOVA T.N. *Politicheskaya institucionalizaciya i bor'ba elit na Severnom Kavkaze v period revolyucij 1917 goda i grazhdanskoj vojny* [Political institutionalization and the struggle of elites in the North Caucasus during the revolutions of 1917 and the Civil War]. IN: Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2017. – Vol. 20. – No. 4. – Pp. 154-168. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyucii i grazhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain national movement" in the modern historiography of the revolution and civil War of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. CH.E. Ahrieva. – Magas: KEP LLC, 2021. – Pp. 309-316. (In Russ.).

ORESHIN S.A. *Stanovlenie i krizis kazach'ej gosudarstvennosti na Tereke (1917 – nachalo 1918 gg.)* [The formation and crisis of Cossack statehood on the Terek (1917 – early 1918)]. IN: Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2015. – Vol. 7. – No. 1. – Pp. 84-88. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [The national policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. – M.: Scientific and Political book, 2016. – 399 p. (In Russ.).

PYLTSYN Y.S. *Voinskaya podgotovka v Terskom kazach'em vojske v period Grazhdanskoj vojny* [Military training in the Tersk Cossack army during the Civil War]. IN: Grazhdanskaya vojna v regionah Rossii: social'no-ekonomicheskie, voenno-politicheskie i gumanitarnye aspekty. Sbornik statej. Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UdmFIC UrO RAN; Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. – Izhevsk: Izd-vo «AlkiD», 2018. – Pp. 452-460. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyatii i deyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and deeds of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1-2. – S. 463-487. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Б. Лобанов – кандидат исторических наук.

Information about the author

V.B. Lobanov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 22.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 22.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 94(470.62)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-79-93
EDN: BCSKUH

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РКП(Б) НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НЭПУ: 1920–1924 ГГ.

Мария Сергеевна Диривянкина
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, dirivyankina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3014-8199

Аннотация. Комплекс мер, применявшихся большевистским правительством после установления своей власти в 1917 г. и основанный на военно-мобилизационных и насильственных методах, вошел в историю как политика военного коммунизма. Повторно установив Советскую власть в 1920 г. на территории Кубано-Черноморской области, перед большевиками стояли две основных задачи – обеспечение населения Центральной России продовольствием и решение земельного вопроса, которые предстояло решить путем насильственного сбора продовольствия и уравнительного землепользования. Внедрение военно-коммунистических практик на территории региона встречало активное сопротивление населения. Провозглашение в марте 1921 г. перехода к новой экономической политике не смогло существенно изменить ситуацию в регионе, поскольку вплоть до 1924 г., когда был принят новый курс «Лицом к деревне», имело место сохранение рецидивов военного коммунизма.

Ключевые слова: военный коммунизм, нэп, Кубано-Черноморье, продразверстка, продналог, земельная политика

Для цитирования: Диривянкина М.С. Аграрная политика РКП(б) на Кубани и Черноморье в условиях перехода от военного коммунизма к нэпу: 1920–1924 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 79-93. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-79-93. EDN: BCSKUH.

© Диривянкина М.С., 2023

Original article

AGRARIAN POLICY OF THE RCP(B) IN THE KUBAN AND THE BLACK SEA REGION IN CONDITIONS OF THE TRANSITION FROM WAR COMMUNISM TO NEP: 1920–1924

Maria S. Dirivyankina
Kuban State University, Krasnodar, Russia, dirivyankina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3014-8199

Abstract. The complex of measures applied by the Bolshevik government after the establishment of its power in 1917 and based on military mobilization and violent methods, went down in history as the policy of war communism. Because of this, having re-established Soviet power in 1920 on the territory of the Kuban-Black Sea region, the Bolsheviks faced two main tasks: provid-

ing the population of Central Russia with food and solving the land issue, which had to be resolved through the forcible collection of food and egalitarian land use. Introducing military-communist practices in the region met with active resistance from the population. The proclamation in March 1921 of the transition to a new economic policy could not significantly change the situation in the region, since until 1924, when the new course “Facing the Village” was adopted, the relapses of war communism persisted.

Keywords: war communism, NEP, Kuban-Black Sea region, food appropriation, tax in kind, land policy

For citation: Dirivyankina M.S. Agrarian policy of the RCP (B) in the Kuban and the Black Sea region in conditions of the transition from war communism to nep: 1920–1924. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 79-93. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-79-93. EDN: BCSKUH.

© Dirivyankina M.S., 2023

Введение

После прихода к власти в 1917 г. перед большевиками неизбежно возник вопрос о реализации плана построения нового государства на основах равенства и социальной справедливости. Одним из сложных вопросов для большевиков было установление диалога с крестьянством, которое надеялось на получение в собственное распоряжение достаточного количества земли. Но в условиях начавшейся Гражданской войны и возникшей в связи с этим острой нехватки продовольствия РКП(б) и СНК РСФСР были вынуждены принять ряд декретов, которые содержали комплекс мер, получивших в истории название «политика военного коммунизма». В основе этой политики лежало принудительное изъятие продовольствия у российского крестьянства с применением репрессий в отношении тех, кто отказывался исполнять декреты советской власти. Так большевики лишили крестьянство возможности самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, тем самым способствуя формированию вооруженного противостояния в российской деревне.

Первые изменения в экономической политике были связаны с решениями X съезда РКП(б) в марте 1921 г. В период обострения политической ситуации осенью-зимой 1920–1921 гг. возникла необходимость пересмотра продовольственной политики большевиков. Новые проекты экономических реформ уже разрабатывались в недрах Высшего Совета Народного Хозяйства. Свою идею высказывал и Л.В. Троцкий, который предлагал организовать натуральный товарообмен между городом и деревней, и отказаться от реквизиционной политики. Предложения Троцкого основывались на необходимости отмены продразверстки и замены ее продовольственным налогом, что было отклонено большинством Центрального Комитета партии во главе с Лениным [Протоколы… 1933: 352]. Принятая впоследствии в марте 1921 г. резолюция, с которой началась новая экономическая политика, устанавливала вместо продразверстки прогрессивный, меньший по размеру продналог, который взимался исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем. Хозяйства беднейших крестьян, согласно резолюции, могли быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях от всех видов натурального налога. Были

предусмотрены и стимулирующие меры, так налоговые льготы получали крестьянские и казачьи хозяйства, увеличивающие свою производительность. Оставшимися после сдачи продналога излишками крестьянство могло распоряжаться по своему собственному усмотрению, в частности для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности [Протоколы… 1933: 564–566]. Таким образом государство стремилось ликвидировать недовольство сельского населения, вызванное мерами военно-коммунистической политики и в первую очередь продовольственным вопросом.

В изучении нэпа советско-российская историческая наука прошла четыре этапа: первый с 1920-х гг. до издания Краткого курса истории ВКП(б); второй связан с хрущевской политикой «оттепели»; третий 1970–1980-е гг.; и четвертый, постсоветский период. Содержание каждого из периодов определялось доминированием государственной идеологии. Впервые в исторической литературе вопросы, связанные с новой экономической политикой, были рассмотрены ведущими партийными деятелями В.И. Лениным, Н.И. Бухариным и Л.Д. Троцким [Ленин 1970; Бухарин 1988; Троцкий 1923]. Изучение нэпа с исторической точки зрения началось с работы С.А. Покровского [Покровский 1930]. В 1940 г. была выпущена коллективная монография [Развитие советской экономики… 1940], одним из ключевых аспектов которой стал вопрос изучение проблем нэпа. В 1950-х гг. была опубликована работа Э.Б. Генкиной [Генкина 1954], которая исследовала переход экономики Советского государства от военного коммунизма к нэпу. Подъем исследовательского интереса наблюдался в 1960-е гг. и был связан с работами М.И. Бахтина, Н.А. Воскресенской, В.Я. Левина и других [Бахтин 1961; Берхин 1970; Воскресенская 1970; Левин 1967]. Ключевые вопросы, рассмотренные учеными, определялись целями и задачами нэпа, содержанием классовой борьбой в российской деревне. Очередной всплеск интереса в изучении нэпа пришелся на годы перестройки. Характерной чертой работ данного периода являлось сравнение и противопоставление моделей экономики Советского государства в 1920-е и 1930-е гг., нашедшее отражение в трудах Ю.А. Полякова, Ю.П. Бокарева, М.М. Горинова и других [Поляков 1989; Бордюгов, Козлов 1988; Бокарев 1989; Горинов 1990; Селюнин 1988]. Для современной отечественной историографии нэпа постсоветского периода свойственно обращение к социокультурным вопросам, изучению повседневности, протестного движения, а также особое внимание уделено региональной специфике, что стало возможным посредством введения в научный оборот неопубликованных ранее архивных материалов [Павлюченков 1997; Крестьянство и казачество… 2017; Баранов 2019; Яхутль 2021].

Хронологические рамки статьи определяются периодом повторного установления Советской власти в Кубано-Черноморской области в марте 1920 г. по осень 1924 г., когда был принят новый курс «Лицом к деревне», кардинально изменивший настроения крестьянства и казачества в связи с расширением их возможностей в политической и экономической сферах общественной жизни. Цель – изучить содержание продовольственной и земельной политики большевиков на начальном этапе нэпа в условиях активного применения военно-коммунистических методов на Кубани и Черноморье. При написании статьи

были применены сравнительно-исторический метод и концепция «новой локальной истории», что позволило определить не только противоречия внутреннего курса большевиков, но и особенности его применения на Кубани.

Практика военного коммунизма на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг.

Восстановив советскую власть в марте 1920 г. на территории Кубани и Черноморья, большевики стремились использовать сельскохозяйственный потенциал региона для обеспечения продовольствием населения Центральной России. Первостепенной задачей для власти стало перераспределение земли, начавшееся на подконтрольных большевиками территории с ликвидации помещичьего и церковного землевладения, и передачи земли в распоряжение крестьянства. Вторым шагом было обобществление земель и создание крупных коллективных хозяйств на новой технической основе, начало чему было положено в регионе с марта 1920 г. Трудности в реализации данного курса были связаны с региональной спецификой, сложившейся в земельных отношениях. Согласно данным 1917–1918 гг. регион располагал 8 550 528 дес. обрабатываемой земли, из которой 78 % владело казачество. Средний надел составлял 7,7 дес. удобной земли. Главными задачами земельной политики 1920-х гг. стали ликвидация крупной земельной общины и создание из нее ряда земельных единиц, более восприимчивых к изменениям экономического курса. На смену крупным казачьим станицам должны были прийти мелкие территориальные образования, которые легко бы контролировались органами власти [Федина 2018].

Придерживавшимся принципам уравнительного землепользования большевикам пришлось изначально пойти на компромиссные меры, чтобы не провоцировать конфликты между крестьянством и казачеством в случае передела юртовых земель и обеспечить выполнение плана по сбору продовольствия.

Принятый 27 мая 1920 г. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» подтвердил сохранение за крестьянско-казачьими хозяйствами имевшейся земли, которая возделывалась без применения наёмной рабочей силы, даже если это превышало установленную в регионе норму землепользования [Сборник декретов… 1922: 112–113], что затем было подтверждено Декретом ВЦИК и СНК от 18 ноября 1920 г. «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Необходимость принятия второго декрета диктовалась попытками местных органов власти перераспределить землю на уравнительных началах, что вызывало недовольство среди казачества. Декрет от 18 ноября 1920 г. сохранил за сельским населением их наделы, а также регламентировал наделение землёй безземельных и малоземельных за счет территорий бывшего нетрудового пользования [Собрание узаконений и распоряжений… 1943: 696-697]. Таким образом, в 1920–1922 гг. существенные землеустроительные работы были связаны с решением проблемы недостаточного количества земель, но не их передела внутри станиц.

Решение земельного вопроса должно было обеспечить выполнение плана по сбору продовольствия, осуществлявшимся с применением методов военно-коммунистической политики, центральным элементом которой выступала про-

довольственная развёрстка. Установленная в 1920 г. продразвёрстка в размере 65 млн. пудов, по заключению Кубпродкома Управления Заготовок была рассчитана из статистических данных 1916–1917 гг., которые были далеки от фактического состояния производственных возможностей индивидуальных крестьянских и казачьих хозяйств [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 33. Л. 123 об.]. План продразвёрстки 1920–1921 гг. незамедлительно привёл к недовольству среди местного сельского населения. Реквизиции, дефицит промышленных товаров, отсутствие у хлеборобов мотивации к труду, недостаток посевного материала и сельскохозяйственной техники, отрицательное представление о власти ввиду присутствия большого количества иногородних и бывших красноармейцев формировали новые очаги противостояния, переходящие в открытые выступления сельского населения [ГАКК. Р-158. Оп. 1. Д. 42. Л. 14, 14 об., 15, 15 об.]. Если система военно-коммунистических методов во главе с продовольственной диктатурой могла быть оправдана властью в условиях ведения Гражданской войны как необходимая мера, когда сельское население взамен получило землю и освобождение от зависимости бывших эксплуататоров, то в условиях перехода к мирному строительству она провоцировала образование новых очагов недовольства в силу столкновений с интересами крестьянства [Ким 2007: 114]. Протест кубанцев выражался не только в активном военном сопротивлении. Казаки и крестьяне области использовали и пассивные формы: отказ от сдачи хлеба, неисполнение распоряжений местных органов власти, сокрытие продовольствия и др. Со стороны продорганов в этих случаях активно использовались репрессивные меры: взятие заложников, внесудебные аресты и вынесение приговоров особыми уполномоченными, конфискация имущества. Использовались и экономические методы воздействия: неисполнение плана продразвёрстки, согласно изданному Кубано-Черноморским областным продовольственным совещанием приказу № 17, каралось полной экономической блокадой станиц, запретом помола зерна на мельницах [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 189. Л. 5].

Применение методов политики военного коммунизма достигло в регионе своей наивысшей точки зимой 1920–1921 гг., когда произвол продорганов дошёл в некоторых станицах до полного изъятия хлеба [ГАКК. Ф. Р-990. Оп.2. Д. 72. Л. 31]. Подобные меры вели к разорению казачье-крестьянских хозяйств, а следовательно, голоду и росту повстанчества. Действовавшие с 1920 г. на территории региона бело-зелёные отряды постоянно пополнялись за счёт увеличения числа недовольных продовольственной политикой большевиков. Скрывались повстанцы в горах или плавнях, периодически нападая на местные органы власти и совершая набеги на близлежащие станицы с целью захвата продовольствия. Простые сельские жители таким образом оказывались в безвыходной ситуации: им в любом случае приходилось обеспечивать сдачу продовольствия как продорганам, так и бело-зелёным, различия могли состоять только в степени добровольности.

Одним из способов борьбы большевиков с бело-зелёными с лета 1920 г. был институт заложничества, но, кроме этого, людей, связанных родственными отношениями с белогвардейцами и повстанцами, брали на учёт, могли арестовать и расстрелять или принудительно выслать в Центральную Россию, конфисковать имущество. Помимо прочего, власть угрожала, что готова ввести

свои войска в станицы, жители которых поддерживали отряды бело-зелёных, что неминуемо ложилось тяжёлым бременем на плечи населения [ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 80. Л. 5, 6].

Внедрение продналога в качестве одной из важнейших мер новой экономической политики, переход к которой был положен в марте 1921 г., позволило изначально фиксировать некоторое улучшение настроений населения в отношении власти [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–2 а]. Вместе с тем отсутствие системности и логической завершённости в концепции новой экономической политики, способствовали сохранению рецидивов военного коммунизма до 1924 г., что явно выражалось в слиянии понятий «продразвёрстка» и «продналог». Сбор продналога для населения разорённого региона стал таким же тяжёлым бременем, как и продразвёрстка, учитывая даже уменьшенный размер налога. В подобной ситуации крестьянство отказывалось сдавать продовольствие, чем вызвало усиление административных мер со стороны власти.

Осложнялось положение отсутствием готовности со стороны представителей партийных и советских органов принять нэп как долгосрочную экономическую политику, поэтому по инерции они продолжали действовать военно-коммунистическими методам. На местные органы власти приходилась вся работа по расчёту налога, включая такие вопросы как определение объектов налогообложения, разряда урожайности, объёма налога и сроков его сдачи. Нередкими были случаи грубейших нарушений, злоупотребление властью при взимании налога, а также применение к неплательщикам административных мер в виде денежных штрафов, превосходивших размер налога и не совпадавшим с мощностью крестьянского хозяйства [Грехова 2014: 83].

Сельское население Кубани неоднозначно отреагировало на новую систему сбора продовольствия, посчитав его уловкой большевиков. Крестьянство и казачество в качестве ответной меры прекратили выплату обязательных налогов [Яхутль 2021: 74–75], замена продналога на проднаряд, на начальном этапе нэпа, существенных изменений не принесла. Вот что было зафиксировано в секретной политсводке по Тимошевскому отделу от 6 июня 1921 г.: «Советская власть не по нутру, продразвёрсткой, а теперь проднарядом» [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 135]. Сбора хлеба происходил с перебоями. Из установленных для Кубано-Черноморской области 7,4 млн пудов с августа по октябрь 1921 г. собрали только 3,5 млн пудов [История Кубани… 2011: 74].

Переход к нэпу в Кубано-Черноморской области осуществлялся на фоне разраставшегося повстанческого движения и неблагоприятных природных условий, спровоцировавших голод [Рагер 2016: 229]. Главной причиной существования и укрепления бело-зелёного движения было содержание реализуемой продовольственной политики большевиков. Показательно содержание обращения кубанцев-повстанцев от 11 апреля 1921 г., в котором они признавались в нежелании брать оружие, если в свою очередь власть откажется от насильственной конфискации продовольствия: «…хлеб, который у вас был взят нами, был приобретён нашими отцами, матерями, женами и детьми и по праву он больше принадлежит нам чем вам» [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 168]. Массовость повстанческого движения не позволяла властям в полной мере собрать

продналог, в связи с чем осенью 1921 г. наметилось вновь обращение к военно-коммунистическим методам в сборе продовольствия. В докладе от продовольственного отдела Рабоче-Казачьей-Крестьянской Инспекции для Управления Областной РККИ зафиксирована информация о необходимости принудительного сбора продналога с 1 сентября 1921 г., так как добровольный взнос такого никаких положительных результатов не дал [ГАКК. Ф. Р-990. Оп.2. Д. 169. Л. 33]. В число основных мер, применяемых в ходе сбора налога, входили аресты, судебные разбирательства [ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 341. Л. 5], привлечение воинских подразделений [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 606. Л. 46, 47], следствием чего стало существенное снижение хозяйственной активности казаков и крестьян области. Итогом сбора хлеба на Кубани и Черноморья в 1921 г. стало выполнение плана по различным данным чуть больше, чем 60 % от планового задания [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 99], достигнутое истощением продовольственных ресурсов региона и в частности семенного фонда, что привело в свою очередь к голоду и воспрепятствовало посеву озимых в 1921 г. Дальнейшее увеличение размеров продовольственного налога в 1921–1922 гг. привело к снижению активности сельского населения в хозяйственной деятельности и сокращению посевных площадей в Кубано-Черноморской области на 30 % в 1922 г. [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 73. Л. 8].

Аграрная политика большевиков на Кубани: 1922–1924 гг.

Изменения в продовольственной политике наметились в связи с изданием в марте 1922 г. декрета ВЦИК о едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства в 1922–1923 гг., который вступал в силу с 1 августа 1922 г. и отменял все действовавшие ранее налоги на отдельные виды продуктов. Новый налог был выражен в единой весовой мере – пуде ржи, в некоторых местах – пуде пшеницы. Размер налога для каждого хозяйства варьировался, в зависимости от количества хозяйстве пашни, продуктивного скота и т.д. Были определены налоговые льготы для различных категорий населения, в частности для семей красноармейцев, инвалидов Гражданской войны и других [Единый натуральный налог… 1922: 5–9]. В апреле 1922 г. вышедший декрет был дополнен шкалой обложения, определявшей разряды урожайности и продуктивности крестьянских хозяйств, в соответствии с которой необходимо было осуществлять сбор налога [Единый натуральный налог… 1922: 10–11]. Сроки сдачи единого натурального налога в Кубано-Черноморской области были установлены следующие: к 15 августа вносилось 25 % налога, к 1 сентября – 25 %, 15 сентября – 25 %, а 1 ноября должен был производиться последний платёж. При внесении налога в полном объёме и вовремя применялась 10 % скидка [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 57. Л. 55]. Установление областным исполкомом по Обопродкому норм замены пуда пшеницы 20 фунтами мяса крупного рогатого скота привело к истреблению внушительного количества рабочего скота. Сложившаяся ситуация грозила катастрофой в животноводстве, поэтому впоследствии мясной налог, согласно постановлениям исполкомов, был снижен [ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 2006. Л. 2, 3, 4 об.].

Начало перехода к новой экономической политике способствовало внесению корректив в земельный вопрос. Вышедший в мае 1922 г. «Закон о трудовом землепользовании» был направлен на ликвидацию сословного неравенства и проблемы дальноземелья, дальнейший процесс наделения землёй безземельного населения, в том числе иногороднего и переселившегося в регион после издания закона, создание единоличных хуторов и отрубов, учреждение общественных многопольных севооборотов. Важное значение придавалось вопросам аренды земли и оказания помощи беднейшему крестьянству и казачеству, которые пользовались приоритетом при получении земли [Яхутль 2021: 107–108]. Однако отмеченные изменения существенным образом не повлияли на землепользование, поскольку все землеустроительные работы велись за счет вносимых в местный бюджет средств. Беднейшее население необходимыми средствами не обладало, а состоятельных казаков и крестьян не привлекала перспектива перераспределения земли по установленным трудовым нормам [ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 1932. Л. 12]. Стоит отметить, что с момента реализации нэпа существенно возросло количество конфликтов связанных с разрешением земельных отношений, неоднозначным определением прав землепользователей, которые не были решены с принятием нового закона [Носова 2022: 201].

Определяющее влияние на реформирование земельных отношений оказал Земельный кодекс РСФСР [Собрание кодексов… 1928: 311–355], приятый в октябре 1922 г. Он наделял сельское население правом выбора форм и порядка пользования землей, лимитировал переделы земельных участков и использование наемного труда, установил ограничения по отрубным хозяйствам и запрет на аренду земельного участка, который арендатор не мог обработать силами своей семьи. Новый земельный закон закрепил запрет частной собственности на землю и сделок по ней, что предусматривало в случае несоблюдения данных требований уголовную ответственность. Для Кубано-Черноморской области принятие Земельного кодекса означало ликвидацию прежних земельных отношений и их воссоздание на принципах уравнительности, что грозило всплеском нового народного недовольства, учитывая тот факт, что к осени 1922 г. в регионе наблюдался рост возмущения населения деятельностью налоговых органов. Из сводки о политико-экономическом состоянии Славянского отдела на 25-е сентября 1922 г. следует, что только 10 % населения сочувственно относилось к Советской власти, процент недовольных постоянно увеличивался по причине проводимых продналоговой и трудгуженаловой кампаний и сбора местных налогов. Наибольшее возмущение вызывало у сельских жителей области небрежное отношение работников продовольственных органов к собранному налогу, стремление всячески обмануть при сборе продовольствия [ГАКК. Ф. Р-1050. Оп. 1. Д. 31. Л. 9]. В целом, стоит отметить и наметившийся спад активности повстанцев, связанный как со стремлением населения к мирной жизни, так и следствием военного доминирования РККА. Выступления бело-зелёных в 1922 г. имели ограниченный характер и зачастую были связаны со стремлениями дезорганизовать деятельность исполкомов и уничтожить дела о продналоге в станицах [ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 680. Л. 9. 10, 11]. Вместе с тем заслуживает внимания проявление рецидивов военного коммунизма в отношении не

уплатившего налогов крестьян и казаков в течение лета – осени 1922 г. Из 398 тыс. крестьянских хозяйств, зарегистрированных в Кубано-Черноморской области, до 2 % из их числа подверглись государственному насилию: 4 727 чел. были привлечены к различным мерам ответственности через суд, 118 дел рассмотрены революционными трибуналами, административные меры применены к 2 356 чел., а 3 067 чел. была начислена пеня за просроченные сроки оплаты налога. Неплательщику запрещено было выезжать из станицы, торговать, вести обмен, получать удостоверение личности, или же могли написать на заборе дома «Злостный неплательщик», или, как поступали, в частности, в Славянском отделе, запугивать население огнестрельным оружием и избивать [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 250].

Повстанческое движение в регионе в 1922–1923 гг. существенно сократилось и стало носить локальный характер. Присутствие частей Красной армии, наличие сети осведомителей, усталость от войны и складывание системного подхода в сборе продовольствия постепенно лишало повстанчество социальной базы. Изменения в настроениях сельского населения диктовали необходимость поиска иных способов отстаивания своих интересов, поэтому, вынужденно признав новую власть, крестьянство и казачество теперь использовали сходы, беспартийные собрания, выборы в Советы для влияния на политическую обстановку и связанную с ней экономическую политику [Баранов 2022: 120].

Новый подход в реализации продовольственной политики был связан с принятием Единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) 10 мая 1923 г., существенным образом повлиявшего на снижение размеров налогообложения, практически на 2/3 [Декрет… 1923]. Кампания по сбору налога в 1923 г., начатая до уборочных работ на местах, шла с очевидными перебоями. Для сбора необходимого количества налога требовалось изъять также семенной фонд. Показательны в данном случае расчёты по Брюховецкому району, который сдавал ЕСХН по 10-му разряду. Учитывая годовое потребление зерновых на душу населения и корм рабочего скота, общее количество необходимого для обеспечения жизни местных жителей и производительности сельского хозяйства исчислялось в 2 737 101 пуд. зерновых, превышающее уровень годового сбора на 37 477 тыс. пуд. [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 533. Л. 420]. Подобная ситуация была характера для всей Кубано-Черноморской области. Важной мерой ЕСХН было предоставление налоговых льгот 25 % крестьянских и казачьих бедняцких хозяйств Кубано-Черноморской области [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 12. Л. 68].

Для обеспечения выполнения ЕСХН применялись разнообразные меры воздействия на сельское населения области: штрафы, административные аресты, но наиболее часто применявшаяся была конфискация имущества [ГАКК. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 13. Л. 37]. Подобные меры местных органов власти провоцировали новый виток противостояния в кубанских станицах. Но не имея возможности противостоять власти население стало скрывать объекты налогообложения, вывозить хлеб в степь и прятать. В этих условиях уплата налога к декабрю 1923 г. в некоторых районах составила менее 20 % [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 5].

Начало 1923 г. в регионе было отмечено ростом землеустроительных работ. Землепользование в Кубано-Черноморской области было неравномерным – 1 300 000 чел. владели 71 % земельных угодий, а 1 700 000 чел. лишь 2,25 %. Реализация положений Земельного кодекса распространялось на 2 131 241 дес. земли. Но начало землеустроительных работ ознаменовалось ростом конфликтов между казаками и иногородними, с одной стороны, а с другой – между зажиточной частью кубанской станицы и бедняками [ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]. Передача земельных угодий последним и насаждение коллективной обработки земли провоцировали недовольство, которое выражалось в росте скрытого противостояния сельского населения, порче или сокрытии посевов, бойкотировании сдачи налога и выполнения повинностей.

К концу хлебозаготовительной кампании 1923–1924 гг. стали очевидны трудности с выполнением плана государственных поставок. Представления власти о получении значительной части ЕСХН в денежном эквиваленте не оправдались. Сельское население, владевшее достаточным количеством хлеба, не стремилось вносить налог из-за низких цен. Ситуация существенно изменилась в начале 1924 г., когда произошёл скачок в ценах на зерно. Стоимость одного пуда зерна на Кубани за год поднялась с 85 коп. до 1 руб. 75 коп. и по другим данным варьировалась от 1,25–2 руб. за пуд [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 5], что в свою очередь превышало стоимость пуда зерна на Лондонской бирже (1 руб. 58 коп.) [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 20. Л. 3]. Государство было вынуждено на время приостановить закупку зерна прекратить выдачу кредитов частным закупочным организациям, ввести ограничения на заготовку зерна. Положение в сельском хозяйстве в начале 1924 г. указывало на сохранение кризисных явлений, вызванных налоговой политикой. Недовольство населения, сокращение посевных площадей, а также тенденция возврата земельных участков малоимущими крестьянскими хозяйствами в земельные фонды областей препятствовали сбору ЕСНХ в полном объёме.

Методы, которые использовала власть для принуждения к уплате ЕСХН, носили во многом неправомерный характер, в связи с чем наметилась тенденция к легитимации жёстких мер в отношении неплательщиков. Стоит отметить, что репрессивные меры, унаследованные от политики военного коммунизма, все же претерпели изменения и не отличались распространённой ранее массовостью. Постепенно главным способом привлечения уклонистов к уплате налога стало судебное разбирательство, по итогам которого присуждалось оплатить штраф, конфисковать имущество или на краткосрочный период арестовать неплательщика [ГАКК. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 8. Л. 10].

Необходимость реорганизации товарно-денежных отношений способствовали внесению изменений в систему налогообложения с 1 января 1924 г. Власть взимала теперь налог только в денежной форме в размере до 5 % от дохода крестьянского двора и исключительно с площади фактического посева, была ликвидирована множественность налогообложения [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]. Однако сохранялась тенденция возврата земельных участков бедняцкими хозяйствами в земельные фонды по причине отсутствия возможности их обра-

ботки и оплаты налога. Так в областной земельный фонд было возвращено 110 тыс. дес. земли [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 24].

Новые кризисные явления в аграрном секторе экономики наметились к сентябрю 1924 г., и особенно явно проявили себя уже к декабрю 1924 г., когда стало очевидным, что план по ЕСНХ был выполнен только на 45 %. Наблюдался значительный рост цен на зерно, разница между ценами на рынке заготовок и потребления позволила частным заготовителям укрепиться на рынке. Стремление властей к урегулированию ситуации проявилось в снижении налоговых ставок на 30 % и утверждению более выгодных цен на зерно. Подобные меры способствовали увеличению посевных площадей, а выданные государством кредиты и семена привели к стабилизации цен на зерно. Стимулом в сборе продналога стало введение в оборот новой денежной единицы – золотого червонца [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4. Л. 1].

Указанные меры не смогли упорядочить сбор налога, он по-прежнему поставлялся с перебоями и нарушениями сроков и объёмов сдачи. В подобной ситуации государство видело необходимость в расширении мер административного регулирования хлебного рынка и запрете вывоза хлеба за пределы Кубано-Черноморской области [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22. Л. 1]. Крестьянство и казачество обладало необходимым продовольствием, но стремилось продать его на местных рынках вместо того, чтобы сдавать государству.

Заключение

Мобильность нэпа и отсутствие в нем жёстких рамок способствовали его трансформации в зависимости от изменяющихся условий, поэтому, когда по результатам выборов в 12 сельских губерниях РСФСР обнаружилось, что из 9 873 713 избирателей явилось только 25 %, это послужило для власти сигналом к дальнейшим изменениям в экономической политике [Тютюник 2009: 66]. Большевики были вынуждены отменить результаты выборов в некоторых регионах и провозгласили новый курс «Лицом к деревне», сказавшемся на изменении настроений крестьянства и казачества по отношению к власти в лучшую сторону.

Таким образом, земельная и продовольственная политика большевиков в переходный период 1920–1924 г. носила отпечаток сохранявшихся методов военного коммунизма. Длительная трансформация продовольственной развёрстки в продналог, жёсткий контроль продовольственного рынка и применение репрессивных мер в отношении неплательщиков вызывали ответную реакцию населения в виде повстанческого движения, охватившего всю территорию Кубано-Черноморской области к 1921 г. Нечёткое представление местных органов власти о сущности нэпа и методах его внедрения тормозили процесс восстановления экономики, провоцировали сбои в ценах на продовольствие и в связи с этим кризис в его поставках. Земельная политика большевиков в регионе характеризовалась с 1922 г. стремлением к активному перераспределению земельных угодий на уравнительных началах с применением элементов конфискаций, что не учитывало региональную специфику и способствовало росту конфликтности в крестьянско-казачьей среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2019 – *Баранов А.В.* Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – 256 с.

Баранов 2022 – *Баранов А. В.* Наследие Гражданской войны во взаимоотношениях казачества и крестьянства Юга России с властью в 1920-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – №4. – С. 116-127.

Бахтин 1961 – *Бахтин М.И.* Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства. 1921—1926 гг. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 292 с.

Берхин 1970 – *Берхин И.Б.* Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. – М.: Наука, 1970. – 240 с.

Бокарев 1989 – *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М.: Наука, 1989. – 312 с.

Бордюгов, Козлов 1988 – *Бордюгов Г.А., Козлов В. А.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 8. – С. 15-33.

Бухарин 1988 – *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1988. – 499 с.

Воскресенская 1970 – *Воскресенская Н.А*. В.И Ленин — организатор социалистического контроля в СССР. – М.: Советская Россия, 1970. – 324 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

Генкина 1954 – *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921—1922). – М.: Госполитиздат, 1954. – 504 с.

Горинов 1990 – *Горинов М.М.* НЭП: поиски путей развития. – М.: Знание, 1990. – 62 с.

Грехова 2014 – *Грехова Н.Н*. Налоговая политика в деревне в годы нэпа: замыслы, противоречия и результаты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 1–1. – С. 82-85.

Декрет… 1923 – *Декрет* от 10 мая 1923 г. «О едином сельскохозяйственном налоге в районах скотоводческих хозяйств» // СУ РСФСР. – 1923. – № 42.

Единый натуральный налог… 1922 – *Единый натуральный налог*. 1922-1923 г.: [сборник налогового законодательства]: вып. VI-й / Р.С.Ф.С.Р., Нар. Комиссариат по Продовольствию, Упр. Заготовок. – М: Информационно-Издательский Отдел Наркомпрода, 1922. – 127 с.

История Кубани… 2011 – *История Кубани* с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. / А.В. Баранов, А.Н. Еремеева, А.В. Жинкин и др. – Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 2011. – Ч. 2. – 272 с.

Ким 2007 – *Ким Т.Н.* Социально-экономические предпосылки введения продовольственного и единого сельскохозяйственного налога на Кубани в условиях нэпа // Голос минувшего. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. – № 1–2. – С. 114-120.

Крестьянство и казачество… 2017 – *Крестьянство и казачество России* в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: монография / редкол. : В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков (отв. редакторы) [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – М.; Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. – 1048 с.

Левин 1967 – *Левин В.Я*. Социально-экономические уклады в СССР в период перехода от капитализма к социализму. – М.: Экономика, 1967. – 166 с.

Ленин 1970 – *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 45. Март 1922 – март 1923. – 729 с.

Носова 2022 – *Носова Н. П.* Государственное регулирование аграрной экономики Советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2022. – № 474. – С. 198-208.

Павлюченков 1997 – *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. – М.: Русское книгоиздательское товарищество История, 1997. – 272 с.

Покровский 1930 – *Покровский С.А.* О НЭПе и новом этапе. – Л.: Прибой, 1930. – 232 с.

Поляков 1989 – *Поляков Ю.А.* 20-е годы: настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 10. – С. 25-38.

Протоколы… 1933 – *Протоколы X съезда* РКП (б). – М.: Партиздат, 1933. – 957 с.

Рагер 2016 – *Рагер Ю. Б.* Восстановление экономики Кубано-Черноморской области после Первой мировой и Гражданской войн // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КУБГТУ». – 2016. – № 9. – С. 227–236.

Развитие советской экономики… 1940 – *Развитие советской экономики* / Ред. С. Бальзак, Т. Каневская. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 666 с.

Сборник декретов… 1922 – *Сборник декретов и постановлений* по Народному комиссариату земледелия. 1917-1920 гг. – М.: Госиздат, 1922. – 137 с.

Селюнин 1988 – *Селюнин В. И.* Истоки // Новый мир. – 1988. – № 5. – С. 162-189.

Собрание кодексов… 1928 – *Собрание кодексов РСФСР*. 4-е изд. – М.: Юридическое издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р., 1927. – 1188 с.

Собрание узаконений и распоряжений… 1943 – *Собрание узаконений и распоряжений* правительства за 1920 г. – М.: б/и, 1943. – 818 с.

Троцкий 1923 – *Троцкий Л.Д.* Основные вопросы революции. – М.;Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 420 с.

Тютюник 2009 – *Тютюник М.В*. Феномен советских избирательных кампаний 1921-1924 гг. (опыт Дона и Кубани) // Наука и школа. – 2009. – № 6. – С. 65-66.

Федина 2018 – *Федина И. М.* Отношения земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2018. – № 4. –С. 792-811.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

Яхутль 2021 – *Яхутль Ю.А.* Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона): монография / под ред. В.В. Касьянова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – 361 с.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie Yuga Rossii v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki 1920-kh gg*. [Economic and social development of the South of Russia in the context of the new economic policy of the 1920s] – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2019. – 256 p. (In Russ.).

BARANOV A. V. *Nasledie Grazhdanskoi voiny vo vzaimootnosheniyakh kazachestva i krest'yanstva Yuga Rossii s vlast'yu v 1920-kh godakh* [Legacy of the Civil War in the relationship of the Cossacks and the peasantry of the South of Russia with the authorities in the 1920s]. IN: Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – Volgograd. – 2022. – №4. – P. 116-127. (In Russ.).

BAKHTIN M.I. *Soyuz rabochikh i krest'yan v gody vosstanovleniya narodnogo khozyaistva. 1921—1926 gg.* [The Union of Workers and Peasants during the Restoration of the National Economy. 1921-1926] – Moscow: Sotsekgiz, 1961. – 292 p. (In Russ.).

BERKHIN I.B. *Ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva v pervye gody Sovetskoi vlasti* [Economic policy of the Soviet state in the first years of Soviet power]. – Moscow: Nauka, 1970. – 240 p. (In Russ.).

BOKAREV YU.P. *Sotsialisticheskaya promyshlennost' i melkoe krest'yanskoe khozyaistvo v SSSR v 20-e gody: istochniki, metody issledovaniya, etapy vzaimootnoshenii* [Socialist industry and small peasant economy in the USSR in the 1920s: sources, research methods, stages of relationships]. – Moscow: Nauka, 1989. – 312 p. (In Russ.).

BORDYUGOV G.A., KOZLOV V. A. *Povorot 1929 g. i al'ternativa Bukharina* [Turn of 1929 and Bukharin's alternative]. IN:Voprosy istorii KPSS. – 1988. – № 8. – P. 15-33. (In Russ.).

BUKHARIN N.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. – Moscow: Politizdat, 1988. – 499 p. (In Russ.).

VOSKRESENSKAYA N.A. *V.I Lenin — organizator sotsialisticheskogo kontrolya v SSSR*. [V.I. Lenin – the organizer of socialist control in the USSR]. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1970. – 324 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

GENKINA E.B. *Perekhod sovetskogo gosudarstva k novoi ekonomicheskoi politike (1921—1922)* [The transition of the Soviet state to the new economic policy (1921-1922)]. – Moscow: Gospolitizdat, 1954. – 504 p. (In Russ.).

GORINOV M.M. *NEP: poiski putei razvitiya* [NEP: search for ways of development]. – Moscow: Znanie, 1990. – 62 p. (In Russ.).

GREKHOVA N.N. *Nalogovaya politika v derevne v gody nepa: zamysly, protivorechiya i rezul'taty* [Tax policy in the countryside during the years of NEP: plans, contradictions and results]. IN: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2014. – №1–1. – P. 82-85. (In Russ.).

Dekret ot 10 maya 1923 g. «O edinom sel'skokhozyaistvennom naloge v raionakh skotovodcheskikh khozyaistv» [Decree of May 10, 1923 "On a single agricultural tax in areas of cattle breeding"]. IN: SU RSFSR. – 1923. – № 42. (In Russ.).

Edinyi natural'nyi nalog. 1922-1923 g.: [sbornik nalogovogo zakonodatel'stva]: vyp. VI-i [Single tax in kind. 1922-1923: [collection of tax laws]. / R.S.F.S.R., Nar. Komissariat po Prodovol'stviyu, Upr. Zagotovok. – Moscow: Informatsionno-Izdatel'skii Otdel Narkomproda, 1922. – 127 s. (In Russ.).

Istoriya Kubani s drevneishikh vremen do kontsa XX veka: v 2 ch. [History of the Kuban from ancient times to the end of the 20th century: in 2 p.]. / A.V. Baranov, A.N. Eremeeva, A.V. Zhinkin i dr. – Krasnodar: OIPTs Perspektivy obrazovaniya, 2011. – Ch. 2. – 272 p. (In Russ.).

KIM T.N. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki vvedeniya prodovol'stvennogo i edinogo sel'skokhozyaistvennogo naloga na Kubani v usloviyakh nepa* [Socio-economic prerequisites for the introduction of food and unified agricultural tax in the Kuban under the NEP]. IN: Golos minuvshego – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2007. – № 1–2. – P. 114-120. (In Russ.).

Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyakh revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voiny: natsional'no-regional'nyi aspekt: monografiya [The Peasantry and Cossacks of Russia in the Conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: National-Regional Aspect: Monograph]. / Edited by V. V. Kondrashin, V. A. Yurchenkov (otv. redaktory) [i dr.]; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. – M.; Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, 2017. – 1048 p. (In Russ.).

LEVIN V.YA. *Sotsial'no-ekonomicheskie uklady v SSSR v period perekhoda ot kapitalizma k sotsializmu* [Socio-economic structures in the USSR during the period of transition from capitalism to socialism]. – Moscow: Ekonomika, 1967. – 166 p. (In Russ.).

LENIN V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS— 5-e izd. — Moscow: Politizdat, 1970. — T. 45. Mart 1922 — mart 1923. — 729 p. (In Russ.).

NOSOVA N. P. *Gosudarstvennoe regulirovanie agrarnoi ekonomiki Sovetskoi Rossii v usloviyakh sotsial'nykh deviatsii novoi ekonomicheskoi politiki. Institutsional'nyi aspekt* [State regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of social deviations of the new economic policy. Institutional aspect]. IN: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk, 2022. – № 474. – P. 198-208. (In Russ.).

PAVLYUCHENKOV S.A. *Voennyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy*. [War Communism in Russia: Power and the Masses]. – Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishchestvo Istoriya, 1997. – 272 p. (In Russ.).

POKROVSKII S.A. *O NEPe i novom etape*. [About the NEP and the new stage]. – Leningrad: Priboi, 1930. – 232 p. (In Russ.).

POLYAKOV YU.A. *20-e gody: nastroeniya partiinogo avangarda* [1920s: moods of the party avant-garde]. IN: Voprosy istorii KPSS. – 1989. – № 10. – P. 25-38. (In Russ.).

Protokoly X s"ezda RKP (b). [Protocols of the X Congress of the RCP (b)]. – Moscow: Partizdat, 1933. – 957 p. (In Russ.).

RAGER YU. B. *Vosstanovlenie ekonomiki Kubano-Chernomorskoi oblasti posle Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voin* [Restoration of the economy of the Kuban-Chernomorskaya region after the First World War and the Civil War]. IN: Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal «Nauchnye trudy KUBGTU». – 2016. – №9. – P. 227-236. (In Russ.).

Razvitie sovetskoi ekonomiki [The development of the Soviet economy]. / Edited by S. Bal'zak, T. Kanevskaya. – Moscow: Sotsekgiz, 1940. – 666 p. (In Russ.).

Sbornik dekretov i postanovlenii po Narodnomu komissariatu zemledeliya. 1917-1920 gg. [Collection of decrees and resolutions on the People's Commissariat of Agriculture. 1917-1920]. — Moscow: Gosizdat, 1922. – 137 p. (In Russ.).

SELYUNIN V. I. *Istoki* [Origins]. IN: Novyi mir. – 1988. – № 5. – P. 162-189. (In Russ.).

Sobranie kodeksov RSFSR. [Collection of codes of the RSFSR]. – 4-e izd. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo N.K.Yu. R.S.F.S.R., 1927. – 1188 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1920 g. [Collection of legalizations and orders of the government for 1920]. – Moscow, 1943. – 818 p. (In Russ.).

TROTSKII L.D. *Osnovnye voprosy revolyutsii* [Basic questions of the revolution]. – Moscow, Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. – 420 s. (In Russ.).

TYUTYUNIK M.V. *Fenomen sovetskikh izbiratel'nykh kampanii 1921-1924 gg. (opyt Dona i Kubani*) [The phenomenon of the Soviet election campaigns of 1921-1924. (experience of Don and Kuban)]. IN: Nauka i shkola. – 2009. – №6. – P. 65-66. (In Russ.).

FEDINA I. M. *Otnosheniya zemledel'tsev kubanskikh stanits k agrarnym preobrazovaniyam sovetskoi vlasti v 1920-e gg* [The relationship of farmers of the Kuban villages to the agrarian transformations of the Soviet government in the 1920s]. IN Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii. – 2018. – №4 . –P. 792–811. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. *Transformatsiya vzaimootnoshenii vlasti s kazachestvom i krest'yanstvom v Sovetskoi Rossii 1921–1929 gg. (na primere Kubani i Dona): monografiya* [Transformation of relations between the authorities, the Cossacks and the peasantry in Soviet Russia, 1921–1929. (on the example of Kuban and Don): monograph] / Edited by V.V. Kas'yanov. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. – 361 p. (In Russ.).

Информация об авторе
М.С. Дириванкина – аспирант
Information about the author
M.S. Dirivyankina – graduate student (History).

Статья поступила в редакцию 07.02.2023 г.; одобрена после рецензирования 03.03.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-94-107
EDN: BRTHVB

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.А. ПОЛИЕВКТОВА В АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ГРУЗИИ в 1920-1930-х ГОДАХ

Юрий Семенович Сулаберидзе
Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия, iuri.sulaberidze@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается важнейший аспект научной деятельности видного историка-кавказоведа М.А. Полиевктова (1872-1942) в академических учреждениях Грузии в 1920-1930-х годах, что составляет важнейший аспект его научной биографии.

М.А. Полиевктов стоял у истоков становления академического кавказоведения в Грузии. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот архивные материалы из архива Национальной Академии Наук Грузии, а также архивные документы личного фонда ученого из Центрального исторического архива Грузии и Центрального архива новейшей истории Грузии, автор раскрывает содержание научной деятельности М.А. Полиевктова по выявлению материалов по истории русско-грузинских взаимоотношеиий в XVI-XVIII веках, созданию организационных основ становления кавказоведения в Грузии. Обнаружены неизвестные факты научной биографии М.А. Полиевктова, которые до сих пор были в тени, не были достоянием историографии.

В статье раскрывается научная деятельность М.А. Полиевктова в Кавказском историко-археологическом институте и его в последующих трансформациях – НИИ кавказоведения им. Н.Я Марра, Грузинском отделении АН СССР, Институте языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР, которая составляет органическую часть жизни и научного творчества историка-кавказоведа. Результатами работы в академических учреждениях Грузии стали публикации статей и архивных материалов в области кавказоведения. Научное наследие М.А. Полиевктова, одного из основателей кавказоведения в Грузии, в течение долгого времени будет предметом историографического исследования.

Ключевые слова: кавказоведение, М.А. Полиевктов, академические учреждения Грузии, грузинская наука, научная биография.

Для цитирования: Сулаберидзе Ю.С. Деятельность М.А. Полиевктова в академических учреждениях Грузии в 1920-1930-х годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 94-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-94-107. EDN: BRTHVB.

© Сулаберидзе Ю.С., 2023

Original article

M.A. POLIEVKTOV ACTIVITIES IN ACADEMIC INSTITUTIONS OF GEORGIA IN THE YEARS 1920-1930

Yuri S. Sulaberidze
Tbilisi state uneversity, Tbilisi, Georgia, iuri.sulaberidze@mail.ru

Abstract. The article reveals the most important aspect of the scientific activity of the prominent Caucasian historian M.A. Polievktov (1872-1942) in the academic institutions of Georgia in 1920-1930, which is the most important aspect of his scientific biography.

M.A. Polievktov stood at the origins of the academic Caucasian studies in Georgia. Based on archival materials from the Georgian National Academy of Sciences, the materials were introduced into scientific circulation for the first time among archival documents of the scientist's personal fund from the Central Historical Archives of Georgia and the Central Archives of Contemporary History of Georgia, the author reveals the content of M.A. Polievktov to identify materials on the history of Russian-Georgian relations in the 16th-18th centuries, to create the organizational foundations for the formation of Caucasian studies in Georgia. Unknown facts of the scientific biography of M.A. Polievktova, which until now were in the shadows, were not the patrimony of historiography.

The article reveals the scientific activity of M.A. Polievktov at the Caucasian Historical and Archaeological Institute and its subsequent transformations - the Research Institute of Caucasian Studies. N.Ya. Marra, Georgian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Institute of Language, History and Material Culture of the Georgian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, which is an integral part of the life and scientific work of the Caucasian historian. The results of work in the academic institutions of Georgia were the publication of articles and archival materials in Caucasian studies. Scientific legacy of M.A. Polievktov, one of the founders of Caucasian studies in Georgia, will be the subject of historiographic research for a long time.

Keywords: Caucasian studies, M.A. Polievktov, academic institutions of Georgia, Georgian science, scientific biography.

For citation: Sulaberidze Y.S. M.A. Polievktov activities in academic institutions of Georgia in the years 1920-1930. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 94-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-94-107. EDN: BRTHVB.

© Sulaberidze Y.S., 2023

Введение

М.А. Полиевктов (1872-1942) внес определенный вклад в организацию научного кавказоведения в Грузии. Затронем аспект его деятельности в Кавказском историко-археологическом институте (КИАИ) в Тифлисе и поздних его трансформациях. С 1924 г. М.А. Полиевктов являлся внештатным сотрудником Кавказского историко-археологического института. Это аспект научной деятельности видного русского историка-кавказоведа М.А. Полиевктова до сих пор не стал предметом исследования. В современной историографии [Выскочков 2019; Тихонов 2011; Максимчик 2014; Муратова 2018; Сулаберидзе 2020; Сулаберидзе 2022b] анализируется «тифлисский период» жизни и деятельности М.А. Полиевктова, однако научное творчество в академических учреждениях Грузии выпало из поля зрения. Данная статья является продолжением цикла статей о научной биографии одного из организаторов научного кавказоведения на Кавказе Михаила Александровича Полиевктова [Сулаберидзе 2012b; Сулаберидзе 2022a].

Она ставит целью восполнить досадный пробел, связанный с деятельностью русского историка в научных учреждениях Грузии. Впервые автор использует архивные данные о научном творчестве М.А. Полиевктова, извлеченные из личного дела ученого архива Национальной Академии наук Грузии [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26]. В работе также использованы архивные материалы из личного

фонда М.А. Полиевктова в Центральном историческом архиве Грузии [ЦИАГ. Ф. 1505]. Они позволяют полнее представить общественно-политическую и научную среду Грузии 1920-1930 гг. и ее воздействие на научное творчество «петербургского архивариуса» в академических учреждениях Грузии, как одного из создателей научного кавказоведения в Грузии, на Кавказе.

У истоков зарождения академических учреждений Грузии

В научной литературе отмечено, что создание Кавказского историко-археологического института является заслугой выдающегося ученого востоковеда Н.Я. Марра [Аветян 1979; Сургуладзе 1977: 162-164]. Научное творчество Николая Яковлевича Марра (1864-1934) многогранно и отражает уровень развития кавказоведческой мысли конца XIX – первой трети XX в. Можно проследить определенные творческие, научные нити, связывающие Н.Я. Марра и М.А. Полиевктова. Их объединял не только глубокий интерес к познанию Кавказа, но и широкий взгляд на взаимосвязь Кавказа с евразийской цивилизацией, Передней Азией, стремление выявить корневые структуры культуры и цивилизаций. Если для Н.Я. Марра основной областью исследования являлась филология, языкознание с привлечением данных археологии и этнологии, то М.А. Полиевктов посвятил свое научное творчество исследованию внешней политики России с выходом на широкий комплекс проблем, связанный с внутренними потребностями расширяющейся России, обоснованием закономерностей проникновения России на Кавказ. Труды обоих ученых, создавших научные школы, органически дополняли друга и создали основы научного кавказоведения. С именем Н.Я. Марра связано становление научных, теоретических основ кавказоведения. Н.Я. Марр ввел в научную область кавказоведения категории, понятия: «кавказский культурный мир», «этнически-культурная струя грузинской культуры», «духовный фундамент Кавказа». Связывая Кавказ с цивилизациями Передней Азии, он обосновал критерии самодостаточности Кавказа. В прочитанном Н.Я. Марром в Лазаревском институте восточных языков курсе лекций «Главнейшие этапы развития культуры Кавказа» (1918) были открыты истоки кавказской культуры («откуда есть пошла кавказская культура») в треугольнике-«Батум-Карс-Ардаган». Н.Я. Марр предпринял попытку создать теоретические основы исследования единой культуры Кавказа, признав, что «схема культурной истории Кавказа находится в стадии разработки» [Сулаберидзе 2012а: 114, 117].

Подобные мысли волновали и М.А. Полиевктова, также питомца Санкт-Петербургского университета, волей судьбы оказавшегося в Грузии с 1920 г. Углубившись в исследование Кавказа, «колыбели цивилизации», открыв «восточно-кавказский вопрос» во внешней политике России, обнаружив архивные материалы по истории русско-кавказских, русско-грузинских взаимоотношений XVI-XVIII вв., М.А. Полиевктов согласился с выводами Н.Я. Марра о необходимости включения Кавказа в историографический дискурс современной ему науки. М.А. Полиевктов обосновал роль России, как «европейско-азиатского транзита». Признав, как и Н.Я. Марр, своеобразие истории Кавказа, он раскрыл особенности культуры Кавказа, «как сложного комплекса отдельных миров, ко-

торые природа и история обрекли на совместное сожительство» [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 12. Л. 14].

Н.Я. Марр и М.А. Полиевктов были связаны духовно, научными поисками вскрывая пласты кавказской культуры. Они совместно закладывали основы научного кавказоведения. Одним из эпизодом научного сотрудничества, который столь важным оказался для становления грузинского академического кавказоведения, является создание Кавказского историко-археологического института. Библиограф научного творчества Н.Я. Марра В.А. Миханкова утверждает, что еще в 1906 г. им был составлен проект организации Грузинской академии наук и Кавказского университета. Вопрос о научном центре на Кавказе ставился неоднократно, но все проекты разбивались о сопротивление правительства, испугавшегося, что подобный научный центр окажется проводником антиправительственных идей. Но Н.Я. Марр настойчиво добивался открытия научных очагов на Кавказе. И «после возвращения в Петроград (из Ани. – Ю.С.) в 1916 г. Н.Я. Марр энергично продвигает организацию Кавказского историко-археологического института. Летом 1917 г. Н.Я. Марр в бытность свою на Кавказе проводит организационную работу еще до формального утверждения института и совместно с Грузинским обществом истории и этнографии и Армянским этнографическим обществом, намечает план работ института, отмечая в докладе Академии необходимость «более широкого участия местных общественных элементов» в работе института. Институт был утвержден 27 июня 1917 г. при министре С.Ф. Ольденбурге [Миханкова 1949: 245-247].

Опираясь на материалы «Анийского музея», Анийской экспедиции, опыт деятельности «Грузинского общества истории и этнографии», многочисленных филиалов российских научных обществ на Кавказе – КОИРГО, Имп. МАО, Восточной комиссии при ИМУ и других, Н.Я. Марр создал в сентябре 1917 г. Кавказский историко-археологический институт в Тифлисе. Издавались издания института – «Известия» и Бюллетень», в которых печатались статьи сотрудников института. Так, с 1923 по 1927 гг. вышло 5 томов «Известия Кавказского историко-археологического института», 1 и 2 том в Ленинграде, остальные в Тифлисе.

Большевизация Грузии в феврале-марте 1921 г. привела к значительной реорганизации тех учреждений, которые впоследствии составили основу системы научных учреждений Грузии. В апреле 1922 г. было создано Управление научных учреждений Грузии, в ведение которого перешли Публичная библиотека, Историко-этнографический музей, Музей революции, а также Главный архив, различные научно-исторические общества: Грузинское общество истории и этнографии, Кавказское отделение Географического общества, Кавказское отделение Московского археологического общества. На основании Постановления СНК Грузии от 12 ноября 1923 г. была проведена реорганизация музейного дела, создан единый Историко-этнографический музей, который объединил материалы Церковного музея, коллекции Историко-этнографического музея, историко-археологического музея и других музеев Грузии. Изменилась и судьба Кавказского историко-археологического института, деятельность которого содействовала созданию Академии Наук Грузии в феврале 1941 г. [Мга-

лоблишвили 2011]. Если представить историю организации научных учреждений Грузии, то она схематична такова: с 1917 г. существовал Кавказский историко-археологический институт. На его базе существовал еще Закавказский историко-археологический институт. В 1930 г. был создан Институт наук Грузии, но он просуществовал только до 1931 г. С 1932 г. возник НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра. В 1932-1933 гг. существовал Закавказский филиал АН СССР, с 1933 г. Грузинское отделение АН СССР.

Важнейшее значение для развития научных учреждений, и в их системе исторической науки, имели Постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 16 мая 1934 г. о введении в средних школах гражданской истории. 4 марта 1936 г. было опубликовано Постановление правительства об объявлении конкурса на лучший учебник по истории. Был открыт исторический фронт борьбы с буржуазной наукой и социологической школой М.Н. Покровского. Последовали организационные изменения, затронувшие сеть научных учреждений. В 1935 г. был основан Грузинский филиал АН СССР, одним из основных учреждений в его системе был Институт языка, истории и материальной культуры им. Н.Я. Марра (ИЯИМК), важный очаг кавказоведения в Грузии. Его возглавил ученик И.А. Джавахишвили С.Н. Джанашия. В феврале 1941 г. возникла Академия наук ГССР, позднее академические институты, в том числе, с 1943 г. Институт истории, археологии и этнографии им.И.Джавахишвили.

Научные интересы М.А. Полиевктова в академических учреждениях Грузии

Вводимые впервые в научный оборот архивные материалы, отложенные в Архиве Национальной Академии Наук Грузии, позволяют проследить неизвестные аспекты научной биографии М.А. Полиевктова. Согласно информации из трудовой книжки, хранящейся в личном деле ученого, М.А. Полиевктов был отправлен 3 июня 1920 г. из Петрограда в Тифлис сотрудником в Кавказский историко-археологический институт (КИАИ) на 6 месяцев до 1 января 1921 г. [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 3]. Видимо, это была легальная возможность вырваться из голодного, революционного Петрограда. Была и другая причина- соединение с семьей- женой Русудан Николадзе-Полиевктовой и сыном Никой. Согласно данным автобиографии, с 1924 г. М.А. Полиевктов стал внештатным сотрудником КИАИ. К этому времени материальное положение ученого было незавидное. Зарплата профессора Тифлисского университета (с 1920 г.) была невысокой, в 1924 г. в связи с ликвидацией исторического сектора «Политехникума», где он читал лекции по истории, положение еще более усугубилось. В 1922-1923 гг. М.А. Полиевктов работал и в Музее революции Грузии. С марта 1925 г. удалось найти работу в историческом архиве Центрархива ССР Грузии. Это несколько улучшило материальное положение семьи М.А. Полиевктова. Но только с марта 1930 г. удалось получить место действительного члена КИАИ [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 26-28]. К этому времени М.А. Полиевктов печатает свой труд – «Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего)» [Полиевктов 1925]. М.А. Полиевктов обнаружил данные о немецком ученом, который принял участие в академических

экспедициях на Кавказ и трагически погиб в Дагестане в 1774 г. Тема академического кавказоведения XVIII в. стала составляющей широкого проспекта разработки «кавказоведных источников», одной из центральных в научном творчестве М.А. Полиевктова [Полиевктов 1935].

Он начинает пробивать себе научную дорогу в Грузии. В 1926-1928 гг. выходят в издании Тифлисского государственного университета (ТГУ) архивные материалы посольствах стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию в 1650-1652 гг. и князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640-1643 гг. [Полиевктов 1926; Полиевктов 1928]. Эти публикации, отражающие зарождение и развитие дипломатических отношений между Россией и Грузией, явились результатом научных командировок и поисков в центральных архивах. Работа в Тифлисском (Тбилисском) государственном университете, Центрархиве ССР Грузии и КИАИ открыла перед историком внешней политики России неизведанную область научных интересов: русско-грузинские, русско-кавказские отношения. Знания, приобретенные в Санкт-Петербургском университете, принадлежность к традициям петербургской исторической школы, навыки архивной работы, полученные в архивах Берлина, Вены, Рима создали предпосылки для выявления в архивах Москвы и Ленинграда комплекса материалов в целях обоснования актуальности «восточно-кавказского вопроса» во внешней политике России. В некоторой степени это было продолжением архивной деятельности С.А. Белокурова, который одним из первых обнаружил корпус архивных материалов сношений России с Востоком [Сулаберидзе 2020]. Однако деятельность М.А. Полиевктова в этой области преследовала несколько иные цели в связи с изменением политического строя и идеологических предпочтений правящей советской элиты. В 1920-1930-х гг. в курсе политики новых властей являлось разоблачение колонизаторской, захватнической политики царизма. «Старый специалист» должен был следовать данному идеологическому дискурсу. Продвижение по научно-административным ступеням было довольно быстрое: с 1932 г. М.А. Полиевктов становится научным сотрудником 1 разряда уже НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра, как преемника КИАИ, а с 1 января 1933 г. старшим специалистом [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 26-28].

Материалы личного дела ученого показывают, как развивались научные интересы в стенах КИАИ. Отчет о выполнении плановой работы с 11 августа 1929 по 31 марта 1930 г. свидетельствует об интенсивной работе М.А. Полиевктова. 31 марта 1930 г. на общем собрании ученых КИАИ он выступил с докладом: «К истории русско-грузинских и русско-кавказских взаимоотношений XVII в.». М.А. Полиевктов отсчитался о тех публикациях, которые вышли в эти годы: подготовил вместе с профессором ТГУ Г. Натадзе книгу «Старый Тифлис» [Натадзе, Полиевктов 1929]; в сборнике «Архивы Грузии» (1927. кн. III) представил обозрение «Главный исторический архив». Книга «Старый Тифлис» носила краеведческий характер, но имела также общеисторический интерес к познанию прошлого столицы Грузии. Обозрение «Главный исторический архив» открывало перед историками перспективы разработки архивных фондов в области кавказоведения. М.А. Полиевктов также сообщил, что подготовил для «Известий КИАИ» сообщение – «Русская оккупация прикаспийских областей».

Оно была опубликовано под названием «Проект Бругемана и русская оккупация прикаспийских областей в 20-х годах XVIII века» совместно с Е.С. Зевакиным [Полиевктов, Зевакин 1934]. Был подготовлен курс лекций: «Русская история в эпоху феодализма и торгового капитала» и программа курса – «Материалы по истории взаимоотношений Грузии и России» [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 178]. К сожалению, указанные программы и курсы не сохранились в архивах. Они предполагали выявление архивных материалов в Ленинграде и Москве во время научных командировок, организуемых КИАИ, а затем НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра.

М.А. Полиевктов вел активную научную деятельность. Он состоит членом Бюро Секции республики ССР Грузии, председателем квалификационной комиссии при этом Бюро. По поручению Бюро руководит обследованием Музея Грузии и вошел в состав бригады по подготовке национальных кадров, замещал должность ученого секретаря НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 178]. Как один из наиболее квалифицированных сотрудников НИИ кавказоведения, М.А. Полиевктов в сентябре 1932 г. был командирован в Батуми на экстренное заседание Аджаристанского народного Бюро Краеведения. Необходимо отметить, что в этот период краеведение поощрялось властью в плане развертывания исследований истории, этнографии различных этнических образований, включения в процесс социалистического строительства бывших прежде отсталых районов. Выступая на заседании, М.А. Полиевктов произвел солидное и полезное впечатление на присутствующих молодых краеведов Аджарии. Данный архивный материал представляет возможность полнее ознакомиться с внутренней структурой НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра. Здесь дана краткая история НИИ кавказоведения: Анийский музей – КИАИ (1917-1930) – НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра (с 1932 г.). В институте существовало первоначально 2 отдела: обществоведение и естественный. В отделе обществоведения в секции историко-экономической работал М.А. Полиевктов [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 161]. Как известно, история до 1934 г. не выделялась в отдельный предмет научного исследования. Интенсивно выявляя архивные материалы по истории русско-грузинских отношений в ходе научных командировок в Ленинград и Москву М.А. Полиевктов докладывал об итогах работы. Под грифом НИИ института кавказоведения им. Н.Я. Марра в 1932 г. вышла работа «Экономические и политические разведки Московского государства в XVII веке» [Полиевктов 1932]. Она была продолжением предыдущих исследований по выявлению архивных материалов, показывающих особенности проникновения России на Кавказ, собиранию сведений исторического, этнографического, экономического и политического характера о Кавказе, путей сообщения, добываемых в ходе разведок.

Доказательству колонизаторской сущности экспансии России на Кавказ М.А. Полиевктов следовал и в последующие годы. Эта тема была актуальной в свете тех изменений в стране, которые наступили в ходе «великого перелома» в начале 1930 г., когда резко обострились внутриполитические противоречия. Борьба со «старыми специалистами» затронула и М.А. Полиевктова. В марте 1931 г. его сняли с работы в Тифлисском государственном университете в ходе

кампании борьбы с «кондратиевщиной». В мае 1932 г. М.А. Полиевктов был отстранен от работы в Центрархиве ССР Грузии якобы за «неисполнение дисциплины», «вредительский характер» деятельности. Но звучали обвинения и в принадлежности к «монархизму» [ЦАНИГ. Ф. 335. Оп. 9. Д. 542. Л. 1-3].

Потеря работы в НИИ кавказоведения обрекала бы М.А. Полиевктова и его семью на «голодное существование». Грозило и попадание в «жернова репрессий», жертвами которой стали многие его друзья по «Академическому делу». В этих условиях необходимо было проявить выдержку, способность лавировать, следовать «идеологическим установкам». Работы, осуществленные ученым в 1934-1935-х гг. в стенах института, показывают способность его автора следовать «нужной волне». М.А. Полиевктов заостряет внимание на экспансии русского царизма на Кавказе, колонизаторской, захватнической сущности политики. В планы на 1934-1935-е гг. входит разработка темы «Военно-феодальная эксплуатация русского царизма в XVI-XVII веках на Кавказе». Автор в отчете за 1935 г. сообщает, что плановая тема на 1/3 подготовлена к публикации. Но в трудах института она не была опубликована и вошла в содержание другой работы – «Экспансия русского царизма на Кавказе» и осталась в черновом варианте [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53].

М.А. Полиевктов отметил в отчете за 1935 г., что он дополнительно подготовил и тему «Материалы по истории русских художников в Грузии в XVI-XVIII веках». Она была отдельно опубликована – «Новые данные о московских художниках XVI-XVII веков в Грузии» [Полиевктов 1941; АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л.105]. Следует отметить увлечение М.А. Полиевктовым областью истории искусства. Еще в петербургский период ученый подготовил курс по истории искусства Западной Европы, России, и намеревался посвятить себя исследованию исскусства. Но впоследствии область источниковедения, историографии внешней политики России взяла вверх в научных изысканиях М.А. Полиевктова. Определяя планы работы на 1936 г., старший специалист НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра М.А. Полиевктов сообщает, что продолжает работать по проблемам русско-кавказских отношений, но переносит основное внимание на внешнюю политику России в XVIII в., хотя и предшествующий период остается в рамках исследований. Ученый изучает Кавказ, как поле столкновений интересов России, европейских стран и прежних владетелей – Турции и Ирана. Им собран материал по теме – «Борьба России, Ирана и Турции за Закавказье в XVI-XVIII веках». Материал анализируется, выработана схема его использования. Отдельно данная тема в виде статьи не была опубликована.

Центральной темой исследования ученого становится тема экспансии русского царизма в прикаспийские области Кавказа в первой половине XVIII в. Она озаглавлена – «Русские кавказоведные изыскания XVIII века для истории присоединения прикаспийских областей», то эта тема параллельно разрабатывалась и на кафедре истории народов СССР Тифлисского государственного университета. Она нашла отражение в опубликованных работах автора «К истории прикаспийского вопроса», а также в статье «Проект хозяйственной эксплоатации оккупированных в XVIII веке Россией прикаспийских областей Кавказа» [Полиевктов 1937; АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 33-35].

Еще одной темой стало изыскание сведений, накопленных путешественниками о Кавказе. М.А. Полиевктов проделал гигантскую работу: в 1935 г. под грифом НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра вышел 1 справочно-библиографический том «Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу». Второй том, где собраны материалы с 1800 по 1830 гг., вышел уже после смерти автора в 1946 г. под названием «Европейские путешественники по Кавказу в 1800-1830 гг.» [Полиевктов 1946]. Третий том оказался утерянным. Известный кавказоведед А.Н. Генко, внимательно следивший за работой М.А. Полиевктова, отметил значение этого уникального труда ученого для кавказоведения, но и выявил ряд его недостатков [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 120. Л. 270].

Работая в НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра, М.А. Полиевктов периодически осуществлял научные командировки в Москву и Ленинград. Так, сроком на 2 месяца с 15 июня по 15 августа 1937 г., М.А. Полиевктов был отправлен работать в архивы Москвы и Ленинграда для поиска материалов русско-грузинских отношений XVII в. [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 4]. Несколько улучшилось и материальное положение, увеличилось вознаграждение за труды. В 1936 г. М.А. Полиевктов получал в НИИ кавказоведения 400 руб., на научные командировки выделялись солидные суммы. Оценены были и научные заслуги М.А. Полиевктова, как ученого. В 1935 г. Республиканской квалификационной комиссией при Наркомате Просвещения ССР Грузии М.А. Полиевктов был утвержден в звании доктора наук **(**протокол от № 1 о 27.02.1935 г.) [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26. Л. 13].

Все это происходило в условиях, когда начались массовые репрессии против всех инакомыслящих или к ним причисленным. После идеологической обработки 1935 г. в Тифлисском университете, кампании, направленной против «старых специалистов», в которой огонь клеветы был обрушен на создателя университета И.А. Джавахишвили, положение еще более обострилось. Наступил 1937 г. В архиве НАН Грузии сохранился документ, который отражает атмосферу, царившую и в стенах Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР (так стал именоваться с 1935 г. НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра). Рецензия С. Мгебришвили (от 29 мая 1937 г.) на работу М.А. Полиевктова «Русские источники по истории Закавказья в XVIII-XIX веках» демонстрирует всю остроту борьбы против представителей «старого направления». Рукопись работы сохранилась в личном фонде ученого [ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 27].

Рецензент отмечает, что «труд носит характер библиографически-справочного материала по русскому источниковедению, касающегося истории народов Кавказа. *Автор правильно поддерживает политическую мысль и цель этих публикаций* (выделено нами. – Ю.С). Официальная дореволюционная историография затушевывала колониальную имперскую политику изучения Закавказья, и утверждала, что как-будто Закавказье своевольно присоединилось к России и вступило на культурный путь. Этим он объясняет односторонность и ограниченность этих публикаций, как правильно отмечает автор. Труд имеет перечень архивных фондов, неопубликованных и не разработанных, имеющих весьма громадное значение по историографии Закавказья. Но автор не касается

той литературы, которая все же отражает прогрессивно-либеральные настроения «вольнодумцев», например декабристов-переселенцев на Кавказ (А. Бестужев, Кюхельбекер и др.). Нельзя всю русскую литературу по Закавказью дореволюционного периода считать реакционной и действующей по заказу русского царизма. Что значит «элементарная великодержавность М. Броссе»? Можно ли его считать его «великодержавным»? (стр. 28) Или Воронцов отриентировался на привилегированные сословия, а не на местное общество (стр. 4). Скромно сказано: «под воздействием марксистско-ленинской методологии повеяло свежим воздухом». «Не под воздействием лишь только, а благодаря марксистко-ленинской методологии. Романтическую окраску переживаний надо объяснять. В общем труд идеологически выдержан» [АНАНГ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 26.16].

М.А. Полиевктову удалось избежать репрессий. Более того, как показывает отчет А. Киквидзе о работе кафедр исторического факультета ТГУ в 1937-1938-х гг., М.А. Полиевктов достойно держался «марксистской методологии» при публикации своих работ по истории русско-грузинских отношений [Киквидзе 1938: 166-168].

М.А. Полиевктов и в последние годы жизни продолжал собирать материалы по истории русско-грузинских отношений. Одной из последних работ ученого была статья «К вопросу о сношениях Ростома Карталинского с Москвой» [Полиевктов 1940a]. В данной работе ученый публикует материалы, отражающие дипломатические контакты Картли с Россией в сложный период (XVII в.), когда Картли находилась под сильным влиянием Ирана. Ростом был первым царем-мусульманином, носил титул «вали», наместника шаха. Он старался проводить разумную, примирительную политнку, чтобы страна получила долгожданный мир. Попытки Ростом-хана завязать отношения с Москвой были рискованными, но оправданным шагом на далекую перспективу. К проблеме истоков русско-грузинских дипломатических отношений М.А. Полиевктов обращался и в статье «К вопросу об авторе «Статейного списка С» посольства Толочанова и Иевлева» [Полиевктов 1940b]. Как известно, впервые архивные материалы об этом посольстве в Грузию были опубликованы ученым в «Трудах ТГУ» еще в 1928 г. М.А. Полиевктов обнаруживал все новые архивные материалы о развитии дипломатических отношений между Россией и грузинскими феодальными образованиями в XVI-XVIII вв. Тем самым закладывал основы грузинского кавказоведения, его младшие коллеги и преемники уже шли по проторенным тропам научных изысканий, обогащая кавказоведение новыми архивными открытиями.

Заключение

Знакомство с архивными материалами позволяет обнаружить новые грани научной биографии многогранной личности, каким был М.А. Полиевктов. Его научное творчество до сих пор не полностью оценено в науке кавказоведения. Деятельность М.А. Полиевктова в академических учреждениях Грузии в 1920-1930 гг. раскрывает еще одну грань научной биографии одного из основоположников академического кавказоведения в Грузии. М.А. Полиевктов принял активное участие в развитии академических учреждений Грузии, в формировании в их

стенах отрасли научного кавказоведения, разработки вопросов русско-грузинских, русско-кавказских взаимоотношений. Опубликованные труды в академических изданиях составляют достойную часть научного наследия М.А. Полиевктова. Деятельность в академических учреждениях развивалась параллельно с преподаванием в Тбилисском университете и работой в Центрархиве ССР Грузии. Все это подчеркивает многогранность научного облика ученого-архивиста и преподавателя, оставившего глубокий след в историографии Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аветян 1979 – *Аветян К.Д.* Известия Кавказского историко-археологического института // Кавказ и Византия. – Вып. 1. – Ереван: Изд.-во АН Армянской ССР, 1979. – С. 247. – URL: Annales. info/ kavkaz/ small/izvestie.htm (дата обращения 24.08.2022 г.).

АНАНГ – Архив Национальной Академии Наук Грузии.

Выскочков 2019 – *Выскочков Л.В.* Петербургский период жизни М.А. Полиевктова и его книга- Николай I (К столетию первого издания книги) // Деятели русской науки XIX-XX веков: Коллек. монография [Ред. и сост. Т.В. Андреева, С.Ф.Синельникова]. – Вып. 5. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – С.107-148.

Киквидзе 1938 – *Киквидзе А.* Историческая наука в СССР. Исторический факультет Тбилисского университета // Историк-марксист. – 1938. – № 3. – С. 166-168.

Максимчик 2014 – *Максимчик А.Н.* Тифлисский период жизни и деятельности историка-архивиста М.А. Полиевктова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014» / гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – С. 252-257.

Мгалоблишвили 2011 – *Мгалоблишвили* Л. Национальная Академия наук Грузии (1941-2011). – Тб.: Мецниереба, 2011. – 403 с. (на груз. яз.)

Миханкова 1949 – *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд.3. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 245-247.

Муратова 2018 – *Муратова Е.Г.* Основные направления научно-исследовательской деятельности М.А. Полиевктова в «тифлисский период» его жизни // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 2. – С. 51-65: DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-51-65.

Натадзе, Полиевктов 1929 – *Натадзе Г., Полиевктов М.А.* Старый Тифлис в известиях современников. – Тифлис: Госиздат, 1929. – 102 с.

Полиевктов 1925 – *Полиевктов М.А.* Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила-Готлиба-Георга Гмелина (младшего). (По документам Центрархива ССР Грузии) // Известия Кавказского историко-археологического института. – 1925. – Т. 3. – С. 133-156.

Полиевктов 1926 – *Полиевктов М.А.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650-1652 гг. – Тифлис: Изд.-во ТГУ, 1926. – 231 с.

Полиевктов 1928 – *Полиевктов М.А.* Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640-1643. – Тифлис: Изд-во ТГУ, 1928. – 209 с.

Полиевктов 1932 – *Полиевктов М.А.* Экономические и политические разведки Московского государства в XVII веке. – Тифлис: НИИ кавказоведения им. Н.Я. Марра, 1932. – 54 с.

Полиевктов 1934 – *Полиевктов М.А.* Проект Бругемана и русская оккупация прикаспийских областей в 20-х годах XVIII века // Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. – Тифлис: «Закгиз», 1934. – 54 с.

Полиевктов 1935 – *Полиевктов М.А.* Из истории русского академического кавказоведения XVIII века // Известия АН СССР. – Сер. 7. – Отд. общ. наук. – 1935. – № 8. – С. 759-774.

Полиевктов 1937 – *Полиевктов М.А.* Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII веке Россией прикаспийских областей Кавказа // Материалы по истории Грузии и Кавказа. – Тб.: б/и: 1937, – С. 245-290.

Полиевктов 1940b – *Полиевктов М.А.* К вопросу об авторе «Статейного списка С» посольства Толочанова и Иевлева // Сообщения Грузинского филиала АН СССР (история). – Тб.: б/и, 1940. – № 1. – С. 81-86.

Полиевктов 1940a – *Полиевктов М.А.* К вопросу о сношениях Ростома Карталинского с Москвой // Известия Института языка, истории и материальной культуры. – Тб.: б/и, 1940. – Т. V-VI. – С. 523-531.

Полиевктов 1941 – *Полиевктов М.А.* Новые данные о московских художниках XVI-XVII веков в Грузии // Метехи-музей – история культуры и науки. – Тб.: б/и, 1941. – 22 с.

Полиевктов 1946 – *Полиевктов М.А.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800-1830 г. – Тб.: Заря Востока, 1946. – 153 с.

Сулаберидзе 2012a – *Сулаберидзе Ю.С.* Н.Я. Марр – исследователь грузинской культуры. «Культурно-историческая школа» // Клио. – 2012. – № 4. – С. 114-117.

Сулаберидзе 2012b – *Сулаберидзе Ю.С.* Роль М.А. Полиевктова в развитии грузино-русских культурно-научных традиций // Клио. – 2012. – № 8. – С. 125-129.

Сулаберидзе 2020 – *Сулаберидзе Ю.С.* М.А. Полиевктов – у истоков русского научного кавказоведения // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 2 (26). – С. 236-249.

Сулаберидзе 2022a – *Сулаберидзе Ю.С.* Роль М.А. Полиевктова в развитии русского научного кавказоведения // Этнокультурное пространство народов Кавказа в системе межэтнических и межконфессионнальных коммуникаций: Сб.научных трудов. – М.: ООО МАКС Прест, 2022. – С. 208-218.

Сулаберидзе 2022b – *Сулаберидзе Ю.С.*Научно-преподавательская деятельность М.А. Полиевктова в Грузии в 1920-1930 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. –№ 3. – С. 162-183. DOI:10.31143/2542-212X-2022-3-163-182. – EDN: DHQMHJ.

Сургуладзе 1977 – *Сургуладзе А.Н.* Е. Такайшвили (Жизнь и деятельность). – Тб.: ТГУ, 1977. – С. 162-164. (на груз. яз.).

Тихонов 2011 – *Тихонов В.В*. М.А. Полиевктов как кавказовед // История России в исследованиях и документах. – Вып. 5. – М., 2011. – С. 73-82.

ЦАНИГ – Центральный архив новейшей истории Грузии.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии.

REFERENCES

ANANG – Arkhive Natsional`noj Akademii Gruzii [National Academy Archive of Georgia].

AVETYAN K.D. *Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arckheologicheskogo instituta* [Proceedings of the Caucasian historical and archaeogical institute]. IN: Cavcaz i Vizantiya. Vyp 1. Yerevan, NAA. – 1979. C. 247. – URL: Annales.info/kavkaz/small/izvestie.htm (In Russ.).

KIKVIDZE A. *Istoricheskaya nauka v SSSR.Istoricheskij fakul`tet Tbilisskogo universiteta* [Historical sciences in the USSR. Faculty of History of Tbilisi Uneversity]. IN: Istorik-marxist. – 1938. – № 3. – S. 167-168 (In Russ.).

MAKSIMCHIK A.N. *Tiflisskij period zhizni i deyatel`nosti istorika-arkhivista M.A. Polievktova* [Tiflis period of life and work of the historian-archivist M.A. Polievktov]. IN: Istoricheskie dokumenty i aktual`nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. Sb. materialov IV mezhdunarodnoj konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov «Clio-2014» [Gl. red. A.K. Sorokin, otv. red. S.A. Kotov]. – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2014. – S. 252-257 (In Russ.).

MGALOBLISHVILI L. *Natsional`naya Akademiya Gruzii (1941-2011)* [National Academy of Georgia (1941-2011)]. Metsniereba. – Tbilisi, 2011. – 403 s. (In Georg.)

MIKHANKOVA V.A. *N.YA.Marr.Ocherk ego zhizni i deyatel`nosti* [N.Ya.Marr. Essay on his life and scientific activity]. – M.-L.: Akademiya Nauk SSSR, 1949. – S. 245-247 (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Osnovnye napravleniya nauchno-issledovatel1skoj deyatel`nosti M.A.Polievktova v «tiflisski period» ego zhizni* [The main directions of reseach activities of M.A.Polievktov in «tiflis period» of the life]. IN: Kavkazologiya. – 2018. – № 2. – S. 51-65 (In Russ.).

NATADZE G., POLIEVKTOV M.A. *Staryi Tiflis v izvestiyakh sovremennikov* [Old Tiflis in the news of contemporaries]. – Tiflis: Gosizdat, 1929. – 102 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Arkhivnye dannye o smerti na Kavkaze akademika Samuila-Gotliba-Georga Gmelina (mladshego). (Po dokumentam Tsentrarkhiva SSR Gruzii)* [Archival data on the death in the Caucasus of Academician Samuel-Gottlieb-Georg Gmelin (Jr.). (According to the documents of the Tsentrarchiv SSR of Georgia)]. In: Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta. – 1925. – T. 3. – S. 133-156. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Ekonomicheskie i politicheskie razvedki Moskovskogo gosudarstva v XVII veke* [Economic and political intelligence of the Moscow state in the XVII century]. – Tiflis: NII kavkazovedeniya im. N.Ya. Marra, 1932. – 54 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Evropeiskie puteshestvenniki po Kavkazu. 1800-1830 g.* [European travelers in the Caucasus. 1800-1830]. – Tb.: Zarya Vostoka, 1946. – 153 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Iz istorii russkogo akademicheskogo kavkazovedeniya XVIII veka* [From the history of academic Caucasian studies of the 18th centure]. IN: Izvestiya Akademii Nauk SSSR. – Ser.7. – Otd. obshh. nauk, 1935. – S. 759-774 (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *K voprosu o snosheniyakh Rostoma Kartalinskogo s Moskvoi* [On the issue of relations between Rostom Kartalinsky and Moscow]. In: Izvestiya Instituta yazyka, istorii i material'noi kul'tury. – Tb.: b/i, 1940. – T. V-VI. – S. 523-531. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *K voprosu ob avtore «Stateinogo spiska S» posol'stva Tolochanova i Ievleva* [On the question of the author of the "Article List C" of the embassy of Tolochanov and Ievlev]. In: Soobshcheniya Gruzinskogo filiala AN SSSR (istoriya). – Tb.: b/i, 1940. – № 1. – S. 81-86. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Novye dannye o moskovskikh khudozhnikakh XVI-XVII vekov v Gruzii* [New data on Moscow artists of the XVI-XVII centuries in Georgia]. In: Metekhi-muzei – istoriya kul'tury i nauki. – Tb.: b/i, 1941. – 22 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Posol'stvo kn. Myshetskogo i d'yaka Klyuchareva v Kakhetiyu. 1640-1643*. [Embassy Prince Myshetsky and clerk Klyucharev in Kakheti. 1640-1643.]. – Tiflis: Izd.vo TGU, 1928. – 209 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Posol'stvo stol'nika Tolochanova i d'yaka Ievleva v Imeretiyu. 1650-1652 gg*. [Embassy of the stolnik Tolochanov and clerk Ievlev to Imereti. 1650-1652.]. – Tiflis: Izd.-vo TGU, 1926. – 231 s. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Proekt Brugemana i russkaya okkupatsiya prikaspiiskikh oblastei v 20-kh godakh XVIII veka* [The Brugeman project and the Russian occupation of the Caspian regions in the 20s of the XVIII century]. In: Zevakin E.S., Polievktov M.A. K istorii prikaspiiskogo voprosa. – Tiflis: «Zakgiz», 1934. – 54 c. (In Russ.).

POLIEVKTOV M.A. *Proekt khozyaistvennoi eksploatatsii okkupirovannykh v XVIII veke Rossiei prikaspiiskikh oblastei Kavkaza* [Project of economic exploitation of the Caspian regions of the Caucasus occupied in the 18th century by Russia]. In: Materialy po istorii Gruzii i Kavkaza. – Tb.: b/i: 1937, – S. 245-290. (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *«Tiflisskij period» nauchnogo tvorchestva M.A.Polievktova. Istoriya sozdaniya nauchnoj kontseptsii «vostochno-kavkazskogo voprosa»* [«Tiflis period» of M.A.Polievktov`s scientific work.The history of the creation of the scientific concept of the «East Caucasian issue»]. – Saarbrukken: Lambert Akademic Publishing, 2020. – 121 s. (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *M.A. Polievktov – u istokov russkogo nauchnogo kavkazovedeniya* [M.A. Polievktov – at the origins of russian scientific caucasian studies]. IN: Petersburgskij istoricheskij zhurnal. – 2020. – № 2 (26). – S. 236-249 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *N.Ya. Marr – issledovatel` gruzinskoj kul`tury.Kul`turno-istoricheskaya shkola* [N.Ya. Marr – researcher of Georgian culture/ Cultural and historical school]. IN: Clio. – 2012. – № 4. – S. 114–117 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *Nauchnaya i prepodavatel`skaya deyatel`nost` M.A.Polievktova v Gruzii v 1920-1930 g* [Scientific and teaching activities of M.A.Polievktov in Georgia in 1920-1930.]. IN: Kavkazologiya. – 2022. – № 3. – S. 162-183 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *Rol` M.A.Polievktova v razvitie nauchnogo kavkazovedeniya* [The role M.A.Polievktova in the development of scientific caucasian studies]. IN: Ehtnokul`turnoe prostranstvo narodov Kavkaza v sisteme mezhehnicheskikh i mezhkonfessional`nykh komunikatsij. Sb.nauchnykh statej. – M.: OOO MAKC Prest, 2022. – S. 208-218 (In Russ.).

SULABERIDZE Yu.S. *Rol` M.A.Polievktova v razvitii russijsko-gruzinskikh kul`turno-nauchnykh traditsij* [The role of the M.A.Polievktov in the development of russian-georgian cultural and acientific tradition]. IN: Clio. – 2012. – № 8 (68). – S. 125-129 (In Russ.).

SURGULADZE A.N. *E.Takajshvili (Zhizn` i deyatel`nost`)* [E.Takaishvili (life and activities)]. IN: Tbilisi: TGU, 1977. – S. 162-166 (In Georg.).

TIKHONOV V.V. *M.A. Polievktov kak kavkazoved* [M.A. Polievktov as a Caucasian scholar]. IN: Istoriya Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh. – Vyp. 3. – M.: 2011. – S. 73-82 (In Russ.).

TSANIG – Tsentral`ny arkhiv noveyshej istorii Gruzii [Central State modern history archive of Georgia].

TSIAG – Tsentral1ny istoricheskij arkhiv Gruzii [Central State Historical archive of Georgia].

VYSKOCHKOV L.V. *Peterburgskij period zhizni M.A. Polievktova i ego kniga- Nikolaj I (K stoletiyu pervogo izdaniya knigi)* [The Petersburg period of life of M.A.Polievktov and his book-Nikolai I (In the centenory of the first edition of the book]. IN: Deyteli russkoj nauki XIX-XX vv. Kollk.monografiya [Red. i sost. T.V. Andreeva, S.F. Sinel`nikova]. – Vyp 5. – SPB: Dm. Bulanin, 2019. – S. 107-148 (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.С. Сулаберидзе – кандидат исторических наук.

Information about the author

Yu.S. Sulaberidze – Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023 г.; одобрена после рецензирования 03.03.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 32(479):314.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-108-123
EDN: CBCVIV

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ: ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА МИКОЯН-ШАХАР (1926-1943 ГГ.)

Завен Викторович Акопян
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733

Аннотация. В истории национально-государственного строительства 1920–1930-х годов практически все автономии и другие крупные территориальные единицы уже имели города со статусом административных центров и столиц. Все они существовали еще задолго до установления советской власти, и в них преобладало население, не относившееся к титульной нации соответствующей автономной республики или области. Единственным исключением стала образованная в 1926 году Карачаевская автономная область, на территории которой не было ни одного населенного пункта, пригодного для административного центра. Автор статьи приводит комплекс причин, ставших основанием для решения построить новый город с названием Микоян-Шахар (нынешний Карачаевск). На современном этапе такая же ситуация сложилась с Ингушской Республикой. Благодаря поддержке федерального центра для этой республики началось строительство новой столицы – города Магаса.

Ключевые слова: Российская Федерация, Северо-Кавказский край, Микоян-Шахар, столица, Карачаевск, Карачаевская автономная область, Карачаево-Черкесия, административный центр, национально-государственное строительство

Для цитирования: Акопян З.В. Исторический опыт создания административных центров для национальных автономий: основание и развитие города Микоян-Шахар (1926–1943 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 108-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-108-123. EDN: CBCVIV.

© Акопян З.В., 2023

Original article

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF CREATING ADMINISTRATIVE CENTERS FOR NATIONAL AUTONOMIES: THE FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF THE CITY OF MIKOYAN-SHAHAR (1926-1943)

Zaven V. Akopyan,
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733

Abstract. In the history of national-state construction in the 1920s and 1930s, almost all autonomies and other large territorial units already had cities with the status of administrative centers and capitals. All of them existed long before the establishment of Soviet power, and they were dom-

inated by a population that did not belong to the titular nation of the corresponding autonomous republic or region. The only exception was the Karachay Autonomous region, formed in 1926, on the territory of which there was not a single settlement suitable for an administrative center. The author of the article gives a set of reasons that became the basis for the decision to build a new city with the name Mikoyan-Shahar (present-day Karachayevsk). At the present stage, the same situation has developed with the Ingush Republic. Thanks to the support of the federal center, the construction of a new capital, the city of Magas, has begun for this republic.

Keywords: Russian Federation, North Caucasus Region, Mikoyan-Shahar, capital, Karachayevsk, Karachay Autonomous Region, Karachay-Cherkessia, administrative center, national-state construction

For citation: Akopyan Z.V. The historical experience of creating administrative centers for national autonomies: the foundation and development of the city of Mikoyan-Shahar (1926-1943). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 108-123. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-108-123. – EDN: CBCVIV.

© Akopyan Z.V., 2023

В современной литературе о городе Карачаевске ощущается какое-то негласное табу на изначальный топоним (астионим), которым был наречен город, являвшийся почти два десятилетия столицей Карачаевской АО. История строительства города Микоян-Шахар объективно рассматривается в исследовании С.З. Лайпанова «Карачаевск. Историко-экономический очерк», опубликованном в 1968 г. [Лайпанов 1968]. Но и в этой работе строительство г. Микоян-Шахар обуславливается только одним искренним желанием советской власти создать город для новой автономии, не имевшей подходящего населенного пункта, могущего выполнить роль столицы. Не отрицая этого факта, мы ставим перед собой задачу обосновать комплекс причин, ставших основанием для решения построить город Микоян-Шахар.

Старые и новые столицы автономий Северного Кавказа

Распад СССР привел к возникновению суверенной России – Российской Федерации (РФ), правопреемницы СССР. В период становления новой модели федерации, российские автономии, также, как и другие территориальные единицы РФ, стали ее субъектами. На Юге России, кроме одной республики, все субъекты РФ по наследству от советского прошлого уже имели свои «столичные» города: Ростов-на-Дону, Краснодар, Майкоп, Ставрополь, Черкесск, Нальчик, Владикавказ, Грозный, Махачкала. В этом списке не было только столицы Ингушетии.

В процессе создания и развития национальных автономий на Северном Кавказе большинство из них «получили» свои столицы с инонациональным населением, не имеющим полуофициальный статус «титульной нации».

Население большинства городов, созданных в имперский период на Северном Кавказе, за редким исключением, состояло из русских и других не автохтонных народов. Достаточно посмотреть на национальный состав таких городов, как Владикавказ и Грозный, которые в 20-х гг., до их включения в состав соответствующих автономий, имели статус автономного округа в составе Севе-

ро-Кавказского края (СКК), образованного в 1924 г. и объединяющего все территориальные единицы Юга России.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Грозном (включая районы Новых и Старых промыслов) проживало 94 700 человек, в том числе: русских – 68 152, украинцев – 7796, армян – 5843, татар – 3108, чеченцев – 1931, белорусов – 1897, евреев – 2787 (в т.ч. горских – 1475), поляков – 726, греков – 493, немцев – 468 и др. В другом самостоятельном автономном округе – Владикавказе (100 км^2, 78,3 тыс. человек) доля автохтонных этносов не составляла и четверти от всего населения. По той же переписи, во Владикавказе национальный состав населения был следующий: русские – 40,2 тыс., осетины – 10,7 тыс., армяне – 6,5 тыс., грузины – 5 тыс., украинцы – 3,9 тыс., ингуши – 1,5 тыс. и др. [Всесоюзная перепись 1927].

Город Владикавказ (с 1931 г. – Орджоникидзе, с 1944 по 1954 – Дзауджикау) с 1924 по 1934 г. был столицей сразу двух автономных областей – Северо-Осетинской и Ингушской. При этом сам город не входил в эти автономные области. Только после постановления ВЦИК от 15 января 1934 г. Орджоникидзе стал столицей Северной Осетии, а Ингушетия была объединена с Чеченской АО [Бетоева, Бирюкова 1991].

Еще раньше, 10 ноября 1928 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление «О ликвидации, как самостоятельной единицы, Грозненского округа и передаче г. Грозного в состав Чеченской автономной области» [РГАСПИ. Ф. 7. Оп. 21. Д. 3265. Л. 70]. С 15 января 1934 г. Грозный становится столицей объединенной Чечено-Ингушской АО (с 5 декабря 1936 г. – АССР) [Административно-территориальное деление 1929].

В постсоветский период Грозный оказался «приватизированным» только одной, чеченской, частью автономии. Образованная в 1992 г., Республика Ингушетия (РИ) вынуждена была довольствоваться крупным населенным пунктом сельского типа – райцентром Назрань. Последняя, хоть и увеличилась за несколько лет на один порядок за счет присоединения соседних таких же крупных сел, но по-прежнему сохраняла свой сельский облик и менталитет. Многие местные жители, как и прежде, занимались сельским хозяйством и по-прежнему просыпались утром не от надоедливого трезвона будильника, а от звонкого крика петухов.

Гордый и радушный ингушский народ стеснялся приглашать гостей в свою невзрачную (по административным меркам) столицу. Заручившись поддержкой федерального центра, в шести километрах южнее Назрани во второй половине 1990-х гг. развернулось строительство новой столицы с историческим и даже романтическим названием Магас. Народное Собрание РИ 3 апреля 1998 г. законодательно утвердило это решение, а через два года, 11 сентября 2000 г., указом главы республики Руслана Аушева в Магасе образована столичная администрация, переехавшая в новые здания[1].

[1] Указ Президента РФ от 15.04.1994 г. № 788 «О строительстве столицы Республики Ингушетия». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5920; Магас. История. URL: https://admmagas.ru/o-magase (дата обращения: 08.08.2022).

Создание новой столицы для национально-государственного образования на Северном Кавказе имело и свой исторический прецедент. Речь идет о строительстве нового столичного города для Карачаевской АО (КАО) во второй половине 1920-х гг.

Строительство столицы для Карачаевской АО

В соответствии с постановлением ВЦИК от 20 января 1921 г. об образовании Горской АССР (ГАССР), в ее состав, наряду с другими округами, входил и Карачаевский округ. Его территорию сформировали из части Баталпашинского отдела Кубанской области, западной части бывшего Нальчикского округа, южной части Пятигорского отдела [Декреты Советской власти 1986: 193]. Другая часть упраздненного Баталпашинского отдела, на которой проживали русские (казаки), черкесы и абазины, вошла в Армавирский округ.

В период с 1921 по 1924 г. народы, входившие в состав ГАССР, выразили желание образовать свои национальные автономии. Первой из ГАССР пожелала выйти Кабарда. По мнению ряда историков, причина выхода Кабардинского округа из ГАССР объяснялась стремлением защитить свою территориальную целостность, так как при определении границ между округами ущемлялись, в первую очередь, интересы кабардинцев. Например, с 1918 по 1921 г. земельные угодья Кабарды сократились на 30 процентов. Однако Центр дал согласие на выход Кабарды только вместе с балкарцами [Улигов 1979; Кузьминов, Кажаров 2018]. Балкарские лидеры, как и кабардинцы, на землях которых находился Нальчик, рассматривали этот небольшой город в качестве своего административного центра, хотя балкарцев в городе в начале 1920-х гг. проживало всего 204 человека, или менее 2 % от всего городского населения. 16 января 1922 г. ВЦИК РСФСР принял постановление об образовании объединенной Кабардино-Балкарской автономной области (КБАО) [Улигов 1979; Кажаров 2019].

После образования КБАО Карачаевский округ оказался территориально отрезанным от ГАССР. 12 января 1922 г. ВЦИК принял декрет об образовании КЧАО с центром в Баталпашинске. В нее вошла выделенная из ГАССР территория Карачаевского округа, из Кубано-Черноморской области – южная часть Баталпашинского отдела. Область состояла из пяти округов: Учкуланский, Хумаринский, Малокарачаевский, Эльбурганский и Баталпашинский [40 лет автономии… 1962: 69].

В 1925 г. на территории КЧАО проживало 163 тыс. человек, в том числе 71 930 русских, 50 740 карачаевцев, 13 965 черкесов, 14 290 абазин, 6229 ногайцев и др. По переписи 1926 г., в административном центре КЧАО г. Баталпашинске (19,3 тыс. чел.), тогда уже входившем в Армавирский округ, абсолютное большинство составляли русские (82,7 %) и украинцы – 9 %. По переписи 1939 г., в Черкесске (несколько раз сменившем в 30-е гг. свое имя: от Баталпашинска, Сулимова и Ежово-Черкесска до просто Черкесска в 1939 г.) проживали: рус-

ские (87,6 %), украинцы (3,6 %), абазины (1,5 %), адыги-черкесы (1,4 %), карачаевцы (0,8 %), осетины (0,5 %), греки (0,5 %)[1] и др.

Вхождение единой КЧАО в состав края не преодолело противоречия между национальными элитами в руководстве автономии. Ни один из народов, давших ей название, не имел в области абсолютного большинства (в 1926 г. карачаевцы – 52,5 тыс., черкесы и кабардинцы – 16,2 тыс., абазины – 10,9 тыс., ногайцы – 6,2 тыс., осетины – 3 тыс. и др.) [Всесоюзная перепись 1927: 89]. Такой национальный состав, по свидетельству первого секретаря Северо-Кавказского крайкома А.И. Микояна, «предопределял ту обостренную, национальную борьбу по каждому мельчайшему вопросу, которая во многом парализовала творческую деятельность советской власти в Кар.-Чер. области» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Ед. хр. 172. Л. 75].

Руководство СКК с целью недопущения конфликтов содействовало образованию однородных в национальном отношении округов в КЧАО. В результате усовершенствования внутреннего административного устройства в КЧАО были образованы округа: три карачаевских (Учкуланский, Хумаринский, Малокарачаевский), два казачьих (Баталпашинский и Зеленчукский) и два черкесских, где проживали также абазины, ногайцы и русские – население небольших хуторов. Подобное устройство «сузило максимально, – отмечал А.И. Микоян, – плоскость возможных национальных трений» [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 55–56].

Тем не менее, весной 1926 г. в Карачае и Черкесии повсеместно прошли собрания, конференции и съезды, на которых население высказалось за предоставление отдельной автономии для карачаевцев, черкесов и русских. Идя навстречу этим пожеланиям, 25 апреля 1926 г. ВЦИК издал постановление «О расчленении Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку»[2]. На его основании IV съезд Советов КЧАО 31 мая принял свое постановление «О разделении Карачаево-Черкесской области по национальным признакам – Карачай, Черкесию и Баталпашинский (Русский) район». Наконец, решением крайисполкома на месте КЧАО образованы две самостоятельные национальные единицы – Карачаевская АО и Черкесский национальный округ. Русские районы Баталпашинский и Зеленчукский переходили в состав Армавирского округа. Черкесский национальный округ, согласно постановлению Президиума ВЦИК, в 1928 г. был преобразован в Черкесскую автономную область (ЧАО), в состав которой вошли также Абазино-Ногайский и Эльбурганский округа (в 1935 г. преобразованные в Икон-Халкский, Кувинский, Хабезский районы) [Край наш Ставрополье 1999: 269].

В новой территориальной конфигурации Баталпашинск стал центром ЧАО. В пределах КАО других городов не было, поэтому карачаевские лидеры были заинтересованы в присоединении Кисловодска к КАО и превращении ку-

[1] Население Карачаево-Черкесии. URL: http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnkchr.html (дата обращения: 17.06.2022).

[2] Декрет ВЦИК от 26 апреля 1926 г. «О расчленении Карачаево-Черкесской автономной области по национальному признаку». URL: https://lawfirm.ru/news/index.php?id=12307 (дата обращения: 19.07.2022).

ропного города в столицу своей автономии[1]. Эти претензии подогревались и тем обстоятельством, что Кисловодск любезно предоставил помещение для администрации соседнего Малокарачаевского района КАО, где не было ни одного пригодного помещения для районного аппарата.

Такая ситуация не была исключением. Действительно, в целом ряде городов Северного Кавказа временно располагались власти ряда горских автономий (например, в г. Краснодаре находилось руководство Адыгейской АО до присоединения к АО г. Майкопа) или их отдельных районов. В станице Прохладной находился центр Прималкинского округа КБАО, а Пятигорск предоставил несколько помещений для соседнего Нагорного округа КБАО [Акопян 2010]. Кроме того, с 1932 г. в Пятигорске находился Кабардино-Балкарский пединститут, пока в 1937 г. в Нальчике не завершилось строительство учебных корпусов для этого вуза [Акопян 2022].

Желание превратить Кисловодск в столицу КАО, возможно, мотивировалось примером Баталпашинска. То есть, если последний стал центром ЧАО, что мешает также «подарить» Кисловодск КАО? Краевое руководство, республиканский и союзный Центр нашли оптимальный вариант для КАО – построить новый город, который станет столицей автономии.

В 1925 г., еще до размежевания КЧАО на две национальные автономии, на месте будущего административного центра КАО, планировалось построить медицинский центр, способный обслуживать население Хумаринского округа. Для строительства окружной больницы А.И. Микоян, еще будучи первым секретарем СК крайкома ВКП(б), вместе с представителями КЧАО, определил самое оптимальное место, расположенное на склоне предгорной части Большого Кавказа на берегах р. Кубани, ее левого притока р. Теберды и правого притока р. Мары на высоте 870–880 метров над уровнем моря.

Площадка для строительства, в плане напоминавшая подкову, обращенную концами в горы, находилась недалеко от села Георгиевско-Осетинского и аула Каменномоста, в 60 км от областного центра Баталпашинска и в 45 км от нынешней Теберды.

В ходе проектирования и начала строительства больницы было решено построить рядом с ней еще несколько административных зданий с таким расчетом, чтобы перевести сюда центр Хумаринского округа [Лайпанов 1968: 13–14]. Разделение КЧАО на две автономии в апреле 1926 г. внесло коррективы в рассматриваемый проект поселка. Вместо центра Хумаринского округа было принято решение создать новый город – центр Карачаевской АО.

Особую роль в принятии такого решения сыграл А.И. Микоян, который, хотя уже и был переведен в Москву на пост наркома внутренней и внешней торговли СССР (август 1926 г.), однако будучи самым компетентным среди советских руководителей (разумеется, после Вождя), о ситуации в СКК, по традиции, продолжал курировать многие проекты в крае.

[1] Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Историческая справка. URL: http://guides.rusarchives.ru/node/1214 (дата обращения: 27.09.2022).

Строительство первых административных зданий для центра КАО началось в 1926 г. – за год до принятия официального решения на краевом и союзном уровнях. Согласно докладу инженера Милованова, для строительства нового города в 1926 г. было отпущено 64,5 тыс. руб. [ГАРО. Ф.Р. 176. Оп. 1. Д. 574. Л. 79]. К концу строительного сезона 1926 г. в создаваемом городе уже было 14 построенных и восемь вновь заложенных зданий [Лайпанов 1968: 18].

В конце мая 1927 г. на заседании Малого президиума крайисполкома (КИК) слушался доклад Дробниса «Об обследовании строительства центра Карачаевской области». В принятом постановлении Карачаевскому облисполкому поручалось принять меры к ускорению строительства областного центра. Для постоянного контроля за ходом работ был назначен член Краевой плановой комиссии при КИК Паньковский. Ему поручалось регулярно посещать место строительства города и контролировать ход работы [ГАРО. Ф.Р. 176. Оп. 1. Д. 574. Л. 79].

Ответственным за строительство административных и жилых зданий от окружкома был назначен выпускник строительного факультета Майкопского техникума Али-Солтан Герюгов.

В постановлении КИК ставилась задача к 10-летнему юбилею Октябрьской революции завершить строительство основных административных зданий и перенести администрацию КАО из Баталпашинска в новый город.

Председатель Национального совета при КИК Умар Алиев в связи с начавшимся строительством города, писал: «В недалеком будущем (по плану 1927 г.) вновь строящийся административный центр Карачая <…> будет соединен железнодорожной веткой с главной линией СКЖД у станции Невинномысской, а в 1928 г. должна быть закончена грунтовая дорога Кисловодск – Каменномостск[1], где будет действовать автомобильное сообщение между курортами Кисловодск – Теберда через Каменномостск и Маринские аулы…»[2].

Второй пленум Карачаевского облисполкома, проходивший в селе Учкекен 17 июля 1927 г., принял решение присвоить новому центру КАО наименование Микоян-Шахар, возбудив соответствующее ходатайство перед краем и ВЦИК» [ГАРО. Ф.Р. 1485. Оп. 1. Д. 557. Л. 57]. Окончательно название города – Микоян-Шахар было закреплено постановлениями исполкома СКК от 12 июня 1929 г. и ВЦИК от 26 августа 1929 г.[3]

Для обеспечения стройки рабочей силой в том же году были поставлены бараки для рабочих. Строительство велось ударными темпами. На стройке работали представители многих национальностей из разных регионов Северного Кавказа и других регионов страны. Вот только несколько фамилий: заведующий строительством города черкес Ибрагим Боташев, русские Иван Курочкин и Иван Жидков, татарка Ханафия Ахмедова, грузин Эфим Вибиани, осетин Исса Каргинов, грек

[1] Каменномост (Каменный мост) основан в 1870 г. До решения присвоить будущему городу имя Микояна будущую столицу именовали Каменномост. В Грузии аул переименовали в Ахалшени, однако в 1957 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР селу возвратили старое наименование [Указ Президиума… 1957: 169].

[2] «Здесь горы встречаются с Небом. Микоян-Шахар».URL: http://karachaevsk.info/news/zdes-gory-vstrechayutsya-s-nebom-mikoyan-shahar.html (дата обращения: 08.08.2022).

[3] Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Историческая справка. URL: http://guides.rusarchives.ru/node/1214 (дата обращения: 17.06.2022).

Сафрон Кузьминов, украинцы Иван Табаченко, Захар Бажко и Иван Лукьяшко, армяне Мелькумов и Манвелов. Заслуженная учительница РСФСР Х. Аджиева в своих воспоминаниях сообщает, что первые камни в стены Дома Советов заложили бригадиры каменщиков Егор Атоянц и И. Джантеев[1].

Значительные объемы работ, в том числе доставку местных строительных материалов выполняли жители окрестных населенных пунктов, и не только карачаевских. В непосредственной близости от строившегося города, на левом берегу реки Кубани, располагались осетинское село, называвшееся в тот период Георгиевско-Осетинское[2]. Вот выдержка из декабрьского номера краевой газеты за 1927 г. Автор статьи «Национальные меньшинства в Карачае» Ислам Карачайлы, сообщая об участии осетин в строительстве города, отмечал: «Среди нацменьшинств Карачая осетины составляют наиболее культурную группу населения <…>. Развитие и дальнейшее строительство нашего города Микоян-Шахара, дает мощный толчок делу возрождения всех нацменов области, в т.ч. и осетин <…>, даже в первую очередь, благодаря их близости к полосе железной дороги и областному центру Карачая» [Карачайлы 1927].

Значительную помощь стройке также оказывали жители греческого села Хасаут-Греческое.

При помощи края в 1927 г. в Микоян-Шахаре заложили фундамент еще под девять новых зданий, в том числе школу и жилые дома. Город теперь строился по плану, разработанному опытным московским архитектором профессором Шестаковым.

Несмотря на ударные темпы работ, сдать в намеченный срок запланированные объекты не удалось. Во-первых, строительство велось сезонно, во-вторых, отсутствие дорог и необходимого транспорта затрудняло доставку стройматериалов, в-третьих, возникли проблемы с финансированием строившихся объектов. При объеме финансирования, запланированного на 1927 г., в 1150 тыс. руб., 550 тыс. так и не поступило в том году [Лайпанов 1968: 18].

Тем не менее, юбилейные торжества в строящемся городе решили не откладывать. 7 ноября 1927 г. в торжественной обстановке в присутствии А.И. Микояна, У.Д. Алиева и председателя облисполкома Курман-Али Курджиева (1884–1937) состоялся многолюдный митинг. Кроме жителей области на торжествах присутствовали гости из Москвы, Харькова, Ростова, регионов СКК.

Рождение столицы Карачаевской АО возвестил в своей речи на митинге Анастас Микоян. Курман Курджиев верхом на белом коне шашкой разрезал ленту. Многочисленные участники торжеств смогли увидеть размах строившейся столицы Карачаевской АО – г. Микоян-Шахар. После митинга состоялись скачки, игры, выступления музыкантов, обильное застолье[3].

---

[1] Джаубаева А. «Сохрани, художник, город, сбереги его для всех…». URL: https://web.archive.org/web/20190913174049/http://www.denresp.ru/obshestvo/12980-soxrani-xudoghnik-gorod-sberegi-ego-dlya-vsex.html(дата обращения: 19.07.2022).

[2] Село Георгиевско-Осетинское в 1938–1943 гг. являлось административным центром Микояновского района КАО. В 1939 г. оно было переименовано в честь осетинского поэта Коста Хетагурова, скончавшегося в селе [Кулаев 2021].

[3] Построенный советской властью город Микоян-шахар. URL: https://vk.com/video-148607192_456239095 (дата обращения: 17.05.2022).

К началу 1931 г. все учреждения области были переведены в новый центр. В конце этого года в городе имелось 150 общественных и жилых зданий общей площадью 36 тыс. м^2. Население Микоян-Шахара тогда насчитывало всего 3000 жителей. Дальнейшее расширение его предполагалось по правому берегу Теберды и Кубани близ устья Мары, где намечалось строительство железнодорожного вокзала [Герюгов 1931: 96].

В предвоенные годы Микоян-Шахар развивался в соответствии с генеральным планом Азово-Черноморского крайпроекта. В конце 30-х гг. в Микоян-Шахаре функционировали две школы и два техникума, рабочий факультет, больница, поликлиника, хлебный и молочный заводы, типография, краеведческий музей, научно-исследовательский институт языка и литературы, учительский институт и другие административные, хозяйственные и культурные объекты. Краевая газета в своем апрельском номере за 1937 г. поместила небольшое сообщение о главных стройках города и снимок трехэтажного здания медтехникума, строительство которого только что завершилось [Микоян-Шахар 1937].

Несмотря на бурное развитие, столица КАО даже накануне Великой Отечественной войны являлась самым маленьким административным центром автономии в крае. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Микоян-Шахаре числилось 5919 человек, в том числе: русских – 3896, карачаевцев – 1098, украинцев – 310, осетин – 160, абазин – 41 и 414 человек других национальностей. Таким же многонациональным являлся и примыкавший к городу Микояновский район КАО. Всего в этом районе, по той же переписи, проживало 34 908 человек, в том числе: карачаевцев – 20 802, русских – 8001, осетин – 3251, кабардинцев – 704, украинцев – 657, абазин – 276 и 1308 представителей других национальностей. Русские составляли большинство в курорте Теберда (1779 из 3211 жителей) и в пос. Орджоникидзе (1218 из 1583)[1].

Свое первое, но не последнее название столица Карачая сохраняла до ноября 1943 г. С августа 1942 до 18 января 1943 г. Микоян-Шахар находился под немецкой оккупацией. Карачаевцев обвинили в коллаборационизме и в ноябре выселили в республики Средней Азии. Месяцем раньше, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории» [История сталинского Гулага 2004: 248], КАО расформировали. Часть Микояновского района отошла к Ставропольскому краю, Учкуланский и другая часть Микояновского района вошли в состав Груз. ССР, образовав там Клухорский район. Этим же указом г. Микоян-Шахар переименовали в Клухори. На этом история столичного города Микоян-Шахара завершилась.

После восстановления в 1957 г. КЧАО в составе Ставропольского края ее административный центр, получивший новое название Карачаевск, довольствовался статусом райцентра одноименного района. Вот такую топонимическую «благодарность» получил активный участник первой «оттепели» в стране.

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=278 (дата обращения: 12.01.2023).

Причины создания нового города – столицы КАО

Большая часть статьи была посвящена характеристике двух взаимосвязанных причин создания «Город Микояна», или на карачаевском – «Микоян-Шахар». Возможно все же, не самых главных.

Во-первых, ставилась задача нейтрализовать притязания властей КАО на курортный город Кисловодск.

Во-вторых, власти страны, исходя из принципов «ленинской национальной политики», вполне искренне желали создать город для новой автономии. Не забудем, что решение о создании Микоян-Шахара принималось в период, когда достигла своей кульминации относительно либеральная политика периода нэпа, в том числе в национальном вопросе, когда учитывались интересы даже малочисленных этнических групп.

Прослеживается еще одна причина, которая на уровне гипотезы высказывалась в отношении других примеров политики автономизации. Речь идет о желании генсека и руководителя Наркомнаца вместе со своим окружением заручиться поддержкой региональной элиты, которая должна была стать опорой для них в борьбе за власть в руководстве партии. Как известно, эта борьба в тот период достигла особой остроты.

Выдвинем еще одну, на первый взгляд экзотическую, гипотезу, связанную с родиной Кобы. Возможно, уже в тот период генсек планировал осуществить то, что было сделано в период ВОВ, когда Микоян-Шахар и Микояновский район уже в новой топонимической обертке стали частью Грузинской ССР. Грузинские меньшевики и «национал-большевик» Ной Жордания могли бы позавидовать успехам своего оппонента в расширении Грузии за счет присоединения разных территорий. В этом контексте развитие сопредельной Грузии территории КАО с развивающимся курортом Теберда воспринималось Вождем весьма положительно.

Ну а теперь об основном, на наш взгляд, аргументе в пользу строительства нового города с расположением почти на полпути от Баталпашинска до Клухорского перевала, не умоляющем все вышеприведенные, но который делает их вторичными, зависимыми и привязанными к нему. Речь идет о стратегическом проекте Кавказской перевальной железной дороги (КПЖД), а точнее, об одном из нескольких предлагавшихся в разные периоды проектов этой дороги, для связи Северного Кавказа с Закавказьем через Клухорский перевал на Сухум. Этот альтернативный вариант (в отличие от проекта КПЖД через Северную Осетию в направлении Тифлиса) на северокавказском отрезке предполагал на начальном этапе строительство линии от Армавира или Невинномысской до Баталпашинска через будущий город Микоян-Шахар до Теберды. Нередко эту планировавшуюся линию в первые советские десятилетия называли Тебердинской железной дорогой (ТЖД).

ТЖД даже на северокавказском участке «Сухумского проекта» КПЖД решала многие задачи: стратегические, экономические, социальные (например, создание курортно-туристического кластера в Теберде) как в региональном, так и во всесоюзном масштабе.

Вопрос о строительстве КПЖД от Невинномысской через Баталпашинск, Теберду, Клухорский перевал с выходом в Закавказье и одновременно к Черному морю возник еще в конце XIX в. Длина дороги Невинномысская – Сухум (с прохождением трассы через территорию будущего Микоян-Шахара) определялась в 272 км. Однако строительство в тот период не было осуществлено, так как технические изыскания, проведенные в 1895 г. инженером Данцигом по заданию Общества Владикавказской железной дороги (ВЖД), показали, что для сооружения дороги потребуются значительные капитальные вложения [Собиев 1928].

В 1914 г. Общество ВЖД получило разрешение приступить к строительству КПЖД, но начавшаяся Первая мировая война приостановила частично выполненные работы.

В 1924 г. вновь актуализировался вопрос строительства этой дороги. С середины 20-х гг. были составлены технические расчеты и преступлено к работам. В 1926 г., когда началось строительство города Микоян-Шахар, редко кто не увязывал новый город с планировавшейся железной дорогой. Тебердинский отрезок КПЖД на всем своем протяжении предполагал создание соответствующей инфраструктуры и опорных станционных пунктов: первый – в Баталпашинске, а второй – в районе строительства Микоян-Шахара. Место расположения станции планировалось в непосредственной близости от будущей столицы: в селе Георгиевско-Осетинском или в карачаевском ауле Каменномост.

Мы не случайно привели выше как высказывание Умара Алиева о новой столице, так и выдержку из краевой газеты «Советский Юг» об осетинском селе. Этим мы анонсировали железнодорожный аспект в выяснении причин строительства города.

Материалы в СМИ и в протоколах партийно-советских органов, посвященные перспективам социально-экономического развития горских регионов во второй половине 20-х гг., не обходили стороной «железнодорожную тему» по Карачаево-Черкесии – единственной автономии в крае, не имевшей в тот период своего отрезка железных дорог. По мере приближения строящейся дороги к Баталпашинску планы на первую пятилетку корректировались в сторону более высоких показателей по освоению природных богатств КАО и развитию горноклиматического курорта Теберда. Последний предполагалось сделать не менее знаменитым и посещаемым, чем Кавказские Минеральные Воды [Фишз 1936: 80–83].

Строительство железной дороги Сулимов – Микоян-Шахар открывало огромные возможности к освоению природных богатств КАО: каменного угля, леса, высококачественной огнеупорной глины, алебастра, известняка, мрамора, барита, асбеста, свинцово-цинковых руд, молибдена и другого. Разведанное Хумаринское месторождение углей являлось богатейшим в крае как по качеству, так и по количеству. По данным ученых того времени, геологические запасы этого месторождения составляли 100 млн. тонн. Причем, по заключению профессора В.В. Мокринского, хумаринские угли представляют особую ценность, так как относятся к сухим и длиннопламенным углям [Фишз 1936: 80, 84].

Между тем, в 1929 г. завершилось строительство линии Невинномысская – Баталпашинск (с 1934 по 1937 г. – Сулимов). Однако ввод железнодорожной

линии на участке до Микоян-Шахара протяженностью около 56,1 км, ранее намечавшийся в первой пятилетке, перенесли на вторую пятилетку.

«Население Карачаевской автономной области, – пишет в краевом журнале Н.И. Фишз, автор самого обстоятельного материала по железнодорожной линии из Сулимова до Микоян-Шахара, – свыше десятка лет ждет момента начала строительства первой в области железной дороги. По ходатайству карачаевских областных организаций, народный комиссар путей сообщения 25 октября 1933 г. включил строительство этой линии в план 1934 г. <...> Уже одно решение о строительстве железнодорожной линии вызвало мощный энтузиазм среди трудящихся Карачаевской области: было приступлено силами и средствами населения к заготовке необходимого количества деловой древесины для шпал. К апрелю 1934 г. деловая древесина в количестве 20 тыс. м^2 была заготовлена. Карачаевские областные организации, учитывая трудности строительства железной дороги Сулимов – Микоян-Шахар, приняли на себя обязательство помочь этому строительству в порядке трудучастия населения» [Фишз 1936: 83].

Эта помощь выражалась в заготовке для строительства дороги следующих материалов: 75 400 шт. шпал, леса круглого – 2800 м^3, леса пиленого – 4200 м^3, камня бутового – 24000 м^3, строительного песка – 11 000 м^3, кирпича – 100 000 шт. (их изготовляли в селе Георгиевско-Осетинском) и прочих стройматериалов на 24 000 руб. Стоимость всех этих стройматериалов по ценам 1926–1927 гг. составляла 1,5 млн. руб. [Фишз 1936: 83]. Такой энтузиазм населения области, отмечает Н.И. Фишз, «доказывает, что железная дорога Сулимов – Микоян-Шахар является для Карачаевской области очень важной экономической проблемой, – без положительного разрешения ее немыслимо освоение всех природных богатств области» [Фишз 1936: 83].

Полная стоимость строительства ветки Сулимов – Микоян-Шахар по проекту 1932 г., составленному на основе проекта 1915–1916 гг., первоначально определялась в 10 млн. руб. Однако последующие технические изыскания и уточнение сметы определили полную стоимость дороги в 18 млн. руб. Проект рассматривался 15 мая 1934 г. на заседании Научно-технического совета при НКПС и в основном был одобрен.

В начале марта 1935 г. из НКПС в Северо-Кавказский край (центр края находился в г. Пятигорске) была командирована специальная комиссия для окончательного выбора трассы до Микоян-Шахара в составе М.А. Подымова (председатель), И.Ф. Шиг, А.М. Сосулькина и К.Г. Краснoруцкого. Комиссия установила, что на участке от Сулимова до первого перехода реки Кубани (27 км) имеются сохранившиеся с 1915 г. опоры мостов на рр. Джиганас и Джегута и опоры на более мелких водотоках, которые вполне пригодны для использования в строительстве линии. По мнению членов комиссии, установлена возможность замены металлических мостов на переходах реки Кубани более прочными каменными мостами из местных стройматериалов, что облегчит и ускорит сооружение железной дороги [Фишз 1936: 83]. В районе трассы, отмечалось в отчете комиссии, имеются все необходимые для строительства материалы, в том числе: камень, щебень, балласт, песок, известь, алебастр, лесные материалы, а также энергетические ресурсы (вода, уголь) [Фишз 1936: 83–84].

По результатам работы комиссии постановлением Госплана СССР строительство линии Сулимов – Микоян-Шахар должно было завершиться в течение 1936–1937 гг. Причем в 1936 г. планировалось открыть временное железнодорожное движение на участке от Сулимова до местности Учкульки протяженностью в 27 км, а в 1937 г. завершить оставшуюся часть дороги примерно такой же протяженности. Автор объемного материала завершает свою статью следующим выводом: «Открытие движения в 1936 г. на одном только участке Сулимов – Учкулька вызовет резкий подъем народного хозяйства Карачаевской автономной области, а вместе с ней и всего Северо-Кавказского края» [Фишз 1936: 84].

Небольшая по протяженности дорога строилась довольно интенсивно и к началу Великой Отечественной войны линия от Сулимова (с 1937 по 1939 г. – Ежово-Черкесск) дошла до станции Джегута, а на участке Джегута – Микоян-Шахар были даже осуществлены все необходимые земляные работы, подготовлено полотно под укладку рельс, сооружены все мосты, в том числе большой железобетонный мост через реку Кубань под Усть-Джегутой.

Во время отступления советские войска взорвали один из пролетов этого моста, который спустя многие десятилетия так и остался безмолвным памятником незавершенного проекта Тебердинской железной дороги и мегапроекта – КПЖД.

В настоящее время на территории Карачаево-Черкесской Республики функционирует тупиковая железнодорожная ветка Невинномысск – Джегута протяженностью 73 км. Существовавшая непродолжительное время автомобильная Военно-Сухумская дорога, соединявшая через Клухорский перевал Россию и Грузию, в последние советские десятилетия превратилась в пеший туристический маршрут. В свое время против восстановления автомобильного движения по этому маршруту выступило правительство Советской Грузии. Но в нынешнем веке проблема реконструкции дороги для автомобильного сообщения между Россией и Абхазией не нашла теперь уже поддержки на уровне правительств этих двух стран [Акопян 2011: 104-106].

Вместо заключения. О личности Анастаса Микояна

В нашей статье неоднократно упоминалась личность советского государственного и политического деятеля Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978), в честь которого была названа столица КАО.

В отечественной истории советского периода роль Микояна огромна и весьма созидательна, в том числе в северокавказский временной период (1922–1926) в его политической карьере.

Выдающаяся личность была «вознаграждена» названием его именем двух небольших новых донских хуторов и то потерявших в настоящее время свое название и находящихся на грани исчезновения, города Микоян-Шахар и нескольких улиц, также впоследствии переименованных. Вот такое в минорном тоне завершение нашей статьи, посвященной строительству административного центра для одной из автономий на Северном Кавказе, в частности города, два десятилетия в столичном статусе носившего имя известного государственного деятеля.

И еще один вывод из нашей статьи: населенные пункты, названные изначально их отцами-основателями, последующие поколения не вправе изменять исходя из политической конъюнктуры или моды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-территориальное деление – 1929 – *Административно-территориальное деление* Союза ССР и список важнейших населенных пунктов: дополнение к 8-му изданию с новейшими данными о районированных в 1929 году областях. – М.: Издание Народного Комиссариата внутренних дел, 1929. – 40 с.

Акопян 2010 – *Акопян В.З.* Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. – Ростов н/Д: РГУПС, 2010. – 170 с.

Акопян 2011 – *Акопян З.В., Акопян В.З.* К вопросу о строительстве Военно-Сухумской дороги // Всероссийская научно-практическая конференция «Транспорт – 2011». Часть 3. Экономические, юридические и гуманитарные науки. – Ростов н/Д, 2011. – С. 104-106.

Акопян 2022 – *Акопян З.В., Акопян В.З.* У истоков высшего образования и гуманитарных исследований в городе-курорте Пятигорске // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – XII. – Пятигорск: ПГУ, 2022. – С. 233-251.

Бетоева, Бирюкова 1991 – *Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д.* История Владикавказа, 1781–1990: сборник документов и материалов. – Майкоп: Адыгея, 1991. – 1022 с.

Всесоюзная перепись 1927 – *Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.*: краткие сводки. – М:, 1927–1929. – 10 т. – М.: Изд. ЦСУ. Союза ССР. – Вып. 3: Население СССР, 1927. – 63 с.

Герюгов 1931 – *Герюгов А.-С.* Микоян-Шахар и перспективы его развития // Революция и горец. – Ростов н/Д, 1931. – № 10–11.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Декреты Советской власти 1986 – *Декреты Советской власти*. Т. XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – М.: Политиздат, 1986. – 428 с.

История сталинского Гулага 2004 – *История сталинского Гулага.* Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. – Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М.: РОССПЭН, 2004. – 726 с.

Кажаров 2019 – *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.): монография. – Нальчик: КБГУ, 2019. – 408 с.

Карачайлы 1927 – *Карачайлы И.* Национальные меньшинства в Карачае // Советский Юг. – 1927. – 4 дек.

Край наш Ставрополье 1999 – *Край наш Ставрополье*: Очерки истории. – Ставрополь: Шат-Гора, 1999. – 525 с.

Кузьминов, Кажаров 2018 – *Кузьминов П.А., Кажаров А.Г.* Формирование автономии Кабардино-Балкарии: результаты и пределы советской историографии (1950–1980) // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 1. – 115 с.

Кулаев 2021 – *Кулаев Ч.* Заметки по истории села Коста Хетагурова. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2021. – 93 с.

Лайпанов 1968 – *Лайпанов С.З.* Карачаевск. Историко-экономический очерк. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1968. – 80 с.

Микоян-Шахар 1937 – *Микоян-Шахар* // Орджоникидзевская правда. – 1937. – 9 апр.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Собиев 1928 – *Собиев И.Т.* Перевальная через Главный Кавказский хребет железная дорога. – Владикавказ: Осетинский НИИ Краеведения, 1928. – 28 с.

40 лет автономии… 1962 – *40 лет автономии* Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1962. – 276 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 353 с.

Указ Президиума… 1957 – *Указ Президиума* Верховного Совета РСФСР от 29.11.1957 года «О переименовании некоторых населённых пунктов и сельсоветов Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1957. – № 3. – С. 169.

Фишз 1936 – *Фишз Н.И.* Ускорить строительство железнодорожной линии Сулимов – Микоян-Шахар // Социалистическое строительство в Северо-Кавказском крае. – № 4. – 1936. – С. 80-84.

ЦДНИ РО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

REFERENCES

Administrativno-territorial'noe delenie Soyuza SSR i spisok vazhnejshih naselennyh punktov: dopolnenie k 8-mu izdaniyu s novejshimi dannymi o rajonirovannyh v 1929 godu oblastyah [The Administrative-territorial division of the USSR and the list of the most important settlements: supplement to the 8th edition with the latest data on the regions zoned in 1929]. – Moscow: Izdanie Narodnogo Komissariata vnutrennih del, 1929. 40 p. (In Russ.).

AKOPYAN V.Z. *Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ekonomika i kul'tura. 1920–1940 gg.* [North Caucasus: State Building, Economy and Culture. 1920–1940]. – Rostov-on-Don: RGUPS, 2010. – 170 p. (In Russ.).

AKOPYAN Z.V., AKOPYAN V.Z. *K voprosu o stroitel'stve Voenno-Suhumskoj dorogi* [On the construction of the Military-Sukhumi road]. IN: *Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencii «Transport – 2011». CHast' 3. Ekonomicheskie, yuridicheskie I gumanitarnye nauki* [All-Russian Scientific and Practical conference «Transport – 2011». Part 3. Economic, legal and humanitarian sciences]. – Rostov-on-Don, 2011. – P. 104-106. (In Russ.).

AKOPYAN Z.V., AKOPYAN V.Z. *U istokov vysshego obrazovaniya i gumanitarnyh issledovanij v gorode-kurorte Pyatigorske* [At the origins of higher education and humanitarian research in the resort town of Pyatigorsk]. IN: *Rossijskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza – XII* [Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – XII]. – Pyatigorsk: PGU, 2022. – P. 233-251. (In Russ.).

BETOEVA M.D., BIRYUKOVA L.D. *Istoriya Vladikavkaza, 1781–1990: sbornikdokumentovimaterialov* [History of Vladikavkaz, 1781-1990: collection of documents and materials]. – Maykop: Adygea, 1991. – 1022 p. (In Russ.).

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki [The All-Union Population Census of December 17, 1926: brief summaries]. – Moscow, 1927–1929. 10 V. – *Vyp. 3: Naselenie SSSR* [Issue 3: Population of the USSR]. Moscow: Izd. CSU. Soyuza SSR, 1927. – 63 p. (In Russ.).

GERYUGOV A.-S. *Mikoyan-SHahar i perspektivy ego razvitiya* [Mikoyan-Shahar and prospects of its development]. IN: Revolyuciya i gorec. – Rostov-on-Don, 1931. – № 10–11. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State Archive of the Rostov region]. (In Russ.).

Dekrety Sovetskoj vlasti [Decrees of Soviet Power]. Vol. XII. December 1920 – January 1921. – Moscow: Politizdat, 1986. – 428 p. (In Russ.).

Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: Sobranie dokumentov v 7-mi tomah [The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes]. – Vol. 1. Mass repressions in the USSR. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 726 p.

KAZHAROV A.G. *Stanovlenie nacional'noj avtonomii Kabardino-Balkarii: predposylki, al'ternativy, itogi (1917–1920-e gg.): monografiya* [The formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: prerequisites, alternatives, results (1917–1920): monograph]. – Nalchik: KBGU, 2019. 408 p. (In Russ.).

KARACHAJLY I. *Nacional'nye men'shinstva v Karachae* [National minorities in Karachay]. IN: Sovetskij YUg. – 1927. – 4 dek. (In Russ.).

Kraj nash Stavropol'e: Ocherkiistorii [Our Stavropol Region: Essays of history]. – Stavropol: Shat-Gora, 1999. – 525 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., KAZHAROV A.G. *Formirovanie avtonomii Kabardino-Balkarii: rezu-l'taty i predely sovetskoj istoriografii (1950–1980)* [Formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria: results and limits of Soviet historiography (1950-1980)]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2018. – № 1. – 115 p. (In Russ.).

KULAEV CH. *Zametki po istorii sela Kosta Hetagurov*a [Notes on the history of the village of Kosta Khetagurova]. – Vladikavkaz: Project-Press, 2021. – 93 p. (In Russ.).

LAJPANOV S.3. *Karachaevsk. Istoriko-ekonomicheskij ocherk* [Karachaevsk. Historical and economic essay]. – Cherkessk: Karachaevo-CHerkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo iz-datel'stva, 1968. – 80 p. (In Russ.).

Mikoyan-SHahar [Mikoyan-Shahar]. IN: Ordzhonikidzevskaya pravda. – 1937. – 9 apr. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Is the Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ.).

SOBIEV I.T. *Pereval'naya cherez Glavnyj Kavkazskij hrebet zheleznaya doroga* [The railway crossing the Main Caucasian Ridge]. – Vladikavkaz: Ossetian Research Institute of Local History, 1928. – 28 p. (In Russ.).

40 let avtonomii Karachaevo-CHerkesii [40 years of autonomy of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Publishing House, 1962. – 276 p. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Socialisticheskaya revolyuciya i grazhdanskaya vojna v Kabarde i Balkarii i sozdanie nacional'noj gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937)* [The Socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1937)]. – Nalchik: Elbrus, 1979. – 353 p. (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 29.11.1957 goda «O pereimenovanii nekotoryh naselyonnyh punktov i sel'sovetov Karachaevo-CHerkesskoj avtonomnoj oblasti Stav-ropol'skogo kraya» [Decree of the Presidium – Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 11/29/1957 «On renaming some settlements and village councils of the Karachay-Cherkess Autonomous Region of the Stavropol Territory»]. IN: Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. – 1957. – № 3. – P. 169. (In Russ.).

FISHZ N.I. *Uskorit' stroitel'stvo zheleznodorozhnoj linii Sulimov – Mikoyan-SHahar* [Accel-erate the construction of the railway line Sulimov – Mikoyan-Shahar]. IN: Socialisticheskoe stroi-tel'stvo v Severo-Kavkazskom krae. – № 4. – 1936. – P. 80-84. (In Russ.).

Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Is the Documentation Center of the modern history of the Rostov region]. (In Russ.).

Информация об авторе

З.В. Акопян – аспирант.

Information about the author

Z.V. Akopyan – Graduate Student (History).

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-124-141
EDN: CHXBXI

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. Впервые на основе новых архивных документов и других источников проведена реконструкция повседневной жизни школьников в условиях военного времени на примере Кабардино-Балкарии. Выявлено влияние перестройки системы школьного образования на повседневную жизнь учащихся общеобразовательных школ. Проведен анализ организации военной, физической подготовки и патриотического воспитания учащихся. Раскрывается деятельность школьников по оказанию помощи фронту, раненым войнам в эвакуированных военных госпиталях, участие в партизанском движении. Исследованы формы оказания помощи тылу: забота о семьях фронтовиков, детях сиротах, участие в восстановление народного хозяйства и сельскохозяйственных работах. Обобщен опыт работы государственных, партийных органов и образовательных учреждений по выполнению закона о всеобщие обязательные обучения детей школьного возраста. Проанализированы проблемы: введения раздельного обучения, «Правил для учащихся», качество знаний учащихся Выявлены трудностях по охвату всеобучем основные причины отсева. Сделан вывод о том, что перестройка системы школьного образования в интересах фронта и тыла, существенно повлияла на повседневную жизнь учащихся. Военная и физическая подготовка, патриотическое и трудовое воспитание школьников позволило им оказывать помощь фронту и тылу и преодолеть трудности военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Кабардино-Балкария, учащиеся, повседневность, военная и физическая подготовка, труд, всеобуч, помощь, фронт, тыл.

Для цитирования: Тетуев А.И. Повседневность учащихся общеобразовательных школ в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 124-141. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-124-141. EDN: CHXBXI.

© Тетуев А.И., 2023

Original article

DAILY STUDENTS OF GENERAL SCHOOLS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

Alim I. Tetuev
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. For the first time, based on new archival documents and other sources, a reconstruction of the schoolchildren's daily life in wartime conditions was conducted using the example of the Kabardino-Balkarian Republic. This article reveals the influence of a restructuring of the school education system on the daily life of students' education. The organization of military, physical training and patriotic education of students was analyzed. This work shows the activity of schoolchildren, helping the front, wounded soldiers in evacuated military hospitals, participation in the partisan movement. Forms of helping rears are studied: caring for the families of front-line soldiers, orphans, participating in the restoration of the national economy and agricultural work. The experience of the state work, party bodies and educational institutions in the law's implementation on universal compulsory education of school-age children is summarized. Problems are analyzed: the introduction of separate education, "Rules for students", and the quality of students' knowledge. Difficulties in covering universal education are identified as the main reasons for dropout. It is concluded that the restructuring of the school education system in the interests of the front and rear has significantly affected the daily life of students. Military and physical training, patriotic and labor education of schoolchildren allowed them to help the front and rear and overcome the difficulties of wartime.

Keywords: Great Patriotic War, Kabardino-Balkaria, students, everyday life, military and physical training, labor, general education, assistance, front, rear.

For citation: Tetuev A.I. Daily students of general schools during the great patriotic war (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 124-141. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-124-141. EDN: CHXBXI.

© Tetuev A.I., 2023

Введение

Исследование повседневности населения в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) является актуальной научной проблемой. Важный вклад в достижение Победы внесли различные социальные категории общества, в том числе учащиеся. В то же время, невзирая на общность переживаемых процессов, повседневная жизнь школьников имела свои особенности. В связи с этим изучение комплекса вопросов, связанных с повседневностью учащихся и студентов в годы ВОВ, представляется актуальным.

Исследуемая проблема в последние годы все больше привлекает внимание историков. Так, в вопросы развития профессионального и общего среднего образования в военных условиях анализируются в 10 томе фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 томах» [ВОВ 2014].

В монографии С.А. Черник исследуются особенности учебно-воспитательного процесса, содержание и методы работы учителей, общественных организаций в годы ВОВ [Черник 1984].

Отдельные вопросы рассматриваемой темы нашли отражение в работах Е.Г. Бечеряковой, М.П. Дудкиной, Н.Д. Козлова, О.Г. Яцкевич [Бечерякова 2014; Дудкина 2013; Козлов 2014; Яцкевич 2016]. В них дается анализ повсе-

дневной жизни учащихся и студентов в годы ВОВ в отдельных регионах: особенности учебного процесса, быта, помощь фронту, промышленности и сельскому хозяйству.

В исследованиях ученых Кабардино-Балкарии изучены некоторые вопросы названной темы. Так, в работах Х.И. Хутуева, Ш.Ш. Чеченова отдельные вопросы развития образования в КБАССР в годы социалистического строительства. Вместе с тем следует отметить, что в них не рассматривается исследуемая нами тема [Хутуев 1984; Чеченов 1971].

В работе «Кабардино-Балкария: Тыл и фронт…» освещены некоторые вопросы помощи тыла фронту [КБТФ 2005]. Отдельные проблемы обычной жизни школьников и студентов исследуются в нашей работе [Тетуев 2021].

Вопросы повседневной жизни населения в годы Великой Отечественной войны кратко раскрыты в работах зарубежных историков Дж. Боффа, Н. Верта [Боффа 1990; Верт 1992]. Следует отметить, что они располагали большой творческой свободой, однако эти труды написаны без использования архивных документов.

Таким образом, анализ литературы показывает, что, несмотря на определенные наработки, исследуемая проблема не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют комплексные работы, раскрывающие особенности обычной жизни учащихся Кабардино-Балкарии в годы ВОВ.

Объективное исследование этой проблемы на материалах, ставших доступными в последнее время, особенно в региональных архивах, имеет большое научно-практическое значение.

Объектом исследования явилась повседневная жизнь учащихся и студентов в годы ВОВ на примере Кабардино-Балкарии.

Цель исследования – изучить комплексно на основе новых архивных документов особенности повседневности учащихся Кабардино-Балкарии.

1. Исследовать влияние перестройки структуры и содержания образования в годы ВОВ на повседневную жизнь учащихся:

2. Обобщить формы оказания помощи учащимися фронту и тылу.

3. Изучить опыт работы общеобразовательных учреждений по осуществлению закона о всеобщем обязательном обучении.

Научная новизна. Анализ архивных документов, введенных в научный оборот впервые, и других источников позволил автору на региональном уровне реконструировать максимально приближенную к действительности повседневную жизнь учащихся в годы ВОВ.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Основная часть

В годы ВОВ в соответствии с требованиями «Директивы СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. осуществлялась перестройка всей жизни советского общества, в

том числе системы образования в интересах фронта и тыла. На основе указанной Директивы образовательные учреждения страны подчинили свою деятельность интересам фронта и тыла, что сказывалось на повседневной жизни учащихся и студентов.

Приоритетным направлением работы общеобразовательных школ в годы ВОВ являлось обучение военному делу.

Начальная и допризывная подготовка в школах Кабардино-Балкарии вводилась в 5–10-х классах и военно-физическая подготовка в 1–4-х классах. Военные занятия, за исключением классных, проводились на местности, а в начальных школах в виде комплексных уроков военно-физической подготовки. Программа военного дела для учащихся 7–10-х классов предусматривала 110 часов. Учащиеся изучали противохимическую подготовку, военно-санитарное дело и другие вопросы. В 115 школах республики проводились военизированные походы, военные игры с охватом 11 540 учащихся [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 162, 164].

Затем девочки, мальчики раздельно сдавали экзамены. Особое внимание уделялось качественной стороне военной подготовки. Итоги экзаменов учащихся школ республики (см. таб. 1).

Таблица 1

Успеваемость по военной подготовке учащихся школ КАССР в 1944/45 учебном году [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 163].

Классы и число учеников	5 (отлично)	4 (хорошо)	3 (посредственно)	2 (плохо)	Не получили оценки
1-4 (мальчики и девочки вместе) учащихся –25212	3891	6283	12955	583	1500
5-7	мальч. – 796 девоч. – 507	1002 1061	1775 3180	160 200	447 372
5–7 (мальчики и девочки вместе) учащихся – 9500	1303	2063	4955	360	819
8-10	мальч. – 179 девоч. – 203	155 324	244 741	7 12	9 35
(мальчики и девочки вместе) учащихся – 1909	382	479	985	19	44
Всего учащихся (1–10кл.) – 36621	5576	8825	18895	962	2363

Анализ таблицы показывает, что в 1944/1945 учебном году в школах республики военное дело изучали 36 621 учащийся, в том числе в 1–4 кл. – 25 212, 5–7 кл. – 9 500, 8–10 кл. – 1 909 учащихся. В 1–4 кл. экзамены сдали на «отлично» 15,4 %, на «хорошо» – 25 %, «посредственно» – 51,3 %, «плохо» – 2,3 %, «не получили оценки» – 6,4 %. В 5–10 кл. из 11409 учащихся сдали на «отлич-

но» 14,8 %, на «хорошо» – 22,3 %, «посредственно» –52,1 %, «плохо» – 3,3 %, «не получили оценки» – 7,5 %.

Всего из 36621 учащегося 1–10 кл. сдали на «отлично» – 15,2 %, на «хорошо» – 24,1 %, «посредственно» – 51,6 %, «плохо» – 2,7 %, «не получили оценки» – 6,4 %.

Анализ отчетов учебно-воспитательной воспитательной работы в школах республики за 1941/1942–1944/1945 учебные годы показал, что на первом плане была патриотическая и военно-физкультурная подготовка учащихся. В частности, содержание уроков по гуманитарным предметам было ориентировано на воспитание патриотизма. Об этом свидетельствует справка обкома ВКП (б) «О состоянии учебно-воспитательной работы в школах г. Нальчика» (20 декабря 1941 г.). В ней отмечалось: «…В 1941/42 учебном году школы перестроили в основном свою учебно-воспитательную работу применительно к военной обстановке. Урок, как основная форма педагогического процесса, заметно перестроен в направлении воспитания в детях патриотизма и чувства ненависти к немецким захватчикам. Отражается это в содержании диктантов, пересказов и сочинениях школ» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 20].

Учащиеся 9–10-х классов также занимались физической подготовкой, на что дополнительно отводилось 15 часов (в 9-х кл.) и 3 часа (в 10-х кл.). Только в 1944/1945 учебном году в школах республики подготовлены значкисты «Готов к труду и обороне» (ГТО) – 718, «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) – 122, «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО) и «Готов к санитарной обороне» (ГСО) – 1331, «Противовоздушной и противохимической оборона» (ПВХО) – 2482 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 159, 164].

Внешкольная работа в КБАССР также соответствовала требованиям военного времени. Широкое развитие получили военные кружки, в которых учащиеся приобретали необходимые военные знания. После сдачи соответствующих нормативов 1672 учащихся стали обладателями значков «Пулеметчик», «Автоматчик», «Шофер», «Радист», «Телеграфист», «Телефонист», «Сандружинника» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 159, 164].

В 1943 г. стала функционировать Детская спортивная школа, где занимались 50 детей в секциях спортивных игр и легкой атлетики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 757. Л. 32].

Школьники принимали участие в соревнованиях по различным видам спорта. Например, с 24 мая по 3 июня в Баксанском районе был проведен третий профсоюзно-комсомольский кросс. В нем приняли участие учащиеся, учителя и допризывники сел Заюково, Кызбурун I, Кызбурун II, Баксангэс, Баксаненок и Кызбурун III.

В кроссе приняли участие 865 учащихся, из которых сдали нормы на значки ГТО первой ступени – 304 и нормы на значки БГТО – 538. По общим результатам кросса первое место было присуждено Баксанской средней школе (военрук – лейтенант Ступкин, директор Новосельцев), второе место – неполной средней школе села Старая Крепость (военрук – тов. Пашуев, директор Мухурова) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 8. Л. 58, 58 об.].

Анализируя перестройку деятельности общеобразовательных учреждений республики следует отметить, что военная, физическая подготовка и воспитание патриотизма учащихся создали условия для их практического применения на фронте и в тылу.

Важным направлением в повседневной жизни учащихся являлась деятельность, направленная на укрепление фронта и тыла. Прежде всего, в начале войны более 10 тыс. комсомольцев ушли на фронт, в том числе – 2 354 добровольно [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 14].

Школьники и учителя участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Вместе со своими учителями активное участие в партизанском движении на территории временно оккупированной Кабардино-Балкарии принимали школьники. Особо отличились А. Друс, Х. Шаваев, А. Мельников, С. Шеретлоков, Г. Алхасова, В. Прохоров, братья Буздовы, В. Максимкин, А. Ковалев и другие. Например, пионеры Миша Ревякин и Петя Храмеев предотвратили взрыв здания Кабардино-Балкарского государственного пединститута, спасли подстанцию ГЭС, несколько заводов Нальчика, разъединив электрические провода, протянутые к заложенным эсэсовцами фугасным минам. Другой пример: в мае 1942 г., учащиеся неполной средней школы с. Актопрак Чегемского района Оюс Таттаев, Ахмат Гочаев, Исхак Таттаев, Шамиль Чеккев, пасшие скот, встретили незнакомых мужчин, направлявшихся в сторону Баксанского ущелья. Благодаря бдительности и находчивости ребят «диверсанты», пробиравшиеся к важному промышленному объекту – Тырныаузскому волфрамо-молибденовому комбинату, были задержаны и обезврежены» [КБТФ 2005: 62, 63].

Многие школьники за героизм в борьбе против оккупантов отмечены правительственными наградами.

Сбор средств в помощь фронту

Школьники и учителя занимались сбором средств в фонд обороны, теплых вещей и подарков воинам Красной Армии. Так, например, в 1944 г. на постройку танковой колонны «Смерть немецким оккупантам» пионеры из селений Псыгансу и Нартан Кясова и Карданова внесли наличными по 5 000 рублей. Отдельные школы – мужская средняя школа № 2, где секретарем комсомольской организации был т. Дорошевский, собрала 35 500 рублей, женская средняя школа № 1, где секретарем комсомольской организации была т. Соколова, – 30 845 рублей, обе эти школы получили благодарность от т. Сталина [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 98. Л. 3].

В итоге школы г. Нальчика собрали 176 663 рубля. Всего комсомольцами республики было собрано более 3 млн рублей на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» и 1 700 тысяч рублей на звено истребителей «Комсомолец Кабарды» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 105. Л. 20].

В справке Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 20 декабря 1941 г. «О состоянии учебно-воспитательной работы школьников школах г. Нальчика» отмечается: «…Школьники участвовали в создании фонда обороны страны (7-й класс школы № 1 сдал 1400 руб. облигаций госзаймов, 5 «а» – 350 руб., в

младших классах этой школы дети собирают средства в специальные классные копилки). Собрали и сдали 42 т черного металла и 21 кг цветного.

Коллективы учащихся и учителей школ Курпского района в августе 1942 г. собрали 23 т металлолома. Кроме того, на молодежных воскресниках заработано и внесено в Фонд обороны 2338 т металлолома» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 4, 5; КБВОВ 1975: 50].

Шефство над эвакгоспиталями

Значимую работу школьники республики проводили по оказанию шефской помощи военным госпиталям, эвакуированным в г. Нальчик. Ученики общеобразовательных школ г. Нальчика, Докшукинской средней школы, участвовали в организации досуга раненых бойцов, приносили им продукты питания, книги, журналы, канцелярские товары. Помимо этого, учащиеся и учителя городских школ приняли участие в сборе лекарственных трав и ягод. Ученики школа № 6 вели переписку с бойцами действующей армии [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 20].

3 октября 1944 г. газета «Кабардинская правда» опубликовала письмо военнослужащих Н. Дьячкова, Д. Миронова: «…Недавно у нас в госпитале были шефы – учащиеся женской средней школы № 1 г. Нальчика. Они принесли нам разнообразные подарки: фрукты, печенье, пирожные, кисеты с табаком, бумагу, карандаши и другие предметы. Передав подарки, юные шефы рассказали, как они учатся, и выступили с декламацией стихотворений советских поэтов, зовущих к мести врагу. Мы очень довольны приходом наших шефов и сердечно благодарим за подарки» [Лики войны 1996: 389].

Забота о семьях фронтовиков

Значительную работу провели комсомольские организации республики по оказанию помощи семьям и детям фронтовиков. Путем проведения декадников и однодневных воскресников комсомольцами и молодежью республики собрано в 1943–1944 гг. 670 439 руб., продовольственного картофеля 17 919 кг, кукурузы 3802 кг и 2 тонны овощей, кроме того, собрано 555 пар обуви и одежды [КБВОВ 1975: 477].

Хорошую инициативу проявили пионеры и школьники Каменномостской средней школы, собравшие семена и засеявшие для фонда обороны пришкольный участок. На май 1942 г. пионеры республики своими силами и средствами откормили для фронтовиков около 10 тыс. цыплят [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 98. Л. 13].

Организация помощи детям-сиротам

Комсомольские организации республики проводили воскресники и декадники в помощь детям-сиротам. В 1943 г. в воскреснике участвовали 30 883 комсомольца, которые заработали 280 760 руб. Лучшие результаты показали Урванский район, где заработали 33 673 руб., соответственно Зольский район – 24 700 руб., Прохладненский район – 24 524 руб. и город Нальчик – 3 746 руб. В 1944 г. в воскреснике заработано 404 360 руб. В фонд помощи детям-сиротам

было перечислено 685 120 руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 98. Л. 13; КБВОВ 1975: 480].

Деятельность в восстановление народного хозяйства

Во всех школах республики были организованы школьные бригады, которые участвовали в восстановительных работах. Например, в г. Нальчике были созданы 43 школьные бригады, в которых насчитывалось 800 учеников. Ребята приняли активное участие в восстановлении Дворца пионеров, драмтеатра, очистке парка. В Нальчике действовало 59 тимуровских команд, охватывавших более 500 пионеров. Ребята обрабатывали огороды, рубили дрова, ухаживали за детьми фронтовиков [УЦДНИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 889. Л. 23].

В справке Нальчикского горкома ВЛКСМ «О работе комсомольцев и молодежи по восстановлению хозяйства города» 29 марта 1946 отмечалось: «…В 1945 г. пионеры и школьники отработали по восстановлению госдрамтеатра более 50 тыс. чел.-часов; восстановили здание 2 мужской средней школы и 4 школы (неполной средней), произвели уборку дворов и озеленение всех школ города; почти на весь отопительный период самими школьниками заготовлялись дрова; во время уборочной кампании пионеры и школьники ежегодно помогали колхозникам в уборке урожая» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 147. Л. 7].

Участие в сельскохозяйственных работах

В связи с призывом в Красную Армию общая численность рабочих, колхозников и служащих в стране значительно сократилась. В этих условиях возникла необходимость пополнения трудовых ресурсов. Поэтому государственными органами власти и партийными организациями страны и регионов был принят ряд нормативно-правовых актов. Так, в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 2 июля 1941 г. Совнарком Кабардино-Балкарской АССР (далее – СНК КБАССР) и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) (далее – СНК КБАССР) и бюро обкома ВКП (б) приняли совместное решение «О привлечении к участию в сельскохозяйственных работах, учащихся VII–X классов неполных средних и средних сельских и городских школ» от 12 сентября 1941 г.) [УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 418. Л. 5].

5 ноября 1941 г. СНК КБАССР и бюро обкома ВКП (б) приняли другое постановление. В нем было указано: «Разрешить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся и райкомам ВКП (б); привлечь в организованном порядке для участия в сельскохозяйственных работах, учащихся V–VI классов; продлить срок участия на сельскохозяйственных работах, учащихся V–X классов до 1 декабря 1941 г.» [Тетуев 2021: 105].

В рамках реализации упомянутых нормативно-правовых документов и на основе постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 сентября 1941 г. «Об обучении сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних школ, техникумов и вузов» Совнарком и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) утвердил (5 января 1942 г.) контингент подлежащих к обучению сельскохозяйственным работам учащихся средних и высших учебных заведений и части служащих городов и районных центров, а также сроки и время занятий [УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 418. Л. 83, 84].

В соответствии с постановлением Совнаркома и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) от 5 января 1942 г. учащиеся 5-х классов изучали приемы выращивания овощных культур, ученики 7–8-х классов овладевали – агротехникой зерновых и технических культур и 9–10 классов – тракторами и комбайнами. Всего в первом полугодии 1942 г. обучалось 7 096 школьников [УЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 418. Л. 5].

Учащиеся школ республики принимали активное участие в сельскохозяйственных работах. Например, в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» отмечалось: «…в сельхозартели им Коминтерна Терского района комсомолец Лукоев в конце июня 1941 г. организовал на прополку пропашных культур более 20 школьников. Они успешно помогали взрослым очищать колхозные поля и огороды от сорняков, а также на уборке сена. В сенокосной бригаде колхоза особенно хорошо работали пионеры Мухаммед Шомахов, Володя Шомахов, Леон Шомахов. Хорошо организована работа пионеров и в колхозе «Терек». Здесь на сенокосе и прополке работают все школьники. На сборке сена занято больше 30 пионеров» [КБВОВ 1975: 41].

В уборе урожая в Кабардино-Балкарии принимали участие и учащиеся городских школ. В статье, опубликованной в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария», отмечалось: «…Особых успехов среди городских школ добилось первое звено Виктора Лисянского ученика Нальчикской школы № 3, который 18 июля 1941 г. на прополке выполнил 420 % дневной нормы выработки. …Однако Виктор, увидев, что 7-я бригада отстает, и пошел туда политруком. Затем эта бригада вышла в ряды передовых. Так… боролись школьники за высокий урожай» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 20].

Следует отметить, что согласно постановлению бюро обкома ВКП (б) и СНК КБАССР «О проведении прополочных работ в колхозах и совхозах республики» (5 июня 1942 г.) учащиеся средних и неполных средних школ на прополочные и другие работы в колхозы и совхозы направлялись раздельно мальчики и девочки, во главе с учителями школ [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 91, 92]. Всего в сельскохозяйственных работах участвовали в 1941 г. более 10 тыс. и 1942 г. – 13 тыс. учащихся республики [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 20; Д. 466. Л. 91, 92].

В докладной записке Кабардинского обкома ВЛКСМ ЦК ВЛКСМ о работе школ в республики от 15 августа 1944 г. отмечалось: «…в период летних каникул до 12 тыс. учащихся 6–10-х классов работают на полях в колхозах. До 5 тыс. учащихся младших классов участвуют в сборе колосьев. По отдельным районам, таким, как Прохладненский, Майский, Терский, Урожайненский, Прималкинский и ряд других районов, силами пионеров и школьников собрано от 7 до 15 тонн колосьев. Пионерские отряды колхозов «Политотдел», «Дея», «Куян», Урожайненского района под руководством учительницы Каировой собирают в день по 200–250 кг колосьев. Пионеры колхоза «Тельман» сел. Красноармейское этого же района собирают каждый по 10–11 кг зерна. Отряд пионеров Т.В. Кравцовой ежедневно собирает по 150–200 кг зерна. 20 пионеров отряда детдома № 2 г. Прохладного, работая ежедневно по 6 час. па полях кол-

хоза «1-я пятилетка», собрали 1860 кг колосьев [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 98. Л. 34, 35].

В полевых работах 1945 г. участвовали 11 199 учащихся, которые выработали 436 714 трудодней. Кременчуг-Константиновская школа получила 1-ю Всесоюзную премию за участие в полевых работах, а Куркужинская – 3-ю премию. Более 40 учащихся награждены грамотами ЦК ВЛКСМ за участие в полевых работах [УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 1. Д. 153. Л. 14, 15].

Большое значение в повседневной жизни учащихся имела школа, где они получали знания и усваивали гражданские ценности. В исследуемый период, как и в 30-е гг. XX столетия, главным направлением деятельности общеобразовательных учреждений был охват детей школьного возраста всеобщим обучением.

По данным Всероссийской переписи населения 1939 г., в Кабардино-Балкарии проживали 359 219 человек, из них неграмотное население составляло 144750 чел. (40, 3 %), в том числе детей от 8 до 18 лет 4390 (3,3 %)[1].

На наш взгляд, эти данные не отражали реальное положение в регионе, численность не охваченных учебой в школе была значительно больше.

На реализацию указанной задачи отрицательно повлияла временная оккупация территории Кабардино-Балкарии. За время оккупации из 218 специальных школьных зданий захватчики разрушили 206, вместе с тем уничтожены, сожжены или разбиты почти все школьное оборудование, учебные, наглядные пособия. Разграблены здания педагогического института и педагогического училища [УЦГА АС КБР. Ф. 292. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–1 об.].

Следует отметить, что несмотря на определенные успехи в развитии в восстановлении школьного образования, тем не менее не удалось достигнуть показателей довоенного уровня численности школ, учащихся, и учителей (см. таб. 2).

Таблица 2

Численность общеобразовательных школ и учащихся в КБАССР (1940–1946 гг.) [Народное хозяйство 1957: 89–91]

Учебный год	школ	Учащихся (тыс. чел.)	Всего учителей (включая совместителей)
1940/1941	240, в том числе: городских – 28, сельских – 2012	75,0, в том числе: городских– 17,3, сельских – 57,7	2812, в том числе: городских – 573, сельских – 2239.
1945/1946	210, в том числе: городских – 32; сельских – 178.	47,6 в том числе: в городской местности – 13,8, сельской – 33,8.	2172, в том числе: городских – 541, сельской – 1631.

Анализ таблицы показывает, что в 1945/1946 по сравнению с 1940/1941 учебным годом численность школ уменьшилась в 1,1 раза, соответственно учащихся – в 1,5 раза, учителей – в 1,3 раза. О трудностях по охвату всеобучем

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение неграмотного населения регионов РСФСР по полу и возрасту [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ill_39.php?reg=83/ (дата обращения: 12.10.2022).

детей школьного возраста свидетельствуют и результаты учебно-воспитательной работы школ республики. 10 августа 1943 г. СНК КБАССР, обсудив итоги 1942/1943 учебного года, отметил, что на начало учебного года из 41 958 детей школьного возраста обучением было охвачено только 32 367 (77,1 %), выдержали переводные испытания 15 589 (48,1 %) учеников, закончили начальные, неполные средние и средние школы 1 715, в том числе 10 класс – 178 учеников. Выполнение Закона о всеобуче в Кабардино-Балкарии в 1942/43 учебном году было ниже, чем в среднем по РСФСР (78,8 %) на 1,7 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 131; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3068. Л. 63].

Наряду с этим СНК КБАССР выявлены основные недостатки прошедшего учебного года: неполный охват обучением детей школьного возраста, недостаточная обеспеченность школ учителями, слабая материальная база (нехватка учебников, тетрадей, наглядных пособий, лабораторного оборудования и др.), малоэффективная учебно-воспитательная работа. СНК в своем постановлении обязал Наркомпрос республики разработать и реализовать меры по устранению отмеченных недостатков в работе школ.

В справке заведующего отделом школ Кабардинского обкома ВКП (б) от 22 апреля 1944 г. указано, что на 20 сентября 1943 г. не охвачено школой 3362 учеников. При этом выбыли из школ за ноябрь–декабрь 1943 г. и январь–февраль 1944 г. 632 ученика [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 976. Л. 4].

В связи с этим с этим положением в ряде районов республики обсуждался вопрос о всеобуче (Кубинский, Урванский, Прохладненский, г. Нальчик). Большую работу по вовлечению детей в школу осуществляла административная комиссия Чегемского района, которая свои заседания проводила в школах сел с приглашением сельского актива. В результате 28 нарушителей закона были оштрафованы и благодаря созданию общественного мнения все дети района были охвачены учебой [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 10].

В селах были проведены общие собрания родителей по вопросам работы школ. Учителя систематически посещали родителей и детей на дому. После разъяснительной работы удалось привлечь в школу в 1944 г. в Нальчикском районе 41 чел., Майском– 86, Прохладненском – 56, Урванском – 58. Наряду с этим, через торгующие организации были приобретены одежда и обувь для 88 остронуждающихся детей, все они были возвращены в школу. Заметную роль в привлечении детей в школу сыграли горячие завтраки, организованные почти при каждом образовательном учреждении за счет урожая с подсобных хозяйств школ и подшефных предприятий, колхозов и совхозов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 12, 13].

В целом в течение 1944/1945 учебного года нуждающиеся школьники получили: одежду – 1698 чел., обувь – 1843 чел., отчислено трудодней в фонд помощи детям – 4 500, выдано денег – 18 600 руб., выдано кукурузы (в зерне) – 180 кг. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 113].

Вместе с тем проблема всеобуча в целом по республике решалась медленно (см. таб.3).

Таблица 3

Общие итоги состояния всеобуча в школах Кабардинской АССР за 1943/1944 – 1945/4 учебный год [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 889. Л. 18; Д 893. Л. 2; Д. 1334. Л. 3–8; Д. 1379. Л. 97; УЦГА АС КБР. Ф. Р-556. Оп. 2. Д. 4. Л. 131].

Всего учащихся	1943/1944 учеб. Год	1944/1945 учеб. год	1945/1946 учеб. год
На начало учеб. года	40495	45128	46180
На конец учеб. года	34754 (86 %)	38075(84,3 %)	42816(92 %)
Отсев	3312 (8 %)	4702 (10,5 %)	3 364 (8 %)

Из данных таблицы видно, что отсев учащихся в 1943/1944, 1945/1946 учебных годах составил – 14 %. Этот показатель в 1944/1945 равнялся 15,7 %. При этом основными причинами отсева учащихся явились неудовлетворительные материально-бытовые условия учащихся, отсутствие одежды и обуви – 1425, отдаленность от школы – 186, работа на предприятиях – 273, работа в колхозах – 810, домашние работы – 1073, исключение из школы – 127, длительная болезнь и смерть – 596, уход в РККА – 39, малолетки (не достигшие 7 лет) –173 и другие. При этом следует отметить, что отсев учащиеся в 8–10 классах в стране и регионах был наибольшим. Например, в 1944/45 учебном году в школах Кабардинской АССР всего обучалось 38075 учащихся, в том числе в старших классах – 1942 (5,1 %).

Многие из учащихся старших классов не могли продолжать образование в связи с занятостью на производстве. В связи с этим в целях обучения городской и сельской молодежи и подростков без отрыва от производства СНК СССР принял постановления: «Об обучении подростков, работающих на предприятиях» (5 июля 1943 г.), об организации вечерних школ сельской молодежи» (6 июля 1944 г.), в соответствии с которыми в республике были организованы школы рабочей и сельской молодежи для обучения без отрыва от производства. В них в 1944/1945 учебном году обучались 4 956 учащихся, в том числе в городских – 1 тыс. и сельских – 3 956 [Директивы 1947: 214; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 893. Л. 2].

Помимо этого, в 1943 г. в г. Нальчике стала функционировать школа ФЗО с контингентом 200 человек, которая готовила квалифицированных рабочих для народного хозяйства республики (токарь, литейщик, монтажник, сантехник, плотник, столяр) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 914. Л. 11–13].

В целях социальной поддержки детей фронтовиков постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г. от платы за обучение в 8–10 классах были освобождены дети рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и Военно-Морского флота, с сентября 1944 г. – дети офицеров-инвалидов, а также погибших, пропавших без вести, умерших вследствие ранений, увечий, конту-

зий, полученных на фронтах ВОВ [ВОВ 2014: 487]. Указанные постановления были реализованы и в школах республики.

Промышленные предприятия, колхозы и совхозы республики отчисляли средства для создания фонда всеобуча в школах. В 1943–1945 гг. 20 тысячам учащихся за счет этого фонда была оказана материальная помощь. «В г. Нальчике несколько десятков школьников состояло на патронате в гороно, 700 человек питались в детских столовых, 40 лучших старшеклассников получали стипендию обкома ВЛКСМ, многим оказывали помощь деньгами, одеждой, обувью. В летнее время, несмотря на большие трудности, профсоюзные, комсомольские организации направили в пионерские лагеря 770 школьников г. Нальчика» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 20; Д. 466. Л. 91, 92].

Во исполнение постановления СНК СССР «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов» от 31 мая 1943 г. в школах Кабардинской АССР было введено в 1944/145 учебном году раздельное обучение мальчиков и девочек только в городе Нальчике. Функционировали 3 мужские средние, 1 семилетняя, 4 женские средние, 1 семилетняя школы. Обучались в мужских школах 2 330, в женских 2 562 чел. В отчете Минпроса республики отмечается, что такая форма обучения позволило выявить и удовлетворить специфические интересы мальчиков и девочек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 183].

В мужских школах усиливалась военно-физическая и допризывная подготовка, а в женских изучали санитарное дело, готовились стать радистами, телефонистками.

Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1943 г. утверждены «Правила для учащихся» [Правила 1954: 174].

Правила включали 20 пунктов и в основном определяли школьную повседневность ученика: опрятность, вежливое обращение к старшим, своевременная явка в школу, добросовестное выполнение домашних заданий, стремление к культуре речи и другие.

Педагогические коллективы школ Кабардино-Балкарии проводили воспитательную работу, добиваясь строго соблюдения «Правил», реагируя на нарушения, пресекали безнаказанность. В целом их реализация в школах способствовала укреплению дисциплины среди учащихся.

Вместе с тем в некоторых средних школах г. Нальчика, № 8 г. Прохладного, сс. Урожайненское, Вольный Аул, Кенже, Альтуд в результате недостаточной воспитательной работы имели место нарушения дисциплины.

Так, например, в справке «Об успеваемости в учебе и поведении в школе детей республиканского и городского руководящего состава за подписью завотделом Кабардинского обкома ВКП (б) от 4 апреля 1944 г. указывается: «…Плохое поведение и низкая успеваемость в учебе перечисленных 16 школьников (детей руководящего актива) говорит о том, что родители недостаточно занимаются домашним воспитанием своих детей и со школой не имеют связи [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 976. Л. 1, 1об.].

Другой пример: ученик 7 класса СШ Тырныаузского комбината Кнаус выбил зуб ученику 1 класса, за что не понес должного наказания, снижена только отметка за поведение. В этой школе к концу 1944/1945 учебного года из 347 учащихся 36 имеют сниженные оценки за поведение на 1–2 балла [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 52-54].

В целях улучшения качества учебной работы в школе СНК Союза ССР г. СНК принял постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» (21 июня 1944 г.), в котором было указано установить «для учащихся, оканчивающих начальную и семилетнюю школу, обязательную сдачу выпускных экзаменов, а для учащихся, оканчивающих среднюю школу, сдачу экзаменов на аттестат зрелости» [Постановление 1944: 182].

В дальнейшем, постановлением СНК от 30 мая 1945 г. в «Положении о золотой и серебряной медалях» дополнялось в пункте четвертом, что школьники, награжденные золотыми и серебряными медалями «За отличные успехи и примерное поведение», имеют право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов. С 1945 г. участники войны получили право внеконкурсного зачисления с условием успешной сдачи вступительных экзаменов [ВОВ 2014: 479, 480].

Реализация постановления СНК Союза ССР г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» от 21 июня 1944 г., в школах республики в некоторой степени повысило требовательность к работе учителей и учебе учащихся, немного положительно повлияло на качество знаний учащихся. Об этом свидетельствуют результаты учебой работы школ республики (см. таб. 4)

Таблица 4

Общие итоги учебной работы школ Кабардинской АССР в 1944/1945 учебном году
[УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 37, 38].

Классы	Учащихся к концу учебного года	Переведено учащихся в следующие классы и окончили	Оставлены на повторный курс в тех же классах	Перевод отложен до осени
1-4	26 290, в том числе: сельских школах – 19 615, городских школах – 6 675	18 630, в том числе: сельск. – 13 397, гор. –5 233	6 259, в том числе: сельск. –5 356, гор. – 903	1 401, в том числе: сельск. –862, гор. – 539
5-7	9 840, в том числе: сельск. – 7 472, гор. – 2 368	4 147, в том числе: сельск. –2 911, гор. – 1 136	4 208, в том числе: сельск. – 3 534, гор. – 674	1 585, в том числе: сельск. – 1 027, гор. – 558
8-10	1 942, в том числе: сельск. – 1 151 гор. – 794	1178, в том числе: сельск. – 698, гор. – 485	418, в том числе: сельск. – 292, гор. – 127.	346, в том числе: сельск. – 161, гор. – 185.

Всего	38 075, в том числе: сельск. – 28 238, гор. – 9 837.	23855, в том числе: сельск. – 17 006, гор. – 6 854.	10 885, в том числе: сельск. – 9 182, гор. –1 703.	3 332, в том числе: сельск. – 2 050, гор. – 1 282.

Анализ таблицы показывает, что из общее количество учащихся, оставшихся на конец учебного года в 1–10 классах, – 38 072, в том числе в сельской местности – 28 238 (74,2 %), в городской местности – 9 837 (25,8 %), переведены в следующие классы 23 852 (62,6 %), оставлены на повторный курс в тех же классах 10 885 (28,6 %) и отложен перевод до осени 3 332 (8,7 %). При этом показатели переведенных учащихся в следующие классы сельских школ по сравнению с городскими ниже на 9,5 % и больше на 15,2 % оставленных на повторный курс. Следует отметить, что число переведенных учащихся в следующие классы и окончивших начальную, семилетнюю и среднюю школу в 1944/1945 учебном году по сравнению с 1943/1944 учебным годом был меньше на 9 %, однако по глубине усвоения программного материала и прочности полученных знаний выше. Следует отметить, что отсев учащихся в 8–10 классах в стране и регионах был наибольшим. Например, в 1944/1945 учебном году в школах Кабардинской АССР всего обучалось 38 075 учащихся, в том числе в 8–10 классах – 1942 (5,1 %).

Вместе с тем одной из одной из основных причин слабой подготовки учащихся являлся слабый состав педагогических кадров. К началу учебного года требовалось 509 учителей, 23 директора НСШ и СШ, не хватало школьных инспекторов районных и городских отделов народного образования, Наркомпроса, института усовершенствования учителей. Кроме того, из 2 337 работающих в 1944/1945 учебном году учителей высшее образование имел 291 чел. (12,4 %), незаконченное высшее – 424 (18,1 %), среднее педагогическое – 887 (38 %), неполное среднее – 735 (31,4 %) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 19–21].

Помимо этого, в школах был недостаток школьной мебели, тетрадей и учебников. Например, в 1944/1945 учебном году всего была получена 2 721 тетрадь, в среднем за год – по 6 тетрадей. Школы не имели учебников «Книга для чтения для 2 классов», «История и география» для 4–10 классов, «Русская литература» для 10 класса, «Основы дарвинизма» для 10 класса, «Родной язык и литература» для 5–10 классов, «Русский язык» для всех классов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1334. Л. 17].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в экстремальных условиях военного времени укрепление тыла и фронта в деятельности общеобразовательных учреждениях являлось главной задачей, поэтому учеба отходила на второй план. В связи с этим основными направлениями повседневности школьников и профессиональных учебных заведений стали обучение военному делу, военно-патриотическое воспитание, организация труда школьников для оборонных нужд на предприятиях и в сельском хозяйстве, охват детей школьного возраста всеобщим обучением. Помимо этого, учащиеся оказывали помощь фронту, эвакуированным госпиталям, семьям военнослужащих и детям-сиротам. Вместе с тем с большими трудностями проводилась реа-

лизация закона о всеобщем обучении детей школьного возраста, причинами чего являлись слабое материальное обеспечение школ, недостаток мебели, классных досок, учебной литературы, канцелярских принадлежностей, нехватка квалифицированных педагогических работников, материально-бытовые трудности учащихся. В связи этим республике не удалось достигнуть довоенных показателей по численности школ, учащихся и педагогических кадров. Тем не менее при всех упущениях и недостатках перестройка системы общего образования была необходимым условием для достижения победы в войне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Бечерякова 2014 – *Бечерякова Е. Г.* Повседневная жизнь советских школьников в годы Великой Отечественной войны (на примере г. Якутска) // Молодой ученый. – 2014. – № 20. – – Т. 2. – С. 7-9. – EDN: TBFVCV.

Боффа 1990 – *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т.2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941–1964 гг.: Пер. с итал. /Дж. Боффа. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.

Верт 1992 – *Верт Н.* История Советского государства, 1900-1991 / пер. с французского: – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

ВОВ 2014 – *Великая Отечественная война* 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Директивы 1947 – *Директивы* ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сборник документов за 1917-1947 гг. / Сост. канд. пед. наук Н. И. Болдырев. – Вып. 1. – Москва; Ленинград: Изд-во акад. пед. наук РСФСР, 1947. – 320 с.

Дудкина 2013 – *Дудкина М. П.* Изменения в школьном образовании в 1941–1945 годах (на материале Западной Сибири) // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2. – № 1 (15). – С. 115-122. – EDN: PZZPGX.

КБВОВ 1975 – *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны* 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

КБТФ 2005 – *Кабардино-Балкария: Тыл и фронт* 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Козлов 2014 – *Козлов Н.Д.* Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 2. – С. 30-45.

Лики войны 1996 – *Лики войны*: Сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 498 с.

Народное хозяйство 1957 – *Народное хозяйство* Кабардино-Балкарской АССР. Статистический сборник. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 1957. – 113 с.

Постановление 1944 – *Постановление* СНК СССР «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» от 21 июня 1944 г. // Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: Сборник документов 1917-1973 гг. – Москва: Педагогика, 1974. – 559 с.

Правила 1954 – Правила для учащихся: Приложение к приказу НКП РСФСР №58а от 5 августа 1943 г. Утверждены постановлением СНК РСФСР от 2 августа 1943 г. // Справочник директора школы: Сборник постановлений, приказов, инструкций и других руководящих материалов о школе / Сост. М. М. Дейнеко. – Москва: Учпедгиз, 1954. – 515 с.

Тетуев 2005 – *Тетуев А.И.* Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2021. – 380 с.

УЦГА АС КБР – *Управление* центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

УЦДНИ АС КБР – *Управление* центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 452 с.

Черник 1984 – Черник *С. А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны: историко-педагогическое исследование. – Москва: Педагогика, 1984. – 240 с.

Чеченов 1971 – *Чеченов Ш. Ш.* Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР. (1920-1970 годы). – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 335 с.

Яцкевич 2016 – *Яцкевич О. Г.* Школьное образование в годы Великой Отечественной войны // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2016. – № 3. – С. 147-153.

REFERENCES

BECHERYAKOVA E. G. *Povsednevnaya zhizn' sovetskikh shkol'nikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere g. Yakutska)* [Everyday life of Soviet schoolchildren during the Great Patriotic War (on the example of Yakutsk)]. IN: Molodoi uchenyi. – 2014. – № 20. – T. 2. – S. 7–9. EDN: TBFVCV. (In Russ.).

BOFFA D.Zh. *Istoriya Sovetskogo Soyuza. T.2. Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941-1964 gg.* [History of the Soviet Union. T.2. from the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941 - 1964]: Per. s ital. 2-e izd. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – 632 s. (In Russ.).

CHECHENOV SH. SH. *Osushchestvlenie leninskoi programmy narodnogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoi ASSR*. (1920-1970 gody [Implementation of the Leninist program of public education in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic. (1920-1970). – Nal'chik: Ehl'brus, 1971. – 335 s. (In Russ.).

CHERNIK S. A. *Sovetskaya obshcheobrazovatel'naya shkola v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: istoriko-pedagogicheskoe issledovanie* [Soviet secondary school during the Great Patriotic War: historical and pedagogical research]. – Moskva: Pedagogika, 1984. – 240 s. (In Russ.).

Direktivy vkp(b) i postanovleniya Sovetskogo pravitel'stva o narodnom obrazovanii [Directives of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and Decrees of the Soviet Government on Public Education] IN Sbornik dokumentov za 1917-1947 gg. / Sost. kand. ped. nauk N. I. Boldyrev. – Vyp. 1. – Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1947. – 320 s. (In Russ.).

DUDKINA M. P. *Izmeneniya v shkol'nom obrazovanii v 1941–1945 godakh* (na materiale Zapadnoi Sibiri) [Changes in School Education in 1941–1945 (Based on Western Siberia)]. IN: Idei i idealy. – 2013. – T. 2. – № 1 (15). – S. 115-122. EDN PZZPGX. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [GARF – State Archive of the Russian Federation] (In Russ.)

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945 Collection of documents and materials]. – Nal'chik: El'brus, 1975. – 795 s. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyli front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Ka-bardino-Balkaria: Rear and front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory) / comp.]. sost.: Kh.M. Dumanov, V.Kh. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: El'fa, 2005. – 340 s. (In Russ.).

KHUTUEV KH.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoi kul'tury sovetskoi Kabardino- Balkarii* [Formation and development of the socialist culture of the Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1984. – 452 s. (In Russ.).

KOZLOV N. D. *Povsednevnaya zhizn' v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny v otechestvennoi istoriografii nachala XXI v.* [Everyday life in the Soviet rear during the Great Patriotic War in Russian historiography at the beginning of the 21st century]. IN: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2014. – T. 4. – № 2. – S. 30-45. – EDN SGEWIL. (In Russ.).

Liki voiny: Sb. dok. po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.). [Faces of War: Sat. doc. on the history of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1996. – 498s. (In Russ.).

Narodnoe khozyaistvo Kabardino-Balkarskoi ASSR. Statisticheskii sbornik [The national economy of the Kabardino-Balkarian ASSR. Statistical collection]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – 113 s. (In Russ.).

Postanovlenie SNK SSSR «O meropriyatiyakh po uluchsheniyu kachestva obucheniya v shkolE» ot 21 iyunya 1944 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR "On measures to improve the quality of education at school" of June 21, 1944.IN Narodnoe obrazovanie v SSSR: Obshcheobrazovatel'naya shkola: Sbornik dokumentov 1917-1973 gg. – Moskva: Pedagogika, 1974. – 559 s. (In Russ.).

Pravila dlya uchashchikhsya: Prilozhenie k prikazu NKP RSFSR №58a ot 5 avgusta 1943 g. Utverzhdeny postanovleniem SNK RSFSR ot 2 avgusta 1943 g. [Rules for students: Appendix to the order of the People's Commissariat of the RSFSR No. 58a of August 5, 1943. Approved by the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 2, 1943.] IN Spravochnik direktora shkoly: Sbornik postanovlenii, prikazov, instruktsii i drugikh rukovodyashchikh materialov o shkole / Sost. M. M. Deineko. – Moskva: Uchpedgiz, 1954. – 515 s. (In Russ.).

TETUEV A. I. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945. (On the example of Kabardino-Balkaria)]. – Nal'chik: Print Tsentr, 2021. – 380 s. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [UTSDN AS KBR – Office of the Center for Documentation of the Recent History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [UCCA AS KBR - Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. Department of the Cen-tral State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian.

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina [The Great Patriotic War of 1941-1945]. In 12 vols. T. 10. State, society and war. – M.: Kuchkovo pole, 2014. – 864 s. (In Russ.).

VERT N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva, 1900-1991*[History of the Soviet state, 1900-1991] per. s frantsuzskogo. – Moskva: Progress: Progress-Akademiya, 1992. – 480 s. (In Russ.).

YATSKEVICH O. G. Shkol'noe obrazovanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [School education during the Great Patriotic War]. IN: Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. – 2016. – № 3. – S. 147-153 (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022 г.; одобрена после рецензирования 27.01.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 02.12.2022; approved after reviewing 27.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930+93/94
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-142-173
EDN: CIUYOA

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА И ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА (XVIII – НАЧАЛО XXI в.): ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Абидат Абдулаевна Газиева[1], **Руслан Ибрагимович Сефербеков**[2], **Ольга Борисовна Халидова**[3]

[1,2,3] Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Россия

[1] gazieva.abidat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-2861

[2] ruslan.seferbekov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0901-8499

[3] o.khalidova2011@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3454-9427

Аннотация. Статья представляет собой историко-библиографический обзор трудов по истории русских и казачества Дагестана и Северного Кавказа в позднем средневековье, новом, советском и новейшем времени. История изучения русских и казачества в каждый из этих исторических периодов имела свои особенности и была обусловлена происходившими в стране общественно-политическими, социально-экономическими и культурными процессами. По мнению авторов, наиболее полное и всестороннее, свободное от идеологических установок, историко-этнографическое изучение русских и казачества осуществлялось в новейшее время. Это обстоятельство обусловлено новой парадигмой государственного и общественного устройства России; связанными с неблагоприятной международной политической и экономической ситуацией глобальными вызовами современности; повышением этнического самосознания составляющих большинство населения страны русских; осознанием их ответственности за судьбы народов России и всего мира.

В статье на основе анализа трудов авторов дореволюционной, советской и новейшей историографии, используя историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический и историко-системный методы, дан историко-библиографический обзор основных трудов по истории русских и казачества Дагестана и Северного Кавказа.

Ключевые слова: Русское население Дагестана, терское казачество, позднее средневековье, новое и новейшее время, советский период, историография.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

Для цитирования: Газиева А.А., Сефербеков Р.И., Халидова О.Б. История изучения русского населения Дагестана и терского казачества (XVIII – начало XXI в.): историко-библиографический обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 142-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-142-173. EDN: CIUYOA.

© Газиева А.А., Сефербеков Р.И., Халидова О.Б., 2023

Original article

HISTORY OF STUDY OF THE RUSSIAN POPULATION OF DAGESTAN AND THE TERSK COSSACKS (XVIII – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES): HISTORICAL AND BIBLIOGRAPHICAL REVIEW

Abidat A. Gazieva[1], **Ruslan I. Seferbekov**[2], **Olga B. Khalidova**[3]
[1,2,3] Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
[1] gazieva.abidat@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8109-2861
[2] ruslan.seferbekov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0901-8499
[3] o.khalidova2011@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3454-9427

Abstract. This paper presents a historiographical review of studies about the history of Russians and Cossacks of Dagestan and the North Caucasus in the late Middle Ages, modern, soviet and contemporary times. The history of the study of the Russians and the Cossacks in each of these historical periods had its own characteristics and was determined by the socio-political, socio-economic and cultural processes occurring in the country. The authors believe that the most complete and comprehensive, free from ideological attitudes, historical and ethnographic study of the Russians and the Cossacks, was conducted in modern times. This is because of the new paradigm of the state and social structure of Russia, associated with the unfavorable international political and economic situation, the global challenges of our time; such as an increase in ethnic self-awareness of the Russians who make up most of the population; bring awareness to their responsibility for the peoples' fate of Russia and the entire world. Further study of the historiography of various groups of the domestic and foreign Russian population and the Cossacks is promising to create generalizing works on the history and ethnography of Russians in Russia and other countries of the world.

In the article, based on the analysis of the works of the authors of pre-revolutionary, Soviet and modern historiography, using historical-genetic, comparative-historical, typological and historical-systemic methods, a historical and bibliographic review of the main works on the history of Russians and the Cossacks of Dagestan and the North Caucasus is given.

Keywords: Dagestan Russians, Terek Cossacks, late Middle Ages, modern and contemporary times, soviet period, historiography.

Thanks and funding: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00208, https://rscf.ru/project/23-28-00208/.

For citation: Gazieva A.A., Seferbekov R.I., Khalidova O.B. The history of the study of the Russian population of Dagestan and the Terek Cossacks (XVIII – early XXI century): historical and bibliographic review. In: Electronic journal "Caucasology". – 2023. – № 1. – P. 142-173. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-142-173. EDN: CIUYOA.

© Gazieva A.A., Seferbekov R.I., Khalidov O.B., 2023

Введение

Дагестанские русские – один из коренных этносов Дагестана. Расселены в Тарумовском, Кизлярском, Бабаюртовском, Хасавюртовском, Кизилюртовском, Буйнакском и Дербентском районах, а также городах Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск, Дербент [Лугуев, Мансуров 2002: 540]. Интенсивное формирование русской национальной диаспоры в Дагестане относится ко второй половине XIX – началу XX в. и связывается глав-

ным образом с переселенческой политикой правительства России, хотя отдельные группы русского населения стали оседать в крае ещё с XVI в. [Ахмадов 1990: 158–163; Мансуров 1994; Суздальцева 1997; Ковалевская 2004].

Нижнетерское казачество, как субэтнос великорусского этноса и особое военно-служивое сословие, сформировалось в Дагестане во второй половине XVI – начале XVII в. [Ибрагимов 1978: 83–95; Ибрагимов 1990: 65–68].

Актуальность постановки проблемы диктуется сложной общественно-политической ситуацией в мире, глобальными вызовами современности, и связанным с этими процессами повышением этнического самосознания и национальной гордости русских.

Основная цель данной статьи – представить историографический обзор истории изучения русских Дагестана и терского казачества в дореволюционное и советское время и в новейший период. Для реализации данной цели поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть историю изучения дагестанских русских и терского казачества в различных исторических измерениях – в позднем средневековье, новом, советском и новейшем периодах; 2) исследовать историографию дагестанских русских и нижнетерского казачества в контексте экономического и военного освоения Россией Кавказа в разные исторические периоды; 3) осветить историографию русских и терского казачества Дагестана во взаимосвязи и взаимодействии с другими группами русских и казачества Северного Кавказа и горским населением края.

Объект исследования – история изучения русских Дагестана и нижнетерского казачества в дореволюционное, советское и новейшее время. Предмет исследования – обусловленные общественно-политической и социально-экономической ситуацией особенности изучения русских и казачества Дагестана в различные исторические периоды, накладывающие свой отпечаток на исследователей.

В своём исследовании мы не претендовали на всеобъемлющий историографический обзор, однако постарались включить в наше описание основные труды специалистов по истории и этнографии русских и казачества Северного Кавказа.

При реализации поставленной цели и задач применялись историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический и историко-системный методы.

Новизна темы заключается в постановке проблемы в данной формулировке, не изученности комплексной и сравнительной историографии русских и казачества Дагестана и Северного Кавказа в различных исторических измерениях.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории, историографии и источниковедения русских и казачества Дагестана, Северного Кавказа и России.

История изучения русских и казачества Кавказа в дореволюционный период

Дореволюционная историография изучения русских и терских и других групп казачества в основном связана с освещением процесса колонизации Дагестана и Кавказа русскими переселенцами, их военного, хозяйственного и культурного взаимодействия с горским населением. Одна из наиболее ранних работ, освещающая хозяйственное освоение Кавказа, экономику и повседневную жизнь населявших Астраханскую и Кавказскую губернию народов на рубеже XVIII–XIX столетий, принадлежит И.В. Равинскому [Равинский 1809].

Истории создания укреплений Левого фланга Кавказской кордонной Линии и связанных с этим процессам военных и мирных отношений русских и казачества с горским населением, а также описанию народов Кавказа, их нравов и обычаев, населенных пунктов посвящена книга И.Л. Дебу [Дебу 1829].

Если первая треть XIX в. не особенно богата трудами по интересующей нас проблеме, то вторая половина этого столетия и особенно пореформенный период и начало XX в. представлены большим количеством публикаций на эту тему. Определенный вклад в исследование этой проблемы внёс А.И. Васильчиков [Васильчиков 1876]. В своей работе, посвященной земледелию и землевладению в России и других странах, он предлагает меры по упорядоченному распределению земель на Кавказе для решения основной проблемы центральных регионов империи – малоземелья.

Переселение на Кавказ и его военная и экономическая колонизация русскими переселенцами и казачеством затрагиваются также в трудах Е. Вейденбаума (описание Кавказского края, очерк этнографии, распространения русской власти, колонизация края и казачество, мюридизм и Кавказская война) [Вейденбаум 1888], А.А. Кауфмана [Кауфман 2015: 151–180] (статистика, переселенческий и аграрный вопросы, развитие сельского хозяйства и др.) [Кауфман 1904], П.И. Ковалевского (вхождение горских народов в состав Российской империи, военно-политические акции русского командования, колонизационно-переселенческие процессы, Кавказская война и *мухаджир*ство, административные, этнографические и статистические данные) [Ковалевский 1914–1915] и др.

В последней трети XIX в. появляются первые обобщающие труды по истории терского и гребенского казачества. Богатый статистический и этнографический материал по социально-экономическим и культурным процессам в среде казачества Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. приведен в работе И.Д. Попко [Попко 1880]. Становлению терского казачества и характеру его взаимоотношений с Российской империей посвящен очерк И.С. Кравцова [Кравцов 1882]. Место и роль казачества в динамично развивающихся русско-северокавказских взаимоотношениях отражены в трудах Н.Ф. Дубровина [Дубровин 1871–1888], И.В. Бентковского [Бентковский 1880; Бентковский 1889], К.М. Бороздина [Бороздин 1885: 129–147], Д. Багалина [Багалин 1887] и др.

История и география терского казачества, их повседневный и военный быт, хозяйственные занятия, семейные обряды и материальная культура в XVIII–XIX вв. освещаются в работе Л.А. Ржевусского [Ржевусский 1888].

Всего же к концу XIX в. в Российской империи существовало 11 казачьих войск, сформированных в процессе колонизации окраин. К войсковому сословию было приписано 4 165 000 чел. из более чем 120-миллионного населения страны [Хорошхин 1881: 104].

Нельзя не отметить, написанную на архивном материале и статистических данных и посвященную истории и этнографии терских казаков, работу Е.Д. Максимова [Максимов 1890]. В ней подробно описаны общая экономическая характеристика края, хозяйственные занятия терцев, их социальная структура, фискальная политика государства по отношению к казачеству с указанием причитающихся им льгот.

Повседневный быт различных групп российского казачества исследуется в книге К.К. Абаза [Абаза 1890].

Истории возникновения донского казачества и их участия в военно-политических событиях России, начиная от покорения казаками Сибирского царства (1581 г.) и кончая участием в Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг., посвящена книга А.Н. Пивоварова [Пивоваров 1892]. Два раздела его книги – «Донцы на Кавказе и Грузии до 1822 г.» и «Донцы на Кавказе и Грузии с 1822–1864 г.» – освещают события на Кавказе первой и начала второй половины XIX в. [Пивоваров 1892: 171–175, 185–211].

Богатый этнографический материал о культуре и быте казачества с выделением региональных групп этого военного сословия приведен в работе И.И. Дмитриенко [Дмитриенко 1897: 273–352]. Особое внимание он уделяет терскому казачеству, культура которого, по мнению автора, синтезировала многие элементы из культур других групп казаков и горского населения Северного Кавказа.

Большой интерес представляет исследование М.А. Караулова [Караулов 1912], в котором представлен материал о появлении первых казацких поселений на Тереке, о месте казачества в обустройстве Левого фланга Кавказской кордонной Линии, о станичной жизни, семейной обрядности, фольклоре и роли казаков в решении «восточного вопроса» Российской империи.

Истории городов Дагестана, его административного деления, численности населения, роли русских в становлении промышленности, сельского хозяйства, учреждений культуры и образования в крае посвящены труды секретаря Дагестанского статистического комитета Е.И. Козубского [Козубский 1895; Козубский 1906].

Интеграция терского казачества в структуру Российской империи, роль терцев в системе военно-политического подчинения Северо-Восточного Кавказа рассмотрены в статье Г.А. Ткачева [Ткачев 1912].

Исследования О.П. Пономарева [Пономарев 1903] и П.А. Юдина [Юдин 1914: 56–72] повествуют о появлении такого этнографического, демографического и социального явления как терское казачество, его генезиса в контексте политики Российской империи, трансформации казачества в военное сословие, его места в колонизации кавказского края.

Определенный интерес по интересующей нас проблеме представляет посвященный реестру казачьих войск России справочник «Казачьи войска» [Казачьи войска 1912].

Труды выдающегося русского венного историка Василия Александровича Потто [Потто 1912] (1836–1911) посвящены этапам становления русской власти в кавказском регионе, истории многолетних кавказских войн, формирования и развития различных групп казачества.

Итак, как это видно из приведенного материала, научные труды представителей дореволюционной русской военной и гражданской администрации на Кавказе были связаны с историей заселения края, его военного и хозяйственного освоения русскими переселенцами, терским, гребенским и кубанским казачеством, их экономическими и культурными взаимоотношениями с горским населением.

История изучения русских и казачества в советское время

В советское время, в соответствии с марксистско-ленинской идеологической парадигмой социально-ориентированного государства рабочих и крестьян СССР, тематика региональной историографии была обозначена в контексте прогрессивной роли России в исторических судьбах дагестанских [Гаджиев 1956: 7–41; Хашаев 1958; Гаджиев 1964; Гаджиев 1965; Магомедов 1987] и северокавказских народов, экономических [Нахшунов 1956] и общественно-политических последствиях присоединения Дагестана [Сефербеков, Халидова 2018: 137–142; Булатов, Османов, Сефербеков 2018: 131–156] и Северного Кавказа к России, помощи русского народа и русской интеллигенции [Свистунова 1973; Каймаразов 1988; Зульпукарова 2003; Каймаразов 2008] в хозяйственном и культурном развитии края [Хасбулатов 1958; Каймаразов, Эфендиев 1958: 120–161; Абилов 1959; Эфендиев 1960; Каймаразов 1960; Каймаразов 1971].

К сожалению, в 20–30-х гг.XX в. в советской историографии отсутствовал должный научный интерес к изучаемой нами проблеме.

В послевоенное время появляются научные труды [Магомедов, Назаревич 1945], посвященные юбилейным датам, связанным с нахождением Дагестана в составе РСФСР, национально-государственному строительству в ДАССР [Казанбиев 1960], экономическими и культурными достижениями трудящихся республики.

В Северной Осетии исследованием колонизации русскими Северного Кавказа занимался В.С. Гальцев [Гальцев 1957: 101–114], а изучением внутренних глубинных социально-экономических, политических и духовных причин тяготения народов Кавказа к России [Дзидзоев 2013: 31], а также истории русско-осетинских взаимоотношений – М.С. Тотоев [Тотоев 1963; Тотоев 1977].

В последующие годы вышли в свет коллективные монографии, посвященные истории национальных республик Дагестана и Северного Кавказа с древнейших времён до периода «развитого социализма» [Очерки истории Дагестана 1957; История Северо-Осетинской… 1966; История Кабардино-Балкарской… 1967; История Дагестана 1968; Очерки истории Чечено-Ингушской… 1972; История народов Северного Кавказа… 1988].

Роли русского народа и России в исторических судьбах народов Дагестана было уделено внимание в докладах научных сотрудников Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, прочитанных ими на региональной научной конференции в Махачкале [Дагестан в составе… 1987].

Значительную роль в изучении этапов формирования русского населения в Дагестане во второй половине XVI – начале XX в. сыграл М.-Р.А. Ибрагимов [Ибрагимов 2012].

Роль Кизляра в экономическом и культурном развитии Северо-Восточного Кавказа рассматривается в статье Н.П. Гриценко [Гриценко 1984].

Заслуживает также интерес монография Д.С. Васильева, посвященная истории заселения казачеством низовьев Терека [Васильев 1986]. Этой же проблеме посвящена работа И.Л. Омельченко [Омельченко 1991]. В книге показаны время, причины и условия образования терского казачества, его общественное устройство, характер отношений с соседними народами. Как указывает автор, численность Терского казачьего войска в 1915 г. доходила до 225.068 человек [Омельченко 1991: 163].

Из работ, опубликованных в союзных республиках, хотелось бы отметить изданный в Киеве сборник научных трудов «Славяне и Русь (В зарубежной историографии)» [Славяне и Русь… 1990]. В сборнике размещены статьи представителей зарубежной историографии по различным аспектам (этнокультурное и социально-экономическое развитие, миграции, концепция язычества и христианства в буржуазной историографии и др.) истории древних славян и Киевской Руси.

Таким образом, исследование истории русских Дагестана и Северного Кавказа в советское время рассматривалось в контексте марксистско-ленинской парадигмы государственной идеологии, подчеркивания прогрессивных последствий вхождения края в состав России, хозяйственной и культурной помощи русского народа в становлении его экономики и развития социалистической культуры. Отдельные работы были посвящены истории формирования русского населения в Дагестане и казачества низовьев Терека.

История изучения русских и казачества в новейшее время

Если дореволюционная историография была сосредоточена на рассмотрении трудов, посвященных формированию русского населения и казачества, военно-экономической колонизации Кавказа и переселенческому движению, а советская историческая наука в рамках господствующей в стране идеологии обращала особое внимание прогрессивному характеру вхождения Северного Кавказа в состав России и помощи русского народа в экономическом и культурном подъеме края, то новейшее время характеризуется всесторонним и свободным от какого-либо идеологического пресса исследованием истории и этнографии русских и казаков.

Первое полное историко-этнографическое исследование русских Дагестана XIX – начала XX в. было предпринято М.Р. Ризахановой [Ризаханова 2001]. В изданной ею монографии были изучены традиционные хозяйство, материальная и духовная культура, семейный и общественный быт дагестанских русских.

Небольшое исследование, посвященное изучению демографических показателей русского населения Дагестана и причинам их оттока из региона в первое постсоветское десятилетие, было подготовлено В.Ф. Алиевой [Алиева 2001].

Краткая характеристика формирования русского населения Дагестана, основные этапы их переселения на Северный Кавказ, хозяйственные занятия, материальная и духовной культура, социальная организация, семья и семейная обрядность освещены в коллективной монографии «Народы Дагестана» [Лугуев, Мансуров 2002: 540–558]. В этой работе представлены сведения по истории, этнографии и географии расселения дагестанских этносов и народов (русские, чеченцы-аккинцы, азербайджанцы, таты, горские евреи), происхождение которых не связано с Дагестаном, но они издавна компактно проживали в этом регионе.

История формирования дагестанских русских и нижнетерского казачества как неотъемлемой части северокавказской историко-культурной общности и их интеграционным процессам с народами Северного Кавказа освещены в трудах Е.И. Иноземцевой [Иноземцева, Лысенко 2001: 217–220; Иноземцева, Лысенко 2012: 206–217; Иноземцева 2001; Иноземцева 2001a: 23–27; Иноземцева 2006: 20–25; Иноземцева 2010: 24–29; Иноземцева 2011: 225–236; Иноземцева 2016: 13–19; Иноземцева 2018: 18–22; Иноземцева, Кидирниязов 2017: 71–82; Иноземцева, Кидирниязов 2018: 611–624; Иноземцева, Кидирниязов 2019: 165–175]. Следует отметить, что Е.И. Иноземцева – один из наиболее продуктивных авторов по истории русских и казачества Дагестана позднего средневековья и нового и новейшего времени.

Другим таким исследователем, чьи труды посвящены русским и казачеству Дагестана советского послевоенного и новейшего времени является Ю.М. Лысенко. Особенно значимой является её монография [Лысенко 2005], в которой освещены вопросы социально-экономического развития Северного Дагестана. Ценность этого исследования состоит в том, что автор, используя сравнительно-исторический и хронологический методы, описывает административно-территориальное устройство, этнические и социальные трансформации, хозяйственные занятия русских г. Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана в советское послевоенное время и первые десятилетия после распада СССР, что охватывает более чем полувековой период развития этого региона. Следует отметить, что в 90-е и 2000-е гг. г. Кизляр с прилегающими к нему территориями являлись регионом неконтролируемой миграции горцев и зоной отгонного животноводства населения горных районов Дагестана, основавшие здесь свои поселения еще в советское время. Все эти факторы привели к этнической и социальной напряженности и в определенной степени способствовали оттоку русских из мест их исконного проживания.

Впрочем, Ю.М. Лысенко известна не только как исследователь социально-экономического развития Северного Дагестана, но и как специалист, изучающий весь спектр проблем, связанных с этногенезом, социокультурных, этнодемографических и межнациональных вопросов, фольклора и языка русских Северо-Восточного Кавказа и нижнетерского казачества [Лысенко 2006: 73–76; Лысенко 2007: 150–152; Лысенко 2007a: 128–132; Лысенко 2007b: 87–92; Лы-

сенко 2007с: 125–131; Лысенко 2008: 144–148; Лысенко 2009: 196–198; Лысенко 2010: 5–13; Лысенко 2011: 34–39; Лысенко 2016: 71–76].

Если Ю.М. Лысенко в своей монографии [Лысенко 2005] изучала социально-экономическое развитие Кизляра в 1957–2000 гг., то Е.М. Яковенко в защищенной ею диссертации [Яковенко 2014] исследовала эти процессы в Кизляре в военные и послевоенные годы (1944–1956 гг.), когда после депортации чеченцев и ингушей и упразднения Чечено-Ингушской АССР г. Кизляр и Кизлярский район были включены в состав новообразованной Грозненской области.

Кизляру как «русской столице на Кавказе» – центру интеграции народов Северо-Восточного Кавказа в экономическое и социокультурное пространство России, историческим особенностям формирования нижнетерского казачества в качестве субъекта кавказской политики Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. посвящена монография Н.Н. Гаруновой [Гарунова 2007].

Наиболее основательно история русско-дагестанских отношений со времени установления первых контактов древнерусского государства с Дагестаном, историческим предпосылкам присоединения края к России, ее роли в социально-экономическом и культурном развитии дагестанских народов в XIX – начале XXI в. рассмотрена в изданной Институтом ИАЭ ДНЦ РАН коллективной монографии [История многовековых… 2009], посвященной 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России.

Развитию науки и образования в Дагестане на всём протяжении XX в., роли русской интеллигенции в подготовке кадров для промышленности, сельского хозяйства, научных и образовательных учреждений из местных народностей освещены в монографии Г.Ш. Каймаразова [Каймаразов 2007].

Причины, механизмы и особенности миграции русских Кизлярщины в другие регионы юга России и своеобразие их адаптации в материнском этносе рассматриваются в коллективной монографии, посвященной этнокультурным ландшафтам на постсоветском пространстве и особенностям дагестанского компонента в нём [Этнокультурные… 2014].

Истории возникновения Терского казачьего войска в XVI – начале XX в. посвящена статья Б.В. Туаевой [Туаева 2009: 68–70]. Как указывает этот автор, «официальной датой основания Терского казачьего войска считается 1577 г., когда поселённые в Терском городке казаки объединились для отражения нападения крымских татар. В 1668 г. терские низовые казаки были официально включены в состав военного гарнизона крепости Терки, а указом Сената от 1721 г. вошли в состав ведомства Военной коллегии. В дальнейшем именно терское казачество стало одним из важнейших трансляторов царской политики, а также инструментом влияния в этом регионе. В 1832 г. все казачьи войска на Кавказе (кроме Черноморского) были объединены в одно – Кавказское линейное казачье войско. Из бывших войск Терско-Семейного, Терско-Кизлярского и Гребенского были сформированы Терский, Кизлярский и Гребенской полки. В 1870 г. Военный совет преобразовал Кавказское войско в Кубанское и Терское» [Туаева 2009: 68]. Примечательно, что «казачье население не было исключительно русским, часть его состояла из представителей других народов, в том числе и горцев. Так, на Дону и на Урале были казаки-калмыки; в Оренбург-

ском, Семиреченском и Сибирском войсках – татары; на Тереке – осетины; в Забайкалье – буряты и эвенки» [Туаева 2009: 70].

Процессу формирования российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. посвящена монография Б.В. Виноградова [Виноградов 2010]. Автор анализирует проблемы российско-кавказского взаимодействия, которое, на его взгляд, сводилось не только колониальной экспансии против горских народов.

По интересующей нас проблеме написаны не только монографии и статьи, но и защищен ряд диссертаций. Началу формирования казачества на Северном Кавказе, хозяйственной деятельности казаков на Тереке, освоению Россией Северного Кавказа, деятельности государства по превращению Кавказа в «казачий край», влиянию военных событий в кавказском регионе на социальный статус терского казачества, системе управления в их среде в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. посвящена диссертация Э.В. Солонина [Солонин 2008]. Впрочем, эволюция социального статуса терского казачества в XVII–XVIII вв. рассматривается и в диссертации Т.А. Ткаченко [Ткаченко 2005].

Роль женщины-казачки в повседневной жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX в. освещается в диссертации О.С. Мутиевой [Мутиева 2004]. Автор исследует роль казачки в хозяйственном и бытовом укладе, её социально-правовому положению у нижнетерского казачества.

Изучению взаимоотношений между мужчинами и женщинами в традиционной культуре нижнетерского казачества посвящена работа М.Б. Гимбатовой [Гимбатова 2014]. Автор рассматривает повседневные обязанности мужчины и женщины, их коммуникативные возможности, стереотипы и образцы поведения, гендерно-маркированные занятия, семейные роли, имущественно-правовой статус. Особое место уделено степени участия терских казаков и казачек в общественном производстве и быту, их месту в системе социальных связей и публичном пространстве социума, роди и месту в духовной культуре. М.Б. Гимбатова пришла к выводу, что в XIX – начале XX в. для нижнетерских казаков была характерна сбалансированная система распределения мужских и женских ролей и обязанностей, которая обеспечивала поступательное развитие общества и поддерживала гендерные отношения, основанные на принципах взаимодополняемости.

Русские Дагестана были объектом не только историко-этнографического, но и историко-социологического исследования. Посвященная этим процессам коллективная монография [Шахбанова, Лысенко, Мамараев 2015] рассматривает проблемы трансформации их этнической идентичности, установкам межнациональной толерантности и стратегии межэтнического поведения. Авторы пришли к выводу, что дагестанские русские находятся в состоянии интенсивной межэтнической коммуникации, демонстрируя стремление поддерживать межнациональное общение с представителями иноэтнических общностей. Как считают исследователи, в их массовом сознании доминируют позитивные автостереотипы.

Эволюции политических взаимоотношений государства и российского казачества в XVI – начале XIX в. посвящена статья Г.О. Мациевского [Мациевский 2016: 122–136]. Это было время, когда шло превращение России в круп-

нейшую евразийскую державу, закладывались основы ее имперской политики, происходил процесс интеграции казачества в государственную социально-политическую структуру на правах «служилого сословия».

Изучению численности русских в городах Дагестана по материалам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. посвящена статья Б.Б. Булатова и Р.И. Сефербекова [Булатов, Сефербеков 2018: 104–111]. Авторы обращают внимание на неуклонно снижающуюся динамику численности русских в Дагестане и причинах их оттока из республики в другие края и области РФ. Этой же проблеме посвящена и статья А.А. Саидова, которому удалось раскрыть позитивную роль русского народа не только в социально-экономическом развитии Дагестана, но и в общероссийских интеграционных процессах [Саидов 2018: 66–81].

Краткая демографическая (основанная на материалах переписей населения 2002 и 2010 гг.), историческая и этнографическая характеристика русских Юга России начиная со средневековья и заканчивая новейшим временем дана в энциклопедическом словаре, посвященном народам, проживающим на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов РФ [Патракова, Черноус 2016: 376–384]. В этом же словаре дана историко-этнографическая характеристика казачества Юга России [Пивоваров 1892: 271–274].

Русские являлись объектом изучения не только в Дагестане, но и в соседней Чечне. Основываясь на материалах культурно-антропологических экспедиций 2018 г., авторы коллективного труда «Русские Чечни» [Матвеев, Зудин, Воронин 2018] написали ряд научно-популярных очерков о старожильческом населении Шелковского и Наурского районов Чеченской Республики. Книга посвящена исторической памяти казаков, их этнокультурной идентичности, межкультурным и межэтническим взаимодействиям с горским населением, семье и семейным традициям, трудовым процессам и занятости, религиозной жизни и сохранению культурного наследия.

Численность и расселение русских в различные исторические периоды, их этногенез и этническая территория, миграционные процессы, образование историко-этнографических групп русского народа, традиционные занятия, способы и средства передвижения, поселенческая культура, жилище, одежда, пища и утварь, семья и семейные обряды, фольклор и декоративно-прикладное искусство описаны в статье М.Н. Шмелёвой в энциклопедии «Народы России» [Шмелёва 1994: 271–307]. Во многом эта информация повторяется и в другой энциклопедии – «Народы и религии мира» [Александров, Тишков, Шмелёва 1998: 438–461].

Наиболее полное историко-этнографическое и лингвистическое описание русских было предпринято коллективом авторов в монографии «Русские», явившейся первой книгой из серии трудов Института этнологии и антропологии РАН «Народы и культуры» [Русские 1997]. В состоящей из двух частей монографии освещается образование русской историко-этнической территории и государственности русских; их антропологический облик; лингвистическая характеристика; этнографические группы русского народа; этнодемографическое развитие в советское и новейшее время; русские за рубежом; хозяйственное

освоение территорий; поселения; жилая, хозяйственная и общественная застройка; одежда; пища и утварь; семья и семейно-бытовые обряды; общественный быт; праздники и духовная культура; традиционная медицинская практика; искусство и народные художественные промыслы.

Итак, как это видно, российскими исследователями была проделана большая работа по историко-этнографическому, демографическому и социологическому изучению русских Дагестана, Северного Кавказа и России. Особое место в этих исследованиях занимает один из субэтносов русского народа – казачество. Как отмечает в этой связи Б.А. Синанов, «современное русское население Северного Кавказа всё чаще рассматривается в контексте возрождения в конце XX – начале XXI в. такой социальной группы, как казачество, активно заявившей о своих не только культурных, но и политических и экономических интересах, а на региональном уровне прямо поставившей вопрос о власти и продемонстрировавшей самые разнообразные формы политической активности. Казачий вопрос на современном этапе развития российского общества является одним из самых острых и неоднозначных» [Синанов 2021: 90].

Истории казачества, начиная от их участия в событиях 1917 г., Гражданской, Отечественной и второй мировой войнах (в том числе и коллаборационизму в их среде [Курков 2022: 8–25]), «расказачивании», их жизни в советский период и вплоть до новейшего времени, когда оформились новые взаимоотношения казаков с государством и начался процесс их возрождения посвящена небольшая книга Н.Ф. Бугая [Бугай 2000]. История российского казачества, его повседневная жизнь, роль в Гражданской войне освещается также в книге С. Ауского [Ауский 2002].

Вопросам кровнородственных и брачных связей кубанских казаков с представителями народов Северного Кавказа посвящена статья А.В. Дюкарева [Дюкарев 2001: 256–258]. Рассматривая горско-казачьи генеалогии, автор указывает, что такие контакты были характерны для черноморских, линейных и гребенских казаков до появления Кубанского и Терского казачьих войск. Такие связи были немногочисленны, так как их представители принадлежали к разным конфессиональным группам. Однако всё это не помешало их добрососедскому сосуществованию в рамках Северного Кавказа.

Историко-антропологические аспекты автохтонной парадигмы этногенеза гребенских казаков рассматриваются в статье А.Ф. Григорьева [Григорьев 2016: 11–17]. В этой статье на основе этнографических и археологических источников дан историко-антропологический анализ парадигмы этногенеза гребенских казаков. Как считает автор, «антропологическая парадигма автохтонного зарождения гребенского ядра на Тереке как территории своего исконного проживания подтверждается факторами миграционных, социокультурных, полиэтнических процессов с включением древнеславянских, хазарско-тюркских племен на территориях Предкавказья и Северного Кавказа, брачных и родственных отношений с горскими народами, способствующими естественной ассимиляции, поликультурному и полиэтническому взаимодействию славянских, тюркских и горских аборигенных разноплеменных сообществ, в результате чего был сформирован своеобразный генотип гребенцов» [Григорьев 2016: 16].

Следует отметить, что казачество прошло длительный исторический путь, в ходе которого менялся его статус, характер взаимоотношений с государством, территория существования. Неизменным оставалось военное служение России, как изначальный и неизменный смысл существования казачества.

По мнению Е.Ф. Кринко, «в настоящее время в мемориальной культуре Юга России получают приоритет такие качества казачества, как военная служба, преданность православной вере, а также специфика казачьей культуры» [Кринко 2015: 130].

Следует подчеркнуть, что история кубанского казачества не ограничивается только военными событиями. Значительное место их исторической памяти занимают мирные экономические и культурные взаимоотношения с соседними народами, и в первую очередь с адыгами. Характер этих взаимоотношений и различие в подходах к «политике памяти» у казачества Юга России и у народов Северного Кавказа исследуется в трудах А.В. Дюкарева и И.А. Дюкаревой.

На основе анализа ключевых исторических событий XIX – XX вв., составивших каркас исторической памяти южнорусского казачества и народов Северного Кавказа, А.В. Дюкарев рассматривает общее и особенное их исторического развития, взаимодействия в едином географическом пространстве, приведшего к проблемным узлам, параллельным векторам и точкам соприкосновения в процессе формирования исторической памяти с выделением «травматических» точек в ней, которые в новейшее время определяют остроту этносоциальных взаимоотношений [Дюкарев 2020: 179–187]. Автор приходит к выводу, что «южнорусское казачество и народы Северного Кавказа по-разному реагируют на государственную «политику памяти» и трансформацию собственной исторической памяти. Народы Северного Кавказа более последовательны и категоричны в отстаивании и увековечивании героев и сюжетов своей истории, невзирая на политическую конъюнктуру, в то время как российское казачество более подвержено влиянию государства и реализуемой «политике памяти», что ведет к искажению истинности исторических сюжетов и ложной трансформации исторической памяти казачества» [Дюкарев 2020: 187].

По мнению А.В. Дюкарева и И.А. Дюкаревой, мемориальная практика, реализуемая на пересечении интересов сохранения исторической памяти, формирования этносоциальной идентичности и реализации параметров государственной политики памяти показывает, что и у кубанских казаков, и у адыгов имеются общие параллели и свои особенности [Дюкарев, Дюкарева 2021а: 287–297]. Как считают эти авторы, при конструировании современной модели исторической памяти кубанского казачества краеугольным камнем остается вопрос определения его этнической или социальной идентичности, который фактически заморожен и также не одобряем для общественной дискуссии, что препятствует их потенциальным возможностям при реализации политических и экономических интересов как самостоятельного субъекта на пространстве Северного Кавказа в частности и общероссийского в целом [Дюкарев, Дюкарева 2022: 460–465].

Положение русского и русскоговорящего населения Северного Кавказа, особенности их самосознания в новейшее время рассматривались и другими авторами [Дударев 2009: 338–341; Ракачев, Ракачева 2018: 23–28].

Современным исследованиям (демография, социальные и экономические трансформации) о положении русского и русскоязычного населения в постсоветских странах (Южный Кавказ, Беларусь, Прибалтика) посвящена статья Г.Е. Шагун [Шагун 2022: 133–139].

Таким образом, как это видно из представленного материала, в новейшее время отдельными авторами и коллективами исследователей были предприняты попытки историко-этнографического, демографического и историко-социологического изучения русских и казачества Дагестана, Северного Кавказа, России и сопредельных стран. Нынешняя нестабильная общественно-политическая и экономическая ситуация в мире, глобальные вызовы современности, особая миссия и ответственность перед другими российскими этносами составляющего подавляющее большинство в России русского народа делает актуальным продолжение этих исследований на высоком научно-теоретическом уровне.

Заключение

Таким образом, историографический обзор изучения истории русских и казачества Дагестана и Северного Кавказа в трёх временных измерениях показал, что в различные исторические периоды этот процесс имел свои особенности. Дореволюционная русская историография была сосредоточена на освещении истории военно-экономического освоении Россией Кавказа, переселенческого движения на территорию края, формирования старожильческого русского населения и различных групп казачества. Советская историография, исходя из установок марксистско-ленинской идеологии, основное внимание уделяла прогрессивному значению вхождения Северного Кавказа в состав России, братской помощи русского народа в экономическом, социальном и культурном подъеме края. Свободная от какого-либо идеологического пресса российская историография новейшего времени, исходя из вызовов современности, особой роли русского народа в многонациональной России, повышения этнического самосознания и национальной гордости русских, дала новую кроссдисциплинарную комплексную историко-этнографическую, историко-социологическую и демографическую характеристику русского населения и казачества Дагестана, Северного Кавказа, России и сопредельных стран. Дальнейший историографический обзор изучения истории русских и казачества плодотворен и перспективен в плане исследования особенностей и характеристик субэтносов и этнических групп русских России, СНГ и других стран мира, где имеются компактные группы сформировавшего издавна и в новейшее время русского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Абаза 1890 – *Абаза К.К.* Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы: очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. – СПб.: В. Березовский, 1890. – 334 с.

Абилов 1959 – *Абилов А.А*. Очерки советской культуры народов Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 267 с.

Александров, Тишков, Шмелёва 1998 – *Александров В.А., Тишков В.А., Шмелёва М.Н.* Русские // Народы и религии мира / Гл. ред. *В.А. Тишков*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 438–461.

Алиева 2001 – *Алиева В.Ф*. Русское население Дагестана. – Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2001.– 66 с.

Ауский 2002 – *Ауский С*. Казаки: Особое сословие: Док., карт., фот. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; СПб.: Нева, 2002. – 446 с.

Ахмадов 1990 – *Ахмадов Ш.Б*. Русские переселенцы в Северном Дагестане на рубеже XIX–XX вв. // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. – Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1990. – С. 158–163.

Багалин 1887 – *Багалин Д*. Очерки по колонизации и быту степных окраин Московского государства. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. Ун-те, 1887. – 634 с.

Бентковский 1880 – *Бентковский И.В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 год: (Материалы для истории колонизации Северного Кавказа). – [Без указания места издания], 1880. – 216 с.

Бентковский 1889 – *Бентковский И.В.* Гребенцы: историческое исследование. 2-е изд. – М.: Рус. типо-лит., 1889. – 195 с.

Бороздин 1885 – *Бороздин К.М*. Колонизация Кавказа // Наблюдатель. – СПб., 1885. – № 5. – С. 129-147.

Бугай 2000 – *Бугай Н.Ф*. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–1996). – М.: Можайск: Терра, 2000. – 87 с.

Булатов, Османов, Сефербеков 2018 – *Булатов Б.Б., Османов А.И., Сефербеков Р.И*. Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 1. – С. 131-156.

Булатов, Сефербеков 2018 – *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104-111.

Васильев 1986 – *Васильев Д.С*. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. – 244 с.

Васильчиков 1876 – *Васильчиков А.И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. В 2-х томах. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. – Т. 1. – 565 с.; Т. 2. – 443 с.

Вейденбаум 1888 – *Вейденбаум Е.Г.* Путеводитель по Кавказу. – Тифлис: Тип. Канцел. главноначальствующего Гражд. частью на Кавказе, 1888. – 464 с.

Виноградов 2010 – *Виноградов Б.В*. История российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. – Славянск-на-Кубани: Издат. центр СГПИ, 2010. – 398 с.

Гаджиев 1964 – Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана**. –** Махачкала**:** Дагкнигоиздат**,** 1964**.** – 228 с.

Гаджиев 1956 – *Гаджиев В.Г*. Присоединение Дагестана к России // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (УЗ ИИЯЛ). – Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 7-41.

Гаджиев 1965 – *Гаджиев В.Г*. Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. – 392 с.

Гальцев 1957 – *Гальцев В.С*. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1957. – Т. XIX. – С. 101-114.

Гарунова 2007 – *Гарунова Н.Н*. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 275 с.

Гимбатова 2014 – *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре нижнетерских казаков (XIX–XX). 2014 г. // Научный архив Института ИАЭ ДФИЦ РАН. – Ф. 3. – Оп. 3. – Д. 1135. – 270 с.

Григорьев 2016 – *Григорьев А.Ф.* Историко-антропологические аспекты автохтонной парадигмы этногенеза гребенских казаков: гипотезы и аргументы // KANT. – 2016. – № 3 (20). – С. 11-17.

Гриценко 1984 – *Гриценко Н.П.* Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX в. / Отв. ред. В.А. Золотов – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1984. – 159 с.

Дагестан в составе… 1987 – Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Региональная научная конференция (г. Махачкала, 26–27 ноября 1987 г.). – Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1987. – 58 с.

Дебу 1829 – *Дебу И.Л.* О Кавказской Линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую Линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. – 504 с.

Дзидзоев 2013 – *Дзидзоев В.Д.* Вклад профессора М.С. Тотоева в науку и в развитие научного потенциала Северного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 30-34.

Дмитриенко 1897 – *Дмитриенко И.И.* Материалы к истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Вып. 4 (21). – Владикавказ: Тип. обл. правления Терской обл., 1897. – С. 273-352.

Дубровин 1871–1888 – *Дубровин Н.Ф.* История войн и владычества русских на Кавказе. В 8 томах и книгах. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871–1888. – Т. 1–6; – Т. 1. Кн. 1. 640 с.; – Т. 1. Кн. 2. 423 с.; – Т.1 Кн. 3. 454 с.; – Т. 2. 318 с.; – Т. 3. 550 с.; – Т. 4. 536 с.; – Т. 5. 495 с.; – Т. 6. 756 с.

Дударев 2009 – *Дударев С.Л.* О положении русских и «русскоязычных» на Северном Кавказе во второй половине XX – начале XXI в. // Материалы международной научно-практической конференции «Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы» (г. Дербент, 23 апреля 2009 г.). – Дербент: Дербентский филиал Дагестанского государственного университета, 2009. – С. 338-341.

Дюкарев 2001 – *Дюкарев А.В.* Генеалогические связи кубанского казачества в системе этнокультурных отношений народов Северного Кавказа // Материалы Всероссийской научной конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура». В 2-х частях. – М.: Ставрополь, 2001. – Ч.1. – С. 256-258.

Дюкарев 2020 – *Дюкарев А.В.* Историческая память южнорусского казачества и народов Северного Кавказа: проблемы, параллели, точки соприкосновения // WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY. – 2020. – T. XVII. – No 4. – С. 179-187.

Дюкарев, Дюкарева 2021 – *Дюкарев А.В., Дюкарева И.А.* Образ войны в сознании кубанского казачества: между исторической политикой и исторической памятью // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.) / отв. ред. *О.В. Белоусова, Е.С. Сенявская*. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 87-92.

Дюкарев, Дюкарева 2021а – *Дюкарев А.В., Дюкарева И.А.* Мемориальная политика памяти в контексте формирования региональной идентичности: сравнительный анализ кубанского казачества и адыгского народа (1990–2020-е гг.) // Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура» (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) / отв. ред. акад. *Г.Г. Матишов*. В 2-х частях. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. – Ч. 2. – С. 287-297.

Дюкарев, Дюкарева 2022 – *Дюкарев А.В., Дюкарева И.А.* Особенности функционирования исторической памяти локальной этносоциальной группы: кубанское казачество в пространстве Северного Кавказа (1990–2020-е гг.) // Материалы IX Международного форума историков-кавказоведов «Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура»,

посвященного 100-летию образования СССР (г. Черкесск, 17–18 октября 2022 г.). – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. – С. 460-465.

Зульпукарова 2003 – *Зульпукарова Э.М.-Г.* Формирование и деятельность дагестанской интеллигенции (конец XIX – середина XX в.). – Махачкала: «Юпитер», 2003. – 360 с.

Ибрагимов 1978 – *Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Советская этнография. – 1978. – № 2. – С. 83-95.

Ибрагимов 1990 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Основные этапы формирования русского населения Дагестана // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. – Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1990. – С. 65-68.

Ибрагимов 2012 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Русское население Дагестана и Северного Кавказа во второй половине XX века: проблемы демографического развития // Полиэтничное общество, власть и демократия в России: сб. статей. – М.: Махачкала, 2012. – 672 с.

Иноземцева, Лысенко 2001 – *Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М.* Дагестанские русские: история и современность // Материалы Всероссийской конференции «Северный Кавказ: геополитика, история, культура». В 2-х частях. – Москва: Ставрополь, 2001. – Ч. 1. – С. 217-220.

Иноземцева 2001 – *Иноземцева Е.И.* Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX века. – Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2001. – 226 с.

Иноземцева 2001а – *Иноземцев Е.И.* Формирование нижнетерского казачества (XVI–XVIII вв.) // Народы Дагестана. – 2001. – № 3. – С. 23-27.

Иноземцева 2006 – *Иноземцева Е.И.* Нижнетерское казачество: исторические особенности формирования // Терское казачество: история, современность: сб. ст. и докл. Региональной научной конференции (г. Кизляр, 22 сентября 2006 г.). – Махачкала: «Радуга», 2006. – С. 20-25.

Иноземцева 2010 – *Иноземцева Е.И.* Нижнетерское казачество: исторические особенности формирования // Кизляр – столица Нижне-Терского казачества / Сост. *Л.Н. Дубова*. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2010. – С. 24-29.

Иноземцева 2011 – *Иноземцева Е.И.* Терско-гребенское казачество как неотъемлемая часть северокавказской историко-культурной общности (XV–XVIII вв.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль и значение А.А. Кадырова в новейшей истории Чеченской республики и Российской Федерации», посвященной 60-летию со дня рождения Первого Президента Чеченской республики, Героя России А.А. Кадырова. – Грозный: ФГУП Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2011. – С. 225-236.

Иноземцева, Лысенко 2012 – *Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М.* Роль русской интеллигенции в становлении средних специальных и высших учебных заведений Дагестана в 20-е – 30-е гг. XX в. // Материалы Первой всероссийской научно-практической конференции «Русское население Северного Кавказа: история и современность». – Махачкала: ДГИНХ, 2012. – С. 206-217.

Иноземцева 2016 – *Иноземцева Е.И.* Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции низового корпуса императорских войск в Юго-Западном Прикаспии (1722–1735 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 2 (46). – С. 13-19.

Иноземцева 2018 – *Иноземцева Е.И.* Терско-гребенское старожильческое казачество в северокавказском историко-культурном контексте: взаимодействие, взаимовоздействие, межэтническая толерантность // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 5 (42). – С. 18-22.

Иноземцева, Кидирниязов 2017 – *Иноземцева Е.И., Кидирниязов Д.С.* Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурса межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни Нижнетерского казачества. – Махачкала: Даге-

станское региональное отделение Российского ООГП общества «Знание»; Изд-во «Радуга», 2017. – С. 71-82.

Иноземцева, Кидирниязов 2018 – *Иноземцева Е.И., Кидирниязов Д.С*. Некоторые особенности культурно-интеграционных процессов южнорусского казачества с народами Северного Кавказа // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. научных статей по итогам международного научного форума (г. Геленджик, 13–15 октября 2017 г.). – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2018. – С. 611-624.

Иноземцева, Кидирниязов 2019 – *Иноземцева Е.И., Кидирниязов Д.С*. Нижнее Притеречье как историко-культурный бренд межэтнической и межконфессиональной толерантности под «сберегающим крылом России» во второй половине XVI–XVIII веке // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам международного научного форума (с. Кабардинка, г. Геленджик, 12–14 октября 2018 г.). – М.: Институт наследия, 2019. – С. 165-175.

История Дагестана 1968 – История Дагестана. В 4-х т. – М.: Наука, 1968. – Т. III. – 368 с.

История Кабардино-Балкарской… 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней / Глав. ред. *Т.Х. Кумыков*. В 2-х т. – М.: Наука, 1967. – Т. 2. – 439 с.

История многовековых… 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

История народов Северного Кавказа… 1988 – История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. *А.Л. Нарочницкий*. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

История Северо-Осетинской… 1966 – История Северо-Осетинской АССР: советский период / Под ред. *М.С. Тотоева*. В 2-х т. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. – Т. 2. – 434 с.

Казанбиев 1960 – *Казанбиев М.А*. Национально-государственное строительство в Дагестане 1920–1940 гг. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 144 с.

Казачьи войска 1912 – Казачьи войска / Сост. *В.Х. Казин*; под ред. *В.К. Шенк*. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1912. – 462 с.

Каймаразов, Эфендиев 1958 – *Каймаразов Г.Ш., Эфендиев М.А*. Успехи культурного строительства в Дагестане за годы Советской власти // Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1958. – Т. IV. – С. 120-161.

Каймаразов 1960 – *Каймаразов Г.Ш*. Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. –183 с.

Каймаразов 1971 – *Каймаразов Г.Ш*. Очерки истории культуры народов Дагестана. – М.: Наука, 1971. – 475 с.

Каймаразов 1988 – *Каймаразов Г.Ш*. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М.: Наука. 1988. – 336 с.

Каймаразов 2007 – *Каймаразов Г.Ш*. Образование и наука в Дагестане в XX веке. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007.– 464 с.

Каймаразов 2008 – *Каймаразов Г.Ш*. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Махачкала: «Алеф», 2008. – 276 с.

Караулов 1912 – *Караулов М.А*. Терское казачество в прошлом и настоящем (памятка терского казака). – Владикавказ: Войсковой штаб Терского казачьего войска, 1912. – 384 с.

Кауфман 1904 – *Кауфман А.А*. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. –СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – 855 с.

Кауфман 1905 – *Кауфман А.А*. Переселения и колонизация. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – 349 с.

Кауфман 2015 – *Кауфман А.А*. Автобиография // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16. – № 1. – С. 151-180.

Ковалевская 2004 – *Ковалевская Е.А.* Хозяйственная деятельность русского населения в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2004. – 20 с.

Ковалевский 1914–1915 – *Ковалевский П.И.* Кавказ: в 2-х томах. – СПб.: тип. М.И. Акинфиева, 1914–1915. – Т. 1: Народы Кавказа. – 344 с.; – Т. 2: История завоевания Кавказа. – 270 с.

Козубский 1895 – *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895. – 724 с.

Козубский 1906 – *Козубский Е.И.* История города Дербента. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1906. – 464 с.

Кравцов 1882 – *Кравцов И.С.* Очерк о начале Терского казачьего войска. – Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, 1882. – 80 с.

Кринко 2015 – *Кринко Е.Ф.* Историко-культурное наследие казачества Юга России: практики мемориализации // Культурно-познавательный туризм Юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, Новороссийск, 05-07 июня 2013 г. / отв. ред. *А.В. Крюков*. – Краснодар: Альфа-Полиграф+, 2015. – С. 126-136.

Курков 2022 – *Курков Г.М.* Коллаборационизм среди казачества в 1942–1943 гг.: Причины и сущность // Культурный ландшафт регионов. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 8-25.

Лугуев, Мансуров 2002 – *Лугуев С.А., Мансуров М.Х.* Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. *С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева*. – М.: Наука, 2002. – С. 540-558.

Лысенко 2005 – *Лысенко Ю.М.* Северный Дагестан 1957–2000 гг. (аспекты социально-экономического развития Кизляра, Кизлярского и Тарумовского районов). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. – 147 с.

Лысенко 2006 – *Лысенко Ю.М.* Возрождение Терского казачества: История, проблемы // Терское казачество: история, современность: сб. ст. и докладов Региональной научной конференции (г. Кизляр, 22 сентября 2006 г.). – Махачкала: «Радуга», 2006. – С. 73-76.

Лысенко 2007 – *Лысенко Ю.М.* Русские Дагестана в системе межнациональных отношений (1990-2000 гг.) // Материалы региональной научно-практической конференции «Межнациональные отношения на Северном Кавказе: проблемы и перспективы» (г. Дербент, 19 апреля 2007 г.). – Дербент: Дербентский филиал Дагестанского государственного педагогического университета, 2007. – С. 150-152.

Лысенко 2007a – *Лысенко Ю.М.* Современные социокультурные проблемы русского населения Северного Кавказа // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные проблемы Кавказского региона в контексте глобализации» (г. Нальчик, 14–16 мая 2007 г.). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – С. 128-132.

Лысенко 2007b – *Лысенко Ю.М.* К истории становления русского языка как средства межнационального общения в Дагестане (20–30-е годы XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана: Сб. ст. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – С. 87-92.

Лысенко 2007c – *Лысенко Ю.М.* «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана: Сб. ст. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – С. 125-131.

Лысенко 2008 – *Лысенко Ю.М.* Казачество низовьев Терека: к истории возрождения, проблемы // Материалы Шестой международной Кубанско-Терской конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа». – Краснодар: Армавир, 2008. – С. 144-148.

Лысенко 2009 – *Лысенко Ю.М.* Русское население Северо-Восточного Кавказа: проблемы и перспективы // Материалы Всероссийской научной конференции «Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов» (г. Ростов-на-Дону, 21–22 сентября 2009 г.). – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. – С. 196-198.

Лысенко 2010 – *Лысенко Ю.М.* Фольклорные экспедиции и собирание казачьих песен – важный фактор сохранения культурного наследия терского казачества // Материалы Всерос-

сийской научно-практической конференции «Фольклор казачества как неотъемлемая часть Северо-Кавказского этнокультурного пространства», посвященной 275-летию города Кизляра (г. Кизляр, 24–25 сентября 2010 г.). – Махачкала: «Радуга», 2010. – С. 5-13.

Лысенко 2011 – *Лысенко Ю.М.* Проблемы сохранения фольклора казачества низовьев Терека: история и современность // Материалы межрегионального научно-методического семинара «Нематериальное культурное наследие как основа социальной модернизации» в рамках международного этносоциального проекта «Дельта Волги без границ». – Астрахань: Издатель «Сорокин Роман Васильевич», 2011. – С. 34-39.

Лысенко 2016 – *Лысенко Ю.М.* Координационный совет по Северному региону Республики Дагестан: опыт и проблемы деятельности // Материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Единство народов России: межнациональный, межкультурный и межрелигиозный диалог», посвященной 85-летию Дагестанского государственного университета. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016. – С. 71-76.

Магомедов, Назаревич 1945 – *Магомедов Р.М., Назаревич А.И.* Дагестанская АССР: 25 лет борьбы и труда в составе Российской Федерации. – Махачкала: Дагестанское государственное издательство, 1945. – 170 с.

Магомедов 1987 – *Магомедов Р.М.* Россия и Дагестан: страницы истории. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. – 127 с.

Максимов 1890 – *Максимов Е.Д.* Терское казачье войско: Историко-статистический очерк. – Владикавказ: Тип. Обл. правл. Тер. обл., 1890. – 167 с.

Мансуров 1994 – *Мансуров М.Х.* Русские переселенцы в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 155 с.

Матвеев, Зудин, Воронин 2018 – *Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В.* Русские Чечни (по материалам экспедиций 2018 г.). – Ростов-на-Дону: Академия наук Чеченской Республики; Печатная лавка, 2018. – 136 с.

Мациевский 2016 – *Мациевский Г.О.* Государство и казачество в XVI – начале XIX в. (эволюция политических отношений) // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 4.– С. 122-136.

Мутиева 2004 – *Мутиева О.С.* Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX в.: дисс. канд. ист. наук. – Махачкала: ДГУ, 2004. – 159 с.

Нахшунов 1956 – *Нахшунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России (Дооктябрьский период). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 157 с.

Омельченко 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. – Владикавказ: «Ир», 1991. – 299 с.

Очерки истории Дагестана 1957 – Очерки истории Дагестана / Отв. ред. *Косвен М.О.* В 2-х т. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – Т. 1. – 392 с.

Очерки истории Чечено-Ингушской… 1972 – Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. – Т. 2: 1917–1970. – 360 с.

Патракова, Черноус 2016 – *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Русские // Народы Юга России / Под ред. *А.А. Озеров*. – Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2016. – С. 376-384.

Трут 2016 – *Трут В.П.* Казачество // Народы Юга России / Под ред. *А.А. Озеров*. – Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2016. – С. 271-274.

Пивоваров 1892 – *Пивоваров А.Н.* Донские казаки: Краткий сборник рассказов из военной жизни донцов, о их храбрости, находчивости в бою, преданности долгу и проч. – Новочеркасск: «Донская типография», 1892. – 271 с.

Пономарев 1903 – *Пономарев О.П.* Материалы к истории Терских казаков // Терские новости. – 1903. – № 85. – 3 апреля.

Попко 1880 – *Попко И.Д.* Терские казаки со стародавних времен: исторический очерк. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1880. – Вып. 1. – 517 с.

Потто 1912 – *Потто В.А*. Два века терского казачества. В 2-х томах. –Владикавказ: Типография Терского Областного правления, 1912. – Т. 1. – 130 с.; Т. 2. – 256 с.

Равинский 1809 – Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний: По гражданскому и естественному их состоянию. В отношении к земледелию, промышленности и домоводству. – СПб.: Императорская тип., 1809. – 527 с.

Ракачев, Ракачева 2018 – Ракачёв В.Н., Ракачёва А.В. Русское население Северного Кавказа как этнографическая группа: особенности самосознания и самопрезентации // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 5 (42). – С. 23-28.

Ржевусский 1888 – Ржевусский Л.А. Терцы: Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской обл., 1888. – 287 с.

Ризаханова 2001 – *Ризаханова М.Ш*. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – 188 с.

Русские 1997 – Русские / Отв. ред. *В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук*. – М.: Наука, 1997. – 828 с.

Саидов 2018 – *Саидов А.А*. Русский народ и национальная политика в Дагестане // Вестник Дагестанского государственного университета. – Серия 3. Общественные науки. 2018. – Том 33. – Вып. 4. – С. 66-81.

Свистунова 1973 – *Свистунова А.И*. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX в.). – Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1973. – 149 с.

Сефербеков, Халидова 2018 – *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Влияние Октябрьской революции 1917 г. на хозяйство, быт и культуру народов Дагестана // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 137-142.

Синанов 2021 – *Синанов Б.А*. Русское население Северного Кавказа как объект научных исследований в новейшей историографии // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / под ред. *В.А. Тишкова*; сост. *Б.А. Синанов, В.В. Тишков*. – М.: ИЭА РАН, 2021. – С. 90-110.

Славяне и Русь… 1990 – Славяне и Русь (В зарубежной историографии): Сборник научных трудов / Отв. ред. П.П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1990. –152 с.

Солонин 2008 – *Солонин Э.В*. Казачество Северо-Восточного Кавказа в XVI–XIX вв.: социально-экономическое, военно-политическое и культурное развитие: дисс. канд. ист. наук. – Пятигорск: ПГТУ, 2008. – 181 с.

Суздальцева 1997 – *Суздальцева И.А*. Русское переселенческое движение на Северо-Восточный Кавказ в конце XIX – начале XX в.: Автореферат дисс… канд. ист. наук. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – 19 с.

Ткаченко 2005 – *Ткаченко Т.А*. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности: дисс. канд. ист. наук. – Пятигорск: ПГТУ, 2005. – 173 с.

Ткачёв 1912 – *Ткачёв Г.А*. Станица Червлённая: исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. – № 7–12. – Владикавказ: Тип. Терского Областного Правления, 1912. – Вып. 1. – 223 с.

Тотоев 1963 – *Тотоев М.С*. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. – 158 с.

Тотоев 1977 – *Тотоев М.С*. История русско-осетинских культурных связей. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 1977. – 192 с.

Туаева 2009 – *Туаева Б.В*. Терское казачество в российском социокультурном пространстве // Власть. – 2009. – № 8. – С. 68-70.

Хасбулатов 1958 – *Хасбулатов Ш.Д*. Народное образование в Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. – 79 с.

Хашаев 1958 – *Хашаев Х.-М.О.* Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России: Материал для лекторов. – Махачкала: [Без указания издательства], 1958. – 35 с.

Хорошхин 1881 – *Хорошхин М.П.* Казачьи войска: опыт военно-статистического описания. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1881. – 311 с.

Шагун 2022 – *Шагун Г.Е.* Положение русского и русскоязычного населения в постсоветских странах: современная историография вопроса (2017–2021 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: История и политические науки. – 2022. – № 3. – С. 133-139.

Шахбанова, Лысенко, Мамараев 2015 – *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2015. – 320 с.

Шмелёва 1994 – *Шмелёва М.Н.* Русские // Народы России: энциклопедия / Гл. ред. *В.А. Тишков*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 271-307.

Этнокультурные… 2014 – Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН) / Отв. ред. *М.-Р.А. Ибрагимов*. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.

Эфендиев 1960 – *Эфендиев А-К.И.* Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920–1940 гг.). – Махачкала: ДФ АН СССР, 1960. – 155 с.

Юдин 1914 – *Юдин П.А.* Терцы и их восточные соседи // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ: Тип. Терского Областного правления, 1914. – № 8. – С. 56-72.

Яковенко 2014 – *Яковенко Е.М.* Социально-экономическое и культурное развитие Кизляра в послевоенные годы. 1944-1956 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2014. – 29 с.

REFERENCES

ABAZA K.K. *Kazaki: Doncy, ural'cy, kubancy, tercy: Ocherki iz istorii i starodavnego kazackogo byta v obshhedostupnom izlozhenii, dlja chtenija v vojskah, sem'e i shkole* [Cossacks: Donets, Urals, Kuban, Terts: Essays from the history and ancient Cossack life in a public presentation, for reading in the army, family and school]. – SPb.: V. Berezovsky, 1890. – 334 s. (In Russ.).

ABILOV A.A. *Ocherki sovetskoj kul'tury narodov Dagestana* [Essays on the Soviet culture of the peoples of Dagestan]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1959. – 267 s. (In Russ.).

ALEKSANDROV V.A., TISHKOV V.A., SHMELJOVA M.N. *Russkie* [Russians]. IN: Narody i religii mira / Gl. red. V.A. Tishkov. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. – S. 438–461. (In Russ.).

ALIEVA V.F. *Russkoe naselenie Dagestana* [Russian population of Dagestan]. – Mahachkala: Tip. DNC RAN, 2001.– 66 s. (In Russ.).

AUSKIJ S. *Kazaki: Osoboe soslovie: Dok., kart., fot*. [Cossacks: Special estate: Documents, maps, photos] – M.: OLMA-PRESS; SPb.: Neva, 2002. – 446 s. (In Russ.).

AHMADOV SH.B. *Russkie pereselency v Severnom Dagestane na rubezhe XIX–XX vv*. [Russian settlers in Northern Dagestan at the turn of the 19th–20th centuries]. IN: Dagestan v sostave Rossii: istoricheskie korni druzhby narodov Rossii i Dagestana. – Mahachkala: Institut IJaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1990. – S. 158–163. (In Russ.).

BAGALIN D. *Ocherki po kolonizacii i bytu stepnyh okrain Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the colonization and life of the steppe outskirts of the Moscow State]. – M.: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1887. – 634 s. (In Russ.).

BENTKOVSKIJ I.V. *Zaselenie Chernomorii s 1792 po 1825 god: (Materialy dlja istorii kolonizacii Severnogo Kavkaza*) [The settlement of the Black Sea coast from 1792 to 1825: (Materials for the history of the colonization of the North Caucasus)]. – [Without indication of place of publication], 1880. – 216 s. (In Russ.).

BENTKOVSKIJ I.V. *Grebency: istoricheskoe issledovanie. 2-e izd*. [Grebentsy: a historical study. 2nd ed.] – M.: Rus. tipo-lit., 1889. – 195 s. (In Russ.).

BOROZDIN K.M. *Kolonizacija Kavkaza* [Colonization of the Caucasus]. IN: Nabljudatel'. – SPb., 1885. – № 5. – S. 129–147. (In Russ.).

BUGAJ N.F. *Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vozrozhdenie (1917–1996)* [Cossacks of Russia: rejection, recognition, revival (1917–1996)]. – M.: Mozhaisk: Terra, 2000. – 87 s. (In Russ.).

BULATOV B.B., OSMANOV A.I., SEFERBEKOV R.I. *Transformacija hozjajstva, byta i kul'tury narodov Dagestana v sovetskij i postsovetskij periody* [Transformation of the economy, life and culture of the peoples of Dagestan in the Soviet and post-Soviet periods]. IN: Kavkazologija. – 2018. – № 1. – S. 131–156. (In Russ.).

BULATOV B.B., SEFERBEKOV R.I. *Russkoe naselenie gorodov Dagestana: dinamika chislennosti i prichiny ottoka v postsovetskij period* [The Russian population of the cities of Dagestan: the dynamics of the number and reasons for the outflow in the post-Soviet period]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj respubliki. – 2018. – № 4 (41). – S. 104–111. (In Russ.).

VASIL'EV D.S. *Ocherki istorii nizov'ev Tereka: Dosovetskij period* [Essays on the history of the lower reaches of the Terek: the pre-Soviet period]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1986. – 244 s. (In Russ.).

VASIL'CHIKOV A.I. *Zemlevladenie i zemledelie v Rossii i drugih evropejskih gosudarstvah. V 2-h tomah* [Land ownership and agriculture in Russia and other European countries. In 2 volumes]. – SPb.: tip. M. Stasjulevicha, 1876. – T. 1. – 565 s.; T. 2. – 443 s. (In Russ.).

VEJDENBAUM E.G. *Putevoditel' po Kavkazu* [Caucasus guide]. – Tiflis: Tip. Kancel. glavnonachal'stvujushhego Grazhd. chast'ju na Kavkaze, 1888. – 464 s. (In Russ.).

VINOGRADOV B.V. *Istorija rossijskogo Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XIX veka* [History of the Russian North Caucasus in the 18th – early 19th centuries]. – Slavjansk-na-Kubani: Izdat. centr SGPI, 2010. – 398 s. (In Russ.).

GADZHIEV A.C. Rol' russkogo naroda v istoricheskih sud'bah narodov Dagestana [The role of the Russian people in the historical destinies of the peoples of Dagestan]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1964.– 228 s. (In Russ.).

GADZHIEV V.G. *Prisoedinenie Dagestana k Rossii* [Accession of Dagestan to Russia]. IN: Uchenye zapiski Instituta istorii, jazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR (UZ IIJaL). – Mahachkala: Institut IJaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1956. – T. 1. – S. 7–41. (In Russ.).

GADZHIEV V.G. *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [The role of Russia in the history of Dagestan]. – M.: Nauka, 1965. – 392 s. (In Russ.).

GAL'CEV V.S. *Iz istorii kolonizacii Severnogo Kavkaza* [From the history of the colonization of the North Caucasus]. IN: Izvestija Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. – Ordzhonikidze, 1957. – T. XIX. – S. 101–114. (In Russ.).

GARUNOVA N.N. *Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoj, jekonomicheskoj i kul'turnoj integracii* [Russian fortified cities in the context of Russian policy in the Northeast Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries: problems of political, economic and cultural integration]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2007. – 275 s. (In Russ.).

GIMBATOVA M.B. *Muzhchina i zhenshhina v tradicionnoj kul'ture nizhneterskih kazakov (XIX–XX). 2014 g*. [Man and woman in the traditional culture of the Lower Terek Cossacks (XIX XX). 2014]. IN: Nauchnyj arhiv Instituta IAJe DFIC RAN. – F. 3. – Op. 3. – D. 1135. – 270 s. (In Russ.).

GRIGOR'EV A.F. *Istoriko-antropologicheskie aspekty avtohtonnoj paradigmy jetnogeneza grebenskih kazakov: gipotezy i argumenty* [Historical and anthropological aspects of the autochthonous paradigm of the ethnogenesis of the Grebensky Cossacks: hypotheses and arguments]. IN: KANT. – 2016. – № 3 (20). – S. 11–17. (In Russ.).

GRICENKO N.P. *Goroda Severo-Vostochnogo Kavkaza i proizvoditel'nye sily kraja. V – ser. XIX v.* [Cities of the North-Eastern Caucasus and the productive forces of the region. V - ser. 19th century]. – Rostov-na-Donu: Publishing House of Rostov University, 1984. – 159 s. (In Russ.).

DAGESTAN V SOSTAVE ROSSII: *Istoricheskie korni druzhby narodov Rossii i Dagestana: Regional'naja nauchnaja konferencija (g. Mahachkala, 26–27 nojabrja 1987 g.*) [Dagestan as part of Russia: The historical roots of friendship between the peoples of Russia and Dagestan: Regional scientific conference (Makhachkala, November 26–27, 1987)]. – Mahachkala: Tip. Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1987. – 58 s. (In Russ.).

DEBU I.L. *O Kavkazskoj Linii i prisoedinennom k nej Chernomorskom vojske, ili obshhie zamechanija o poselennyh polkah, ograzhdajushhih Kavkazskuju Liniju, i o sosedstvennyh gorskih narodah. S 1816 po 1826 god* [About the Caucasian Line and the Black Sea Army attached to it, or general remarks about the settled regiments fencing the Caucasian Line, and about the neighboring mountain peoples]. – SPb.: Tip. Karla Krajja, 1829. – 504 s. (In Russ.).

DZIDZOEV V.D. Vklad professora M.S. Totoeva v nauku i v razvitie nauchnogo potenciala Severnogo Kavkaza [The contribution of Professor M.S. Totoev in science and in the development of the scientific potential of the North Caucasus]. IN: Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. – 2013. – T. 13. – № 2. – S. 30–34. (In Russ.).

DMITRIENKO I.I. *Materialy k istorii Terskogo kazach'ego vojska* [Materials for the history of the Terek Cossack army]. IN: Terskij sbornik. Vyp. 4 (21). – Vladikavkaz: Tip. obl. pravlenija Terskoj obl., 1897. – S. 273–352. (In Russ.).

DUBROVIN N.F. *Istorija vojn i vladychestva russkih na Kavkaze. V 8 tomah i knigah* [History of wars and domination of Russians in the Caucasus. In 8 volumes and books]. – SPb.: Printing house of the Department of Appanages, 1871–1888. – T. 1–6; – T. 1. Kn. 1. 640 s.; – T. 1. Kn. 2. 423 s.; – T.1 Kn. 3. 454 s.; – T. 2. 318 s.; – T. 3. 550 s.; – T. 4. 536 s.; – T. 5. 495 s.; – T. 6. 756 s. (In Russ.).

DUDAREV S.L. *O polozhenii russkih i «russkojazychnyh» na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.* [On the position of Russians and "Russian-speakers" in the North Caucasus in the second half of the 20th - early 21st centuries]. IN: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Geopoliticheskie interesy Rossii na Kavkaze: opyt realizacii i problemy» (g. Derbent, 23 aprelja 2009 g.). – Derbent: Derbent branch of Dagestan State University, 2009. – S. 338–341. (In Russ.).

DJUKAREV A.V. *Genealogicheskie svjazi kubanskogo kazachestva v sisteme jetnokul'turnyh otnoshenij narodov Severnogo Kavkaza* [Genealogical links of the Kuban Cossacks in the system of ethno-cultural relations of the peoples of the North Caucasus]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Severnyj Kavkaz: geopolitika, istorija, kul'tura». V 2-h chastjah. – M.: Stavropol', 2001. – Ch.1. – S. 256–258. (In Russ.).

DJUKAREV A.V. *Istoricheskaja pamjat' juzhnorusskogo kazachestva i narodov Severnogo Kavkaza: problemy, paralleli, tochki soprikosnovenija* [Historical memory of the South Russian Cossacks and the peoples of the North Caucasus: problems, parallels, points of contact]. IN: WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY. – 2020. – T. XVII. – No 4. – S. 179–187. (In Russ.).

DJUKAREV A.V., DJUKAREVA I.A. *Obraz vojny v soznanii kuban¬skogo kazachestva: mezhdu istoricheskoj politikoj i istoricheskoj pamjat'ju* [The image of war in the minds of the Kuban Cossacks: between historical politics and historical memory]. IN: Vojna v chelovecheskom izmerenii: ideologija, psiholo¬gija, povsednevnost', istoricheskaja pamjat'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 20 marta 2020 g.) / otv. red. O.V. Belousova, E.S. Senjavskaja. – SPb.: Aletheia, 2021. – S. 87–92. (In Russ.).

DJUKAREV A.V., DJUKAREVA I.A. *Memorial'naja politika pamjati v kontekste formirovanija regional'noj identichnosti: sravnitel'nyj analiz kubanskogo kazachestva i adygskogo naroda (1990–2020-e gg.)* [Memorial politics of memory in the context of the formation of regional identity: a comparative analysis of the Kuban Cossacks and the Adyghe people (1990–2020s)]. IN: Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov «Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istorija, politika, kul'tura» (g. Pjatigorsk, 14–15 oktjabrja 2021 g.) / otv. red. akad. G.G. Matishov. V 2-h chastjah. – Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, 2021.Ch. 2. S. 287–297. (In Russ.).

DJUKAREV A.V., DJUKAREVA I.A. *Osobennosti funkcionirovanija istoricheskoj pamjati lokal'noj jetnosocial'noj gruppy: kubanskoe kazachestvo v prostranstve Severnogo Kavkaza (1990–2020-e gg.)* [Features of the functioning of the historical memory of a local ethno-social group: the Kuban Cossacks in the space of the North Caucasus (1990–2020s)]. IN: Materialy IX Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov «Narody Kavkaza v XVIII – XXI vv.: istorija, politika, kul'tura», posvjashhennogo 100-letiju obrazovanija SSSR (g. Cherkessk, 17–18 oktjabrja 2022 g.). Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2022. S. 460–465. (In Russ.).

ZUL'PUKAROVA JE.M.-G. *Formirovanie i dejatel'nost' dagestanskoj intelligencii (konec XIX – seredina XX v.)* [Formation and activities of the Dagestan intelligentsia (end of the 19th - middle of the 20th century)]. –Mahachkala: «Jupiter», 2003. – 360 s. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.-R.A. *K istorii formirovanija russkogo naselenija Dagestana (vtoraja polovina XVI – nachalo XX v.)* [On the history of the formation of the Russian population of Dagestan (the second half of the 16th - the beginning of the 20th century)]. IN: Sovetskaja jetnografija. – 1978. – № 2. – S. 83–95. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.-R.A. *Osnovnye jetapy formirovanija russkogo naselenija Dagestana* [The main stages in the formation of the Russian population of Dagestan]. IN: Dagestan v sostave Rossii: Istoricheskie korni druzhby narodov Rossii i Dagestana. – Mahachkala: Institut istorii, jazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1990. – S. 65–68. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.-R.A. *Russkoe naselenie Dagestana i Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XX veka: problemy demograficheskogo razvitija* [The Russian population of Dagestan and the North Caucasus in the second half of the 20th century: problems of demographic development]. IN: Polijetnichnoe obshhestvo, vlast' i demokratija v Rossii: sb. statej. – M.: Mahachkala, 2012. – 672 s. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I., LYSENKO JU.M. *Dagestanskie russkie: istorija i sovremennost'* [Dagestan Russians: history and modernity]. IN: Materialy Vserossijskoj konferencii «Severnyj Kavkaz: geopolitika, istorija, kul'tura». V 2-h chastjah. – Moskva: Stavropol', 2001. – Ch. 1. – S. 217–220. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Dagestan i Rossija v XVIII – pervoj polovine XIX veka* [Dagestan and Russia in the 18th – first half of the 19th centuries]. – Mahachkala: Tip. DNC RAN, 2001. – 226 s. (In Russ.).

INOZEMCEV E.I. *Formirovanie nizhneterskogo kazachestva (XVI–XVIII vv.)* [Formation of the Nizhnetersky Cossacks (XVI-XVIII centuries)]. IN: Narody Dagestana. – 2001. – № 3. – S. 23–27. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Nizhneterskoe kazachestvo: istoricheskie osobennosti formirovanija* [Nizhnetersk Cossacks: historical features of formation]. IN: Terskoe kazachestvo: istorija, sovremennost': sb. st. i dokl. Regional'noj nauchnoj konferencii (g. Kizljar, 22 sentjabrja 2006 g.). – Mahachkala: «Raduga», 2006. – S. 20–25. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Nizhneterskoe kazachestvo: istoricheskie osobennosti formirovanija* [Nizhnetersk Cossacks: historical features of formation]. IN: Kizljar – stolica Nizhne-Terskogo kazachestva / Sost. L.N. Dubova. – Mahachkala: Dagestan book publishing house, 2010. – S. 24–29. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Tersko-grebenskoe kazachestvo kak neot#emlemaja chast' severokavkazskoj istoriko-kul'turnoj obshhnosti (XV–XVIII vv.*) [Tersko-Grebensky Cossacks as an integral part of the North Caucasian historical and cultural community (XV-XVIII centuries)]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rol' i znachenie A.A. Kadyrova v novejshej istorii Chechenskoj respubliki i Rossijskoj Federacii», posvjashhennoj 60-letiju so dnja rozhdenija Pervogo Prezidenta Chechenskoj respubliki, Geroja Rossii A.A. Kadyrova. – Groznyj: Federal State Unitary Enterprise Publishing and Printing Complex «Groznensky Rabochiy», 2011. – S. 225–236. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I., LYSENKO JU.M. *Rol' russkoj intelligencii v stanovlenii srednih special'nyh i vysshih uchebnyh zavedenij Dagestana v 20-e – 30-e gg. XX v.* [The role of the Russian intelligentsia in the formation of secondary specialized and higher educational institutions of Dage-

stan in the 20s - 30s. 20th century]. IN: Materialy Pervoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Russkoe naselenie Severnogo Kavkaza: istorija i sovremennost'». – Mahachkala: DGINH, 2012. – S. 206–217. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Kazachestvo Rossii v kontekste krupnomasshtabnoj vneshnepoliticheskoj akcii nizovogo korpusa imperatorskih vojsk v Jugo-Zapadnom Prikaspii (1722–1735 gg.*) [The Cossacks of Russia in the Context of the Large-Scale Foreign Policy Action of the Grassroots Corps of the Imperial Troops in the South-Western Caspian Region (1722–1735)]. IN: Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii. – 2016. – № 2 (46). – S. 13–19. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I. *Tersko-grebenskoe starozhil'cheskoe kazachestvo v severokavkazskom istoriko-kul'turnom kontekste: vzaimodejstvie, vzaimovozdejstvie, mezhjetnicheskaja tolerantnost'* [Terek-Grebensk old-timer Cossacks in the North Caucasian historical and cultural context: interaction, interaction, interethnic tolerance]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2018. – № 5 (42). – S. 18–22. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I., KIDIRNIJAZOV D.S. *Kul'turnoe i hozjajstvenno-jekonomicheskoe nasledie terskogo kazachestva kak resursa mezhjetnicheskoj tolerantnosti na Severo-Vostochnom Kavkaze* [Cultural and Economic Legacy of the Terek Cossacks as a Resource for Interethnic Tolerance in the Northeast Caucasus]. IN: Materialy regional'noj nauchnoj konferencii «Fol'klor v semejnoj i obshhinnoj zhizni Nizhneterskogo kazachestva. – Mahachkala: Dagestan regional branch of the Russian OOGP society «Knowledge»; Publishing house «Rainbow», 2017. – S. 71–82. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I., KIDIRNIJAZOV D.S. *Nekotorye osobennosti kul'turno-integracionnyh processov juzhnorusskogo kazachestva s narodami Severnogo Kavkaza* [Some features of the cultural and integration processes of the South Russian Cossacks with the peoples of the North Caucasus]. IN: Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnacional'nogo soglasija: sb. nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (g. Gelendzhik, 13–15 oktjabrja 2017 g.). – Krasnodar: OOO «Jekoinvest», 2018. – S. 611–624. (In Russ.).

INOZEMCEVA E.I., KIDIRNIJAZOV D.S. *Nizhnee Priterech'e kak istoriko-kul'turnyj brend mezhjetnicheskoj i mezhkonfessional'noj tolerantnosti pod «sberegajushhim krylom Rossii» vo vtoroj polovine XVI–XVIII veke* [Lower Priterechye as a Historical and Cultural Brand of Interethnic and Interfaith Tolerance under the “Saving Wing of Russia” in the Second Half of the 16th–18th Centuries]. IN: Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnacional'nogo soglasija: sb. nauch. st. po itogam mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (s. Kabardinka, g. Gelendzhik, 12–14 oktjabrja 2018 g.). – M.: Institut nasledija, 2019. – S. 165–175. (In Russ.).

ISTORIJA DAGESTANA. V 4-h t. [History of Dagestan. In 4 volumes] – M.: Nauka, 1968. – T. III. – 368 s. (In Russ.).

ISTORIJA KABARDINO-BALKARSKOJ ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnej / Glav. red. T.H. Kumykov. V 2-h t. [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day / Chapters. ed. T.Kh. Kumykov. In 2 volumes] – M.: Nauka, 1967. – T. 2. – 439 s. (In Russ.).

ISTORIJA MNOGOVEKOVYH vzaimootnoshenij i edinenija narodov Dagestana s Rossiej: K 150-letiju okonchatel'nogo vhozhdenija Dagestana v sostav Rossii / Otv. red. A.I. Osmanov [The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan with Russia: On the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia / Ed. ed. A.I. Osmanov]. – Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2009. – 752 s. (In Russ.).

ISTORIJA NARODOV SEVERNOGO KAVKAZA (konec HVIII v. – 1917 g.) / Otv. red. A.L. Narochnickij [History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century - 1917) / Responsible ed. A.L. Narochnitsky]. – M.: Nauka, 1988. – 659 s. (In Russ.).

ISTORIJA SEVERO-OSETINSKOJ ASSR: sovetskij period / Pod red. M.S. Totoeva. V 2-h t. [History of the North Ossetian ASSR: the Soviet period / Ed. M.S. Totoev. In 2 volumes] – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – T. 2. – 434 s. (In Russ.).

KAZANBIEV M.A. *Nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Dagestane 1920–1940 gg.* [Nation-state construction in Dagestan 1920–1940]. – Mahachkala: Dagknigoizdat, 1960. – 144 s. (In Russ.).

KAZACH'I VOJSKA / Sost. V.H. Kazin; pod red. V.K. Shenk. [Cossack troops / Comp. V.Kh. Kazin; ed. V.C. Shenk] – SPb.: Tip. V.D. Smirnova, 1912. – 462 s. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH., JEFENDIEV M.A. *Uspehi kul'turnogo stroitel'stva v Dagestane za gody Sovetskoj vlasti* [Successes of cultural construction in Dagestan during the years of Soviet power]. IN: Uchenye zapiski Instituta IJaL Dagestanskogo filiala AN SSSR. Mahachkala: IIJaL DF AN SSSR, 1958. T. IV. S. 120–161. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Dagestane (1920–1940 gg.)* [Cultural construction in Dagestan (1920–1940)]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1960. 183 s. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Ocherki istorii kul'tury narodov Dagestana* [Essays on the history of culture of the peoples of Dagestan]. M.: Nauka, 1971. 475 s. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Formirovanie socialisticheskoj intelligencii na Severnom Kavkaze* [Formation of the socialist intelligentsia in the North Caucasus]. M.: Nauka. 1988. 336 s. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Obrazovanie i nauka v Dagestane v XX veke* [Education and science in Dagestan in the 20th century]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 2007. 464 s. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Rossija i progress kul'tury narodov Dagestana (konec XIX – 30-e gg. XX v.*) [Russia and the progress of the culture of the peoples of Dagestan (the end of the 19th - 30s of the 20th century)]. Mahachkala: «Alef», 2008. 276 s. (In Russ.).

KARAULOV M.A. *Terskoe kazachestvo v proshlom i nastojashhem (pamjatka terskogo kazaka*) [Terek Cossacks in the past and present (memo of the Terek Cossack)]. Vladikavkaz: Vojskovoj shtab Terskogo kazach'ego vojska, 1912. 384 s. (In Russ.).

KAUFMAN A.A. *Svod trudov mestnyh komitetov po Kavkazu, oblasti vojska Donskogo, Sibiri, Stepnomu kraju i Turkestanu* [Code of proceedings of local committees for the Caucasus, the region of the Don army, Siberia, the Steppe region and Turkestan]. SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1904. 855 s. (In Russ.).

KAUFMAN A.A. *Pereselenija i kolonizacija* [Migration and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshhestvennaja pol'za», 1905. 349 s. (In Russ.).

KAUFMAN A.A. *Avtobiografija* [Autobiography]. IN: Istoriko-jekonomicheskie issledovanija. 2015. T. 16. № 1. S. 151–180. (In Russ.).

KOVALEVSKAJA E.A. *Hozjajstvennaja dejatel'nost' russkogo naselenija v Dagestane vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v*. [Economic activity of the Russian population in Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries]. IN: Avtoreferat diss. … kand. ist. nauk. Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2004. 20 s. (In Russ.).

KOVALEVSKIJ P.I. *Kavkaz: v 2-h tomah* [Caucasus: in 2 volumes]. SPb.: tip. M.I. Akinfieva, 1914–1915. T.1: Narody Kavkaza. 344 s.; T.2: Istorija zavoevanija Kavkaza. 270 s. (In Russ.).

KOZUBSKIJ E.I. *Pamjatnaja knizhka Dagestanskoj oblasti* [Commemorative book of the Dagestan region]. Temir-Han-Shura: «Russkaja tip.» V.M. Sorokina, 1895. 724 s. (In Russ.).

KOZUBSKIJ E.I. *Istorija goroda Derbenta* [History of the city of Derbent]. Temir-Han-Shura: «Russkaja tip.» V.M. Sorokina, 1906. 464 s. (In Russ.).

KRAVCOV I.S. *Ocherk o nachale Terskogo kazach'ego vojska* [Essay on the beginning of the Terek Cossack army]. Har'kov: Tip. I.M. Varshavchika, 1882. 80 s. (In Russ.).

KRINKO E.F. *Istoriko-kul'turnoe nasledie kazachestva Juga Rossii: praktiki memorializacii* [Historical and cultural heritage of the Cossacks of the South of Russia: memorialization practices]. IN: Kul'turno-poznavatel'¬nyj turizm Juga Rossii kak strategicheskij resurs ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik nauchnyh statej / otv. red. A.V. Krjukov. Krasnodar: Alpha Polygraph+, 2015. S. 126–136. (In Russ.).

KURKOV G.M. *Kollaboracionizm sredi kazachestva v 1942–1943 gg.: Prichiny i sushhnost'* [Collaborationism among the Cossacks in 1942–1943: Reasons and essence]. IN: Kul'turnyj landshaft regionov. 2022. T. 4. № 1. S. 8–25. (In Russ.).

LUGUEV S.A., MANSUROV M.H. *Russkie* [Russians]. IN: Narody Dagestana / Otv. red. S.A. Arutjunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. M.: Nauka, 2002. S. 540–558. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Severnyj Dagestan 1957–2000 gg. (aspekty social'no-jekonomicheskogo razvitija Kizljara, Kizljarskogo i Tarumovskogo rajonov)* [Northern Dagestan 1957–2000 (aspects of socio-economic development of Kizlyar, Kizlyar and Tarumovsky districts)]. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 2005. 147 s. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Vozrozhdenie Terskogo kazachestva: Istorija, problemy* [Revival of the Terek Cossacks: History, problems]. IN: Terskoe kazachestvo: istorija, sovremennost': sb. st. i dokladov Regional'noj nauchnoj konferencii (g. Kizljar, 22 sentjabrja 2006 g.). Mahachkala: «Raduga», 2006. S. 73–76. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Russkie Dagestana v sisteme mezhnacional'nyh otnoshenij (1990-2000 gg.*) [Russians of Dagestan in the system of interethnic relations (1990-2000)]. IN: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii «Mezhnacional'nye otnoshenija na Severnom Kavkaze: problemy i perspektivy» (g. Derbent, 19 aprelja 2007 g.). Derbent: Derbent branch of the Dagestan State Pedagogical University, 2007. S. 150–152. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Sovremennye sociokul'turnye problemy russkogo naselenija Severnogo Kavkaza* [Modern socio-cultural problems of the Russian population of the North Caucasus]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sociokul'turnye problemy Kavkazskogo regiona v kontekste globalizacii» (g. Nal'chik, 14–16 maja 2007 g.). Nal'chik: Publishing house of M. and V. Kotlyarov, 2007. S. 128–132. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *K istorii stanovlenija russkogo jazyka kak sredstva mezhnacional'nogo obshhenija v Dagestane (20–30-e gody XX v.*) [On the history of the formation of the Russian language as a means of interethnic communication in Dagestan (20-30s of the XX century)]. IN: Russkij jazyk v istorii i kul'ture narodov Dagestana: Sb. st. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 2007. S. 87–92. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *«Russkie rajony» Dagestana: problemy jetnodemograficheskogo razvitija (vtoraja polovina XX v.*) ["Russian regions" of Dagestan: problems of ethno-demographic development (second half of the 20th century)]. IN: Russkij jazyk v istorii i kul'ture narodov Dagestana: Sb. st. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 2007. S. 125–131. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Kazachestvo nizov'ev Tereka: k istorii vozrozhdenija, problemy* [Cossacks of the lower reaches of the Terek: to the history of the revival, problems]. IN: Materialy Shestoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj konferencii «Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza». Krasnodar: Armavir, 2008. S. 144–148. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Russkoe naselenie Severo-Vostochnogo Kavkaza: problemy i perspektivy* [Russian population of the North-Eastern Caucasus: problems and prospects]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Problemy i perspektivy social'no-jekonomicheskogo i nauchno-tehnologicheskogo razvitija juzhnyh regionov» (g. Rostov-na-Donu, 21–22 sentjabrja 2009 g.). Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. S. 196–198. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Fol'klornye jekspedicii i sobiranie kazach'ih pesen – vazhnyj faktor sohranenija kul'turnogo nasledija terskogo kazachestva* [Folklore expeditions and collecting Cossack songs are an important factor in preserving the cultural heritage of the Terek Cossacks]. IN: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Fol'klor kazachestva kak neot#emlemaja chast' Severo-Kavkazskogo jetnokul'turnogo prostranstva», posvjashhennoj 275-letiju goroda Kizljara (g. Kizljar, 24–25 sentjabrja 2010 g.). Mahachkala: «Rainbow», 2010. S. 5–13. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Problemy sohranenija fol'klora kazachestva nizov'ev Tereka: istorija i sovremennost'* [Problems of preserving the folklore of the Cossacks of the lower reaches of the Terek: history and modernity]. IN: Materialy mezhregional'nogo nauchno-metodicheskogo seminara «Nematerial'noe kul'turnoe nasledie kak osnova social'noj modernizacii» v ramkah mezhdunarodnogo jetnosocial'nogo proekta «Del'ta Volgi bez granic». Astrahan': Publisher «Sorokin Roman Vasilyevich», 2011. S. 34–39. (In Russ.).

LYSENKO JU.M. *Koordinacionnyj sovet po Severnomu regionu Respubliki Dagestan: opyt i problemy dejatel'nosti* [Coordinating Council for the Northern Region of the Republic of Dagestan: experience and problems of activity]. IN: Materialy vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii «Edinstvo narodov Rossii: mezhnacional'nyj, mezhkul'turnyj i mezhreligioznyj dialog», posvjashhennoj 85-letiju Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Mahachkala: Izd-vo DGU, 2016. S. 71–76. (In Russ.).

MAGOMEDOV R.M., NAZAREVICH A.I. *Dagestanskaja ASSR: 25 let bor'by i truda v sostave Rossijskoj Federacii* [Dagestan ASSR: 25 years of struggle and labor as part of the Russian Federation]. Mahachkala: Dagestanskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945. 170 s. (In Russ.).

MAGOMEDOV R.M. *Rossija i Dagestan: stranicy istorii* [Russia and Dagestan: pages of history]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1987. 127 s. (In Russ.).

MAKSIMOV E.D. *Terskoe kazach'e vojsko: Istoriko-statisticheskij ocherk* [Terek Cossack Host: Historical and Statistical Essay]. Vladikavkaz: Tip. Obl. pravl. Ter. obl., 1890. 167 s. (In Russ.).

MANSUROV M.H. *Russkie pereselency v Dagestane (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.*) [Russian settlers in Dagestan (second half of the 19th - early 20th centuries)]. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 1994. 155 s. (In Russ.).

MATVEEV O.V., ZUDIN A.I., VORONIN V.V. *Russkie Chechni (po materialam jekspedicij 2018 g.*) [Russian Chechnya (based on materials from expeditions in 2018)]. Rostov-na-Donu: Akademija nauk Chechenskoj Respubliki; Pechatnaja lavka, 2018. 136 s. (In Russ.).

MACIEVSKIJ G.O. *Gosudarstvo i kazachestvo v XVI – nachale XIX v. (jevoljucija politicheskih otnoshenij*) [The state and the Cossacks in the 16th - early 19th centuries. (evolution of political relations)]. IN: Genesis: istoricheskie issledovanija. 2016. № 4. S. 122–136. (In Russ.).

MUTIEVA O.S. *Rol' zhenshhiny-kazachki v zhizni naselenija Nizhnego Tereka v XIX – nachale XX v.* [The role of a Cossack woman in the life of the population of the Nizhny Terek in the 19th - early 20th centuries]: diss. kand. ist. nauk. Mahachkala: DGU, 2004. 159 s. (In Russ.).

NAHSHUNOV I.R. *Jekonomicheskie posledstvija prisoedinenija Dagestana k Rossii (Dooktjabr'skij period*) [Economic consequences of the accession of Dagestan to Russia (pre-October period)]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1956. 157 s. (In Russ.).

OMEL'CHENKO I.L. *Terskoe kazachestvo* [Terek Cossacks]. Vladikavkaz: «Ir», 1991. 299 s. (In Russ.).

OCHERKI ISTORII DAGESTANA / Otv. red. Kosven M.O. V 2-h t. [Essays on the history of Dagestan / Ed. ed. Kosven M.O. In 2 volumes]. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1957. T. 1. 392 s. (In Russ.). (In Russ.).

OCHERKI ISTORII CHECHENO-INGUSHSKOJ ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnej. V 2-h t. [Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR from ancient times to the present day. In 2 volumes]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1972. T. 2: 1917–1970. 360 s. (In Russ.).

PATRAKOVA V.F., CHERNOUS V.V. *Russkie* [Russians]. IN: Narody Juga Rossii / Pod red. A.A. Ozerov. Rostov-na-Donu: OOO «Fond nauki i obrazovanija», 2016. S. 376–384. (In Russ.).

TRUT V.P. *Kazachestvo* [Cossacks]. IN: Narody Juga Rossii / Pod red. A.A. Ozerov. Rostov-na-Donu: OOO «Fond nauki i obrazovanija», 2016. S. 271–274. (In Russ.).

PIVOVAROV A.N. *Donskie kazaki: Kratkij sbornik rasskazov iz voennoj zhizni doncov, o ih hrabrosti, nahodchivosti v boju, predannosti dolgu i proch* [Don Cossacks: A short collection of stories from the military life of the Don, about their courage, resourcefulness in battle, devotion to duty, etc.]. Novocherkassk: «Donskaja tipografija», 1892. 271 s. (In Russ.).

PONOMAREV O.P. *Materialy k istorii Terskih kazakov* [Materials for the history of the Terek Cossacks]. IN: Terskie novosti. 1903. № 85. 3 aprelja. (In Russ.).

POPKO I.D. *Terskie kazaki so starodavnih vremen: istoricheskij ocherk* [Terek Cossacks from ancient times: a historical essay]. SPb.: Tip. Departamenta udelov, 1880. Vyp.1. 517 s. (In Russ.).

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva. V 2-h tomah* [Two centuries of the Terek Cossacks. In 2 volumes]. Vladikavkaz: Tipografija Terskogo Oblastnogo pravlenija, 1912. T. 1. 130 s.; T. 2. 256 s. (In Russ.).

RAVINSKIJ I.V. *Hozjajstvennoe opisanie Astrahanskoj i Kavkazskoj gubernij: Po grazhdanskomu i estestvennomu ih sostojaniju. V otnoshenii k zemledeliju, promyshlennosti i domovodstvu* [Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces: According to their civil and natural state. In relation to agriculture, industry and home economics]. SPb.: Imperatorskaja tip., 1809. 527 s. (In Russ.).

RAKACHJOV V.N., RAKACHJOVA A.V. *Russkoe naselenie Severnogo Kavkaza kak jetnograficheskaja gruppa: osobennosti samosoznanija i samopreprezentacii* [Russian population of the North Caucasus as an ethnographic group: features of self-consciousness and self-representation]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. 2018. № 5 (42). S. 23–28. (In Russ.).

RZHEVUSSKIJ L.A. *Tercy: Sbornik istoricheskih, bytovyh i geograficheskо-statisticheskih svedenij o Terskom kazach'em vojske* [Tertsy: Collection of historical, everyday and geographical-statistical information about the Terek Cossack army]. Vladikavkaz: Tip. Oblastnogo Pravlenija Terskoj obl., 1888. 287 s. (In Russ.).

RIZAHANOVA M.SH. *Dagestanskie russkie. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Dagestan Russians. 19th – early 20th century: Historical and ethnographic research]. Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2001. 188 s. (In Russ.).

RUSSKIE / Otv. red. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishhuk [Russians / Resp. ed. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polischuk]. M.: Nauka, 1997. 828 s. (In Russ.).

SAIDOV A.A. *Russkij narod i nacional'naja politika v Dagestane* [Russian people and national policy in Dagestan]. IN: Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Obshhestvennye nauki. 2018. Tom 33. Vyp. 4. S. 66–81. (In Russ.).

SVISTUNOVA A.I. *Progressivnaja dejatel'nost' russkoj intelligencii v Dagestane (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.*) [Progressive activity of the Russian intelligentsia in Dagestan (second half of the 19th - early 20th centuries)]. Mahachkala: Institut IJaL Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1973. 149 s. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., HALIDOVA O.B. *Vlijanie Oktjabr'skoj revoljucii 1917 g. na hozjajstvo, byt i kul'turu narodov Dagestana* [The influence of the October Revolution of 1917 on the economy, life and culture of the peoples of Dagestan]. IN: Voprosy istorii. 2018. № 3. S. 137–142. (In Russ.).

SINANOV B.A. *Russkoe naselenie Severnogo Kavkaza kak ob#¬ekt nauchnyh issledovanij v novejshej istoriografii* [The Russian population of the North Caucasus as an object of scientific research in modern historiography]. IN: Isto-richeskaja i jetnokul'turnaja tematika v uchebnom, nauchnom i ob¬shhestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza / pod red. V.A. Tishkova; sost. B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. M.: IJeA RAN, 2021. S. 90–110. (In Russ.).

SLAVJANE I RUS' (*V zarubezhnoj istoriografii): Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. P.P. Tolochko* [Slavs and Rus' (In foreign historiography): Collection of scientific papers / Responsible editor. P.P. Tolochko]. Kiev: Naukova dumka, 1990. 152 s. (In Russ.).

SOLONIN JE.V. *Kazachestvo Severo-Vostochnogo Kavkaza v XVI–XIX vv.: social'no-jekonomicheskoe, voenno-politicheskoe i kul'turnoe razvitie* [Cossacks of the North-Eastern Caucasus in the 16th–19th centuries: socio-economic, military-political and cultural development]. IN: diss. kand. ist. nauk. Pjatigorsk: PGTU, 2008. 181 s. (In Russ.).

SUZDAL'CEVA I.A. *Russkoe pereselencheskoe dvizhenie na Severo-Vostochnyj Kavkaz v konce XIX – nachale XX v.* [Russian resettlement movement to the North-Eastern Caucasus in the late 19th - early 20th centuries]. IN: Avtoreferat diss. … kand. ist. nauk. Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 1997. 19 s. (In Russ.).

TKACHENKO T.A. *Vlijanie gosudarstva na jevoljuciju social'noj struktury terskogo kazachestva v XVII–XVIII vv.: jetapy i osobennosti* [The Influence of the State on the Evolution of the

Social Structure of the Terek Cossacks in the 17th–18th Centuries: Stages and Peculiarities]. IN: diss. kand. ist. nauk. Pjatigorsk: PGTU, 2005. 173 s. (In Russ.).

TKACHJOV G.A. *Stanica Chervljonnaja: istoricheskij ocherk* [Stanitsa Chervlyonnaya: a historical sketch]. IN: Sbornik obshhestva ljubitelej kazach'ej stariny. № 7–12. Vyp. 1. Vladikavkaz: Printing house of the Terek Regional Board, 1912. 223 s. (In Russ.).

TOTOEV M.S. Iz istorii druzhby osetinskogo naroda s velikim russkim narodom [From the history of friendship between the Ossetian people and the great Russian people]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 158 s. (In Russ.).

TOTOEV M.S. Istorija russko-osetinskih kul'turnyh svjazej [History of Russian-Ossetian cultural ties]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet im. K.L. Hetagurova, 1977. 192 s. (In Russ.).

TUAEVA B.V. *Terskoe kazachestvo v rossijskom sociokul'turnom prostranstve* [Terek Cossacks in the Russian sociocultural space]. IN: Vlast'. 2009. № 8. S. 68–70. (In Russ.).

HASBULATOV SH.D. *Narodnoe obrazovanie v Dagestane* [Public education in Dagestan]. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1958. 79 s. (In Russ.).

HASHAEV H.-M.O. *Progressivnoe znachenie prisoedinenija Dagestana k Rossii: Material dlja lektorov* [The Progressive Significance of the Accession of Dagestan to Russia: Material for Lecturers]. Mahachkala: [Without publisher], 1958. 35 s. (In Russ.).

HOROSHHIN M.P. *Kazach'i vojska: opyt voenno-statisticheskogo opisanija* [Cossack troops: experience of military-statistical description]. SPb.: tip. A. S. Suvorina, 1881. 311 s. (In Russ.).

SHAGUN G.E. *Polozhenie russkogo i russkojazychnogo naselenija v postsovetskih stranah: sovremennaja istoriografija voprosa (2017–2021 gg.*) [The situation of the Russian and Russian-speaking population in the post-Soviet countries: modern historiography of the issue (2017–2021)]. IN: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 2022. № 3. S. 133–139. (In Russ.).

SHAHBANOVA M.M., LYSENKO JU.M., MAMARAEV R.M. *Dagestanskie russkie: istoriko-sociologicheskoe issledovanie* [Dagestan Russians: a historical and sociological study]. Mahachkala: Institut IAJe DNC RAN, 2015. 320 s. (In Russ.).

SHMELJOVA M.N. *Russkie* [Russians]. IN: Narody Rossii: jenciklopedija / Gl. red. V.A. Tishkov. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. S. 271–307. (In Russ.).

JETNOKUL'TURNYE *landshafty na postsovetskom prostranstve: problemy i osobennosti formirovanija dagestanskogo komponenta (k 90-letiju IIAJe DNC RAN) / Otv. red. M.-R.A. Ibragimov* [Ethno-cultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the formation of the Dagestan component (on the 90th anniversary of the Institute of Nuclear Energy, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) / Managing editor M.-R.A. Ibragimov]. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 2014. 236 s. (In Russ.).

JEFENDIEV A-K.I. *Formirovanie sovetskoj intelligencii v Dagestane (1920–1940 gg.)* [Formation of the Soviet intelligentsia in Dagestan (1920–1940)]. Mahachkala: DF AN SSSR, 1960. 155 s.

JUDIN P.A. *Tercy i ih vostochnye sosedi* [Tertsy and their eastern neighbors]. IN: Zapiski Terskogo obshhestva ljubitelej kazach'ej stariny. Vladikavkaz: Printing house of the Terek Regional Board, 1914. № 8. S. 56–72. (In Russ.).

JAKOVENKO E.M. *Social'no-jekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kizljara v poslevoennye gody. 1944-1956 gg*. [Socio-economic and cultural development of Kizlyar in the post-war years. 1944-1956]. IN: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskih nauk. Nal'chik: Kabard.-Balkar. gos. un-t im. H.M. Berbekova, 2014. 29 s.

Информация об авторах

А.А. Газиева – младший научный сотрудник.

Р.И. Сефербеков – доктор исторических наук.

О.Б. Халидова – кандидат исторических наук.

Information about the authors
A.A. Gazieva – Junior research associate.
R.I. Seferbekov – Doctor of Sciences (History).
O.B. Khalidova – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 930(091)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-174-187
EDN: CKAUVY

ИСТОРИК НАУКИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Петр Абрамович Кузьминов[1], Анжела Ариковна Журтова[2], Инна Сарабиевна Тахушева[3] , Наталья Сергеевна Лаврова[4]

[1234] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[12] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

[1] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[2] anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

[3] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

[4] lawrowa.natali2012@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5651-333X

Аннотация. В статье анализируются сложные процессы развития кавказоведения, трансформации исторических источников в историографические, расширяющие исследовательский инструментарий историка науки. Интерес к внутренним проблемам историографического исследования неслучаен, поскольку «историк не может не задумываться над интеллектуальными предпосылками собственных исследований, – подчеркивает А.Я. Гуревич, – которые вольно или невольно определяют собой как применяемые им методы, так и формы, и структуры его построений». В последнее время подчеркнуто широкое понимание историографического факта как любого факта, несущего научную информацию по истории науки. В практике историографических исследований внимание акцентируется прежде всего на анализе концепции, парадигме, которые отражают позицию ученого по изучаемой проблеме. В истории науки сформировалась схема систематизации историографических фактов – выделяются, во-первых, главные факты, позволяющие реконструировать концепцию (это, прежде всего труды профессионалов-историков), и, во-вторых, вспомогательные факты, помогающие воссоздать лабораторию историка, контекст создания труда, ценности эпохи и т.д. Одна из наиболее сложных проблем современного кавказоведения, это анализ процесса метаморфоз исторического факта в историографический. Каким образом исторический факт входит в систему историографических связей? Есть ли особенности в развитии этого процесса в кавказоведении, или они соответствуют общероссийским лекалам? Ответы на эти вопросы позволяют выявить определенные закономерности развития истории исторической науки и, кавказоведения, в частности.

Ключевые слова: Историография, кавказоведение, история науки, трансформация, исторический источник, исторический факт, историографический источник, историографический факт

Для цитирования: Кузьминов П.А., Журтова А.А., Тахушева И.С., Лаврова Н.С. Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 174-187. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-174-187. EDN: CKAUVY.

© Кузьминов П.А., Журтова А.А., Тахушева И.С., Лаврова Н.С., 2023

Original article

HISTORIAN OF SCIENCE IN THE HISTORIOGRAPHIC SPACE OF CAUCASIAN STUDIES

Petr A. Kuzminov[1], Angela A. Zhurtova[2], Inna S. Tahusheva[3], Natalia S. Lavrova[4]

[1234] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, Nalchik, Russia

[12] Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[2] anzhelka28@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0928-2393

[3] tahusheva94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6409-3045

[4] lawrowa.natali2012@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5651-333X

Abstract. The article explores the intricate workings of the development of Caucasian studies, the conversion of historical records into historiography, and the broadening of the historian's range of research methods. Interest in the internal problems of historiographic research is not accidental, since “the historian cannot but think about the intellectual prerequisites of his own research,” emphasizes A.Ya. Gurevich, “which voluntarily or involuntarily determine both the methods he uses and the forms and structures of his constructions”. Recently, a broad comprehension of historiographic fact, as any fact that provides scientific data on the history of science, has been highlighted. The focus of historiographic research is mainly on the concept and paradigm, which reflects the researcher's stance on the issue being studied. In the history of science, a scheme for the systematization of historiographic facts has been formed - firstly, the main facts that make it possible to reconstruct the concept (these are, first of all, the works of professional historians) are distinguished, and, secondly, auxiliary facts that help to recreate the historian’s laboratory, the context of the creation of labor, the values of the era, etc. One of the most difficult problems of modern Caucasian studies is the analysis of the process of the metamorphosis of historical fact into historiographic. How is historical fact included in the system of historiographic relations? Are there any features in the development of this process in Caucasian studies, or do they correspond to all-Russian patterns? These responses assist us in recognizing certain trends in the evolution of historical science and Caucasian studies specifically.

Keywords: Historiography, Caucasian studies, history of science, transformation, historical source, historical fact, historiographic source, historiographic fact

For citation: Kuzminov P.A., Zhurtova A.A., Tahusheva I.S., Lavrova N.S. Historian of science in the historiographic space of Caucasian studies. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – С. 174-187. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-174-187. EDN: CKAUVY.

© Kuzminov P.A., Zhurtova A.A., Tahusheva I.S., Lavrova N.S., 2023

В изучении сложного многогранного мира принципиальное место занимает познание окружающей действительности, истории минувших событий, явлений, процессов. Независимо от конкретного предмета изучения перед исследователем неумолимо встает вопрос об источниках, которые позволяют реконструировать события, раскрыть их внутреннее содержание, выявить взаимосвя-

зи и закономерности развития общества. Еще более увлекательная задача встает перед историком науки, который изучает зарождение и развитие исторических знаний, историю истории по документальным материалам и опубликованным источникам-текстам.

Многогранность проблем [Историография… 2003. Т. 1: 19, 20; Шмидт 1997: 182, 183], стоящих перед историографией, ставит вопрос об источниках развития науки, опираясь на которые ученые исследуют процессы становления, этапы развития и современного состояния истории исторической науки и, ее составной части, кавказоведения. Качество историографического исследования во многом обусловливается методологией, корпусом источников, основу которых составляют исторические и историографические источники и, конечно, историографические факты.

Интерес к внутренним проблемам историографического исследования неслучаен, поскольку

> «историк не может не задумываться над интеллектуальными предпосылками собственных исследований, – подчеркивает А.Я. Гуревич, – которые вольно или невольно определяют собой как применяемые им методы, так и формы, и структуры его построений» [Гуревич 1998: 246].

Развивая данный тезис, А.М. Сахаров правомерно утверждает, что концептуализированный факт является историографическим фактом, т. к. последний выступает в качестве концепции ученого, выраженной в одной или нескольких работах [Историография… 2003. Т. 1: 23].

В последнее время подчеркнуто широкое понимание историографического факта как любого факта, несущего научную информацию по истории науки. В практике историографических исследований внимание акцентируется прежде всего на анализе концепции, парадигме, которые отражают позицию ученого по изучаемой проблеме. В истории науки сформировалась схема систематизации историографических фактов выделяются: во-первых, главные факты, позволяющие реконструировать концепцию (это, прежде всего труды профессионалов-историков), и, во-вторых, вспомогательные факты, помогающие воссоздать лабораторию историка, контекст создания труда, ценности эпохи и т.д.

Одна из наиболее сложных проблем современного кавказоведения, это анализ процесса метаморфоз исторического факта в историографический. Каким образом исторический факт входит в систему историографических связей? Есть ли особенности в развитии этого процесса в кавказоведении, или они соответствуют общероссийским лекалам? Ответы на эти вопросы позволяют выявить определенные закономерности развития истории исторической науки и, кавказоведения, в частности.

В когорте известных дореволюционных ученых, занимающихся изучением истории горцев Северного Кавказа, М.М. Ковалевский занимал и занимает особое место. Он одним из первых в академическом кавказоведении обстоятельно проанализировал особенности формирования системы права у многочисленных народов Северного Кавказа с исторической, юридической, социологической то-

чек зрения [Ковалевский 1890; 1905; 1995]. Естественно, результаты его научной практики достаточно плотно исследовались учеными, поскольку его исследования многогранны и требуют основательного историографического изучения [Левитский 2007а; Левитский 2007б; Калоев 1979 и др.].

Приоткрывая «дверь» в свою творческую лабораторию, Ковалевский отметил наличие многочисленных свидетельств о Кавказе и народах, его населяющих, в трудах античных и средневековых авторов, ученых нового времени.

«Юрист-этнограф, строящий свои заключения на основании кавказского материала, – подчеркивал исследователь, – имеет в своем распоряжении целый ряд равномерных взаимоконтролируемых и восполняющих друг друга данных. Вместо того чтобы довольствоваться чисто субъективными догадками о вековой древности изучаемых им обычаев и институтов, он имеет возможность удостовериться в этой древности справками у греческих и римских, арабских и византийских, армянских и грузинских географов и анналистов. Мало ему этого материала, он и в отчетах путешественников найдет обильную пищу для своей любознательности» [Ковалевский 1890. Т. 1: 8].

Размышляя над комплексом задействованных источников в работах кавказоведов, Ковалевский обратил внимание на качественное отличие историко-этнографического материала от этнографического.

«Это превосходство не только делает возможной многократную проверку одних и тех же данных, но и раскрывает перед нами порядок зарождения и рост отдельных институтов, а также ту преемственную связь, которая существует между различными стадиями развивающейся общественности» [Ковалевский 1890. Т. 1: 8].

Такой подход позволяет согласиться с В.Ю. Левитским, обосновавшим особенности «эмпирико-компаративистской методологии ученого» [Левитский 2007б: 18], под которой понимается сравнение нескольких культур с целью раскрытия в них, с одной стороны, общих, универсальных принципов и установок, а, с другой, выявления различий, свидетельствующих о самобытности рассматриваемых практик.

Работая с широким кругом норм обычного права горцев, Ковалевский применил обоснованную им систему индикаторов, которые указывали на:

1) принадлежность к тому или другому источнику происхождения;

2) генетическую зависимость форм и стадий гражданственности;

3) своё функционирование по обеспечению родовой солидарности в юридических отношениях как между членами одного рода, так и с соседними [Левитский 2007б: 21].

Такой подход позволил ему сделать принципиальный вывод:

«…действующий обычай не является исключительным отражением современного ему юридического сознания народа, а представляет собой ряд исторических наслоений, из которых одни вызваны естественным ростом народной жизни, а другие обусловливаются тем влиянием, какое в разные эпохи писаный закон оказывал на народный обычай» [Ковалевский 1890. Т. 1: 79-80].

Таким образом, исследователь выявил в нормах права горцев XIX в. влияние соседних народов/цивилизаций, свидетельствующих о том, что адаты отражают не отсталые, закостеневшие формы традиционного общества, а поступательный ход развития человечества. Постановка вопроса о многослойности адатов горцев – репрезентативных исторических источников – развитого и дополненного в трудах исследователей, превратилась в концептуально осмысленный историографический факт. В дискуссии конца XX – начала XXI в. о кавказской цивилизации, результаты изысканий М.М. Ковалевского о значимости горских традиций и обычаев, были использованы для подтверждения ее существования [Абдулатипов 1995; Аникеев 2000; Давидович 2000; Кинелев 1995; Майборода 2000; Черноус 2000; Шадже 2000], поэтому мы и рассуждаем о работах известного ученого как об историографическом факте.

Разрабатывая теоретические вопросы историографии, историки сосредоточили внимание на существовании так называемого доисточника, термине, применимом к историографическому памятнику на той стадии, когда он еще не стал объектом исследования [Шмидт 1997: 77]. По мнению А.Г. Быковой и В.Г. Рыженко, традиционный исторический источник, вовлеченный в процесс историографического анализа, приобретает новый статус – статус историографического источника [Быкова А.Г., Рыженко 2005: 35]. Не случайно, и С.О. Шмидт заостряет внимание на том, что «историографический источник, прежде всего, является историческим источником» [Шмидт 1997: 184].

В свою очередь, обращаясь к историческому источнику известный кавказовед, профессор В.П. Крикунов подчеркивает, что

> «следует непременно отдавать себе отчет, на какие вопросы (с учетом происхождения документа, его служебного назначения в жизни и т.п.) он может дать ответ, а на какие нет? Какую информацию – открытую и скрытую, прямую и косвенную – можно рассчитывать получить?» [Крикунов 1988: 8].

Но такая постановка вопроса как раз и размывает грани между историческим и историографическим источником, объединяя их познавательные практики.

Проанализируем метаморфоз исторического источника в историографический на конкретном примере. Скажем, «Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ» от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области генералу М.Т. Лорис-Меликову об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений» [Крестьянская реформа 1947: 64–67] служит прекрасным историческим источником о взаимоотношениях горской элиты с подвластными крестьянами, она фиксирует роль унаутов, кулов и карауашей – бесправных холопов – в повседневной жизни кабардинской и балкарской знати. Опираясь на этот важный исторический источник, исследователи обосновывали свои общественные приоритеты в процессе изучения эмансипации зависимых сословий. Так Е. Старцев отстаивал официально-охранительные, Д. Кодзоков – славянофильские, В. Кудашев – либеральные, Т. Кумыков – марксистские методологические предпочтения. Введенный в широкий научный оборот доку-

мент стал, независимо от мнения его авторов, предметом полемики, споров ученых, его содержание анализировали, выявляли, что, когда и кем сказано, правильно ли переводчик озвучил мысль, а писарь ее записал и т. д. Документ начал «жить» своей жизнью, втянувшись в научный дискурс ученых. С этой точки зрения мы можем использовать записку как историографический источник, отражающий уровень развития кавказоведения анализируемого этапа, социальные приоритеты исследователей, интеллектуальный уровень авторов документа и др.

Для историка науки особенно значимы исторические источники периодической печати, которые легко трансформируются в историографические источники, сообщая новости о научных экспедициях или открытиях, информацию об ученых, развитии исторических представлений о прошлом и т. д.

Историограф, изучая, например, опубликованные статьи известного дореволюционного кавказоведа Н.Ф. Грабовского, пытается, через призму современного уровня научного познания, выявить в его наследии бытующие в XIX в. общественные идеи, настроения, ценности. В частности, анализируя рассуждения Грабовского о необходимости исследовать неудовлетворительные результаты реформы, историк науки, вслед за автором, должен показать, в чем именно состояли плачевные итоги освобождения крестьян в Кабардинском округе. Причина, заставившая его взяться за анализ имущественного положения горцев после реформы, заключалась в опубликовании, по его мнению, недостоверных сведений в печати:

> «В настоящей статье я намерен изложить теперешнее материальное положение их (освобожденных. – *авт.*) в сравнении с прошлым по имеющимся фактическим данным. Считаю, это тем более необходимым, что в статье г. Е. С-ва проходит совершенным молчанием имущественную сторону бывших крепостных» [Грабовский 1992: 1].

На основании данных, извлеченных из материалов участковых посреднических комиссий, открытых во всех участках Кабардинского округа, Грабовский уточнил картину реформы, привел цифры о численности освобожденных по участкам округа, показал их имущественное положение [Грабовский 1992: 2]. Примерно, к этим же данным пришли современные ученые [Кумыков 1965: 239; Кузьминов 2018: 104]. Перед нами, в данном случае, механизм верификации, т. е. проверки и подтверждения информации о численности освобожденных крестьян в процессе крестьянской реформы 1866–1867 гг. дореволюционных, советских и современных историков. Очевидно, что такой подход – быстрая рефлексия на недостоверность печатного слова – может и должен получить оценку историка науки.

Каждый исследователь в чем-то прав, а в чем-то ошибается или неточен. Поскольку историограф претендует на знание «истинного» положения дел, он берется исправить ошибки своего коллеги-историка и в то же время выделить в его концепции рациональное зерно. Естественно, возникает вопрос: а можно ли сами тексты статей Н.Ф. Грабовского и других авторов XIX – начала XX вв. использовать в качестве историографических источников? Ведь многие исто-

рики XX в.: Г.А. Кокиев, И.Ф. Мужев, Т.Х. Кумыков, Х.Х. Рамазанов, С.Ш. Гаджиева и др., профессионально исследующие процесс модернизации у горских народов, относились к этим публикациям довольно скептически и не причисляли их работы к числу репрезентативных источников.

Отрывочные сведения, дошедшие до нас о Н.Ф. Грабовском, свидетельствуют, что он родился в семье разжалованного солдата-дворянина, высланного из Польши после подавления восстания 1831 г., в крепости Владикавказ в 1842 г., где не получил ни систематического, ни тем более исторического образования, поэтому научными методиками сбора и анализа материала он не владел.

С другой стороны, его взгляды формировались на местной кавказской почве, в военно-чиновничьей среде, близко соприкасавшейся с повседневной жизнью горского населения края, вследствие этого они во многом типичны для русского кавказоведения 60–70-х гг. XIX в., поскольку отражали характерные черты того времени. В его статьях мы находим детальное описание быта, традиций, исторических событий, происходящих в горской среде. Особенно интересны его статьи об освобождении зависимых сословий в Кабарде и Балкарии, написанных на основе первичных документов: материалов посреднических комиссий, отчетов начальников участков, начальника Кабардинского округа, личных впечатлений и др. Он принимал непосредственное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии, за что был награждён медалью «За дело освобождения крестьян» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 206. Л. 105.], поэтому его заинтересованный и одновременно критический взгляд на формы и методы ее реализации, особенно интересен сегодня, отражая позитивистскую трактовку событий.

Вникая в тонкости биографии, служебную карьеру, идеологические приоритеты изданий, в которых публиковался Грабовский, гражданскую позицию, отстаиваемую в очерках, историк науки обязан воспроизвести все факторы, оказывающие влияние на его исторические представления. Без этого осмысление авторской позиции будет не полным и схематичным. Изучение его исторических взглядов М.Х. Ацкановым [Ацканов 1967], Е.С. Тютюниной [Тютюнина 1987], Х.-М.А. Сабанчиевым [Сабанчиев 1989], К.Ф. Дзамиховым [Дзамихов 2008], П.А. Кузьминовым [Кузьминов, Мальбахов 2008] и др. привело ученых к выводу, что в основе его мировоззрения лежат либеральные представления о путях общественного развития, которые сочетались с ярко выраженными антикрепостническими настроениями, характерными для демократических слоев русской интеллигенции пореформенного периода. Таким образом, перед нами не просто абрис, эскиз, фотография освещаемых событий, хотя важно и это, а текст, отражающий личное отношение Грабовского к социальной реформе в Кабардинском округе, горцам, российскому обществу. Это дает нам право утверждать, что его публикации являются не только историческими, но и историографическими источниками.

В связи с этим возникает новый круг вопросов. Если историограф выявил какую-то статью по теме своего исследования, но автор работы не установлен, например, упоминаемая выше статья Е. С…ва, можно ли использовать статью анонима в качестве историографического источника? А если автор известен, но

нет сведений о нем как о гражданине, исследователе, можно ли рассматривать его работу в качестве историографического источника? А если есть сведения, но они отрывочны и не отражают его общественную позицию, а только сумму конкретных фактов, статистических данных по освещаемой теме?

Поставленные вопросы не случайны и заостряют проблему историографического источника, которая заключается в том, что таких работ в дореволюционном кавказоведении достаточно много. Считаем, что историк науки должен, в первую очередь, анализировать конкретное содержание работы, не останавливаясь на особенностях формирования общественно-политических взглядов исследователя. То есть логика историографического исследования предполагает решение главного блока вопросов истории науки – реконструкции наиболее значимых историографических событий кавказоведения, затем, менее важных и т.д. Хотя, конечно, можно избрать и обратный вариант, как это делают краеведы или ученые, исследующие творчество конкретного просветителя, общественного деятеля, любителя истории, оставившего потомкам свое понимание тех или иных событий прошлого. Они скрупулезно собирают источники, по которым выясняют детали биографии, его участие в деятельности местных научных обществ, возможное авторство статей или книг, а затем анализируют его творчество, процесс развития науки в крае и т.д. Идеальным, конечно, будет совмещение обоих подходов в ходе изучения вопроса.

Возвращаясь к историографическим проблемам кавказоведения отметим, что в дореволюционный период на Северном Кавказе практически отсутствовала система высшего образования, сеть научных учреждений: кафедры, секторы НИИ, за некоторым исключением, специалистов с систематическим научным образованием. О характере общественных отношений, политическом устройстве, особенностях правовых, социальных, аграрных отношений у горцев писали, в основном, офицеры Отдельного Кавказского корпуса / Кавказской армии, чиновники, публицисты, журналисты, путешественники, любители истории, которые на основе личных впечатлений, сведений от информантов, некоторых официальных документов освещали те или иные события. В них часто приводятся противоречивые суждения, отсутствуют теоретические обобщения, искажаются факты описываемых событий.

Можно ли эти публицистические зарисовки принимать как полноценный «строительный материал» науки? Правомерно ли отождествлять их с историографическими источниками и фактами? По нашему мнению, да. В этом убеждают теоретические работы С.О. Шмидта [Шмидт 1997], М.В. Нечкиной [Нечкина 1965], А.М. Сахарова [Сахаров 1981], А.И. Зевелева [Зевелев 1987], М.П. Мохначевой [Мохначева 1999], И.Д. Ковальченко [Ковальченко 2003], С.В. Чиркова [Чирков 1994: 403] и др.

Во-первых, к сожалению, документальных источников по истории кавказоведения крайне мало, поэтому мы должны чрезвычайно бережно относиться к сохранившимся источникам, выявляя в них не только фактологию того или иного события, но и общую информацию об имманентных факторах развития кавказоведения, уровне развития исторических представлений, качестве освещения событий.

Во-вторых, «многие исторические концепции, например, концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., – отмечал академик А.Л. Нарочницкий, – впервые озвучены в прессе того времени» [Нарочницкий 1973: 7]. В данном случае официальная концепция крестьянской реформы у народов Терской области, озвученная Е. Старцевым, была критически проанализирована Н.Ф. Грабовским в местной периодической печати («Сборник сведений о кавказских горцах»).

В-третьих, в истории науки установлено, что широта и глубина распространения научных взглядов, концепций и представлений зависит не столько от выдающихся исследователей, которых, как правило, не бывает много. Магистральные линии развития науки яснее раскрываются «в периодических изданиях, в дискуссиях, в памятниках общественной публицистики» [Косминский 1963: 10]. Приводимый нами материал по истории кавказоведения, считаем, подтверждает эту мысль известного медиевиста.

В-четвертых, работая над проблемами развития науки, необходимо изучать, – подчеркивает С.О. Шмидт, – совокупность рядовых историографических фактов, типичных для той или иной эпохи. К ним он отнес «забытые» имена и издания, научные общества и учреждения, систему распространения исторических представлений [Шмидт 1976: 265], на чем и мы фокусируем внимание.

В-пятых, развитие исторических представлений о прошлом народов Северного Кавказа определяется теми работами, которые были опубликованы и благодаря этому стали достоянием широкого круга читателей, любителей истории родного края или ученых. Они формировали как концептуальное, так и общественное звучание поднятой проблемы, в силу чего мы не имеем права их игнорировать. Это обстоятельство отметил С.О. Шмидт, который подчеркнул мощную тягу провинциальной интеллигенции к истории своего региона, заключающуюся в том, что «развитие краеведения, где столь значительна роль лиц, не имеющих зачастую профессиональной научной подготовки, – разве не свидетельство тяги этой широкой среды к восприятию именно научного знания?». Отвечая на поставленный вопрос, ученый отметил, что краеведы «ныне уже не довольствуются при подходе к историографической проблематике рассмотрением только тех сочинений, которые определяли главные линии развития исторических концепций» [Шмидт 1997: 183].

Значение дореволюционных работ в кавказоведении трудно переоценить, поскольку они стали тем крепким фундаментом, на который частично опиралась советская, и в значительной мере современная историография. Научная значимость данной группы историографических источников временем только увеличивается со временем. Исследователям ещё предстоит выявить весь историографический ряд дореволюционных работ, которые, несмотря на прошедшие годы со времени публикации, до сих пор концептуально, а зачастую и фактологически не изучены. Имеем в виду многочисленные статьи и очерки в периодических изданиях Кавказа, Москвы и Петербурга, хранящиеся в библиотеках и архивах бывших советских республик, государствах Восточной Европы, в дальнем зарубежье (Турция, Иран, Италии, Англия, Франция, Германия и др.).

Вместе с тем трудно согласиться с мнением С.П. Исачкина, что в историографическом исследовании документальным источникам принадлежит вспомогательная роль [Исачкин 2004: 9]. Наоборот, именно опубликованные документы или архивные материалы, естественно, в совокупности с другими видами источников, в том числе и историографических, формируют адекватное представление об изучаемой проблеме, культуре общества, уровне исторического знания, эпохе. Они позволяют избежать неточностей, а порой и фальсификации недобросовестно изложенного в исторических исследованиях фактического материала. Считаем необходимым подчеркнуть, что в задачу историографа входит не только конкретный анализ историографических источников по теме, но не менее важно указать на слабо разработанные сюжеты события или процесса, а также подсказать, с помощью каких групп источников и методов познания можно устранить выявленные пробелы.

Подводя итоги отметим, историк науки должен выявлять и анализировать любые по форме и содержанию репрезентативные материалы, т. е. «все имеющиеся в распоряжении историка свидетельства, сохранившие память о прошлом» [Шеуджен 2011: 4], позволяющие уточнить сведения о жизни и творчестве авторов, опубликовавших работы по истории народов региона, конкретных событиях и процессах прошлого; во-вторых, тщательнее изучать средства массовой информации, в которых сосредоточен колоссальный объем информации по истории науки; в-третьих, анализировать идейные позиции редакторов, членов редколлегий, дающих первую экспертную оценку присылаемых статей в редакцию, периодических изданий, в которых публиковали свои работы кавказоведы; в-четвертых, определять уровень профессиональной подготовки кавказоведов, публикующих работы по различным сюжетам истории народов Северного Кавказа; в-пятых, выяснять, как шел процесс обсуждения общественно значимых проблем народов региона в печати, в чиновничьих кругах региона и столицы; и т.д.

Изучение этих проблем углубит представления о содержании познавательного процесса историографического исследования, приоткроет научные лаборатории кавказоведов, даст возможность разобрать концептуальные приоритеты авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов 1995 – *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1. – С. 55-58.

Аникеев 2000 – *Аникеев А.А.* Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 25-28.

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917 гг.). – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. – 131 с.

Быкова, Рыженко 2005 – *Быкова А.Г., Рыженко В.Г.* Культура Западной Сибири: История и современность. – Тюмень: ОмГУ, 2005. – 371 с.

Грабовский 1992 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1870. Вып. III. Репринт. – М.: Адир, 1992. – Отд. I. – С. 1-27.

Гуревич 1998 – *Гуревич А.Я.* Апории современной исторической науки: подлинные и мнимые // Одиссей: человек в истории. – М.: Наука, 1998. – С. 233-250.

Давидович 2000 – *Давидович В.Е.* Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 28-29.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 816 с.

Зевелев 1987 – *Зевелев А.И.* Историографическое исследование: методологические аспекты. – М.: Высш. шк., 1987. – 159 с.

Исачкин 2004 – *Исачкин С.П.* Историография сибирской социал-демократии 1907–1917 гг.: Автореф. диссер. на соик. уч. ст. д. и. н. – Омск, 2004. – 46 с.

Историография … 2003 – *Историография истории России* до 1917 года. В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Т. 1. – 384 с.

Калоев 1979 – *Калоев Б.А.* М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. – М: Наука, 1979. – 202 с.

Кинелев 1995 – *Кинелев В.Г.* Кавказ – уникальный регион Евразии // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1. – С. 3-4.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. В 2-х т. – М., 1890. Т. 1. – 290 с.; Т. 2. – 304 с.

Ковалевский 1905 – *Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. – М.: Брокгауз-Ефром, 1905. – 216 с.

Ковалевский 1995 – *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. В 2-х т. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Репринт. – Владикавказ, 1995. Т. 1. – 342 с.; Т. 2. – 412 с.

Ковальченко 2003 – *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. – М., 1987. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

Косминский 1963 – *Косминский Е.А.* Историография Средних веков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 430 с.

Крестьянская 1947 – *Крестьянская реформа в Кабарде*. Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. / Сост. Г.А. Кокиев. – Нальчик: Кабгосиздат, 1947. – 272 с.

Крикунов 1988 – *Крикунов В.П.* Проблема охвата и познания источников по истории Чечено-Ингушетии // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный: б/и, 1988. – С. 3-14.

Кузьминов, Мальбахов 2008 – *Кузьминов П.А., Мальбахов Б.К.* Н.Ф. Грабовский – кавказовед // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик: КБИГИ, 2008. – Вып. VI. – С. 399-451.

Кузьминов 2018 – *Кузьминов П.А.* Реформа сословно-поземельных отношений у народов Северного Кавказа в XIX веке: от «горского общества» к обществу крестьянскому // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 1. – С. 80-113.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Левитский 2007а – *Левитский В.Ю.* Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: генезис и функции правовых установлений. – Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. – 209 с.

Левитский 2007 б – *Левитский В.Ю.* Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко-правовые взгляды: Автореферат дисс. к. и. н. – Владикавказ, 2007. – 25 с.

Майборода 2000 – *Майборода Э.Т.* О сосуществовании цивилизаций различного типа // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 41-48.

Мохначева 1998 – *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX вв. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 383 с. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70- гг. XIX в. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 511 с.

Нарочницкий 1973 – *Нарочницкий А.Л.* О преподавании историографии в высшей школе // Вопросы истории. – 1973. – № 6. – С. 3–15.

Нечкина 1965 – *Нечкина М.В.* История истории // История и историки. – М.: Наука, 1965. – 471 с.

Сабанчиев 1989 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 231 с.

Сахаров 1981 – *Сахаров А.М.* Методология истории и историография. – М.: Изд-во МГУ, 1981, – 216 с.

Тютюнина 1987 – *Тютюнина Е.С.* Н.Ф. Грабовский – этнограф и историк // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНИИ, 1987. – С. 109-126.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ). Ф. 12 «Канцелярия начальника Терской области».

Черноус 2000 – *Черноус В.В.* Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 30-33.

Чирков 1994 – *Чирков С.В.* Об источниковедении историографии // Мир источниковедения: Сб. в честь С.О. Шмидта. / Под ред. А.Д. Зайцева и др. РГГУ. ИАИ. – Москва–Пенза: Ист.-арх. ин-т, 1994. – 495 с.

Шадже 2000 – *Шадже А.Ю.* Кавказская цивилизация или кавказская культура // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 39-41.

Шеуджен 2011 – *Шеуджен Э.А.* Теоретические проблемы исторической памяти: экстраполяция на историографию // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. тр. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. Вып. 8. – С. 3-16.

Шмидт 1997 – *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. – 612 с.

Шмидт 1976 – *Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории, общественной мысли и историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной). – М.: Наука, 1976. – С. 258-273.

REFERENCES

ABDULATIPOV R.G. *Kavkazskaya tsivilizatsiya: samobytnost' i tselostnost'* [Caucasian Civilization: Identity and Integrity]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 1995. – № 1. – S. 55–58. (In Russ.).

ANIKEEV A.A. *Kontseptsiya severokavkazskoi tsivilizatsii kak sovremennaya paradigma kavkazovedeniya* [The concept of North Caucasian civilization as a modern paradigm of Caucasian studies]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2000. – № 2. – S. 25–28. (In Russ.).

ATsKANOV M.Kh. *Ekonomicheskie otnosheniya i ekonomicheskie vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860-1917 gg.)* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1967. – 131 s. (In Russ.).

BYKOVA A.G., RYZhENKO V.G. *Kul'tura Zapadnoi Sibiri: Istoriya i sovremennost'* [Culture of Western Siberia: History and modernity]. – Tyumen': OmGU, 2005. – 371 s. (In Russ.).

GRABOVSKII N.F. *Ekonomicheskoe polozhenie byvshikh zavisimykh soslovii Kabardinskogo okruga* [Economic situation of the former dependent classes of the Kabardian district]. In: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. – Tiflis, 1870. Vyp. III. Reprint. – M.: Adir, 1992. – Otd. I. – S. 1–27. (In Russ.).

GUREVICh A.Ya. *Aporii sovremennoi istoricheskoi nauki: podlinnye i mnimye* [The Uporias of Modern Historical Science: Authentic and Imaginary]. In: Odissei: chelovek v istorii. – M.: Nauka, 1998. – S. 233–250. (In Russ.).

DAVIDOVICh V.E. *Sushchestvuet li kavkazskaya tsivilizatsiya?* [Does Caucasian civilization exist?]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2000. – № 2. – S. 28–29. (In Russ.).

DZAMIKhOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adygi: milestones of history]. – Nal'chik: El'brus, 2008. – 816 s. (In Russ.).

ZEVELEV A.I. *Istoriograficheskoe issledovanie: metodologicheskie aspekty* [Historiographic study: methodological aspects]. – M.: Vyssh. shk., 1987. – 159 s. (In Russ.).

ISAChKIN S.P. *Istoriografiya sibirskoi sotsial-demokratii 1907–1917 gg.* [Historiography of Siberian Social Democracy 1907-1917]: Avtoref. disser. na soik. uch. st. d. i. n. – Omsk, 2004. – 46 s. (In Russ.).

Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda [Historiography of the history of Russia until 1917]. V 2 t. / Pod red. M.Yu. Lachaevoi. – M.: Gumanit. Izd. tsentr VLADOS, 2003. – T. 1. – 384 s. (In Russ.).

KALOEV B.A. *M.M. Kovalevskii i ego issledovaniya gorskikh narodov Kavkaza* [M.M. Kovalevsky and his studies of the mountain peoples of the Caucasus]. – M: Nauka, 1979. – 202 s. (In Russ.).

KINELEV V.G. *Kavkaz – unikal'nyi region Evrazii* [Caucasus is a unique region of Eurasia]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 1995. – № 1. – S. 3–4. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. V 2-kh t. – M., 1890. T. 1. – 290 s.; T. 2. – 304 s. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Rodovoi byt v nastoyashchem, nedavnem i otdalennom proshlom* [Family life in the present, recent and distant past]. – M.: Brokgauz-Efrom, 1905. – 216 s. (In Russ.).

KOVALEVSKII M.M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom otnoshenii* [Modern custom and ancient law. Customary law of Ossetians in historical and comparative terms]. V 2-kh t. – M.: Tip. V. Gattsuk, 1886. Reprint. – Vladikavkaz, 1995. T. 1. – 342 s.; T. 2. – 412 s. (In Russ.).

KOVAL"ChENKO I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Historical Research Methods]. – M., 1987. 2-e izd., dop. – M.: Nauka, 2003. – 486 s. (In Russ.).

KOSMINSKII E.A. *Istoriografiya Srednikh vekov* [Historiography of the Middle Ages]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. – 430 s. (In Russ.).

Krest'yanskaya reforma v Kabarde. Dokumenty po istorii osvobozhdeniya zavisimykh soslovii v Kabarde v 1867 g. [Peasant reform in Kabarda. Documents on the history of the liberation of dependent classes in Kabarda in 1867] / Sost. G.A. Kokiev. – Nal'chik: Kabgosizdat, 1947. – 272 s. (In Russ.).

KRIKUNOV V.P. *Problema okhvata i poznaniya istochnikov po istorii Checheno-Ingushetii* [The problem of coverage and knowledge of sources on the history of Chechen-Ingushetia]. In: Istochnikovedenie istorii dorevolyutsionnoi Checheno-Ingushetii. – Groznyi: b/i, 1988. – S. 3–14. (In Russ.).

KUZ"MINOV P.A., MAL"BAKhOV B.K. *N.F. Grabovskii – kavkazoved* [N.F. Grabovsky - Caucasus Explorer]. In: Istoricheskii vestnik KBIGI. – Nal'chik: KBIGI, 2008. – Vyp. VI. – S. 399–451. (In Russ.).

KUZ"MINOV P.A. *Reforma soslovno-pozemel'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza v XIX veke: ot «gorskogo obshchestva» k obshchestvu krest'yanskomu* [Reform of estate and land relations among the peoples of the North Caucasus in the 19th century: from the "mountain society" to the peasant society]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – № 1. – S. 80–113. (In Russ.).

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo, 1965. – 420 s. (In Russ.).

LEVITSKII V.Yu. *Kavkaz v tvorcheskom nasledii M.M. Kovalevskogo: genezis i funktsii pravovykh ustanovlenii* [Caucasus in the creative heritage of M.M. Kovalevsky: genesis and functions of legal institutions]. – Vladikavkaz: RIO SOIGSI, 2007. – 209 s. (In Russ.).

LEVITSKII V.Yu. *Kavkaz v tvorcheskom nasledii M.M. Kovalevskogo: istoriko-pravovye vzglyady* [Caucasus in the creative heritage of M.M. Kovalevsky: historical and legal views]: Avtoreferat diss. k. i. n. – Vladikavkaz, 2007. – 25 s. (In Russ.).

MAIBORODA E.T. *O sosushchestvovanii tsivilizatsii razlichnogo tipa* [On the coexistence of civilizations of various types]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2000. – № 2. – S. 41–48. (In Russ.).

MOKhNAChEVA M.P. *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka. V 2 kn. Kn. 1: Zhurnalistika v kontekste naukotvorchestva v Rossii XVIII – XIX vv* [Journalism and Historical Science]. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1998. – 383 s. Kn. 2. Zhurnalistika i istoriograficheskaya traditsiya v Rossii 30–70- gg. XIX v. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1999. – 511 s. (In Russ.).

NAROChNITsKII A.L. *O prepodavanii istoriografii v vysshei shkole* [On the teaching of historiography in higher education]. In: Voprosy istorii. – 1973. – № 6. – C. 3–15. (In Russ.).

NEChKINA M.V. *Istoriya istorii* [History]. In: Istoriya i istoriki. – M.: Nauka, 1965. – 471 s. (In Russ.).

SABANChIEV Kh.-M.A. *Poreformennaya Balkariya v otechestvennoi istoriografii* [Post-reform Balkaria in Russian historiography]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 231 s. (In Russ.).

SAKhAROV A.M. *Metodologiya istorii i istoriografiya* [Methodology of history and historiography]. – M.: Izd-vo MGU, 1981, – 216 s. (In Russ.).

TYuTYuNINA E.S. *N.F. Grabovskii – etnograf i istorik* [N.F. Grabovsky – ethnographer and historian]. In: Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya Kabardino-Balkarii. – Nal'chik: KBNII, 1987. – S. 109–126. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania] (g. Vladikavkaz). F. 12 «Kantselyariya nachal'nika Terskoi oblasti». (In Russ.).

ChERNOUS V.V. *Kavkaz – kontaktnaya zona tsivilizatsii i kul'tur* [Caucasus - contact zone of civilizations and cultures]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2000. – № 2. – S. 30–33. (In Russ.).

ChIRKOV S.V. *Ob istochnikovedenii istoriografii* [On the source study of historiography]. In: Mir istochnikovedeniya: Sb. v chest' S.O. Shmidta. / Pod red. A.D. Zaitseva i dr. RGGU. IAI. – Moskva–Penza: Ist.-arkh. in-t, 1994. – 495 s. (In Russ.).

ShADZhE A.Yu. *Kavkazskaya tsivilizatsiya ili kavkazskaya kul'tura* [Caucasian civilization or Caucasian culture]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2000. – № 2. – S. 39–41. (In Russ.).

ShEUDZhEN E.A. *Teoreticheskie problemy istoricheskoi pamyati: ekstrapolyatsiya na istoriografiyu* [Theoretical problems of historical memory: extrapolation to historiography]. In: Voprosy teorii i metodologii istorii. Sb. nauch. tr. – Maikop: Izd-vo AGU, 2011. Vyp. 8. – S. 3–16. (In Russ.).

ShMIDT S.O. *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [Historian's Path: Selected Works on Source Studies and Historiography]. – M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1997. – 612 s. (In Russ.).

ShMIDT S.O. *Nekotorye voprosy istochnikovedeniya istoriografii* [Some issues of source study of historiography]. In: Problemy istorii, obshchestvennoi mysli i istoriografii (k 75-letiyu akademika M.V. Nechkinoi). – M.: Nauka, 1976. – S. 258–273. (In Russ.).

Информация об авторах

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.
А.А. Журтова – кандидат исторических наук.
И.С. Тахушева – лаборант-исследователь.
Н.С. Лаврова – кандидат исторических наук.

Information about the authors

P.A. Kuzminov – Doctor of Science (History), professor.
A.A. Zhurtova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.
I.S. Takhusheva – laboratory assistant.
N.S. Lavrova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 39+316.346.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201
EDN: CXFBZN

ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ АДЫГЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: НА ПРИМЕРЕ СРАВНЕНИЯ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ СТУДЕНТОВ В Г. МАЙКОП

Мурат Юсуфович Донежук
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, donezhuk.murat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6571-1642

Аннотация. В статье рассматривается бытование адыгейского языка в среде адыгейской молодежи обучающейся в ВУЗах г. Майкоп. В частности, сравниваются две группы студентов адыгейцев: студенты, родившиеся в городе и родившиеся в сельской местности. Исследование основано на результатах этносоциологического массового опроса студенческой молодежи в вузах г. Майкоп, проведенного весной 2021 г. Полученные данные показывают, что городские студенты адыгейцы, реже чем студенты, родившиеся в сельской местности, используют адыгейский язык в общении дома, на улице и работе. Самыми значимыми причинами подобного бытования адыгейского языка видится то, что студенты, родившиеся в городе реже, владеют адыгейским языком, а также проживают в полиэтнической среде, которая ограничивает применение языка в повседневной жизни.

Ключевые слова: адыгейский язык, адыгейская молодежь, бытование языков, языковое поведение, адыги.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Разработка модели общественно-научного мониторинга реализации прав граждан на использование родных языков и этнокультурное образование» Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

Для цитирования: Донежук М.Ю. Проблемы бытования адыгейского языка среди адыгейской молодежи: на примере сравнения городских и сельских студентов в г. Майкоп // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN.

© Донежук М.Ю., 2023

Original article

PROBLEMS OF EXISTENCE OF THE ADYGEAN LANGUAGE AMONG THE ADYGEAN YOUTH: ON THE EXAMPLE OF COMPARISON OF URBAN AND RURAL STUDENTS IN THE CITY OF MAIKOP

Murat Yu. Donezhuk
Institute of Ethnology and Anthropology. N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, donezhuk.murat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6571-1642

Abstract. The article handles the existence of the Adyghe language among the Adyghe youth studying in the universities of Maykop. In particular, two groups of Adyghe students are compared: students born in the city and those born in the countryside. This study is based on the results of an ethno-sociological mass survey of student youth in universities in Maikop, conducted in the spring of 2021. The data obtained show that Adyghe city students, less often than students born in rural areas, use the Adyghe language in communication at home, on the street, and at work. The most significant reasons for such existence of the Adyghe language seem to be that students born in the city are less likely to speak the Adyghe language, and also live in a multi-ethnic environment that limits the use of the language in everyday life.

Keywords: Adyghe language, Adyghe youth, existence of languages, language behavior, Adyghes.

Gratitude: The article was prepared within the framework of the project "Development of a model of socio-scientific monitoring of the implementation of citizens' rights to use native languages and ethnocultural education" Program of fundamental and applied scientific research of the Russian Academy of Sciences on the topic "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening all-Russian identity.

For citation: Donezhuk M.Yu. Problems of existence of the Adygean language among the adygean youth: on the example of comparison of urban and rural students in the city of Maikop. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 188-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-188-201. EDN: CXFBZN.

© Donezhuk M.Yu., 2023

Введение

Одной из наиболее острых проблем в вопросе сохранности, а также развитии культур различных народов России остается сбережение языков. Эта проблема является не только общероссийской, на также и общечеловеческой. Уровень владения, частота и глубина использования языка своей этнической группы имеет принципиальное значение для сохранения этнической идентичности, самосознания и этнической общности. С конца 80-х гг. прошлого века, по всей стране усилились национальные движения, выступающие как за сохранение идентичности, культуры, так и за сохранение миноритарных языков. Тем не менее, изменившиеся условия жизни, в частности активная урбанизация населения, вытекающая из усиления миграционных потоков, унификация образа жизни и постоянное изменение этнической структуры регионов ведут к снижению частоты использования языков этнических меньшинств. Эти процессы остаются актуальными для множества регионов мира, России и, в частности, для Республики Адыгея.

В средствах массовой информации постоянно появляются записи о бедственном положении адыгейского языка, о том, что он находится под угрозой исчезновения. С подобной риторикой можно столкнуться и в социальных се-

тях[1]. При этом часто указывается, что в городе адыгейские дети реже и хуже владеют адыгейским языком, в то время как среди детей, живущих в сельской местности, ситуация диаметрально противоположна. Давая свою оценку, ЮНЕСКО классифицирует адыгейский язык как «уязвимый», т.е. «большинство детей говорят на этом языке, но он может быть ограничен определенными областями (например, домом)»[2].

В рамках этой работы будут рассмотрены сферы, в которых адыгейская студенческая молодежь использует адыгейский язык. Для сравнения взяты студенты, родившиеся в городской и сельской местности.

Научная разработанность темы

Исследователи языковых процессов в Адыгее отмечали, что из адыгейского языка выпали «целые пласты лексики», а сам язык стал средством преимущественно домашнего, т.е. бытового общения [Унарокова и др. 2017: 128-129]. А основным местом употребления адыгейского языка являются места компактного проживания адыгов [Цветков 2018: 489]. Н.А. Хамерзокова отмечает наблюдающуюся среди абитуриентов Факультета адыгейской филологии и культуры АГУ тенденцию, заключающуюся в ухудшающемся владении адыгейским языком. Помимо этого, она указывает на устаревание имеющихся учебников адыгейского языка, которые не учитывают новые условия преподавания. Все это, в купе негативно влияет на преподавание и усвоение материалов по адыгейскому языку и литературе [Хамерзокова 2018: 9-12]. Н.А. Кузнецов указывает на происходящий в Адыгее «сдвиг» адыгейского языка, т.е. постепенный переход адыгейского населения на русский язык [Кузнецов 2021: 115]. Это подтверждают данные адыгейских социологов, которые указывают на то, что адыгейский язык в основном используется в бытовой сфере [Ханаху и др. 2018: 292].

Помимо этого, исследователи языковых процессов в Адыгее занимаются вопросами взаимосвязи языка и идентичности, потенциалом для расширения сфер применения адыгейского языка заключающихся по мнению Р.Д. Хунагова, З.А. Жаде, С.А. Ляушевой в усилении позиций последнего в интернете, поддержке издательской деятельности на адыгейском языке, подготовке новых методических подходов к его преподаванию и прочее [Хунагов и др. 2022].

Перед рассмотрением вопросов, связанных с языковыми компетенциями, стоит сказать, что на них сказываются условия различного характера: внешнего и внутреннего. М.Н. Губогло указывал, что влияние внешних условий, т.е. макросреды обусловлены экономическими, политическими, государственными, идеологическими и прочими факторами, способными воздействовать на языковую ситуацию напрямую и косвенно. Но, «Не упускаются из вида и индивидуальные, личностные характеристики носителей двуязычия» [Губогло 1998:

[1] Мы должны сохранить в себе все адыгское // OK.ru: группа в социальных сетях «Одноклассники». 2021. 11 июл. URL: https://ok.ru/adigagroup/topic/63790238897422 (дата обращения: 15.11.2021).
[2] Атлас языков народов мира, находящихся под угрозой исчезновения // UNESCO: официальный сайт учреждения ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas (дата обращения: 19.03.2022).

110]. К последним относятся национальность, образование, пол и прочее. В рамках этой работы, преимущественно будет рассмотрено воздействие условий макросреды.

В целом, вопросы функционирования адыгейского языка в Адыгее разработаны достаточно широко. Среди исследователей есть некоторый консенсус, заключающийся в признании достаточно уязвимого положения адыгейского языка и сокращения сфер его применения. Тем не менее, специализированных исследований использования адыгейского языка городской и сельской частью адыгейского населения Адыгеи нет.

Про исследование

Эмпирической основой этого исследования являются, материалы этносоциологического опроса студенческой молодежи в г. Майкоп в 2021 г. проведенного в АГУ, МГТУ, МГГТК АГУ и АПК им. Х. Андрухаева. В рамках исследования было опрошено 320 адыгейцев, из которых 44 % являются мужчинами, а 56 % женщинами. Половина респондентов – родились в городе (50 %), а 42 % в сельской местности. 7 % опрошенных указали только название региона, 1 % вовсе указали место рождения.

Респондентам было предложено ответить на блок вопросов, посвященных тому, какими языками они владеют, уровню владения этими языками, какими из них они пользуются при общении дома, на работе или учебе, а также на улице. Основной целью опроса являлось выявление языковых компетенций и языкового поведения адыгейской студенческой молодежи. В настоящей же работе будут сравниваться ответы на вопрос «На каких языках Вы говорите с окружающими дома, на работе/учёбе, на улице?», которые были даны респондентами, родившимися в городе и сельской местности. Полученные данные являются иллюстративным материалом, позволяющим провести анализ причин, из которых проистекает разница в бытовании языка между обеими группами.

Полученные результаты

Полученные результаты указывают на то, что примерно половина респондентов общаются дома на адыгейском языке. Треть указала «русский и адыгейский языки». Только русский язык в роли языка для домашнего общения использует почти одна пятая. Также, по 4 % указало кабардино-черкесский и другие языки (диагр. 1). Среди студентов, родившихся в городе 24 % разговаривают дома исключительно на адыгейском языке (диагр. 1). Доля сельчан в этом отношении значительно выше и составляет 70 %. На русском и адыгейском языках среди горожан дома общается 42 %. Такой же ответ дало менее четвертой части респондентов, родившихся в сельской местности, что вдвое меньше, чем в предыдущей группе. Наибольшие различия между горожанами и сельчанами заметны по использованию в быту русского языка: треть горожан, против 5 % сельчан разговаривают в указанной ситуации на русском языке, т.е. в шесть раз меньше чем в первой группе. Кабардино-черкесский язык указало 3 % родившихся в городе и 2 % в селе, а другие языки – 4 % и 1 % соответственно (диагр. 1).

Как отметили сами респонденты, на работе/учебе они общаются преимущественно на русском языке – 66 %. Менее трети опрошенных используют адыгейский и русский языки совместно (диагр. 2). А адыгейский и другие языки указало по 2% респондентов, кабардино-черкесский всего лишь 1% (диагр. 2). Заметно, что для городской молодежи не характерно использование адыгейского языка в указанной сфере. Русский же язык, в указанной группе, употребляет 73 % опрошенных. Доля сельской молодежи, использующей на работе или учебе исключительно русский язык на 18 процентных пунктов ниже, а доля говорящих в этих условиях на адыгейском языке крайне мала (диагр. 2). Значительная часть опрошенных говорит на адыгейском и русском языках совместно – 38 % сельчан и 25 % горожан. Среди обеих групп по 1 % отметили, что используют кабардино-черкесский. Только среди городской молодежи наблюдается группа, общающаяся на других языках на работе и/или учебе – 4 % (диагр. 2).

Половина респондентов указала в качестве языка уличного общения русский язык. Комбинацию из адыгейского и русского языков использует более трети – 36 %. Адыгейский отдельно указало 8 % опрошенных. Кабардино-черкесский, как и другие языки только 2 % (диагр. 3). Участники опроса редко используют исключительно адыгейский язык на улице, вне зависимости от того родились они в городе или селе – 3 % и 14 % соответственно. Адыгейский и русский языки вместе, в ответах опрошенных встречаются чаще. Тем не менее, доля сельчан заметно выше – 46 %, против 29 % у городской молодежи. Русский же язык чаще встречался в ответах горожан – 63 %, в то время как среди сельчан этот показатель почти вдвое ниже – 34 % (диагр. 3). По 2 % опрошенных в обоих группах указало, что используют при общении на улице кабардино-черкесский язык. На других языках разговаривает только городская молодежь – 3 %.

Диаграмма 1. Языки, которые респонденты используют при домашнем общении (в %)

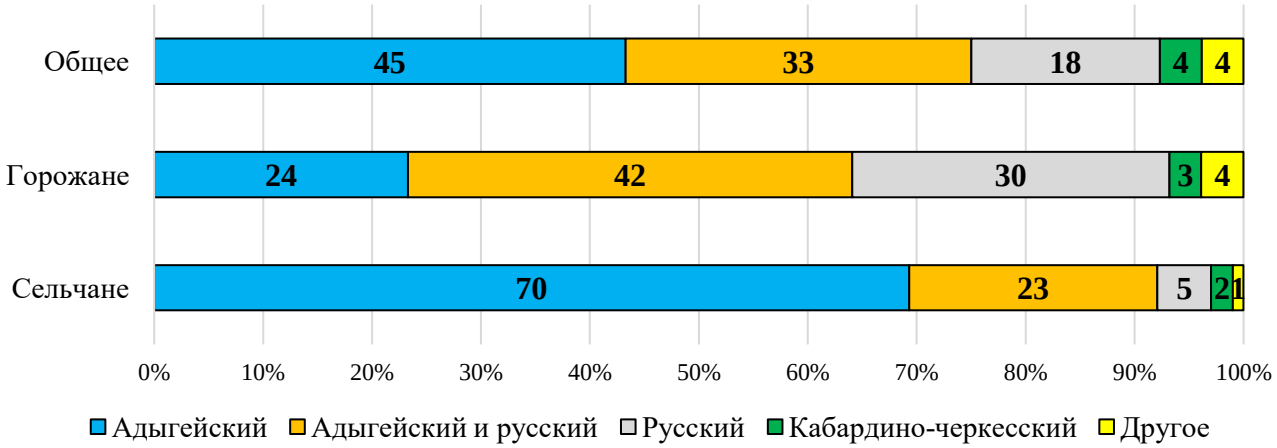


Диаграмма 2. Языки, которые респонденты используют при общении на работе/учебе (в %)

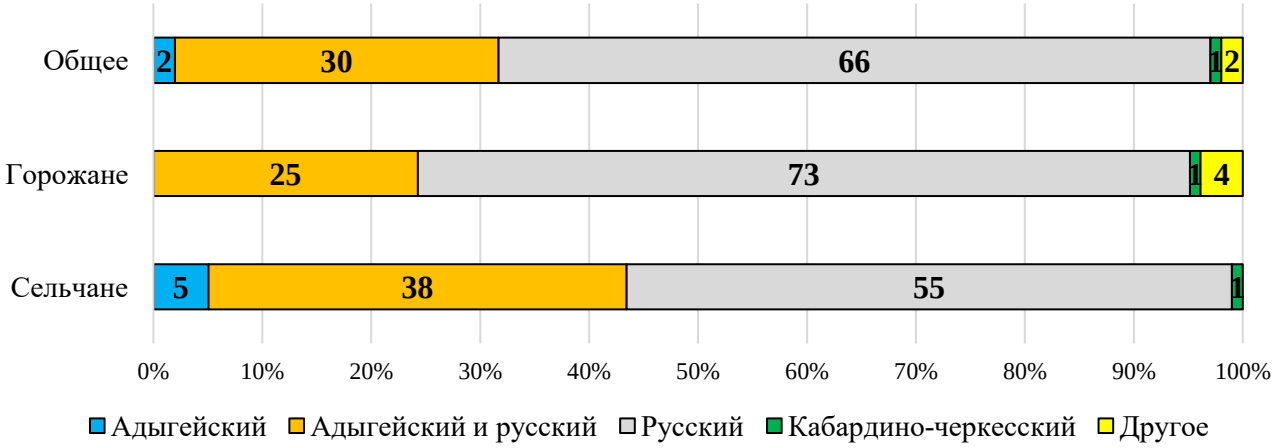
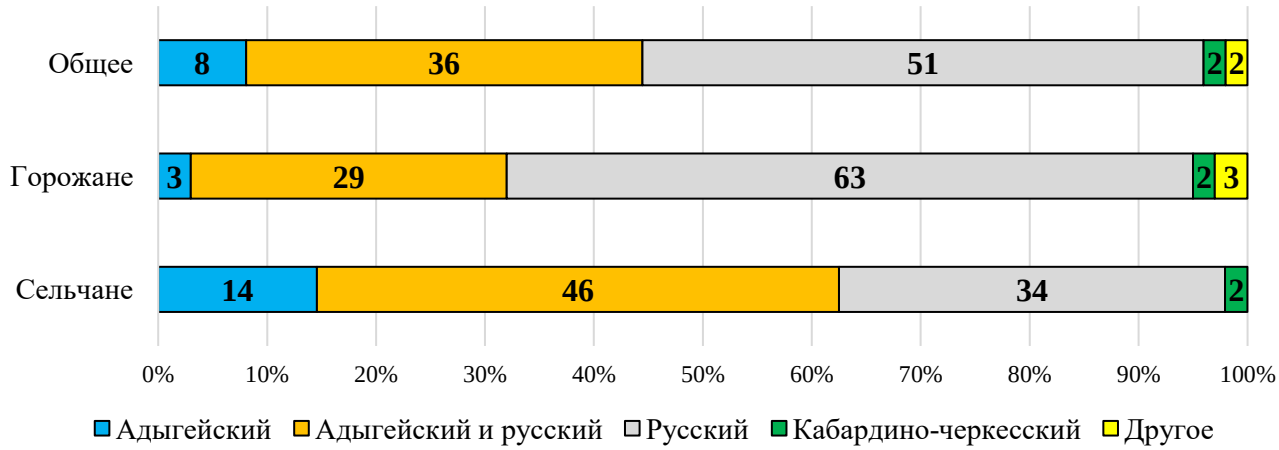


Диаграмма 3. Языки, которые респонденты используют при общении на улице (в %)



Сравнение с результатами других исследований

Если сравнить полученные результаты с итогами социологического опроса проведенного в Адыгее Т.Л. Пятаковой, то заметна разница: «Отрадно было зафиксировать факт значительного увеличения процента респондентов-адыгов, говорящих на адыгейском языке в школе (на работе) – 32 %, в предыдущих исследованиях мы фиксировали всего 1 %» [Пятакова 2011: 61]. В нашем этносоциологическом исследовании 2021 г. этот показатель составил 2 % (говорящих на учебе или работе на адыгейском языке) и еще 30 % употребляющих оба государственных языка. Можно предположить, что эта разница является следствием проведенного нами разделения между вариантами «адыгейский» и «адыгейский и русский», которые были посчитаны как отдельные варианты. Описывая результаты социологического исследования, посвященного современному состоянию адыгейского языка в Адыгее, З.Х. Гучетль отмечает, что аульские дети, т.е. дети, проживающие в моноэтничной среде не всегда способны перевести некоторые «широко употребляемые слова» [Гучетль 2021: 203-204]. Т.е. в этом случае, также делается акцент на этническом составе окружения, которое

непосредственно влияет на языковые практики: «Если в населенных пунктах с моноэтническим населением у школьников имеются столь существенные пробелы в знании языка, то у жителей населенных пунктов, в которых доминирует русский, знания адыгейского языка еще хуже» [Гучетль 2021: 203-204].

Преобладание «национального языка», т.е. не русского языка, в среде сельской молодежи отмечалось не только в Адыгее. Исследуя особенности языковой жизни среди татар в различных уголках Советского Союза, М.Н. Губогло пришел к выводу: «В сельской местности случаи сохранения родного языка встречаются у татар гораздо чаще, чем в городской» [Губогло 1969: 20]. Р.А. Старченко и В.В. Степанов указали на то, что среди крымских татар, проживающих в сельской местности, крымско-татарский язык более заметен [Старченко и др. 2017: 206]. Р.И. Зинурова описывая ситуацию в языковой жизни Татарстана приходит к выводу, что татарская молодежь владеет татарским языком меньше, чем татарское население в целом. Она считает, что подобная ситуация может быть связана с тем, что: «…старшее поколение татар, прошедшее этап первичной этнической социализации в татароязычной среде (как в семье, так и в группе сверстников) в абсолютном своем большинстве владеют родным языком» [Зинурова 2004: 307]. Т.е. социализация в татароязычной среде обуславливает более высокий уровень владения татарским языком среди старшего поколения татар.

Из приведенных материалов видно, что в полиэтничных регионах, нерусское население, проживающее в сельской местности лучше городского, владеет условным «языком своей национальности». Причем, эта ситуация не является уникальной.

Причины в различиях владения адыгейским языком между городской и сельской молодежью

Можно выделить три значимые причины заметного различия в бытовании адыгейского языка между городской и сельской адыгейской молодежью: 1. Разница во владении языком; 2. Экономические условия; 3. Моноэтничность сельской и полиэтничность городской сред.

Как показали результаты массового опроса адыгейской студенческой молодежи в г. Майкоп, адыгейским языком владеет 96 % выходцев из села и 74 % студентов, родившихся в городе, при этом, сельчане значительно чаще владеют адыгейским языком на более высоком уровне, нежели горожане [Донежук 2021: 78,79]. Эти данные указывают на принципиальное различие во владении адыгейским языком между городом и селом, которое в конечном счете будет сказываться на языковой практике.

Тот факт, что значительная часть населения Адыгеи ежедневно выезжает на заработки в Краснодарский край, указывает на существующие непростые экономические условия в республике. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, только в одном 2018 г. 17 % трудящегося населения Адыгеи занималась трудовой деятельностью в других субъектах федера-

ции[1]. Замечу, что к этим цифрам стоит относиться с определенной долей скептицизма, т.к. часто встречается практика, при которой часть населения трудится неофициально.

Подобная трудовая миграция связана с тем, что в Адыгее одни из самых низких показателей среднемесячной номинальной зарплаты по ЮФО, в то время как Краснодарский край по этим показателям занимает лидирующие позиции[2]. Также, заметно отсутствие в Адыгее сложных и наукоемких производств [Республика 2021: 47]. Т.е. рынок труда в республике является узким как в отношении номинальных зарплат, так и сфер трудовой деятельности. Последнее заметно в разрезе миграционных процессов в регионе. С. Курижева являющаяся Руководителем Управления федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея отмечала, что: «В подгруппе «лица, имеющие ученую степень» наблюдается миграционная убыль, в группе «уровень образования не указан» число выбывших в 2,8 раза превышает число прибывших»[3].

Если рассмотреть этническую структуру населения Адыгеи, то заметно, что 41 % адыгейцев проживает в городах, а 59 % в сельской местности[4]. В Майкопе доля адыгейского населения составляет всего 17 %. В районах с самой большой долей адыгейцев картина значительно отличается: Тахтамукайский р-он – 32 %; Кошехабльский р-он – 40 %; Шовгеновский р-он – 62 % адыгейцев; Теучежский р-он – 64 %[5]. При этом, здесь не учитывается тот факт, что в аулах доля адыгейцев значительно выше, а русское население преимущественно про-

[1] Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации в 2018 году // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab3_2018.xls (дата обращения: 07.02.2022).

[2] Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по субъектам Российской Федерации с 2018 года // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab4.xlsx (дата обращения: 08.08.2021).

[3] О миграции в цифрах и фактах. Интервью «СА» с заместителем руководителя Управления федеральной службы госстатистики по Краснодарскому краю и Адыгее // Советская Адыгея: официальный печатный орган Правительства Республики Адыгея. 2019. 15 мар. URL: https://sovetskaya-adygeya.ru/2019/03/15/o-migratsii-v-tsifrakh-i-faktakh-intervyu-sa-s-zamestitelem-rukovoditelya-upravleniya-federalnoj-sluzhby-gosstatistiki-po-krasnodarskomu-krayu-i-adygee/ (дата обращения: 25.02.2022).

[4] Национальный состав и владение языками, гражданство. Том 4. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея: Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: https://docviewer.yandex.ru/?tm=1656590452&tld=ru&lang=ru&name=Том %204. %20Национальный %20состав %20и %20владение %20языками, %20гражданство.pdf&text=Всероссийская+перепись+населения+2010+года.+Численность+населения+Республики+Адыгея.+Том+4.+Национальный+состав&url=https %3A//krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/ %25D0 %25A2 %25D0 %25BE %25D0 %25BC %25204. %2520 %25D0 %259D %25D0 %25B0 %25D1 %2586 %25D0 %25B8 %25D0 %25BE %25D0 %25BD %25D0 %25B0 %25D0 %25BB %25D1 %258C %25D0 %25BD %25D1 %258B %25D0 %25B9 %2520 %25D1 %2581 %25D0 %25BE %25D1 %2581 %25D1 %2582 %25D0 %25B0 %25D0 %25B2 %2520 %25D0 %25B8 %2520 %25D0 %25B2 %25D0 %25BB %25D0 %25B0 %25D0 %25B4 %25D0 %25B5 %25D0 %25BD %25D0 %25B8 %25D0 %25B5 %2520 %25D1 %258F %25D0 %25B7 %25D1 %258B %25D0 %25BA %25D0 %25B0 %25D0 %25BC %25D0 %25B8 %2C %2520 %25D0 %25B3 %25D1 %2580 %25D0 %25B0 %25D0 %25B6 %25D0 %25B4 %25D0 %25B0 %25D0 %25BD %25D1 %2581 %25D1 %2582 %25D0 %25B2 %25D0 %25BE.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=3091e8ed3c0abd88ea09c6b79e7cb01e&keyno=0 (дата обращения: 12.12.2021).

[5] Там же.

живает в селах и станицах. Помимо этого, поиск рабочих мест часто приводит к переезду в города или населенные пункты, находящиеся рядом с ними [ПМА №2]. Учет же лиц, сменивших таким образом место жительства, затрудняется съемом квартир и тем фактом, что в последующих переписях они и дальше будут учитываться по месту регистрации, а не фактического места проживания.

В Адыгее наблюдается медленное «старение» структуры сельского населения и постепенное «омоложение» городского. Это непосредственным образом вытекает из постепенного оттока молодежи из сельской местности в город. Как следствие, на 2010 г. доля адыгейцев, живущих в городе в возрасте от 15 до 29 лет в Адыгее, составляла 27%, что выше общероссийских показателей[1]. Подобное положение связано с экономическими факторами, такими как безработица, низкие заработные платы и узость рынка труда, которые приводят к оттоку трудоспособного населения в города или заставляют работать за пределами республики в полиэтничном окружении. Тем самым проблемы экономического характера способствуют тому, чтобы адыгейская молодежь жила и работала в условиях, где применение адыгейского языка возможно исключительно при домашнем общении.

Этнодемографическая структура населения в контексте данного исследования является определяющей, т.к. важным условием бытования языков, частоты и глубины их применения является моноэтничность или полиэтничность среды. М.Н. Губогло в 1969 г. характеризуя языковые процессы среди татар в Казахской ССР, писал: «…чем больше превосходит инонациональная среда численность татар, тем скорее татары приобщаются к русскому языку» и далее: «…чем меньшую долю составляют татары среди коренного казахского населения, тем большее число татар приобщается к казахскому языку, указывая его своим родным языком» [Губогло 1969: 28]. Это объясняется тем, что трудовая и учебная деятельность в иноязычном окружении обуславливает использование общего языка. В роли такого, в Адыгее, выступает русский язык. И.Л. Бабич на примере причерноморских шапсугов указывает на взаимосвязь между этнической структурой окружения и сферах использования шапсугского языка: «Безусловно, в аулах с преобладающим шапсугским населением бытование шапсугского языка значительно шире, чем в смешанных поселках. Однако количество смешанных по составу населенных пунктов в Причерноморье неуклонно увеличивается, а сфера применения шапсугского языка сокращается» [Бабич 2019: 153]. Т.е., при проживании в полиэтничном окружении, к примеру, в г. Майкоп, необходимость использования русского языка значительно повышается, а возможность применения адыгейского языка сокращается.

Вместе с этим, единственной сферой доступной для адыгейского языка остается не официальное, межличностное общение, преимущественно в семье. На это указывает В.А. Кожемякина: «Наиболее интенсивно адыгейский язык

[1] Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации. Всероссийская перепись населения 2010. // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.xlsx (дата обращения: 12.07.2022).

функционирует в неофициальных, не регламентируемых государством сферах общения. Межличностное общение между адыгейцами в различных ситуациях – семья, транспорт, дружеское общение и т.д. – происходит, как правило, на адыгейском языке (при условии, что все собеседники – адыгейцы)» [Кожемякина 2008: 91]. Наиболее важным для сохранения адыгейского языка видится расширение сфер и частоты его применения. К такому же выводу на примере Татарстана приходит Р.И. Зинурова: «Видимый уровень проблемы заключается в максимальном внедрении татарского языка в различные сферы жизнедеятельности татарского общества…» [Зинурова 2004: 309]. Также, она отмечает, что: «Концептуальным положением, на котором базируется этноязыковая социализация личности в образовательном процессе, является создание активной национальной языковой среды и использование ее педагогических возможностей» [Зинурова 2004: 337].

Стоит оговориться, что причины, приводящие к сокращению сфер где может применяться адыгейский язык более многочисленны. Среди них нехватка учебных часов, выделяемых для изучения адыгейского языка [Цветков 2018: 492-493]. Также, вызывает большие вопросы понятие «носитель языка» регламентирующие преподавание адыгейского языка в школе: «Один из экспертов указал на то, что Закон Республики Адыгея от 27 декабря 2013 г. «Об образовании в Республике Адыгея», регулирующий преподавание адыгейского языка, содержит норму, требующую уточнения. В Законе говорится о том, что в образовательных организациях основного общего и среднего образования, имеющих государственную аккредитацию, изучение адыгейского языка является обязательным для носителей языка. На практике под понятие «носитель языка» попадают, в основном, дети адыгейской национальности. Однако носителями языка могут быть дети иных национальностей, в то время как дети адыгейской национальности могут не знать языка, т. е., могут не являться носителями языка. Кроме того, уровень знания детьми адыгейского языка может колебаться в больших интервалах, что затрудняет понимание и практическое использование нормы «носитель языка». Таким образом, указанная норма требует уточнения» [Цветков 2018: 492]. Имеются сложности с самим преподаванием адыгейского языка в классе, где дети могут владеть им на различном уровне [Гучетль 2021: 202]. Тем не менее, главными видятся освещенные выше экономическая ситуация и связанная с этим смена моноэтничного окружения на полиэтничное. Ведь, как метко заметил М.Н. Губогло: «Сфера действия «своих» языков замыкается в основном домашним бытом, в то время как второй язык получает монопольные права на все остальное. В недрах рассматриваемого типа двуязычия не возникает проблема выбора (естественного или искусственного) языка как средства межнациональных общений. Язык для такой роли подсказывается самой жизнью» [Губогло 1998: 64-65]. Тем самым можно сказать, что изменения в экономике и связанных с ней общественной жизнью, социальными связями создают специфические условия, мешающие работе по сохранению адыгейского языка. И тут, сами условия диктуют то на каком языке будет вестись общение.

Несмотря на это, в Адыгее проводится большая работа, направленная на сохранение адыгейского языка и расширение сферы его бытования. В качестве

примера можно выделить создание консультативного органа - Совета по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея, а также Проектного офиса по изучению и сохранению адыгейского языка на базе АРИГИ, проведение ежегодных акций «Адыгэ диктант» приуроченных ко Дню адыгейского языка и письменности [Хунагов и др. 2022: 261]. Создаются новые учебные пособия по адыгейскому языку для общеобразовательных школ [ПМА № 1]. Автономная некоммерческая организация «Черкесская медиаплатформа" занимается созданием контента на адыгейском языке, а также переводами мультипликационных фильмов для детей на адыгейский язык [ПМА № 3]. В 15 детских садах Республики Адыгея в пилотном формате ведется преподавание адыгейского языка [ПМА № 3].

Выводы

Основной сферой бытования адыгейского языка среди адыгейской студенческой молодежи является домашнее общение. Сравнение же респондентов горожан и сельчан показало, что последние значительно чаще используют адыгейский язык, а также «адыгейский и русский» языки при общении в разных сферах деятельности. Только небольшая часть городской молодежи разговаривает дома на адыгейском языке. Это объясняется особенностями языковых компетенций в рассматриваемых группах: молодежь, родившаяся в городе заметно реже, указывала что владеет адыгейским языком, нежели сельская. При этом сам уровень владения заметно ниже. Но решающее значение имеет моноэтничность или же полиэтничность среды, т.к. с этим условием связан процесс первичной социализации и овладения языком в детстве. В будущем, от структуры этнического окружения будет зависеть частота и глубина использования языка, которая будет опрокидываться в семейную жизнь. Т.е. в разрезе этой работы наибольшее значение имеют причины вызывающие указанную разницу в бытовании адыгейского языка между городской и сельской молодежью, а также то как эти причины в дальнейшем будут нивелировать имеющиеся различия.

Исходя из этого, можно сказать следующее: без создания рабочих мест в сельской местности, улучшения условий жизни, в том числе и в культурном отношении, видимых изменений в сохранении адыгейского языка не будет. Только достаточно компактное проживание адыгейцев, в купе с созданием моноэтничных коллективов, где будет возможно разностороннее использования языка, может положительно повлиять на положение адыгейского языка. Тем не менее, как было сказано выше, подобные изменения крайне маловероятны, т.к. они должны представлять из себя сложный комплекс мероприятий. А в имеющихся условиях недостатка вакансий на местах, и связанных с этим трудовых миграций, положительных изменений в статусе и действительном бытовании адыгейского языка не предвидится.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бабич 2019 – *Бабич И.Л.* Современные языковые процессы как фактор национальной идентичности причерноморских адыгов-шапсугов // Е. И. Филиппова, С. В. Соколовский (отв. ред.). Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – С. 137-159.

Губогло 1969 – *Губогло М.Н.* О влиянии расселения на языковые процессы // Советская этнография. – 1969. – № 5. – С. 16-30.

Губогло 1998 – *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 816 с.

Гучетль 2021 – *Гучетль З. Х.* Современное состояние адыгейского языка в условиях в глобализациии (на материале социологических исследований) // Анатолий Несторович Генко и Кавказ: Материалы международной научной конференции, Карачаевск, 25–26 ноября 2021 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2021. – С. 198-205.

Донежук 2021 – *Донежук М. Ю.* Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества: владение и бытование // Вестник антропологии. – 2021. – № 4. – С. 75-91.

Зинурова 2004 – *Зинурова Р.И.* Этническая социализация молодежи. – Казань: Издательство Казанского университета, 2004. – 456 с.

Кожемякина 2008 – *Кожемякина В. А.* Особенности языковой ситуации в Республике Адыгея // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8-1. – С. 88-91.

Кузнецов 2021 – *Кузнецов Н.А.* Современная социолингвистическая ситуация в городе Майкопе // Социолингвистика. – 2021. – №4 (8). – С. 101-118.

ПМА № 1 – *Полевые* материалы автора № 1. Адыгея, г. Майкоп – 27.06.2022 г.

ПМА № 2 – *Полевые* материалы автора № 2. Адыгея, г. Майкоп – 27.06.2022 г.

ПМА № 3 – *Полевые* материалы автора № 3. Адыгея, г. Майкоп – 28.06.2022 г.

Пятакова 2011 – *Пятакова Т. Л.* Языковая ситуация в сфере образования в Республике Адыгея (по материалам социологических исследований) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 3. – С. 59-63.

Республика 2021 – *Республика* Адыгея в цифрах 2010-2020 годы. Под ред. Курнякова Т.А. Краткий статистический сборник. – Майкоп: Управление федеральной службы госстатистики по Краснодарскому краю и Адыгее, 2021. – 176 с.

Старченко и др. 2017 – *Старченко Р.А., В.В. Степанов В.В.* Языковая политика в Крыму / Языковая политика, конфликты и согласие. – М.: ИЭА РАН, 2017. – 272 с.

Унарокова и др. 2017 – *Унарокова Р.Б., Бижева З.Х., Цеева З.А., Унарокова Ф.Д.* Лексикографическая база данных адыгских языков: основные принципы построения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2017. – №4 (207). – С. 126-132.

Хамерзокова 2018 – *Хамерзокова Н.А.* Изучение родного языка и государственная политика // Псалъ. – 2018. – № 15 (18). – С. 9-12.

Ханаху и др. 2018. – Ханаху Р.А., Гучетль З.Х. Этнические языки в условиях глобализации: угрозы, риски// Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". – 2018. – № 10. – С. 289-298.

Хунагов и др. 2022 – *Хунагов Р.Д., Жаде З.А., Ляушева С.А.* Язык как маркер этнокультурной идентичности в Республике Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 259-264.

Цветков 2018 – *Цветков О. М., Гучетль З.Х.* Адыгейский язык: поиск путей сохранения и развития // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа: Материалы VI-ой Международной конференции, Магас, 10–13 мая 2018 года / ФГБОУ ВО "Ингушский государственный университет". – Магас: ООО "КЕП", 2018. – С. 489-495.

REFERENCES

BABICH I.L. *Sovremennye yazykovye processy kak faktor nacional'noj identichnosti prichernomorskih adygov-shapsugov* [Modern language processes as a factor in the national identity of the Black Sea Circassians-Shapsugs]. In: E. I. Filippova, S. V. Sokolovskij (otv. red.). *Smert' yazyka — smert' naroda? Yazykovye situacii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah* [Is the death of a language the death of a people? Language situations and language rights in Russia and neighboring states]. – M.: Goryachaya liniya – Telekom. – 2019. – P. 137-159. (In Russ.).

GUBOGLO M.N. O vliyanii rasseleniya na yazykovye processy [On the influence of settlement on language processes]. IN: Sovetskaya etnografiya. – 1969. – № 5. – P. 16-30. (In Russ.).

GUBOGLO M.N. *Yazyki etnicheskoj mobilizacii* [Languages of ethnic mobilization]. – M.: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1998. – 816 p. (In Russ.).

GUCHETL' Z. H. *Sovremennoe sostoyanie adygejskogo yazyka v usloviyah v globalizaciii (na materiale sociologicheskih issledovanij)* [The current state of the Adyghe language in the context of globalization (based on sociological research)]. In: Anatolij Nestorovich Genko i Kavkaz: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Karachaevsk, 25–26 noyabrya 2021 goda. – Karachaevsk: Karachaevo-CHerkesskij gosudarstvennyj universitet imeni U.D. Alieva, 2021. – P. 198-205. (In Russ.).

DONEZHUK M. YU. *YAzykovoe povedenie i kompetencii adygejskogo studenchestva: vladenie i bytovanie* [Linguistic Behavior and Competencies of the Adyghe Students]. In: Vestnik antropologii. – 2021. – № 4. – P. 75-91. (In Russ.).

ZINUROVA R.I. Etnicheskaya socializaciya molodezhi [Ethnic socialization of youth]. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2004. – 456 p. (In Russ.).

KOZHEMYAKINA V. A. *Osobennosti yazykovoj situacii v Respublike Adygeya* [Features of the language situation in the Republic of Adygea]. In: Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2008. – № 8-1. – P. 88-91. (In Russ.).

KUZNETSOV N.A. *Modern sociolinguistic situation in the city of Maykop* [Sovremennaya sociolingvisticheskaya situaciya v gorode Majkope]. In: Sociolinguistics. – 2021. – №. 4 (8). – P. 101-118. (In Russ).

Polevye materialy avtora № 1 [Field materials of the author No. 1]. Adygeya, g. Majkop – 27.06.2022 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora № 2 [Field materials of the author No. 2]. Adygeya, g. Majkop – 27.06.2022 g. (In Russ.).

Polevye materialy avtora № 3 [Field materials of the author No. 3]. Adygeya, g. Majkop – 28.06.2022 g. (In Russ.).

PYATAKOVA T. L. *Yazykovaya situaciya v sfere obrazovaniya v Respublike Adygeya (po materialam sociologicheskih issledovanij)* [The language situation in the field of education in the Republic of Adygea (based on sociological research)]. In: Sborniki konferencij NIC Sociosfera. – 2011. – № 3. – P. 59-63. (In Russ.).

Respublika Adygeya v cifrah 2010-2020 gody [Republic of Adygea in figures 2010-2020]. Pod red. Kurnyakova T.A. Kratkij statisticheskij sbornik. – Majkop: Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Territory and Adygea, 2021. – 176 p. (In Russ.).

STARCHENKO R.A., STEPANOV V.V. *YAzykovaya politika v Krymu* [Language policy in the Crimea]. In: YAzykovaya politika, konflikty i soglasie. – M.: IEA RAN – 2017. – P. 272. (In Russ.).

UNAROKOVA R.B., BIZHEVA Z.H., CEEVA Z.A., UNAROKOVA F.D. *Leksikograficheskaya baza dannyh adygskih yazykov: osnovnye principy postroeniya* [Lexicographic database of the Adyghe languages: basic principles of construction]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. – 2017. – №4 (207). – P. 126-132. (In Russ.).

HAMERZOKOVA N.A. *Izuchenie rodnogo yazyka i gosudarstvennaya politika* [Mother tongue learning and public policy]. №: *Psal*". – 2018. – № 15(18). – P. 9-12. (In Russ.).

HANAHU R.A., GUCHETL Z.Kh. *Ethnic languages in the context of globalization: threats, risks* [Etnicheskie yazyki v usloviyah globalizacii: ugrozy, riski]. In: Electronic network polythematic journal "Scientific Works of KubGTU". – 2018. – № 10. – P. 289-298. (In Russ.).

HUNAGOV R.D., ZHADE Z.A., LYAUSCHEVA S.A. *YAzyk kak marker etnokul'turnoj identichnosti v Respublike Adygeya* [Language as a marker of ethnocultural identity in the Republic of Adygea]. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski.* – 2022. – № 2. – P. 259-264. (In Russ.).

CVETKOV O. M., GUCHETL' Z.H. *Adygejskij yazyk: poisk putej sohraneniya i razvitiya* [Adyghe language: search for ways of preservation and development]. In: Gumanitarnye i social'no-politicheskie problemy modernizacii Kavkaza: Materialy VI-oj Mezhdunarodnoj konfer-

encii, Magas, 10–13 maya 2018 goda / FGBOU VO "Ingushskij gosudarstvennyj universitet". – Magas: OOO "KEP", 2018. – P. 489-495. (In Russ.).

Информация об авторе
М.Ю. Донежук – кандидат исторических наук.
Information about the author
M.Yu. Donezhuk – candidate of sciences (History).

Статья поступила в редакцию 26.12.2022 г.; одобрена после рецензирования 20.01.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.
The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 15.03.2023

Научная статья
УДК 39(392)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-202-215
EDN: EEAILE

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ АБХАЗОВ

Рица Шотовна Зельницкая
Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, riza81@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию похоронного обряда в современном абхазском обществе. На протяжении длительного времени предки современных абхазов познакомились с христианством и исламом, и эти мировые религии оставили свой след в обрядовой жизни абхазского общества. Несмотря на их влияние для современных абхазов важно соблюдение не столько религиозных норм, сколько того, что они считают своим традиционным «абхазством», которое само по себе демонстрирует некоторые локальные отличия, которым в статье уделено особое внимание. В статье отражена роль родственниц-плакальщиц, чьи причитания во время похорон «заставляют рыдать даже камень». Также отмечается забота о состоянии души умершего, которая проявляется в том, что родственника абхазы отправляют вместе с покойником вещи, которые, по их мнению, ему непременно пригодятся. Некоторые вещи, как считается, покойный просит во сне, и через них поддерживается связь живых и покойного.

Ключевые слова: абхазы, погребальный обряд, вещи, покойник, плакальщицы, могила, традиции.

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Некоторые аспекты похоронной обрядности у современных абхазов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 202-215. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-202-215. EDN: EEAILE.

© Зельницкая Р.Ш., 2023

Original article

SOME ASPECTS OF FUNERAL RITES AMONG MODERN ABKHAZIANS

Ritsa Sh. Zelnitskaya
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the funeral rite in modern Abkhazian society. For a long time, the ancestors of modern Abkhazians got acquainted with Christianity and Islam, and these world religions have left their mark on the ritual life of Abkhazian society. Despite their influence, it is important for modern Abkhazians to observe not so much religious norms as what they consider their traditional «Abkhazianism», demonstrating some local differences, to which special attention is paid in the article. The article reflects the role of relatives-mourners, whose lamentations during the funeral «make even a stone cry». The concern about the state of the soul of

the deceased is also noted, which is manifested because the Abkhazians send belongings together with the deceased, which in their opinion will certainly be useful to him. Some things, it is believed, the deceased requests in a dream, and through them, the connection between the living and the deceased is maintained.

Key words: Abkhazians, funeral rite, things, the deceased, mourners, grave, traditions.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Some aspects of funeral rites among modern abkhazians. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 202-215. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-202-215. EDN: EEAILE.

© Zelnitskaya R.Sh., 2023

Изучением похоронно (погребально)-поминального обряда у абхазов занимаются с XIX в. по наши дни. Одним из первых, кто обратил внимание на этот обряд, был Ф.Ф. Торнау, когда в первой половине XIX в. приехал в село Лыхны на похороны без покойника и описал увиденное [Торнау 2008: 234]. Еще одним автором, который дает информацию об этом обряде, был А. Введенский. В статье «Религиозные верования абхазцев» автор обращает особое внимание на конфессиональное разделение абхазов, а также отмечает присутствие священнослужителей (мулла и христианский священник) на похоронах как у православных, так и мусульман [Введенский 1871: 1-32]. Религиозная жизнь абхазов в начале XX в. была описана Н.С. Джанашия. Будучи жителем села Адзюбжа Абжуйской Абхазии и носителем абхазского языка и культуры, он в своей работе дает более подробные сведения по данному вопросу. Если Введенский писал, что абхазы хоронили своих покойников в гробах, то Н.С. Джанашия говорит о существовании двух типов гроба «Гробы у абхазов двоякие: без крышки – *аҭоубытҭ* и с крышкой – *акәыба*». Соответственно в первом хоронили мусульман, а во втором православных [Джанашия 1917: 178-179]. Одним из основоположников изучения этнографии абхазов в советский период стал Г.Ф. Чурсин, который в 20-е гг. XX в. собрал богатый этнографический материал по некоторым вопросам традиционной культуры кавказских народов. Эти материалы были опубликованы, как в виде отдельных статей, так и в виде монографии [Чурсин 1957]. Работа Е.М. Шиллинга, которая проходила в это же время, была дополнена новыми исследованиями. Несмотря на то, что Е.М. Шиллинг был специалистом по изучению традиционной культуры народов Северного Кавказа, он написал статью «Абхазы», в которой рассмотрел религиозную жизнь абхазов, в том числе культ мертвых и похоронно-поминальный обряд [Шиллинг 1931: 55-79]. Несомненно, большой вклад в изучении этнографии абхазов внес Ш.Д. Инал-ипа. В монографии «Абхазы» Шалва Денисович охватил все стороны абхазской традиционной культуры, а также историю и археологию Абхазии [Инал-ипа 1965: 690]. В позднесоветское и постсоветское время появляются такие исследователи как С.А. Дбар, О.В. Маан, Б.С. Хотко, С.Р. Джения, Р.Ш. Зельницкая (Шларба), которые продолжают изучение похоронно-поминального обряда, как в традиционном, так и в современном абхазском обществе. Новые работы дополнены подробными фактами данного обряда: обряд омовения, причитания, и др.

Настоящее исследование посвящено комплексу обрядов, которые в терминологии А. ван Геннепа обозначаются как промежуточные, то есть занимающие временной интервал между ритуалами, меняющими статус покойного и ритуалами, завершающимися его включением в сообщество мертвых [Геннеп 1999: 134]. Несмотря на то, что умершего человека предали земле, промежуточная стадия, включающая в себя и комплекс ритуалов, которые в научной литературе привычно называются поминальными, но фактически таковыми не являются, поскольку усопший до сих пор находится в доме, продолжается в течение последующего года, завершаясь выпроваживанием души покойного со двора.

Рассматривая погребальный обряд в современном абхазском обществе, автор статьи ставит своей целью описать несколько аспектов этого обряда в его современном виде: его внеконфессиональность и вариативность, а также затронуть тему предметно-вещной его составляющей. Для этого следует решить несколько задач: во-первых, рассмотреть похоронный обряд как совершающийся по правилам, которые считаются переданными от предков и воспринимаются в рамках абхазства-*аԥсуара*, несмотря на приверженность абхазов к одной из мировых религий (христианство и ислам), во-вторых, обратить внимание на локальные отличия в похоронно-погребальной обрядности, в-третьих, исследовать отдельные вещи, которые будут сопровождать покойника в его загробной жизни.

Комплекс обрядов, связанных с утратой человека, в современном абхазском обществе занимает весьма важное место. Все ритуалы, проводимые в обществе, делятся на хорошее-*абзиа* и плохое-*ацәгьа*, то есть обряды, совершаемые по хорошему поводу – общинные моления, семейный и родовой обряды, свадебные обряды и др., а также по случаю смерти близкого человека (похороны, поминки). Интересно отметить, что в абхазском языке именно плохое-*ацәгьа* в словоупотреблении стоит на первом месте. Необходимость участвовать в похоронном обряде абхазы обосновывают следующим образом: «ты можешь по разным причинам не попасть на свадьбу, а вот на похороны обязан. Стыдно встретить в общественном месте человека, который похоронил близкого и подойти к нему чтобы посочувствовать» [ПМА: 2021]. Для того чтобы не оказаться в такой деликатной ситуации все родственники вне зависимости от близости родства, друзья, коллеги в течении того времени пока тело покойника находится в доме, приезжают чтобы оплакать и посочувствовать членам семьи. Как отмечают исследователи, значимость похорон «состоит в том, что это ритуальная церемония, обладающая важным социальным, символическим, общественным и индивидуальным воздействием. Они, похороны в первую очередь, выполняют особую социальную функцию, так как позволяют выразить свою скорбь в контексте социума [Джения 2014а: 111]. Сохраняя родственные или иные взаимоотношения, которые важны в абхазском обществе, каждый участник обряда исполняет свою роль, выражая сочувствие и формируя внутреннюю солидарность.

На формирование современной социальной жизни абхазского общества на протяжении длительного времени оказывали влияние различные факторы, в числе которых были христианство, ислам, имперская культура, воспринимаемая как «русская», советский период и др. Особенный след оставили христианство и ислам, которые переплелись с существовавшими традициями, создав, в

итоге, новые. Еще в XIX в. очевидцы отмечали, что «религиозное состояние абхазцев представляло полнейший сумбур. Здесь можно было встретить обряды всех верований, начиная от фетишизма до христианства. Точного понятия народ не имел ни об одной религии, а усвоил себе от каждой из них, то, что выдавалось более рельефно, и что сильнее подействовало на его почти детское воображение» [Введенский 1871: 6]. Такая же ситуация продолжает сохраняться и в настоящее время. Несмотря на декларируемую приверженность к одной из мировых религия, абхазы в своей обычной жизни мало обращают на это внимание. Многие традиции и обряды, которые совершают в абхазском обществе, считаются «истинно абхазскими» [ПМА 2019], то есть они рассматриваются как часть абхазства-аҧсуара. Абхазы считают, что эти традиции придумали их предки, поэтому надо делать именно так (досл. хабаца хабдуца ишапырцаз еипш икацалатуп). Здесь мы можем наблюдать за дискуссиями между родственниками о том, какие и в какой последовательности нужно совершать обряды. В качестве примера можно привести наблюдение, сделанное С. Крюковой на ином культурном материале, но подтверждающееся на материале абхазском: «особенно ярко сила обычая-закона проявляется в похоронно-поминальном обряде. Причем не только в представлениях о том, «как надо», но и в практическом бытовании этих норм. Если в повседневном социальном поведении между понятиями «надо» и «есть» наблюдается существенный зазор, то в исполнении целого ряда обязательных действий, сопровождающих организацию похорон, его почти нет» [Крюкова 2015: 80]. Представления о том, что после физической смерти человека его духовная субстанция (душа, дух) продолжает жить и оказывать воздействие (позитивное или негативное) на жизнь живых, продолжают сохраняться и по сей день. Для абхазов все «нужные» обряды необходимо совершить в строгой последовательности, так как они заботятся о дальнейшей судьбе души покойного. Именно для того, чтобы душа получила покой в загробном мире, старшее поколение следит за правильным выполнением похоронных затем поминальных обрядов.

В современном абхазском обществе многие не задумываются о своей религиозной идентичности. О том, кто они, православные или все же мусульмане вспоминают, когда в семье кто-то умирает, так как в первую очередь нужно правильно положить тело покойника. «Как только человек испустил дух стараются сразу придать телу надлежащий вид» [Дбар 2012, 295]. Чтобы глаза остались закрытыми на веки кладут монеты, а голову перевязывают таким образом, чтобы челюсти были плотно прижаты друг к другу. Так как похоронный обряд сопряжен со множеством примет и запретов, для будущего рода важное значение имеет то, насколько окоченело тело покойного. По абхазским поверьям, если тело остается мягким, или покойник «улыбается», то «наверняка будет еще одна утрата» [ПМА 2016]. После этого тело покойника накрывают специальным одеялом, затем кладут на тахту или диван и ставят в главной комнате, как правило это гостиная. Голова усопшего должна быть направлена в сторону захода солнца. Здесь следует отметить единственное отличие между христианской или мусульманской семьей – это расположение рук усопшего: вдоль тела мусульманин, на груди – православный. Здесь нужно отметить, как относятся к религиозной иден-

тичности невестки. Многие абхазы считают, что девушка, выходя замуж, становится представителем той же религии, что и семья мужа: если она была православной и вышла замуж за мусульманина, она без проведения соответствующих обрядов принимает его религию. «Когда умерла моя бабушка, после смерти ее руки положили на груди, так как все наши знали, что она из православной семьи. Когда ее брат приехал он в первую очередь обратил внимание на расположение рук. Он снял покрывало, положил руки вдоль тела, только после этого он совершил оплакивание. Свое поведение он объяснил тем, что, по его словам, она была христианкой пока жила в отцовском доме» [ПМА 2019].

После того, как первые приготовления заканчиваются, близкие родственницы криками извещают о смерти. Все, кто услышал крики, направляются во двор, откуда раздавались вопли. Эта традиция была зафиксирована исследователями первой половины XIX в. «По одному визгливому крику, не только выстрелу, они-абхазы собираются вдруг. <…> Этот сигнал братства, сигнал общей смерти: слыша его они, забывают жену, детей, имущество, жизнь и с беззаботностью серны, пробегая крутые скалы, бездны, леса реки, стремятся на смерть» [Маан 2006: 441]. Даже кровные враги могут прийти в этот момент в дом, где произошла смерть человека, никто не вправе выпроводить их.

В этот же день семья, понесшая утрату, назначает день похорон. Как правило, похороны проходят на третий (Бзыбская Абхазия) или на четвертый день (Абжуйская Абхазия) после смерти, но с некоторыми оговорками. Нужно отметить, что для традиционного абхазского общества важное значение имеет выбор дня похорон и в этом вопросе существуют локальные различия между Абжуйской и Бзыбской Абхазией. Жители Абжуйской Абхазии более скрупулезно относятся к выбору дня похорон. Для них более предпочтительными днями являются вторник, четверг суббота и воскресенье. Кроме того, абхазы «следят чтобы день похорон не совпал с фамильным запретным днем – амшшьара» [Дбар 2012: 296]. Затем нужно оповестить всех близких и дальних родственников. С этой целью семья усопшего отправляет назначенных людей – горевестников (абх. ашәацьҳәацәа) к близким родственникам. Традиция оповещать родственников на протяжении длительного времени трансформировалась. Еще на рубеже XIX-XX вв. горевестника можно было узнать по его поведению. Когда он приезжал на лошади, он не спешивался и не здоровался. С появлением в XX в. автомобилей, приехав в дом, он также не здоровался, подзывал кого-то из родственников мужчин, к кому он приехал, и они решали, как сообщить о случившемся горе. «Старшая женщина из семьи, куда прибывал горевестник, – доводившаяся усопшему близкой родственницей, громким плачем давала знать о постигшем ее горе своим соседям» [Маан 2006: 442]. Возвратившись обратно, он должен был зайти в дом, где находилось тело покойного, совершить оплакивание и сообщить семье о том, что он выполнил свою миссию. Только после этого он мог пойти к себе домой. Способы оповещения в первое десятилетие XXI в. немного изменилась. «На АГТРК (Абхазская Государственная телерадиокомпания) было отведено специальное время для извещений, в которых говорилось о смерти человека, а также о времени и месте его похорон. Извещения о смерти проводились по просьбе родственников» [Зельницкая 2013: 160]. В

настоящее время в большинстве случаев о случившемся горе сообщают друг другу по мобильному телефону, а также через социальные сети, где местными активистами создана группа «ашәацьҳәарақәа».

Со дня смерти человека и его похорон у тела покойного всегда находятся близкие люди. Женщины, когда видят, что во двор зашли люди для того, чтобы оплакать покойного, начинают причитать – амыткәма аҳәара. Вот как это описано в воспоминаниях С.Р. Джения: «*Когда мой брат умер, родственники или соседи приехали сообщить мне. Узнав о смерти, я начала кричать и рвать себе волосы. Когда заходила во двор сестра или тѐтя, кричали и оплакивали умершего, а кто уже был в доме и видел входящих, они тоже начинали кричать: – Уыу, уыу!, говорили: – Что он* (*умерший – прим. автора С.Д.*) *с нами сделал, несчастный мой!*» [Джения 2014b: 63]. Обязательного текста причитания не существует. Каждая плакальщица при этом импровизирует в зависимости от близости родства. В тексте часто обращаются к покойному, как будто разговаривают с ним, либо к тем, кто приходит оплакивать. Исследователи отмечают, что, в первую очередь, плач – это выражение горя близкой родственницы. «В плачах-оповещениях соединяются два компонента: с одной стороны – это распевный слог, который представляет собой две ноты полутонового сопряжения и отражает собственно плач. Его семантика – горестный вопль об умершем. А с другой – это речитатив, который тематически конкретизирует речь исполняющего» [Джения 2014b: 64]. В похоронной обрядности абхазов институт плакальщиц занимает важное место и сохраняется до сих пор. Нужно отметить, что плакальщиц специально не приглашают [Джанашия 1979: 177]. Причитают, как правило, близкие родственницы – матери, сестры, дочери, невестки, племянницы и др., которые обладают такой способностью. Не каждая родственница умеет причитать. Она должна не только произносить текст, но и выражать скорбь слезами (а*бх. амыткәма аҳәара зегьы ирылшаӡом РЗ*). «Хорошая плакальщица даже камень заставит плакать» (*амыткәмаҳәаѡ бзиа ахаҳә лырҧәыуоит*), – говорят абхазы. Одна из информанток вспоминала о своих робких попытках причитания по случаю смерти брата. «Так получилось, что у тела брата осталась я одна. Смотрю во двор зашли его друзья. Пока они шли, я в уме сочиняла, что я буду говорить, когда они подойдут к телу, но в нужный момент я смогла сказать только: "Андрей, смотри, пришли твои друзья"» [ПМА 2012]. Некоторые женщины признаются, что стесняются громко причитать, так как они не хотят произнести что-нибудь неподобающее. Несмотря на то, что текст причитания является свободно-произвольным, он подчиняется определенным правилам речевого этикета. Например, дочь не может оплакивать отца словом «*папа*», она должна говорить отец мой «*саб*». Дело в том, что, словом *папа* оплакивает невестка своего свекра. Отказ от причитания объясняют еще и тем, что, произнеся что-то «некрасивое» в порыве горя, могут навлечь на себя критику со стороны пришедших на оплакивание.

В том случае, когда на оплакивание приходят одновременно женщины и мужчины, к телу покойного первыми подходят женщины. Близкие родственницы, находящиеся у тела, подходят к ним и обходят каждого против часовой стрелки благодаря таким образом пришедших со словами: «спасибо что вы

приложили силы – *иҵабуп шəахьаҳзааԥсаз*. Затем они отходят от тела, обязательно при этом поворачиваясь через левое плечо. Мужчины также, как и женщины, подходят к телу покойного и, в зависимости от степени близости родства, оплакивают его. Здесь тоже необходимо отметить некоторые правила, которые нужно обязательно соблюсти. Мужчины становятся в ряд по старшинству слева направо. Представители старшего поколения при оплакивании бьют себя по голове или в грудь с громким звуком *аҳи-ҳи*. В прошлом племянники при оплакивании дяди перед телом преклоняли одно колено. Подходить к телу должно столько человек, чтобы они смогли встать в один ряд, «чтобы не оплакивать спину того, кто перед ним стоит» [ПМА 2019]. После этого подходят к родственникам мужского пола, которые, как правило, стоят с левой стороны от тела покойника и выражают соболезнование. Расположение мужчин, принимающих соболезнование тоже строго регламентировано – они стоят по старшинству, соблюдая при этом степень близости родства: самые близкие родственники становятся во главе и к ним подходят в самом конце.

Еще одной важной составляющей похоронной обрядности является стол, который ставят во дворе перед домом, где произошла смерть. Открытые ворота и стоящий перед домом стол являются знаком того, что здесь произошла смерть. Стол нужен, поскольку пришедшие мужчины «подходят к столу, на него кладут оружие и головной убор и только потом подходят к покойнику [Джанашия 1917: 177-178]. Эта традиция соблюдается неукоснительно как христианами, так и мусульманами, так как они считают, что к телу покойного подходить с оружием и в головном уборе запрещено. Следует сказать, что почему этот запрет введен объяснить не представляется возможным. Свою основную функцию стол все еще сохраняет и в настоящее время, теперь семья усопшего в день похорон на него ставят фотографию покойника в рамке с черной ленточкой и вазу с цветами.

В современной Абхазии наблюдаются отдельные локальные различия в проведении обрядов между жителями Бзыбской и Абжуйской Абхазией. Эти противоречия возникают и в похоронной обрядности. Между жителями вышеупомянутых районов часто возникают споры, кто правильнее соблюдают обычаи предков. Эти споры не настолько категоричны как в случае, описанном К. Гирцем, где «после смерти яванского мальчика комплекс верований и ритуалов, который помогал справиться с тяжелыми переживаниями, вызванными смертью их близких, неожиданно дал сбой, так как произошло столкновение городской культуры с сельской, а также политические взгляды яванцев» [Гирц 2004: 172-173], но достаточно остры. Споры особенно часто происходят в тех случаях, когда семья умершего, состоит из представителей Абжуйской и Бзыбской Абхазии. Здесь в качестве примера приведу разговор-спор между родственницами возле тела покойного, зафиксированный мной в Абжуйской Абхазии. Следует отметить, что золовка покойного являлась представительницей Бзыбской Абхазией, а названная сестра была из Абжуйской. Причиной противоречия стал выбор дня, когда надо начинать зажигать свечку в честь умершего. Золовка сказала, что нужно было первую свечку зажечь в первую ночь смерти, на что сестра ответила, что «ее брат не является выходцем Бзыбской Абхазии, по-

этому в его доме, в честь него все обряды будут проводиться по традициям этой части Абхазии» [ПМА 2019]. Следует сказать, что окончательное право принятия решения имеет семья покойного, которая может всего лишь выслушать все мнения родственников. Еще одна информатка из Абжуйской Абхазии считает, что «пока тело умершего находится в доме, нужно сделать 40 или 52 свечи в зависимости от религиозной принадлежности семьи, но начинать зажигать в первую ночь после похорон. Так как все 40 или 52 свечи нужно сжечь, в эту же ночь одновременно зажигают столько свечей, сколько дней покойник находился в доме» [ПМА 2019].

В современной Абхазии с особым трепетом относятся к подготовке умершего к погребению, происходящей в ночь перед похоронами. К вечеру привозят гроб. Гробы у абхазов и сейчас бывают двух видов: с крышкой – акәыба, без крышки – аҭоубыҭ. Как правило, в гроб с крышкой клали покойника-православного, а без крышки – мусульманина. В настоящее время гроб без крышки стали использовать реже.

В тот момент, когда родственники вносят гроб во двор, женщины начинают громко причитать. Внося гроб в комнату с телом покойного, его ставят на полу перед ним. Ближе к полуночи начинают совершать омовение. В ночь перед похоронами тело покойного обязательно омывают колодезной водой-*аҳьамԥш* (досл. вода, которую принесли, не оглядываясь: *аҳы*– вода, *ахьамԥш*ра – не оглядываться) [Маан 2006: 443]. Омовение совершают как правило три человека, еще один как бы помогает омывальщикам. Как правило это близкие семье люди – *аԥханагьлаҩ*, то есть те, с кем поддерживали уважительные отношения *(досл. аҩыза, апатуеиқәҷара зыбжьаз*), мужчины или женщины в зависимости от пола покойника. «Со второй половины XX века обряд омовения постепенно начинают совершать близкие родственники, сыновья, братья, дочери, невестки. До сих пор в некоторых семьях сохраняется обычай шить из сатина фартуки для тех, кто будет совершать этот обряд» [Зельницкая 2013: 159-160]. Хвостик нитки, которой шьют фартуки и рукавицы не завязывают. Так как ткань должна быть новой, к этому вечеру ее покупают заранее. Многие женщины, когда достигают преклонного возраста начинают постепенно готовиться к переходу в мир иной. Они собирают все необходимое для тех обрядов, которые будут проводиться после их смерти *аԥсыма*. В первую очередь пожилые женщины либо сами, либо по их просьбе покупают нужное количество ткани (до 10 м) для фартуков и рукавиц.

Тело покойного омывают на специально приготовленной доске – *аҕәааса* из ольхи. При омовении воду льют только через ругу. Умершего одевают во все новое – начиная от нижнего белья заканчивая костюмом если мужчина, платьем если женщина, только потом кладут в гроб. Тело кладут только после того, как все будет приготовлено: в первую очередь шьют специальную подушку для покойника. В подушку кладут лавровые листья, затем на дно гроба раскладывают вещи покойного в том положении и последовательности как он их надевал. Важное значение имеют те вещи, которые «сопровождают» покойного в мир иной. Так как абхазы «заботятся» о том, чтобы у него на том свете было все необходимое они в первую очередь кладут его личные вещи, которые он любил и

часто носил. Кроме того, в гроб нужно положить: «новые тапочки, зубную пасту, щетку, бритвенный станок если покойник мужчина, новое полотенце, ножницы. Причем ножницы специально покупают для того, чтобы ими резать ткань при омовении. Именно их и кладут в гроб. Обязательно нужно положить зеркало и туалетную воду. Зеркало разбивают уже на кладбище и флакон с туалетной водой тоже нужно разбить там же и побрызгать им покойного. Если покойник женщина, то нужно положить иголку, нитки и наперсток» [ПМА 2019]. Абхазы в отношении некоторых вещей, сопровождающих покойного, предлагают свое объяснение. По их мнению, зеркало разбивают, чтобы не спугнуть душу покойного, а туалетная вода это, своего рода замещение бальзамирования.

После того как вещи уложены, гроб ставят на правильном нужном месте и затем кладут тело покойного. С того момента как тело положили в гроб, и до его выноса перемещать назад гроб с телом запрещается.

В то время как занимаются омовением тела покойного, домочадцы варят халву и накрывают стол. Одновременно на стол, который стоит у изголовья, кладут немного бумажных денег для совершающих омовение. На эти деньги они должны лично для себя купить что-нибудь в память об умершем. По абхазским поверьям покойный таким образом благодарит их за труд. Никто не вправе уйти домой, не попробовав приготовленное угощение. Застолье длится до тех пор, пока не догорит свеча. Этот ритуал неукоснительно проводят все абхазы вне зависимости от религиозной принадлежности.

Вышеупомянутую доску-*аҕәааса* на рассвете дня похорон относят к речке и кладут поперек в качестве мостика. Абхазы считают, что чем больше людей по ней пройдет, тем будет лучше для покойного на том свете.

Как отмечалось выше, покойного в мир иной сопровождают его вещи. Родственники умершего внимательно следят за тем, какие вещи будут положены в гроб. По их поверьям ни в коем случае нельзя «вещи живого человека класть в гроб. Чью вещь в гроб положил, тому станет плохо. И его ничего не спасет пока не выкопаешь гроб и не достанешь ту вещь, которую положили с покойником в могилу» [ПМА 2020].

Следует отметить, что абхазы в потусторонний мир вместе с телом покойного отправляют отдельные предметы давно умершим предкам или родственникам. Этот процесс строго регламентирован. Желающие «послать» подарок, накануне приезжают в дом покойного и просят разрешения об этом у членов его семьи. Так как абхазы верят в загробную жизнь и вещие сны, особенно когда видят во сне своих умерших родственников. Давно умерший покойный во сне просит о том, чего ему там не хватает. После этого они стараются выполнить его просьбу. Для этого приезжают в семью, где находится еще не погребенный покойник. «Одна наша родственница во сне увидела, что ее умерший ребенок хочет kinder surpise. Она спросила, можно ли в гроб моего отца положить его? Я конечно же разрешила. На второй день она привезла kinder surpise и мы его положили» [ПМА 2019]. Чтобы «посылка» на том свете дошла до своего адресата, абхазы «перед тем как положить какую-то вещь в гроб обращаются по имени к тому, кто сейчас в гробу лежит, то есть покойнику, и просят пе-

редать ту или иную вещь, которую хотят положить и называют имя человека, которому эту вещь нужно отдать там [ПМА 2020].

В день похорон тело с гробом выносят в специально приготовленную палатку, которая как правило ставят перед домом: жители Бзыбской Абхазии рано утром до того, как начинают приходить люди, а абжуйцы – после 11:00.

Отдельного рассмотрения заслуживает подготовка могилы. По сообщениям исследователей в абхазском обществе отсутствовали общинные или же сельские кладбища. Они бывают фамильными или же семейными и находятся на территории приусадебного участка. На территории кладбища расположение могил тоже регламентированы. Супругов стараются хоронить таким образом, чтобы их могилы находились рядом – тело жены покоится по левую руку супруга. Бывают случаи, когда человек, достигший определенного возраста, заранее в кругу своей семьи завещает, где его должны похоронить, если такого не случалось, то семейный совет принимает такое решение. После того как всеми членами семьи было одобрено выбранное место, накануне дня похорон соседи-мужчины сами организованно приступают к подготовке могилы. Ройщики могилы – *анышәԥкацәа* пользуются особым уважением. Их в дальнейшем приглашают отдельно на все последующие поминки (9, 15, 40, 52 дня и большие поминки на годовщину) и преподносят небольшие подарки. В том случае если могилу роют на новом месте, они строят временный небольшой навес-беседку над могилой.

В современном абхазском обществе вынос тела назначают в конкретное время, как правило, это 15:00. Нужно отметить, что сразу после того, как тело вынесли из дома или палатки, гроб с телом ставят на стол и все присутствующие собираются вокруг. По абхазским поверьям в это же время нельзя выходить со двора, так как они считают, что покойник проклинает этого человека.

Здесь мы отметим локальное отличие между жителями Бзыбской и Абжуйской Абхазией. В Абжуйской перед тем, как вынести тело, близкие родственники, принимавшие соболезнования, от дальнего родства к ближнему подходят к покойнику и прощаются, не прикасаясь к нему, в то время как бзыпцы обнимают и целуют в лоб – *ҳалал иртԥоит*. После этого распорядитель предоставляет слово мужчине, который произносит надгробную речь об умершем и его семье. Затем любой желающий из мужчин имеет право высказаться.

Перед тем как отправить умершего в последний путь, кто-то из близких родственников в руки покойному дает деньги (мелочь), «для того, чтобы он имел возможность заплатить за дорогу через реку» [ПМА: 2019]. После этого близкие кровные родственники-племянники, внуки, двоюродные братья, на руках сменяя друг-друга несут гроб на кладбище. Перед гробом несут крышку. Жители Абжуйской Абхазии перед выходом со двора и крышку и гроб прикладывают к земле три раза. За ними следуют все, кто это для себя считает необходимым, вне зависимости от пола или близости родства. Дойдя до кладбища, гроб ставят у кромки ямы. Затем в яму спускается один человек, традиционно это должен быть член семьи, который знает, что нужно сделать, перед тем как закрыть крышку гроба. По сообщениям информантов, не каждый может спуститься в яму где уже стоит гроб, в таких случаях место родственников зани-

мают знающие соседи. Нужно обязательно отметить, что тот кто будет производить последние приготовления должен быть женатым мужчиной у которого уже есть дети. Один из таких «подходящих» информантов рассказывал: «Умерла наша соседка. Гроб с ее телом принесли на кладбище, и все родственники стоят и смотрят друг на друга. У нее были два сына, причем взрослых, но ни один из них не решился спуститься в яму. Наши старшие соседи попросили меня. Я спустился и тут началось. Ее родственники женщины стояли наверху и давали бесконечные пакеты-посылки для умерших. Им отказать неудобно, хотя это мне очень не нравилось» [ПМА 2019].

Тот, кто стоит в яме, должен: сделать отверстие в гробу, все пуговицы расстегнуть, если покойник мужчина снять ремень, если женщина – чулки, а также снять обувь. Абхазы считают, что так покойник уходит в рай, он там ходит босиком, поэтому обувь не нужна, разбить зеркало и флакон с туалетной водой [ПМА 2019]. По мнению абхазов вещи, которые уходят с ним в мир иной, должны были подвергнуться разрушению» [Дбар 2012: 297-298].

После всех этих действий закрывают крышку гроба. Затем родственники каждый от своего имени бросает горсть земли, чтобы на том свете их души встретились и приступают к погребению. Завершением похоронного обряда являются поминки-*аиныхра*, в котором участвуют близкие родственники, которые остались до выноса тела из дома, а также ройщики могилы.

Таким образом, современный похоронный обряд у абхазов представляет собой часть автономной обрядовой системы, определяющей весь их жизненный цикл и культурную идентичность и даже закрепляя принадлежность к двум региональным субэтническим группам. Если сравнивать его современное состояние с тем, что описывается в литературе XIX и первой половины XX в., то он демонстрирует свою относительную устойчивость с точки зрения своей последовательности и состава основных элементов. При этом некоторые элементы, указывающие на принадлежность к двум большим конфессиональным группам – христианам и мусульманам здесь, все-таки, также проявляются, но не играют определяющей роли.

Важной составляющей похоронного обряда становится группа представлений об отношениях умершего со своими родственниками, что выражается как в комплексе запретов и примет, относящихся к телу покойного, так и в представлениях о том, что от родных зависит его благополучное существование после смерти в мире ином. Комплекс представлений о посмертном существовании предполагает, что умерший в какой-то форме продолжает привычную для себя жизнь, что выражается в манипуляциях с вещами, помещаемыми в могилу вместе сего телом. Можно заключить что такие действия также являются формой заботы об умершем родственнике и закрепляют по-новому его связь с ними.

Наконец, участие в похоронах позволяет создать комплекс неформальных статусов, формирующих дальнейшие отношения в локальном социуме, поскольку люди, обладающие умениями, связанными с определенными сторонами традиционной обрядности, пользуются вниманием и уважением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Введенский 1871 – *Введенский А.* Религиозные верования абхазцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. Тифлис: Издание Кавказского горского управления, 1871. С. 1-32.

Гирц 2004 – *Гирц К.* Интерпретация культур. Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 2004. – 560 с.

Геннеп 1999 – *Геннеп А. ван*. Обряды перехода. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

Дбар 2012 – *Дбар С.А*. Похоронная обрядность // Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; ин-т гуманитарных исследований им. Д.И. Гулия АНА. – 2-е изд., исправленное. – М. Наука. 2012. – 547 с.

Джанашия 1917 – *Джанашия Н.* Абхазский культ и быт // Христианский Восток. – Т. V, вып. III. – Пг.: Типография Академии наук, 1917. – 208 с.

Джения 2014a – *Джения С.Р*. Семантика погребального ритуала абхазов // Культурная жизнь Юга России. Этнография. Фольклористика. Диалектология. – № 3 (54). – 2014. – С. 111-113.

Джения 2014b – *Джения С.Р*. Исторические корни погребального обряда абхазов и формы его функционирования в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и исскуствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5. – Ч. 2. – С. 62-65.

Зельницкая 2013 – *Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Влияние трансформации абхазского общества в XX в. на изменения в похоронно-поминальной обрядности в современной Абхазии // Религиоведение. – 2013. – № 4. – 2013. – С. 157-163

Инал-ипа 1965 – *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. – Сухуми: Алашара, 1965. – 690 с.

Крюкова 2015 – *Крюкова С.* «…Надо проститься»: соционормативные представления и погребальная практика современных старообрядцев Алтая (Усть-Коксинский район Республики Алтай) // Momento Mori: похоронные традиции в современной культуре / Сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина; отв. Ред. Д.В. Громов. – М.: ИЭА РАН, 2015. – С. 78-94.

Маан 2006 – *Маан О.В.* Абжуа Историко-этнологические очерки Очамчирского районоа Абхазии. – Сухум: ГПП «Дом печати», 2006. – 596 с.

ПМА 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2012 г. Инфрмант: Айба А. Ш. 1961 г.р. с. Бзыбь Гагрского района.

ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2016 г. Информант Шларба Ш.К. 1940 г.р. с. Джгерда Очамчырского района.

ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2019 г. Информант Шларба С. Ш. 1978 г.р.

ПМА 2020 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2020 г. Информант Шершелия Ф. с. Отхара Гудаутского района

Торнау 2008 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. – М.: «АИРО–XXI», 2008. – 456 с.

Хотко 2011 – *Хотко Б.С*. Обряд «воздушного» погребения в пространстве языческой культуре абхазов и адыгов // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011 – № 1. – С. 199-204.

Чурсин 1957 – *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абхазское гос. изд-во, 1957. – 264 с.

Шиллинг 1931 – *Шиллинг Е.М.* Абхазы // Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. – М.-Л.: Московский рабочий, 1931. – Т. II. – С. 55-79.

REFERENCES

CHURSIN G.F. *Materialy po etnografii Abhazii* [Materials on the ethnography of Abkhazia]. – Suhumi: Abhazskoe gos. izd-vo, 1957. – 264 p. (in Russ.).

DBAR S.A. *Pohoronnaya obryadnost'* [Funeral rites]. In: Abhazy. – Moscow: Nauka, 2012. – 547 p. (in Russ.).

DZHANASHIYA N. *Abhazskij kul't i byt* [The Cult and the Household of Abkhazians]. In: Hristianskij Vostok. – T. V. Vyp. III. – Petrograd: The Academy of Science Tipography, 1917. – 208 p. (in Russ.).

DZHENIYA S.R. *Semantika pogrebal'nogo rituala abhazov* [Semantics of the funeral ritual of the Abkhazians]. In: Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Etnografiya. Fol'kloristika. Dialektologiya. № 3 (54). – 2014. P. 111-113. (in Russ.).

DZHENIYA S.R. *Istoricheskie korni pogrebal'nogo obryada abhazov i formy ego funkcionirovaniya v sovremennoj kul'ture* [The historical roots of the funeral rite of the Abkhazians and the forms of its functioning in modern culture]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i isskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2014. – № 5. – CH. 2. – P. 62-65. (in Russ.).

Field materials of Author. Expedition in Bzyb village. August 2012 (Informants: Aiba A.Sh., d.b. 1961).

Field materials of Author. Expedition in Jgerda village. July 2016. (Informants: Shlarba Sh.K., d.b. 1940).

Field materials of Author. Expedition in Jgerda village. July 2019. (Informants: Tsvizhba B.S., d.b. 1964, Shlarba S.Sh., d.b. 1978).

Field materials of Author. Expedition in Otkhara village. August 2020. (Informants: Shersheliya F., d.b 1961).

GENNEP A, van. *Obryady perekhoda* [Rites of Passage]. – Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1999. – 198 p. (in Russ.).

GIRC K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 560 p. (in Russ.).

HOTKO B.S. *Obryad «vozdushnogo» pogrebeniya v prostranstve yazycheskoj kul'ture abhazov i adygov* [The rite of "aerial" burial in the space of the pagan culture of Abkhazians and Adygs]. In: Vestnik adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2011. – P. 199-204. (in Russ.).

INAL-IPA SH.D. *Abhazy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Abkhazians. Historical and ethnographic essays] – Suhumi: Alashara, 1965. – 690 p. (in Russ.).

KRYKOVA S. *«…Nado prostit'sya»: socionormativnye predstavleniya i pogrebal'naya praktika sovremennyh staroobryadcev Altaya (Ust'-Koksinskij rajon Respubliki Altaj* [«... We must say goodbye»: socionormative ideas and funerary practice of modern Old Believers of Altai (Ust-Koksinsky district of the Altai Republic]. In: Momento Mori: pohoronnye tradicii v sovremennoj kul'ture. – Moscow: IEA RAN, 2015. P. 78–94. (in Russ.).

MAAN O.V. *Abzhua. Istoriko-etnologicheskie ocherki Ochamchirskogo rajonoa Abhazii* [Abzhua. Historical and ethnological essays of the Ochamchira district of Abkhazia]. – Suhum: GPP «Dom pechati», 2006. – 596 p. (in Russ.).

TORNAU F.F. *Vospominaniya kavkazskogo oficera* [Memoirs of a Caucasian officer] – Moscow: «AIRO–XXI», 2008. – 456 p. (in Russ.).

VVEDENSKIY A. *Religioznye verovaniya abhazcev* [Religious beliefs of Abkhazians]. In: Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. – Vyp. V. – Tiflis: Izdanie Kavkazskogo gorskogo upravleniya, 1871. – S. 1-32. (in Russ.).

ZELNITSKAYA (SHlARBA) R.SH. *Vliyanie transformacii abhazskogo obshchestva v XX v. na izmeneniya v pohoronno-pominal'noj obryadnosti v sovremennoj Abhazii* [Transformations of the Abkhazian society in the XX century on changes in funeral and memorial rites in modern Abkhazia]. In: *Religiovedenie.* – 2013. – № 4. – P. 157-163. (in Russ.).

SHILLING E.M. *Abhasi* [Abkhazians]. In: *Religiosniye verovaniya narodov SSSR. Sbornik etnograficheskih materialov.* – Vol. 2. – Moscow–Leningrad: Moskovskii rabochii, 1931. – P. 55-71. (in Russ.).

Информация об авторе
Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.
Information about the author
R.Sh. Zelnitskaya – candidate of sciences (History).

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.
The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 39+94/904
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225
EDN: FRVGYF

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНО-АДЫГСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Жираслан Валерьевич Кагазежев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, jiraslan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0508-3493

Аннотация. Важное значение в изучении истории Северного Кавказа имеет проблема происхождения восточно-адыгского населения. Её исследование проливает свет на многие дискуссионные вопросы, связанные с этнической историей Центрального Предкавказья. В отечественной историографии долгое время существует позднесредневековая «миграционная» теория его происхождения, которая, по сути, опирается только на распространение кабардинской курганной культуры. В данном вопросе не используется огромный пласт антропологических исследований, связанных с древними и раннесредневековыми культурами, без которых невозможна реконструкция этнической истории региона. Подобный подход привел к необъективности и доминированию однобокого взгляда в изучении истории Центрального Предкавказья. В статье актуализируются антропологические данные, полученные в результате полевых, археологических исследований, которые нельзя игнорировать в изучении автохтонного населения Центрального Предкавказья. Разрешение вопросов рассматриваемой проблемы возможно произвести только при сравнительно-историческом анализе археологических, антропологических и письменных источников.

Ключевые слова: восточные адыги, кабардинцы, черкесы, погребальная культура, миграционная теория, антропологические исследования, этнология, понтийский тип, автохтонное население.

Для цитирования: Кагазежев Ж.В. Проблема происхождения восточно-адыгского населения // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF.

© Кагазежев Ж.В., 2023

Original article

THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE EAST ADYGHE POPULATION

Zhiraslan V. Kagazezhev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, jiraslan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0508-3493

Abstract. The problem the East Adyghe population origin is of great importance in the history's study of the North Caucasus. This study sheds light on many debatable issues related to the ethnic history of the Central Caucasus. In Russian historiography for a long time exists the late Mediaeval "migration" theory of its origin, which, in fact, is based mostly on the spread of the Kabard-

ian kurgan culture. It overlooks a vast stratum of anthropological research related to ancient and early mediaeval cultures, without which the reconstruction of the ethnic-regional history is impossible. Such an approach has led to a biased and one-sided view of the history's study of the Central Caucasia. In the article, the anthropological data was obtained through a field archaeological research, which cannot be dismissed in the study of the autochthonous population of the Central Caucasus, which was actualized. The resolution of the considered problem is possible only with a comparative-historical analysis of archaeological, anthropological and written sources.

Keywords: Eastern Adygs, Kabardians, Circassians, funeral culture, migration theory, anthropological research, ethnology, Pontic type, autochthonous population.

For citation: Kagazezhev Zh.V. The problem of the origin of the east adyghe population. In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 216-225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF.

© Kagazezhev Zh.V., 2023

Постановка вопроса изучения происхождения восточно-адыгского населения является актуальной темой в кавказологии. Поверхностное отношение к данной проблеме неминуемо приводит к забвению огромного пласта этнической истории региона, а в последующем, и искажению целостной истории Центрального Предкавказья. В отечественной историографии рассматриваемая проблема активно исследовалась, начиная с 1950-х гг. Учитывая скудость письменных источников по древней и раннесредневековой истории Центрального Предкавказья, большое внимание исследователи уделяли археологическим источникам, в особенности палеоантропологии и их сравнению с подобными образцами из других регионов. Неоценимое значение в выяснении краниологии древнего населения Центрального Предкавказья, имеют исследования А.В. Шевченко [Шевченко 1983; Шевченко 1986] и М.М. Герасимовой [Герасимова 1994; Герасимова, Пежемский 2013]. Широкое применение археологических материалов использовали в своих работах по этногенезу В.П. Алексеев [Алексеев 1974], Р.Ж. Бетрозов [Бетрозов 1998], В.А. Кузнецов [Кузнецов 1984]. Важную роль играли и исследования в области этнографии и языкознания, изучающие архаичные мотивы, их аналогии и истоки у народов Кавказа. К указанному кругу исследований относятся труды В.И. Абаева [Абаев 1949; Абаев 1958], Ш.Д. Инал-ипа [Инал-ипа 1969] и т.д.

Другую группу составляют исследователи, опирающиеся на источники, связанные с Поздним Средневековьем. Основной базой для их исследований служат позднесредневековая кабардинская курганная культура и гипотеза о полном доминировании Алании и Орды в Центральном Предкавказье до эпохи Позднего Средневековья. К ним относятся труды В.П. Левашевой [Левашева 1953], А.Х. Нагоева [Нагоев 1973], Л.Э. Голубева [Голубев 2008], Е.И. Нарожного [Нарожный 2008] и т.д. В отличие от них, в своем исследовании Л.И. Лавров [Лавров 1956] выдвигает гипотезу о появлении восточно-адыгского населения в более ранний период, уже в XIII в. Можно выделить также и исследования Г.А. Кокиева [Кокиев 1946] и А.В. Гадло [Гадло 1994], указывающие на частичное занятие адыгами территории Центрального Предкавказья в древности и Раннем Средневековье.

Предлагаемая статья в процессе раскрытия заданной проблемы опирается на широкую источниковедческую базу, состоящую из археологических, антропологических, этнологических и нарративных исследований. Цель настоящей статьи состоит в исследовании происхождения восточно-адыгского населения, с использованием всех имеющихся источников.

В источниках Позднего Средневековья восточные адыги фиксируются под разными названиями. Экзоэтноним «кабардинцы» встречается в известиях венецианского посла в г. Тане в 30–50-х гг. XV в. Иоасафата Барбаро. Восточных адыгов он упоминает как «кевертейцы» и дает их географическое размещение в Центральном Предкавказье рядом с асами или аланами [АБКИЕА 1974: 42]. Среди адыгов и других народов термин «Кабарда» являлся обозначением княжества и имел только территориальное значение, географическую принадлежность, что и отразилось в большинстве источников. Название «кабардинцы» редко применялось для обозначения восточно-адыгского населения, за которым сохранялся более известный общеадыгский экзоэтноним – «черкасы»/«черкесы». У ряда народов сохранилось более древнее название восточных адыгов: осетин – «касгон», лезгин – «касогар», сванов – «кашаг», мегрелов – «кашак». Несомненно, им родственны и происходят из одного корня восточнославянское название адыгов – «касоги», византийское – «казахи», арабское – «кешек», древнегрузинское – «касаги» и древнеармянское – «гашк». Вполне вероятно, что этимология вышеуказанного названия восходит к более раннему обозначению древних адыгов, встречающееся в ближневосточных источниках в форме каска / кашаки / Ga-as-ga во II тыс. до н. э. [Дьяконов 1968: 4, 5].

Одним из главных вопросов рассматриваемой проблемы является взаимосвязь распространения известной кабардинской курганной культуры в Центральном Предкавказье в XIV–XVII вв. с массовым переселением адыгов из Закубанья и появлением восточных адыгов на современной территории. По мнению А.Х. Нагоева, массовое переселение и появление адыгов в Центральном Предкавказье могло произойти только с конца XIV в. после разгрома Тимуром Золотой Орды [Нагоев 1973: 14]. Указанная гипотеза возникла в отечественной историографии в 50–60-х гг. XX в. и связывается с появлением позднесредневековой кабардинской курганной культуры. Здесь возникает вопрос о причинах появления восточно-причерноморских и белореченских курганов, имеющих с кабардинскими могильниками единый генезис. Ведь их появление не связано с переселениями западных групп адыгов из других территорий. Вполне допустимо, что курганная погребальная культура могла образоваться в процессе развития быта и культуры восточно-адыгского населения. Есть предположение, что погребальная культура фиксирует изменения в духовной культуре адыгов, связанных с широким распространением христианства. Свою роль в данном процессе могли сыграть генуэзские колонии, основанные в XIII в. и находившиеся на всей территории Черкесии. Известные письменные источники XIII–XVI вв. и более позднего времени свидетельствуют о религиозном синкретизме адыгов. Во время своего путешествия по Кавказу в 1253 г. Гильом Рубрук описал черкесов как христиан [АБКИЕА 1974: 36]. Иоганн Шильтбергер в начале XIV в. уточнил, что черкесы – христиане греческого (православного) вероисповедания

[АБКИЕА 1974: 38]. Согласно имеющимся данным, в XIII в. курганная погребальная культура адыгов не наблюдается. По сведениям того же Иоганна Шильтбергера, у адыгов наблюдался обычай хоронить убитых молнией в «гробу», который вешают на высокое дерево [АБКИЕА 1974: 40]. Указанный обряд воздушного захоронения, являвшийся древнейшим, был распространенным и производился в Черкесии и во время обыкновенных похорон. Не исключая возможность усиления распространения среди адыгов христианства в XIII-XIV вв., мы полагаем, что в массовом появлении погребальной культуры сыграло свою роль другое обстоятельство. В начале XIV в. в Европу из Азии начала распространяться чума. К 1340 гг. большую часть Европы охватила смертоносная болезнь. Чума погубила в разных районах Европы от 25 до 50 % населения. Она проникла и на Северный Кавказ. В сложных эпидемиологических условиях крайне опасным было оставление покойников не захороненными, подвешенными на деревьях и т.д. К этому периоду происходит массовое распространение погребальной культуры, которая в условиях чумы являлась более безопасной. Во многих случаях курганы облагаются сверху каменной обкладкой, закрепляя, таким образом, изоляцию трупа. Христианство у адыгов существовало в синтезе с архаичным религиозным мировоззрением, что отражается и в материалах курганной погребальной культуры.

Гипотеза миграционного характера происхождения восточно-адыгского населения на Центральном Кавказе получила широкое распространение, особенно в отечественной историографии. Существуют даже попытки привязывания появление восточно-адыгского населения с определенным адыгским субэтносом. По мнению В.П. Левашевой, это были абадзехи [Левашева 1953: 209]. Однако появление и формирование субэтнической группы абадзехов в источниках наблюдается не ранее XVII в., что сразу исключает выше названную версию. Л.Э. Голубев считает, что восточно-адыгское население образовалось под напором османо-крымской агрессии, в результате которого произошло выдавливание части адыгов из Приазовья и Тамани на восток, в малонаселенные районы Центрального Кавказа в XV в. [Голубев 2008: 909]. Следует особо отметить, что упомянутая версия, которой придерживается ряд кавказоведов, не опирается на исторически подтвержденные факты. С ним не соглашается Е.И. Нарожный, указывающий на присутствие в Пятигорье в 1492 г. кочевых подразделений Большой Орды [Нарожный 2008: 762-763]. Следовательно, Е.И. Нарожный делает вывод о появлении восточно-адыгского населения после XV в. В указанных версиях игнорируется факт существования в XVI–XVII вв. на Тамани и Приазовье достаточно большого адыгского массива, представленного хегаками, хетуками (адале), жанеевцами и др. которых почему – то, никто не вытеснял. Жанеевцы известны своим многолетним сопротивлением османо-крымской экспансии в т. ч. в Приазовье и граничили с владениями османов до XVIII в. Большой массив адыгского населения находился и в самом Крыму. Версия о нахождении адыгского населения в Приазовье не подтверждается и историческими источниками. Необходимо также отметить, о столкновения кочевников Большой Орды с уже существующим в Пятигорье черкесским населе-

нием, впоследствии которого ордынцы вынуждены были откочевать к Дону [СРИО 1884: 167, 255, 358].

Даются и другие датировки переселения адыгов в Центральное Предкавказье. По гипотезе, которую выдвинул Г.А. Кокиев, заселение Центрального Предкавказья адыгами проходило в несколько этапов [Кокиев 1946: 34]. Первый этап произошел в начале нашей эры под давлением древнегреческой и римской экспансии. Второй, связан с агрессией хазар в X в. По Г.А. Кокиеву, восточные пределы Касахии в X в. (Северо-Восточной части адыгских земель) доходили до Эльбруса и далее на восток до Аланских ворот [Кокиев 1946: 34]. Третий этап продвижения адыгов в Центральное Предкавказье по Г.А. Кокиеву связан с последствиями монголо-татарских вторжений и произошел в XIII-XIV вв. Последнее массовое продвижение адыгов на восток, согласно Г.А. Кокиеву, произошло в XVI в., впоследствии которого адыги заняли территорию Малой (Восточной) Кабарды. С процессами развития производительных сил, усилившихся под влиянием Тмутараканского княжества в X – XI вв., связывает переселение адыгов в Центральное Предкавказье В.П. Левашева [Левашева 1953: 165-213]. Появление кабардинцев в Центральном Предкавказье, находившихся в середине Аланского государства, А.В. Гадло относит к XII в. [Гадло 1994: 150,151,202].

Рассматриваемой теме посвящена специальная работа Л.И. Лаврова [Лавров 1956: 19]. Он, в отличие от историков, указывающих на появление кабардинцев на современной территории только в конце XIV, XV и даже XVI вв., считает нужным не забывать о летописном повествовании «Житие князя Михаила Ярославича», описывающем казнь тверского князя Михаила Ярославовича ханом Золотой Орды Узбеком. В работе приводятся факты из русской летописи, в которой сказано, что убийство произошло в городе Дедякове в 1319 г. «за рекой Тереком, под великими горами Ясскими и Черкасскими». Л.И. Лавров делает вывод, что если близлежащие горы (т.е. Центральный Кавказ) уже в начале XIV в. стали называться Черкасскими, то пребывание кабардинцев на рассматриваемом месте перестало к этому времени быть новостью [Лавров 1956: 19]. Исходя из политической обстановки, сложившейся на Северном Кавказе после нашествия монгольского хана Бату, он делает вывод о заселении адыгами Центрального Предкавказья во второй половине XIII в. О нахождении адыгов в Центральном Предкавказье в начале XIV в. свидетельствуют и сведения крымского автора Абд ал-Кырыми, по которым будущий хан Узбек, укрывался и воспитывался у черкесского князя в местности Кабартай, Черкесского вилайета [Мустакимов 2009: 278].

С выводами о миграционной версии происхождении восточных адыгов не соглашаются многие исследователи, относящих адыгов к автохтонному населению Центрального Предкавказья. В своих исследованиях В.П. Алексеев отмечает, что «преемственность современных кабардинцев и бесленеевцев с древними жителями Центрального Предкавказья восходит, по меньшей мере, к эпохе поздней бронзы – началу I тысячелетия до н. э.» [Алексеев 1974: 196]. Известный абхазский ученый Ш.Д. Инал-ипа подчеркивает, что между осетинами и адыго-абхазами, несмотря на принадлежность их языков к различным

семьям, наблюдаются удивительные соответствия и параллели в языке, археологии и этнографии, труднообъяснимые одними только взаимовлияниями, заимствованиями и пр. [Инал-ипа 1969: 66, 67]. Выдающийся осетинский ученый В.А. Абаев считал влияние кавказского субстрата на ираноязычных алан значительным, от миксации которых сформировались осетины [Абаев 1949: 80]. Также он подчеркивает, что антропологический тип осетин характеризуется разными чертами с «преобладанием в одних случаях европейских, в других – кавказско-средиземноморских черт» [Абаев 1949: 79]. Данные выводы согласуются с тезисом В.А. Кузнецова, по которому местное аборигенное население оказало сильное этническое и культурное воздействие на алан [Кузнецов 1984: 147]. По мнению В.И. Абаева, самоназвание части осетин дигорцев – «дигорон» происходит от древнего кавказского племенного названия, где корень «диг» тождественен самоназванию черкесов – «адыгэ» [Абаев 1958: 380]. Адыгскую природу происхождения экзоэтнонима «дигор» поддерживает и В.И. Кузнецов. На основании археологических исследований он пришел к выводу, что в западной части Алании древний аборигенный пласт был представлен древнеадыгским субстратом, в который впоследствии влились иранские племена [Кузнецов 1962: 72, 73]. Е.И. Крупнов проанализировав данные археологии, лингвистики и фольклора, делает вывод о культурной и языковой общности древнейшего населения Центрального и Северо-Западного Кавказа, Абхазии, Западной Грузии [Крупнов 1969: 26-43]. В более поздний период, в результате нашествия на Северный Кавказ иранских и тюркских кочевников, произошли некоторые изменения ее этнической карты. Опираясь на археологические и исторические источники, Р.Ж. Бетрозов подчеркивает, что автохтонное население Центрального Предкавказья являлось адыгским, и непосредственно связан с майкопской, северокавказской и кобанской культурами (IV – III тыс. до н. э.). Далее он приходит к выводу, что этот древний субстрат сыграл значительную роль в сложном этногенетическом процессе народов в силу обстоятельств, перешедших к иранскому и тюркским языкам [Бетрозов 1998: 228].

Важное значение в разрешении вопроса о происхождении коренного населения Центрального Кавказа имеют данные антропологии. По ним, преобладающим антропологическим типом населения Алании к моменту образования алано-осской народности был понтийский (адыгский), а не кавкасионский. А.В. Шевченко, на основании данных краниологии, пришел к выводу, что дигорцы и иронцы по признакам, характеризующим форму мозговой коробки и по ширине лица, сопоставимы с адыгами [Шевченко 1983: 83-85; Шевченко 1986: 161-165; Герасимова 1994: 54]. Как отмечает известный ученый – антрополог М.М. Герасимова, преобладающим антропологическим типом раннесредневекового населения территории Северной Осетии был долихо/мезокранный вариант с крупными размерами мозгового черепа и сравнительно узким лицом. Такой же вариант антропологических данных просматривается и в последующий период, в сериях позднесредневековых черкесских/кабардинских курганов и в склепах Горной Осетии [Герасимова 1994: 54]. На основе антропологических исследований М.М. Герасимова делает вывод, что этногенез алан/осов на территории Предкавказья составил синтез ираноязычного населения и местных племен, от-

носящихся к адыгскому массиву и восточнее представленных населением кобанской культуры [Герасимова 1994: 59]. Археологические данные подтверждают материальную и генетическую взаимосвязь древнего населения Западного и Центрального Кавказа [Кагазежев 2019: 202]. Антропология носителей кобанской культуры, как и населения Западного Кавказа, отличается выраженной долихокранией – крайне узким лицевым скелетом, высоким и узким, сильно выступающим носом, т. е. они являлись понтийцами[1] [Герасимова, Пежемский: 2013; Кобанская культура: антропология 1959: 26-27]. Вышеуказанные факты противоречат распространенной теории брахикефальности древних автохтонов центральных предгорий Кавказа, которая не подкреплена палеоантропологическими находками. В исследовании, посвященном кобанской культуре, археологи И.М. Чеченов и Б.Х. Атабиев пришли к выводу, что в ареале Пятигорского «локального варианта» проживали в основном племена, родственные древнеадыгской этнической группе [Чеченов, Атабиев 2008: 447, 448]. Указанный факты являются важными в спорном вопросе о происхождении автохтонного населения Центрального Кавказа, которое по антропологическому типу было не кавкасионским, а понтийским.

Совокупность вышеуказанных фактов позволяет следующие выводы. Распространение в XIV–XVII вв. кабардинских курганных групп на территории Центрального Предкавказья не является свидетельством образования первой восточно-адыгской общности в указанном регионе. Изменение обряда захоронения в позднем средневековье фиксируется на всей территории проживания адыгов, и связан с объективными эпидемиологическими причинами, и возможно, с трансформацией религиозного мировоззрения. Антропологические исследования древних и части средневековых захоронений Центрального Предкавказья, показывают их идентичность населению Северо-Западного Кавказа. Предки восточных адыгов представляли автохтонное население Центрального Предкавказья, а в процессе миксации с которыми были образованы новые этносы региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 1. – М.-Л: Наука, 1958. – 657 с.

Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – М: АН СССР, 1949. – 603 с.

АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 636 с.

Алексеев 1974 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. – М.: Наука,1974. – 320 с.

Бетрозов 1998 – *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: Возникновение и развитие этноса. – Нальчик: Эльбрус 1998. – 280 с.

Гадло 1994 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 238 с.

Герасимова 1994 – *Герасимова М.М.* Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 3. – С. 51-62.

[1] Theanthropology of the Koban Culture population // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.academia.edu/12409627. (Дата обращения: 14.12.2019 г.).

Герасимова, Пежемский 2013 – *Герасимова М.М., Пежемский Д.В.* Палеоантропология населения кобанской культуры. Население Юга России с древнейших времен до наших дней. Донские антропологические чтения. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 24-32.

Голубев 2008 – *Голубев Л.Э.* Адыгские феодальные владения в XV в. // Крупновсие чтения 1971-2006. Тезисы докладов. – Владикавказ: б/и, 2008. – С. 909.

Дьяконов 1968 – *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа // История Арм. нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1968. – 264 с.

Инал-ипа 1969 – *Инал-ипа Ш.Д.* Исторические корни древней культурной общности кавказских народов // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М.: Наука, 1969. – 547 с.

Кагазежев 2019 – *Кагазежев Ж.В.* Древние культуры Северного Кавказа: проблемы происхождения и этногенетических взаимосвязей // Известия КБНЦ РАН. – 2019. – № 6. – С. 194-202.

Кобанская культура: антропология 1959 – *Кобанская культура: антропология*. История Северо-Осетинской АССР. В 2-х т. – Москва: Изд-во АН СССР 1959-1966, 1959. – Т. 1. – С. 26-27.

Кокиев 1946 – *Кокиев Г.А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов. – Нальчик: Кабгосиздат, 1946. – 36 с.

Крупнов 1969 – *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Советская археология. – № 1. – 1969. – С. 26-43.

Кузнецов 1962 – *Кузнецов В.А*. Аланские племена Северного Кавказа. – М.: АН СССР, 1962. – 137 с.

Кузнецов 1984 – *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. – Орджоникидзе: ИР, 1984. – 303 с.

Левашева 1953 – *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. – Вып. 22. – М.: Госкультпросвеиздат, 1953. – С. 165-213.

Мустакимов 2009 – *Мустакимов И.А.* Еще раз о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007-2008 // История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Изд-во: «Восточная литература» РАН, 2009. – 427 с.

Нагоев 1973 – *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху Позднего средневековья (XIV–XVII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 88 с.

Нарожный 2008 – *Нарожный Е.И.* О «Пятигорских черкасах», которые «совершают богослужение на славянском языке» // Крупновские чтения 1971-2006. Тезисы докладов. – Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 762-763.

СРИО 1884 – *Сборник Русского исторического* общества. – Вып. 41. – СПб: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. – 558 с.

Чеченов, Атабиев 2008 – *Чеченов И.М. Атабиев Б.Х.* К проблеме происхождения кобанской культуры и ее локальных вариантов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения. 1971–2006. – Вып. VIII. – М.: Памятники исторической мысли, Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 447-448.

Шевченко 1986 – *Шевченко А.В.* Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – 221 с.

Шевченко 1983 – *Шевченко А.В.* Материалы по палеоантропологии бронзового века Предкавказья // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. – Орджоникидзе: СОГУ, 1983. – 116 с.

REFERENCES

ABAYEV V.I. *Istoriko-etimologicheskiy slovar osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. – T. 1. – M–L: Nauka, 1958. – 657 p. (In Russ.).

ABAYEV V.I. *Osetinskiy yazyk i folklor* [Ossetian language and folklore]. – M: ANS OF THE SSR,1949. – 603 p. (In Russ.).

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII-XIX vv. [The Adygs, Balkars and Karachais in the Annals of European Authors in XIII-IX Centuries (ABKIEA) / Com-

pilation, Translations, Introduction and Introductions to the Texts by V.K. Gardanov]. – Nalchik: Elbrus, 1974. – 636 p. (In Russ.).

ALEKSEEV V.P. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza: Kraniologicheskoe issledovanie* [The Origin of Caucasus Peoples: Craniological Study]. – M., 1974. – P. 196.

BETROZOV R.J. *Adygi: Vozniknovenie i razvitie etnosa* [Adygs: Rise and Development of Ethnos]. – Nalchik: Elbrus, 1998. – 280 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–Kh vv.* [Ethnic History of the North Caucasus IV-X centuries]. – St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1994. – 238 p. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. [Paleoanthropology of North Ossetia in connection with a problem of origin of Ossetians]. In: Ethnographic Review. – 1994. – № 3. – P. 51-62. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M., PEZHEMSKY D.V. *Gerasimova M.M. Paleoantropologiya Severnoy Osetii v svyazi s problemoy proiskhozhdeniya osetin* [Paleoanthropology of population of Koban culture. Population of the South of Russia from ancient times to the present day. Don anthropological readings]. – Rostov-on-Don: UNTS RAS Publishing House, 2013. – P. 24–32. (In Russ.).

GOLUBEV L.E. *Adygskie feodalnye vladeniya v XV v.* [Adyghe feudal possessions in the XV century] // Krupnov readings 1971–2006. Theses of Reports. P.Vinogradov. – Vladykavkaz, 2008. – P. 909. (In Russ.).

DIACONOV I.M. *Predystoriya armyanskogo naroda / Istoriya Arm. nagorya s 1500 po 500 g. do n. e. Khurrity, luviytsy, protoarmyane*. [The Prehistory of the Armenian People / History of the Armenian Highlands from 1500 to 500 B.C. Hurrites, Luvians, ProtoArmenians]. – Yerevan: Publishing house of Academy of Sciences of Armenian SSR. ARMENIAN SSR, 1968. – 264 p. (In Russ.).

INAL–IPA Sh. D. *Istoricheskie korni drevney kulturnoy obshchnosti kavkazskikh narodov // Skazaniya o nartakh – epos narodov kavkaza. M., 1969. S. 66, 67.* [The Historical Roots of the Ancient Cultural Community of Caucasian Peoples // Tales of the Narts – the Epic of the Peoples of the Caucasus]: – M.: Nauka, 1969. – 547 p. (In Russ.).

KAGAZEZHEV J.V. *Drevnie kultury Severnogo Kavkaza: problemy proiskhozhdeniya i etnogeneticheskikh vzaimosvyazey* [Ancient Cultures of the North Caucasus: Problems of Origin and Ethnogenetic Relations] // Izvestiya KBNTs RAN. – 2019. – № 6. – P. 194-202. (In Russ.).

Kobanskaya kultura: antropologiya. Istoriya Severo–Osetinskoy ASSR. [The Koban culture: Anthropology. History of the North Ossetian ASSR. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR 1959–1966]. V 2 т. – T. 1. – 1959. – P. 26-27. (In Russ.).

KOKIEV G.A. *Nekotorye svedeniya iz drevney istorii adygov* [Some Information from the Ancient History of Adygs]. – Nalchik: Kabgosizdat, 1946. – 36 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevneyshaya kultura Kavkaza i kavkazskaya etnicheskaya obshchnost* [The Ancient Culture of the Caucasus and the Caucasian Ethnic Community]. In: S.A. – №. 1. – 1969. – P. 26-43. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Alanskie plemena Severnogo Kavkaza* [Alanian tribes of the North Caucasus. – M.: ANS OF THE SSR, 1962. – 137 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Ocherki istorii alan.* [Essays on history of Alans]. – Ordjonikidze: IR, 1984. – 303 p. (In Russ.).

LEVASHEVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorechenskaya kurgans] // TGIM. – Vyp. 22: Goskultprosveizdat, M., 1953. – P. 165-213. (In Russ.).

MUSTAKIMOV I.A. *Eshche raz o predkakh «Mamaya-tsarya»* [Once again about ancestors of "Mamai-tsar"] // Turkic collection 2007-2008 // History and culture of the Turkic peoples in Russia and adjacent countries. – M.: Publishing house: "Oriental Literature" RAS, 2009. – 427 p. (In Russ.).

NAGOEV A. Kh. *Materialnaya kultura kabardintsev v epokhu pozdnego srednevekovya (XIV–XVII vv.)* [Material culture of Kabardians in an epoch of the late Middle Ages (XIV-XVII centuries)]. – Nalchik: Elbrus, 1981. – 88 p. (In Russ.).

NAROZHNY E.I. *O «Pyatigorskikh cherkasakh», kotorye «sovershayut bogosluzhenie na slavyanskom yazyke»* [On "Pyatigorsk Circassians" who "do church service in Slavic language"]. In:

Krupnov Readings 1971-2006. Theses of reports. For details see: Stavropol: Heritage, 2008. P. 762–763. (In Russ.).

Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society (SRIO)]. – Vol. 41. – St. Petersburg: Type. F. Eleonsky and Co., 1884. – 558 p. (In Russ.).

CHECHENOV, I.M., and B.K. ATABIEV. *K probleme proiskhozhdeniya kobanskoy kultury i ee lokalnykh variantov* ["The Origins of the Koban Culture and its Local Variants" in Proceedings of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus]. I.M. Chechenov and B.Kh. Krupnov Readings. 1971-2006. – Moscow: Monuments of historical thought, Stavropol: Heritage, 2008. – P. 447-448. (In Russ.).

SHEVCHENKO A.V. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of Modern and Ancient Populations of the European Part of the USSR]: USSR Academy of Sciences, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. – Л. Nauka: Leningrad Branch, 1986. – 221p. (In Russ.).

SHEVCHENKO A.V. *Materialy po paleoantropologii bronzovogo veka Predkavkazya* [Materials on Paleoanthropology of Bronze Age of Caucasia]. In: Nomads of Azov-Caspian Interfluve. Ordjonikidze: SOGU. 1983. – 116 p. P. 83 – 87. (In Russ.).

Информация об авторе
Ж.В. Кагазежев – кандидат исторических наук
Information about the author
Zh.V. Kagazezhev – Candidate of Science (History)

Статья поступила в редакцию 26.12.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.01.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 21.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 82-32
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-226-239
EDN: GBHEHO

ЦИКЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ ФОРМ БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ

Асият Даутовна Атабиева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2384-6108

Аннотация. В данной статье обозначен круг теоретических вопросов, касающихся освоения балкарскими писателями перспективной художественной формы повествовательного цикла. Объектом исследования выступают малые жанры прозы (рассказы, новеллы, сатирические миниатюры), циклически структурированные и образующие художественную целостность. В работе рассматриваются исторические предпосылки возникновения подобных структур, закономерность их внедрения в творчество региональных прозаиков. Используя возможности литературной хроники, национальные авторы стремились емко и лаконично запечатлеть наиболее значимые моменты действительности, закрепить их в сознании читателя через приемы детализации, включения дополнительных подробностей, эпизодов, фрагментов. Определяется соответствующая ниша, которую занимает новеллистический цикл в балкарской литературе, отмечается серийность и хроникальность текстов, их концептуальная дополняемость. В исследовании целенаправленно соотносятся повествовательный цикл и тематический сборник рассказов, с намерением разграничить подобные текстовые объединения по отличительным признакам и способам сцепления частей внутри сложившейся идейно-художественной целостности. В процессе анализа соответствующего материала выявляются различные виды прозаических циклов: авторские (изначально созданные по замыслу писателя), редакторские (скомпонованные в процессе подготовки к изданию сборников произведений отдельного автора, основываясь на единой проблематике) и композитные (многокомпонентные тексты, внутри которых автономные произведения преобразуются в циклическое единство, исходя из содержательных перекличек, повторяемости сюжетных линий и доминантных образов). Итогом исследования является вывод о том, что новеллистический цикл стал весьма эффективной формой в национальной прозе со своим функционалом и сферой применения, позволяющей наиболее полно отразить динамично меняющуюся действительность.

Ключевые слова: новеллистический цикл, тематический сборник, прозаическая серия, циклическая структура, жанр рассказа, сатирическая миниатюра.

Для цитирования: Атабиева А.Д. Циклизация малых форм балкарской прозы // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1 – С. 226-239. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-226-239. EDN: GBHEHO.

© Атабиева А.Д., 2023

Original article

CYCLIZATION OF SMALL FORMS OF BALKAR PROSE

Asiyat D. Atabieva
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2384-6108

Abstract. This article outlines a range of theoretical issues concerning the development of a promising artistic form of the narrative cycle by Balkarian writers. The object of research is small genres of prose (short stories, short stories, satirical miniatures), cyclically structured and forming an artistic integrity. The paper examines the historical prerequisites for the emergence of such structures, the regularity of their introduction into the work of regional prose writers. Using the possibilities of literary chronicles, national authors sought to capture the most significant moments of reality succinctly and concisely, to fix them in the reader's mind through the techniques of detailing, including additional details, episodes, fragments. The corresponding niche occupied by the novelistic cycle in the Balkar literature is determined, the seriation and chronicity of texts, their conceptual complementarity are noted. The study purposefully correlates a narrative cycle and a thematic collection of short stories, to distinguish such textual associations by distinctive features and ways of coupling parts within the established ideological and artistic integrity. During the analysis the relevant material, various types of prose cycles are revealed: author's (originally written according to the writer's plan), editorial (compiled to the publication of collections of works by an individual author, based on a single problem) and composite (multi-component texts, within which autonomous works are transformed into a cyclical unity, based on meaningful overlap, repeatability of plot lines and dominant images). The result of the study is the conclusion that the novelistic cycle has become a very effective form in national prose with its functionality and scope of application, allowing the most complete reflection of the dynamically changing reality.

Keywords: novelistic cycle, thematic collection, prose series, cyclic structure, genre of the story, satirical miniature.

For citation: Atabieva A.D. Cyclization of small forms of Balkar prose. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 226-239. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-226-239. EDN: GBHEHO.

© Atabieva A.D., 2023

В северокавказском литературоведении вопрос освоения циклических структур в художественной литературе малоизучен и требует отдельного внимания. Главной задачей в данной статье является структурный анализ повествовательного цикла, состоящего из рассказов, новелл, сатирических миниатюр. В работе проводится сопоставительный анализ тематических сборников, освещающих общую проблематику, и прозаических серий, повествующих об одном герое. Нами затронуты вопросы о существующих теоретических определениях и методах разграничения в функциональном плане таких текстовых объединений, как цикл и сборник рассказов.

Цикл-сборник, состоящий из новелл с единым идейным замыслом и проблематикой, чаще всего формируется авторским намерением (пример из зарубежной литературы – «Заметки о Шерлоке Холмсе» А.К. Дойла). Классически-

ми образцами прозаических серий в русской литературе признаны произведения М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, И. Успенского, И. Тургенева («Записки охотника») и др. Из более современных авторов можно назвать В. Астафьева (цикл новелл «Царь-рыба»), Ю. Трифонова («Городской цикл» или серия московских повестей).

Говоря о степени освоенности подобных структур в региональной литературе, следует обратиться и к прозе адыгских (адыгейских, черкесских, кабардинских) писателей-новеллистов. По мнению исследователей, «Адыгская новелла берет свое начало от фольклорных преданий («хабаров»), сыгравших значительную роль в формировании содержательных и архитектонических особенностей жанра и становлении национальной новеллистики… Традиции жанра новеллы в его профессионально-литературном понимании впервые были освоены в творчестве ряда авторов: С. Кушхова, А. Хавпачева, Х. Хавпачева, Б. Журтова, З. Налоева, Б. Мазихова и др.» [Хавжокова, Куантова 2020: 79]. Вместе с тем обращенность к циклизации малых форм художественной прозы наиболее показательна в творчестве А.-Г. Кешева («Записки черкеса»), Х.К. Абукова (цикл фельетонов с единым персонажем «Хъалид тхьэмыщкIэ» – «Халид бедный»), М.О. Акова («Рассказы отца в рассказах сына»), Жамбековой Р.Х. (серия философских миниатюр «Караван мыслей»), А. Кешокова («Хъыбархэр» – «Новеллы»), Б. Сасиковой («Щэджэм Iуфэ» – «На берегу Чегема»), С. Хахова (цикл сатирических и юмористических миниатюр «Си хъуреягъкIэ» – «Вокруг меня»), М. Кармокова (ХьэтIохъущыкъуей хъыбархэр» – «Атажукинские хабары»), А. Ханфенова («Таджик гушыIэ» – «Таджикский юмор») и многих других.

Поэтика новеллистического цикла предполагает объединяющего героя, чей образ формируется в цельно представленную, максимально проявленную личность посредством постепенно наслаиваемых характерологических подробностей. Сиюминутность и острота переживаемого момента как нельзя лучше запечатлена в малой форме, чем обусловлен повышенный интерес национальных литераторов к созданию новеллистических циклов и специализированных сборников. Все они характеризуются идейной общностью.

Что касается тематической направленности произведений подобного рода, концепция взаимодействия человека, природы и социальной среды закономерно определила ход развития малых жанров карачаево-балкарской прозы. В целом отмеченная тенденция характерна для всех литератур. «На рубеже XIX–XX веков эстетические запросы времени перерастают традиционный канон рассказа, что заставляет писателей обратиться к циклу как своеобразному жанровому «мостику» в объединении сюжетов, героев, идей в целое, когда прежняя модель рассказа исчерпывала себя, а новые принципы еще только осмысливались» [Пивоварова 2018: 40]. В теории литературы системными элементами повествовательного цикла обозначены жанровые, стилистические и образные пересечения. Благодаря этим качествам форма цикла стала наиболее привлекательной в художественной прозе. Циклический принцип компоновки произведений был весьма продуктивен и в устном народном творчестве, но это уже отдельная исследовательская тема.

Прозаическим единством, родственным циклу, является сборник рассказов (новелл), который стал переходной формой в процессе зарождения собственно повествовательного цикла. В соотнесении со структурой полноценного цикла сборник является произвольным образованием. Тексты в нем соседствуют по определенному принципу, более того, они практически лишены циклической взаимосвязи. Объединяющими факторами в данном случае являются проблематика произведений, их образный уровень, заметно стремление авторов к детализации и описанию бытовых подробностей. Главной же особенностью подобных структур можно считать социальную направленность произведений, входящих в его состав.

Циклу свойственно повторение, дублирование смыслов, значений, мотивов, в его целостности допускаются различные их вариации. Важным моментом является именно упорядоченность произведений внутри художественного единства. В сборнике рассказов, напротив, постоянства группировки смежных текстов не наблюдается. В переиздаваемых сериях это особенно заметно, поскольку прежняя последовательность зачастую нарушается. Компоновка новелл в книге осуществляется произвольно, выстраивается на усмотрение редактора издания, либо на основе авторского намерения. Так тематически и идейно перекликающиеся тексты группируются в сборник.

В литературе существует множество модификаций циклических структур. Вместе с тем особенные черты, определяющие лирический и прозаический циклы, достаточно сложно классифицировать. Поэтому их целесообразно рассматривать в качестве различных типов художественного единства. Циклическая целостность представляет собой группу самостоятельных произведений, не теряющих своей значимости и художественной ценности вне образовавшегося единства. Когда произведение может полноценно функционировать как в составе целого, так и по-отдельности. Этим объясняется пластичность структуры цикла. Исследователь Пивоварова Е.Л. дает свое определение подобным формам: «Прозаический цикл, на наш взгляд, характеризуется устойчивым набором признаков: наличием нескольких произведений, связанных на художественном, идейно-тематическом, стилистическом уровнях; присутствием «вторичной целостности структуры» (М.Н. Дарвин); использованием монтажной композиции (С. Эйзенштейн), при которой осуществляется ассоциативная связь между текстами и формируется метатекст» [Пивоварова 2018: 42].

С содержательной точки зрения максимальной цельностью отличаются *авторские* циклы, задуманные писателями как хроники жизни сквозного героя. «Составляя архитектоническое единство, но сохраняя известную автономность, циклы рассказов, новелл, повестей и романы-эпопеи подчиняются общим конструктивным принципам» [Болатова (Атабиева) 2020: 195]. Вместе с тем в литературе имеют место циклы изначально не являвшиеся таковыми, но сведенные воедино через определенные ассоциативные связи, возникающие в читательском восприятии в процессе усвоения связных текстов. Существуют и так называемые *редакторские* циклы, составленные в процессе подготовки произведений отдельных авторов к новым изданиям. В них, как правило, нет строгой концепции объединения частей, и возникают вопросы к композиционному строению. Сле-

дует также выделить «*структурированные циклы*», каковыми являются, скажем, древнейшие эпические памятники. Примечательна форма *композитного* цикла, представляющего собой многокомпонентную структуру, внутритекстовое единство которой складывается из множества разрозненных фрагментов, скомбинированных на основе содержательных дублетов и параллелей.

В новеллистических циклах имеют место публицистические отступления. Короткометражные серии рассказов и миниатюр бывают насыщены житейскими наблюдениями, содержат интересный этнографический материал. Мобильность и относительная гибкость циклической структуры позволяет уловить в окружающей действительности значимые моменты, зафиксировать их в относительно неустойчивых реалиях общественной жизни, тонко передавая характер изображаемого времени.

Оформление цикла и подача материала у национальных писателей свои, они разнятся тематически и концептуально. Чаще всего циклы представлены в виде хроник, заметок либо дневниковых записей. Произведения в составе прозаического цикла могут относиться к какому-то определенному времени, конкретной исторической ситуации. Для таких сюжетов характерна изменчивость, поскольку жизненные события подаются в динамике. Это качество придает повествовательным циклам панорамность за счет множества сцепленных эпизодических картин. В отмеченном ракурсе новеллистический цикл сопоставим с такими крупными эпическими формами как дилогия и трилогия, имея схожую замкнутую структуру и располагая рядом переходящих, кочующих героев. Хотя, несомненно, малые жанры уступают крупноформатным эпическим полотнам в объеме и масштабах выражения.

Устойчивой платформой для формирования малых жанров карачаево-балкарской прозы стала фольклорная основа (традиционный жанр «хапара»).

В поисках эффективных способов структурирования художественного текста национальные писатели с заметным постоянством обращались к циклической форме. В карачаево-балкарской прозе мастерами новеллистического жанра считаются Х. Кациев, Ж. Токумаев, Э. Гуртуев, М. Батчаев, Б. Чипчиков, Р. Бегиева-Кучмезова и др.

В числе первых балкарских прозаиков, обратившихся к циклическому способу структурирования художественных текстов малого жанра, был Х. Кациев. Писатель по праву считается одним из зачинателей жанра рассказа в национальной прозе. Форма повествовательного цикла успешно реализована в его творчестве. Показателен в этом отношении юмористический цикл под общим заглавием «Насра Хожа ышарады» («Насра Хожа улыбается»), написанный на известные восточные мотивы, он опубликован в книге «Салам алейкум» [Кациев 1982]. Здесь же можно ознакомиться с содержанием цикла «Чёпеллеуню хапарлары» («Рассказы Чепеллеу»). Его составили пятнадцать короткометражных юмористических миниатюр, повествующих о предприимчивом герое. Произведения ориентированы на социально-бытовую тему, в меру реалистичны, насыщены подробностями из жизни сквозного персонажа. В творчестве Кациева представлены также тексты эпизодического содержания, стилизованные под фольклор и объединенные в самостоятельный цикл «Кюлкюлю таурухла»

(«Смешные сказки»). Произведения примечательны благодаря динамичному сюжету с лирическими вкраплениями, наличию рефренных образов, монологов и диалогической речи.

В сатирическом амплуа небезынтересны рассказы, юморески и басни писателя Ж. Токумаева, из которых составлен юмористический сборник «Кюлкючю Чонай» («Насмешник Чонай») [Токумаев 2009]. В книге отдельного внимания заслуживает цикл фантазийных рассказов об Алдарбеке из Курнаята («Алтын къама» – «Золотой меч», «Жер тюбюнде» – «Под землей», «Жилянла дуниясы» – «Мир змей», «Жугъутур базук» – «Турий базук»[1] и др.). Двадцать смежных текстов написаны в жанре небылиц по аналогии с невероятными историями о бароне Мюнхгаузене Э. Распе. Писателем активно используются принцип художественной условности, прием сатирической гиперболизации. Сюжеты рассказов основываются на авторском вымысле. Склонность главного героя прихвастнуть раскрывается через этимологию имени (Алдарбек – «большой враль»). Юмористические миниатюры писателя стилистически отличаются особым речевым колоритом, детализацией, эпизодичностью сменяющих друг друга картин. Все это в купе с авантюрно-приключенческим содержанием придает произведениям Токумаева развлекательный характер. Циклическим построением характеризуются и «Рассказы следователя» («Следовательни хапарлары») того же автора. Кроме того в вышеупомянутом сборнике представлена подборка юмористических короткометражек «Насмешник Чонай». В текстах доминирует категория комического, их отличает занимательный сюжет, колоритные запоминающиеся образы героев. Благодаря искристому юмору автора цикл востребован национальным читателем. Главный персонаж предстает перед нами в разных ипостасях, каждый раз раскрывая новые грани личности. То он мельник («Сен жукъ ангыламайса» – «Ты ничего не понимаешь»), то представитель правопорядка («Законну бузаргъа жарамайды» – «Закон нарушать нельзя»), то психиатр («Айхай» – «Если бы»), то работник ЖЭКа («Тилкъау» – «Заика»), то профессор университета, экзаменатор («Аман тюш» – «Плохой сон»). Хитрец по натуре, Чонай не прочь приврать, если потребуют жизненные обстоятельства, он склонен подтрунивать над людьми («Ёчешеме, биле эсегиз!» – «Спорим, не догадаетесь!», «Тасха» – «Тайна»). Прозорливость Чоная очевидна в рассказе «Манга борчлуду» («Мне должен»), в этой истории герой выводит на чистую воду лжеца, заставив вернуть долг. Некоторые произведения описывают его взаимоотношения в семье («Аны ючюн чыртта жарсыма» – «За это не волнуйся», «Жарсыма» – «Не переживай»). Представленные художественные тексты вобрали широкий спектр эмотивных реакций и чувственных проявлений героев. Многие из вышеперечисленных рассказов неоднократно ставились на сцене балкарского театра и полюбились зрителям.

Следует отметить, что циклизация художественной прозы способствует формированию своеобразной модели мира путем совмещения внешнего и духовного пространств. Локальный характер дополнительно привносимых фрагментов дает простор авторской фантазии. В структуре текстов наличествуют

[1] Авт.: Базук – кость предплечья животного.

пейзажные зарисовки, лирические отступления. Обращает на себя внимание общность художественно-стилевых элементов и проблематики. В итоге рассматриваемые рассказы образуют органическое единство.

Форма прозаического цикла достаточно активно реализована и в творчестве других национальных писателей. К примеру, повествовательная серия И. Гадиева «Бекболатны хапарлары» («Рассказы Бекболата») [Гадиев 1987] сформировалась в полноценный авторский цикл на основе единого героя и раскрытия взаимосвязанных сюжетных линий. Вместе с тем каждый рассказ в его составе представляет собой завершенное повествование. Примечательными качествами данного цикла являются индивидуализация речи главных персонажей, насыщенность текстов архаизмами, фольклорной атрибутикой и этнографическими деталями. Большинство произведений имеет притчевую, сказочно-аллегорическую форму («Гюлчюню жомагъы» – «Сказка о Гюлчю», «Заманадан жашагъанны тою» – «Свадьба давно живущего» и др.). Объединяющий, колоритный, рельефно обрисованный образ – старец Бекболат (повествование ведется от его лица). Рассказчика любят слушать односельчане, собирающиеся на «ныгъыш»[1]. Произведения носят развлекательный и назидательный характер, высвечивая негативные стороны человеческих взаимоотношений. «Излагая очередную историю (выдуманную или правдивую), старик заставляет молодых, неопытных юношей задуматься о своих поступках. Смекалистый, проницательный, душевно открытый и щедрый Бекболат – истинный представитель своего народа. Его память отфильтровывает опыт предков, это кладезь народной истории и культуры, лучших обычаев и традиций нации» [Атабиева 2010: 554].

Сюжетные линии, обозначенные в некоторых произведениях из этого цикла, позднее послужили основой для создания нескольких повестей автора. К примеру, рассказ «Свадьба давно живущего» перерос в повесть «Дыфчы киеу» («Зять – хранитель огня»). Расширенный и дополненный новыми подробностями рассказ «Сурат» был преобразован в повесть «Туугъан ташдан кенгде» («Вдали от родного очага») и опубликован на страницах журнала «Минги Тау» (2002). Образ Бекболата выступает в качестве сквозного, рефренного. Писатель оперирует приемами художественной условности, использует язык иносказаний, вовлекает в текстовое пространство множество метафорических образов. Мотив нравственного выбора отмечен в произведениях как основополагающий. Особое место в рассказах Бекболата занимают воспоминания о прошлом, повествуя о трагических событиях жизни героя. Повествование вбирает в себя события нескольких десятилетий (1950-1980-е гг.). Таким образом, в содержании цикла велика роль исторической памяти, связующей цепь поколений. Воспоминания Бекболата сохранили для потомков опыт и культуру предков, ценностный уровень национальной культуры. Герой буквально впитал в себя народную мудрость. Его рассказы служат напоминанием о том, что не следует забывать о своих этнических корнях.

Осваивая метод циклизации, балкарский прозаик Э. Гуртуев использовал прием повествовательной хроники и реализовал его в структуре рассказа «По-

[1] Авт.: Ныгъыш * – совет аксакалов, старейшин аула.

хвала добродетели» [Гуртуев 1980]. Произведение условно разделено на десять частей, обозначенных главами. В рассказе обличаются бюрократизм и косность советской управляющей системы. Колоритен персонаж Зулкарней Азнаурович, он представлен сразу в нескольких произведениях автора: «Проводы», «Как сердце подскажет», «Похвала добродетели». Его облик обрисован иронически, поведенческие установки героя обусловлены типологией характера. Однако основным объединяющим фактором выступает герой-рассказчик, в фамилии которого (Акылбашев) заложен сатирический смысл. Циклическое построение художественного текста позволило писателю поэтапно отразить его «профессиональный рост». Ради справедливости герой-энтузиаст рискнул направить на свое начальство волну объективной критики и стал заложником собственных принципов. Излишнее рвение работника не только не поощрялось, но чаще оборачивалось против него. Стремление «оказать ближнему услугу» – отличительная черта руководителя Зулкарнея Азнауровича, поэтому он со всей «ответственностью» относится к своим подчиненным. В качестве похвалы за добродетели он возлагает особые надежды на самых активных (лишая их премии, назначая на менее оплачиваемые должности), дабы улучшить производительность. Так, посредством юмора писатель высвечивает нелицеприятные стороны социальных взаимоотношений. В данном импровизированном цикле отмечается относительно замедленный темп повествования, наличие монологов, диалогической речи. В целом произведения выдержаны в спокойной, размеренной манере. Это пример редакторского цикла, когда отдельные произведения в составе тематического сборника складываются в читательском восприятии в некую содержательную целостность, хотя и не выделены в книге в качестве самостоятельного цикла.

Рассматриваемый сборник структурно разделен на несколько тематических серий: «Знаток из Герпегежа» (его составили главным образом юмористические рассказы) и «Славный воин – сын скалы» (в него включены новеллы драматического содержания – «Мост Герюгова», «Гармонистка Марзият», «Сказ про старого осла», «Огни долины ветров» и др.).

Достойным вкладом Э. Гуртуева в развитие детской художественной литературы явились рассказы, объединенные в «Книжку про Хасана» («Хасанны китапчыгъы») [Гуртуев 1970]. В свое время сборник был удостоен премии Всесоюзного конкурса детской литературы. Увлекательная серия рассказов о любознательном мальчике со временем переросла в более объемный формат. Циклизация текстов основана на едином герое, множественности ситуативных примеров, жизненных наблюдений, впечатлений и мыслей ребенка. Изобретательный, неугомонный герой Гуртуева проходит путь познания окружающего мира, проявляя индивидуальное восприятие и определяющие черты своего характера. Автор прослеживает путь нравственного становления маленькой личности в веренице различных житейских ситуаций, в последовательной смене эмоций, чувств, впечатлений, на фоне которых ребенок проявляет свое «Я». В процессе постижения окружающего мира он нарабатывает необходимые навыки, набирается жизненного опыта. В цикле нашли отражение школьные будни и детские мечты Хасана, здесь собраны наблюдения героя за живой природой.

Мальчик не стремится следовать предписанному типу поведения и воспринимается как гармонично развивающаяся личность с четким стремлением к осознанности своего существования.

Несколько произведений в структуре повествовательного цикла могут иметь единое заглавие или быть пронумерованы. Такой макроцикл может быть рассмотрен как в едином контексте всех рассказов, так и независимо от произведений, его составляющих. В этом плане интересна структура малоизвестной серии рассказов балкарского прозаика А. Теппеева «Таурай бийчени хапарлары» («Рассказы княгини Таурай») [Теппеев 2000]. Задуманная автором композитная внутритекстовая взаимосвязь, да и сама архитектоника произведений подразумевают хроникальность подачи отдельных его фрагментов, вписывающихся в циклический принцип объединения частей. Здесь наблюдается диахроническое развитие повествования (от рассвета жизни главной героини Таурай до последних ее дней). Пролистываются судьбоносные события, складываясь в историю жизни одного человека и отдельно взятой семьи. Ключевым в цикле выступает мотив времени, он же задает вектор дальнейшему развитию событий в представленных рассказах. Они образуют целостное архитектоническое единство. Цикл характеризуют общий предмет изображения и обрамляющие истории. Параллелизм улавливается в мельчайших, повторяющихся деталях, одних и тех же персонажей, ситуаций, исторических обстоятельств, предметов и условий горского быта. Рассказы выстраиваются в определенном порядке в соответствии с общей логикой повествования. На содержательном уровне в произведениях заметен перевес в сторону жизнеописаний разных героев, что создает некоторую диспропорцию в структуре рассказов, иногда нарушая время действия.

Писатель начинает свое повествование с того, как он жил на съемной квартире в Вольном Ауле (эта местность раньше называлась Барамта) и каждое утро наблюдал, как старенькая, согбенная женщина провожает свою дочь на работу, затем садится на вековой пень возле полуразвалившейся хибары и погружается в свои мысли. На фоне старого дома ее образ выглядел еще более жалким. Завидев какого-нибудь прохожего, она всегда привставала, приветствуя каждого, и люди смущенно опускали головы, словно от гнетущего чувства вины перед ней. Героиня привлекла внимание рассказчика необычной историей жизни. На вопрос кто она местные жители отвечали, что это знаменитая княгиня Таурай. Таково краткое вступление, предваряющее последующие рассказы.

Не нарушая причинно-следственных связей повествования, внутри сложившейся художественной системы наличествует несколько мини-историй, вливающихся в общий контекст. Связующим элементом является время. Каждый рассказ в той или иной степени затрагивает тему раскулачивания балкарских таубиев и узденей (в текстах довольно часто упоминаются фамилии Шакмановых, Малкаруковых и Асархановых) – это главная содержательная линия цикла, формирующая основной идейный конфликт. Временные рамки охватывают историю дореволюционной Балкарии в пору феодальных отношений, годы насаждения советской власти и кровавых преступлений в братоубийственной гражданской войне, процесс колхозного строительства, тяготы немецкой оккупации и выселения. По объему тексты неравнозначны относительно друг

друга, их компоновка не отличается системностью. Содержание текстов и сами образы героев можно охарактеризовать как противоречивые и неоднозначные. Место основного действия – селение Тузулгу в Холамо-Безенгийском ущелье. В образе главной героини цикла княгини Таурай слились основные представления о горской женщине, рожденной в среде высшего княжеского сословия. Писателем приводится множество подробностей из ее родословной, описываются причины возникновения кровной мести, имущественных либо земельных разногласий, неизбежно возникавших между родами в ту пору.

Красотой княжны Таурай был восхищен грузинский летописец полковник Зураб Чхеидзе. А. Теппеев уподобляет свою героиню древней языческой богине, представляет ее символическим воплощением старого мира. Она являлась женой Малкарукова Дадаша и дочерью Шакманова Тенгиза, оба были достаточно известными личностями, авторитетными людьми. Один был воином, остановившим царское войско, пришедшее в Безенги, чтобы спалить его после мора. Другой прославил свое имя строительством здания в Нальчике, которое было затем преобразовано в городской исполком. По словам писателя, о Тенгизе имеется упоминание в старой книге, изданной в Пекине в 1932 г.

В рассказах из отмеченного цикла подробно говорится о притеснении народа представителями новой власти. Особенно бесчеловечно они обходились с таубиями. Автором тонко высвечена психология батрака, волею судьбы поставленного вершить суд над бывшими хозяевами. Таков Чонтуев Хаджимурат, «усилиями» этого человека в селе насаждался «красный террор». В обрисовке данного персонажа писатель максимально ироничен, наиболее комично он выглядит, когда пытается на ломаном русском донести до сознания односельчан требования советской власти. Однако косноязычие и невежество героя не помешали ему занять высокий пост. В скором времени Чонтуев сам попадает в яму, что готовил для других, будучи арестован по ложному доносу Жалбая, его же поверенного, которого в селе насмешливо величали «знаменосцем». Тот с радостью занял место прежнего комиссара.

Времена наступили сложные, и война была не самым худшим испытанием. Наиболее удручающим обстоятельством было то, что люди преследовали друг друга, обесценивались вековые традиции. Веяния времени обуславливали не только противоречия в обществе, но и противоборство внутри одной семьи. Об этом повествует глава «Байракъчы» («Знаменосец»). В роли основных действующих лиц фигурируют родные братья Малбай и Жалбай, которых революция развела по обе стороны баррикад. В цикле также представлен благородный образ Калдан хажи (бывшего эфенди), он – один из немногих, кто, осознавая возможные риски для себя, стремился помочь княгине Таурай и ее детям спастись от голодной смерти и обрушившихся на нее гонений.

В каждом последующем рассказе писатель создает сходные ситуации, похожую обстановку, вызывая ощущение пережитой, уже знакомой, отзывающейся в памяти истории. Автор сознательно выстраивает произведения в общую логику, дополнительно создавая новые уровни восприятия художественного текста.

В циклах новелл на заданную тему произведения относительно самостоятельны, но тесно сплетены на уровне сюжетных линий, проблематики, образ-

ной системы. Каждый текст добавляет новую информацию, привносит свои характеристики, относящиеся к сквозным персонажам, оттеняет определенные грани в отражении социально-общественных противоречий.

Данная форма позволяет уловить общую нить повествования, удерживать в памяти предыдущие эпизоды в процессе их воспроизведения героем-рассказчиком. Самостоятельные тексты позже могут быть объединены в одну книгу, в которой наличествуют повторяющиеся образы. Этот принцип плодотворно использован в творчестве Р. Бегиевой-Кучмезовой («Мгновений кольца, времени круги») [Бегиева-Кучмезова 2016]. Такая заранее прописанная структура способствует эффекту накопления полученной ранее информации, чтобы она воспринималась как последовательно раскрывающаяся хроника событий. Сюжеты произведений переплетаются на основе определенных ассоциаций и соответствий. Исходя из этих признаков в данном конкретном случае допустимо именование сборника рассказов полноценным новеллистическим циклом. Книга прозы Бегиевой-Кучмезовой включает в себя смежные произведения, объединенные общностью идеи и образами главных героев. В их контексте чувства и эмоции, проживаемые персонажами, достигают предельной выразительности. Писатель стремится осмыслить психологические механизмы, управляющие человеческими поступками, их жизненными решениями, отношением к миру, индивидуальным восприятием и интерпретацией происходящего. Собственно, на этом и строится содержание импровизированного цикла. В книге представлены рассказы мистического содержания, условно подобранные автором по критерию связности. Анализу структурно-содержательных особенностей обозначенного цикла посвящена отдельная статья, в виду чего мы сочли излишним подробно останавливаться на характеристике новелл данного автора [Болатова (Атабиева) 2021].

В числе современных писателей, реализующих себя в создании повествовательных циклов, можно обозначить и малоизвестного автора Джаухар Биттирову. В 2000 г. на русском языке опубликована ее книга «Тайна росы» [Биттирова 2000], в которой отдельной подборкой представлен цикл авторских сказок. Логическая связность сборника обуславливает циклическое построение представленных повествовательных текстов. Увлекательная серия произведений со сквозным персонажем «Тайна голубой жемчужины или приключения Шамиля» приглашает читателя в удивительный мир приключений, волшебства и необыкновенных происшествий («Шамиль», «В заброшенном замке», «Отчего облака грустные», «Волшебный родник», «Тайна голубой жемчужины» и др.). Герой цикла – юный мечтатель Шамиль любит созерцать живую природу, мысленно общаться с деревьями, цветами и облаками. Чуткая душа мальчика ни к чему не остается безучастной. Его духовное зрение позволяет уловить все, что скрыто от людских глаз, заставляя верить в чудо. Цикл произведений для детей отличает фантазийный сюжет, преобладание художественного вымысла, сказочная манера повествования.

В целом изучение соответствующих художественных текстов новеллистического жанра с четко прослеживаемой циклической структурой позволяет сделать некоторые выводы о развитости данной формы в творчестве националь-

ных прозаиков. Приводимые примеры убедительно доказывают тот факт, что для карачаево-балкарских писателей циклизация служила эффективным инструментом, позволяющим создать сложное повествовательное единство из разрозненных фрагментов путем комбинирования автономных текстов. В ходе рассмотрения малых форм прозы выявлены основные типы структурирования художественных текстов в единый новеллистический цикл (авторские, редакторские, композитные).

Из анализа следует, что характерными чертами повествовательного цикла являются серийность, концептуальная взаимосвязь, наличие содержательных дублетов, возможность последующего расширения и дополнения. Цикл всегда образует контекстуальную связь между входящими в его состав произведениями меньшего объема. В качестве связующих элементов прозаического цикла обозначены единый герой и общий предмет изображения. Интерпретирование одной идеи видоизменяет обособленные истории о ведущем персонаже в целостную художественную систему. Так новеллистический цикл хроникально и в фоновом режиме обобщает разнообразный жизненный материал.

Итогом вышеизложенных наблюдений является резюмирующий вывод о том, что циклические структуры достаточно перспективны в плане комплектации частей целого, с точки зрения познавательно-отражающей функции, а также расширения интерпретационных уровней избираемой писателями проблематики. Такие многочастные текстовые конструкции, группируются по принципу «контекстных отношений» с сохранением фабульного единства. Благодаря этому прозаический цикл занимает особую нишу, став продуктивной художественной формой в карачаево-балкарской литературе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Атабиева 2010 – *Атабиева А.* Ибрагим Гадиев (очерк творчества) // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: ГП КГБ «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2010. – 808 с.

Бегиева-Кучмезова 2016 – *Бегиева-Кучмезова Р.* Мгновений кольца, времени круги. Книга прозы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 244 с.

Биттирова 2000 – *Биттирова Дж.* Тайна росы. Стихотворения, сказки. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.

Болатова (Атабиева) 2020 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – №3. – С. 187-204. https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204.

Болатова (Атабиева) 2021 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Преломление постмодернистской эстетики в цикле рассказов и новелл Р. Бегиевой-Кучмезовой (книга прозы «Мгновений кольца, времени круги») // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 5(103). – С. 100-108. https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-5-103-100-108.

Гадиев 1987 – *Гадиев И.* Эсимдеди (В памяти моей). Повести и рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 368 с.

Гуртуев 1970 – *Гуртуев Э.* Книжка про Хасана. Рассказы. – М: Детская литература, 1970. – 50 с.

Гуртуев 1980 – *Гуртуев Э.* Точь-в-точь как в жизни. Рассказы. – М: Сов. Россия, 1980. – 224 с.

Кациев 1982 – *Кациев Х.* Салам алейкум (Приветствую). 2-ое издание. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 420 с.

Пивоварова 2018 – *Пивоварова Е.Л.* Принцип циклизации как эксперимент в прозе в начале XX в.: к постановке вопроса // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика – 2018, №1, С. 40-43 www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2018/01/2018-01-09 pdf.

Теппеев 2000 – *Теппеев А.* Таурай бийчени хапарлары (Рассказы княгини Таурай) // Журнал «Минги Тау». – 2000. – № 2. С. 17-100.

Токумаев 2009 – *Токумаев Ж.* Кюлкючю Чонай (Насмешник Чонай). – Нальчик: Эльбрус, – 2009. – 192 с.

Хавжокова, Куантова 2020 – *Хавжокова Л.Б., Куантова Ж.Ю.* Становление и эволюция жанра новеллы в кабардинской литературе второй половины XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Том 13. – Выпуск 5. – С. 78-82. https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.15.

REFERENCES

ATABIEVA A. *Ibragim Gadiev (ocherk tvorchestva)* [Ibrahim Gadiyev (essay on creativity)]. – In: Ocherki istorii balkarskoj literatury`. – Nal`chik: GP KGB «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 goda», 2010. – 808 p. (In Russ.).

BEGIEVA-KUCHMEZOVA R. *Mgnovenij kol`cza, vremeni krugi. Kniga prozy`*. [Rings of moments, circles of time. A book of prose]. – Nal`chik: Izdatel`stvo M. i V. Kotlyarovy`x, 2016. – 244 p. (In Russ.).

BITTIROVA DZH. *Tajna rosy`. Stixotvoreniya, skazki*. [The mystery of dew. Poems, fairy tales]. – Nal`chik: E`l`brus, 2000. – 112 p. (In Russ.).

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Teoreticheskoe osmy`slenie problemy` xudozhestvennoj ciklizacii (karachaevo-balkarskaya poe`ziya i proza)* [Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkar poetry and prose)]. In: Kavkazologiya. – 2020. – №3. – P. 187-204. https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204.

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Prelomlenie postmodernistskoj e`stetiki v cikle rasskazov i novell R. Begievoj-Kuchmezovoj (kniga prozy` «Mgnovenij kol`cza, vremeni krugi»)* [Refraction of postmodern Aesthetics in the cycle of short stories and short stories by R. Begieva-Kuchmezova (book of prose " Rings of moments, Circles of Time")]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2021. – № 5(103). – P. 100-108. https://doi.org/10.35330/1991-6639-2021-5-103-100-108.

GADIEV I. *E`simdedi (V pamyati moej). Povesti i rasskazy`* [In my memory. Novellas and short stories]. – Nal`chik: E`l`brus, 1987. – 368 p. (In Balkarian).

GURTUEV E`. *Knizhka pro Xasana. Rasskazy`*. [A book about Hassan. Stories]. – M: Detskaya literatura, 1970. – 50 p. (In Russ.).

GURTUEV E`. *Toch`-v-toch` kak v zhizni. Rasskazy`* [Just like in real life. Stories]. – M: Sov. Rossiya, 1980. – 224 p. (In Russ.).

KACIEV KH. *Salam alejkum (Privetstvuyu). 2-oe izdanie* [Greetings. 2nd edition]. – Nal`chik: E`l`brus, 1982. – 420 p. (In Balkarian).

PIVOVAROVA E.L. *Princip ciklizacii kak e`ksperiment v proze v nachale XX v.: k postanovke voprosa* [The principle of cyclization as an experiment in prose at the beginning of the XX century: towards the formulation of the question]. In: Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – 2018. – №1. – P. 40-43. www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2018/01/2018-01-09 pdf. (In Russ.).

TEPPEEV A. *Tauraj bijcheni xaparlary` (Rasskazy` knyagini Tauraj)* [Stories of Princess Taurai]. – In: Zhurnal «Mingi Tau». – 2000. – № 2. P. 17-100. (In Balkarian).

TOKUMAEV ZH. *Kyulkyuchyu Chonaj (Nasmeshnik Chonaj)* [Scoffer Chonai]. – Nal`chik: E`l`brus, – 2009. – 192 p. (In Balkarian).

XAVZHOKOVA L.B., KUANTOVA ZH.YU. *Stanovlenie i e`volyuciya zhanra novelly` v kabardinskoj literature vtoroj poloviny` XX v.* [Formation and evolution of the novel genre in Kabardian literature of the second half of the twentieth century]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. – 2020. – Tom 13. – Vy`pusk 5. – P. 78-82. (In Russ.).

Информация об авторе
А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.
Information about the author
A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.
The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-240-252
EDN: GIZIFX

БЕГИЙЛАНЫ АБДУЛЛАХНЫ СУРАТЛАУ ХАТ ЭНЧИЛИГИ

Ёзденланы Тауланны къызы Фатима
Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россей, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5378-9514

Къысха магъана. Статьяда белгили малкъар поэт Бегийланы Абдуллахны чыгъармачылыгъыны айныуу тинтиледи. Ишде «Игиликге ийнаныу», «Кезиу», «Бет» деген жыйымдыкъла сюзюледиле. Тинтиу амалланы кючю бла поэтни суратлау хат, баш ниет-юйретиу энчиликлери ачыкъланадыла: туугъан жерге сюймекликге чакъырыуула – («жерими къууанчы, жарасы да»), сюймеклик лирика жаны бла – («сюймекликни татлы азабы»), адет-къылыкъ бла байламлы юйретиулери – («бет, намыс») эм д.б. Саулай алып айтханда, авторну дуниялыкъ излемлери назму жыйымдыкъланы атларында тамам белгиленедиле. Бегийланы Абдуллахны чыгъармалары терен философия оюмлары, миллетни жашауна тюз кёз къарай, багъа биче билмекликлери бла да энчидиле.

Статьяда Бегий улуну чыгъармачылыгъыны башха жетишимлери да кёргюзтюлюнедиле: кёчюрмечилик иши, публицистикада хунери, сабийлеге деп жазгъан назмулары эм д. б. Андан сора да поэтни анга дери басмаланмагъан малкъар адабиятны шайыры – Мёчюланы Кязимни, Шауаланы Аккатны назмуларын жыйышдырыу, басмагъа хазырлау дегенча сыйлы ишни тамамлауна эс бёлюнеди; халкъны ауузунда жюрютюлген кюйлени, (кёчгюнчюлюк азап бла байламлы), тарыгъыуланы жыйып, «Шагъатлыкъ этеме» (2004) деген жыйымдыкъны чыгъаргъаны да энчи белгиленеди.

Тинтиу методла: ишде герменевтика (баш магъана тутхан), культурология эм семиотика (белгилени магъаналарын ачыкълагъан) методла хайырланылгъандыла.

Баш магъаналы сёзле: Бегийланы Абдуллах, малкъар поэзия, философия оюмлау, концепт, поэтика, суратлау хат энчилик (идиостиль).

Цитата этерге: Ёзденланы Т.къ.Ф. Бегийланы Абдуллахны суратлау хат энчилиги // Кавказология. – 2023. – № 1. – С. 240-252. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-240-252. EDN: GIZIFX.

© Ёзденланы Т.къ.Ф., 2023

Original article

PECULIARITIES OF ABDULLAH BEGIEV'S IDIOSTYLE

Fatima T. Uzdenova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5378-9514

Abstract. The work of the Balkarian poet A. Begiev is reviewed in a chronological order, the thematic collections “Igilikge iinanyu”, (“With faith in good”), “Keziu” (“Turn”), “Bet” (“Conscience”), the main ideological and conceptual features of his works are revealed: in the patriotic sector – “the joy and pain of my land” (“zherimi kuuanchy, zharasy yes”), in the intimate lyrics – “sweet moments of love” (“syuymekni tatly azaby”), moral imperatives – “conscience” (“bet”) (the definition of the specifics, features of the author’s reflection when creating texts of such a plan is often fixed in the very title of the work). The poetry of A. Begiev is characterized primarily by deep philosophism, a pragmatic view of the life and way of life of compatriots. Conceptual thought is addressed to the depths of human self-consciousness. Object-subject relations are represented through extremely informative images-symbols. The death of a friend is commensurate with the fall of the “heavenly tree” (kyok teregi audu”), the sadness of the mountains (“andan mudahdyla taula”) (poem “Eki zhulduz” (“Two stars”). Skeptical moods model the philosophy of the lyrical hero: “...Men zhalangachma ... / Zher achdy – es, tuzlyuk yes achlykda ...“(“I am destitute (naked)... / The earth is hungry – consciousness, justice too ...); “Suukma, jurekle talashsalada ...” (“I freeze when hearts argue…“), poem “Keziu” (“Turn”).

The article illustrates the diverse activities of A. Begiev – from works for children, translations, journalism – to works on the collection and systematization of previously unpublished works of the classic of Balkarian literature Kazim Mechiev, the poet Akat Shavaev, as well as lamentation songs (kuy), poems, lamentation lyrical songs, which compiled the collection “Shagatlyk eteme” (“Living Witnesses”, 2004).

The main methods of research: hermeneutical, culturological, semiotic.

Key words: Begiev A., Balkar poetry, philosophism, concept, poetics, idiostyle.

For citation: Uzdenova F.T. Peculiarities of Abdullah Begiev's idiostyle. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 240-252. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-240-252. EDN: GIZIFX.

© Uzdenova F.T., 2023

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ АБДУЛЛАХА БЕГИЕВА

Фатима Таулановна Узденова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, uzdenova_kbigi@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-5378-9514

Аннотация. Обзорно в хронологическом срезе рассмотрено творчество балкарского поэта А. Бегиева, как основные проанализированы тематические сборники «Игиликге ийнаныу», («С верой в доброе»), «Кезиу» («Черед»), «Бет» («Совесть»), выявлены концептуальные признаки его произведений: в патриотическом секторе – «радость и боль земли моей» («жерими къууанчы, жарасы да»), в интимной лирике – «любви сладостные мгновения» («сюймекликни татлы азабы»), императивы нравственности – «совесть» («бет») (определение специфики, особенностей авторской рефлексии при создании текстов подобного плана зачастую фиксируется в самом названии произведения). Поэзия А. Бегиева характеризуется прежде всего глубоким философизмом, прагматичным взглядом на жизнь и быт соотечественников. Концептуальная мысль обращена к глубинам человеческого самосознания. Объектно-субъектные отношения репрезентируются посредством предельно-информативных образов-символов. Смерть друга соизмерима с падением «небесного дерева» (кёк тереги ауду»), печалью гор («андан мудахдыла таула»), (стих. «Эки жулдуз» («Две звезды»). Скепти-

ческие настроения моделируют философию лирического героя: «…Мен жаланнгачма… / Жер ачды – эс, тюзлюк да ачлыкъда…» («Я обездолен (обнажен)… / Земля голодна – сознание, справедливость тоже…); «Суукъма, жюрекле талашсалада…» («Я мерзну, когда спорят сердца») (стих. «Кезиу» («Черед»).

Дополнительно в статье проиллюстрирована разноплановая деятельность А. Бегиева – от произведений для детей, переводов, публицистики, до трудов по сбору и систематизации ранее неопубликованных произведений классика балкарской литературы Кязима Мечиева, поэта Аката Шаваева, а также – стихотворений о выселении, песен-плачей (кюй жырла), песен-сетований (тарыгъыула), составивших сборник «Шагъатлыкъ этеме» («Свидетельствую», 2004).

Основные методы исследования: герменевтический, культурологический, семиотический.

Ключевые слова: Бегиев А., балкарская поэзия, философизм, концепт, поэтика, идиостиль.

Для цитирования: Узденова Ф.Т. Особенности идиостиля Абдуллаха Бегиева // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 240-252. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-240-252. EDN: GIZIFX.

© Узденова Ф.Т., 2023

Бегийланы Мустафаны жашы Абдуллах – поэт, тилманч, публицист, Россей жазыучуланы союзуну члени 1950 жылда 19-чу октябрьде Къыргъызстанда, Первомайский элде туугъанды. Школну Огъары Жемталада бошагъанды. 1975 жылда, Къабарты-Малкъар къырал университетни малкъар-орус бёлюмюню бошагъандан сора, республика радиода тилманч болуп ишлеп башлагъанды. Ызы бла сегиз жылны ичинде «Коммунизмге жол» газетни корреспонденти, Къабарты-Малкъар телевидениянын редактору болуп да уруннганды. 1983–1985 жыллада билимин Москвада М. Горький атлы адабият институтда Бийик литература курслада ёсдюргенди. 1991-чи жылгъа дери Къабарты-Малкъарны жазыучуларыны союзунда литература консультант болуп тургъанды. 1996 жылда Анкарада Ахмат Яссау атлы университетде тюрк тилни бёлюмюнде окъугъанды. 1993-чю жылдан 1998-чи жылгъа дери уа «Минги Тау» деген адабият-суратлау журналны баш редакторуну къуллугъун тамамлагъанды.

Поэтни «Игиликге ийнаныу» [Бегиев 1979] деген биринчи назму китабы 1979 жылда чыкъгъанды. Бу жыйымдыкъны бетлеринде окъуучу «жерими къууанчы, жарасы да», «сюймекликни татлы азабы» дегенча терен поэзия оюмла бла шагъырейленеди. Была поэтни битеу чыгъармачылыгъында лирика тасха ызны алып барадыла, аны энчилигин шарт баямлайдыла. Жашаугъа сыйыннган затланы жашырын магъаналарын ачаргъа итиниу – Бегийланы А. къайгъылары, ийнаныуу да бу затла бла байламлыдыла. Ала аны битеудуниялыкъ чыгъармачылыкъ оюмлагъа келтиредиле.

Ушамасынла бир бирге жырларым
Ушамагъанча кюнлерим, жылларым…
«Терекле ушамагъанча ташлагъа…» [Бегиев 1979: 7]

Неда:
Чууакъ кёкде къар тебе – акъ булутчукъ.
тойгъа ашыкъгъанча, барады учуп.

Барады ауып ол жашил сыртладан,
мен а... мен къарайма, анга сукълана.
Ол, акъ къанатлыча, жюзеди къалай!
Учсам эди мен да аныча, алай!
Сабыр сылжырайды, барады кёче,
бийик оюмумча, азатды нечик!
«Булутчукъ» [Бегиев 1979: 16]

Бу назму жарыкъ умутла бла байламлыды. Адамны жюрегине да ырахатлыкъ, сюймеклик, насып береди. Мында автор халкъны ауузунда тюрсюн магъанада жюрютюлген акъ деген эпитетни ансдан хайырланмайды. Бу сыфатны магъанасындан къайда теренди. Поэт назмусун окъугъанланы *акъ ниетлеге* итиндиреди, акъ булутчукъгъа, акъ къанатлыгъа кесини сукъланчлы къарамы бла. Миллетибизни жашаугъа кёз къарамын, маданиятын, адабият шартланы да эсеплесек, бу сёз адам улуну, ол санда къарачайлыланы бла малкъарлыланы да, бар ахшы умутларын, адетлерин, тёрелерин кесине сыйындырады. *Акъ ат, акъ къуш, акъ къанатлы* – бары да огъурлулукъну белгилеридиле. Былайда тюрсюн белгиле бла байламлы чыгъармаланы да атларын эсге тюшюрге боллукъду: «Акъ жыйрыкъ», «Акъ гыранча», «Къызгъыл кырдыкла» д. а. к. Илмуда тюрсюн магъаналы сёзле поэзияда кёп адабият сыфатла къураугъа уллу себеплик этгенлеринден юсюнден оюмла айтыладыла [Узденова, Кетенчиев 2020].

Бирде жашауну керти суратлары, жууапсыз соруулары да Бегий улуну назму тизгинлерине тамам сыйынып, окъуучугъа жашау жолну къыланчларын оюмларгъа болушадыла. Поэтни «Ташны ата билмей, атдым…» деген чыгъармасы да аллай назмуладан бириди:

Ташны ата билмей, атдым,
Кюнюм сагъышлагъа батды…
Татлы жукъламадым кече,
кюйдюм, ачы суун иче,
тангым да къыйналып атды.
Сёзюм, кёрюнмединг татлы.
Сёзюм, сен – къайтмаучу атлы,
Сёзюм, батмаз кёлге батдынг,
сени атмаз жерде атдым [Бегиев 1979: 58]

Поэтни назмусу айтылгъан сёзге сакъ болургъа кереклисин эсге салады. Адам улу ачы сёзю бла башханы угъай, кесин да инжилтирге болгъаны, сёзню «атмаз жерге» атмазгъа, «батмаз кёлге» батдырмазгъа, «къайтмаучу атлы» этип иймезге кереклисин теренден оюмлатады. Бу затла бир жаны бла къарагъанда, жазыучуну поэтика жаны бла энчи ызын кёргюзтедиле, экинчи жаны бла уа авторну жашаугъа кёз къарамыны тамырлары ёз миллетини бурундан келген ангы бла байламлы болгъанларын баямлайдыла. Сёзню кючю уллу болгъанын атабабаларыбыз эрттеден биле келгендиле. Юлгюге *Ариу сёз къылычдан джити, Атала сёзю – акъылны кёзю, Ауз – буруу, сёз – джел* дегенча нарт сёзлерибизни келтирирге боллукъду.

«Ёседиле жашаууму терегинде» деген назмусу жашауну замансыз ёлгенлеге сын ташча жазылгъан назмуду. Бу поэтни ачы сагъышларын терекни юсюнде ёсген алмала бла тенглешдириу халда бериледи. «Ачы», «татлы», «къызыл бишген», «кёклей тюшген» – нечик кёп тюрсюнлюдю жашау, нечик кёпню оюмларгъа тюшеди адам улугъа.

Тюшлеримде, сагъышымда жюрюгенле!
Жарты къалып жырларыгъыз,
Жиляй-жиляй бишедиле жюрегимде
Кёклей тюшген жылларыгъыз [Бегиев 1979: 59]

Назмуну мурдорун лирика жигитни адам улуну къадарыны юсюнден тынгысыз сагъышлары къурайдыла. Замансыз дунияларын алышханла, кёклей юзюлген кёгетлеча, поэтни жюрегинде ауур ачыу саладыла, кечеги жулдузну улугъан тауушун эшитдиредиле.

«Абдуллахны «Игиликге ийнаныу» деген назмула китабында къаллай шартла къайсыладыла деп соргъаннга тёзюмлюк, чыдамлыкъ, эслилик бла сюймеклик дерге тийишлиди…» [Толгъурланы З. 2008: 294].

Къыйынлыкъ келгенде, тёзюмюнг да ушасын Басханда ташлагъа, – дейди поэт (*«Жеринги агъачы»*) [Бегиев 1979: 39].

«Адамлыкъ – игиликге ийнаныуду, ийнаныу а тёзюмлюк, чыдамлыкъ береди» [Толгъурланы З. 2008: 295]. Бегий улу ол затны миллет энчилиги бла бирге теренден оюмлап, былай жазады:

Тёз,
къая тёзгенча,
от боранлагъа!
Тёз,
ана тёзгенча,
жокъ болгъанлагъа!
Сер былай айтды деп,
кетме ёнгелеп.
Жулдузум батды деп,
къалма
тюнгюлюп.
Тёз!
Жашау алайды,
кетме ажашып,
бюгюн да сакълайды
къарт ана жашын.
Чагъарын сакълайды
кёгетсиз терек,
чыгъарла Кюн,
Ай да –
ийнаныу керек!
Игиликге ийнаныу [Бегиев 1979: 13]

Поэт ол затха шагъатлыкъгъа (тенглешдириу халда) аппаны ётгюрлюгюн, жашауну чюйреликлерине къаршчы тургъанын, кёргюзтеди:

Къарт аппам Къозу да,
тауладан кенгде
кёп жылы озду да,
сынады кемлик.
Кёраллыкъ тюйюлме
демеди жерин,
жашады
тюнгюлмей,
сау къайтды бери [Бегиев 1979: 13].

«Ол поэтни насийхат сёзге неда ачыкъ юйретиуге ёчлюгю тюйюлдю, – деп жазады Толгъурланы Зейтун. Жамауатны, ёз ахлуларыны жашау сынаулары бла, халкъ тарыхны дерслери бла уста хайырлана билмекликди. Малкъар халкъны бирси миллетледен эсе бегирек къыйналгъаны, къыйынырakъ жерледе уруннганы, жашагъаны да белгилиди. Къыйынлыкълагъа хорлатмай, тёзечыдай билгени бла сакъланнганды миллетлиги, тили, маданияты» [Толгъурланы З. 2008: 294–295].

«Жыйымдыкъда керти да жюрекни жылытхан, терен магъаналы назмула бардыла», – деп жазады Зумакъулланы Танзиля китапны «ал сёзюнде»… Абдуллах поэзияда жангылыкъланы излейди. Кесини жолун энчи салыргъа итинеди – ол а кесини кючюне базынмакълыкъ, поэзияны оюнчакъ болмаууп ангыламакълыкъды» [Зумакъулланы Т. 1979: 6].

Поэтни кёз къарамыны жютюлюгю «Кезиу» (1984) деген экинчи китабында [Бегиев 1984] бютюнда бек эсленеди. Окъуучу мында суратчыны оюмуну теренлигин, кенглигин сезеди: табийгъатны юсюнден лирика, сонетлени устасы, назмула бла жазылгъан сабий жомакъ «Тюе бла Тюлкю», А. Пушкинни «Моцарт бла Сальери» деген трагедиясыны кёчюрмеси, поэт-философ. Адам жер юсюне нек келгенини юсюнден сагъышла («Адам отмуду…», хар бир инсанны ана тил бла байламлыгъы («Ана тилим») – быллай эм былагъа ушагъан назмула киргендиле бу жыйымдыкъгъа. Аны назмулары (салыннган сорууланы ауурлукъларына да хорлатмай), лирика жанргъа тийишли болуп, символикагъа жуукъдула. Аны бла бирге поэтни жашау философиясы, тёрели суратла бла, амалла бла чекленип къалмай, ачыкъ болуп, аны юсю бла адамны ич сезими чыгъарманы магъанасы болгъанын кёргюзтюледи («Къышны акъ жомагъы», «Танг бла тенг тургъан жырчыкъ»).

…Мен черекни тауушуна
къулакъ салып турама,
ол билмейди тауусула,
ол билмейди тына да.
Бийик,
чынгыл къаяладан
къарамымы алалмай,
къарайма сур къадарыма,

жашау жолумда – алада,
оюм,
тоюм – алалла.
Мен черекни тауушуна… [Бегиев 1984: 9–10]

Не жаны бла алып къарасакъ да, поэт жюрек халаллыгъы бла, тюзлюгю бла, ачыкъ сёзю бла инсанны дуниягъа къарамын да бираз «эсли» этеди. «…Аны хар назму сёзюню жаны, тини барды, къууана, жарсый, къыйнала да билген жюреги» [Ёлмезланы М. 2010].

Бир-бирледе поэтни философия лирикасы озуп кетген, эсинде кёкде жюзген акъ булутча къалгъан жашлыгъына тансыкълыкъдан, аны бла бирге къайгъылы тюнгюлюуден толуду. Жашау кертилик эриши, тутхучсуз кёрюнеди. Дунияны тар болгъанын, жашау къатышып тургъанын сезип, поэт аны сылтауларын излейди, бу болумдан чыгъаргъа итинеди. «Сёзюм, жилярыгъым да эзиле, мен ач болуп жашайма дунияда…», – дейди поэт, «мен жаланнгачма – кюнда азлыкъда…Жер ачды – эс, тюзлюк да ачлыкъда, тап, ийнаныу, тёзюм да азлыкъдан»; «Суукъма, тилекле даулашсала, / суууукъма, жюрекле талашсалада…» («Кезиу» [Бегиев 1984: 8–10]). Алай бла, жазыучу кесини къадарын, жаланда миллетини къадары бла угъай, саулай аламны къадары бла байламлы этеди. Жашаудан кёлю чыкъгъаны бла, ол сезим келтирген ачыу – бу затла жашау кертиликге аны энчи кёз къарамы, жюрек сыры болуп къалмай, поэтни заманны барыуунда жашауну философия магъанасын ангыларгъа итиндиредиле.

1986 жылда Бегийланы А. белгили тилмач Г. Яропольский кёчюрген «Слово» («Сёз») деген назму китабы [Бегиев 1986] чыгъады. Анда поэтни сёзю кёп тюрлю магъанада жюрюйдю, бирде адам улуну бийикге кётюре, бирде уа ауур сагъышландырады (назму «Сёз»). Оюмуну кенглиги, кертиликге кёз къарамы авторну назму тизгинлеринден, жерде къайгъыларындан азатлайдыла. Этген сагъышларыны баш ышанларын ачыкълар ючюн, къурагъан сыфатыны, шартларын эм башха затла бла байламлыкъларын эсге алмай, ол сау дуниягъа бирден айтады сёзюн. Аны айырып бир адамгъа айтылырыкъ сюймеклик сёзлери, эркелиги окъуна, дуния кенгинде сюймекликни теренине кетип, андан эшитиледиле, «кетме» деп, ышаныусуз, ачыта («Кетме»). Поэтни сюйген тиширыууна атагъан назмулары жумушакъ мудахлыкъдан бла къоркъуудан, сакълыкъдан, ийнаныудан, умутдан да толудула («Мен сюеме сени…»).

Дунияны кесича энчи кёргени поэтни оюмларын кючлендирген бир амалды. Ол затла поэтни «Бет» (1996) деген китабында [Бегийланы А. 1996] кёрюнедиле. Жыйымдыкъгъа тюрлю-тюрлю жыллада жазылгъан назмула киргендиле. Китапны аты Бегий улуну сёзю адам оюмну теренлигин, аны жанны-жюрекни ичи бла да кёре билгенин айтып турады.

Зарлыгъынгы кечейим,
Тарлыгъынгы кечейим,
Ётсюзлюгюнгю да алай…
Бетсизлигинги – къалай?!.

Эмилигинг ёчюлюр,
Телилигинг кечилир;
Малкёзлюгюнг да алай …
Сатхычлыгъынг а – къалай?!.
Зарлыгъынгы кечейим… [Бегийланы А. 1996: 157]

Былайда бир затны да чертирчады. Бу назмуну автор хар тёрттизгинин рефрен халда хайырланылгъан кесине жууап излемеген соруу айтыу бла бошайды. Бу тюрлю амал поэтика синтаксисни баш энчиликлеринден бирине саналады.

Поэтни «Жюрек умут эте турады» деген назмусуну терен философия магъанасы барды; мында лирикалы жигити «жюрекни умутун» бла «кенгде жаннган чыракъны» кеси сагъышларында бирикдиреди («Жюрек умут эте турады... / Кенгде жанады бир чыракъ. / Толкъун, келип, кесин урады... / «Тохтачы, – дейме. – Тынчыракъ...» / Умут эте, чыдай келеме: / «Сабыр! Сабыр!» – дей, къычыра...») [Бегийланы А. 1996: 141]. Бу тизгинле бирде умут къыстаулукъдан, сабыр оюмгъа ётюп зауукъланыргъа, дуниялыкъгъа тергем этерге кереклисин эскертедиле. Шуёхуну ёлюмю «кёк тереги аугъаннга» ушайды, «андан мудахдыла таула», – дейди поэт «жашлай ёчюлген эки къарындашха… Мелюхаланы Хусейге бла Хасаннга…» аталгъан «Эки жулдуз» деген назмусунда [Бегийланы А. 1996: 23–28].

Бу сагъышлагъа эсин ийип, этер амал тапмайын, бирде поэт, сокъраннганын да жашырмайын, мудах тизгинлеге, не да элегия халда жазылгъанлагъа эс бурады. Поэт къаламны жютюлюгюн кёп тюрлю жанр формалада сынайды: башында айтханыбызча, элегия, тамсил (басня), нарт сез, сонет, ойбер (притча). Философия жаны бла да эки-тёрт тизгинлени миниатюра бла тенглешдирге тийишлиди: магъана жаны бла ала бек терен, тынгылы жашауну, къадарны ачыкълайдыла, кертилик бла ётюрюкню бичедиле.

«Бет» деген китапха инсан назмуладан башлап, философия насийхатла, гимн чакъырыула эм поэтни кесини юсюнден окъуучулагъа туура этерге сюйген чыгъармалары киргендиле. Къайтарыула (рефренле), терт тизгинле, Бегий улуну лирикасына энчи макъам къурап, аны халкъ жырлагъа ушатадыла. Къысха, кесгин сёз къурай билгени аны чыгъармаларына одадача бийиклик эм кюч береди:

Сени буз да тюйдю, элия да урду, –
сен бюгюлмей, тюнгюлмей турдунг…

…алай сен чыдадынг,
Чыгъалдынг…
Малкъар [Бегийланы А. 1996: 21–22]

(Эсгериуге: «Таулу! / Къадар сени къула тюзге атханында да, / Сен юйюнгю терезесин таугъа айландырып / Салгъанса» («*Таулу! Къадар…*» [Бегиев 1979: 82]).

Ата журтха сюймеклик бир суратха жыйылады – туугъан жерибизни кёрюмдюсю.

Бегийланы А. поэтика хатыны энчилигин кёргюзтген затла кёпдюле. Анга ол кесини чыгъармачылыгъында тюрлю-тюрлю айланыула бла, ол санда вокатив айтыуланы да эркин хайырланнганы шагъатлыкъ этедиле. Бу мадарла поэзияда авторну сезимин кючлендирирге себеп боладыла. Аны юсюнден тил илмуну келечилери да жаза тургъандыла [Кетенчиев 2010]. Абдуллахда аллай айланыула аны тугъан жерин, адамын, башха затланы да белгилейдиле, Ата журтха сюймекликни, Малкъарны айбатлыгъыны шартлары боладыла: *О, чууакъ Малкъарым! / О, бийик Малкъарым!..* («Туугъан жерим») [Бегийланы А. 1996: 161]

Бегий улу Ата журтун, халкъын кемсиз сюйген поэтди, ариу, шатык тилли, ачыкъ жюрекли, кесгин сёзлю; белгилери, кезбаудан азат тизгинлери, жашау чюйреликлеге базгъын сёзю аны суратлау энчиликлеридиле.

Поэзия, жашауну керти бетин суратлаялса, аны къайгъыларын, къууанчларын да, тюзлюгюн, терслигин да кёргюзталса, жаланда ол заманда болады ангылашымлы, керекли да. Бегийланы Абдуллахны назмулары аллайладыла. Алада ачыкъ кёрюннген затла кёпдюле. Ишеклилик, къайгъы алада сабийликни жумушакъ, эсинги кесине бургъан суратлары бла алышынадыла, сюймеклик жырны макъамы, хар адамны да насыпха эркинлиги болгъанын белгилей, хар кюнлюк жашау болумну жарыгъыракъ этеди. Жашау жолну къылачлары не тюрлю сынау берселе да, поэт Аллахха базынады, Аллахдан тилек этеди):

Я Аллах, Я Аллах, сен къура
Жарытырча дин, Къуран.
Сен къура бу халкъымы,
Биригирча акъылы.
Берчи аллай тазалыкъ –
Алалырча Азатлыкъ,
Берчи аллай эс, акъыл –
Къайтарыр кибик атын…
Жан аурут къулларынга,
Сау атдыр сен хар тангны!..
Тилек [Бегийланы 1996: 129–130]

«Къарачай-малкъар фольклор текстледе «Я Аллах», «Аллах», «Тейри» дегенча сёзле къатланыу формада эркин хайырланыладыла. Ала алгъышны кючлер муратда айтыладыла: («Я Аллах, Я Аллах, насыплы бол, кесинг сюйгенча жаша!»; «Аллах бир ариу жашау берсин!»; «Аллах ыразы болсун!»; «Тейри берсин сабырлыкъ, / Тейри берсин дамырлыкъ, / Тейри жарытсын жолунгу! эм д.а.к.б.)» [Локьяева, Узденова 2021: 253]. Башында белгилей келгенибизча, бу энчилик Бегий улуну поэзиясында толу эсленеди. Ол зат а миллетни иннети бла, дини бла байламлыкъны шартлайды.

2010 жылда басмаланнган Бегий улуну «Мен сёз айтдым…» [Бегийланы А. 2010] деген китабына сайлама назмулары киргендиле. Ала поэтни суратлау дуниясын тамам толу шартлагъандыла. Баш оюм – *бет сакъланыу* «*Сёз, акъыл, фахму, билим да…»* деген назмуда алгъаракъ чыкъгъан поэтни «Бет» (1996)

жыйымдыгъында эсленнген назмуладан башха халда ачыкъланады – насийхат сёзге тийишли формада.

Сёз, акъыл, фахму, билим да
жакъланыр чакъда,
жакълаялмасанг бирин да –
бетинги сакъла.
Бетди къутхарлыкъ кимни да
айыпдан – отдан.
Бетди, кюн батса, Кюнню да
кётюрлюк артдан
Сёз, акъыл, фахму, билим да… [Бегийланы А. 2010: 161].

Бу тизгинледе миллетде эм сыйлы, багъалы затладан бири намыс болгъаны эсге салынады. Жашауда акъыл да, билим да, фахму да, алай аланы бет жоймай жюрюте, сакълай билмеклик адамгъа борчду. Ол борч адамны дуниялыкъ къарамын айнытады, кенг да этеди.

Поэтни сабийлеге аталып жазылгъан чыгъармалары («Танг бла тенг тургъан жырчыкъ» [Бегиев 1989]), миллет малкъар поэзияны жангы бояула бла, сабий дунияны терен ангылау бла бай этгендиле. Бегийланы А. 2003 жылда чыкъгъан «Таш бора» деген китабына [Бегийланы А. 2003] «Нарт» эпосдан орта жыл санлары болгъан школчу сабийлеге деп жарашдырылгъан чыгъармала да киргендиле: «Нарт Дебетни жырлары», «Нарт Алауган», «Сатанай», «Нарт Ёрюзмек» «Нарт Къарашауай», «Шырдан бла Нёгер».

Бегий улу къарачай-малкъар тилге кёчюрген чыгъармала да иги кесекдиле. Ол санда: Пушкинни жомакълары, «Гитче трагедиялары», Тюрк дуниясыны закий Ахмат Яссауни хикметлери, Омар Хайямны рубаятлары, татар халкъны «Идегей» эпосу, М. Лермонтовну, С. Есенинни, Г. Гейнени, Ж. Петефини, М. Джалильни эм башхаланы чыгъармалары. Бу кёчюрмеле малкъар адабиятны сюйгенлеге саугъа болуп, хунерли усталаны сёзлери къарыулу, кючлю болгъанына ийнандыргъандыла.

Татар халкъны «Идегей» эпосун къарачай-малкъар тилге тынгылы кёчюргени ючюн Татарстан Республиканы Маданият министерствосу малкъарлы назмучуну Сыйлы грамота бла саугъалагъанды. 2003 жылда уа Бегийланы Абдуллахха культураны айнытыугъа салгъан уллу къыйыны ючюн Татарстан Республиканы президентини Указы бла Татарстан Республиканы маданиятыны сыйлы къуллукъчусу деген ат аталгъанды.

2015 жылда басмаланнган «Къатланмазны къайтара» [Къатланмазны къайтара 2015] (орус, европаны кюнбатыш эм шаркъ поэзияны) айырма чыгъармалары къарачай-малкъар тилге кёчюрюлюп бериледиле). Кёчюрмеле бийик даражалы болгъанларын энчи белгилерге тийишлиди.

Дагъыда бек сыйлы ишледен бири – кёчгюнчюлюкде ажымлы ёлген Шауаланы Акатны назмуларын Бегий улу излеп табып, китап этип чыгъаргъанды («Белги»: назмула, жырла, кюйле, ийнарла / Акатны жазгъанларын, жыйышдырып, басмагъа хазырлагъан, ал сёзюн, эсгертиулерин да жазгъан – Бегийланы Абдуллах. Нальчик: Эльбрус, 2004) [Шауаланы А. 2004]; кёчгюнчюлюк бла

байламлы кюйлени, тарыгъыу жырланы жыйышдырып, жыйышдырып, «Шагъатлыкъ этеме» (2004) деген аты бла [Шагъатлыкъ этеме 2004] энчи китап этип басмалагъанды; Мёчюланы Кязимни назмуларын басмалауда, аланы тинтиуде да къыйыны уллуду [Кязим 1996].

Бегий улуну суратлау сёзюне, чыгъармачылыкъ хунерине багъа биче, белгили жазыучу, филология илмуланы доктору Толгъурланы Зейтунну айтханын келтирирге тийишлиди: «Абдуллахны назмуларыны асламысын жыйышдырып, кесаматлагъанда, ала миллетге, миллетни жерине-агъачына, ташына жораланнган жырды, тынчлыкъ, ырахатлыкъ тилекди…Нени да башы адамлыкъ болгъанын, жангы кёз къарам бла ангылап, ким да сагъышланырча ачыкълайды… Къарагъа – къара, акъгъа – акъ деп, жюрегин учундура, игиликге къанат кердире билген поэтди…» [Толгъурланы З. 2010]; саулай алып къарагъанда уа – Бегийланы Абдуллахны поэзиясыны энчи ниет тамалын чертирчады, ол – «инсанлыкъ», «кертичилик», «намыслылыкъ».

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ

Бегиев 1979 – *Бегиев А.* Игиликге ийнаныу: назмула. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 108 б.

Бегиев 1984 – *Бегиев А.* Кезиу: назмула. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 72 б.

Бегиев 1986 – *Бегиев А.* Слово: книга стихов / Перев. Г. Яропольского. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 96 с.

Бегиев 1989 – *Бегиев А*. Танг бла тенг тургъан жырчыкъ: назмула, жомакъ. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 22 б.

Бегийланы А. 1996 – *Бегийланы А*. Бет: назмула китабы. – Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 б.

Бегийланы А. 2003 – *Бегийланы А*. Таш бора: Нарт жырла. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 128 б.

Бегийланы А. 2008 – *Бегийланы А*. Бармакъ ызларым: статьяла китабы. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 360 б.

Бегийланы А. 2010 – *Бегийланы А.* Мен сёз айтдым… Сайлама назмула. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 250 б.

Ёлмезланы М. 2010 – *Ёлмезланы М.* Тюзлюкге талпындыргъан // Заман. 2010. 3-чю ноябрь.

Зумакулова 1979 – *Зумакулова Т.* Ал сёзню орнуна // Бегийланы А. Игиликге ийнаныу. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 5–6 б.

Кетенчиев 2010 – *Кетенчиев М.Б.* Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2010. – С. 69–74. EDN: TZMURV

Къатланмазны къайтара: кёчюрмеле (орус, европаны кюнбатыш эм шаркъ поэзияны айырма чыгъармалары) / къарачай-малкъар тилге Бегийланы А. кёчюргенди. – Нальчик: Эльрус, 2015.

Кязим 1996 – Кязим: назмула, зикирле, поэмала / жыйышдырып, басмагъа хазырлагъан, ал сёзюн, ангылатыуларын жазгъан – Бегийланы А. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 600 с.

Локьяева, Узденова 2021 – *Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т.* Алгъыш (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика (на кар.-балк. яз.) // Кавказология. – 2021. – № 3. – С. 247-259.

Толгъурланы З. 2008 – *Толгъурланы З.* Миллет эс бла миллет литература. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 312 б.

Толгъурланы З. 2010 – *Толгъурланы З.* Игиликге къанат кере // Заман. 2010. 3-чу ноябрь.

Узденова, Кетенчиев 2020 – *Узденова Ф.Т., Кетенчиев М.Б.* О принципах реализации образа в литературе карачаевцев и балкарцев: семиотика цветообозначений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5. – С. 40-44. EDN: JMGKVT.

Шагъатлыкъ этеме: тарыгъыу жырла, назмула, ийнарла / жыйышдырып, басмагъа хазырлагъан, ал сёзюн, ангылатыуларын жазгъан – Бегийланы А. – Нальчик: Эльбрус, 2004.

Шауаланы А. 2004 – *Шауаланы А*. Белги: назмула, жырла, кюйле, ийнарла / Акатны жазгъанларын, жыйышдырып, басмагъа хазырлагъан, ал сёзюн, эсгертиулерин да жазгъан – Бегийланы Абдуллах. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 88 б.

REFERENCES

BEGIYEV A. *Igilikge iynanyu: nazmula* [With faith in good]. – Nalchik: Elbrus, 1979. – 108 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYEV A. *Keziu: nazmula* [Turn: poetry]. – Nalchik: Elbrus, 1984. – 72 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYEV A. *Slovo: kniga stikhov* [Word: a book of poems]. Transl. G. Yaropolsky. – Nalchik: Elbrus, 1986. – 96 p. (In Russ.).

BEGIYEV A. Tang bla teng turgan zhyrchyk: nazmula, zhomak [A song born with the dawn]. – Nalchik: Elbrus, 1989. – 22 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYLANY A. *Bet: nazmula kitaby* [Conscience]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 256 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYLANY A. Tash bora: Nart zhyrla [Echo of Stone: Songs of the Narts]. – Nalchik: Elbrus, 2003. – 128 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYLANY A. Barmak yzlarym: kitab articles [Fingerprints: a book of articles]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 360 p. (In Karachay-Balkarian).

BEGIYLANY A. *Men soz aytdym. Saylama nazmula* [I said a word... Selected poems]. – Nalchik: Elbrus, 2010. – 250 p. (In Karachay-Balkarian).

Katlanmazny kaytara [Returning to the unique]: translations from Russian, Western European and Eastern poetry. Transl. A. Begiev. – Nalchik: Elbrus, 2015. (In Karachay-Balkarian).

Kazim: nazmula, zikirle, poemala [Kazim Mechiev: Poetry, Zihry, Poems]. Compilation, preface, comments by A.M. Begiev. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 600 p. (In Karachay-Balkarian).

KETENCHIYEV M.B. *Problemy vokativnykh konstruktsiy v karachayevo-balkarskom yazyke* [Problems of vocative constructions in the Karachay-Balkar language]. IN: *Aktual'nyye voprosy karachayevo-balkarskoy filologii. Sbornik statey k 70-letiyu ZH.M. Guzeyeva* [Topical issues of Karachay-Balkar philology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Zh.M. Guzeev]. – Nalchik: Publishing Department of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research, 2010. – P. 69-74. EDN: TZMURV. (In Russ.).

LOK'YAYEVA ZH.M., UZDENOVA F.T. *Alg"ysh (blagopozhelaniye) v fol'klore i literature karachayevtsev i balkartsev: spetsifika zhanra, taksonomiya, poetika* [Algysh (good wishes) in the folklore and literature of the Karachays and Balkars: the specifics of the genre, taxonomy, poetics (in the Kar.-Balk. language). IN: *Kavkazologiya* [Caucasian Studies]. – 2021. – No 3. – P. 247-259. (In Karachay-Balkarian).

Shag'atlyk eteme: tarygyu zhyrla, nazmula, iynarla [Living Witnesses: Lamenting songs, poems, lyrical songs]. Comp., the author will enter. words, comm. A. Begiev. – Nalchik: Elbrus, 2004. (In Karachay-Balkarian).

SHAUALANY A. *Belgi: nazmula, zhyrla, kuyle, iynarla* [Sign: Poems, lamentation songs, lyrical songs]. Comp., Intro. sl., comments Begiev A.M. – Nalchik: Elbrus, 2004. – 88 p. (In Karachay-Balkarian).

TOLG"URLANY Z. *Millet es bla millet literature* [National consciousness and national literature]. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 312 p. (In Karachay-Balkarian).

TOLG"URLANY Z. Igilikge kanat kere [Spreading your wings]. Zaman (Time). 2010. November, 3. (In Karachay-Balkarian).

UZDENOVA F.T., KETENCHIYEV M.B. *O printsipakh realizatsii obraza v literature karachayevtsev i balkartsev: semiotika tsvetooboznacheniy* [On the principles of image realization in the literature of Karachays and Balkars: semiotics of color designations]. IN: *Filologicheskiye nauki.*

Nauchnyye doklady vysshey shkoly [Philological Sciences. Scientific reports of higher school]. – 2020. – No 5. – P. 40-44. EDN: JMGKVT. (In Russ.).

YOLMEZLANY M. *Tyuzlyukge talpyndyrgan* [Striving for truth]. IN: Zaman (Time). 2010. November, 3. (In Karachay-Balkarian).

ZUMAKULOVA T. *Al soznyu ornuna* [Instead of a preface]. IN: Begiyev A. *Igilikge iynanyu* [With faith in good]. – Nalchik: Elbrus, 1979. – 5–6 b. (In Karachay-Balkarian).

Авторну юсюнден:
Ёзденланы Ф. – филология илмуланы доктору.
Information about the author:
F.T. Uzdenova – Doctor of Science (Philology).
Об авторе:
Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Статья редакциягъа 25.01.2023 келгенди; кесамат этилгенден сора 20.02.2023 къабыл кёрюлгенди; басмагъа 15.03.2023 алыннганды.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

Научная статья
УДК 801.6
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-253-266
EDN: GMSWDI

МЕТРИКО-РИФМОВОЧНАЯ СИСТЕМА АДЫГСКОГО СТИХА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Людмила Борисовна Хавжокова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Россия, Нальчик, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9931-7726

Аннотация. В статье исследуется метрико-рифмовочная система адыгского (кабардинского, черкесского, адыгейского) литературного стиха. Метрика и рифма, как и система версификации в целом, до настоящего времени не стали предметом специального изучения, чем и обусловлено обращение к заявленной теме. Основное внимание, с одной стороны, акцентируется на специфике освоения силлабо-тонических размеров (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест) и особенностях их функционирования в разных жанрах и жанровых формах, с другой стороны, прослеживается эволюция рифмы в национальной поэзии. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка комплексного исследования метрико-рифмовочной системы адыгского стиха на всех этапах ее развития. По полученным результатам делается вывод, что в письменной поэзии адыгов начального периода эволюции наблюдается применение «двойной рифмы»; к настоящему времени в ней получили широкое развитие все силлабо-тонические стихотворные размеры в их разностопных вариациях.

Ключевые слова: адыгская поэзия, поэтика, версификация, метрика, стопа, стихотворный размер, рифма.

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Метрико-рифмовочная система адыгского стиха: проблемы становления и развития // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 253-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-253-266. EDN: GMSWDI.

© Хавжокова Л.Б., 2023

Original article

METRIC-RHYMING SYSTEM OF THE ADYGHE VERSE: PROBLEMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT

Lyudmila B. Khavzhokova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9931-7726

Abstract. The article examines the metric-rhyming system of the Adyghe (Kabardian, Circassian, Adygheyan) literary verse. Metrics and rhyme, as well as the versification system, haven't be-

come the subject of special study to this day, which is the reason this stated topic is addressed. The primary attention, on one hand, is focused on the specifics of the syllabic-tonic meters (trochee, iambic, dactyl, amphibrach, anapest) development and the features of their functioning in different genres and genre forms, but on the other hand, the evolution of rhyme in national poetry is traced. The scientific novelty of the work lies in the first attempts to make a comprehensive study of the metrical-rhyming system of the Adyghe verse at all stages of its development. Based on the results obtained, it is established that in the written poetry of the Circassians during the initial period of evolution, the "double rhyme" was applied; to date, all syllabi-tonic poetic meters in their multi-footed variations have been widely developed.

Keywords: Adyghe poetry, poetics, versification, metric, foot, meter, rhyme.

For citation: Khavzhokova L.B. Metric-rhyming system of the Adyghe verse: problems of formation and development. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 253-266. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-253-266. EDN: GMSWDI.

© Khavzhokova L.B., 2023

Система адыгской версификации, как и национальная поэзия в целом, прошла долгий и трудный путь становления и эволюции. Эпоха ее формирования совпадает со временем зарождения первичных мелодико-речитативных форм в устно-поэтическом творчестве адыгов. Архаичные истоки национального стихосложения выявлены в исследованиях Б.И. Куашева [Куашев 1966а: 166–189; Куашев 1966: 190–197], А.З. Пшиготыжева [Пшиготыжев 1981: 7, 26, 34], А.Х. Хакуашева [Хакуашев 1998: 17, 52]. На сегодняшний день в ней развиты все области и компоненты стиха.

Метрика и рифма, наряду с ритмикой и строфикой, представляют собой главные области системы стихосложения. Одновременно они являются значимыми структурообразующими компонентами стиха.

Роль метрики (метра) в формировании поэтики адыгского стиха определилась уже в начальный период эволюции национальной литературы. В 1920–30-е гг. процесс становления поэзии сопровождался не только переходом от фольклорных традиций к письменным формам, но и отказом от тонического стихосложения и освоением силлабо-тонической системы. В результате реформы, проведенной основоположниками кабардинской (А. Шогенцуков) и адыгейской (А. Хатков) поэзии, адыгский литературный стих стал силлабо-тоническим с европейским (концевым) видом рифмования. Это означало отказ от фольклорной (народной) рифмы, хотя ее действие в сочетании с концевой рифмой в рамках одного произведения – в виде «двойной рифмы» [Шогенцуков 1950: 3]) – продолжалось до конца 40-х гг. Влияние фольклорной поэтики на разных уровнях организации поэтического текста (художественном, структурно-композиционном и т.д.) ослабло лишь в середине прошлого века, когда была сформирована жанровая система профессиональной поэзии. Освоение некоторых жанров – например, триолета – требовало применения исключительно концевых рифм, комбинированных, как известно, по определенным схемам (*abaa abab, abaa abab* и т.д.). Концевая рифма актуализировала в адыгской поэзии и другие жанры, и жанровые формы, в числе которых газель, рубаи, сонет, венок сонетов.

Как известно, поэтика стиха состоит в непосредственной зависимости от языкового строя – фонетического и лексического состава, ударения, особенностей синтаксиса. Просодические возможности адыгских (кабардино-черкесского и адыгейского) языков позволили освоить все основные силлаботонические размеры и их разностопные вариации. В период становления поэзии и системы версификации наиболее востребованными оказались двусложные размеры, в частности – хорей. И в современной поэзии он сохраняет доминирующие позиции, достигнув восьмистопного уровня в своем развитии. Кроме того, широко актуализированы его разностопные вариации. Вместе с тем важно заметить, что в эволюции данного (как и любого другого) размера наблюдается тенденция, при которой с увеличением количества стоп в строках, сокращается количество произведений, написанных им. Поэтому многостопных вариаций хорея в адыгской поэзии значительно меньше, чем его трех-, четырехстопных вариаций. К примеру, стихов, построенных на четырехстопном хорее, в пять раз больше, чем произведений, созданных семи- или восьмистопной вариацией (40 %: 5 %). Это связано в первую очередь со сложностями технического характера и с тем, что длинные многостопные строки по поэтике своей сближаются с прозаическим текстом. Восьмистопный хорей – явление редкое в национальной поэзии, но единичные образцы его применения выявлены в творчестве кабардинского поэта Б. Утижева. Продемонстрируем на фрагменте из сонета «Этот мир – временный дар от Всевышнего» («Дунеижьыр Тхьэм и тыгъэ Іэгурыхьэ-ІэгурыкІщ»):

Батэкъу́тэр щыдгъэшы́ну дигугъэ́журэ дыте́тщ,
Илъэси́щэ мынэхъ ма́щІэ къэдгъэщІэ́нуи ди не́тщ.
А́уэ псо́ри убзыхуа́уэ дыкъалъхуа́уэ къыщІокІы́иж,
Хэ́тш къытфІэ́щІми, хашагъэ́ххэ щхьэ́ж и лъа́гъуэ
дытеты́жщ...
[Утижев 2005: 155]

Думая, что свернем горы, живем [в этом мире],
Намереваясь прожить не менее ста лет.
Но выясняется, что все уже предписано,
Даже если думаем, что прокладываем свой путь,
все пути давно предначертаны.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

В метрической схеме строфы четко отражается восьмистопная композиция:

U U | – U | U U | – U | U U | – U | U U | –	пир.* на 1, 3, 5, 7 стопах
U U | – U | U U | – U | U U | – U | U U | –	пир. на 1, 3, 5, 7 стопах
– U | – U | U U | – U | U U | – U | U U | –	пир. на 3, 5 и 7 стопах
– U | – U | U U | – U | – U | – U | U U | –	пир. на 3 и 7 стопах

* Пиррихий.

В адыгской поэзии также выявлены сочетания разностопного хорея в рамках одного произведения. Наиболее распространенной формой подобного сочетания стало межстроковое упорядоченное чередование четырех- и трехстопного хорея. Множество примеров его применения выявлено в лирике кабардинского поэта Б. Куашева, им написаны некоторые его стихотворения и поэмы «Два Джона» («Джонитl») и «Нох» («Нэху»). Приведем пример из первой:

Гъуэ́гур хуи́т ищIщ Джо́н лIыхъу́жьми,
Дзэ́м къищта́щ къуажи́щ…
КIуэ́щ ата́кэм Джо́н иу́жьми,
Къиубыда́щ гъэри́щ.
[Куашев 1996: 222]

Освободил дорогу Джон-герой [и]
Войска взяли три аула…
Пойдя в атаку вслед за Джоном,
Взяли в плен троих.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Метрическая схема приведенной строфы отражает сочетание разностопного хорея по формуле «4 + 3»:

– U | – U | – U | – U
– U | – U | –
– U | – U | – U | – U
– U | – U | –

Ямб по степени востребованности и распространенности занимает второе место после хорея, уступая ему, как нами вычислено в результате анализа множества разножанровых произведений, всего на 2%. Из всех вариаций данного размера наибольшее развитие получили четырех- и пятистопный ямб. Например, семнадцатое стихотворение из лирической хроники «Портрет дороги» («Гъуэгум и сурэт») кабардинского автора Х. Бештокова, написаны четырехстопным хореем. Продемонстрируем на начальной строфе:

ЩIыма́хуэр ху́жьщи, гъа́тхэр щхъуа́нтIэщ.
Ау́зыр нэ́хущи, та́фэр хуи́тщ.
Удо́кI, удобзэхы́кIри пщIа́нтIэм,
Ныбжьэ́гъухэр фызэро́щI гупи́тI.
[Бештоков 2003: 434]

Зима бела, а весна зеленая.
Долина светла, равнина широка.
Выходишь, тайком покидаешь двор [и]
С друзьями объединяетесь в две группы.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Метрическая схема строфы отражает в каждой строке по четыре стопы ямба:

U – | U – | U – | U – | U	
U – | U – | U – | U –	
U – | U – | U U | U – | U	пир. на 3 стопе
U – | U U | U – | U –	пир. на 2 стопе

Актуализация пятистопного ямба в адыгской поэзии большей частью обусловлена тем, эта вариация признана теоретиками литературы наиболее приемлемым размером для сонета. Применение пятистопного ямба в этом жанре выявлено в творчестве Х. Беретаря, М. Бемурзова, Б. Утижева, Р. Ацканова и др. Он также встречается в многочисленных стихотворениях других национальных авторов всех поколений: А. Кешокова, Л. Губжокова, Н. Куека, М. Нахушева, Х. Бештокова, А. Бицуева, М. Пхешхова, У. Тхагапсова, М. Емиж, М. Мижаевой, Л. Пшукова, З. Кануковой, М. Кочесоковой и др. Приведем пример из стихотворения «Не обманывай меня» («СымыгъапцI») адыгейского поэта Х. Беретаря:

Сфэкъи́нми а насы́пыр, къызгурэ́Iо,
Гур у́зми, а́щкIэ гу́бжы имыха́бз.
Зэгъа́шIэ – уигукIэ́гъу сырилъэIо́п,
Ау сыушъэ́фрэп – лъэ́шъэу сыфэхъуа́нс.
[Беретарь 1960: 48]

Я принимаю капризы этого счастья,
Несмотря на боль, сердце не привыкло гневаться.
Запомни – не прошу твоего сочувствия,
Но не скрою – сильно об этом мечтаю.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Продемонстрируем метрическую схему фрагмента:

U – | U U | U – | U U | U – | U	пир. на 2 и 4 стопах
U – | U – | U – | U U | U –	пир. на 4 стопе
U – | U U | U – | U U | U –	пир. на 2 и 4 стопах
U U | U – | U – | U U | U –	пир. на 1 и 4 стопах

В целом ямб в адыгской поэзии развит до шестистопной вариации. В ней также встречаются различные вариации разностопного ямба – например, построенные на межстроковых упорядоченных чередованиях по формулам «1+2», «2+1», «2+3», «3+1», «4+3», «3+5», «7+5»*.

В системе адыгской версификации трехсложные размеры также занимают значительное место. Если говорить о цифрах, то по своей совокупности они составляют 23 % (дактиль – 4%, амфибрахий – 12 %, анапест – 7 %) от общего объема исследованных произведений. В творчестве национальных авторов эти размеры также представлены в разностопных вариациях. Рассмотрим некоторые примеры.

* Цифры обозначают количество стоп в строке.

Трехстопный *дактиль* в стихотворении «Чья культура древнее…» («Хэт и культурэр нэхъ пасэ…») черкесского поэта М. Бемурзова:

Хэ́т и культу́рэр нэхъ па́сэ,
Хэ́т и лъэпкъ тхы́дэр нэхъ кІы́хь?
Да́уэм зэза́уэр къыпа́щэу,
Гъэ́хэм зыгуэ́рхэр хочы́хь.
[Бемурзов 1990: 39]

Чья культура древнее,
Чья история длиннее?
Спор совмещая с дракой,
Некоторые перебирают годы.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Метрическая схема стиха выглядит следующим образом:

– U U | – U U | – U
– U U | – U U | –
– U U | – U U | – U
– U U | – U U | –

Амфибрахий, по сравнению с дактилем и анапестом, получил наибольшее развитие. Этот размер в адыгской поэзии развит до пяти стоп, в ней также представлены его разностопные вариации. Например, стихотворение «То, что не смог купить Хапача» («ХьапакІэ къырамыщагъэр») адыгейского поэта К. Жанэ написано двухстопным амфибрахием. Продемонстрируем на начальных строках:

Акъылыр былымэу,
Гупшысэм ылъапсэу
БэшІагъэу ХьапакІэ
Зэхехы къэбаркІэ.
[Жанэ 1969: 172]

О том, что ум есть богатство,
Основа мышления
Много знающий Хапача
Узнал по слухам.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

U – U | U – U
U – U | U – U
U – U | U – U
U – U | U – U

Анапест представляет собой один из редких явлений в системе национальной версификации. Как показал анализ творчества многих адыгских поэтов, большинство из них обходил стороной этот размер. Возможно, это объяс-

няется трудностями, связанными с «прививанием» и адаптацией данного размера к адыгским языкам. Вместе с тем выявлены некоторые его образцы. Например, трехстопный анапест в стихотворении «Белые бусы» («Щыгъэ хужь») черкесской поэтессы М. Мижаевой:

Мэдаýщ бжьыхьэ щIыIэр нэщхъéйуэ,
Тхьэмпэ гъýрхэр зэщúхъуэу зехýз,
Си гупщыúсэм и лъáбжьэм щыхъéйуэ,
Мы сэ сúгур зыкъýзыр сыт ýз?!
[Мижаева 2009: 61]

Шумит холодная осень печально,
Шурша засохшими листьями, скукоживается,
Произрастая из глубин моих раздумий,
Что же так сжимает мое сердце?!
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

U U – | U U – | U U – | U
U U – | U U – | U U –
U U – | U U – | U U – | U
U U – | U U – | U U –

Анапест в адыгской поэзии развит до четырехстопной вариации.

Таким образом, в творчестве кабардинских, черкесских, адыгейских поэтов все силлабо-тонические размеры получили широкое развитие, как в «чистом» виде, так и в форме логаэда.

Наряду с метрикой, одной из самых значимых областей и компонентов адыгского письменного стиха стала рифма, взявшая начало в фольклорных источниках. В народных песнях и ранних устных поэтических импровизациях наблюдается тенденция доминирования ритма над всеми другими компонентами стиха. Однако с преодолением синкретизма в фольклоре и разделением текстов, созданных для пения и для декламации, были сформированы и другие области, и компоненты национального стиха, в первую очередь – рифма.

В настоящее время в адыгском литературоведении существуют различные определения рифмы, бытовавшей фольклоре, и множество терминов для его обозначения: «стык», «подхват», «эховая рифма», «акромонограмма», «рифменная акромонограмма», «анадиплосис», «внутреннее созвучие», «внутристроковое созвучие», «аллитеративная конструкция», «фольклорная рифма», «традиционная народная рифма» и т.д. В данном вопросе мы разделяем мнение А.Х. Хакуашева [Хакуашев 1957: 221; Хакуашев 1984: 170; Хакуашев 1998: 27] и Т.Н. Чамокова [Чамоков 1970: 90], указавших на «рифменную» природу явления, при котором созвучиями сочетаются конец одной строки и начало (или середина) последующей. Приведем фрагмент из «Благопожелания» («Хъуэхъу»):

Дэнэгъуэ Іу**пу**,
Щхьэц**ыпэ** дыкъуакъуу,
Шэнтым тесым тхьэр**ыкъуу**,
Зау**къуэ**диймэ ***аслъэн***у,

Аслъэн сокур я щхь*эцу*,
Кърым бжьэху*(ы)цы*р я щІ**ыфу**,
МыІэр**ыс**а**фэ**р я ***нэкІу***у,
Я ***нэкІу***щхьитІыр плъыжьыфу…
[Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН]

С алыми губами,
Длинными волосами,
Сидят на стуле, словно голубки,
Когда встают, подобны львице,
Волосы их – словно грива льва,
С кожей мягкой, словно крымская вата,
С лицом румяным,
Словно (красное) яблоко…
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Здесь присутствуют 6 фольклорных (*Іу**пу*** ↔ *щхьэц**ыпэ**, тхьэр**ыкъуу*** ↔ *зау**къуэ**диймэ, **аслъэну*** ↔ ***аслъэн**, щІ**ыфу*** ↔ *мыІэр**ысафэр**,* ***нэкІу**у* ↔ ***нэкІу**щхьитІыр*) и одна концевая рифмы (*д**ыкъуакъуу*** ↔ *тхьэр**ыкъуу***). Все рифмы связаны между собой и тесно взаимодействуют, образуя спиралевидную (или «зигзагообразную» по определению С.Ш. Аутлевой [Аутлева 1967: 59]) рифмовочную конструкцию, которая, как правило, остается непрерывной на протяжении всего произведения. А в тех редких случаях, когда она прерывается или ослабляется, ритмическая целостность стиха сохраняется благодаря многочисленным (на множество звуков) аллитерациям или единичным случаям функционирования концевой рифмы, как, например, на участке конца второй и третьей строк приведенного фрагмента. Таким образом, уже в произведениях фольклора прослеживается действие «двойной рифмы», состоящей, как ранее отмечалось, в сочетании фольклорной и концевой рифмы в рамках одной поэтической композиции.

В адыгской поэзии этапа становления – 20–40-е гг. XX в. – в творчестве национальных авторов наблюдается довольно частое применение «двойной рифмы». Это обусловлено не только трудностями перехода от фольклора к литературе и становления письменного стиха, но и связано со сложным процессом освоения силлабо-тонической системы. Как известно, стихосложение в адыгском фольклоре – тоническое (с элементами изосиллабизма) [Хавжокова 2022: 88–100], именно поэтому адыгский стих переходного периода от тонической к силлабо-тонической версификации сочетал в своей поэтике элементы этих двух систем – фольклорную (традиционную, народную) и европейскую (концевую) рифмы.

Тенденция применения «двойной рифмы» продолжалось до середины прошлого века, отчетливее всего она прослеживается в творчестве основоположников национальной поэзии Али Шогенцукова и Ахмеда Хаткова и других поэтов старшего поколения: Т. Борукаева, Т. Шекихачева, Т. Шакова, Х. Хамхокова, М. Пшенокова, А. Охтова, Х. Гашокова, А. Шомахова и др. Продемонстрируем на фрагменте стихотворения «Непоседа» («Зэраншу») последнего из них:

Джэдхэр къакъэу, *зэрызе**хьэу***,
Бжы**хь**ым, бэкхъым **ныдолъей**.

Хэту пIэрэ зэ*ранзе**хьэу***
Хьэблэ джэдхэр **зыгъэлъейр**?
[Антология… 2008: 124]

Куры, кудахча, в панике
Запрыгивают на изгородь, на (крышу) хлева.
Кто же такой непоседливый
Кур соседских гоняет?
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Кроме концевой перекрестной рифмы, соединяющей конечные части первой и третьей (***зэрызехьэу*** ↔ ***зэранзехьэу***), второй и четвертой (*ныдо**лъей*** ↔ *зыгъэ**лъейр***) строк, некоторые участки текста сочетаются фольклорной рифмой – конец первой строки и начало второй (*зэрызе**хь**эу* ↔ *бжы**хь**ым*), конец третьей и начало четвертой строки (*зэранзе**хьэу*** ↔ ***хьэ**блэ*). Таким образом, компоненты *зэрызехьэу* и *зэранзехьэ* выполняют двойную функцию, одновременно принимая участие в образовании фольклорной и концевой разновидностей рифм.

«Двойная рифма» также нашла применение в творчестве адыгейского поэта А. Хаткова, например, в стихотворении «Река наша быстрая» («Типсы шхъухьашI»):

Ти Лабэ – нэIу***(ы)*ц**,
Пц**ел**ы**б**эр *ы*на***пц***,
МыжъуакIэр цэжъгъ*эеу*
ЗэдикI*эу* къыIо***пс***.
[Адыгейская литература… 2015: 20–21]

Наша Лаба волосатая,
С бровями-ивами,
Мелкие камушки виднеются в ней,
Словно белые зубки.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

В этом небольшом фрагменте присутствует несколько разновидностей рифм: фольклорные – *нэIу**(ы)ц*** ↔ *п**ц**ел**ы**бэр* (сочетает конец первой и начало второй строк), *цэжъгъ**эеу*** ↔ *зэдикI**эу*** (сочетает конец третьей и начало четвертой строк); концевые – ***нэ**Iу(ы)ц*** ↔ ***ына**пц*** (парная рифма), ***нэ**Iу(ы)ц*** ↔ ***ынапц*** ↔ *къ**ы**Io**пс*** (трехкомпонентная рифма). Более того, рифмовочная конструкция стиха поддерживается многочисленными аллитерациями на звуки «*п*», «*ц/с*», «*жъ/жь*».

В середине прошлого века адыгский литературный стих, как выше отмечалось, «освободился» от фольклорной поэтики, в частности – народной рифмы. В современной адыгской (кабардинской, черкесской, адыгейской) поэзии представлены все основные виды рифм и множество способов рифмовки, нашедших развитие как в лирических, так и лиро-эпических жанрах. Наиболее востребованной из них оказалась *перекрестная рифма* (*abab*). Ее образцы обнаруживаются в творчестве подавляющего большинства адыгских авторов. При этом важно заметить, что на ранних этапах эволюции национальной поэзии в четы-

рехстрочной строфе рифмой связывались только две строки (чаще всего – вторая и четвертая), другие строки (первая и третья) оставались нерифмованными, как например, в стихотворении «Тот, кто возносит нас» («Дэ ди щхьэр ину дэзгъэлъагъу») черкесского поэта А. Ханфенова:

Совет къэралым къару инкIэ (–)
Зыкъызэкъуехыр махуэ ***къэс***, (A)
Дуней хъурейм щамылъэгъууэ (–)
Ракет еутIыпщыр Мазэм ***нэс***. (A)
[Ханфенов 1960: 20]

Советское государство мощными силами (своими)
Раскрывается каждый день,
Впервые во всем мире
Запускает ракеты на Луну.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Как видно по выделенным частям, вторая и четвертая строки связаны перекрестной рифмой ***къэс*** ↔ ***нэс***. Первая и третья строки не сочетаются даже на уровне приблизительного созвучия: *инкIэ – щамылъэгъууэ*.

В отличие от рассмотренной иллюстрации, в стихотворении «Сказка» («Псысэ») из цикла «На перепутье двух дорог» («ГъуэгущхьитIыр щызэхэкIым») кабардинского поэта З. Налоева обнаруживается удачный случай перекрестного рифмования всех строк. Рассмотрим на примере второй строфы:

НыхегъащIэ иныжь *нэфыр*. (A)
Ядоджэгур **нахыхьауэ** (B)
Нартхэм. Псоми *ятокIуэфыр*. (A)
Къехь хъыджэбзи **хэплъыхьауэ**. (B)
[Налоев 2015: 28]

Побеждает незрячего великана.
Борется с нартами,
Одерживает победу над всеми.
Похищает лучшую из девушек.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Фрагмент построен на двух богатых перекрестных рифмах: ***нэфыр*** ↔ *ятокIуэ**фыр***, н**ахыхьауэ** ↔ **хэ**плъ**ыхьауэ**.

Парная рифма (*aabb*) также получила широкое развитие в творчестве адыгских поэтов. Например, в стихотворении «Речушка» («Псыхъожъый») адыгейского поэта К. Жанэ:

Псыхъом пэблагъэу зы лIыжъы *щытэу* (A)
ИчъакIэ бэрэ еплъы *зэпыты*. (A)
– О псыхъожъыер зэ **къэуцуаIи**, (B)
ТIэкIу зыгъэпсэфба, о **умыгуаIи**! (B)
[Жанэ 1969: 61]

Стоя у реки, один старик
Наблюдает за ее течением.
– Ты, речушка, постой [и]
Отдохни немного, не переживай!
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

Здесь присутствуют две удачные парные рифмы, сочетающие первую и вторую (*щ**ытэ**у* ↔ *зэп**ыты***), третью и четвертую (*къэ**уцуаIи*** ↔ ***умыгуаIи***) строки.

Кольцевая (охватная, опоясывающая) рифма (*abba*) в адыгской поэзии, менее развита по сравнению с двумя рассмотренными выше разновидностями. Вместе с тем она нашла применение во всех жанрах и жанровых формах, в том числе в венке сонетов «Верен любви» («Лъагъуныгъэм сыхуэщыпкъэщ») черкесского поэта М. Бемурзова. Катрены, входящие в структуру сонетов, составляющих венок, построены на кольцевом рифмовании. Например, в первом катрене второго сонета:

Гукъеуэм си гум щищIыжащ *унагъуэ*, (A)
ХъуэпсапIэу сиIэгъахэр ткIуащ **уэсэпсу**, (B)
Си лъагъуныгъэ закъуэрщ дыгъэу **къепсу** (B)
Къысхуэнэжар, и нэхур *умылъагъуми*. (A)
[Бемурзов 1981: 53]

Горе поселилось в моем сердце,
Мечты мои растаяли, словно роса,
Только любовь моя, подобная солнцу,
Осталось у меня, даже если не видно ее света.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

В приведенной строфе кольцевая рифма *ун**агъуэ*** ↔ ***умылъагъуми*** опоясывает парную рифму уэс**эпсу** ↔ къ**епсу**.

Удачное использование кольцевой рифмы также прослеживается в лирике кабардинского поэта Л. Пшукова. Например, в стихотворении «Когда-нибудь пройдет капризный дождь…» («Зэгуэрым теужынщи уэшх къиныр…»):

Зэгуэрым теужынщи уэшх *къиныр*, (A)
Си гугъу къыпхуащIыжынщ нэхъ **гугъэзагъэу**, (B)
Чэщей къутэным хуэдэу **къыпхуэсакъыу** (B)
Къыббгъэдэтар плъэкIынкъым *бгъэIеину*. (A)
[Пшуков 2011: 66]

Когда-нибудь пройдет капризный дождь,
И тебе расскажут обо мне более подробно,
Того, кто оберегал тебя как зеницу ока,
Ты не посмеешь очернить.
(Пер. подстр. – *Л.Х.*)

И здесь кольцевая рифма *къ**иныр*** ↔ *бгъэ**Iеину*** опоясывает парную рифму *гугъ**эзагъэу*** ↔ *къыпхуэ**сакъыу***.

Подводя итоги исследования, следует заключить, что современный адыгский письменный стих достиг высокого уровня развития, при котором в национальной версификации представлены все пять силлабо-тонических стихотворных размеров и их разностопные вариации. Несмотря на трансформации, происходящие в настоящее время в поэтике адыгского стиха, связанные с актуализацией свободных форм его организации (логаэд, верлибр), строгие размеры продолжают занимать в нем доминирующие позиции. Широкое развитие получила и рифмовочная система: кроме продемонстрированных выше основных разновидностей, в творчестве кабардинских, черкесских, адыгейских поэтов представлено множество других способов рифмовки, в результате чего сформированы и вариации рифм – омонимическая, тавтологическая, смешанная, сложная (многокомпонентная), авторская, холостая, гиперхолостая и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгейская литература… 2015 – *Адыгейская литература*: учебное пособие для 7 класса. (На адыг. яз.) / Авт.-сост. М.Ш. Кунижев; под ред. М.Х. Мамий. – Майкоп: Качество, 2015. – 248 с.

Антология… 2008 – *Антология кабардинской поэзии. XX век*. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 656 с.

Аутлева 1967 – *Аутлева С.Ш.* Идейно-художественные особенности адыгских историко-героических народных песен // Ученые записки АНИИ. – Майкоп, 1967. – Т. VII: Литература и фольклор. – С. 38–63.

Бемурзов 1981 – *Бемурзов М.Х.* Сказ о мужестве. Стихи и поэмы. (На каб.-черк. яз.). – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1981. – 96 с.

Бемурзов 1990 – *Бемурзов М.Х.* Ты – моя песня. Стихи. (На каб.-черк. яз.). – Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1990. – 104 с.

Беретарь 1960 – *Беретарь Х.Я.* Весенняя песня. Стихи, поэма. (На адыг. яз.). – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1960. – 70 с.

Бештоков 2003 – *Бештоков Х.К.* Удивительный мир. Лирика. (На каб.-черк. яз). – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 544 с.

Жанэ 1969 – *Жанэ К.Х.* Избранное. (На адыг. яз.). – Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского кн. изд-ва, 1969. – 373 с.

Куашев 1966а – *Куашев Б.И.* Стихосложение нартского эпоса // Собрание сочинений. (На каб.-черк. яз.): В 2-х томах. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1966. – Т. 2. – С. 166-189.

Куашев 1966б – *Куашев Б.И.* Строение кабардинского стиха // Собрание сочинений. (На каб.-черк. яз.): В 2-х томах. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1966. – Т. 2. – С. 190-197.

Куашев 1996 – *Куашев Б.И.* Стихотворения и поэмы. (На каб.-черк. яз). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 304 с.

Мижаева 2009 – *Мижаева М.О.* Хочу заглянуть в твои глаза. Стихи. (На каб.-черк. яз.). – Черкесск: Карачаево-Черкесское респ. кн. изд-во, 2009. – 224 с.

Налоев 2015 – *Налоев З.М.* Избранное. В 3-х т. Том 2. Стихи. Поэмы. Повести. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 512 с.

Пшиготыжев 1981 – *Пшиготыжев А.З.* О кабардинском стихосложении. (На каб.-черк.). – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 144 с.

Пшуков 2011 – *Пшуков Л.Х.* Калина полевая. Стихи. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Тетрагаф, 2011. – 92 с.

Утижев 2005 – *Утижев Б.К.* Ветви. Новеллы, притчи, стихотворения, сонеты, стихотворения в прозе, максимы, пьесы. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 400 с.

Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН – «Хох» («Благопожелание») // Фоноархив ИГИ КБНЦ РАН: касс. № 181, инв. № 552-ф/12–3.

Хавжокова 2022 – *Хавжокова Л.Б.* Эволюция системы адыгского стихосложения. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 372 с.

Хакуашев 1957 – *Хакуашев А.Х.* Некоторые вопросы стихосложения Али Шогенцукова // Сборник статей о кабардинской литературе. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. – С. 219-242.

Хакуашев 1984 – *Хакуашев А.Х.* История кабардинской рифмы. (На каб.-черк. яз.) // Хакуашев А.Х. Истоки становления. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 1984. – С. 166-196.

Хакуашев 1998 – *Хакуашев А.Х.* Кабардинское стихосложение. (На каб.-черк. яз.). – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 288 с.

Ханфенов 1960 – *Ханфенов А.М.* Напевы жизни. Стихи, сатира и юмор, переводы. (На каб.-черк. яз.). – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1960. – 64 с.

Чамоков 1970 – *Чамоков Т.Н*. Об адыгейском стихосложении (ритмика и рифма) // Адыгейская филология: Сборник статей. – Ростов-на-Дону: Адыгейская областная типография управления по печати Краснодарского крайисполкома, 1970. – Вып. 4. – С. 83-96.

Шогенцуков 1950 – *Шогенцуков Ад.* Мастерство поэта // Кабардинская правда. 1950, 14 октября. – С. 3.

REFERENCES

Adygejskaya literatura: uchebnoe posobie dlya 7 klassa [Adyghe literature: a textbook for grade 7.] / Auth.-comp. M.Sh. Kunizhev; ed. M.Kh. Mamiy. – Maykop: Kachestvo, 2015. – 248 p. (In Circassian).

Antologiya kabardinskoj poezii. XX vek [Anthology of Kabardian poetry. XX century]. – Nalchik: El-Fa, 2008. – 656 p. (In Circassian).

AUTLEVA S.Sh. *Idejno-hudozhestvennye osobennosti adygskih istoriko-geroicheskih narodnyh pesen* [Ideological and artistic features of the Adyghe historical and heroic folk songs]. IN: Uchenye zapiski ANII. – Maikop, 1967. – Vol. VII: Literature and folklore. – P. 38-63. (In Circassian).

BEMURZOV M.Kh. *Skaz o muzhestve. Stihi i poemy* [A story about courage. Verses and poems]. – Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1981. – 96 p. (In Circassian).

BEMURZOV M.Kh. *Ty – moya pesnya. Stihi* [You are my song. Poetry]. – Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1990. – 104 p. (In Circassian).

BERETAR Kh.Ya. *Vesennyaya pesnya. Stihi, poema* [Spring song. Poems, poem]. – Maikop: Adyghe book publishing house, 1960. – 70 p. (In Circassian).

BESHTOKOV Kh.K. *Udivitel'nyj mir. Lirika* [Amazing world. Lyrics]. Nalchik: Elbrus, 2003. 544 p. (In Circassian).

ZHANE K.Kh. *Izbrannoe* [Favorites]. – Maykop: Adyghe branch of the Krasnodar book publishing house, 1969. – 373 p. (In Circassian).

KUASHEV B.I. *Stihoslozhenie nartskogo eposa* [Versification of the Nart epic]. IN: Collected Works: In 2 volumes. – Nalchik: Kabardian book publishing house, 1966 a. – Vol. 2. – P. 166-189. (In Russ.).

KUASHEV B.I. *Stroenie kabardinskogo stiha* [The structure of the Kabardian verse]. IN: Collected works: In 2 volumes. – Nalchik: Kabardian book publishing house, 1966 b. – Vol. 2. – P. 190-197. (In Russ.).

KUASHEV B.I. *Stihotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 304 p. (In Circassian).

MIZHAEVA M.O. *Hochu zaglyanut' v tvoi glaza. Stihi* [I want to look into your eyes. Poetry]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Republic publishing house, 2009. – 224 p. (In Circassian).

NALOEV Z.M. *Izbrannoe* [Favorites]. In 3 volumes. Volume 2. Verses. Poems. Tales. – Nalchik: Elbrus, 2015. – 512 p. (In Circassian).

PSHIGOTYZHEV A.Z. *O kabardinskom stihoslozhenii* [About Kabardian versification]. – Nalchik: Elbrus, 1981. – 144 p. (In Circassian).

PSHUKOV L.Kh. *Kalina polevaya. Stihi* [Field viburnum. Poetry]. – Nalchik: Tetragaf, 2011. – 92 p. (In Circassian).

UTIZHEV B.K. *Vetvi. Novelly, pritchi, stihotvoreniya, sonety, stihotvoreniya v proze, maksimy, p'esy* [Branches. Novels, parables, poems, sonnets, prose poems, maxims, plays]. – Nalchik: Elbrus, 2005. – 400 p. (In Circassian).

Phonoarchive of IGI KBSC RAS – "Khokh" ("Goodwill"). IN: Phonoarchive of IGI KBSC RAS: cass. No. 181, inv. No. 552-f/12–3. (In Circassian).

KHAVZHOKOVA L.B. *Evolyuciya sistemy adygskogo stihoslozheniya* [Evolution of the system of Adyghe versification]. – Nalchik: Print Center, 2022. – 372 p. (In Russ.).

KHAKUASHEV A.Kh. *Nekotorye voprosy stihoslozheniya Ali Shogencukova* [Some questions of Ali Shogentsukov's versification]. IN: Collection of articles on Kabardian literature. – Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1957. – P. 219-242. (In Russ.).

KHAKUASHEV A.Kh. *Istoriya kabardinskoj rifmy* [History of Kabardian rhyme]. IN: Khakuashev A.Kh. Origins of becoming. – Nalchik: Elbrus, 1984. – P. 166-196. (In Circassian).

KHAKUASHEV A.Kh. *Kabardinskoe stihoslozhenie* [Kabardian poetry]. – Nalchik: Elbrus, 1998. – 288 p. (In Circassian).

KHANFENOV A.M. *Napevy zhizni. Stihi, satira i yumor, perevody* [Songs of life. Poems, satire and humor, translations]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1960. – 64 p. (In Circassian).

CHAMOKOV T.N. *Ob adygejskom stihoslozhenii (ritmika i rifma)* [About the Adyghe versification (rhythm and rhyme)]. IN: Adyghe philology: Collection of articles. – Rostov-on-Don: Adyghe Regional Printing House of the Press Department of the Krasnodar Regional Executive Committee, 1970. – Issue. 4. – P. 83-96. (In Russ.).

SHOGENTSUKOV Ad. *Masterstvo poeta* [The skill of the poet]. IN: Kabardian truth. 1950, October 14. – P. 3. (In Circassian).

Информация об авторе:
Л.Б. Хавжокова – кандидат филологических наук.
Information about the author:
L.B. Khavzhokova – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 25.01.2023 approved after reviewing 20.02.2023, accepted for publication 15.03.2023

Фольклористика

Научная статья
УДК 398.61
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-267-275
EDN: ZHRGTI

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ-СИГНАЛИЗАТОРЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8883-4613

Аннотация. Статья посвящена изучению одной из слаборазработанных областей карачаево-балкарского сказковедения – проведению классификации и характеристике чудесных предметов, встречающихся в волшебных и волшебно-героических сказках обозначенного этноса. Объектом исследования в данном случае стали так называемые сигнализаторы, т.е. предметы, с помощью которых передаются определенный сигнал, сообщение, информация. Анализ обозначенной группы чудесных предметов выявил возможность ее дальнейшего дробления с выделением средств: а) вызова помощника, б) сообщения о состоянии героя (владельца / дарителя, его родных и близких), в) сообщения об опасности / тревоге (т.е. выполняющих функцию современной сигнализации). Первые две группы чудесных сигнализаторов, безусловно, призваны помочь главным героям, в то время как предметы, относящиеся к третьей категории, принадлежат их антагонистам и, соответственно, выступают препятствием на пути к достижению цели. Выявлено, что рассмотренные чудесные средства сообщения корнями уходят в древние представления и верования своего народа-создателя (анимизм, тотемизм, фетишизм), а в их основе лежит симпатическая (контагиозная / парциальная / контактная) магия. Отмечается, что дальнейшее углубленное изучение чудесных предметов и создание соответствующего указателя не только обогатит знания о поэтике собственно карачаево-балкарской волшебной сказки, но и позволит ввести их данные в отечественный и общемировой сказочный фонд и будет способствовать проведению сравнительно-сопоставительных исследований.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебные и волшебно-героические сказки, чудесные предметы, сигнализаторы, анимизм, тотемизм, магия.

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Чудесные предметы-сигнализаторы в карачаево-балкарских волшебных сказках // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 267-275. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-267-275. EDN: ZHRGTI.

© Гулиева (Занукоева) Ф.Х., 2023

Original article

WONDERFUL OBJECTS-SIGNALIZATORS IN KARACHAY-BALKARIAN MAGICAL FAIRY-TALES

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)
Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-8883-4613

Abstract. This article explores an area of Karachay-Balkarian fairy-tales, that has been inadequately studied – the classification and characterization of the remarkable objects, featured in magical and magical-heroic fairy-tales of the specified ethnic group. The aim of the research conducted in this case was to analyze signaling devices – objects, used to send a specific signal, message or information. An analysis of the significated set of extraordinary items indicated the potential of further division with the allocation of resources: a) calling an assistant, b) reporting on the condition of the protagonist (owner / donor, their associates and companions), c) messages of peril / alert (i.e., fulfilling the role of modern signaling). The first two groups of annunciator are created to support the main characters, whereas the objects of the third category act as a hindrance to the goal and are owned by their antagonists. It has been discovered, that the considered excellent methods of communication have their origin in the ancient ideas and beliefs of their creator people (animism, totemism, fetishism), and they are founded on sympathetic (contagious / partial / contact) magic. It is observed, that additional detailed examination of wonderful objects and the formation of an appropriate index will not only enrich knowledge of the poetics of the Karachay-Balkarian fairy-tale itself, but will also permit their data to be integrated into the national and worldwide fairy-tale fund and will facilitate comparative studies.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, magical and magical-heroic fairy-tales, wonderful objects, signalizators, animism, totemism, magic.

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Wonderful objects-signalizators in karachay-balkarian magical fairy-tales. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 267-275. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-267-275. EDN: ZHRGTI.

© Gulieva (Zanukoeva) F.H., 2023

Волшебные сказки представляют собой наиболее многочисленную и интересную жанровую разновидность карачаево-балкарского сказочного эпоса, на формирование которой в значительной мере оказали влияние древнейшие обрядово-мифологические и магические представления создающего этноса. В несколько трансформированном виде мы можем видеть в них следы анимизма, тотемизма, фетишизма, магии. Одним из наиболее наглядных примеров этого влияния могут выступать так называемые *чудесные предметы* – сказочные объекты, наделенные сверхъестественными свойствами, не присущими им в реальной жизни. Как утверждал В.Я. Пропп, их число «в сказке так велико, что описательное рассмотрение их не приведет ни к каким результатам» [Пропп 2014: 161–162]. Данное утверждение великого исследователя подводит нас к мысли о необходимости их обобщения и классификации. В отечественной фольклористике уже был предпринят ряд соответствующих попыток. Так, продолжая свою мысль, ученый предлагает делить волшебные предметы (которые считал лишь частным случаем чудесного помощника героя) по общности их происхождения: «предметы животного происхождения, растительного происхождения, предметы, в основе которых лежат орудия, предметы многообразного состава, которым приписываются или самостоятельные или персонифицированные силы, и, наконец, предметы, связанные с культом» [Пропп 2014: 170]. В то же время автор подчеркивает: «Это – лишь предварительная наметка. При более подробном анализе могут быть найдены еще новые группы, не рассмотренные здесь предметы смогут быть отнесены к намеченным здесь группам» [Пропп 2014: 170].

Исследуя данную проблему на материале волшебных сказок казаков-некрасовцев, Д.С. Джанибекова предлагает делить чудесные атрибуты на *предметы-помощники* героя и *предметы-вредители*, однако отмечает зависимость отнесения объекта к первой или второй категории «от того, кому принадлежит или у кого в руках находится волшебный предмет» [Джанибекова 2015: 53].

На основе карачаево-балкарского фольклора чудесные предметы еще не становились предметом отдельного научного исследования, однако краткие упоминания о них, перечисление ряда волшебных атрибутов встречаются в трудах А.И. Караевой («чаша – гоббан, меч – сырпын, палка-самобойка – токмак, летающий коврик – намазлык» [Караева 1966: 18]), А.З. Холаева («чаша – гоппан, удлиняющийся меч – сырпын, летающий коврик, палка-самобойка, гребень, зеркало, ножницы» [Холаев 1981: 26]), Ф.А. Урусбиевой (гоппан, наполняющийся золотыми монетами, конь, дарующий изобилие стад и табунов, булава, нападающая на врага, волшебная войлочная плеть, волшебный сундук [Урусбиева 2001: 47]), Р.А.-К. Ортабаевой («ножницы (къыпты), гребешок (таракъ), зеркало (кюзгю), шило (миз), бритва (джюлгюч), дубинка (токъмакъ), чаша (гоппан), волшебный сундук (кюбюр), летающий коврик (намазлыкъ) ... войлочная плеть (кийиз къамчи)» [Ортабаева 1986: 120]), Т.М. Хаджиевой («богатырский конь, волшебный меч, шапка-невидимка, волшебная войлочная плеть, волшебная чаша (гоппан) и др.» [Хаджиева 2014: 563]), Х.Х. Малкондуева ([Малкондуев 2017: 56–106]), Т.Ш. Биттировой (*сырпын* «волшебный меч», *къама* «меч, кинжал», *къыпты* «ножницы», *кюзгю* «зеркало», *биз* «шило», *гоппан* «чаша», *токъмакъ* «дубина» [Биттирова 1997: 6]) и др.

Впервые попытка систематизации и проведения первичной классификации чудесных предметов, встречающихся в волшебных и волшебно-героических сказках обозначенного этноса, была предпринята нами в 2019 г. в рамках монографии «Карачаево-балкарская волшебная сказка».

В.Я. Пропп в своем труде «Русская сказка» писал о том, что, несмотря на разнообразие образов волшебных помощников и волшебных предметов, «действия их, наоборот, весьма ограничены. Единообразие этих действий скрывается, скрашивается многообразием исполнителей и форм исполнения… герой мог бы требовать от своего волшебного помощника (в том числе и волшебного предмета – *Ф.Г.*) неисчислимых и самых разнообразных услуг. Однако этого не происходит. Герой пользуется своим помощником в строго ограниченных целях» [Пропп 2011: 206]. Основываясь на его размышлениях, в соответствии с выполняемыми функциями нами были выделены 14 категорий чудесных предметов, каждая из которых получила общую краткую характеристику:

1) хранители души;
2) средства исцеления / оживления;
3) сигнализаторы;
4) средства нападения;
5) одурманивающие средства;
6) трансформаторы;
7) средства защиты;
8) ретрансляторы;

9) навигаторы (путеводители);

10) ускорители, средства передвижения / перемещения;

11) невидимки;

12) средства, дарующие материальные блага, изобилие (снабжающие предметы);

13) исполнители желаний;

14) предметы роскоши [Гулиева (Занукоева) 2019: 82].

Данный опыт выявил существование большого объема материала, обладающего значительным исследовательским потенциалом как в плане фольклористики, так и в отношении смежных дисциплин (истории, этнологии, культурологии и др.). Это обстоятельство и послужило толчком для более углубленного изучения сказочной атрибутики карачаево-балкарских сказок.

Объектом научного интереса в данной работе стали так называемые *сигнализаторы*, представляющие собой предметы, применяемые в сказках для передачи определенного сигнала, своеобразного сообщения, ожидаемой информации. Условно они могут быть разделены на три группы:

1) средства вызова чудесного помощника;

2) средства передачи сообщения о состоянии героя (первичного владельца), его родных и близких;

3) средства, оповещающие об опасности / тревоге (сигнализация).

Рассмотрим их подробнее.

К числу наиболее распространенных волшебных сигнализаторов в сказках можно отнести ***средства вызова чудесного помощника***. К ним, в первую очередь, относятся различные волоски, перья, чешуйки, которые герои обычно получают от благодарных или покоренных животных. Для активации чудесный предмет чаще всего надо поднести к огню. По справедливому мнению В.Я. Проппа, это древнейшая форма волшебных предметов [Пропп 2014: 162] и связана она с симпатическими магическими представлениями о том, что часть есть целое, а целое есть часть (контагиозная / парциальная / контактная магия [Фрэзер 1980: 20–60; Токарев 1990]).

Широко известным сигнализатором в сказочном эпосе является волос из хвоста волшебного богатырского коня, приобретаемый при выполнении сложной задачи. В карачаево-балкарских сказках изредка герой получает коня в дар от умершего отца в благодарность за выполнение предсмертной просьбы охранять его могилу три ночи («*Кюлбулгъауучъ*» – «Кюлбулгауч» [КъМФ 1987: 109–112]). Иногда речь может идти и об изначальном владении чудесным (нередко говорящим) конем («Ёткюр» [МХЖ 1963: 148–156], «Билмез» [КъМФ 1987: 107–109]) или его случайном приобретении, вызволении из плена («Быжмапапах» [КБНС 1957: 36–40]).

В ряде случаев герой может заполучить средство вызова, оказав помощь первым. Например, в сказках «Кичибатыр» [КБНС 1957: 13–15] и «*Тогъузакъ*» – «Тогузак» [КъМФ 1987: 96–101] главные действующие лица получают от полевых мышей волшебное птичье перо / мышиный волосок за то, что погасили стог сена и спасли их от гибели. Во втором произведении упоминается и волос водохлеба.

В некоторых текстах функцию передачи сигнала о необходимости помощи может выполнять волшебная свирель *сырыйна*, получаемая героями от благо-

дарных животных или тотемных животных-покровителей, выступающих в роли чудесных помощников и защитников. Если в первом случае герой должен заслужить оказываемую помощь, оказав услугу или оставив в живых («*Асхат бла аны эгечи*» – «Асхат и его сестра» [КъМЖТА II 2003: 113–119]), то во втором случае в большей мере речь идет о заступничестве, защите слабого, притесняемого (ребенка-сироты) более сильным (тотемное животное-покровитель). В то же время защищаемый тоже оказывает посильную помощь и спасает от неминуемой гибели своего чудесного благодетеля, как, например, в сказке «*Жашчыкъ бла къочхарчыкъ*» – «Мальчик и барашек» [МХЖ 1989: 13–17].

В повествованиях, в которых чудесным помощником выступает не благодарное или покоренное животное, в качестве средства вызова могут использоваться и различные предметы бытового назначения. Например, в сказке «Невеста-лягушка» [КБНС 1957: 71–74] младший сын хана, чтобы вызвать из лягушиного болота черную женщину, свою свекровь, бросает в него кольцо, наперсток и серьги, которые каждый раз дает ему его чудесная жена. На первый взгляд данные вещи не обладают какими-то сверхъестественными свойствами и сами по себе не помогают герою: для того, чтобы вызвать чудесного помощника необходимо отнести и бросить их в конкретное место (лягушиное болото). Тем не менее, при более обстоятельном размышлении подтверждается очередное высказывание В.Я. Проппа о том, что не всякий предмет может считаться волшебным, а только добытый / полученный определенным образом [Пропп 2014: 166]. Так, в указанной сказке черная женщина отозвалась бы не на любые кольцо, наперсток или серьги, а исключительно на полученные героем от тотемной жены и выступающие знаком, гарантом того, что он не случайный человек и заслуживает того, чтобы ему оказали помощь в выполнении сложного задания.

Таким образом, можно утверждать, что первая группа сигнализаторов – средства вызова чудесного помощника – так или иначе связана с тотемными представлениями народа-создателя, а их действие основано на принципах симпатической магии, а также магии стихий (огня, воздуха и воды, служащих активаторами вызова).

Вторую группу составляют ***средства передачи сообщения о состоянии героя (первичного владельца), его родных и близких***. Они в основном представляют собой предметы, оставляемые главным героем своим родным, соратникам или помощникам. Наиболее часто упоминаемым чудесным атрибутом из этого ряда является *окъ* «пуля / стрела», сообщающая о состоянии своего хозяина: если при сжатии сочится молоко – все хорошо, если идет кровь – случилась беда, даритель погиб («*Къарт къатын бла къарт киши*» – «Старик и старуха» [МЖНСЭ 1959: 53–58], «*Къарабие улу Къатхан-Темир*» – «Катхан-Темир, сын Карабие» [МХЖ 1963: 86–90], «*Къолан атла*» – «Пегие кони» [КъМФС III 2017: 219–229], «Алла-Берди и Чийтёппе» [КБНС 1957: 41–44] и др.).

Упоминается в карачаево-балкарском сказочном эпосе и предмет обратного действия. Так, в тексте «Всадник в шкуре жеребенка» Адильгирей Занов получает от своей невесты в дар чудесную плеть, которая сообщает об опасности, угрожающей союзу героя и его любимой: если кончик плети расплетется, значит девушку сватают; если кончик расплетется еще больше – просватали; если

конец плети совсем оторвется – отдают замуж и для Занова девушки больше нет [КБФДЗП 1983: 143].

Интересный вариант чудесного сообщающего предмета находим и в сказке «*Жарыкъбий*» – «Жарыкбий» [КъМФС III 2017: 159–178]: жена Арабия и мать главного героя является обладательницей волшебного кольца, которое сигнализирует о случившейся с ее близкими беде, покрываясь ржавчиной, когда же несчастье преодолено, самостоятельно возвращается в исходное состояние и начинает блестеть.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что в данном случае мы также имеем дело с магическими представлениями древности, но основное влияние здесь оказал фетишизм, а не тотемизм, как в первой группе.

В третью группу чудесных сообщающих атрибутов входят ***средства, оповещающие об опасности / тревоге***, т.е. своего рода прообразы современной сигнализации. Это могут быть предметы, охраняющие жилище или имущество своего владельца (например, золотые или серебряные листья на дереве с молодильными яблоками, золотая клетка Жар-птицы или дорогое седло богатырского коня в русских сказках). Так, в произведении «*Аталары ёксюз къызларына не этди, ёксюз эгечле да бир-бирлерине не этдиле*» – «Как поступил отец со своими дочерьми сиротами и как поступили друг с другом сестры-сироты» [МХЖ 1963: 138–147] говорится о *темир буруу* – железной ограде, начинающей звенеть, даже если на нее сядет муха. В тексте «*Атасыз туугъан батыр улан*» – «Родившийся без отца храбрец» [МХЖ 1963: 23–32] упоминается *къонгуроу* – колокольчик, звоном оповещавший своего владельца даже о птице, пролетевшей в небе.

Встречаются в сказках обозначенного этноса и волшебные предметы, сами по себе выступающие в роли сигнализации и позволяющие своему владельцу вычислить местонахождение его противника. Таковым является, например, чудесное кольцо из произведения «Карабатыр» [БКС 1983: 97–102]: если оно оказывается на пальце не своего хозяина-эмегена, то начинает петь, помогая сориентироваться и попытаться поймать врага. Карабатыр все же успевает сдернуть кольцо и выбросить его в пропасть. Вслед за ним падает и разбивается об острые камни и великан, не сумевший удержаться на краю обрыва.

Интересно отметить, что подобное кольцо упоминается и в карачаево-балкарском нартском сказании «*Нарт Сосурукъ бла жангыз кёзлю эчкичи эмеген*» – «Нарт Сосурук и одноглазый эмеген-пастух коз» [Нарты 1994: 131–132]. Когда знаменитый нарт надел на палец золотое кольцо, оно стало жужжать и его ослепленный владелец начал преследовать своего «гостя». Чтобы спастись, Сосуруку приходится отрезать себе палец и выбросить вместе с кольцом. Эмеген же остался, не знаю, куда идти и где искать смекалистого нарта.

Как видим, данная категория чудесных сигнализаторов, в отличие от первых двух, относится к предметам-вредителям, мешающим главному герою в достижении его задач. Для преодоления последствий их активации ему приходится либо выполнить дополнительное сложное задание, либо прибегнуть к хитрости, чтобы избавиться от волшебной вещи и его хозяина.

Здесь следует отметить, что один и тот же предмет в разных произведениях может выполнять разные функции и выступать как в роли неодушевленного помощника героя, так и его противника, предмета-вредителя (например, кольцо в рассмотренных выше текстах «Жарыкбий» и «Карабатыр»), что свидетельствует о сложности и неоднозначности проблемы классификации волшебной сказочной атрибутики.

Таким образом, анализ чудесных предметов-сигнализаторов, встречающихся в карачаево-балкарских волшебных и волшебно-героических сказках, выявил их глубинную связь с древними религиозными (языческими) воззрениями (анимизм, тотемизм, фетишизм) и магическими представлениями. Результаты проведенного исследования подтверждают актуальность и необходимость дальнейшего более углубленного изучения чудесной сказочной атрибутики в целях создания ее указателя, что не только расширит знания о поэтике собственно волшебной сказки, дополнит сведения об этнической картине мира предков карачаевцев и балкарцев, но и будет способствовать введению национального фольклорного материала в отечественный и общемировой сказочный фонд и, соответственно, даст толчок для проведения сравнительно-сопоставительных изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Биттирова 1997 – *Биттирова Т.Ш.* Ал сёз (Введение) // Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле… (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки…): Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 3-22.

БКС 1983 – Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. – М.: Дет. лит., 1983. – 112 с.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с.

Джанибекова 2015 – *Джанибекова Д.С.* Предметы-помощники героев сказок казаков-некрасовцев: лингвокультурологический аспект // Заметки ученого. – 2015. – № 5-1. – С. 52-54.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. – 320 с.

КБНС 1957 – Карачаевские и балкарские народные сказки / сост. Х. Лайпанов. – Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1957. – 88 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

КъМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2-х томах. – Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 472 с.

КъМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки) / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. – Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. – 344 с.

КъМФС III 2017 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 990 с. – URL: http//www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf (дата обращения: 18.02.2023).

Малкондуев 2017 – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с.

МЖНСЭ 1959 – Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле (Балкарские сказки, пословицы, загадки) / сост. А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 268 с.

МХЖ 1963 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. С.А. Отаров. – Т. II. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 324 с.

МХЖ 1989 – Малкъар халкъ жомакъла (Балкарские народные сказки) / сост. З.М. Улаков. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 112 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.

Ортабаева 1986 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарская сказочная традиция // Традиции и современность. Метод и жанр. – Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1986. – С. 117-132.

Пропп 2011 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2011. – 384 с.

Пропп 2014 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2014. – 332 с.

Токарев 1990 – *Токарев С.А*. Сущность и происхождение магии. Типы магии // Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – С. 426-432.

Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Карачаево-балкарский фольклор (К вопросу о типологии развития жанров) // *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – С. 3-70.

Фрэзер 1980 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 522-584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – С. 13-31.

REFERENCES

Balkarskie i karachaevskie skazki [Balkarian and Karachay fairy-tales] / Edited by A. Alieva, A. Holaev. – Moscow: Detskaya literatura, 1983. – 112 p. (In Russ.)

BITTIROVA T.SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg"yshla, nart taurukhla, zhomak"la, zhyrla, elberle…* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachai-balkarian folklore / Collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. – Nalchik: El'brus, 1997. – P. 3-22. (In Balk.)

DZHANIBEKOVA D.S. *Predmety-pomoshchniki geroev skazok kazakov-nekrasovcev: lingvokul'turologicheskij aspekt* [Items-assistants of the heroes of fairy-tales of Nekrasov Cossacks: linguoculturological aspect]. IN: *Zametki uchenogo*. – 2015. – № 5-1. – P. 52-54. (In Russ.)

FREZER DZH.DZH. *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The golden bough. A study in magic and religion]. – Moscow: Politizdat, 1980. – 832 p. (In Russ.)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnaya skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.)

HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 522-584. (In Russ.)

HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – P. 13-31. (In Russ.)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / Compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1987. – 344 p. (In Karach.)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak" [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malkonduev. Nalchik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 990 p. URL: http//www.kbigi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf (date of access: 18.02.2023). (In Balk.)

K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. – Vol. 2 / Compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. – Nalchik: El'-Fa, 2003. – 472 p. (In Balk.)

Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. – Nalchik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.)

Karachaevskie i balkarskie narodnye skazki [Karachay and Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by H. Laipanov. – Frunze: Kirgizskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. – 88 p. (In Russ.)

KARAEVA A.I. *Ocherk istorii karachaevskoj literatury* [Essay on the history of karachay literature]. – Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1966. – 320 p. (In Russ.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by S.A. Otarov. – Vol. II. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 324 p. (In Balk.)

Malk"ar halk" zhomak"la [Balkarian folk fairy-tales] / Compiled by Z.M. Ulakov. – Nalchik: El'brus, 1989. – 112 p. (In Balk.)

Malk"ar zhomak"la, nart syozle, elberle [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / Collected by A.H. Sottaev. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 268 p. (In Balk.)

MALKONDUEV H.H. *Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka* [Karachay-balkarian national fairy-tale]. – Nalchik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 184 p. (In Russ.)

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Balk. and in Russ.)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskaya skazochnaya tradiciya* [Karachay-balkarian fairy-tale tradition]. IN: *Tradicii i sovremennost'. Metod i zhanr* [Traditions and modernity. Method and genre]. – Cherkessk: KChNIIIFE, 1986. – P. 117-132. (In Russ.)

PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of magic fairy-tale] / Compilation, scientific editing, textual commentary by I.V. Peshkov. – Moscow: Labirint, 2014. – 332 p. (In Russ.)

PROPP V.YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy-tale]. – Moscow: Labirint, 2011. – 384 p. (In Russ.)

TOKAREV S.A. *Sushchnost' i proiskhozhdenie magii. Tipy magii* [Essence and origin of magic. Types of magic]. IN: *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. – Moscow: Politizdat, 1990. – S. 426-432. (In Russ.)

URUSBIEVA F.A. *Karachaevo-balkarskij fol'klor (K voprosu o tipologii razvitiya zhanrov)* [Karachay-balkarian folklore (On the issue of typology of development of genres)]. IN: URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: ocherki, esse, stat'i* [Selected works: essays, articles]. – Nalchik: El'brus, 2001. – P. 3-70. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292
EDN: HTMDDX

АБАЗИНСКАЯ СКАЗОЧНАЯ ПРОЗА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ МИРОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Пётр Константинович Чекалов[1], **Лилия Арабиевна Борокова**[2]
[1,2] Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» Институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия.
[1] chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060
[2] borokova64@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются типологические схождения абазинских народных сказок с удмуртскими, карельскими, тибетскими, бирманскими, вьетнамскими, корейскими, кхмерскими, монгольскими фольклорными произведениями. При анализе основное внимание уделяется сопоставлению сюжетных линий, образной системы. Также отмечаются отдельные переклички числовой символики, предметных образов, оттеняющих национальный колорит, особенностей этнического мировоззрения, морально-нравственных ценностей, отразившихся в сказочной прозе. Выявляются и иные мотивы и детали, связанные с культурной спецификой того или иного народа. Изученный материал подводит к заключению о том, что различия сказок чаще всего касаются образной системы. Но при этом у народов, живущих в разных концах света, обнаруживаются сходные сюжеты, темы, проблемы, конфликты, жизненные ситуации, нравственные ориентиры.

Ключевые слова: абазинская сказка, типологическое схождение, национальный колорит, образная система, культурная специфика, сюжет, мировоззрение.

Для цитирования: Чекалов П.К., Борокова Л.А. Абазинская сказочная проза в контексте традиций мирового фольклора // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 276-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292. EDN: HTMDDX.

© Чекалов П.К., Борокова Л.А., 2023

Original article

ABAZA FAIRY TALE PROSE IN THE CONTEXT OF WORLD FOLKLORE TRADITIONS

Petr K. Chekalov[1], **Liliya A. Borokova**[2]
[1,2] Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia.
[1] chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060
[2] borokova64@mail.ru

Abstract. The article handles the typological convergence of Abaza folk tales with Udmurt, Karelian, Tibetan, Burmese, Vietnamese, Korean, Khmer, Mongolian folklore works. In the analysis, the main attention is paid to the comparison of storylines, figurative system. Also, there are sep-

arate reflections of numerical symbolism, object images that set off the national color, features of the ethnic worldview, moral values reflected in fairy-tale prose. Other motives and details related to the cultural specifics of a particular folk are also revealed. The studied material leads to the conclusion that the differences in fairy tales most often relate to the figurative system. But, peoples living in different parts of the world have similar plots, themes, problems, conflicts, life situations, moral guidelines.

Keywords: Abaza fairy tale, typological convergence, national color, figurative system, cultural specificity, plot, worldview.

For citation: Chekalov P.K., Borokova L.A. Abaza fairy tale prose in the context of world folklore traditions. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 276-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-276-292. EDN: HTMDDX.

© Chekalov P.K., Borokova L.A., 2023

В солидном издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» небольшой фрагмент посвящен интернациональным мотивам устно-поэтического творчества: «Фольклор горцев свидетельствует о близких контактах между отдельными народностями и этническими группами. У народов Северного Кавказа много типологически и идейно-художественно совпадающих произведений устного народного творчества» [История народов Северного Кавказа… 1988: 484].

Абазинский литературовед и фольклорист В.Б. Тугов со знанием дела утверждал, что «в сказочном эпосе абазин <…> есть сюжеты, совпадающие с мировыми и общекавказскими; особенно много общего со сказками ближайших родственных народов – абхазов и адыгов» [Тугов 2002: 67].

П.К. Чекалов в двух своих работах «Абазинский фольклор и мифология народов мира» [Чекалов 1994: 47–54] и «Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа» [Чекалов, Котова 1999: 169–176] наглядно показал наличие множества сюжетных и образных перекличек национальных сказок с мифологией, фольклором, этнографией древних греков, римлян, иудеев, русских, белорусов, болгар. Литературовед приходит к выводу о том, что «помимо создания собственных оригинальных фольклорных произведений, абазины широко использовали мифы народов мира, адаптируя их сообразно своему укладу жизни, месту обитания, национальным обычаям, фольклорной поэтики, материальной и духовной культуры, мироощущению и миропониманию» [Чекалов 1994: 54].

Позднее В.Б. Тугов обратился к этой же проблематике, более подробно разрабатывая сюжетные параллели, связанные с циклопом, судами Соломона, коньком-горбунком. Он дополнил фольклорные схождения наблюдениями из русской былины «Святогор» и абазинскими сказками «Наказание гордыни» и «О мужестве и гордыне», из «Золотого осла» Апулея и «Девочкой-сироткой» [Тугов 2002: 105–121]. Завершая свой обзор, Тугов выразил убеждение в том, что «более тщательное и глубокое обследование абазинского фольклорного материала, вне всякого сомнения, выявит немало случаев встречи культур народов Кавказа с культурным наследием Востока, Запада и России, что, в свою

очередь, откроет доселе неизвестные страницы духовного взаимодействия различных – далеких и близких – этносов» [Тугов 2002: 121].

И дальнейшие изучение проблемы действительно показывает, что культурный взаимообмен абазин с другими народами не исчерпывается представленным Чекаловым и Туговым материалом. Сегодня тему творческих перекличек можно расширить не только за счет тех этносов, с которыми у абазин исторически сложились экономические, политические, военные, культурные связи, но и с теми, с которыми, казалось бы, у них ничего общего не могло быть вообще.

Материалом исследования являются фольклорные произведения из изданий: «Сказки народов мира» [Сказки народов мира 1987], «Абазинские народные сказки» [Абазинские народные сказки… 1985], «Абазинские сказки» [Абазинские сказки… 2014], «Сказки Абазашты» [Сказки Абазашты… 2016], «Ингур» [Ингур 2004]. Основной метод исследования – сравнительно-типологический.

Суть абазинской сказки «Один другого глупее» [Абазинские народные сказки… 1985: 300–301] сводится к следующему. У старика и старухи были дочь и женатый сын. Однажды сноха пошла по воду и увидела посреди реки остров, усеянный яркими цветами. «Когда у меня родится сын, он придет сюда, захочет сорвать цветы и утонет, переходя реку», – загорюнилась она. Не дождавшись невестки, старики послали за ней дочь. Пришла она, а та сидит и плачет. Узнав причину ее печали, и дочь присела рядом с невесткой и тоже зарыдала. Затем по сюжету к ним точно также присоединяются старуха и старик. Дошла очередь до сына. Приходит он на реку и видит: все его семейство сидит и ревмя ревет. Рассердился он, поклялся: «Не вернусь домой, пока не встречу людей глупее вас», оседлал коня и выехал со двора. Едет и видит: сидят посреди дороги дети со сплетенными ногами и никак не могут их расплести. Как размахнется всадник камчой[1], мальчишки бросились врассыпную, и ноги освободились сами собой. Едет дальше. Въезжает во двор с двумя домами. Хозяева берут кусок мамалыги в одном из них, бегут в другой, макают в сметану и едят. Мужчина взял, поставил блюда один возле другого и поехал дальше. Едет и наблюдает следующую картину: забирается старик на крышу дома и оттуда пытается запрыгнуть в штаны, которые держит внизу старуха. Всадник показал, как надеваются штаны, и повернул коня обратно, так как нашел людей глупее жены, сестры, матери и отца.

Этот сюжет напоминает удмуртскую сказку «Мадяр» [Ингур 2004: 112], в которой выступают почти те же самые персонажи (нет только снохи). Но, если в абазинской сказке все герои безымянны, то в удмуртской каждый персонаж имеет свое имя: отец – Баймет, мать – Чипья, сын – Мадяр и дочь – Камзей. Здесь даже название села, в котором проживают герои, упоминается: Кузьымгурт. В абазинской версии приводится только название реки: Инджиг[2]. Итак, пошла как-то дочь Камзей по воду, встретила у реки старуху-травницу, и та нашептала ей: «Замуж выйдешь. Сына родишь. Вырастет он и умрёт». От

[1] Авт.: Камча – плеть наездника.
[2] Авт.: Инджиг – общее название рек Большой и Малый Зеленчук.

этих слов Камзей запричитала и совсем забыла про воду и родителей. Те же, не дождавшись ее, один за другим пришли к ней, а услышав про несчастье, ожидающее не родившегося еще сына, присели и ревут рядышком. О Мадяре говорится, что он ни на кого в семье не был похож: «точно кленовый лист на еловой лапе». И потому, когда он в свой черед нашел родителей и сестру у реки, обругал их («У вас, говорит, совсем ума нет. Яйцо ещё в утке, утка ещё на воде. Кто знает, поймают её – не поймают, снесёт она яйцо – не снесёт…»), махнул рукой и сказал: «Уйду я от вас. Вот найду где кто умнее вас живет – там останусь, не найду – вернусь».

И далее он становится свидетелем трех нелепых, как и в абазинской сказке, сцен. В первой двое стариков стоят и думают, как бы затащить корову на крышу бани, чтобы она полакомилась выросшей там травой. Попросил Мадяр у них косу, сам забрался, скосил, сбросил траву к ногам стариков. Во второй увидел дом без окон, печь без трубы, темно да дымно, как в черной бане. Взял герой топор у хозяина, в потолке прорубил дымоход, и весь дым мигом выволокло. В третьей деревне заметил Мадяр: стоит посреди двора на столе котёл с овсяной кашей, вокруг нее люди бегают, черпают ложкой, а молоком запивать бегают в погреб. Ни слова не говоря, достал Мадяр горшок с молоком из погреба и поставил на стол возле котла…

Нетрудно заметить, что из трех эпизодов с абазинской сказкой совпадает лишь один, когда люди закусывают в одном месте, а запивать / макать еду в сметану бегают в другую. Остальные две сцены разнятся. И тем не менее не остается сомнения в том, что сюжет у обеих сказок сходен. Во-первых, совпадает завязка: и там и тут молодая женщина идет по воду к реке и начинает причитать по поводу того, что еще не случилось. Затем к ней присоединяются и старшие члены семьи, что выявляет непроходимую тупость как характерное их свойство. Всю нелепость происходящего в обеих сказках способен заметить лишь сын, который дает себе слово не возвращаться, покуда не отыщет людей, глупее своей родни. И абазинский, и удмуртский герои становятся свидетелями и участниками трех сцен. Все это, несомненно, сближает фабулы произведений.

Можно заметить и следующее: мотив снохи, присутствующий в абазинской сказке с самого начала, в удмуртской возникает лишь в самом конце: после третьего эпизода Мадяр просит у хозяев коня и телегу, садится в нее и едет невесту сватать. Присутствует в обеих сказках и мотив крыши: в одном случае с нее спрыгивает старик, пытаясь попасть в штанины, в другом, – на нее собираются затащить корову, чтобы она поела травы…

Небезынтересным представляется и тот факт, что мотив запрыгивания в штаны (правда, не с крыши, а с печи) встречается в вепсской (Карелия) сказке «Глупые люди»[1]: «Вошел старик в избушку, а там дивные дела творятся: мужик с печи прыгает в штаны, а жена внизу эти штаны держит». Но, хотя вепсская сказка по своему заглавию и перекликается близко с абазинской («Глупые лю-

[1] Сказки и легенды северных народов России. Глупые люди. Вепсская сказка // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.legendami.ru/bod/sevros/main.htm. Дата обращения: 12.01.2023 г.

ди» – «Один другого глупее»), можно твердо сказать, что между ними других совпадений нет.

В тибетской сказке «Чудесные зерна» [Сказки народов мира 1987: 147–153] сын кузнеца Ачу вместе с двадцатью удальцами отправляется в путь, чтобы раздобыть семена ячменя у могучего горного духа Жуды, живущего за 99 высокими горами и 99 широкими реками[1]. По пути все товарищи Ачу погибают. Перед последней 99-й горной грядой герой встречает старую женщину, которая пряла шерсть. Ачу подошел к ней, почтительно поклонился и спросил, где находится обитель горного духа. Потом выяснится, что это была богиня земли, и она подсказала герою, как ему добраться до места назначения.

В абазинской сказке «Старый бурдюк» [Абазинские народные сказки 1985: 83–91] Мхаматби, идя по следу демонического персонажа – всадника на петухе, – также встречает старуху, которая латала землю громадной иглой. Портретная характеристика ее дополняется штрихом: «Воздух, выходивший из ноздрей ее, был так силен, что, чуть ли не вырывая всадника из седла, останавливал коня, не давая ему идти вперед». Именно от нее Мхаматби узнает, что петушиный всадник уже сожрал 99 юношей, и та же участь ожидает его. По подсказке старухи герой узнает, как можно расправиться со злодеем.

В абазинской сказке статус героини никак не определен, но функционально она близка к тибетской богине земли, ибо кто еще может штопать раны земли, кроме ее покровительницы? Типологическая близость героинь подчеркивается и тем, что они обе выступают бескорыстными помощниками героев.

В плане схождений любопытна и деталь, связанная с числовой символикой: если в тибетской сказке упоминается 99 гор и рек, то в абазинской говорится о 99 погибших от рук петушиного всадника юношах.

На основе фольклорного образа старухи, штопающей землю, М. Чикатуев в маленькой поэме «Балабот» создаст впоследствии грандиозный образ матери, исцеляющей землю от ран:

> Ан дгвжважвауа адгъыл хвы квылрышвхуан,
> Мзата йлыман марагьи мызгьи… [Чикатуев 1969: 15]
> (Мать торопливо латала раненую землю,
> держа вместо керосиновой лампы солнце и луну).

Обратимся к сюжету абазинской сказки «Старик и волк» [Абазинские сказки… 2014: 12–14]. Выведенный в названии герой встретил в лесу волка, попросившего его спрятать от охотников. Тот усадил зверя в мешок, а охотников направил в другую сторону. Когда опасность миновала, волк решил расправиться со стариком, и на его резонное возражение «Как же так? Ведь я спас тебя от смерти», зверь безжалостно ответил: «Мы так живем». Старик все же упросил волка выслушать мнение первых трех встречных, а потом уж пусть поступает, как сочтет нужным. Тот согласился. По дороге им попались старая

[1] Авт.: Данный мотив напоминает распространенный в нартском эпосе сюжет о возвращении семян проса, украденных айныжами. Любопытно при этом, что герою Сосруко приходится преодолеть 60 гор, 60 рек и три моря.

кляча и старая собака. Выслушав историю, те пришли к мнению, что волк вправе съесть человека, потому что люди не справедливы, не благодарны, не помнят добра и выгоняют со двора состарившихся животных, служивших им верой и правдой. Затем старику и волку встретилась лиса, и, когда они изложили ей суть дела, та махнула хвостом и сказала: «Чтобы волк с такой вытянутой мордой да с таким длинным хвостом поместился в твоем мешке, – никогда не поверю!» И, чтобы убедить лису в правдивости сказанного, волку пришлось снова залезть в мешок. И тогда лиса посоветовала старику проворно завязать мешок и наказать вероломное существо, что и было сделано. Старик взял большую палку и так поколотил волка, что из того душа вылетела вон.

Практически все сюжетные перипетии данной сказки повторяются в корейской «О том, как поспорили тигр и прохожий» [Сказки народов мира 1987: 122–123]. Суть ее такова: попал тигр в западню, устроенную людьми, и не мог вылезти. Обратился он с просьбой к прохожему, разжалобил его, и тот помог ему выбраться из ямы. Как только зверь оказался на воле, бросился он на своего спасителя, чтобы разорвать его и съесть. И как ни стыдил человек тигра, но в сердце полосатого зверя не проснулась совесть. Тогда старик попросил, чтобы их хоть кто-нибудь рассудил. Обратились к волу. «Не прав, конечно, человек, – ответил тот. – Он на нас возит тяжелый груз, заставляет таскать телеги, а затем убивает и поедает…». Спросили сосну, и та сказала: «Нет на свете никого хуже человека. Он рубит деревья и жжет нас в печи. Не будет ему от меня сочувствия…» Под конец решили спросить мнение выскочившего из рощи зайца. Тот задумался и говорит: «Чтобы рассудить по справедливости, я своими глазами должен увидеть, как все было на самом деле». Тигр согласился и прыгнул обратно в яму. «Ты попал в беду из-за того, что спас тигра, – обратился заяц к человеку. – Пусть сидит себе в яме! – Потом наклонился к тигру и проговорил: – А тебе лучше оставаться в яме. Тогда не надо будет спрашивать, кто прав, а кто виноват».

Как видим, персонажная система двух сказок различна: волка замещает тигр, клячу – вол, собаку – сосна, лису – заяц, общим остается только человек. Если в абазинской сказке воплощением неблагодарности, жестокости и агрессивности выступает волк, а хитрости и смекалки – лиса, то в корейской сказке подобные функции выполняют тигр и заяц. Но почти полная смена действующих лиц не вносит какой-либо существенной разницы в сюжетную линию сказок, они почти идентичны. Человек проявляет гуманность по отношению к попавшим в беду лесным обитателям, а те вместо благодарности, следуя своей звериной природе, угрожают расправой. Из сложившейся опасной ситуации человека выручает другое, более слабое животное, которое в какой-то мере находится в оппозиции к сильным. В абазинской в такой роли выступает лиса, а в корейской – заяц. Сюжетные совпадения двух произведений порождают и общую для них идею: за добро нужно платить добром, иначе тебя ожидает возмездие.

Краткое содержание монгольской сказки «Старик и тигр» [Сказки народов мира 1987: 113–115] таково. Повадился к старику со старухой волк: то овцу стащит, то – корову. А однажды в лесу встретился старику тигр, предложивший ему помериться силой. Старик незаметно подрубил дерево, а затем толкнул его

на глазах соперника и свалил. Зверь же, сколько ни старался одолеть дерево, так и не сумел. В другой раз старик, будто бы из камня, выдавил сок из сыра, а тигру не удалось выжать из камня воду. Тогда тигр решил погубить старика хитростью: пригласил к себе, угостил разными кушаньями, уложил спать, а сам вышел из юрты и стал точить саблю. Разгадал старик замысел злодея, взял большую медную ступку, одел на голову и лег, укрывшись. Тигр подкрался, ударил по ступке раз, другой, а на третий сабля разлетелась вдребезги. Подивился зверь неуязвимости человека и утром послал его за водой. Кувшин был такой большой, что старик еле донес его до колодца. Как же нести его обратно с водой? Подумал герой и принялся обкапывать землю вокруг колодца. Тигру надоело ждать, вышел из юрты и спрашивает старика, чем он занимается? «Чем носить воду по капле, лучше выкопать колодец и целиком перенести к тебе», – ответил старик. Испугался тигр, отказался от такого подарка, сам наполнил кувшин и внес в юрту.

Когда старик собрался домой, тигр преподнес ему большой слиток золота. Гость попросил хозяина донести дар до его дома. Хищник выполнил просьбу и уже собрался было в обратный путь, когда обрадованная старуха спросила мужа: «Какое блюдо приготовить тебе?». «Догони-ка этого тигра, сварим его себе на обед!» Услыхав это, тигр пустился наутек и наткнулся на того самого волка, который таскал скот у старика и старухи. Тот убедил, что люди не страшны вовсе, и предложил навестить их вместе, чтобы продемонстрировать собственную расправу над ними. Увидел старик приближающихся зверей и говорит: «А-а, волк, должок возвращаешь? Молодец! Ты ведь давно обещал мне заманить тигра!» Услыхав это, полосатый зверь снова бросился бежать, волоча за собой и волка. С тех пор они и близко не подходили к аилу.

Как видим, в основе сказки лежит противостояние маломощного старика и могучего хищника. Но человек с помощью ума и смекалки одолевает заведомо более сильного противника. Реализацию этой же темы по сходной схеме мы наблюдаем и в абазинской сказке «Кабижчукун и айныжи» [Абазинские народные сказки…: 288–295]. Здесь выступают совершенно иные персонажи, но суть от этого меняется мало. Чтобы сопоставление было более наглядным, воспроизведем краткий пересказ его фабулы.

Слабосильный и казавшийся глуповатым Кабижчукун[1] пас овец, когда подошла к нему облезлая лиса, повалила наземь, отобрала съестные припасы, сожрала и удалилась. Назавтра и все последующие дни повторялось то же самое: лиса бесцеремонно забирала у чабана его обед и лакомилась им.

Однажды, когда герой пригнал овец на водопой, подошел к другому берегу реки айныж[2] и потребовал: «Иди сюда и перенеси меня на свою сторону, иначе я выжму из тебя все соки, как из этого камня!» И в доказательство своей мощи поднял камень, сжал его в ладони так, что из него вода брызнула. Испугался Кабижчукун, но не подает вида, тайком достает из артмака[3] кусок домашнего сыра, сжимает на глазах айныжа, выдавливая сок, и кричит в ответ: «Сам иди

[1] Авт.: «Кабижчукун» означает – маленький плешивец.
[2] Авт.: Айныж – страшный великан: отрицательный сказочный персонаж.
[3] Авт.: Артмак – дорожная переметная сума.

сюда и перенеси меня на тот берег! Иначе выжму из тебя всю воду, как из этого камня!».

Рассвирепел Айныж, поднял большой булыжник, сжал его с такой силой, что от него осталась одна пыль. Кабижчукун в ответ, будто подбирая камень, достает из артмака горсть хакута[1] и развеивает по ветру. Заколебался айныж, видит: человеческий сын не уступает ему в силе. Перебрался через реку, встал на колени, усадил Кабижчукуна на плечи, понес через реку. Прибыли они на стоянку айныжей, и хозяева велели Кабижчукуну сходить в лес за дровами. Тот молча взял длинную кожаную бечеву и отправился. Ждут его айныжи, а того все нет и нет. Пошли за ним и видят: гость бечевой связывает верхушки деревьев. На вопрос: чем он занимается, Кабижчукун отвечает: «Сейчас вырву все деревья и одним разом приволоку». Испугались айныжи, отказались от его услуг, сами взяли по дереву да принесли вместо дров.

В другой раз послали плешивца за водой. Тот ушел и пропал. Пришлось снова идти за ним. Пришли и видят: гость роет ров в сторону их жилья. «Что ты делаешь?!», – всполошились айныжи. «Зачем каждый день ходить за водой, если можно ее саму направить к вам?», – беспечно отвечает тот. «Не нужно! – запротестовали великаны. – Тогда река нас самих снесет!». Снова отказались от его помощи и сами себе нанесли воды.

Когда не удалось избавиться от непрошенного гостя, айныжи предложили ему вернуться домой с двумя артмаками золота в качестве подарка. Гость принял предложение с условием, что один из них донесет до дома его самого и золото. Так и порешили. Кабижчукун пригласил сопровождавшего в дом, потом, по тайному сговору с женой, та, поднявшись на чердак, спросила: сколько спустить мяса айныжей – на один или два обеда? «Каждый раз что ли подниматься на чердак? Снеси, чтобы хватило на неделю!» – ответил Кабижчукун.

– Вы что, питаетесь мясом айныжей? – удивился великан.

– Это у нас первейшее блюдо, и гостей мы всегда угощаем им, – ответил герой.

Тут айныж подхватился, и его словно ветром сдуло со двора. На окраине аула он встретил облезлую лису, что отнимала еду у Кабижчукуна. Когда она узнала причину переполоха, рассмеялась и пригласила айныжа посмотреть, как она расправится с силачом-самозванцем. Пошли обратно в аул. Навстречу им выходит Кабижчукун и с благодарностью обращается к лисе: «Спасибо тебе, что привела обратно этого айныжа. Сейчас я из него душу выну!» Айныж, подумав, что лиса находится в сговоре с Кабижчукуном, схватил ее за хвост, ударил оземь и пулей понесся домой.

Каждая из приведенных сказок обладает своим национальным колоритом: монгольская – аил, юрта, тигр, чай; абазинская – аул, айныж, чабан, артмак, сыр, хакут. Наблюдается большое различие между действующими лицами, и тем не менее нет сомнения в том, что сюжетный стержень у них один и тот же: совпадают схемы поведения героев и конечный результат. Наибольшее схождение обнаруживается в проделках с сыром, обкапывании колодца / прокапы-

[1] Авт.: Хакут – мука из жареной кукурузы.

вании русла реки, подарок в виде золота, известие о питании людей мясом врага, финальная расправа с первоначальным противником (волк – в монгольской сказке, лиса – в абазинской). Но больше всего объединяет сказки мотив одоления могучего противника с помощью смекалки. Вероятнее всего, что сказка имела один и тот же источник, но в результате адаптации тем или иным этносом, обрела персонажей и атрибутику, которые оказались традиционными для ее носителя.

Абазинская «Сказка о двух дочерях» [Абазинские сказки… 2014: 70–71] не велика по объему, и потому можно воспроизвести ее целиком:

«У мужа и жены были две дочери: одна очень походила на отца, другая – на мать. За то мать недолюбливала первую и обожала вторую.

Однажды послала мать старшую за водой. Пришла она на речку и видит старую женщину на берегу.

– Дай мне напиться, золотая, – обратилась она к девушке.

Та набрала в кувшин воды, прополоснула, вылила, снова набрала и подала старушке.

– Пусть доброта твоя окупится достойной наградой! – поблагодарила старушка девушку.

Когда она вернулась, мать набросилась на нее с упреками:

– Где ты пропадала до сих пор? Почему не возвращалась так долго?!

– Нигде я не задерживалась. Встретила старушку, напоила водой и сразу же вернулась домой, – ответила девушка, и, пока она говорила, вместе со словами из ее уст сыпались золотые горошины.

Мать сразу догадалась, что свершилось какое-то чудо, и тут же послала за водой любимую дочь, которая также встретила старую женщину, но на ее просьбу пренебрежительно ответила: «Да кто после тебя захочет пить из этого кувшина?!» Набрала воды и, не угостив старушку, пошла домой.

– Как быстро ты обернулась, доченька! – ласковой улыбкой встретила ее мама.

Но не успела дочь разомкнуть губы для ответа, как из ее рта стали вываливаться лягушки, ящерицы и змеи. Так старая колдунья наказала девушку за бессердечие, брезгливость и неуважение к старшим».

Сюжет данной сказки отдаленно напоминает кхмерскую (Камбоджа) «Две девочки» [Сказки народов мира 1987: 104–105]. Для сопоставления кратко воспроизведем сюжет и этой сказки: мать послала дочь в лес за диким бататом[1], но у той лопата соскочила с черенка и угодила в гнездо белых термитов[2]. Когда она стала звать на помощь, вылез из зарослей старый-престарый тигр, вся голова которого была в нарывах. Он вызвался выручить девочку, если та согласится очистить его голову от гноя. Девочка с готовностью принялась за дело. «Наверно, шкура моя противно пахнет?», – спросил тигр. И, хотя от него действительно шло зловоние, девочка ответила: «Нет-нет, дедушка. Ничего подобного». Когда же она закончила свое дело, тигр в знак благодарности насыпал ей в бамбуковую плетенку золота и серебра.

Прознала про то соседка и тоже послала свою дочь в лес за бататом. Та сознательно забросила лопату к термитам и стала умолять тигра о помощи. Он вызвался оказать содействие на тех же условиях, что и для первой девочки, но

[1] Авт.: Батат – сладкий картофель.

[2] Авт.: Термиты – насекомые, обитающие в тропиках.

на вопрос: «Наверно, шкура моя противно пахнет?», вторая ответила: «Ой, дед, еще как противно!». Взял тигр плетенку, наложил туда ядовитых гадюк и отправил домой. Та вернулась, позвала мать, открыла корзину, а оттуда стали выползать страшные змеи…

При всем различии внешнего плана и частностей (две девочки одной матери и – дочери двух соседок; речка и – тропический лес; вода и – дикий батат; старая женщина и – старый тигр; кувшин и – бамбуковая плетенка; золотые горошины и – золото с серебром; лягушки, ящерицы, змеи и – ядовитые гадюки) все же и не вооруженным глазом заметен общий сюжет: выполняя наказы матерей, дочери встречаются со старухой и состарившимся тигром, отношение к которым отражает их духовную сущность, за что и получают вознаграждение в соответствии со своими нравственно-этическими качествами. Обе сказки учат быть добрыми, сердечными, отзывчивыми, не быть брезгливыми, не выражать отвращения к старым, больным, неухоженным существам.

Камбоджа – государство в Юго-Восточной Азии, расположенное на юге полуострова Индокитай. Бирма – соседняя с Камбоджей страна, находится в западной части того же полуострова. Казалось бы, географически они находятся рядом, и сюжеты их сказок должны бы больше походить друг на друга, но – удивительное дело! – бирманская сказка «Жемчужинка и жаба» [Сказки народов мира 1987: 63–64] по своему строю, содержанию, образной системе оказывается ближе к абазинской сказке, чем к кхмерской.

Напомним краткое содержание бирманской сказки. У одной вдовы было две дочери: Большая и Маленькая. Старшая была грубая, злая и жадная, а младшая – добрая и кроткая. Однажды мать послала Маленькую за водой к колодцу, и там она встретила нищенку в лохмотьях. По просьбе старушки девочка напоила ее водой, в благодарность за что натами[1], переодетая в нищенку, наградила ее свойством ронять жемчужины изо рта, когда смеется. За это люди ее прозвали Ма Пале, что значит «жемчужинка».

Старшей сестре стало завидно, выспросила у младшей происхождение жемчужин и тоже отправилась к колодцу. Явилась перед ней натами в образе старушки и попросила напоить ее, в ответ на что Большая грубо ответила: «Вот еще – буду я всякой нищенке воду подавать!» С тех пор, когда она смеялась, из ее рта выскакивали жабы, за что ее насмешливо стали называть Ма Пха-пьоу, что значит «жаба».

Отметим: в бирманском тексте отсутствуют характерные для кхмерской лес, дикий батат, старый тигр, бамбуковая плетенка, белые термиты и т.д. В этом плане бирманская сказка больше сходится с абазинской, хотя и между ними проявляется определенная разница: муж и жена в одном случае, вдова – в другом; речка в одном случае, колодец – в другом; старушка-колдунья в одном случае, натами – в другом; отсутствие имен персонажей в одном случае, наличие имен и прозвищ в другом... Но в обоих произведениях главные персонажи – родные сестры; и там и там их посылают за водой; и там, и там результат волшебства почти идентичен: золотые горошины и жемчужины изо рта в одном

[1] Авт.: Натами – божество индуистского происхождения.

случае, лягушки, ящерицы, змеи и жабы – в другом… Все эти детали сближают варианты двух сказок. А все три сказки (абазинская, бирманская, кхмерская) совпадают по общему сюжету, основополагающему конфликту, идейному замыслу, воспитательным задачам.

Существует вьетнамская сказка «Трое умельцев» [Сказки народов мира 1987: 82–85], краткое содержание которой можно свести к следующему. Жила в семействе Ле девочка необыкновенной красоты, превосходившая всех своей ученостью. Но кто бы из государевых вельмож и заморских богачей ни сватался к ней, отец отвергал всех, предпочитая для дочери того, кто является в своем ремесле непревзойденным мастером. И вот явились к старику три молодца: искусный стрелок из лука, необыкновенный ныряльщик и чудесный лекарь. Но пока отец проверял их умения, прилетел гриф и унес красавицу-дочь. Тогда стрелок приладил стрелу, натянул тетиву, – и гриф с перебитым крылом рухнул в море; ныряльщик, не мешкая, прыгнул в воду и вынес на берег уже мертвую девушку, но лекарь взялся и оживил ее. Встал вопрос о том, кому из трех женихов должна принадлежать красавица: каждый из них считал, что без его участия девушка не выжила бы. Пригорюнился старый Ле, не зная, кого предпочесть, но потом решил отвести их к правителю, чтобы тот по справедливости рассудил дело. Долго думал правитель и наконец пришел к выводу: «Лекарь не может получить девушку в жены, как не может он требовать себе в жены каждую спасенную им женщину. <…> Что же касается стрелка, то стрелять в птицу и не думать о том, что девушка упадет в море, неразумно: если бы не оказалось рядом ныряльщика, никто не смог бы достать девушку со дна моря. Потому будет разумно, если ныряльщик и красавица Ле станут мужем и женой».

Конечно, слову правителя никто не мог перечить, и впоследствии все состоялось в соответствии с его решением, но никто не остался в обиде, и все трое женихов стали названными братьями.

Сходный сюжет обнаруживается в абазинской сказке «Привередливая девушка и трое влюбленных парней» [Абазинские сказки… 2014: 69–70]. Естественно, она имеет свои отличительные признаки. В чем они заключаются? Для ответа на вопрос необходимо изложить суть национальной сказки.

В одном ауле жила привередливая девушка. Много женихов сваталось к ней, но она отвергала всех. Вот снова пришли к ней трое парней, и каждый предложил ей руку и сердце. «Кто принесет мне лучший подарок, за того и выйду замуж», – поставила она условие.

Вышли парни на окраину аула, и каждый пошел своим путем. Через время они сошлись на том же месте и показали друг другу добытые подарки: причудливое зеркало, запряженную горячими лошадьми тачанку, золотистое, просвечивающееся до самых зернышек яблоко. Взглянув на зеркало, вдруг они увидели лежащую в постели, умирающую любимую. Все разом бросились на тачанку, примчались к больной, а она на последнем издыхании. «Попробуй мое яблоко», – сказал тот, кто добыл его, и поднес плод к ее губам. Девушка откусила – и открыла глаза. Еще раз откусила – и щеки ее залились румянцем. Съела все яблоко – и встала на ноги.

Но после этого возник спор: кому из них красавица должна принадлежать по праву? Если бы не чудесное зеркало, они бы не узнали, что она больна. Если бы не быстрая тачанка, ее бы не застали в живых. Если бы не яблоко, она бы не выздоровела. В конце концов решили обратиться к джамагату[1]. Собрались аульчане и выслушали каждого претендента. Потом стали обсуждать, кто из них более всего достоин руки невесты. Снова разгорелся спор, да такой горячий и продолжительный, что за это время девушка успела состариться, а аульчане так до сих пор и не пришли к единому мнению.

Любопытно, что во вьетнамской сказке судьбу девушки решают исключительно мужчины. Сама девушка в деле никакого участия не принимает, как будто речь идет о стороннем предмете, который можно отдать, вручить, подарить. Это говорит о том, что в этой версии женщина рассматривается исключительно как брачный товар.

Тот факт, что абазинская девушка сама решает, за кого выходить замуж, будто указывает на то, что она обладала определенной самостоятельностью, и право выбора оставался за ней. Данный вывод не согласуется с истинным положением дел до Октябрьской революции, и потому, возможно, этот элемент появился позднее. (Сказка была записана в советское время (1973), когда равенство мужчины и женщины было провозглашено и утверждено повсеместно).

Финал абазинской сказки свидетельствует об изначальной неразрешимости задачи, каковой она на самом деле и выступает: без участия каждого из трех женихов девушка неминуемо скончалась бы, а потому предпочтение в мужья только одного из них не справедливо по отношению к двум остальным. Потому-то и спор на эту тему оказывается нескончаемым.

В заключительной части вьетнамской сказки преобладает рассудочность, не характерная для абазинской сказки. Там обращается внимание на частности и детали, которые не могут иметь решающего значения, но при этом создают видимость справедливости. В результате стрелок и лекарь, сыгравшие в судьбе девушки не меньшую роль, чем ныряльщик, остаются обделенными.

Возможно, в подходе к решению финальной проблемы проявляются особенности психики, мировоззрения двух народов: у одних – оставить открытым вопрос, который не поддается решению; у других – в обязательном порядке, с помощью уловок и ухищрений решить любой вопрос, даже если такое решение грешит необъективностью. Правда, конец восточной сказки окрашивается тем, что все трое претендентов на руку и сердце красавицы становятся названными братьями без претензий друг к другу.

С подобной проблематикой мы встречаемся и в бирманской сказке «Отчего цикада потеряла свои рожки» [Сказки народов мира 1987: 56–58]. Она открывается сообщением о том, что давным-давно у веселой цикады были рожки, как у жука-рогача. И далее следует повествование о том, как она их потеряла. Однажды в жаркий день цикада лениво ползла по ветвям смоковницы и искала тень, чтобы уснуть, как вдруг подул прохладный ветер. От радости цикада встрепенулась и застрекотала так громко, что сидевшая на этом же дереве обе-

[1] Авт.: Джамагат: абаз. – народ.

зьяна, лакомившаяся смоквой, поперхнулась и выронила из рук плод. В это время под деревом дремал молодой олень, в которого угодила смоква. От неожиданности олень вскочил и понесся, запутался ногами в побегах дикой тыквы, росшей на склоне горы, в результате чего одна из них сорвалась, покатилась и шлепнулась на пышный кустик кунжута. Рядом спал старый слон. И, когда из-за шума он раскрыл глаза, в них насыпались жесткие зерна кунжута. Слон побежал к пруду, чтобы промыть глаза, и не заметил, как наступил на жука-рогача и сломал ему рожки. Раненый жук обратился с жалобой к старой черепахе, славившейся своей мудростью. Выясняя причинно-следственные связи, она опросила участников инцидента и рассудила так: «Выходит, и виноватых нет, все будто правы! А все же рога у жука сломаны. Все вы по-своему правы. Но все понемногу и виноваты. А уж цикада больше всех. Из-за нее все случилось. Ты должна поплатиться. Отдавай свои рожки жуку вместо сломанных». Так, беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рожками.

По такому же сюжету построена и абазинская сказка «Осел и кошка» [Абазинские сказки… 2014: 14–15], повествующая о том, как в жаркий день осел зашел в сарай, прячась от солнечных лучей. В это время соседская собака погналась за кошкой, та со страху кинулась на осла, осел рванулся и понесся по улице, задев женщину, несшую масло в сосуде. Сосуд выпал из рук, разбился, и масло растеклось по уличной пыли. Когда же женщина предъявила претензии хозяину осла, тот свалил все на хозяина кошки, тот в свою очередь – на хозяина собаки, а последний сослался на законы природы, заложенные в собаке: кидаться на кошек.

При всем внешнем различии эти сказки объединяет мотив наличия пострадавшего при том, что виновных как будто и нет. Бирманская сказка все же выявляет виноватого (цикаду) и заставляет возместить нанесенный ущерб (поломанные рожки) за счет принадлежавших виновнице. Сказка и завершается сентенцией: «Всем понравилось решение черепахи: ведь она рассудила по справедливости. А беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рожками, да они ей и ни к чему!» Абазинская версия не имеет подобного завершения: все участники инцидента так и стоят до сих пор посреди дороги и каждый продолжает отстаивать свою правду.

Тут совпадает не только общий сюжет, но и одна деталь – первопричина всех злоключений – жара, из-за которой цикада в бирманской сказке искала прохладу, а в абазинской сказке осел зашел в сарай.

Вьетнамская «Золотая туфелька» [Сказки народов мира 1987: 99–100] и абазинская «Джануаз» [Абазинские сказки… 2014: 38–43] объединяет общая идея: от судьбы никуда не уйти; какие бы препятствия ни вставали на пути суженых, они все равно соединятся.

Сюжеты двух сказок существенно отличаются друг от друга, но отдельные элементы их все-таки перекликаются. Во вьетнамской сказке Мугазо, ставшая женой царя, погибает от коварства приемной матери и сестры: ее топят в пруду. Но она превращается в золотую черепаху, которую поедает сестра. Панцирь черепахи превращается в певчую птицу, затем из птичьих перьев вырастает стройный бамбук. Когда же срубили бамбук и сожгли, из его корня прорастает

душистая хурма, а в единственном созревшем плоде воплощается душа Мугазо. Плод срывается одинокой старухой и хранится в кувшине для риса. С той поры в доме старухи начинают происходить странности: стоило хозяйке отлучиться, как кто-то начинал прибирать, готовить обед, накрывать стол. Решила она прознать, кто хозяйничает в доме, собрала свои корзины, привязала к коромыслу, вышла из хижины, но вскоре вернулась, спряталась и застала Мугазо. С помощью старушки ей удается снова воссоединиться с царем.

Через подобные перипетии проходит и дочь старика в сказке «Джануаз»: утопленная соперницей душа девушки прорастает камышом. Вырезанная из того камыша дудочка сгорает в огне, но пепел прилипает к лапкам и клювам гусей, в результате чего они становятся позолоченными и посеребренными. Старушка-хозяйка соскребла с гусей золото и серебро, завернула в тряпку и положила в сундук. С того времени и в ее доме творятся чудеса: кто-то в ее отсутствие прибирает в доме, зажигает огонь в очаге, готовит блюда. Абазинская старушка, как и ее вьетнамский двойник, делает вид, будто выгоняет гусей, закрывает калитку за собой, но незаметно возвращается и через окошко наблюдает за тем, как открывается сундук, из него выходит девушка и начинает наводить порядок… Впоследствии и героиня абазинской сказки, как и вьетнамской, соединяется с любимым Джануазом посредством старухи.

Повторимся: различного в двух сказках больше, чем сходного (вьетнамский текст отдаленно напоминает французскую «Золушку»), но сейчас мы сознательно выделяем общие для них элементы, а именно – различные превращения, через которые пришлось пройти героиням, чтобы в конце концов вернуться к своим любимым.

Естественно, происходящие трансформации связаны с общим укладом народа-носителя сказки, их окружающим миром, материальной культурой (бамбуковая палка, кокосовый орех, арахис, рис, кунжут, золотая черепаха, душистая хурма – в «Золотой туфельке»; чабан, камыш, дудка, гуси, очаг, скала – в «Джануазе»), но напомним, что общим для сказок двух народов, находящихся друг от друга на расстоянии многих тысяч верст, является общая идея: какие бы преграды ни вставали на пути суженых, они преодолеют все и обязательно соединятся. Здесь любопытным предстает то, что два абсолютно разных народа – с разной материальной, духовной культурой, жизненной философией, религией, – сходятся в предопределении судьбы человека, в довлеющем над ним роке.

Этот же сюжет в более свернутом виде реализуется и в корейской сказке «Кхончхи и Пхатчхи» [Сказки народов мира 1987: 125–127]: злая мачеха и ее родная дочь утопили Кхончхи в озере, в ее платье переодели Пхатчхи и выдали замуж за камсу, начальника провинции. Прогуливаясь по берегу озера, он увидел красивый цветок лотоса, сорвал и поставил в кувшин с водой. Пхатчхи бросила цветок печь, а старушка-служанка, зажигая огонь, обнаружила в печи ожерелье, переливающееся всеми цветами радуги. Когда старушка вынула украшение, оно превратилось в Кхончхи. Девушка попросила накрыть стол угощением и пригласить камсу. Тот явился, принялся есть, а палочки оказались одна короче другой. Разозлился он, стал отчитывать служанку, а в это время за ширмой раздался голос: «Вот вы, господин камса, сразу заметили, что палочки неодина-

ковы, а одного человека от другого отличить не смогли!». Понял камса, что его обманули, велел наказать злую мать с дочерью, а сам зажил счастливо с милой и доброй Кхончхи.

И здесь, как и в предыдущих двух сказках, вероломно погубленная девушка, пройдя через различные испытания и преобразования, в конце концов, воссоединяется с суженым.

Рассмотренный материал неопровержимо свидетельствует, что сюжеты абазинских сказок сходятся и совпадают не только с фольклором близкородственных народов – абхазов и адыгов, – но и с этносами, проживающими за многие тысячи верст, в буквальном смысле – на другом конце света: Бирма, Вьетнам, Камбоджа, Корея, Монголия, Тибет (Китай), Карелия (Россия), Удмуртия (Россия).

Абазинскую сказку «Один глупее другого» и удмуртскую «Мадяр» в первую очередь сближает общая тема человеческого скудоумия. Объединяет их и образ главного героя, – сына, который хочет убедиться, что есть на свете люди, глупее его родни. И в обеих сказках он становится свидетелем трех нелепых сцен.

Типологическое сходство латающей землю старухи из сказки «Старый бурдюк» и пожилой женщины из тибетской «Чудесные зерна» подводят к умозаключению о том, что абазинская героиня является ни кем иным, как богиней земли.

В сказках «Старик и волк» (абазинская) и «О том, как поспорили тигр и прохожий» (корейская) почти вся персонажная система отлична одна от другой, и тем не менее общий сюжет остается для них единым: выручивший зверя из беды человек сам оказывается под угрозой смерти от спасенного. И в первой, и во второй сказках проблема решается сходным образом, подводя к одному и тому же выводу: за добро нужно быть благодарным.

В данном случае небезынтересно отметить, что в абазинской и корейской сказках воплощением агрессии и вероломства являются волк и тигр, близкие по своей хищнической природе. И это представляется вполне логичным. Олицетворением ума и чувства справедливости в абазинской сказке становится лиса, и это тоже вписывается в европейские фольклорные традиции. А вот то, что в подобной роли в корейской сказке изображается заяц, воспринимается уже как парадокс. И в таких деталях проявляется культурная специфика каждого этноса.

Наблюдения над монгольской («Старик и тигр») и абазинской («Кабижчукун и айныжи») сказками подводят к мысли о том, что, хотя в них и действуют разные персонажи, различен национальный колорит, но схемы поведения героев и финал повествования один и тот же.

Абазинская «Сказка о двух дочерях», кхмерская «Две девочки», бирманская «Жемчужинка и жаба» при наличии в каждой своих национальных особенностей, совпадают по общему сюжету, конфликту, заложенной идее и воспитательным функциям.

Сходные ситуации обнаруживаются во вьетнамской «Трое умельцев» и абазинской «Привередливая девушка и трое влюбленных парней» сказках. В них женихи сообща спасают от неминуемой смерти любимую, но финалы их оказываются различны. При всем том, что без участия каждого претендента на руку и сердце красавицы она не выжила бы, вьетнамская сказка считает спра-

ведливым выдать девушку замуж за одного из них. Абазинская, осознавая невозможность однозначного решения подобной проблемы, оставляет вопрос открытым. И в подходе к разрешению подобного спора также проявляются особенности мировоззрений двух народов.

Эта же черта присуща и бирманской сказке «Отчего цикада потеряла свои рожки», где в результате цепной реакции, начавшейся с невинного эмоционального всплеска цикады, жук-рогач потерял свои рожки. Цикада вынуждена поплатиться за нанесенный жуку урон, потому что, по мнению славившейся своей мудростью черепахи, «из-за нее все случилось». Такое решение не характерно для абазинского национального мышления, что подтверждается финалом сказки «Осел и кошка», где в сходной ситуации виновный не обнаруживается.

Общим для вьетнамской «Золотой туфельки» и абазинской «Джануаз» являются неоднократные перевоплощения главных героинь на пути воссоединения с любимыми и сентенция: от судьбы уйти невозможно.

Национальный колорит в сказках разных народов чаще всего выражается в названиях поселений, жилищ, продуктов питания, статусов персонажей, их имен и прозвищ: аил, юрта, тигр, чай (монгольские); дикий батат, тигр, бамбуковая плетенка, термиты (кхмерские); натами, слон, кунжут, смоковница, обезьяна, цикада, Ма Пале, Ма Пха-пьоу (бирманские); Ле, бамбуковая палка, кокосовый орех, арахис, рис, золотая черепаха, душистая хурма, кувшин для риса (вьетнамские); камса, цветок лотоса, ожерелье, палочки для еды, Кхончхи, Пхатчхи (корейские); Баймет, Чипья, Камзей, Мадяр, старуха-травница, баня, погреб, овсяная каша (удмуртские); Кабижчукун, Инджиг, аул, айныж, чабан, джамагат, артмак, сыр, хакут, камыш, бурка, очаг, скала (абазинские). В меньшей степени этническая специфика проявляется в нетрадиционном для европейского сознания решении отдельных морально-этических вопросов. Больше всего различия обнаруживается в персонажной системе, но сами события, ситуации, в которых оказываются герои, выносимые морально-этические уроки совпадают почти всегда.

Рассмотренные сказки убеждают, что народы, проживающие в разных концах света, интересуют одни и те же темы, волнуют одни и те же проблемы, выражают сходное мировосприятие и совпадение духовно-нравственных оценок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазинские народные сказки… 1985 – *Абазинские народные сказки* / Составление, перевод с абазинского, вступительная статья, примечания В.Б. Тугова. – М.: Наука, 1985. – 412 с.

Абазинские сказки… 2014 – *Абазинские сказки* / Подготовка материала к изданию, составление, перевод, комментарии П.К. Чекалова. – Ставрополь: Ставрлит, 2014. – 108 с.

Ингур 2004 – *Ингур* / Автор-составитель Т. Г. Владыкина. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 351 с.

История народов Северного Кавказа… 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Сказки Абазашты… 2016 – *Сказки Абазашты* / Составление, вступительная статья, примечания П.К. Чекалова. – Ставрополь: Бюро новостей, 2016. – 316 с.

Сказки народов мира 1987 – *Сказки народов мира*. Тысяча и одна ночь. – М.: Детская литература, 1987. – 734 с.

Тугов 2002 – *Тугов В.Б.* Память и мудрость веков (фольклор абазин: жанры, темы, идеи, образы, поэтика). – Карачаевск: КЧГПУ, 2002. – 348 с.

Чекалов 1994 – *Чекалов П.К.* Абазинский фольклор и мифология народов мира // Философия, методология, культура. – 1994. – С. 47-54.

Чекалов, Котова 1999 – *Чекалов П.К., Котова Л.В*. Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии (Материалы Всероссийской научной конференции 27 –29 мая 1998 г.). – Майкоп: АГУ, 1999. – С. 169-176.

Чикатуев 1969 – *Чикатуев М.Х.* Абазинские всадники. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1969. – 112 с.

REFERENCES

Abazinskie narodnye skazki [Abazin folk tales] / Sostavlenie, perevod s abazinskogo, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya V.B. Tugova. – M.: Nauka, 1985. – 412 s. (In Russ.).

Abazinskie skazki [Abazin tales] / Podgotovka materiala k izdaniyu, sostavlenie, perevod, kommentarii P.K. Chekalova. – Stavropol': Stavrlit, 2014. – 108 s. (In Russ.).

Ingur [Ingur] / Avtor-sostavitel' T. G. Vladykina. – Izhevsk: Udmurtiya, 2004. – 351 s. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. – M.: Nauka, 1988. – 544 s. (In Russ.).

Skazki Abazashty [Tales of Abazashta] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya P.K. Chekalova. – Stavropol': Byuro novostei, 2016. – 316 s. (In Russ.).

Skazki narodov mira. Tysyacha i odna noch' [Tales of the peoples of the world. A Thousand and One Nights]. – M.: Detskaya literatura, 1987. – 734 s. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Pamyat' i mudrost' vekov (fol'klor abazin: zhanry, temy, idei, obrazy, poetika)* [Memory and wisdom of the ages (Abazin folklore: genres, themes, ideas, images, poetics)]. – Karachaevsk: KChGPU, 2002. – 348 s. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Abazinskii fol'klor i mifologiya narodov mira* [Abazin folklore and mythology of the peoples of the world]. In: Filosofiya, metodologiya, kul'tura. – 1994. – S. 47–54. (In Russ.).

CHEKALOV P.K., KOTOVA L.V. *Veselovskii, Kuprin, Solomon i skazki narodov Kavkaza* [Veselovsky, Kuprin, Solomon and fairy tales of the peoples of the Caucasus]. In: Aktual'nye problemy obshchei i adygskoi filologii (Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 27–29 maya 1998 g.). – Maikop: AGU, 1999. – S. 169–176. (In Russ.).

CHIKATUEV M.KH. *Abazinskie vsadniki* [Abazin horsemen]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. – 112 s. (In Russ.).

Информация об авторах

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Л.А. Борокова – старший научный сотрудник.

Information about the authors

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

L.A. Borokova – senior research associate.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Языки народов Российской Федерации (языки народов Северного Кавказа)

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-293-306
EDN: IVNWWT

ДИАСПОРЭМ АДЫГЭБЗЭР ХЪУМА ЗЭРЫЩЫХЪУАР

Абазэ Маритэ Мухьэмэд ипхъу
Урысейм ЩIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Россие (Урысей), marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

Аннотацэ. Статьяр теухуащ диаспорэм щыпсэу адыгэхэм я анэдэлъхубзэм и Iуэху зытетымрэ адыгэбзэр хъума зэрыхъу бзэщIыб Iуэхугъуэхэмрэ (экстралингвистические факторы). Лэжьыгъэр щыдгъэхьэзырым зэгъэпщэныгъэ, къэхутэныгъэ Iэмалхэр къэдгъэсэбэпащ. Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм тетхыхьа бзэщIэныгъэлIхэм я еплъыкIэ зэхуэмыдэхэмрэ я къэхутэныгъэхэмрэ кърикIуахэр къыщыхьа щIэныгъэ лэжьыгъэхэр ди статьям лъабжьэ хуэтщIащ. Мурад нэхъыщхьэу зыхуэдгъэувыжар – хэхэс адыгэхэм я бзэр яхъумэн папщIэ ирагъэкIуэкIа лэжьыгъэхэм кIэщIу тетхыхьын, абы кърикIуахэр гъэнаIуэн. Ди мурадыр къыдэхъулIэн папщIэ, диаспорэм щыпсэу адыгэхэм я тхыдэм дриплъэжащ, зэман кIыхьым кьриубыдэу, адыгэбзэр зэрахъума Iэмалхэм дыкъытеувыIащ. КъызэщIэткъуэжмэ, къыжыIапхъэщ бзэм и зыужьыныгъэм лъэпощхьэпо къыхуэхъу куэд щыIами, Хэкум пэжыжьэми, хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэр хущIэкъуащ я бзэр, я хабзэр яхъумэн. Абыхэм тхыпкъылъэ зэхуэмыдэхэр зэхалъхьащ, зэгухьэныгъэхэр, организацэхэр къызэрагъэпэщащ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: диаспорэ, адыгэ (шэрджэс), анэдэлъхубзэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, тхыпкъылъэ, Хэку

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Абазэ М.М. Диаспорэм адыгэбзэр хъума зэрыщыхъуар // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 293-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-293-306. EDN: IVNWWT.

© Абазэ М.М., 2023

Original article

ON THE ISSUE OF THE PRESERVATION OF THE ADYGHE (KABARDINO-CIRCASSIAN) LANGUAGE IN THE DIASPORA

Marita M. Abazova
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

Abstract. The article explores the main issues of preserving the native language in the diaspora. Extralinguistic factors were noted for the preservation of the Adyghe language in a foreign language environment. To study the speech of the Adyghe diaspora abroad, as well as to determine the methods of preserving the native language, comparative historical and analytical methods were used. The source base is compiled by the works of scientists who studied the features of the language of the Adyghe diaspora abroad. The main goal of the work is to summarize the main methods of preserving the Adyghe (Circassian) language (speech) in a foreign language environment, and tell what was done for this. To achieve this, we analyzed the work of our predecessors on the topic under study. It was concluded that, although representatives of the Adyghe diaspora abroad had sufficient obstacles to the preservation and development of the native language; they could preserve the language, traditions and customs. They created various organizations, khasa.

Keywords: diaspora, adygs (Circassians), native language, Kabardino-Circassian language, alphabet, Homeland

For citation: Abazova M.M. On the issue of the preservation of the adyghe (kabardino-circassian) language in the diaspora. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 293-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-293-306. EDN: IVNWWT. (In Kabardian).

© M.M. Abazova, 2023

Научная статья

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ АДЫГСКОГО (КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО) ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ

Марита Мухамедовна Абазова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, marita.abazova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7701-1133

Аннотация. В статье исследуются основные вопросы по сохранению родного языка в условиях диаспоры. Отмечены экстралингвистические факторы для сохранения адыгского языка в иноязычной среде. Для исследования речи адыгской диаспоры за рубежом, а также для определения методов сохранения родного языка были использованы сравнительно-исторический и аналитический методы. Источниковую базу составляют труды ученых, которые занимались изучением особенностей языка адыгской диаспоры за рубежом. Основная цель работы – обобщить основные методы сохранения адыгского (черкесского) языка (речи) в иноязычной среде, и рассказать, что для этого предпринималось. Для достижения поставленной цели проанализировали работы предшественников по исследуемой теме. Сделан вывод, что несмотря на то, что у представителей адыгской диаспоры за рубежом было много препятствий по сохранению и развитию родного языка, они смогли сохранить язык, традиции и обычаи. Ими созданы различные организации, хаса.

Ключевые слова: диаспора, адыги (черкесы), родной язык, кабардино-черкесский язык, алфавит, Родина

Для цитирования: Абазова М.М. К вопросу о сохранении адыгского (кабардино-черкесского) языка в условиях диаспоры // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 293-306. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-293-306. EDN: IVNWWT. (на кабардинском языке).

© Абазова М.М., 2023

Хэзыгъэгъуазэ

Ноби адыгэхэм я нэхъыбапІэр я хэку исыжкъым: Урысейм щекІуэкІа иужьрей къыхэтхыкІыныгъэм къызэригъэлъагъуэмкІэ, къэралым адыгэу исыр мин 700-м зэрыщІигъу щыІэкъым, Тыркум и закъуэ адыгэу щопсэу мелуанищ нэхърэ мынэхъ мащІэ, уеблэмэ ар мелуани 7-м нэсу хуэзыгъэфащэхэри щыІэщ. Ахэр къэралым и щІыналъэ псоми ипхъауэ щопсэу, нэхъыбэу ахэр дэсщ Истамбыл, Анкара, Самсун, Чорум, Къайсэр, Дузджэ къалэхэм. Адыгэхэр зэрыІыгъыу щыпсэу районхэм ящыщщ Къайсэр, Адана, Мараш, Анкара, Измир, Дузджэ, Токъат, Самсун, Чорум, нэгъуэщІхэри.

Тырку жылагъуэхэм хагъэтІысхьахэм я анэдэлъхубзэр куэдрэ яхуэхъумэжакъым, щхьэхуэу тІыса адыгэ къуажэхэм дэсхэр XX лІэщІыгъуэм и 60-70 гъэхэм нэсыху я бзэкІэ псалъэу зэхэсащ, ауэ абдеж щыщІэдзауэ я щІалэгъуалэр къалэхэм Іэпхъуэн щІадзэри адыгэ жылэхэр цІыхуншэ хъууэ хуежьащ, абы и зэранкІи адыгэбзэр Тыркум щыкІуэдынымкІэ шынагъуэ щыІэ хъуащ.

Адыгэхэр апхуэдэуи щымащІэкъым Сирием, Иорданием. Зи цІэ къитІуа къэралхэм къиІэпхъукІа адыгэхэм я диаспорэ щыІэ хъуащ Германием, США-м, нэгъуэщІ къэрал куэдым.

Мы лэжьыгъэм къалэн нэхъыщхьэу диІар хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я анэдэлъхубзэр яхъумэн папщІэ ирагъэкІуэкІа лэжьыгъэхэр гъэнахуэн, бзэм тетхыхьа бзэщІэныгъэлІхэм я еплъыкІэ зэхуэмыдэхэмрэ я къэхутэныгъэхэмрэ кърикІуахэр къызэщІэкъуэжын, адэкІэ къыпытщэу нобэ иІэ щытыкІэр къэдгъэлъагъуэнырщ. Ди статьям къыщыдгъэсэбэпащ БищІо Б.Ч. адыгэбзэкІэ зэридзэкІа бзэщІэныгъэм ехьэлІа фІэщыгъэцІэхэр (терминхэр) [Бижоев 2022].

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм (шэрджэсхэм) я анэдэлъхубзэм и Іуэху зытетыр

Япэ дыдэу адыгэхэр щыпсэуну ирагъэтІысхьащ иджыпсту Тыркум и район нэхъыщхьэм пэгъунэгъу щІыпІищым: Пинарбаши, Кайнар, Вираншехир [Мухсин Сибаши 1986].

Диаспорэм щыпсэу адыгэхэм я анэдэлъхубзэр яхъумэн щхьэкІэ къызэІуахыу щытащ адыгэбзэм щыхурагъеджэн еджапІэхэр, къыдагъэкІырт газетхэр, журналхэр, тхылъхэр нэхъыбэу хьэрып графикэм тету. Адыгэбзэм тхыпкъылъэ хузэхалъхьэнуи мызэ-мытІэу яужь итахэщ [Абазова 2014].

1908 гъэм хэхэс адыгэхэм я щхьэ Іуэху нэхъ зрахуэу яублащ. Хасэ зэмылІэужьыгъуэхэр, щІэныгъэм, адыгагъэм, зэлъэпкъэгъухэр зэкъуэгъэувэным хуэлажьэхэр, къэзэІуахащ. Хьэрып тхыпкъылъэр и лъабжьэу адыгэбзэм тхыбзэ хузэхалъхьэу, ар тхылъымпІэ напэм тету къыдагъэкІыу щІадзащ.

А гъэ дыдэм Истамбыл щаухуащ «Шэрджэс жылагъуэ зэгухьэныгъэ зэдэІэпыкъуныгъэ хасэ». Абы адыгэбзэкІэ «Гъуазэ» газетыр къыдагъэкІыу щытащ (1911–1914).

1909 гъэм Тыркум «Адыгэ зэшыгъэ хасэ» е «Шэрджэс клубкІэ» еджэу ЦІагъуэ Нурий зи секретару щыта обществэр къызэрагъэпэщ. А гъэ дыдэм ЦІагъуэ Нурийрэ НэгъущІ СуІэдрэ зэгъусэу тхыбзэ хьэрып тхыпкъкІэ тедзауэ

Истамбыл къыщыдагъэкIащ. 1910 гъэм адыгэ щIалэхэм тхыбзэр етIуанэу традзащ, «Гъуазэ» газетри къыдагъэкIыу къаублащ [ЦIагъуэ 1928: 42].

1909 гъэм хьэрып графикэм тету адыгэбзэ тхыпкъылъэ Египетым щызэхилъхьэгъащ Хуажэ Мухьэмэд Кемал. А гъэ дыдэм Тыркум щыпсэу, дохутыру лажьэ адыгэ щIалэ Пчэгъэтлыкъуэ Мухьэмэд хьэрып тхыпкъхэр къигъэсэбэпурэ адыгэ тхыпкъылъэ зэхилъхьащ. 1910 гъэм латин графикэм тету нэгъуэщI зы тхыпкъылъи зэхилъхьэгъащ. А тхыпкъылъэхэмкIэ диным теухуа, нэгъуэщI тхыгъэ мыинхэр къыдигъэкIащ [Рогава, Керашева 1966: 13-14].

1918 гъэм Бланэкъуэ Бэтокъуэ латин графикэр и лъабжьэу зэхилъхьа адыгей тхыпкъылъэр Истамбыл щытрадзащ. Абы а тхыпкъылъэмкIэ тхауэ абы 1931 гъэм Сирием къыщыдигъэкIащ «Адыгэ бзэхабзэ» тхылъыр.

1927 гъэм Сирием щызэхалъхьауэ щытащ адыгэ тхыпкъылъэ, латин тхыпкъхэр къагъэсэбэпурэ.

ИщхьэкIэ къызэрыдгъэлъэгъуащи, хамэ къэралхэм щыпсэу адыгэхэм тхыпкъылъэ зэхалъхьами, абыхэмкIэ тхылъ цIыкIу закъуэтIакъуэ къыдагъэкIами, ахэр къызэрагъэсэбэпа щыIэкъым.

Диаспорэм щыпсэу адыгэхэм я бзэр, я хабзэр щыпсэу къэралым и бзэм, и хабзэм хуэмурэ ещхь зэрыхъур, зэрыхэшэпсыхьыжым игъэпIейтеящ нэмыцэ бзэщIэныгъэлI Моникэ Хёлиг. А зэхъуэкIыныгъэхэр къызэтригъэувыIэн мурадкIэ латин тхыпкъхэр лъабжьэ ищIри Тыркум щыпсэу адыгейхэм папщIэ тхыпкъылъэм и проект игъэхьэзырауэ щытащ. [КЧЯ. Т. I. 2006: 38].

Иорданием Къандур Мухьэдин и унафэм щIэту тхыпкъылъэм и проект щагъэхьэзырауэ щытащ. Германием Едыдж Батырей тхыпкъылъэм и проект щызэхилъхьауэ щытащ [КЧЯ. Т. I. 2006: 14].

Хъунч Хьэрий Мелэч, адыгэ тхыдэтх цIэрыIуэ НэмытIокъуэ Айтэч и щхьэгъусэм, иублащ а зэманым «Ди анэ» журналым и къыдэгъэкIыныр. Мы журналыр латин тхыпкъкIэ тхауэ адыгэбзэкIэ къыдэкIт. Сирием щыпсэу адыгэхэм «Маржэ» журналыр къыщыдагъэкIыу щIадзэ. Зи цIэ къитIуахэм нэмыщI пщIы бжыгъэкIэ тхылъхэр, брошюрэхэр, хъыбарегъащIэ тхылъ цIыкIухэмрэ журналхэмрэ адыгэбзэкIэ, тыркубзэкIэ, хьэрыпыбзэкIэ къыдагъэкIыу щытащ.

А лъэхъэнэм адыгэбзэкIэ щрагъаджэ курыт еджапIэ Истамбыл къыщызэIуахауэ щытащ.

Тыркум къыщызэрагъэпэщауэ щытащ 2500-м нэс къызэщIэзыубыдэ организацэхэр, ахэр телажьэрт адыгэр къызэщIэкъуа, гъэгушхуа хъуным, я бзэмрэ я хэкумрэ ягу имыгъэхуным. Абыхэм ящыщщ 1950 гъэм къызэрагъэпэща «Кавказ щэнхабзэ Хасэ»-р («Kafkas Kültür Derneği»). Ар зи жэрдэмхэм яхэтт Тыркум цIэрыIуэ щыхъуа юрист, профессор Думэныщ Хъейри. 1952 гъэм «Кавказ» зыфIаща Хасэр яухуащ.

1955 гъэм Истамбыл къыщызэрагъэпэщащ зэгухьэныгъэшхуэ – «Фонд Кавказ» ((«Kafkas Kültür Eğitim ve Sosyal YgrdIm VakfI»), ар адрей Ищхъэрэ-Кавказ зэгухьэныгъэхэм хэт цIыху бжыгъэм и куэдагъымкIэ йофIэкI. Абы и къалэн нэхъыщхьэр зыхуэунэтIауэ щытыр Тыркум щыпсэу Ищхъэрэ Кавказым щыщ хэхэсхэр зы щIыжынырщ. Мы зэгухьэныгъэм сабийхэр адыгэбзэм щыхурагъаджэ.

Хэхэс хъуахэм я тхыдэм теухуауэ 1960-1970 гъэхэм «ЩIопщ», «ЩIакIуэ» зи фIэщыгъэцIэ журналхэр къызэрагъэпэщащ, тхылъ зэмылIэужьыгъуэхэр къыдагъэкIащ.

1990 гъэм Узун-Яйлэ райным и шэрджэс къуажэхэм къиIэпхъукIахэм къызэрагъэпэщауэ щытащ «Узун-Яйлэ Кавказ щэнхабзэ зэдэIэпыкъуныгъэ Хасэр» («Uzunyayla Kafkas Kültük ve YardImlaşma Derneği AylIk Bultenidir»); 1993 гъэм апрелым организацэ 12 зэгухьэри «Кавказ жылагъуэ Хасэр» къызэрагъэпэщащ; 2003 гъэм декабрым къызэрагъэпэщащ организацэу 45 зыхыхьэ «Кавказ жылагъуэхэм я Федерацэ» зыфIаща хасэр («Kafkas Dernekleri Federasyonu», гъэкIэщIауэ «Kaf-Fed»). Хасэхэм я федерацэм «Нарт» / «Nart» журналыр мазэ къэс къыдагъэкI.

Ищхъэрэ-Кавказ жылагъуэ организацэхэм я къалэн нэхъыщхьэр хэхэсхэр зэлъэгъэIэсыныгъэ, зэкъуэгъэувэжыныгъэрщ. Апхуэдэ центырхэм щызэхуос щIалэгъуалэхэри, зи ныбжь хэкIуэтахэри. ИщхьэкIэ зи гугъу тщIа центырхэрщ диаспорэм щыпсэу адыгэхэр щызэхуэзэну, зэрыцIыхуну, зэпсэлъэну Iэмал щагъуэтыр, хэхэсхэм я дежкIэ абы мыхьэнэшхуэ иIэщ. Зэгухьэныгъэхэм я къалэн нэхъыщхьэр анэдэлъхубзэр цIыхухэм ирагъэщIэнырщ, адыгэ хабзэм, тхыдэм хурагъаджэ, щыгъуазэ ящI, адыгэ къафэкIэми хурагъасэ. Тыркум и Iэтащхьэм 2004 гъэм щегъэжьауэ къэралым щыпсэу лъэпкъ мащIэхэм я бзэр еджапIэхэм щаджыну, радио, телевидениемкIэ я бзэмкIэ щыпсалъэну хуитыныгъэ къаритащ. Тыркум и къэрал каналхэм ящыщ зым тхьэмахуэ къэс махуэку махуэм дакъикъэ 30 къарет адыгэбзэкIэ хъыбарыщIэхэр, къафэхэр, уэрэдхэр, дунейм и къэхъукъащIэхэм ухэзыгъэгъуазэ нэгъуэщI гуэрхэр къагъэлъэгъуэну, тепсэлъыхьыну, тыркубзэкIэ абы субтитр и гъусэщ.

Сирием (Щам) щопсэу абазэхэ, бжьэдыгъу, къэбэрдей адыгэхэр. 1927 гъэм Самгугу и гупым Къунейтр (Кунейтр) щаухуащ «Адыгэ гъэсэн зыныгъэ хасэ»; 1948 гъэм Дамаск щаухуащ жылагъуэ организацэ «Адыгэ фIыщIэ хасэ»-р. Ахэм я лэжьыгъэр зытегъэщIауэ щытыр бзэр, хабзэр хъумэнырт. Ахэр яужь итащ лъэпкъ литературэр зэрегъэфIэкIуэным. Абы и фIыгъэкIэ, нобэр къыздэсым Сирием щыпсэу адыгэхэм яхузэфIэкIащ я бзэр яхъумэжыныр [Кушхабиев 2007: 177].

Иорданиеми шэрджэсхэр яхэшыпсыхьыжакъым, нобэ абы щопсэу субэтническэ гупу плIы: къэбэрдей адыгэхэр, бжьэдыгъухэр, абазэхэхэр, шапсыгъхэр.

1932 гъэм Амман къыщызэрагъэпэщащ «Адыгэ фIыщIэ хасэ», 1971 гъэм – «ЦIыхубз хасэ»-р, цIыхубзхэр лэжьапIэ гъэувынымкIэ дэIэпыкъуэгъу яхуэхъут. Амман адыгэбзэмкIэ тхылъ зытIущ къыщыдагъэкIауэ щытащ, хьэрып-шэрджэс псалъэзэблэдз «Япэ адыгэбзэ-хьэрыпыбзэ зэрызэбгъэщIэн псэлъалъэ»-рэ къыщыдагъэкIащ 1988 гъэм [Кушхабиев 2007: 178].

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм, псом хуэмыдэу Израилым и Кфар-Камэрэ Риханиерэ щыпсэухэм я бзэр, я хабзэр, щэнхабзэр яхъумащ. 1976 гъэм щегъэжьауэ Израил еджапIэхэм я программэм хагъэхьащ адыгеибзэр яджыну. Хамэ къэралыбзэу иджылыбзэмрэ хьэрыпыбзэмрэ ядж.

1991 гъэм Кфар-Камэ къыщызэрагъэпэщащ «Нэхунэ» («Нафна») зэгухьэныгъэр, абы къалэн нэхъыщхьэу иIар шэрджэсхэм я тхыдэр, щэнхабзэр

хъумэнырщ, щалъхуа лъахэм яку дэлъ зэпыщIэныгъэхэр гъэбыдэнырщ. 1993 гъэм Израилым и правительствэм къищта унафэм ипкъ иту Рихьэние щаухуащ Шэрджэс институт, адыгеибзэмрэ абы и тхыдэмрэ щыхурагъаджэ. Абы адыгеибзэм хуезыгъаджэ егъэджакIуэхэм я щIэныгъэр щрагъэфIакIуэ, бзэм нэхъ кууэ щыгъуазэ зыхуащI.

Сирием щыпсэуа адыгэхэм языныкъуэр Иорданием, адрейхэри Америкэм Iэпхъуащ (мину 8 хуэдиз). Ахэр щопсэу: Нью-Джерси, Калифорние, Техас, Вашингтон, Сиэтл, Флоридэ, н. Америкэм щыпсэу адыгэхэр субэтническэ гупу плIы мэхъу: абазэхэ, бжьэдыгъу, къэбэрдей адыгэ, шапсыгъхэр [Кушхабиев 2007: 233]. «Шэрджэс псапащIэ зэгухьэныгъэ (жылагъуэ)»-м сабийхэр илъэситхум щегъэжьауэ илъэс пщыкIуплI хъуху адыгэбзэм, хабзэм, диным щыхурагъаджэ.

Европэ къэралхэм Iэпхъуа адыгэхэмрэ Кавказ Ищхъэрэм щыпсэуа нэгъуэщI лъэпкъхэмрэ пщIы бжыгъэкIэ къызэрагъэпэщащ зэгухьэныгъэхэр (организацэхэр). Е XX-нэ лIэщIыгъуэм и 20-30 гъэхэм щыIа зэгухьэныгъэхэр: «Кавказ бгырысхэм я зэкъуэтыныгъэ» Чехословакием, Лион – «Кавказыр и щхьэ зэрыхущытыжымкIэ комитет», Париж «Кавказ бгырысхэм я лъэпкъ парт», н. Европэм и КъухьэпIэ, КъуэкIыпIэ къэралхэм Ищхъэрэ-Кавказ хэхэсхэм къыщыдагъэкIыу щытащ пIалъэ-пIалъэкIэрэ журналхэр, газетхэр.

Париж щыпсэу хэхэс гупым 1908 гъэм щегъэжьауэ 1911 гъэм нэсыху урысыбзэкIэ къыдагъэкIыу щытащ «Мусульманин» зи фIэщыгъэцIэ журналыр, «Кавказский горец» журналыр урысыбзэкIэ 1924-1925 гъэхэм Прагэм, 1929-1934 гъэхэм Париж къыщыдэкIыу щытащ. «Кавказ Ищхъэрэ» журналыр урысыбзэкIи тыркубзэкIи Варшави Парижи 1934 гъэм щегъэжьауэ 1939 гъэм нэсыху къыщыдэкIащ.

ИщхьэкIэ къэдгъэлъэгъуа къэралхэм къыщынэмыщIауэ (я бжыгъэкIэ нэхъ мащIэу) адыгэ хэхэсхэр Голландиеми, Британие Инми, Франциеми, Испаниеми, н. къэралхэми щопсэу. 1980 гъэм Амстердам къыщызэрагъэпэщащ псапащIэ обществэр (зэгухьэ). Абдеж шэрджэсыбзэм здыхурагъаджэ курс къыщызэIуахащ, адыгэ къафэмкIэ ансамбль къызэрагъэпэщащ. Къапщтэмэ, адыгэ хэхэсхэм яхузэфIэкIащ я щэнхабзэм иIэ щытыкIэ хэхар яхъумэжын [Кушхабиев 2007: 229-231].

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм (шэрджэсхэм) я бзэр джа зэрыхъуар

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм хэкум зэрикIыжрэ блэкIа зэманым и кIуэцIкIэ зэхъуэкIыныгъэшхуэ игъуэтащ. Ди нобэм ирихьэлIэу бзэщIэныгъэлIхэм Тыркум, Сирием, Иорданием щыпсэу адыгэхэм я бзэм иIэ щхьэхуэныгъэхэм теухуауэ лэжьыгъэшхуэ ирагъэкIуэкIащ, абы кърикIуахэр щIэныгъэ лэжьыгъэхэу къыдагъэкIащ. Апхуэдэу щытми, хамэ къэрал щыпсэу ди бзэгъухэм я бзэр лъэныкъуэ псомкIи иджыри джа хъуакъым, ноби ар адыгэ бзэщIэныгъэм и зы къалэн нэхъыщхьэхэм ящыщщ.

Диаспорэм щыпсэу къэбэрдей адыгэхэм я бзэр къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм фIыуэ къыщхьэщокI фонетикэ и лъэныкъуэкIэ. Нэхъыбэу ар наIуэ щохъу фонетикэ зэхъуэкIыныгъэхэм (макъ зэгъусэхэмрэ макъзешэ

зэблэхъуныгъэхэмрэ) дакIэлъыплъмэ. Грамматикэ и лъэныкъуэкIи хэхэсхэм я бзэр литературэбзэм техуэркъым, псом хуэмыдэу зэмыщхьыныгъэр къыхощ лексикэм: псалъэ куэдым нэгъуэщI мыхьэнэ яIэ хъуащ, е къарыкI мыхьэнэкIэ зэщхьэщокI. Тыркум, Сирием, Иорданием, н. къэралхэм щыпсэу адыгэхэм я бзэм къыщокIуэ псалъэ, жыIэгъуэ куэд хэкурысхэм къамыгъэсэбэпыххэу е щIыпIэбзэ, псэлъэкIэ гуэрым зэзэмызэ фIэкIа дыщримыхьэлIэу.

Жорж Дюмезилрэ Катрин Парирэ щIыпIэбзэхэр зэрадж материал зэхуахьэсахэр лъабжьэ хуэхъуащ адыгэбзэхэм я фонетикэм иIэ щхьэхуэныгъэхэр зэзыгъапщэ тхыдэ Iэмалхэр къэгъэсэбэпурэ къэхутэнымкIэ.

Хэхэсым щыпсэу адыгэхэм я бзэр джынымкIэ щIыпIэ хэха щаубыд нобэкIэ кIуэдыжа убыхыбзэр Тырку щIыналъэм къызэрыщызэтенам тетхыхьа, абы елэжьа Дюмезиль Ж. и лэжьыгъэхэм.

Абы адыгеибзэми къэбэрдеибзэми къыхегъэкI макъзешэ зэпышахэм я пIэкIэ макъзешитI зэхэлъхэр е макъзешэ кIэщIхэр: зэгъапщэ ***yezэrэy*** *(йэзырый)*, ***adreyhem*** *(адрэйhэм),* ***zэrэy*** *(зырый)* [Dumézil 1965]. Дюмезиль къухьэпIэ-кавказыбзэхэм я щхьэхуэныгъэхэр иригъэпщащ адрей къухьэпIэ-кавказыбзэхэми. Псалъэм папщIэ, убых. *гьа* лъабжьэм хуокIуэ приватив лъабжьэужь убыхыбзэм хэта *шьагьа*-р «акъылъыншэ, делэ», адыгей (шапс.), къэб. *бзагьэ/бзаджэ*, абхаз. *хъага*, абаз. *къага* «зи акъыл имытыж» [Dumézil 1975: 34].

Катрин Пари бзэщIэныгъэм теухуауэ иригъэкIуэкIа къэхутэныгъэхэм фонетикэм ехьэлIа упщIэхэм, адыгэбзэхэмрэ абыхэм я щIыпIэбзэхэмрэ зэрызэпэщIэтыр къэхутэным нэгъуэщIынэкIэ урегъэплъ. Зеннун (Тыркум хыхьэ къалэ) и беслъэней псэлъэкIэм макъзешэ зэпышахэм я пIэкIэ текъузэ техуэми темы хуэми къыхигъэкIыр макъзешитI зэхэлъщ е къызытекIа макъзешэ кIэщIхэрщ. Псалъэм папщIэ, *yen (йэн)* – (ин), *teyλhan* (тэилъхьан) [Paris 1974: 64].

Анатолэ щIыпIэм щыпсэу адыгэхэм я бзэр щиджым, Катрин Пари гулъытэ лей хуищIащ фонетикэ и лъэныкъуэкIэ абы иIэ щхьэхуэныгъэхэм. Абы зэригъэпщащ адыгэбзэр, убыхыбзэр, абхъазыбзэр икIи къыхигъэщащ а бзэхэм къыщыкIуэ фонемэхэр зэрызэтехуэр, ауэ къарыкI мыхьэнэкIэрэ, ягъэзащIэ къалэнхэмкIэ ахэр щIыпIэбзэхэм зэрыщызэтемыхуэр.

Катрин Пари зэригъапщэ бзэхэм фонетикэ и лъэныкъуэкIэ яIэ зэщхьэщыкIыныгъэхэр лъырым къыщехь:

нэщэнэ / бзэ	*Лъылъылъ ныкъуэхэр*	*бзэгубгъу-дзэбгъу укъуэдияхэр*	*IупщIэIуш макъхэр*	*Тэмакъыщхьэ макъзешэхэр*
Адыгэбзэ	**х**	**Х**	**-**	**-**
Убыхыбзэ	**х**	**х**	**х**	**х**
Абхъазыбзэ	**-**	**-**	**х**	**х**

Лъырым ипкъ иткIэ, убыхыбзэр и щытыкIэкIэ, къыщыкIуэ макъхэмкIэ адыгэбзэмрэ абхъазыбзэмрэ я зэхуакум дэтщ [Paris 1974: 42–43].

Катрин Пари анатолэ псэлъэкIэм тэмакъыщхьэ преруптивхэр къыхигъэкIыркъым. Абы къызэрилъытэмкIэ, шапсыгъ щIыпIэбзэм къыщыкIуэ тэмакъыщхьэ макъ зэхуэщIахэр беслъэней щIыпIэбзэми къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэми хэтщ [Кумахов 1981: 111]. Зеннун къуажэм щыпсэухэм я бзэм хэт лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэтхэр щабэрэ пхъашэу игуэшыркъым, къыхигъэкIыр макъ дэкIуашэ зэхэт щабэ дж-м и закъуэщ (*джэн –жэн, джэйын – жеин, бджэ – бжэ, джый – жыг*). Зи гугъу тщIы псэлъэкIэм адыгэзэдаибзэм къыщыкIуэ *ж>жь* хуокIуэ: *йыўыжькIьэ – иужькIэ, губжь; ш>шь* хуокIуэ: *Iуышь – Iущ*, ауэ *шъэ – щэ* [Paris 1974].

Диаспорэм щыпсэу адыгэхэм я бзэр джынымкIэ лэжьыгъэшхуэ иригъэкIуэкIащ Къумахуэ Мухьэдин. Абы къызэрилъытэмкIэ, бзэм иIэ щытыкIэр къызэрыпхутэфыну Iэмал нэхъыщхьэр – ар псэлъэкIэ, щIыпIэбзэ щыIэхэм я тхыдэм уриплъэжкIэрэщ [Кумахов 1981: 30].

Зеннун къуажэм и аннатолэ псэлъэкIэм Къумахуэм къыхегъэкI адыгеибзэм зэзэмызэ фIэкIа къыщымыхъу зэхъуэкIыныгъэр – ар бзэгуку IупщIэIуш макъ дэкIуашэ укъуэдия ху-р тэмакъыщIэ IупщIэIуш макъ дэкIуашэ укъуэдия hу-м хуэкIуэнырщ. Щапхъэхэр, *hуын* (<хуын), *нэhу* (<нэху), *hуы* (<хуы), *маhуэ* (<махуэ), *hуэкIуа* – (<хуэкIуа-), *шъхьhуапсалъэ* (<шъхьахуэпсалъэ), *hуэдэ* (<хуэдэ), *йэцIыhу* (<йэцIыху). Зеннун псэлъэкIэм IупщIэIумыш бзэгуку макъ дэкIуашэ укъуэдияр тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ h-м щыхуокIуэ: *ўынэhэр < ўынэхэр; ху > hу – ўынэшhуэ < ўынэшхуэ* [Кумахов 1981: 206–207].

Тау Хьэзешэ и лэжьыгъэхэм щытетхыхьащ Тыркум, Сирием, Иорданием, Америкэм щыпсэу адыгэхэм я бзэм иIэ щхьэхуэныгъэхэм икIи къыхигъэщащ а проблемэр икIэм нэсу джа зэрымыхъуар. ЩIэныгъэлIым етх, хамэ къэрыл щыпсэу адыгэхэм я бзэм щыпсэу къэралыбзэм имызакъуэу адыгэбзэ щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмри яжь къызэрыщIихур. Аращ къызыхэкIар хэхэс адыгэхэм я бзэмрэ литературэбзэмрэ фонетикэ, лексикэ, грамматикэ и лъэныкъуэкIэ зэщхьэщыкIыныгъэшхуэ яIэнри.

ЩIэныгъэлIым диаспорэм щыпсэу адыгэхэм, адыгэзэдаибзэм къыщагъэсэбэпу щытахэу, я бзэм жьы хъуа псалъэ куэд къыхегъэкI, абы къыдэкIуэуи псалъэщIэ куэди я бзэм къызэрыщыкIуэр къыжеIэ. Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм къыщокIуэ зи мыхьэнэм зихъуэжа псалъэ щхьэхуэхэр. Псалъэм папщIэ, *гу* «машинэ» мыхьэнэ иIэу: *гузехуэ* «шофер», *гум исын* «машинэм исын». Щапхъэхэр: диаспорэм *щхьэ Iыгъыжын* – къэб.-шэрдж. *щхьэ иIыжын*; *телефон Iухын – телефон еуэн; нэщI убыдын – нэщI Iыгъын, лагъэ – тепщэч,* н. [Таов 1997: 88–87].

Хэхэс адыгэхэм я бзэм и гъэщIэгъуэнагъхэм Темыр Р.Хь. щытетхыхьащ и щIэныгъэ лэжьыгъэхэм. Абы къыхегъэкI мыпхуэдэ зэхъуэкIыныгъэхэр:

– хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм къыхэнащ бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ щабэ *гь, кь, кIь*. НобэкIэ а макъ дэкIуашэхэр хэкурысхэм я бзэм лъылъылъ макъ дэкIуашэ *дж, ч, чI (кI)*-м щыхуэкIуащ. Псалъэм папщIэ, *шэ**гь**агъуэ – шэ**дж**агъуэ, зе**кIь**э – зе**чI**э/зэ**кI**э*. Бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ щабэ *гь, кь, кIь*-хэр адыгэ нэхъыжьхэм я бзэми къыхэнащ;

– тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ укъуэдия *h*-р макъ дэкIуашэ дэгу укъуэдия *х*-м и пIэкIэ къэгъэсэбэпыныр. *h//х* хуокIуэ цIэхэмрэ лэжьыгъэцIэхэмрэ куэд

бжыгъэ къэзыгъэлъагъуэ лъабжьэужьу къыщыкIуэм деж: *адыгэ**h**эр – адыгэ**х**эр, бей**h**эс – бей**х**эщ*;

– макъ дэкIуашэ дэгу укъуэдия *х*-м и пIэкIэ цIэхэмрэ лэжьыгъэцIэхэмрэ я лъабжьэм макъ дэкIуашэ укъуэдия щабэ *х'* къапсэлъ хэхэс адыгэхэм: *ш**х'**ын – ш**х**ын*;

– тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ *I*-р тэмакъыщхьэ макъ дэкIуашэ *къ*-м и пIэкIэ къапсэлъ щымыIэныгъэ къызэрыкI лъабжьэужь *–къым* е зэрыщIэупщIэ лъабжьэгъусэ *къэ*-м и къалэныр игъэзащIэу къыщыкIуэм деж. Щапхъэхэр, *сиIэ**I**ым – сиIэ**къ**ым, пцIыху**I**э – пцIыху**къ**э*?

– хэхэс адыгэхэм я бзэм нэхъыбэм щIэфие макъ дэкIуашэ *–с*-р щIэфие-лъылъылъ макъ дэкIуашэ *щ*-м и пIэкIэ къыщапсэлъ лэжьыгъэцIэр арэзыныгъэ щытыкIэм щитым деж: *ара**с** – ара**щ**, лъапIэ**с** – лъапIэ**щ*** [Темирова 1993: 370].

Моникэ Хёлиг Тыркум щыпсэу адыгэ диаспорэм и абазэхэ щIыпIэбзэр иджащ. Ар и лэжьыгъэхэм щытотхыхь Гёксун къалэм и хъуреягъкIэ къетIысэкIауэ псо абазэхэ къуажищым я бзэмрэ Урысей Федерацэм и Адыгей Республикэм хыхьэ Хьэкурынэхьэблэ къуажэм щыпсэу абазэхэхэм я бзэмрэ зэрызэщхьэщыкIым [Хёлиг 1993].

Хёлиг къыхегъэщ фонетикэ, морфологие и лъэныкъуэкIэ зэтемыхуэныгъэхэр. Псалъэм папщIэ, фонетикэ и лъэныкъуэкIэ, япэрауэ, фонемэ *кI*-р *ш*-м е *с*-м и ужькIэ къэпсэлъыныгъэ: «***ш**кIэ, зыгъэп**с**кIын*. ЕтIуанэу, макъ дэкIуашэ зэхэтхэм я системэмкIэ зэщхьэщокI: а) *лъэгуанджъ – лъэгунж, мачъэ – машэ (мажэ), пчъэ – пшэ (бжэ)*; б) *дж <жь: Ба**дж**э – ба**жь**э (бажэ), лъэмы**дж** – лъэмы**жь** (лъэмыж)*; в) *ч < шь: **ч**ыжьэ – **шь**ыжьэ (жыжьэ), пчыхьэ – пшьыхьэ (пщыхьэщхьэ)*; г) лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэт *чIь («кI»)*-р лъылъылъ макъ дэкIуашэ щабэ пIытIа укъуэдия *шIь*-м, е *Iь, чIь, шIь*-хэм: ***чI**ьымаф – **шI**ьымаф* (щIымахуэ), ***чI**ьалэ – **Iь**ялэ* (щIалэ).

Диаспорэм щыпсэу абазэхэм я бзэм макъзешэ кIэщIу 3 къыхегъэкI: *э, ы, а.* Ахэр псалъэм къыщыкIуэ щIыпIэ елъытауэ литературэбзэм щытемыхуэхэм щапхъэхэмкIэ нэрылъагъу ищIащ. Псалъэм папщIэ, *ы < э:* лит. *егъэхьэзырые* – абаз. щIыпI. *гъэхьэзэры*; макъзешэ кIэщI *э*-р макъзешэ зэпыша *а*-кIэ хъуэжа мэхъу: адыг. лит. *Iэхъуамб* – абазэб. щIыпI. *Iахъуамб, хьэ – хьа*; тэмакъыщIэ макъ дэкIуашэ щабэм я пэкIэ къыщыкIуэм деж *э < е, ы < и* хуэкIуэныгъэ. Псалъэм папщIэ, зэгъапщэ адыг. лит. *хьачIьэ* – абазэх. щIыпI. *хьаIье* (хьэщIэ), *мачIьэ – маIье* (мащIэ), *тIочIьы – тIоIьи* (тIощI), *лъэчIьын – лъэIьин* (лъэкIын) [Хелиг 1993: 360].

Моникэ Хёлиг абазэхэ щIыпIэбзэр щиджам къыхигъэкIащ морфологие щхьэхуэныгъэхэри. Псалъэм папщIэ, зэгъапщэ литературэбзэм зыхъуэж псалъэзешэр къыщохъу зыгъэлъагъуэ цIэпапщIэ *а, мы, мо*-хэм лъабжьэгъусэ *– шь* япыувэкIэрэ: *ашь, мышь, мошь*-хэр къэхъуныгъэ. Абазэхэ щIыпIэбзэм пыувэр лъабжьэгъусэ *–й*-щ: *ай, мый, мой*.

Литературэбзэм е 3-нэ щхьэм и щхьэ лъабжьэгъусэ «*ы», «а*» -хэм я пIэкIэ тыркум щыпсэу абазэхэ щIыпIэбзэм къыщапсэлъ «*йа*», «*йы*»: *йы –шагъ, йа-Iуагъ.*

Тыркум щыпсэу абазэхэхэм я бзэм еигъэ лъабжьэпэхэр къыгуэхыпIэ зимыIэрэ къыгуэпх хъууэ щызэхэгъэкIакъым. Псалъэм папщIэ, *си-шхьа, уи-гу, и-Iа*.

Тыркум щыпсэу абазэхэхэм я жьабзэм къыщагъэсэбэп псалъэухахэр, Хьэкурынэхьэблэ щыпсэу абазэхэхэм къамыпсэлъу. Щапхъэхэр: хьэку. абаззэх. *Сщья пцIэр?* – тырку абазэх. *УицIэ сыд?; Сыдэ ушьта? – Сыдэ ушьыт?* [Хёлиг 1993: 363]

Чемсо Г.К. и статья «Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле» [Чемсо 1993] жыхуиIэм зэпэзыгъэув анализ ирегъэкIуэкI хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэмрэ хэкум щыпсэухэмрэ я бзэм ехьэлIауэ. Абы и къэхутэныгъэм къызэрыхэщымкIэ, Кфар-Камэ щыпсэу адыгэхэм я нэхъыбэм бзищ ящIэ: адыгей, хьэрып, журт, языныкъуэхэр инджылыбзэкIи мэпсэлъэф.

Кфар-Камэ щыпсэухэм я нэхъыбэр адыгеибзэм хуэIэкIуэлъакIуэу иропсалъэ. Я ныбжьым емылъытауэ фIэхъус-сэламыр зэрызэрахыр хьэрып псалъэ «*мэрхьэбэ*»-щ, «*сэлам алейкум*» жызыIэ закъуэтIакъуи яхэтщ. Нэхъыжьхэм хьэрып бжыгъэхэр къагъэсэбэп, щIалэгъуалэр зэрыбжэр европэм къыщагъэсэбэп бжыгъэхэрщ. Кфар-Камэ щыпсэухэр шапсыгъ щIыпIэбзэрщ зэрыпсалъэр, ауэ езым и щхьэхуэныгъэхэр иIэжщ, абы ипкъ иткIэ псэлъэкIэ щхьэхуэу къыхагъэкI.

Фонетикэ щхьэхуэныгъэхэм щыщу къегъэлъагъуэ жьыпэу зэхуэщIа макъ дэкIуашэ *nh, th, цh*-хэр, бзэгу лъэдакъэ макъ дэкIуашэ *kh', kh'y, хчh, хъhу*-хэр; щырыщу гъусэ зэхуэхъу макъ дэкIуашэ укъуэдияхэм я системэ – *з, с, сI* макъ зэгъусэ «*псчъ*», «*пскъ*» -хэм я пIэкIэ «*nkh'», «nkI'*»-хэр къапсэлъ. ГъэщIэгъуэнщ, Кфар-Камэ щыпсэухэм я бзэми, адрей диаспорэ адыгэхэми къытезыгъэзэж мыхъуныгъэ псалъэкIапэ *нэ(и) – нэ(и)* я бзэм къызэрыщыкIуэр. Адыгэ литературэбзэхэми, псэлъэкIэхэми, щIыпIэбзэхэми зи гугъу тщIа къытезыгъэзэж мыхъуныгъэ псалъэкIапэр хэткъым. Псалъэм папщIэ, «*Нэ(и) рэчыерэ, нэ(и) цIыфхэр ыгъэчыерэ*» (Е езыр мыжей, е адрейхэри имыгъэжей).

Кфар-Камэ щыпсэухэм, псом хуэмыдэу щIалэгъуалэм, я бзэм къыщокIуэ псалъэпэ «*ма(мэ)*-»-р, ар адыгэ щIыпIэбзэ псоми ит зэманым ит лэжьыгъэцIэхэм щаIэ лъабжьэгъусэрщ. Шапсыгъ щIыпIэбзэм фIэкIа къыщымыкIуэ псалъэпэ «*рэ*-»-мрэ Кфар-Камэ псэлъэкIэм къыщыкIуэ лъабжьэпэ «*ма(мэ)*-»-рэ лъабжьэпэ-зэмыхьэнэгъу зэхуохъу, нэгъуэщIу жыпIэмэ, къарыкI мыхьэнэкIэ зэхуэдэ дыдэщ. Псалъэм папщIэ, *рэкIуагъэ – мэкIуагъэ, рэеIэт – мэкIот*.

Кфар-Камэ псалъэкIэм къагъэсэбэпыр тIощIырыбжэщ: «*тIокIырэ пщIырэ*», «*тIокIитIурэ пщIырэ*».

Израилым щыпсэу адыгэхэмрэ кавказым щыпсэу адыгэхэмрэ щыпсалъэкIэ къагъэсэбэп лексикэм зэтехуэу куэд хэтщ. Адыгей литературэбзэми кавказ-шапсыгъ щIыпIэбзэми къыщымыкIуэу Израилым щыпсэухэм я бзэм къыхэнащ езы адыгэбзэм и псалъэ гуп, макъ зэгъусэхэмкIэ къэIуэтауэ. Псалъэм папщIэ: адыгэзэдаибзэ «*псын*» (къепсын) къапсэлъ «*цIэтхэн*», «*пкIау» (пкIауэ) – «цIырау*».

Тыркум щыпсэухэм я бзэм щыпIэшхуэ щеубыд КъуэкIыпIэ Гъунэгъум Iэпхъуэжа нэужь къащта псалъэхэм. Нэхъыбэу ар благъагъэм ехьэлIахэрщ: *амти* (адэшыпхъу), *хъалти* (анэшыпхъу), *ами* (адэкъуэш), *хъали* (анэм и дэлъху), *баб* (адэ), *бэбаб* (дадэ). Языныкъуэ псалъэ къыхыхьахэм адыгеибзэм и псалъэ къызэрыхъу лъабжьэужьхэр пагъэувэурэ къэхъуащ. Псалъэм папщIэ,

«*бэбэ, бэбэ-жь*» – анэм и адэ (хэкурысхэм «*тэтэжь*» е «*тат*» къапсэлъ) [Чемсо 1993: 289–291].

1994 гъэм Тыркум, Сирием, Иорданием экспедицэ щыIа БищIо Б.Ч. и статья «Сирием, Иорданием, Тыркум щыпсэу къэбэрдей-шэрджэсхэм я бзэр» зыфIищам щетхыж зэман кIыхькIэ хамэ къэрал щызэрахьа къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зэхъуэкIыныгъэшхуэ зэригъуэтар. Абы къызэрилъытэмкIэ, псэупIэ яхуэхъуа щIыпIэм исхэм я бзэм ижь къыщIихуныгъэм, адыгэбзэхэм я щIыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ яIэ щхьэхуэныгъэхэр зэхыхьэным къыхэкIащ хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм игъуэта зэхъуэкIыныгъэхэр. Псом хуэмыдэу щхьэхуэныгъэхэр къыздыхигъэкIыр фонетикэмрэ лексикэмрэщ [Бижоев 2000].

Фонетикэ и лъэныкъуэкIэ щIэныгъэлIым къыхегъэкI макъзешэ, макъ дэкIуашэ макъхъуэжхэр: *э:ы*: *диIыр – диIэр*, *а:э: Iуоху – Iуэху*; *а:я: апэм – япэм*; *с:щ*: *щытас – щытащ*, н.

Фонетикэ зэхъуэкIыныгъэ зэхуэмыдэхэри къыхегъэщ щIэныгъэлIым и лэжьыгъэм. Псалъэм папщIэ: макъхъуэж «субститущэ»: *р:з*: *зэрар – зэран*; зэблэувыкIыныгъэ (метатезэ): *гув – выгу*; пыхъуэ (наращение): *бжьантIэ – жьантIэ*; ассимиляцэ, н.ж. ещхь хъуныгъэ *зысIас – жысIащ*; макъ гупыр гъэкIэщIын: *шукIэ – шужькIэ*.

БищIо Борис хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я лексикэр щиджым, псом япэ къыхигъэщащ хьэрыпыбзэм, тыркубзэм къыхэкIа лексикэ къатышхуэ абы зэрыхэтыр. Щапхъэхэр: *зейтун* «оливки, ахъуэ», *шэхьрие* «тхьэв зэпыгъэлъэлъа», *сэмэн* – хьэуазэ*; чеудар* – хьэпцIий*;* н.

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм я бзэм морфологие и лъэныкъуэкIи щхьэхуэныгъэхэр къыхегъэкI. Псом хуэмыдэу ар къыщыхощ цIэпапщIэхэм, бжыгъэцIэхэм, лэжьыгъэцIэхэм, Iэдэж псалъэхэм: *Хэтыр гъуэгум щаусауэ, е хэты**ри** мыбы къитIысхьэжа иужь мыбы щаусауэ, апхуэдэ уэрэд зытIущи.*

Куэдрэ диаспорэм я бзэм лэжьыгъэцIэм блэкIа гъэкIэщIа зэман гъэпсыкIэр мыпхуэдэу къапсэлъ: *къутэр абыми* – къутэщ абыми, *дэувхэр абыми* – дэувхэщ абыми. Мыхьэнэ хэха иIэу куэдрэ хэхэс адыгэхэм къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм къыщагъэсэбэп превербхэм я пIэкIэ нэгъуэщI превербхэр къыщапсэлъ: *МахуитI-щы тегъэкIын* (тегъэкIын – дэгъэкIын); *зыфIэигъуэр – щIыфIэигъуэр.*

Хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэм езы бзэм и псалъэ *ауэ*-м и пIэкIэ хьэрыпыбзэм къыхэкIа псалъэзэпыщIэ *Iэмэ* къапсэлъ: *Уэлэхьи, псори псос, Iэмэ, адыгэхьэр мыпхуэдэу имыкъухьауэ зэхэсыжам, нэхъыфIтэм. Бэлыхь хэту псэуа адыгэр, Iэмэ я щхьэ яхъумэжыфас.*

ЗэрыхуагъэфащэмкIэ, тыркубзэм къыхэкIа псалъэзэпыщIэ къытезыгъэзэж *не…не* псалъэухам щигъэзащIэ къалэнкIи и мыхьэнэкIи урысыбзэм хэт псалъэзэпыщIэ *ни…ни*-м похъур: *Нэ гъэпщкIуауэ, нэ щэхуу, нэ и шыпхъуу, нэ и къуэшу, нэ я хьэблэу джэгум [зыри] къакIуэркъым.*

КъызэщIэткъуэжмэ, бзэм и зыужьыныгъэм лъэпощхьэпо къыхуэхъу куэд щыIами, Хэкум пэжыжьэми, хамэ къэрал щыпсэу адыгэхэр хущIэкъуащ я бзэр, я хабзэр яхъумэн, абы ипкъ иткIэ къызэрагъэпэщащ зэгухьэныгъэхэр, организа-

цэхэр. НобэкIэ нэхъыбэу бзэр зыщIэжыр зи ныбжь хэкIуэтахэрщ, щIалэгъуалэхэм бзэр зыщIэр, шэрыуэу къэзыгъэсэбэпыр мащIэ дадэщ.

Къыхэгъэщыпхъэщ, нобэрей зэманым бзэр зэрыпхуэхъумэн, щыгъуазэ зэрызыхуэпщIын, зэрызэбгъэщIэн IэмалыщIэхэр диIэ зэрыхъуар. Дыкъэзыухъурейхь дунейм зэрызиужьам, цIыхубэ информацэм и Iэмалхэр нэхъыбэ зэрыхъуам, интернетым и зэфIэкIым бзэм и щыIэныгъэр, хъумэныр нэхъ тынш зэрищIам я фIыгъэкIэ дуней псом щикъухьа адыгэхэр зэрогъуэтыф, зэрощIэф. Абы къыщынэмыщIауэ, адыгэбзэм хуезыгъаджэ курсхэр (псалъэм папщIэ, «ТелеStudio», адыгэбзэмрэ балъкъэрыбзэмрэ хуезыгъаджэ урокхэр) интернетым щагъуэт хъуащ. Апхуэдэ проектхэр сэбэп яхуохъу адыгэбзэм щыгъуазэ зызыщIыну е и бзэр езыгъэфIэкIуэну хуейхэм.

Адыгэхэр щыпсэу хамэ къэралхэм имызакъуэу, хэкужьми, адыгэбзэр хъума зэрыхъуну бзэщIыб Iуэхугъуэ (экстралингвистический фактор) нэхъыщхьэ дыдэу щытыр унагъуэрщ, сабий садырщ, еджапIэхэрщ – ахэм псоми къалэн хэха ягъэзащIэ, бзэр хъумэнымкIэ, щIэблэщIэ къыдэкIуэтейм анэдэлъхубзэр яIурылъу къэгъэхъунымкIэ.

Къэдгъэсэбэпа фIэщыгъэцIэхэр

IупщIэIумыш – нелабиализованный;
IупщIэIуш макъхэр – лабиализованные;
Iэдэж псалъэ – служебные слова;
бзэщIыб Iуэхугъуэхэр – экстралингвистические факторы;
жьыпэу зэхуэщIа макъ дэкIуашэ – придыхательные согласные;
лъабжьэгъусэ – аффикс;
лъабжьэпэ – префикс;
лъабжьэужь – суффикс;
лъылъылъ макъ дэкIуашэ зэхэтхэр – шипящие аффрикаты;
лъылъылъ ныкъуэхэр – полушипящие;
лъыр – таблица;
лэжьыгъэцIэ – глагол;
макъзешэ зэпыша – долгие гласные;
макъхъуэж – субституция;
псалъэзэпыщIэ къытезыгъэзэж – повторяющиеся союзы;
псэлъэкIэ – говор;
текъузэ – ударение;
тхыпкъ – буква;
тхыпкъылъэ – алфавит;
фIэщыгъэцIэ – термин;
щIыпIэбзэ – диалект;
щIэфие макъ дэкIуашэ – свистящие согласные [Бижоев 2022].

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Dumézil 1965 – *Dume ́zil G.* Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse′e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE′RO. – Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. – 269 p.

Dumézil 1975 – *Dume ́zil G.* Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives. – Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. – 215 p.

Paris 1974 – *Paris C.* Systeme phonologique et phonomenes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kőyu (Tcherkesse oriental). Collection linguis-tique publie par la socie te de Lin-

guistique de Paris LXIX. – Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. – 248 p.

Абазова 2014 – *Абазова М.М.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. – 160 с.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-фа, 2000. – 272 с.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. – Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 172 с.

КЧЯ. Т. I. 2006 – *Кабардино-черкесский язык*. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. – Т. I. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – 547 с.

Кумахов 1981 – *Кумахов М.А*. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В*. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-фа, 2007. – 318 с.

Мухсин Сибаши 1986 – *Мухсин Субаши*. Прошлое и настоящее Кайсери. – Кайсери: изд-во «ОрнекКитабеви», 1986. – 250 с.

Рогава, Керашева 1966 – *Рогава Г.В., Керашева З.И*. Грамматика адыгейского языка. – Майкоп: Красн. кн. изд-во, 1966. – 463 с.

Таов 1997 – *Таов Х.Т*. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик: Ротапринт КБГУ, 1997. – 132 с.

Темирова 1993 – *Темирова Р.Х*. Язык черкесов (адыгов) Карачаево-Черкесии в контексте языка этноса // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14-19 окт. 1991г., Черкесск). – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 367-373.

Хёлиг 1993 – *Хелиг М*. Абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14-19 окт. 1991г., Черкесск). – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 358-366.

ЦIагъуэ 1928 – *ЦIагъуэ Н*. Адыгэ тхыбзэм и тхыдэ // Опыт работы культурно-просветительских учреждений КБАО, сб. №2, Нальчик, 1928, стр. 41.

Чемсо 1993 – *Чемсо Г.К*. Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам международной научной конференции. 14-19 окт. 1991 г., Черкесск). – Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. – С. 280-292.

REFERENCES

DUME′ZIL G. *Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE'RO* [Anatolian documents on Caucasian languages III. PARIS INSTUT D'ETHNOLOGIE muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, PLACE DU TROCADE ′ RO]. – Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. – 269 p. (In French).

DUME′ZIL G. *Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives* [The verb oubykh: descriptive and comparative studies]. – Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. – 215 r. (In French).

PARIS C. *Systeme phonologique et phonomenes phonétiques dans le parler Besney de Zennun kőyu (Tcherkesse oriental)* [Phonological system and phonetic phonomenes in the Besney of Zennun kőyu (Eastern Cherkesse)]. Collection linguis-tique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. – Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. – 248 p. (In French).

ABAZOVA M.M. *Rech' kabardino-cherkesskoi diaspory v Turtsii* [Speech of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2014. – 160 s. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Rech' kabardino-cherkesskoi diaspory v Sirii, Iordanii, Turtsii* [Speech of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. In: Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura. – Nal'chik: El'-fa, 2000. – 272 s. (In Russ.).

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskii i kabardino-cherkessko-russkii slovari lingvisticheskikh terminov* [Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian dictionaries of linguistic terms]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2022. – 172 s. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis [Kabardino-Circassian language. Writing, phonetics and phonology, morphology, syntax]. – T. I. – Nal'chik: El'-fa, 2006. – 547 s. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical phonetics of Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1981. – 288 s. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspory* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nal'chik: El'-fa, 2007. – 318 s. (In Russ.).

MUKHSIN SUBASHI. *Proshloe i nastoyashchee Kaiseri* [Kayseri Past and Present]. – Kaiseri: izd-vo «OrnekKitabevi», 1986. – 250 s. (In Turkish).

ROGAVA G.V., KERASHEVA Z.I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [Grammar of the Adyghe language]. – Maikop: Krasn. kn. izd-vo, 1966. – 463 s. (In Russ.).

TAOV KH.T. *Problemy kabardino-cherkesskoi dialektologii* [Problems of Kabardino-Circassian dialectology]. – Nal'chik: Rotaprint KBGU, 1997. – 132 s. (In Russ.).

TEMIROVA R.KH. *Yazyk cherkesov (adygov) Karachaevo-Cherkesii v kontekste yazyka etnosa* [The language of the Circassians (Adyghs) of Karachay-Cherkessia in the context of the language of the ethnos]. In: Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya (po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 14-19 okt. 1991g., Cherkessk). – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993. – S. 367-373. (In Russ.).

KHELIG M. *Abadzekhskii dialekt cherkesskoi diaspory v Turtsii* [Abadzeh dialect of Circassian diaspora in Turkey]. In: Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya (po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 14-19 okt. 1991g., Cherkessk). – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993. – S. 358-366. (In Russ.).

TSIAG"UE N. *Adyge tkhybzem i tkhyde* [History of Kabardian]. In: Opyt raboty kul'turno-prosvetitel'skikh uchrezhdenii KBAO, sb. №2, Nal'chik, 1928, str. 41. (In Kabardino-Circassian).

CHEMSO G.K. *Nekotorye etnokul'turnye osobennosti adygov, prozhivayushchikh v Izraile* [Some ethnocultural features of the Adyghs living in Israel]. In: Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya (po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 14-19 okt. 1991 g., Cherkessk). – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993. – S. 280-292. (In Russ.).

Авторым теухуауэ
М.М. Абазэ – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.
Information about the author
M.M. Abazova – Candidate of Science (Philology).
Информация об авторе
М.М. Абазова – кандидат филологических наук.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 25.01.2023 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 20.02.2023 гъ.; къытрадзэнущ 15.03.2023 гъ.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

Научная статья
УДК 811.512.123:398.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-307-323
EDN: LKGGMP

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА КАРА-НОГАЙЦЕВ Г. МИХАЙЛОВСК СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИУ СГПИ 2023 Г.)

Артем Сергеевич Гончаров[1], **Олеся Сергеевна Макарова**[2], **Инна Игоревна Лизенко**[3]

[12] Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия.

[1] raven-moon-34999@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3244-8155

[2] o-ss@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3914-9385

[3] Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, lii75@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6711-9298

Аннотация. В статье исследованы модели лексики и семантики на примере фольклора и речевого творчества кара-ногайцев г. Михайловска (Ставропольский край). Рассмотрены такие источники по языку и культуре ногайцев, как: героический эпос, устная народная традиция и письменные документы. Практическим материалом статьи являются результаты экспедиции, проходившей в 2023 г. Охарактеризованы сведения местного периодического издания «Михайловские вести» и информационного агентства «Казачье единство». Выявлено, что лингвокультура кара-ногайцев Ставропольского края в современности является неизученной, что и обуславливает интерес к данному субэтносу. Языковые черты общины кара-ногайцев жилищного комплекса «Адмирал» г. Михайловска значительно отличаются от астраханской и черкесской групп, получивших более широкое распространение на территории Северо-Кавказского федерального округа. Сделан вывод, что языковой синтез говоров ногайцев и карагашей привел к формированию общности кара-ногайского диалекта ногайского языка с лексикой казахского и каракалпакского языков, а заимствования из арабского, персидского и русского языков вызвали семантический сдвиг, отчетливо прослеживающийся на примере значительной части культурных и социально-бытовых концептов. Сделан вывод о том, что морфологически кара-ногайский диалект агглютинативен, части речи разделяются на имена, глаголы и служебные части речи; семантика диалекта свидетельствует о крайней закрытости общества кара-ногайцев, разработавших свою модель мира и особенности герменевтики природных, социальных и культурных процессов в рамках жизнедеятельности, речевого творчества и реализации песенных традиций, поговорок, загадок.

Ключевые слова: кара-ногайцы, Эдиге, Тенгри, диалект, говор, фольклор, речевое творчество.

Для цитирования: Гончаров А.С., Макарова О.С., Лизенко И.И. Лексико-семантические особенности говора кара-ногайцев г. Михайловск Ставропольского края (по материалам лингвистической экспедиции НИУ СГПИ 2023 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 307-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-307-323. EDN: LKGGMP.

© Гончаров А.С., Макарова О.С., Лизенко И.И., 2023

Original article

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF KARA-NOGAIS TALK OF THE MIKHAILOVSK CITY, STAVROPOL TERRITORY (BY THE LINGUISTIC EXPEDITION MATERIALS OF NRU SSPI 2023)

Artyom S. Goncharov[1], **Olesya S. Makarova**[2], **Inna I. Lizenko**[3]
[12] Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia.
[1] raven-moon-34999@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3244-8155
[2] o-ss@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3914-9385
[3] North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, lii75@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6711-9298

Abstract. The article explores the models of vocabulary and semantics based on the example of folklore and speech creativity of the Kara-Nogais of Mikhailovsk (Stavropol Territory). Such sources on the language and culture of the Nogais as heroic epic, oral folk tradition and written documents are considered. The practical material of the article resulting in the expedition, which occurred in 2023. The information of the local periodical «Mikhailovskiye vesti» and the information agency «Cossack unity» is characterized. It's revealed that the linguistic culture of the Kara-Nogais of the Stavropol Territory in modern times is unexplored, which causes interest in this subethnos. The language features of the Kara-Nogais community of the residential complex «Admiral» in Mikhailovsk differ significantly from the Astrakhan and Circassian groups, which are more widespread in the North Caucasus Federal District. It is concluded that the linguistic synthesis of the Nogais and Karagash dialects led to the formation of a commonality of the Kara-Nogais dialect of the Nogais language with the vocabulary of the Kazakh and Karakalpak languages, and borrowings from Arabic, Persian and Russian languages caused a semantic shift, clearly seen in the example of a significant part of the cultural and social household concepts. It is concluded that morphologically, the Kara-Nogais dialect is agglutinative, parts of speech are divided into names, verbs and auxiliary parts of speech; the semantics of the dialect testifies to the extreme closeness of the society of the Kara-Nogais, who developed their own model of the world and the peculiarities of the hermeneutics of natural, social and cultural processes in the framework of life, speech creativity and performance of singing traditions, sayings, riddles.

Keywords: Kara-Nogais, Edige, Tengri, dialect, subdialect, folklore, speech creativity.

For citation: Goncharov A.S., Makarova O.S., Lizenko I.I. Lexico-semantic features of Kara-Nogais talk of the Mikhailovsk city, Stavropol Territory (by the linguistic expedition materials of NRU SSPI 2023). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 307-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-307-323. EDN: LKGGMP.

© Goncharov A.S., Makarova O.S., Lizenko I.I. 2023

Введение

Проблема исследования языка кара-ногайцев, расселившихся на территории Ставрополья (Астраханской губернии, Кавказского наместничества) была широко освещена в рамках диахронического подхода, к ней в равной степени обращались историки, лингвисты и фольклористы. Несмотря на то, что местные исследователи собрали и систематизировали минимальный банк данных по ногайской лексике и обобщили содержание фольклора, уникальные языковые

особенности и черты по-прежнему рассматриваются в рамках воздействия культурных концептов Нартиады или арабо-исламского мира, что приводит к искаженному пониманию сущности народной этиологии, которая, на наш взгляд, занимает важнейшее место при анализе ногайских говоров.

Актуальность темы заключается в необходимости более детального изучения лексики, устной народной традиции и некоторых аспектов живой речи кара-ногайцев Ставропольского края на примере отдельно взятых общин. Особый интерес представляют семьи, проживающие в г. Михайловске (жилищный комплекс «Адмирал»), как наиболее значимая, с исследовательской точки зрения, языковая группа.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования как отдельно взятых аспектов работы при разработке методик изучения кара-ногайского диалекта ногайского языка, так и при рассмотрении языкового материала всей экспедиции в целом. Результаты исследования можно использовать в качестве теоретической базы изучения семиотического пространства кара-ногайцев, при создании условий для благоприятного интеркультурного взаимодействия в масштабе СКФО. Методическая сторона исследования заключается в воспитательном потенциале применения собранных сведений на уроках по «Литературе», «Родной речи» и «Истории в общеобразовательной (региональной) школе, а также в контексте изучения ряда тем по языковым дисциплинам в высших учебных заведениях.

Научная новизна работы обусловлена частным изучением языковых особенностей, говора, лексики, семантики, общего анализа фонологии кара-ногайцев Ставропольского края посредством изучения материалов устных источников, фольклора и архивных сведений. Впервые обращаясь к исследованию кара-ногайского говора михайловской общины, мы исходим из представления о синтетическом характере языкового пространства ногайцев, которое представлено потомками носителей лингвокультурных ценностей начала XIX – XX вв.

Цели статьи. Целью исследования являлся комплексный анализ языковых данных носителей кара-ногайского говора михайловской общины (жилого комплекса «Адмирал») Ставропольского края.

В *задачи* исследования входило: 1) определение лексической структуры, выразительности и изобразительности ногайского языка; 2) анализ лексико-семантических особенностей кара-ногайского говора михайловской общины; 3) систематизация устойчивого фонда языковых данных; 4) перевод иноязычного пласта – арабо-персидских и зихских (черкесских) заимствований; 6) характеристика письменного языка, устной народной традиции и живой речи информантов.

Эмпирическая база исследования состояла из четырех типов источников. К первому относились собственно полевые материалы экспедиции, раскрывающие особенности лексики и семантики. Второй тип источников был представлен героическим эпосом Эдиге и ногайской мифологией в целом. Третий тип включал в себя устную народную традицию, ногайские песни, поговорки, загадки. Четвертый тип, письменные источники, включал в себя два вида – данные местного периодического издания «Михайловские вести» и сборник этно-

графических материалов о кара-ногайцах, предоставленный информационным агентством «Казачье единство».

С целью выявления языковых особенностей, норм диалекта, говора и речетворчества кара-ногайцев, был проведен опрос среди 157 информантов (52 семей), в котором приняли участие преимущественно носители языка. Лингвистическая экспедиция проходила в два этапа, с 3 ноября по 23 декабря 2022 г. и с 3 по 21 января 2023 г.

В состав экспедиции входили представители НИУ СГПИ: Гончаров Артем Сергеевич, лаборант-исследователь, Макарова Олеся Сергеевна, доцент и Лизенко Инна Игоревна, доцент. Материальную поддержку в организации и проведении экспедиции оказала администрация Шпаковского муниципального округа Ставропольского края.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются устные источники и данные фольклора, записанные в г. Михайловске, данные местной периодики и информационного агентства «Казачье единство». Помимо этого, для понимания ключевых особенностей и основополагающих принципов функционирования кара-ногайского говора михайловской общины, мы обратились к классическим работам в данной области. Так, исследование С.Ш. Гаджиевой «Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв.» раскрывает синергию традиционного образа жизни ногайского этноса и формы проникновения ментальности и сообразности быта в языковое пространство [Гаджиева 1976]. Фундаментальная работа И.Х. Калмыкова «Ногайцы» содержит полезные методологические сведения и устойчивый фонд ногайских слов и выражений второй половины XX в. [Калмыков 1988]. То же можно сказать по поводу методических разработок И.С. Капаева, собравшего и систематизировавшего эпические произведения и фольклор ногайцев в работе «Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря» [Капаев 2012]. Наконец, труд Р.Х. Керейтова «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры», который в рамках диахронического подхода дополняет и углубляет герменевтику народного речетворчества ногайцев, представляет ценность еще и с позиции изучения заимствований в кара-ногайском говоре михайловской общины [Керейтов 2009].

При проведении лингвистической экспедиции был использован комплекс философских, лингвистических, исторических и социологических методов в рамках диахронического подхода. Общенаучные (философские) методы: анализ и синтез данных, описательный метод, сравнительный метод, дедуктивный метод, индуктивный метод. Лингвистические: метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод, метод извлечения лингвистических данных, полевой метод А.Е. Кибрика. Специально-исторические: метод диахронического анализа, сравнительно-исторический метод, историко-типологический метод, ретроспективный метод. Методы исторической антропологии: номотетический метод, идиографический метод, абдуктивный метод, метод индексов. Социологические: анализ документов, опрос, интервьюирование.

Характеристика кара-ногайского говора михайловской общины

Город Михайловск (село Михайловское) исторически был центром этнокультурной коммуникации казачества, кавказских горцев и номадических общностей Кавказа. С момента своего основания в 1784 г. иногородние крестьяне, переселенцы из слободы Михайловской (Курская губерния) налаживали торговые связи с ногайцами, а после перевода жителей села в казачье сословие большая их часть стала заключать выгодные браки с представителями ногайской знати. Это были, главным образом, зажиточные казаки. Село Михайловское ощутило давление коллективизации в 1919-1920 гг., когда этнические границы между русскими казаками, бывшими крестьянами, и ногайцами искусственно размывались средствами политпропаганды, но, несмотря на складывавшуюся тенденцию, последние смогли сохранить свою идентичность. Пожалуй, даже экзоним «советский народ» не прижился в ногайской среде, о чем свидетельствуют миграционные потоки 60-х гг. XX в. Наиболее консервативная составляющая ногайского общества предпочла покинуть Ставропольский край, где проживали *ачикулакские ногайцы*, и обосноваться в дагестанских аулах, населенных *кара-ногайцами*. На сегодняшний день этническое ядро караногайцев преобладает в Дагестанской республике, тогда как в Ставропольском крае кара-ногайцы населяют г. Михайловск и еще несколько поселков городского типа, они ведут закрытый в культурном смысле образ жизни и много внимания уделяют традиционному воспитанию детей. В частности, группа информантов экспедиции, состоящая из 52 семей, проживающих в жилищном комплексе «Адмирал» (ранее – «Вилла Нова») [Казачье единство 2022], отличается крайней изолированностью, что, с лингвистического эмпиризма, раскрывает перспективу объективного изучения особенностей лексики и семантики кара-ногайского говора михайловской общины.

Кара-ногайцы Ставропольского края – потомки ногайцев (*ногай тили*), нахско-дагестанских этносов и карагашей, являющихся подгруппой астраханских татар. Современные астраханские карагаши говорят на собственном языке, в письменной речи пользуются либо ногайским, либо русским языками.

Кара-ногайцы используют исключительно ногайский язык, имеющий, однако, множество заимствований из *карагашского*, *казахского* и *арабского*. Исповедуют, как правило, ислам суннитского толка. В современности караногайцы Ставропольского края продолжают развивать традиционные промыслы, в повседневной жизни занимаются овцеводством, коневодством, разведением гусей, от которых получают пух и жир для производства пухо-перовых, канцелярских изделий. Заимствованными подсобными промыслами являются пчеловодство и огородничество. Согласно результатам экспедиции, у караногайцев г. Михайловска распространены рыболовство и верблюдоводство, существующая меновая система позволяет обмениваться различными натуральными продуктами, тканями с помощью классического и смешанного видов бартера. Данный факт говорит о крайней консервативности общности караногайцев, поскольку те же особенности ведения хозяйства отмечала С.Ш. Гаджиева в своей работе «Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв.» [Гаджиева 1976: 6].

По результатам опроса информационной группы, можно сказать, что местные жители разделяют культурные концепты ислама, но сами исповедуют народную религию *Тенгри* – разновидность шаманизма, заключающуюся в поклонении небесным духам *седяям* и природным явлениям [Эдиге 2016]. То же прослеживается в содержании местной периодики [Михайловские вести 2023 16 января].

Так как кара-ногайский диалект ногайского языка принадлежит в большей степени ногайскому языку, то в своей основе диалектические особенности относится к кыпчакско-ногайской подгруппе северо-западной группы тюркских языков. Кара-ногайский диалект распространен преимущественно в Республике Дагестан, тогда как в Ставропольском крае ногайцы говорят на относительно чистом ногайском языке, сформировавшемся в период после распада Ногайской Орды. Не считая этих двух диалектов, этнолингвисты выделяют **акногайский** (КЧР), **добруджский** и группу **крымских диалектов**, где особое место занимает крымский караногайский, близкий к говорам **алабугатских татар** [Гаджиева 1976: 9].

По поводу ногайской письменности важно отметить, что вплоть до 1928 г. она разрабатывалась на основе арабского языка, и только с 1938 г. ногайцы стали использовать **кириллицу** (с 1928 по 1938 гг. ногайский алфавит был представлен **латиницей**). В период искусственного распространения арабского алфавита ногайцы изобрели восемь дополнительных знаков, позволявших смягчать сонорные звуки (پ, ۋ, ڤ, ڭ) и правильно передавать озвучивание (گ, ژ, چ, ڼ) специфических знаков ногайского и карагашского языков [Калмыков 1988].

На **I Вседагестанской орфографической конференции** (1931 г.) решением именитых лингвистов, специалистов в области тюркских языков, в ногайский алфавит было добавлено шесть букв. **C c**, **F f**, **H h**, **Ƶ ƶ** стали использоваться для обозначения специфических звуков в словах парного и общего родов, а буквы **Ӆ ӆ**, **X x** употреблялись в аксиологических и религиозных концептах с коннотативной семантикой, а также вместе с ранними арабизмами. **II Вседагестанская орфографическая конференция** (1933 г.) решила добавить в алфавит букву **S s** для простоты употребления звука /ц/ в русскоязычных заимствованиях. Впоследствии Черкесский ОК ВКП(б) предлагал исключить из алфавита буквы **Ç ç**, **Ə ə**, **H h**, **Ӆ ӆ** заменив их на англоязычные аналоги, ввести букву **W w** и адаптировать озвучание **J j** (в начале слова) и **Z z** (в остальных случаях). Но это предложение, к счастью, не было принято, и ногайский язык сохранил свои неповторимые морфопоэтические и фонетические особенности [Капаев 2012].

Полноценный алфавит на латинице имел **31 букву**. В таблице 1 представлена последняя редакция ногайского алфавита на латинице с учетом всех официально принятых в СССР постановлений центральных исполнительных комитетов этнических республик:

Таблица 1

Ногайский алфавит (латиница, 1933 г.) / Ногайский язык[1].

A a	B в	C c	D d
E e	F f	G g	**Ƣ ƣ**
I i	J j	K k	L l
M m	N n	**Ꞑ ꞑ**	O o
Ө ө	P p	Q q	R r
S s	**Ş ş**	**Ƨ ƨ**	T t
U u	V v	X x	Y y
Z z	**Ƶ ƶ**	**Ь ь**	

В 1937 г. вышло постановления ЦИКа Дагестанской АССР *«О переводе письменности дагестанских народов на русскую графику»*, согласно которому ногайский алфавит на латинице необходимо было переделать под кириллицу. Первый вариант нового алфавита был предложен в следующем году, он содержал все буквы русского алфавита (исключая **Ё ё**) и диграфы **Гъ гъ**, **Къ къ**, **Нъ нъ** для обозначения специфических звуков. Специфические звуки /ö/ и /ÿ/ ногайского алфавита были заменены на /ё/ и /у/. В комментариях ко второй редакции алфавита 1937 г. для обозначения звуков /ö/ и /ÿ/ использовались буквы **о**, **у**; в конце слова или словосочетания добавлялся мягкий знак /бöл/ → /боль/, /кÿн/ → /кунь/. В конце года вышла третья редакция, где вводились диграфы **оь** и **уь**. Последняя, четвертая редакция ногайского алфавита на кириллице вышла в 1960 г., в него добавлялись буквы **аь**, **ё** [Капаев 2012].

В результате ногайский алфавит – *Ногай литературъ тилдинъ* – принял свой современный вид. В таблице 2 представлена последняя редакция ногайского алфавита на кириллице, состоявшего из **37 букв**:

Таблица 2

Ногайский алфавит (латиница, 1960 г.) / Ногайский язык[2].

А а	**Аь аь**	Б б	В в
Г г	Д д	Е е	Ё ё
Ж ж	З з	И и	Й й
К к	Л л	М м	Н н
Нъ нъ	О о	**Оь оь**	П п
Р р	С с	Т т	У у
Уь уь	Ф ф	Х х	Ц ц
Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ
Ы ы	Ь ь	Э э	Ю ю
Я я			

Как видно из таблицы 2, буквы **аь**, **нъ**, **оь**, **уь**, используемые для правильного произношения специфических звуков, более верно по сравнению с фоно-

[1] «Малые языки России» – Проект Института Языкознания РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/nogayskiy-yazyk (дата обращения: 19.01.2023)
[2] «Малые языки России» – Проект Института Языкознания РАН. URL: https://minlang.iling-ran.ru/lang/nogayskiy-yazyk (дата обращения: 19.01.2023)

логической составляющей алфавита 1933 г., передают характер звукоподражания и фонетическую интенцию (письменной) речи [Капаев 2012].

Данный фактор чрезвычайно важен при изучении диалектов и говоров ногайского языка, так как лексический сдвиг в лингвокультуре малых этносов чаще всего бывает вызван синергией местного говорения и потребности в лексическом обособлении у представителей локуса, исходя из их взаимодействия с крупными этнокультурными общностями региона (при этноразделительных процессах) и отдельно взятого района (при этнообъединительных процессах) на уровне языка.

Модель фонологии и морфологии

Анализируя лексическую составляющую *кара-ногайского говора михайловской общины*, необходимо, прежде всего, рассмотреть принципы звукопорождения и звукоподражания, а также морфологическую систему. Это поможет раскрыть контекстуальные особенности функционирования диалекта и говора.

В таблице 3 представлена фонология ногайского языка с учетом изучаемого нами говора:

Таблица 3

Фонология ногайского языка

ГЛАСНЫЕ					
	Переднеязычные			Заднеязычные	
верхнеязычные	i, y			ɯ, u	
среднеязычные	E			O	
нижнеязычные	æ, œ			A	
СОГЛАСНЫЕ					
	лабиальные	альвеолярные	Палатальные	велярные	увулярные
плозивы	p, b	t, d		k, g	q
фрикативы	f, v	s, z	ʃ, ʒ		χ, ʁ
аффрикаты		Ts	tʃ, dʒ		
носовые	m	N		ŋ	
ликвиды		l, r			
аппроксиманты	w		J		

Все части речи в языке принято подразделять на три группы:

1) имена существительные, местоимения, числительные, прилагательные, наречия, междометия;

2) глаголы;

3) служебные части речи.

Местоимения, как и в русском языке, различаются по трем формам лиц и двум формам чисел.

Числительные от одного до десяти имеют уникальное словообразование, начиная с одиннадцати алломорфика числительных повторяется десятичным способом, с добавлением суффиксов и аффиксов –бир–, –ма–, –ыз–, –ырк–, –и–, –ыс–, –ис– и т.д. (см. табл. 4).

Таблица 4

Числительные ногайского языка

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
сифр	*бир*	*эки*	*уьш*	*доьрт*	*бес*	*алты*	*ети*	*сегиз*	*тогыз*	*он*	*он бир*
		20	30	40	50	60	70	80	90	100	1000
		йырма	*отыз*	*кырк*	*кырк*	*алпыс*	*етпис*	*сексен*	*токсан*	*юз*	*мынъ*

В кара-ногайском диалекте ногайского языка имя существительное обладает категориями **падежа-парадигмы**, **принадлежности** и **числа**. **Единственное число** преобразуется во **множественное** с помощью аффиксов –лар– и –лер–, а также их языковых вариантов –нар– и –нер–. Различают **собственные** и **назывные** имена существительные. Прилагательные подразделяются на **качественные** и **относительные**. Глагол имеет **наклонение**, **время** и **залог** [Керейтов 2009].

Отрицание оформляется аффиксами –ма–, –ме–, –ба–, –бе–, –па–, –пе–. В качестве примера можно привести повседневное сокращенное выражение «нельзя брать», которое обычно используется при обращении к младшим детям: «*Ал ма*» (*ал* – «брать» и *ма* – частица «не»).

В ногайском языке три времени: **прошедшее**, **недавнее** (будущее-настоящее) и ближайшее (**настоящее-будущее**), употребляемое в рамках утилитарной перспективы (как такового, настоящего времени в ногайском языке нет, а ближайшее время частично напоминает по своим морфологическим особенностям будущее время в изъявительном наклонении с целью планирования в русском языке, – прим. А.С.).

Прошедшее время выражается формой –ды– или –ди– с усеченными аффиксами лица при их определении: «*Бар ды мъ*» («Я пошел»). **Прошедшее определенное время** встречается чаще всего (что видно как на примере фольклора, так и исходя из анализа живой речи).

Вторая форма на –ган– и –ген– с аффиксами лица полной формы образует **неопределенное время**. Например, когда коммуникатор говорит «я ходил» в значении «тогда» / «в это время», на ногайском это звучит так: «*Бар ган мынъ*» (для сравнения в дальнейшем мы будем использовать ту же конструкцию).

Давно-прошедшее время образуется с помощью формы на –кан– и –кен– со вспомогательным глаголом на –э– (т.е., «быть») с усеченными аффиксами: «*Бар ган э ди мъ*» («[Но] я уже сходил»). Морфологически глагол «ходить» в ногайском языке напоминает устаревшее русское «захаживать» [Керейтов 2009].

Прошедшее заглазное время образуется с той же формой –кан– и –кен–, либо –ган– и –ген–, вспомогательного глагола –э– с полными аффиксами: «*Бар ган э кен мынъ*» («Я-то ходил», «Я, вероятно, ходил»). Редко используется в живой речи прошедшее время с наличным результатом [Керейтов 2009].

Недавнее время представлено деепричастием на –а–, –е–, –и–, –й– (основного глагола) и аффиксов полной формы. Например, когда человек хочет сообщить реципиенту о том, что он буквально только что пришел из какого-то

места, он скажет: «*Бар а мынь*» («Я проходил» / «Я прогулялся» в значении «Я только что сходил»); во втором лице мы видим то же: «*Бар а сынь*» («Ты прогулялся») [Капаев 2012].

Ближайшее время имеет две формы. Первая на –ар–, –ер–, –р– с полными аффиксами образует некое подобие будущего неопределенного времени, если сравнивать с русским языком: «*Бер а мынь*» («Схожу» / «Ну, пойду). Вторая форма на –аяк–, –як– ейэк–, –йэк– с полными аффиксами образует ближайшее или будущее определенное время: «*Бар аяк пынь*» («Я должен идти»); «*Бар йэк пынь*» («Мне надо сходить») [Капаев 2012].

Приведем примеры из живой речи.

Абишева Н.: *«Бер а мынь кутылганда, туъкенге барарым»* («Схожу в магазин, когда закончится дождь»).

Так изменится категория долженствования в зависимости от интенции автора – прямого или косвенного намерения:

Сеитова Ш.: *«Юмада мен йоклав тийислим атайде»* / *«Юмада мен атайга бармага кереким»* («В пятницу я должен навестить дедушку»).

Модель лексики и семантики

Лексика кара-ногайцев самобытна и, относительно ногайского языка Ставропольского края, уникальна. Следуя этнографической традиции постнеклассической школы, мы включили основные составляющие модели лексики и семантики в две группы: a) материальная, социально-бытовая и вещественная лексика; b) лексика духовной (светской, религиозной) и художественной культуры [ПМА 2023/1: 1].

Лексика кара-ногайцев совмещает в себе признаки **материальной и духовной культур**, включая в себя некоторые подгруппы, лексико-семантические ядра наиболее распространенных и часто употребляемых слов и концептов: 1) названия небольших построек и передвижных жилищ; 2) фитонимы; 3) названия предметов интерьера, домашней утвари; 4) названия кухонной утвари; 5) названия простейших видов оружия и инструментов; 6) названия средств конной езды; 7) названия верхней и нижней одежды; 8) названия головных уборов; 9) названия обуви и ее составных элементов; 10) названия ювелирных изделий; 11) названия вспомогательных материалов ткацкого дела [ПМА 2023/1: 95].

Рассмотрим каждую подгруппу более подробно, ссылаясь на примеры из живой речи кара-ногайцев.

1. Названия небольших построек и **передвижных жилищ**, **хозяйственных сооружений** были актуализированы в повседневной речи ногайцев ордынской эпохи и, с тех пор, весь лексический пласт данных слов разделился на названия постоянных – комплексных жилых помещений и разного рода временных жилищ, ногайских юрт и хат карагашей [Михайловские вести 2022 29 декабря].

Временные жилища и **хозяйственные пристройки** кара-ногайцев до сих пор распространены и являются неотъемлемой частью их повседневной жизни. Вот некоторые концепты, входящие в обиход речи кара-ногайцев: «*амамъ*» («баня»); «*амъбар*» («амбар»); «*аран*» («загон для скота»); «*ат котан*» («ко-

нюшня»); «*котан*» (досл. «хозяйская постройка», обычно употреб. при обозначении загона для скота или выгонного места, пастбища); «*бавшыдынъ косы*» (общеупотреб. «шалаш огородника», или – карагаш. «шалаш садовода»); «*балгос*» (досл. «жилище пчел», т.е., «пасека»); «*бежен*» («сапетка»); «*инда*» («ток»); «*какыра*» («навес»); «*кедеш*» («курятник»); «*кой кос*» («стан овец»); «*котан-корамта*» («*надворные постройки*»); «*сыйыр котан*» («коровник»); «*темируый*» («кузница»); «*термен*» («мельница»); «*туькен*» («магазин»); «*шалаш*» (рус. заим., ног. «военный лагерь», карагаш. «палатка»); «*ындыр*» («гумно»); «*юрта*» («летнее жилье», традиционное передвижное жилище номадических этносов турецкой языковой семьи, в современности – небольшое поселение с преобладанием животноводства и ткацкого дела) [ПМА 2023/1: 2].

В лексике данного пласта присутствуют собственно ногайские концепты («*ат котан*», «*темируый*», «*юрта*»), явные заимствования из турецкого (*амбар*), русского (*шалаш*) и некоторых языков народов Северного Кавказа (*кой кос*). Приведем нарратив одного из информантов, описывающий строение юрты в традиционном понимании ногайцев [ПМА 2023/1: 3].

Евлоев С.: *«Бизим терме уьймиз – бек ярасык був ерде: юван арканлар стальдан этилинген шагыласув яркырагын куьнлерге, а шанырак йибереде куьн коьзининъ савлелерин алысга»* («Наша юрта – самая красивая в округé: канаты из стали переливаются в солнечные дни, а шанырак посылает лучи на несколько метров») [ПМА 2023/1: 4].

2. Фитонимы – слова, обозначающие продукты питания, готовые к употреблению полуфабрикаты и комплексную пищу, национальные блюда. В лексике кара-ногайского говора михайловской общины наиболее часто встречаются фитонимы шести групп: напитки, молочные блюда, мясные блюда, супы и бульоны, мучные изделия и наименования зерновых культур [Михайловские вести 2023 16 декабря]. Рассмотрим каждую группу.

Популярные в общине **напитки**: «*айран*» (тюрк. «airan» – молочный напиток с сахаром и лимоном, ист. – кислое молоко, которое обычно разбавляют водой и используют в качестве маринада); «*боьза*» – «*буза*»; «*кымыз*» – «кумыс»; «*морьжн*» (охлажденный напиток); «*пёхта*», «*пахта*» (фин. pyöhtää – обезжиренные сливки); «*сакир*» (цитрусовый сок); «*сербет*» («щербет»); «*сербет-сув*» («сладкая вода», также: «глюкоза», любой сладкий газированный напиток); «*соьл*» («сок»); «*харбыз*» или «*арбыз*» (от кыпчак. χarbuz – «арбуз», напиток из сока арбуза); «*шай*» («чай»); «*шубат*» (напиток, который изготавливают из верблюжьего молока) [ПМА 2023/1: 5].

Тома Я.: *«Шай эм шубат – энъ яхшы сувсынлар общинада, оларман ярайде йылытпага кевде»* («Лучшие напитки в общине – чай и шубат, ими можно и согреть тело, и охладиться в жаркую погоду») [ПМА 2023/1: 5].

Популярная **молочная продукция**: «*айав*» («маслице» – растительное масло); «*иримшик*» («творог» в значении полуфабриката); «*йувырт*» («кислое молоко»); «каймака» («сметана»); «*коьрт*» («творог» в значении готовой продукции, какого-либо творожного изделия без лишних веществ); «*майав*» («масло» – сливочное масло); «*пысалак(а)*» («сыр»); «*ывырша*» (ср.-ног. «кислое мо-

локо» – молоко (реже соус) с чесноком и жгучими приправами, например, с черным перцем, заготавливаемое на зиму) [ПМА 2023/1: 6].

Хубиев Р.: *«Шхушыпсдей, ивырша писируьледе суьттен эм сарымсакман эм куьйдиргши татымлыклакларман»* («Как и шхушыпс, ивырша готовится из молока с чесноком и жгучими приправами. Мы добавляем черный перец, имбирь, душицу, соль. Кому как по вкусу») [ПМА 2023/1: 6].

Бульоны, **супы**, **1-ые блюда**: «*лакса*» («лапша»); «*галжа*» («куриный бульон», который подают новорожденному ребенку); «*зоьрпа*» («шурпа»); «*коьлжа*» («куриный бульон», с кусочками мяса); «*лавма*» (диал. «лапша»); «*лакса*» («макароны»); «*набат*» («рагу», разг. «похлебка); «*савма*» («лапша»); «*ува*» (похлебка, аналогич. «*затируха*»); «*увмоьша*» («похлебка», с кусочками теста); «*уьйре*» («крупяной суп»); «*уь*» («бульон», семантически слово схоже с южнорус. фразеологизмом «*юшь*») [ПМА 2023/1: 7].

Мясные блюда: «*акасы*» («колбаса», конское мясо); «*кувардак*» («жареное мясо»); «*куьрлеме*» («запеченный ягненок»); «*кыак эфт*» («вяленое мясо»); «*кыйма*» («домашняя колбаса»); «*магарыч*» (араб. مخارج [maḫāriğ] – «издержки», позитивный коннотат – «дар», ист. угощение по поводу выгодной сделки); «*сислик*» («шашлык»); «*соькта*» («печень» – запеченная составная колбаса из печени курдючного барана с рисом и жиром); «*урь*» («ломтик мяса»); «*эфт*» («мясо» в сыром виде) [ПМА 2023/1: 8].

Распространенные **мучные изделия**: «*атук*» («кукурузные лепешки»); «*бавырсак*» («жареные лепешки», готовятся из кислого теста); «*калакай*» («лепешка»); «*катлама*» («слойка»); «*куйма*» («лепешка»); «*локымы*» («*локум*»); «*млины*» (укр., запорожск. «*млинець*» – «блин»); «*оьтпек*» («*хлеб*»); «*хадчин*», «*хычын*» (карач.-балк. «*хычин*» – традиционное карачаевское блюдо); «*шырлама*» («оладьи») [ПМА 2023/1: 9].

В целом, фитонимы кара-ногайского говора михайловской общины лучше всего передают его уникальную лексическую целостность, особенно это выражается в параллелизме синонимов («*айран*» – напиток и маринад, «*набат*» – рагу и похлебка), взаимосвязи нейтральной, художественной и бытовой типов лексики («*коьрт*», «*пысалак*», «*магарыч*») в живой речи. Приведем пример из описания жительницы общины [ПМА 2023/1: 9].

Булгарова П.: *«Биз косамиз кара бурыш, ымбир, йиклик. Кимге калай даьмле. Суйген ас общинада – кызартып писируьвлеген кой бавыр эм соган. Бавыр шайкавладе агып туратаган сувдан эм кептирилуьвде, солайде соган. Оннан сонъ кесуьвледе юка кесеклерге, алдын кызартып писируьвден косыладе тимьян. Ас эткен заманда пайданадув каймактан писилген май, ун, кара тарттырув бурыш. Татымлаклар кебинде адетше ийги яравлы болув горчиц»* («Любимое блюдо в общине – запеченная баранья печень с луком. Печень промывается под проточной водой и сушится, также лук. Затем печень нарезается тонкими полосками, перед запеканием добавляется тимьян. В процессе готовки используется сливочное масло, мука, черный молотый перец. В качестве приправы обычно хорошо подходит горчица») [ПМА 2023/1: 10-11].

Особенности говора кара-ногайцев индексируются в **пословицах**, **поговорках** и **загадках** о зерновых культурах («*аслыклар*»), причем, загадки, зани-

мающие центральное место в фольклоре, также являются маркерами народной философии, описывающей происхождение человека и его социальное развитие. В общине кара-ногайцев популярны такие элементы фольклора: «*Эрте-эрте заманда, бийдай бузга биткен заманда…*» (фольк.: «Однажды давным-давно, когда даже пшеница росла на снегу…»); «*Алтын куьмис отас экен, арпа-бийдай ас экен*» (посл.: «Злато, серебро – камень; ячмень, пшеница – жизнь»); «*Бийдай, йылан оьтпестей, онъ болсын*» (посл.: «Хоть и пшеница росла бы густой, чтобы даже змея не смогла проползти»); «*Отыз буьртик, мынъ мыйык*» (заг.: «Зерен по тридцать, усов до тысячи»), отгадка – «*бийдай*» («колос пшеницы»); «*Эгин кырда сыргалар йинъишке аягында турганлар*» (заг.: «На ножках тоненьких во поле сережки»), отгадка – «*сулы*» («овес») [Ногайские народные песни 1969].

3. Названия предметов интерьера, домашней утвари: «*бияла*» («зеркало»); «*куьйиз*» («ковер»); «*орындык*» («кровать»); «*оьлтыргыш*» («стул»); «*сандык*» («сундук»); «*сыпыра*» (треногий «столик»); «*тактамет*» («тахта»); «*тоьсек*» («матрац»); «*уьндирик*» («полка»); «*шырак*» («лампа»); «*ювыркан*» («одеяло»); «*ястык*» («одеяло», употреб. и в значениях «наволочка», «плед»); «*ясьтык*» («подушка») [ПМА 2023/1: 12].

Интересным с лингвистической точки зрения выглядит описание структуры комнаты в изложении жителя общины.

Сунжев Г.: *«Бизде ярамайде этпеге байлык уьйлер, аьр болмага керек сабыр, пайдалалык. Адетше уьй туьзилуьв орындыкдан, уьйле ас ишилетаган столдан, сандыкдан, столдан намазга эм окувга»* («У нас не принято обустраивать роскошные комнаты, все должно быть сдержанно, практично. Обычно комната состоит из кровати, обеденного столика и стульев, сундука, стола для молитв и учебы») [ПМА 2023/1: 13].

4. Названия кухонной утвари: «*аванкели*» («деревянная ступа»); «*аяк*» («пиала»); «*вашелек*» («маленькое ведро», «ведерко»); «*касык*» («ложка»); «*кели*» («ступа» или «большое ведро»); «*козан*» («котел»); «*козан-аяк*» (любая «посуда»); «*кукуб*» («маслобойка»); «*куьби*» («пахталка»); «*кыш*» (кондитерская «игла»); «*мака*» («черпак»); «*мтаба*» («сковорода»); «*наяк*» «(специальная «посуда» для подачи готовой продукции); «*пышак*» («нож»); «*савыт-саба*» («кухонная утварь» в целом); «*тепшек*» («тарелка»); «*тулык*» («бурдюк»); «*укозан*» («котелок»); «*шанышкыш*» («вилка»); «*шомака*» («ковш»); «*элек*» («сито») [ПМА 2023/1: 14].

5. Названия простейших видов оружия и инструментов: «*балда*» («топор»); «*билив*» («оселок»); «*ворак*» («серп»); «*дай*» («пила»); «*зейран*» (емкость для настаивания «айрана»); «*зенек*» («вилы»); «*ибиз*» («шило»); «*ийне*» («игла» для шитья); «*йи*» («лезвие»); «*кайрак*» («точило»); «*каншы*» («ножницы»); «*кел*» («клещи»); «*келпетин*» («щипцы»); «*оймак*» («наперсток»); «*пышкы*» («пила»); «*сабан*» (деревянный, самодельный «плуг»); «*туьек*» («каток» – изделие из камня, предназначенное для обмола зерна); «*тыр*» («тяпка»); «*тырнавыш*» («грабли»); «*уршык*» («веретено»); «*уьек*» («стесанный» – изделие из камня для перемола зерна); «*шалгы*» («коса»); «*шоькиш*» («молоток»); «*шэхо*»

(«меч», от адыг. «сашхо» – шашка, традиционное черкесское и казачье оружие); «*эгев*» («напильник») [ПМА 2023/1: 15].

6. Названия средств конной езды, появившиеся, когда номадическая культура испытала, по выражению Л.Н. Гумилева, первый пассионарный толчок: «*авызлык*» («удила»); «*айыл*» («подпруга»); «*арба*» («телега»); «*диньги*» («фураж»); «*зоьнъги*» («стремя»); «*иер*» («седло»); «*козигин*» («недоуздок»); «*нал*» («подкова»); «*ногайка*» («плеть» – название казачьей плети, позаимствованной из обихода ногайцев, впоследствии, термин был повторно заимствован у казаков Кубани); «*нокта*» («повод, привязь»); «*нювен*» («узда»); «*тарик*» («легкая повозка»); «*тарткы*» («подпруга»); «*тебинги*» («тебенек»); «*телбиге*» («вожжи»); «*терлик*» («потник седла»); «*тизги́н*» («вожжи», омоним «*ти́згин*» – «поводья»); «*шана*» или карагаш. диал. «*шани*» («сани»); «*ювен*» («уздечка») [ПМА 2023/1: 16-17].

7. Названия предметов гардероба (верхней и нижней одежды): «*аркалык*» («безрукавка»); «*белдеме*» («юбка»); «*зыбын*» («женский кафтан»); «*кандрагай*» («штаны»); «*капитал*» («бешмет»); «*кебенек*» («накидка» из войлока); «*коыйлек*» («рубашка»); «*коьншек*» («короткие штаны» до колен); «*которык*» («шорты»); «*куьрте*» («нательник», «короткая безрукавка»); «*кыспа*» («длинная безрукавка»); «*лык*» («рубаха»); «*саксыр*» («зимние штаны», ист. – штаны из обработанной шкуры «зимнего зверя»); «*саппан*» («халат»); «*саьва*» («майка»); «*саьлесер*» («салвасыр»); «*том*» («шуба»); «*черкеш*» («черкеска»); «*шалбар*» («шаровары»); «*шепкен*» («чекмень»); «*шонтык*» («куртка»); «*шыба*» («платье»); «*ыстан*» («брюки»); «*ямышы*» («бурка») [ПМА 2023/1: 18-19].

8. Названия предметов гардероба (головных уборов): «*аракшын*» («аракчин»); «*баслык*» («башлык»); «*боьрк*» («праздничный головной убор невесты»); «*калпак*» («колпак»); «*кубан*» («кубанка», ист. казачья шапка, обычно из черной овечьей шкуры); «*малахи*» («малахай»); «*ока*» («свадебный головной убор невесты»); «*папак*» («папаха»); «*саьвкеле*» («головной убор невесты» в целом); «*сылавыш*» («накидка с подвесками»); «*тастар*» («платок замужней женщины»); «*тафья*» («платок на голову», религ. атрибут); «*текебоьрк*» («головной убор невестки»); «*тиха́я*» («девичий головной убор»; «*тобытайка*» («тюбетейка»); «*шалма*» («чалма»); «*явлык*» («платок») [ПМА 2023/1: 20].

9. Названия предметов гардероба (обуви и ее элементов): «*ату*» («женские сапожки»); «*бав*» («шнурки»); «*баьпиш*» («туфли»); «*гоши*» («галоши»); «*катлав*» (женский «каблук»); «*коныш*» («голенище»); «*коьншарык*» («чувяки»); «*машпак*» («башмачки» на высоких каблуках); «*мес*» («сапоги» из однородного материала, н-р, сафьяна); «*оькше*» (мужской «каблук»); «*рык*» («постолы»); «*соьк*» или ак-ног. «*сок*» («носок»); «*сым*» («ноговицы»); «*табан*» (досл. «снизу» – нижняя часть обуви, синонимич. «подошва»); «*ултан*» (собств. «подошва»); «*ыд*» («кусок сыромятной кожи»); «*ыдырык*» («поршни»); «*эти́*» («сапоги») [ПМА 2023/1: 21-22].

10. Названия вспомогательных материалов ткацкого дела, используемых при изготовлении **одежды** и **обуви**: «*баршын*» («бархат»); «*бек*» («разновидность шелка»); «*боьз*» («бязь»); «*вьюн*» («шерсть»); «*даьрий*» («шелк», сложные виды шелка); «*йибек*» («шелк», простые виды шелка); «*камка*» («шел-

ковая ткань с позументами»); «*катеби*» («вельвет»); «*коьн*» («кожа»); «*коьрпе*» («каракуль»); «*кумаш*» («ткань»); «*майатлас*» («атлас»); «*сактыян*» («сафьян»); «*тувмыс*» («фланель»); «*шилле*» («шелк», комплексные и производственные виды шелка); «*шуга*» («сукно»); «*шыт*» («ситец») [ПМА 2023/1: 23-24].

11. Названия ювелирных изделий: «*алка*» (мужские «серьги»); «*аьйкел*» («оберег»); «*билезик*» («браслет»); «*кемар*» («пояс», нац. разновидность женского посеребренного пояса); «*кулакшын*» (женские «серьги»); «*кусак*» («диадема»); «*мойтымар*» («медальон»); «*ревиш*» («булавка»); «*сырга*» («серьга-пирсинг»); «*тоьстуьйме*» («ожерелье», «амулет»); «*туьйревиш*» («брошь»); «*тымар*» («колье»); «*шынжыр*» («цепочка»); «*э́таж*» («корона», устар. «венец»); «*юзик*» («кольцо») [ПМА 2023/1: 28].

Заключение

Лингвистическая экспедиция завершилась проверкой соотношения фольклора, живой речи и речетворчества с теоретической базой общей лексики ногайского языка, характеризующейся общностью с казахской, каракалпакской и арабо-персидской. Специальная лексика была изучена, исходя из особенностей кара-ногайского говора михайловской общины, включая присущие для него русизмы и арабизмы, восходящие к культурно-религиозным концептам и отвлеченным понятиям о быте и структуре социальных связей. Русизмы в кара-ногайском говоре михайловской общины образуют составной лексический фонд с другими языками народов СНГ, но подчиняются правилам ногайской морфологии и фонологии. Карагашский компонент говора выделяется слабо, несмотря на большое количество заимствований в разговорном и официально-деловом стилях речи,

В целом, кара-ногайский говор михайловской общины по своему словарному составу, лексике и грамматике близок к казахскому, каракалпакскому и арабскому языкам. На всех уровнях языковой системы влияние данных языков прослеживается особенно сильно. Русский язык выступает связующим звеном, не позволяющим распасться разнородным этнолингвистическим составляющим – лексикодам и метакодам. Данные факторы существования говора на современном этапе обусловили его относительную закрытость по сравнению с ногайским и карагашским языками номадических этносов.

Исходя из примеров живой речи можно сделать вывод, что кара-ногайскому говору михайловской общины присуще соответствие звуков –с– и –ш–, –ч– и –ш–, –й– и –ж’–. Так, например, в современном кара-ногайском диалекте ногайского языка выделяется звучание согласных «таш» («камень»), «*чык*» («выходи»), «*йок*» (отрицательная частица), тогда как в исследуемом говоре смещение происходит в сторону русского и карагашского: «*тас*», «*шык*», «*жок*». Такое озвучение больше характеризует говор этносов-земледельцев, но не ногайцев. Поскольку языки кыпчакско-ногайской подгруппы оформились последними из северо-западных тюркских языков, то и податливость лексико-семантическим сдвигам у них сохранилась нетронутой, функционирующей на высшем уровне языковой системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гаджиева 1976 – *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С. Ш. Гаджиева. – М: Наука, 1976. – 227 с.

Калмыков 1988 – *Калмыков И.Х.* Ногайцы / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев. – Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1988. – 232 с.

Капаев 2012 – *Капаев И.С.* Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря / И. С. Капаев. – М.: Голос-Пресс, 2012. – 424 с.

Керейтов 2009 – *Керейтов Р.Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры / Р. Х. Керейтов. – Ставрополь: Сервис-школа, 2009. – 464 с.

Михайловское Информационное агентство «Казачье единство». URL: http://kazak-edinstvo.ru/2020/08/17/mihajlovsk-kazachya-stanitsa-osnovannaya-odnodvortsami (дата обращения: 20.02.2022).

Михайловские вести 2022 29 декабря – Михайловск: Изд-во «Пресса», 2022. – 29 декабря.

Михайловские вести 2023 16 декабря – Михайловск: Изд-во «Пресса», 2022. – 16 декабря.

Михайловские вести 2023 16 января – Михайловск: Изд-во «Пресса», 2023. – 16 января.

Ногайские народные песни 1969 – *Ногайские народные песни* / Сост. С.А. Калмыкова. – М.: Наука, 1969. – 216 с.

ПМА 2023/1 – Полевые материалы авторов, г. Михайловск Ставропольского края, 2023 г., тетрадь 1: Общая характеристика говора, морфология, фонология, лексика и семантика, 96 л.

Эдиге 2016 – *Эдиге, Ногайдынъ бабтирлик йыры* / под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. – М.: Наука, 2016. – 512 с. + 16 с. вкл. – ISBN 978-5-02-039964-8 (в пер.).

REFERENCES

GADZHIEVA S.SH. *Material'naya kul'tura nogajcev v XIX – nachale XX vv.* [The material culture of the Nogais in the 19th – early 20th centuries]. – Moscow: *Nauka*, 1976. – 227 s. (In Russ.).

KALMYKOV I.H. *Nogajcy* [Nogais] / I. H. Kalmykov, R. H. Kerejtov, A. I. Sikaliev. – Cherkessk: *Stavropol'skoe kn. izd-vo*, 1988. – 232 p. (In Russ.).

KAPAEV I.S. *Nogajskie mify, legendy i pover'ya. Opyt mifologicheskogo slovarya* [Nogais' myths, legends and beliefs. Essays of the mythological dictionary] / I. S. Kapaev. – Moscow: *Golos-Press*, 2012. – 424 p. (In Russ.).

KEREJTOV R.H. *Nogajcy. Osobennosti etnicheskoj istorii i bytovoj kul'tury* [Nogais. Features of ethnic history and everyday culture] / R. H. Kerejtov. – Stavropol: *Servis-shkola*, 2009. – 464 p. (In Russ.).

Mihajlovskoe Informacionnoe agentstvo «Kazach'e edinstvo» [*Mikhailovsk Information agency «Cossack Unity»*]. URL: http://kazak-edinstvo.ru/2020/08/17/mihajlovsk-kazachya-stanitsa-osnovannaya-odnodvortsami accessed: 20.02.2022). (In Russ.).

Mihajlovskie vesti [Mikhailov news]. – Mihajlovsk: *Izd-vo «Pressa»*, 2022. – December 16. (In Russ.).

Mihajlovskie vesti [Mikhailov news]. – Mihajlovsk: *Izd-vo «Pressa»*, 2022. – December 29. (In Russ.).

Mihajlovskie vesti [Mikhailov news]. – Mihajlovsk: *Izd-vo «Pressa»*, 2023. – January 16. (In Russ.).

Nogajskie narodnye pesni [Nogais' folk songs] / Comp. S. A. Kalmykov. – Moscow: *Nauka*, 1969. – 216 p. (In Russ.).

FMA 2023/1 Field materials of authors, Mikhailovsk, Stavropol Territory, 2023, notebook 1: General characteristics of talk, morphology, phonology, vocabulary and semantics, 96 sh. (In Russ.).

Edige, Nogajdyn ba'tirlik jyry [Edige, Nogais' epic poem] / ed. N. H. Suyunova; Karachaevo-Cherkesskij institut gumanitarnyh issledovanij pri Pravitel'stve KChR. – M.: *Nauka*, 2016. – 512 p. + 16 s. incl. – ISBN 978-5-02-039964-8 (in translation).

Информация об авторах
А.С. Гончаров – аспирант, лаборант-исследователь.
О.С. Макарова – кандидат педагогических наук, доцент.
И.И. Лизенко – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors
A.S. Goncharov – graduate student, laboratory researcher.
O.S. Makarova – Candidate of Science (Pedagogy), associate professor.
I.I. Lizenko – Candidate of Science (Philology), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-324-332
EDN: LPOVSI

КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ КЪЫХЫХЬА ПСАЛЪЭЩIЭХЭР (БЗЭЩIЭНЫГЪЭ ТЕРМИНХЭМ ЕХЬЭЛIАУЭ)

Жылэтеж Хьэжысмел Чыляний и къуэ[1], Жылэтеж Лианэ Хьэжысмел ипхъу[2]

[1] Урысейм ЩIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институт, Налшык, Урысей, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

[2] Бэрбэч Хь.М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкър къэрал университет, Налшык, Урысей, lianavip333@mail.ru

Аннотацэ. Статьям къэбэрдей-шэрджэсыбзэм бзэщIэныгъэ терминхэм я къежьэкIэр, бзэм щэзэпача гъуэгуанэр, я зыужьыкIэр, зэхъуэкIыныгъэ ягъуэтахэр къыщыгъэлъэгъуащ. Мы темэр нэхъ гугъухэм икIи нэгъэсауэ джа мыхъуахэм ящыщщ. Статьям лъабжьэ хуэхъуащ мы Iуэхугъуэм теухууэ щыIэ къэхутэныгъэхэмрэ еплъыкIэ зэхуэмыдэхэмрэ. Лэжьыгъэм къыщыгъэлъэгъуащ бзэщIэныгъэ терминхэм я зэхэублакIуэу Нэгумэ Шорэ зэрыщытыр. Япэ дыдэу абы термин зыбжанэ адыгэбзэкIэ зэридзэкIат.

ЩIэныгъэр и лъабжьэу адыгэбзэр джын щыщIадзар Совет лъэхъэнэрщ. Адыгэбзэ фIэщыгъэцIэщIэхэр къэгъэхъунымкIэ лэжьыгъэшхуэ зэфIахащ Борыкъуей ТIутIэрэ Елберд Хьэсэнрэ. Нобэр къыздэсым бзэм къыщагъэсэбэп бзэщIэныгъэ терминхэр абыхэм я Iэужьщ. Ауэ, абыхэм я бжыгъэр куэд хъуркъым. Лэжьыгъэм къызэрыхэщщи, иужьрей илъэс щэныкъуэм щIигъум бзэщIэныгъэ терминхэр къэгъэхъуныр зэпыуащ. Абы къыхэкIыу хамэбзэ терминхэм адыгэбзэр зэщIащтащ. Апхуэдэ щытыкIэр бзэм и зыужьыкIэм зэран хуохъу. А псори къилъытэри, бзэщIэныгъэ терминхэм еувэлIащ филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Борис. Илъэс зытхухкIэ зэлэжьа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэхэм (терминхэм) я псалъалъэ дунейм къытехьащ. Къыхэгъэщыпхъэщ апхуэдэ псалъалъэ иджыри къэс дызэримыIар. Пэжщ, мыбы ихуа псори бзэм къищтэну къыщIэкIынкъым, ауэ мы Iуэхугъуэр адэкIэ езыгъэфIэкIуэну зи мурадхэм мыр лъабжьэ быдэ яхуэхъунущ.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, псалъэщIэ, бзэщIэныгъэ терминологие, бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэхэм я псалъалъэ.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Жылэтеж Хь.Ч., Жылэтеж Л.Хь. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм къыхыхьа псалъэщIэхэр (бзэщIэныгъэ терминхэм ехьэлIауэ) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 324-332. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-324-332. EDN: LPOVSI.

© Жылэтеж Хь.Ч., Жылэтеж Л.Хь., 2023

Original article

ILLOGIC IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE (BASED ON THE MATERIAL OF LINGUISTIC TERMINOLOGY)

Khazhismel Ch. Zhiletezhev[1] , Liana Kh. Zhiletezheva[2]

[1] The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

[2] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lianavip333@mail.ru

Abstract. This article examines the process of new linguistic terms emergence in the Kabardino-Circassian language. This work analysed the terms created by the Kabardino-Circassian language's own linguistic sources. The initiator of the creation of these terms is the scientist-educator Sh.B. Nogmov. The main stage of the linguistic creation, terminological system of the Kabardino-Circassian language, begins in the 30s of the twentieth century. During the research, the author concludes that the founder of the national linguistic terminology is T.M. Borukaev. He is the author of various terms that are successfully used in the Kabardino-Circassian language to this day. In the post-war years, H.U. Elberdov was engaged in creating linguistic terms. He successfully introduced several terms of his own into the language. In the last half century, creating new linguistic terms has practically ceased. The analysis of the literature shows that in the modern Kabardino-Circassian language, there is an unjustified use of many borrowed terms. This problem is a serious disadvantage for researchers in their native language. There are solutions for this situation, proposed by the Doctor of Philology B. Ch. Bizhoev. He created the first dictionary of linguistic terms in the Kabardino-Circassian language, which includes about 1865 terms. Based on the study of the terms, it was found that almost all of them received an accurate and adequate translation into the Kabardino-Circassian language. The relevance of this study lies in the increasing need to study the linguistic terminology of the Kabardino-Circassian language. Descriptive-analytical method, contextual analysis, statistical calculation are used in the work.

Keywords: Kabardino-Circassian language, neologisms, linguistic terminology, dictionary of linguistic terms.

For citation: Zhiletezhev Kh.Ch., Zhiletezheva L.Kh. Neologisms in the Kabardino-Circassian language (based on linguistic terminology). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 324-332. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-324-332. EDN: LPOVSI. (In Kabardian).

© Zhiletezhev Kh.Ch., Zhiletezheva L.Kh., 2023

Научная статья

НЕЛОГИЗМЫ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Хажисмель Чиляниевич Жилетежев[1], Лиана Хажисмелевна Жилетежева[2]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, hazismel@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6040-9524

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lianavip333@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс появления новых лингвистических терминов в кабардино-черкесском языке. Анализу подвергаются термины, которые со-

зданы собственными языковыми средствами кабардино-черкесского языка. Отмечается, что инициатором создания данных терминов является ученый-просветитель Ш.Б. Ногмов. Основной этап создания лингвистической терминосистемы кабардино-черкесского языка начинается в 30-х годах XX века. В ходе исследования автор приходит к выводу, что основателем национальной лингвистической терминологии является Борукаев Т.М. Он является автором большого количество терминов, которые успешно употребляются в кабардино-черкесском языке и по сей день. В послевоенные годы созданием лингвистических терминов занимался Эльбердов Х.У. Он удачно внедрил в язык несколько собственных терминов. В последние полвека процесс создания новых лингвистических терминов практически прекратился. Анализ литературы показывает, что в современном кабардино-черкесском языке наблюдается неоправданное использование большого количества заимствованных терминов. Данная проблема является серьёзным недостатком для исследователей на родном языке. Пути выхода из такой ситуации предложены доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч. Им создан первый в кабардино-черкесском языке словарь лингвистических терминов, который включает около 1865 терминов. На основе изучения терминов установлено, что почти все они получили точный и адекватный перевод на кабардино-черкесский язык. Актуальность настоящего исследования состоит в возрастающей потребности в изучении лингвистической терминологии кабардино-черкесского языка. В работе использованы дескриптивно-аналитический метод, контекстуальный анализ, статистический подсчет.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, неологизмы, лингвистическая терминология, словарь лингвистических терминов.

Для цитирования: Жилетежев Х.Ч., Жилетежева Л.Х. Неологизмы в кабардино-черкесском языке (на материале лингвистической терминологии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 324-332. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-324-332. EDN: LPOVSI. (На кабардинском языке).

© Жилетежев Х.Ч., Жилетежева Л.Х., 2023

Мы гъэм илъэсищэ мэхъу къэбэрдей-шэрджэсыбзэм тхыбзэ зэригъуэтрэ. Абы лъабжьэ хуэхъуащ Хъуран Батый 1923 гъэм латин графикэм тету къыдигъэкIа алфавитыр. ТхыгъэщIэбзэу щытми, абы лъандэрэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм зыужьыныгъэшхуэ игъуэтащ, адыгэбзэ грамматикэр фIыуэ зэфIэува, джа хъуащ. Ауэ, дапхуэдизу бзэр щIэныгъэкIэ убзыхуа мыхъуами, абы иджыри гъэтэрэзыжын хуей гуэрхэр зэрыхэтыр нэрылъагъущ. Абыхэм ящыщ зыщ бзэщIэныгъэ терминхэм ехьэлIа Iуэхугъуэхэри.

Адыгэ бзэщIэныгъэ терминхэм я зэхэублакIуэщ Нэгумэ Шорэ. 1840 гъэм абы зэхилъхьа адыгэбзэ грамматикэм езым къигупсыса термин зыбжанэ къыщигъэсэбэпащ (иджырей тхыкIэр дэщIыгъуу ахэр къэтхьынщ): *зэрытыпIэ* – пкъыгъуэ, *цIэ зи фащэуэ щыIэр* – щыIэцIэхэр, *плъыфэцIэхэр* – плъыфэцIэхэр, *цIэм и пIэ итхэр* – цIэпапщIэхэр, *пкъыгъуэхэр* – глаголхэр, *лажьэхэр* – причастиехэр, *бзэ налъэхэр* – наречиехэр, *псалъэпыдзэ* – префикс, суффикс, *бзэ къуэдзэ* – союз, *бзэ им-щымыр* – междометие, *лъэпкъ* – род, *бжыгъэ* – бжыгъэ, *кIуэдыпIэ* – падеж, *закъуэ* – закъуэ бжыгъэ, *куэдыр* – куэд бжыгъэ [Ногма 1958: 186]. Мы псалъэхэм щыщу нобэрей адыгэбзэм хэтщ *плъыфIэцIэ, бжыгъэ* (закъуэ, куэд) терминхэр.

Къэралым и дэIэпыкъуныгъэкIэ, щIэныгъэкIэ адыгэбзэр джын щыщадзар Совет лъэхъэнэрщ. Бзэм, псом хуэмыдэу терминхэм, а лъэхъэнэм кууэ елэжьахэм ящыщщ Борыкъуей ТIутIэ. ФIэщыгъэцIэхэр къэгъэщIыным Бо-

рыкъуейр жыджэру зэрыхэтыр нэрылъагъу щыхъуащ 1932 гъэм къыдигъэкIа Адыгэбзэ грамматикэм. Абы и грамматикэм къыщигъэсэбэпащ термину щэрэ тIощIым щIигъу. Абыхэм щыщ зыкъом Борыкъуей ТIутIэ адыгэбзэм къригъэзэгъащ: аморфный – *формэншэ*, аттрибут – *плъыфэ*, вид – *теплъэ,* время – ***зэман,*** вопросительный знак – ***упщIэ нэгъыщэ***, восклицание – *гу лъытэныгъэ*, второстепенные члены предложения – *псалъэ мыпажэ пкъыгъуэхэр*, главные члены предложения – *псалъэ пажэхэр,* глагол – *глагол, лэжьыгъэр зыхэлъ псалъэ*, гласные звуки – ***макъ зешэхэр***, глухие согласные – ***макъ дэкIуашэ дэгухэр,*** губные звуки – ***Iупэ (макъхэр*)*,*** деепричастие – *деепричастие, хьэл,* долгие звуки – ***макъ укъуэдия***, дополнение – *лэжьыгъэ зылъэIэс,* единственное число – ***закъуэ (бжыгъэ),*** желательное наклонение – *фIэигъуагъэ зыхэлъ лэжьыгъэ псалъэ*, звук – ***макъ,*** звонкие согласные – ***макъ жьгъыжьгъхэр,*** инфинитив – *инфинитив, къыхэкIыпIэ,* корень – къуэпс, местоимение – ***цIэ папщIэ***, орфография – *тхэкIэ,* подлежащее – *зылэжь,* предикат – лэжьыгъэ *псалъэ*, предложение – *псалъэ едзыгъуэ,* прилагательное – *плъыфэ,* речь – *хъыбар,* слово – ***псалъэ,*** слог – ***пычыгъуэ,*** согласный звук – ***макъ дэкIуашэ,*** союз – *псалъэзэпх,* существительные – *хьэпшыпыцIэ,* ***щыIэхэм я цIэ***, термин – *зэреджэ цIэ,* ударение – ***хэIэтыкIа*** [Борукаев 1932: 111-119].

Зэрынэрылъагъущи, Борыкъуейм япэ дыдэу бзэщIэныгъэ терминхэр куэд адыгэбзэкIэ зэридзэкIащ. Абыхэм я нэхъыбапIэр ноби бзэм къыщагъэсэбэп (ахэр фIыцIэу къыхэдгъэщащ), зэхъуэкIыныгъэ мащIи зыгъуэта щыIэщ (*цIэ папщIэ – **цIэпапщIэ**, щыIэхэм я цIэ – **щыIэцIэ***). Езы *термин* псалъэри абы зэридзэкIат, ауэ ар бзэм къищтакъым. Шэч хэмылъу, Борыкъуей ТутIэ бзэщIэныгъэ терминхэр адыгэбзэм щызэтеувэным хэлъхьэныгъэшхуэ хуищIащ, аращ абы и лъабжьэр зыгъэтIылъар.

Борыкъуейм къригъэжьа лэжьыгъэм пищащ Елберд Хьэсэн. Абы еджапIэхэм (школхэр) щхьэкIэ зэхилъхьа тхылъхэмкIэ зауэ нэужьым илъэс пщыкIутхум нэсыхукIэ щырагъэджащ. Елбэрдым и фIыщIэщ нобэр къыздэсым бзэм хэт терминхэр: *щыIэцIэ, плъыфэцIэ, бжыгъэцIэ, псалъэуха, псалъэуха пажэ, псалъэуха гуэдзэ, псалъэуха зэхэлъ, псалъэуха къызэрыкIуэ, псалъэ лъэпкъыгъуэ* [Елберд 1949: 63, 67, 76, 30, 34, 50]; *псалъэ зэпха, зэкIуныгъэ, зегъэкIуэныгъэ,* н. [Елберд 1955: 3, 10, 11].

Елберд Хьэсэн и ужькIэ бзэщIэныгъэ терминхэм кууэ елэжьын щIэныгъэлIхэм зыри къахэкIакъым. ИужькIэ къыдэкIа еджапIэ тхылъхэми, грамматикэхэми, щIэныгъэ лэжьыгъэхэми къыщагъэсэбэпар ипэкIэ щыIэ терминхэр аращ. Абы и фIыгъэкIэ бзэм куэду къагъэсэбэп щыхъуащ хамэбзэ терминхэр. Ахэр апхуэдизкIэ бэгъуащи, занщIэу нэм къыщIедзэ, бзэм къыхопIийкI. Абы и щыхьэту къэтхьынщ щапхъэ зытIущ: *Эргативнэ, послеложнэ, обстоятельственнэ падежхэм ит дополненэм косвеннэ дополненэкIэ йоджэ* [Урыс 1994: 40]. Псалъибгъу зыхэт мы псалъэухам адыгэбзэу хэтыр псалъитIщ (*ит, йоджэ*), адрейхэр псори хамэбзэщ. Урыс гуэр мы псалъэухам къеджэмэ, къикIыр къыгурыIуэну къыщIэкIынщ. *Деепричастиехэри причастиехэри глагол формэ щхьэхуэщ* [Джаурджий 1996: 100]. Мы псалъэухам адыгэбзэу хэтыр зы псалъэ закъуэщ (*щхьэхуэщ*). Мыпхуэдэ щапхъэхэр адыгэбзэ теухуа сыт хуэдэ тхылъхэми гъунэжу итхэщ. Мы Iуэхугъуэр апхуэдэурэ илъэс

хыщI хъуауэ къызэрекIуэкIым и щхьэусыгъуэу мыхэр бгъэувыфынущ: е хамэбзэ терминхэр адыгэбзэкIэ зэдзэкIын хуэмейуэ къалъытэу щытщ, е а Iуэхугъуэр зэрыгугъум къыхэкIыу зыми зрапщытыфакъым. Дэ дызэреплъымкIэ, мы щхьэусыгъуитIри Iуэхум хэлъащ. Абы къыщынэмыщIауэ, БакIуу Хъанджэрий къызэрилъытэмкIэ, «термин псори адыгэ псалъэ пхуэщIынукъым, ауэ адыгэ тхыбзэр яухуэу ар джын щыщIадзам абы елэжьахэм зыкъомкIэ я ягъэщ терминологием адыгэбзэ мащIэ фIэкIа зэрыхэмыхьар» [БакIуу 2016: 12].

Иужьрей илъэсхэм терминхэм теухуа гукъеуэр нэхъыбэ хъуащ, лэжьыгъэ щхьэхуэхэм иныкъуэ хамэбзэ терминхэр адыгэбзэм ирагъэзэгъауэ уащрохьэлIэ. Псоми я гугъу тхуэмыщIми, къэтхьынщ щапхъэ зытIущ.

БлэкIа лIэщIыгъуэм и 90-хэм «Адыгэ псалъэ» газетым тхыгъэ куэд къытехуэу щытащ адыгэбзэр зэрыт щытыкIэм, ар егъэфIэкIуэным теухуауэ. А Iуэхугъуэм жыджэру хэтахэм ящыщщ Жэмтхьэлэ курыт еджапIэм адыгэбзэмкIэ и егъэджакIуэ Молэ СулътIан. Адыгэбзэ грамматикэр хамэбзэ псалъэхэм «Iэрыубыд» зэращIар абы игу къеуэрт. Бзэм ехьэлIа термин зыбжанэ Молэм адыгэбзэкIэ зэридзэкIащ икIи 1992 гъэм газетым къытридзауэ щытащ. Къэтхьынщ ахэр псори: падеж – ***псалъэзешэ,*** именительнэ – ***цIэцIуэ,*** эргативнэ – ***зыхъуэж,*** послеложнэ – ***зыунэтI***, обстоятельственнэ – ***зэрыхъу,*** префикс – *псалъэпэIыхьэ*, суффикс – *псалъэкIэIыхьэ,* послелог – *псалъэгуэдзэ,* союз – ***псалъэзэпыщIэ,*** глагол – ***лэжьыгъэцIэ,*** наречие – ***къэхъукIэцIэ***, частицэ – ***псалъэкIапэ***, междометие – ***макъыцIэ,*** грамматикэ – *щIэнщапхъэ,* подлежащэ – *зыхужаIэр,* сказуемэ – *хужаIэр,* дополненэ – *щIыгъур,* определенэ – *джынгъуазэ,* причастие – *зэрещхьыр,* деепричастие – *зэрыпыщIар,* предмет – *щIэнкъудамэ*, оценкэ – *щIэнпэкIуэ*, перерыв – *зэIурыугъуэ,* тетрадь – *тхылъэ,* изложенэ – *тхэрыIуатэ,* сочиненэ – *гурытх,* диктант – *зэхэхырытх*, учебник – *джылъэ,* урок – *щIэнIыхьэ* [Молэ 1992: 3]. Зэрынэрылъагъущи, мыбыхэм я нэхъыбэр гурыIуэгъуэу щытщ, термину къапщтэ зэрыхъунуми шэч хэлъкъым. Мы терминхэр псори Шэрджэс Алий и псалъалъэм хигъэхьащ [Шэрджэс 2009: 163-164]. Пэж, зэхъуэкIыныгъэ гуэрхэри зыгъуэта хэтщ: *джынгъуазэ* (*зыгъэнахуэ*) – определение, *зэрещхьыр (зэрыхэщIыхьар)* – причастие, *лэжьыгъэцIэ* (*псалъэцIэр*) – глагол, *тхыбзэ* (*тхырыбзэ е тхыбзэщIэкI*) – литературэ, *щIэнкъудамэ (щIэн къудамэ)* – изучаемый предмет, *щIэнIыхьэ (джыгъуэ Iыхьэ)* – учебный урок [Шэрджэс 2009: 164]. Молэ СулътIан къигъэщIа терминипщI (ахэр фIыцIэу къыхэдгъэщащ) иджы дыдэ БищIо Борис къыдигъэкIа бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэхэм я псалъалъэм ихуащ.

Джаурджий Хьэтыкъэ и «Адыгэбзэ» тхылъым дащрохьэлIэ мыпхуэдэ терминхэм: вводнэ – *хэзышэ*, дефис – *екъуа, екъуа цIыкIу*, текст – *тхыгъэ*, термин – *фIэщыгъэцIэ*, орфография – *пэжырытхэ*, нейтральнэ – *ику иту,* письменность – *тхыбзэ,* речь – *жьабзэ,* н.къ. [Джаурджий I996: 234, 199, 203, 251, 249, 193, 244, 7, 7]. Мыхэр бзэм жыджэру къыщагъэсэбэп.

Илъэс зыбжанэ хъуауэ бзэщIэныгъэ терминхэм йолэжь Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университетым адыгэбзэкIэ щезыгъаджэ УнэлIокъуэ Вячеслав. Абы и лэжьыгъэхэм термин зыбжанэ езым адыгэбзэкIэ къигъэщIауэ дащрохьэлIэ: *бзэхабзэ* (грамматикэ), *бзэщIэныгъэдж* (лингвист), *жьэмакъ* (фонемэ), *жьэмакъзешэ* (фонемэзешэ), *жьэмакъ дэкIуашэ* (фонемэ дэкIуашэ), *макъыдж*

(фонетикэ), *тхыпсэбзэ* (литературэбзэ), *хъурыщIэ* (глагол), *хъурыщIафэ* (глагольная форма) [Унатлоков, Унатлокова 2015: 3]; *макъгъэпс* (фонетика), *псалъэгъэпс* (морфологие), *псалъэухагъэпс* (синтаксис), *кIэIунэ* (точка), *кIэIунабэ* (многоточие), *кIэIунэзэтет, кIэIунитI* (двоеточие) [УнэлIокъуэ и др. 2021: 3, 92-94]. Мы терминхэм адыгэбзэм къезэгъ куэд яхэтщ, еджапIэ нэхъыщхьэм зэрыщырагъаджэ тхылъхэм ихуащ, студентхэми къагъэсэбэп.

Терминхэм дащытепсэлъыхькIэ Iэмал имыIэу псалъалъэхэми дакъытеувыIэн хуейщ. Адыгэбзэм хэт терминхэр нэхъ зэщIэкъуауэ, нэгъэсауэ, щызу икIи нэхъ куэд къызэщIиубыдэу и Iэдакъэ къыщIэкIащ ЗекIуэрей Нурдин [Зекореев 1999]. Мы псалъалъэм термин 2500 щIигъу къыщыхьащ, псалъэхэм я мыхьэнэхэр адыгэбзэкIэ убгъуауэ щыгъэнэхуащ. БзэщIэныгъэ термину 100 щIигъу псалъалъэм ихуащ. Ябыхэм щыщу термин зыбжанэ ЗекIуэрейм адыгэбзэм иригъэзэгъащ: билингвизм – *бзитIкIэ псалъэныгъэ*, дефис – *екъуа кIэщI*, многозначность – *мыхьэнэ куэд, убгъуа,* (*мыхьэнэбэ),* орфоэпия – *пэжыыпсалъэ,* подлежащее – *подлежащэ, зыхужаIэр*, сказуемое – *сказуемэ, хужаIэр,* тире – *екъуа кIыхь, тире*, ударение – *хэкъузэныгъэ,* частица – *псалъэкIэпыс, частицэ,* числительное порядковое – *бжыгъэцIэ зэрызэкIэлъахь*, чистописание – *къабзэрытхэ,* н. [Зекорев 1999: 40, 71, 150, 173, 190, 233, 249, 255, 268, 270].

Зэрынэрылъагъущи, бзэщIэныгъэ терминхэр адыгэбзэкIэ щызэдзэкIа лэжьыгъэхэм уащрохьэлIэ. Абыхэм къыщыхьа терминхэр зэтехуэкъым, щхьэж зэрыхуейуэ адыгэбзэм кърегъэзагъэ. Абы къыхэкIкIэ бзэщIэныгъэм ныкъусэныгъэшхуэу щыIэщ а терминхэр гъэтэрэзын, гъэпсыкIэ гуэрым игъэувэн зэрыхуейр. БзэщIэныгъэ терминхэр зы щапхъэ гуэрым пхуигъэувэнукъым, ауэ ахэр зэкIэлъыгъэкIуэн икIи зэхуэгъэдэн хуейт. Апхуэдэ къалэнхэр зыгъэзащIэр бзэщIэныгъэ терминхэм я псалъалъэхэращ. Апхуэдэ псалъалъэ иджыри къэс адыгэбзэм диIакъым. А псори къилъытэри, а лэжьыгъэ мытыншым пэрыуващ Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ Къэбэрдей-Балъкъэр институтым адыгэбзэмкIэ и къудамэм и унафэщI, филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор БищIо Борис. 2021 гъэм дунейм къытехьа «Урыс-адыгэ псалъалъэ иным» БищIом зэхилъхьа бзэщIэныгъэ термину 1200 нэс къыщыхьащ [БРКЧС 2021: 11]. Абы мыхьэнэшхуэ иIэщ. «Адыгэбзэм и фIэщыгъэцIэ системэр ефIэкIуэным, абыкIэ бзэм и зэфIэкIыр гъэбэгъуэным урыс-адыгэ псалъалъэ иным хуищIа хэлъхьэныгъэм и щапхъэу къэпхь хъунущ мыбы бзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэхэр къыщыгъэлъэгъуа зэрыхъуар» [Абазэ 2022: 47].

БищIо Борис а лэжьыгъэм адэкIэ пищащ. Илъэс зытхухкIэ ар зэлэжа псалъалъэр 2022 гъэм дунейм къытехьащ икIи адыгэбзэм зэи имыIауэ бзэщIэныгъэ терминхэм я псалъалъэ игъуэтащ [Бижоев 2022]. Псалъалъэм термину I865 нэс итщ, ар икъукIэ куэд мэхъу. Тхыгъэжьыбзэу ябж урысыбзэм яIэ апхуэдэ псалъалъэхэм итыр куэдкIэ нэхъыбэкъым. Псалъэм папщIэ, урысыбзэм нэхъ цIэрыIуэу ябж Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова сымэ я апхуэдэ псалъалъэм термину итыр 2000 нэсщ [Розенталь, Теленкова 1985]. БищIом и псалъалъэм къыщыкIуэ терминхэр гупитIу гуэшащ: урысыбзэм (нэгъуэщIыбзэхэм) щыщу зэхъуэкIыныгъэ зымыгъуэтахэр (зэрыщыту къэнэжахэр); адыгэбзэкIэ зэдзэкIа хъуахэр. Япэ гупым хиубыдэр термин 125 нос, ар мащIэ дыдэщ. ЕтIуанэ гупым хыхьэ терминхэм адыгэцIэ къащыхуилъыхъуэм БищIо Борис бгъэдыгъэкIэ

нэхъыщхьитI къигъэсэбэпащ: «Япэр цIэ зыфIэсщ къэхъугъэм иIыгъ увыпIэрщ, абы игъэзащIэрщ, етIуанэр сыт хуэдэбзэми къыщагъэсэбэп Iэмалырщ – хамэбзэ терминыр калькэ щIынырщ, н.ж. и мыхьэнэкIэ зэдзэкIынырщ» [Бижоев 2022: 101]. Илъэс куэд хъууэ псори зэсауэ бзэм къыщагъэсэбэп терминхэр псалъалъэм зэрыщыту къыщыхьыжащ: *щыIэцIэ, плъыфэцIэ, бжыгъэцIэ, цIэпапщIэ, макъ, макъзешэ, макъ дэкIуашэ, зэман, зегъэкIуэныгъэ, лъабжьэ, пкъыгъуэ, псалъэ зэпха, псалъэуха, псалъэуха зэхэлъ, псалъэуха пажэ, псалъэухам и пкъыгъуэ нэхъыщхьэ, пычыгъуэ*, н.къ.

БищIом адыгэбзэм иригъэзэгъа терминхэр куэд мэхъур. Езым зэритхащи, псори ахэр абы къигупсысакъым. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэми кIахэбзэми терминхэм теухуауэ щыIэ къэхутэныгъэхэр, еплъыкIэхэр зэуIу ищIащ, адрей къэна къомыр езым и къэухькIэ адыгэбзэм иригъэзэгъащ. Псори къытхуэмыхьми, щапхъэ зыбжанэ къэтхьынщ терминыщIэхэм щыщу: *бзитIыгъэ* – билингизм, *гупкъуэж* – подгруппа, *гурытхэ* – изложение, *гъэзэщIакIуэ* – подлежащее, *гъэзэщIэкIуагъэ* – предикативность, *гъэзэщIэн* – сказуемое, *гъэнахуэ* – атрибутивный, *гъэнэхуакIуэ* – определение, *дэдзэ* – интерфикс, *жыджэрагъ* – залог, *зэпэщыт псалъэхэр* – антонимы, *зэхыхьэ* – оборот, *зыгъэIурыщIэ* – подчинительный, управляющий, *кIэрыув* – постпозиция, *лэжьыгъэцIэ мыхъейхэр* – статические глаголы, *лэжьыгъэцIэ хъейхэр* – динамические глаголы, *лъабжьэгъусэ* – аффикс, *лъабжьэпэ* – префикс, префиксальная морфема, приставка, *мыхьэнэбагъэ* – многозначность, полисемия, полисемантизм, *пэрыув* – препозиция, *пкъы* – база, основа, *пкъыцIэ* – соматизм, *псалъафэ* – фразеологизм, *текъузэ* – ударение, *тешэ* – наклонение, *ткIуанэ* – точка, *тхыпкъ* – буква, *тхыпкъылъэ* – 1. алфавит; 2. букварь, *тхыхьхэр* – скобки, *фIэщыгъэцIэ* – термин, *Iэдэж* – служебный, *Iэдэж псалъэхэр* – служебные слова, *IуантIэ* – запятая, *IукIэзэщхь псалъэхэр* – омонимы, *IупщIэIумыш* – нелабиализованный, негубной, *IупщIэIуш* – лабиализованный, н.къ. [Бижоев 2022: 113, 144, 115, 117, 119, 123, 125, 127, 131, 135, 136, 137, 141, 144, 145, 154, 155, 156, 159, 165, 166, 167].

Къэтхьа щапхъэхэм къызэрагъэлъагъуэщи, мы терминхэр (фIэщыгъэцIэхэр) гурыIуэгъуэу, адыгэ гупсысэкIэм къитIасэу щытщ. Пэжщ, зы еплъыгъуэкIэ, зэи ямылъэгъуа фIэщыгъэцIэхэм Iэнкун ящIыну къыхэкIынущ. Зы лэжьыгъэ, псом хуэмыдэу псалъалъэ, щыIэкъым щыуагъэ зыхэмыт, ауэ япэу лъагъуэ хэпшыныр сытым дежи нэхъ гугъущ. Япэ дыдэу адыгэ бзэщIэныгъэм терминхэр зэуIу зыщIа БищIо Борис фIыщIэшхуэ хуэфащэщ. Адыгэбзэм елэжь дэтхэнэ зыми мы Iуэхугъуэм хилъхьэнIамэ хуитщ, адэкIэ терминэхэм елэжьынухэм мы псалъалъэр лъабжьи пкъи яхуэхъунущ. Адыгэбзэм зезыгъэужьын, езыгъэфIэкIуэн, нэхъ къабзэ зыщIын лэжьыгъэщ мыр. Мы Iуэхугъуэр зыкъомкIэ нэхъ тынш хъунут республикэм терминхэм ехьэлIауэ комиссэ диIатэмэ, ауэ а Iуэхугъуэр илъэс дапщэ хъуа псалъэмакъым зэрыфIэмыкIрэ.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

Абазэ 2022 – *Абазэ М.М.* Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм фIэщыгъэцIэхэр (терминхэр) зэрыщызэтеувар // Вестник КБИГИ. – 2022. – № 1 (52). – С. 43-49. – DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-43-49.

БакIуу 2016 – *БакIуу Хъ.* Адыгэбзэм теухуа гупсысэхэр // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2016. – № 9 (33). – С. 12-21.

БРКЧС 2021 – Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Б.Ч. Бижоев, Х.Ч. Жилетежев, Д.М. Кумыкова, Х.Т. Тимижев. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. – 792 с.

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Кабардино-Балкарский облнациздат, 1932. – 142 с.

Джаурджий 1996 – *Джаурджий Хь.* Адыгэбзэ. – Налшык: Эльбрус, 1996. – 272 н.

Елберд 1949 – *Елберд Хь.* Адыгэбзэ тхылъ. Грамматикэрэ тхэкIэрэ. – Налшык: Къэбэрдей къэрал тхылъ тедзапIэ, 1949. – 150 н.

Елберд 1955 – *Елберд Хь.* Адыгэбзэ учебник. Синтаксис. – Налшык: Къэбэрдей тхылъ тедзапIэ, 1955. – 132 н.

Зекореев 1999 – *Зекореев Н.Н.* Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 288 с.

Молэ 1992 – *Молэ С.* Бзэ къабзэр лъэпкъым и узыншагъэщ // Адыгэ псалъэ. – 1992.29.12. – № 248 (17.719). – С. 3.

Ногма 1958 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды, т. II. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. – 199 с.

Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А*. Словарь справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.

Унатлоков, Унатлокова 2015 – *Унатлоков В.Х., Унатлокова Л.С.* Практическая фонетика современного кабардино-черкесского литературного языка: учебное пособие. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2015. – 86 с.

УнэлIокъуэ и др. 2021 – *УнэлIокъуэ В., ХъутIэжь З., УнэлIокъуэ Л.* Иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзэ. Макъгъэпс. – Нальчик: КъБКъУ, 2021. – I03 н.

Урыс 1994 – *Урыс Хь.* Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. – Налшык: Эльбрус, I994. – 213 н.

Шэрджэс 2009 – *Шэрджэс А.И.* Яхуэмыфащэу лъэныкъуэ едгъэза псалъэхэр. Адыгэ псалъэгъэнахуэм щIыгъужыпхъэхэр. – Налшык: КБИГИ, 2009. – 172 н.

REFERENCES

ABAZOVA M.M. *Stanovlenie terminologii v kabardino-cherkesskom jazyke* [The formation of terminology in the Kabardino-Circassian language]. IN: Vestnik KBIGI. – 2022. – № 1 (52). – S. 43–49. – DOI: 10.31007/2306-5826-2022-1-52-43-49 (In Russ.).

BAKIU Kh"". *Adygebzem teukhua gupsysekher* [Reflections on the Adyghe languages]. IN: Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovanii imeni T.M. Kerasheva. – 2016. – № 9 (33). – S. 12-21. (In Kabardino-Circassian).

Bol'shoj russko-kabardino-cherkesskij slovar' [The Great Russian-Kabardino-Circassian Dictionary] reader / compiled by B.CH. Bizhoev, H.CH. ZHiletezhev, D.M. Kumykova, H.T. Timizhev. – Nalchik: OOO «Fregat», 2021. – 792 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian).

BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii oblnatsizdat, 1932. – 142 s. (In Russ).

GYaURGIEV Kh. *Kabardinskii yazyk* [Kabardian language]. – Nal'chik: El'brus, 1996, – 272 s. (In Kabardino-Circassian).

EL"BERDOV Kh. *Uchebnik kabardinskogo yazyka. Grammatika i pravopisanie*. [Kabardian language textbook. Grammar and spelling.] – Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo, 1949. – 150 s. (In Kabardino-Circassian).

EL"BERDOV Kh. *Uchebnik kabardinskogo yazyka. Sintaksis*. [Kabardian language textbook. Syntax]. – Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. – 132 s. (In Russ.).

ZEKOREEV N.N. *Shkol'nyi russko-kabardino-cherkesskii terminologicheskii slovar'*. [School Russian-Kabardino-Circassian terminological dictionary.] – Nal'chik: El'brus, 1999. – 288 s. (In Russ.).

MOLOV S. *Chistyi yazyk priznak zdorovoi natsii*. [A clean language is a sign of a healthy nation]. IN: Gazeta «Adygskoe slovo». – 1992.29.12. – № 248 (17.719). – S. 3. (In Russ.).

NOGMA Sh.B. *Filologicheskie Trudy*. [Philological works]. – T. II. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. – 199 s. (In Russ.).

ROZENTAL" D.Je., TELENKOVA M.A. Slovar' spravochnik lingvisticheskih terminov. [Dictionary reference of linguistic terms]. – M.: Prosveshhenie, 1985. – 399 s. (In Russ.).

UNATLOKOV V.H., UNATLOKOVA L.S. *Prakticheskaja fonetika sovremennogo kabardino-cherkesskogo literaturnogo jazyka: uchebnoe posobie*. [Practical phonetics of the modern Kabardino-Circassian literary language: textbook]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2015. – 86 s. (In Russ.).

UNATLOKOV V.H., HUTEZhEV Z.G., UNATLOKOVA L.S. *Sovremennyj kabardino-cherkesskij jazyk. Fonetika: uchebnoe posobie*. [Modern Kabardino-Circassian language. Phonetics: a textbook]. – Nal'chik: KBGU, 2021. — 103 s. (In Russ.).

URUSOV H. *Kabardinskaja grammatika. Sintaksis, punktuacija*. [Kabardian grammar. Syntax, punctuation]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 213 s. (In Russ.).

ChERKESOV A.I. *Materialy dlja tolkovogo slovarja kabardino-cherkesskogo jazyka*. [Materials for the explanatory dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: KBIGI, 2009. – 172 s. (In Russ.).

Авторым теухуауэ

Хь.Ч. Жылэтеж – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.

Л.Хь. Жылэтеж – Бэрбэч Хь. М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университетым и магистрант.

Information about the author

Kh. Ch. Zhiletezhev – candidate of Science (Philology).

L.Kh. Zhiletezheva – graduate student of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

Информация об авторах

Х.Ч. Жилетежев – кандидат филологических наук.

Л.Х. Жилетежева – магистрант Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр: Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 16.01.2023 гъ.; рецензэ нэужьым къащтащ 20.02.2023 гъ.; къытрадзэнущ 15.03.2023 гъ.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.02.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
УДК 323.111+342.725
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-333-346
EDN: LYACXG

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ: ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Юсуп Джабраилович Джабраилов
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Махачкала, Россия, y.djabrailov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9588-0156

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние региональных дагестанских языков на фоне интенсивно протекающего в регионе процесса урбанизации. На основе анализа результатов экспертного опроса выявлена тенденция развития родных (национальных) языков и определены необходимые меры со стороны федеральных и республиканских властей для сохранения региональных языков. Автор обращает также внимание на связь этнокультурного воспитания молодого поколения с формированием гражданского самосознания и патриотических чувств отдельной личности.

Таким образом, автор предпринял попытку проанализировать социальный аспект функционирования региональных языков. Основная цель исследования состоит в выявлении реальной картины языковых потребностей дагестанцев и предупреждения возможных социальных конфликтов на почве неудовлетворенности этнокультурных потребностей населения. В этой связи автор акцентирует внимание на задаче превращения национальной политики в эффективный механизм укрепления гражданской идентичности, поддержания социальной стабильности на федеральном, региональном и местном уровнях.

Ключевые слова: языковое пространство, языковая ситуация, родной язык, языковое многообразие, миноритарные языки, патриотизм

Для цитирования: Джабраилов Ю.Д. Современные проблемы сохранения дагестанских языков: экспертное мнение // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 333-346. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-333-346. EDN: LYACXG.

© Джабраилов Ю.Д., 2023

Original article

MODERN PROBLEMS OF THE DAGESTAN LANGUAGES PRESERVATION THROUGH THE EYES OF EXPERTS

Yusup Dzh. Dzhabrailov
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia, y.djabrailov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9588-0156

Abstract. The article handles the problem of studying regional Dagestan languages against the backdrop of an intensive process of urbanization in the republic. Based on an expert survey,

modern events in the language sphere and the measures for the development of the Dagestan languages are identified, which affect legislative initiatives at the federal level and the state of native languages in the government. The author pays special attention to the connection between the ethno-cultural education of the younger generation and the formation of manifestations of civic consciousness and patriotic feelings of an individual personality.

Thus, the author attempted to analyze the social aspect of the functioning of regional languages. The main purpose of the study is to identify the real picture of the language needs of Dagestan people and to prevent possible social conflicts based on dissatisfaction with the ethno-cultural needs of the population. The author focuses on turning national policy into an effective mechanism for strengthening civic identity, maintaining social stability at the federal, regional levels.

Keywords: language space, language situation, native language, linguistic diversity, minority languages, patriotism

For citation: Dzhabrailov Yu.Dzh. Modern problems of the dagestan languages preservation through the eyes of experts. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 333-346. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-333-346. EDN: LYACXG.

© Dzhabrailov Yu.Dzh., 2023

Введение

При решении задач постсоветской модернизации российского общества проблема организации бесконфликтных межэтнических контактов и консолидации многочисленных этнических общин в рамках единого государства приобрела особое значение. В нормативно-правовых актах Российской Федерации получили свое развитие, прежде всего, принципы государственной национальной политики, обеспечивающие сплочение граждан в единой гражданской нации на основе обеспечения культурного многообразия, соблюдения равенства прав и свобод независимо от их языка, этнической и религиозной принадлежности.

Таким образом, для воплощения в жизни законодательно декларированных норм и утверждения подлинной демократии в сфере национальной политики в условиях смешанного расселения необходимо гарантировать равноправие этнических групп на всей территории Российской Федерации. Поскольку официальный вектор национальной политики не рассматривает связку «поликультурность – идентичность (одинаковость)» россиян как внутренне противоречащую и взаимоисключающую.

Следовательно, граждане России вправе ожидать государственной поддержки развитию не только общеинтегрирующей идентичности, но и региональных, социально-групповых идентичностей. И любые попытки повышения первой за счет уменьшения интереса к этнокультурным аспектам народов России будут восприниматься большей частью этнических элит как нарушение законодательства в сфере этнокультурного регулирования.

Как известно, одним из ключевых признаков национальной идентичности является язык. Для каждого народа вопрос сохранения родного языка – это вопрос сохранения идентичности, самобытности и традиций. Так, активно включилась дагестанская интеллигенция в защиту родных языков после внесения в

Государственную Думу Российской Федерации законопроекта, который предусматривает закрепление принципа добровольности в изучении родных языков[1].

В этой связи В.В. Путин, выступая на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, отметил:

> «Основой государственной языковой политики, по моему мнению, является двуединство ее целей и задач. С одной стороны, безусловное и равное уважение ко всем народам России, их языкам, диалектам, традициям, ко всему так называемому нематериальному наследию любой, пусть самой малочисленной народности. С другой стороны, признание русского языка главным фактором единства Российской Федерации, обязательность владения русским языком всеми гражданами России вне зависимости национальности, места рождения и проживания»[2].

Таким образом, на высшем государственном уровне придерживаются точки зрения, согласно которой развитие миноритарных языков российских народов никак не препятствует полноценному овладению их носителями государственного (русского) языка.

В Дагестане роль русского языка как языка межнационального общения никем не отрицается – это объективная реальность. Владение русским языком жителями республики достигает практически сто процентного показателя и доля, считающих среди них этот язык родным, растет с каждым годом. И в среде общественных активистов часто встает вопрос как сохранить дагестанские миноритарные языки в условиях агрессивного билингвизма с доминированием одного языка.

В настоящее время для Дагестана должна стать приоритетной ориентированность во внутренней политике на сохранение и развитие многоязычия, как важной основы многовековой модели сосуществования поликультурного и поликонфессионального пространства. Если рассматривать билингвизм как объективный процесс конкуренции, в данном случае национальных дагестанских языков и русского языка – как языка межнационального общения, то очевидно отсутствие определенного баланса приведет, в конечном итоге, вытеснению одного языка за счет укрепления позиций другого.

По мнению Е. И. Филипповой, «конкурировать с языком кормильцем, языком «ремесла и хлеба», открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни, сложно, если не невозможно» [Филиппова 2013: 7].

Этническая пестрота и многоязычие Дагестана намного усложняют задачу нахождения оптимального баланса между сохранением национальных языков, как части неповторимой культуры и развитием единого государственного русского языка. В современных реалиях приходиться, прежде всего, говорит в за-

[1] Обращение писателей Дагестана в защиту родных языков Президенту Российской Федерации В.В. Путину. [Электронный ресурс] URL: https://mkala.mk.ru/politics/2018/06/07/obrashhenie-pisateley-dagestana-vzashhitu-rodnykh-yazykov.html (дата обращения 10.06.2019).

[2] Путин В.В. Выступление на сов Совета по межнациональным отношениям местном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, посвященного роли русского языка и языков народов России в укреплении государственности, совершенствованию мер по сохранению и развитию национальных языков // Стенограмма совместного заседания и Совета по русскому языку от 26.02.2016 г. [Электронный ресурс] URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 17.06.2022).

интересованности решения двуединой задачи у представителей малочисленных этносов в связи с трудностями сохранения национальных языков. В национальных печатных изданиях Дагестана тонко чувствуют и отмечают об ускорении в последние годы процесса нивелирования национальных (этнических) начал и постепенного отхода от родного языка[1] и его размывание[2].

Угроза постепенного исчезновения всех родных языков (за исключением общегосударственного русского языка) так или иначе соприкасается с вопросом становления российской гражданской нации на основе этнокультурного равноправия народов.

По мнению А.И. Тетуева, в процессе формирования новой исторической общности «российский народ», принципиально важно налаживание этнокультурных связей на федеральном уровне. Поскольку именно незнание ведет к расширению стереотипного мышления, к восприятию других через призму «образа чужого». Так, свидетельством разрушения единого информационного и духовного пространства в России является оскудение этнокультурного содержания учебников по литературе [Тетуев 2020: 132].

В научной литературе можно встретить две противоположные позиции относительно потери родного языка и состоятельности народа: «умер язык — умер народ» или «смерть языка не означает смерть народа». То есть одни специалисты под родным языком понимают основной язык общения, а другие рассматривают в качестве родного языка, тот язык на котором вырабатывается языковая способность, поскольку причиной ее появления является биологически обусловленный компонент, напрямую связанный с основными параметрами мышления человека (генеративная лингвистика Н. Хомского).

Трудно не согласится с последними в том, что ни один этнический язык не был создан в лабораторных условиях, а их многовековое эволюционное развитие напрямую связано с человеческим мышлением и языковой коммуникацией. Следовательно, процесс угасания языков явление негативное, а его сохранение является важной задачей государства и общества.

Результаты исследования

Для нас представляет научный интерес реальное состояние региональных языков, соотношение русско-национального билингвизма, качество изучения национальных языков и экспертные оценки современной государственной языковой политики в регионе России, который исторически отличается этнической и языковой пестротой – в Республике Дагестан. С этой целью в 2022 г. нами проведен экспертный опрос. В опросе качестве экспертов выступили представители республиканских министерств, руководители местных национально-культурных автономий и национальных печатных изданий, специалисты вузовской и академической науки по лингвистике. В основном эксперты опрашивались непосредственно в ходе очных бесед в формате интервью. Следовательно,

[1] В статье термин «родной язык» (в значении «нерусский») используется в качестве эквивалента термину «этнический язык»

[2] Башаев Р. Обращение к молодежи Дагестана. Газета «Илчи» №48 06. 12. 2021. С. 1 // URL: https://ilchi.info/2021/12/laizavu-2/ (дата обращения: 13.10.2022).

для удобства восприятия цитат экспертов, они сопровождаются в скобках обозначением этнической принадлежности респондентов и их категории: 1 – госслужащий; 2 – ученый-гуманитарий; 3 – общественник; 4 – журналист. Всего в рамках опроса были проинтервьюированы 25 экспертов. В числе опрошенных экспертов есть представители всех дагестанских этносов.

Некоторые авторы отмечают, что из 32 языков Дагестана (из которых 14 письменных и 18 бесписьменных) [Языки Дагестана: 2000] действительно находятся под угрозой исчезновения только ахвахский, ботлихский, годоберинский, гинухский, кайтагский, каратинский, кубачинский, тиндальский. А относительно остальных языков особенно 14 крупных народов Дагестана можно говорить только о поддержке и развитии их языков [Тишков 2021: 49].

Практически без исключения участники экспертного опроса отмечают сужение пространства всех родных языков (за исключением русского языка) в Дагестане.

«В селах ранее практически никто не разговаривал между собой на русском языке» (табасаранка_2). «В последнее время в моноэтническом кумыкском селе наблюдаю как дети, молодежь начинает разговаривать на русском языке. Владение разное часть из них разговаривает грамотно, часть с орфоэпическими, грамматическими ошибками. Но факт остается фактом много стало разговаривающих на русском языке. Я интересовался ситуацией в других населенных пунктах оказалось, что аналогичная тенденция и факты наблюдаются и в высокогорных аулах» (кумык_2).

Причинами все меньшей востребованности родного языка как средства коммуникации могут быть отсутствие в социальной среде соответствующих условий или обычное предпочтение родного языка более развитому языку.

Многие эксперты указывают, что в городской полиэтничной среде многоязычие Дагестана является скорее проблемой, чем его богатством, здесь в сохранении этнокультурной специфики наиболее уязвимы малочисленные этносы.

«В горах работы нет молодежь выезжает в города, что сказывается на сужении языкового пространства цахурского языка. В Махачкале проживает больше цахурцев чем в горах. В сельской местности много школ в которых учится всего лишь 3-4 ученика, в городах где есть возможность с 1-5 классы создать группы изучения цахурского языка директора школ не идут навстречу» (цахурец_4).

Так, согласно результатам социологического исследования, проведенного РЦЭИ ДФИЦ РАН в 2015 г. в рамках выполнения госконтракта на предмет оказания услуг по осуществлению мониторинга состояния этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях РД, больше половины опрошенных респондентов отметили, что в республике *«в полной мере созданы условия для изучения национального (родного) языка»* и меньше всего таковых среди рутулов, агулов, цахур и татов[1]. Очевидно, такая позиция обусловлена тем, что ма-

[1] Отчет РЦЭИ ДНЦ РАН «О выполнении государственного контракта от 30 октября 2015 года на предмет оказания услуг по осуществлению мониторинга состояния этноконтактной ситуации в муниципальных образованиях, определению степени конфликтности и выработке рекомендаций для органов исполнительной власти Дагестана». С.138

лочисленным дагестанским этносам и процесс налаживания обучения на их национальных (родных) языках сопровождается определенными трудностями.

Тем не менее, урбанизация и ускорение научно-технического прогресса способствуют к абсолютному доминированию в Дагестане языка межнационального общения как средства коммуникации. Социолингвистические исследования свидетельствуют, что горожане второго третьего поколения, по сути, полностью отрываются от родного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вероятность же того, что они будут владеть бытовым разговорным языком, почти что равна нулю [Магомедов М.И. 2018: 18].

При этом нужно отметить, доступность, даже для жителей самых отдаленных муниципальных образований республики, современных информационно-коммуникационных технологий не позволяет в полном смысле слова говорить о сельской местности как об анклаве развития и сохранения родного языка и этнической культуры.

«Городская среда не предполагает активное владение родным языком. Изначально дети учатся говорит не в семейном кругу, а сколько благодаря телевизору, компьютеру и телефонам поэтому изначально говорят на русском или смешанном языке. Сельские жители говорят на рутульском языке, но думая на русском. Очевидна проблема исчезновения лексики, архаизмов и историзмов» (рутулка_2).

Влиянием города на село объясняется неожиданно быстрый для экспертов процесс перехода с национальных языков на русский в местах исконного проживания дагестанских этносов.

Кроме того, один из экспертов прямо связывает степень уязвимости того или иного дагестанского языка с числом людей, покинувших родные земли.

«До 80 % лакского народа переселилось в города. Отсюда и уязвимость лакского языка, сегодня трудно найти студентов для русско-дагестанского отделения филологического факультета (РДО) из их числа.

Нет ни одного человека, который бы выучил родной язык благодаря городской школе. В городе надо учить язык для знания беглости речи, а грамматика для сельских школ. Фактически в городе нет места для родных языков. Есть только театр, газета, русско-дагестанское отделение в ДГУ и в ДГПУ, НИИ педагогики им. А.А. Тахо-Годи. Если зайти в Аварский театр и там спрашивают (на русском языке. Примеч. автора) «Извините, это какой ряд?» хотя все знают, что там люди одной национальности. Это проблема функциональной загрузки языков, на них нет делопроизводства и т.д. И как следствие такой язык как аварский, не говоря о языках малых этносов, может исчезнуть. Литературная форма аварского языка появилась еще в 18 веке как болмац «народный» язык межнационального, межплеменного общения 14-15 маленьких этнических групп, всех 13 аваро-андийских плюс арчинцев и мегебцев» (аварец_2).

Эмпирический материал показывает, что не только в смешанных семьях языком внутрисемейного общения становится русский язык. Так, сравнительный анализ результатов исследования по годам (2009 и 2021 гг.) показывает заметное снижение интенсивности коммуникации на родном (национальном) языке внутри семьи (с 88,7 % в 2009 г. до 76,4 % в 2021 г.). И наоборот обнару-

жено 2-х кратное увеличение процентных показателей, показывающее превалирование русского языка во внутрисемейном общении: если в 2009 г. внутрисемейное общение поддерживалось на русском языке 22,2 % опрошенного городского населения, то в 2021 г. доля таковых существенно выросла – 46,0 % [Шахбанова 2021: 38].

Некоторые участники опроса обратили внимание на снижение количества людей, владеющих на хорошем уровне родным языком. По их мнению, выросло новое поколение людей, которым удобнее разговаривать на русском языке чем на родном.

«Мы прошли разные этапы: документация на арабском, на языках народов Дагестана, сейчас на русском языке. Ситуация с 1950-х, 1960-х годов диаметрально изменилась. Тогда у нас была проблема овладения русским языком, сегодня существует проблема овладения своим родным языком. Например, наш район чисто аварский. Но все собрания, всё, что проводится на районном уровне, проводится на русском языке» (аварец_2).

Один из экспертов подчеркивает, что выступления чиновников районного уровня на русском языке связано с тем, что они уже плохо знают свой родной язык и им трудно донести свои мысли на нем.

«Проведение всех официальных мероприятий на русском языке (в двух районах РД компактного проживания табасаранцев. Примеч. автора) чиновники объясняли защитой этнокультурных прав проживающих в Табасаранском районе азербайджанцев (7 сел азербайджанских) и лезгин, проживающих в Хивском районе (где-то 7-8 сел лезгинских). Но потом понял в чем дело они просто не могут выступать на табасаранском языке» (табасаранец_4).

К сожалению, сегодня специалисты-лингвисты признаются, что им легче на русском написать статью, чем на родном языке.

«*Сегодня уже проблема с разговорной речью, не говоря о том, чтобы дагестанцы могли писать на родных языках. Посмотрите на национальные издания в них чуть ли не половина слов русских» (лезгин_3).*

Эксперты обращают внимание на упадок традиционной хозяйственной деятельности дагестанских народов как причину сокращения языкового пространства родных языков.

«Когда не сохраняется среда обитания, сворачиваются народные промыслы, заброшены пашни, нет заготовки леса, сена и т.д. соответственно с этим исчезают из обихода многие термины, нынешнее поколение абсолютно не владеют ими, поэтому младшее поколение не понимает речь старшего поколения, газетные или журнальные статьи.

Мы уже не владеем тем количеством набора слов, которым владели поколение наших родителей, половину того, что мы владеем невозможно передать последующему поколению (проблема с алфавитом, очень много заимствованных слов). Сегодня трудно найти человека за исключением 2-3 человек среди интеллигенции и отдельных поэтов кто мыслит на табасаранском языке. Все остальные думают, мыслят на русском языке и по ходу выступления переводят (компилируют) свои мысли на родной язык. Поэтому появляется в публицистике,

в книгах свойственные не табасаранскому языку (эргативной системе) конструкции предложения, а скорее русской номинативной системе. Использование одних конструкций в общении в семье, а в газетах и журналах других затрудняет процесс изучения и усвоения родного языка» (табасаранец_2).

Внутренняя миграция в российские регионы также усиливает процесс языковой ассимиляции. Особенно данная проблема отчетливо проявляется на примере малочисленного ногайского народа. Начиная с 1990-х гг. происходит массовый отток ногайской молодежи в основном регионы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Как правило, эта молодежь на земли предков не возвращается. Соответственно, они постепенно забывают родной язык, традиции, обычаи и обряды своего народа.

«Будущее ногайского языка весьма туманно, в ближайшей перспективе, скорее всего, сфера его применения будет все больше сужаться, и он будет уходить даже из бытового употребления значительной части ногайского населения» (ногаец_3).

Анализ деятельности представительства Республики Дагестан в некоторых областях и краях показывает, что в историко-культурном аспекте жизни Землячества формируется наднациональная общность – дагестанцы с общим менталитетом, признаваемая региональным социумом как единый этнос. Тем не менее, сохраняющееся естественное стремление людей обозначить и сохранить этническую самобытность, идентифицировать себя по своему этносу внутри землячества несет в себе с одной стороны – конфликтогенные риски, представлений и обид на ущемление своих прав по национальному признаку, с другой – угрозы ассимиляции и полной утраты своих этнокультурных, языковых особенностей и самобытности.

Современная этноязыковая ситуация в Землячествах складывается таким образом, что с одной стороны отмечается рост числа граждан, не владеющих родными языками, нарастание проявлений нигилизма по отношению к родной языковой среде, её сужение даже на уровне семейно-бытового употребления.

Трудности обучения родным языкам подрастающего поколения дагестанцев в регионах России связаны с дисперсным способом расселения и отсутствием специалистов по языкам.

«Наши дети обучаются на общих условиях и по программам утверждённым Департаментом образования Брянской области. У нас нет лингвистов, которые могли бы преподавать на дагестанских языках. И компактно проживающих дагестанцев одной нации в области не наберём и 10 человек» (агулец_3).

В Дагестане издается пресса на всех 14 языках с государственным статусом на территории республики: «Дагестанская правда» (русский яз.), «Истина» (аварский яз.), «Елдаш» (кумыкский яз.), «Илчи» (лакский яз.), «Лезги газет» (лезгинский яз.), «Замана» (даргинский яз.), «Нур» (цахурский яз.), «Зори Табасарана» (табасаранский яз.), «Дербент» (азербайджанский яз.), «Ватан» (татский яз.), «Вести Агула» (агульский и русский яз.), «Голос степи» (ногайский

яз.), «Рутульские новости» (рутульский и русский яз.), «Степные вести» (русский яз.), «Нийсо-Дагестан» (чеченский и русский яз.).

Тем не менее, редакции государственных изданий на национальных языках не имеют возможности обновить устаревшую оргтехнику, и соответственно, обеспечить высокий уровень подачи информации. Другая проблема сокращение бюджетных расходов на типографские и иные услуги.

«К примеру, если по госзаданию должны издать 2500 экземпляров газет, но смогли в этом году осуществить подписку только на 1700 экземпляров, то проверка Счетной палаты покажет нецелевое расходование средств и ожидаемо будет сокращение госфинансирования в следующем году» (табасаранец_4).

Как пишет академик В.А. Тишков, в Российской Федерации существует структурное насилие в сфере языковой политики, которое лишает индивида возможности реализовать свои языковые права. «Централизаторы» пекутся о едином образовательном (или правовом) пространстве, но в культурно сложном обществе признанное разнообразие и есть проявление единства [Тишков 2019: 26].

В целом, отношение экспертов к государственной языковой политике характеризуется как скептическое. Государство не задействовало, по их мнению, имеющие рычаги для поддержки языков дагестанских этносов.

Дагестан – единственный регион из национальных республик, в котором так до сих пор и не принят Закон о языках. Положительному решению вопроса препятствует языковое многообразие, возможный перенос темы языка в политическую плоскость, значительные финансовые ресурсы, которые потребуются вслед за его принятием.

Вместе с тем один из экспертов считает, что пока доминирует среди дагестанцев прагматический подход к выбору языка дополнительное законодательное закрепление языковых прав на региональном уровне не сыграет существенной роли в деле сохранения и развития родных языков.

«Что даст нам принятие Закона о языках? У нас уже есть федеральный Закон о языках» (аварец (дидоец)_1).

Тем не менее, многие участники опроса считают, если бы был принят данный Закон у родных языков появились бы определенные гарантии, а так получается, что мы имеем конституционно зафиксированные права на их сохранение, но при этом в региональном политическом поле не разработаны механизмы реализации данных прав и не предпринимаются реально значимые шаги в направлении популяризации и развития дагестанских языков.

«В настоящее время у нас при Главе РД есть комиссия по языкам, которая должны заседать не реже одного раза в полгода, но ее члены не могут вспомнить, когда они заседали последний раз, все формально» (табасаранка_2).

Существует довольно резкая позиция о государственной политике как тормозящей развитие языков.

«Если возьмем, к примеру, местное телевидение в Чечне, в Башкирии, в Татарстане мы увидим вещание с утра до вечера на национальном языке (спортивного, информационного, познавательного, религиозного характера, передач для детей). В Дагестана одних письменных языков достаточно много, но нет отдельного телевизионного канала для вещания на национальных языках, в неделю 40–50 минут для языка недостаточно. Поэтому дагестанские языки находятся под угрозой исчезновения, я осмелюсь сказать, что табасаранский язык на грани исчезновения» (табасаранец_3).

Эксперты недовольны внесенной в 2018 г. поправкой в Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации», согласно которой теперь русский язык получил право также считаться «родным языком»[1].

На практике внесение данного законодательного изменения означает предоставление права отказа от родных языков в пользу русского, необходимого для сдачи ЕГЭ. Так, согласно данным Министерства образования и науки РД за последние три года в пять раз увеличилось число учеников, изучающих русский (родной) язык. Мотивационная составляющая национальных групп относительно выбора родного языка объясняется исключительно интересами карьерного роста и социального «лифта».

Тем не менее, дагестанцы, не теряют интереса к родному языку. Так, согласно результатам социологического исследования М.М. Шахбановой «Этноязыковые процессы в Дагестане», около 88,5 % опрошенных выражают желание лучше знать свой родной язык [Билингвизм как практика…].

Другая актуальная проблема, свидетельствующая о неудовлетворительности госполитики в языковой сфере Дагестана – необеспеченность образовательных учреждений республики учебно-методическим материалом по родным языкам. В настоящее время только на шести языках (аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский и табасаранский) издаются учебники, но в недостаточном количестве. Следовательно, лишь данный факт позволяет отметить о том, что в Республике Дагестан отсутствуют необходимые условия для изучения национальных (этнических) языков.

По словам, представителя регионального Министерства образования и науки в школах Республики Дагестан в качестве обязательного предмета изучаются 13 родных языков с государственным статусом (за исключением татского языка) в соответствии с базисным учебным планом для образовательных организаций РД. В то же время она признает факт нехватки учебников по всем родным языкам.

«Первостепенной задачей на сегодняшний день является возможное содействие для обеспечения образовательных учреждений республики необходимой учебной литературой» (аварка_1).

Дело в том, что право на разработку и издание учебников по родным языкам, не получило ни одно региональное издательство, соседние республики

[1] Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации». □Электронный ресурс□. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 17.06.2022

весь материал по национальному компоненту издают у себя. Дагестан заказывает учебники по родным языкам в издательстве «Просвещение» г. Москва, что значительно снизило эффективность использования финансовых средств.

Ряд участников опроса отмечают, что в российском законодательстве нет никаких ущемлений родных языков, а также в федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) родной язык и родная литература входят в перечень обязательных для изучения предметов. Но в ней привлекает к себе внимание другая норма, в отношении только этих двух дисциплин, что для организации языком образования, которых является русский язык (в Дагестане это все образовательные учреждения) изучение языков народов России осуществляется: при наличии возможностей Организации и по заявлению обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся[1].

Как мы отмечали, имеющаяся в республике проблема с учебниками уже дает руководителям образовательных учреждений полное право на отказ изучения родных языков.

«У нас есть огромное количество директоров, которые ссылаясь на этот абзац превращают изучение родных языков в формальность. Я не могу понять почему если эти дисциплины носят обязательный характер родители должны писать заявление о желании изучать родные языки» (агулец_2).

В связи с чем один из экспертов предлагает этническим активистам ориентироваться в своей общественной деятельности на законы, а не подзаконные акты.

«Проблема заключается в том, что в Конституции РФ четко и ясно обозначено право на сохранение родных языков, уделено внимание развитию этнокультурной направленности образовательных процессов, а на уровне подзаконных актов (ФГОС) постепенно этот момент нивелируется» (аварец_3).

Среди мнений опрошенных экспертов существует позиция о том, что в советское время реально государство акцентировало внимание на развитие национальных культур, тогда как сегодня все ограничивается на уровне деклараций.

«В Центре озабочены формированием общероссийской идентичности и все что мешает этому процессу (религиозное, культурное и языковое многообразие) приносится в жертву этой идеи» (табасаранец_4).

Заключение

В Дагестане языковая ситуация характеризуется процессом неравновесного национально-русского двуязычия, определенное доминирование русского языка во всех сферах жизни создает однополюсную языковую ситуацию. Фактически национальные языки дагестанских народов не выполняют функции государственных языков на территории Республики Дагестан, они вытеснены в

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. N 287 // Электронный ресурс. URL: https://irorb.ru/wp- content/uploads/2021/09/fgos-ooo-prikaz-minprosvescheniya-rossii-ot-31.05.2021--287.pdf (дата обращения: 20.05.2022)

семейно-бытовую сферу и обладают неполной взаимодополняющей функцией в сфере культуры и образования, СМИ, издательского дела.

Материалы исследования свидетельствуют, что основными факторами, обусловившими современную языковую ситуацию, являются языковая политика в регионе и урбанизация. Так, по мнению участников опроса:

1. интенсивный процесс урбанизации в Дагестане намного ускорил процесс перехода с родных языков на русский, в том числе в местах исконного проживания дагестанских этносов.

2. современный дисбаланс в государственной языковой политике в Республике Дагестан тормозит развитие миноритарных дагестанских языков.

Во многом формалистическое отношение республиканских властей к своим обязанностям по обеспечению необходимых условий для сохранения родных языков объясняется тенденцией сокращения пространства родных языков. Многие участники опроса считают, что на одном энтузиазме общественников невозможно остановить современный процесс угасания дагестанских языков. Сегодня новые законодательные меры по устройству языковой жизни позволяют при желании отказаться от изучения родных языков в пользу более востребованных дисциплин. Как результат наблюдается тенденция вытеснения родных языков из образовательного процесса. В итоге ставка властей на развитие патриотических начал у населения, лояльности государству, без ощутимого импульса развитию этнокультурной сферы, вызывает определенное сомнение. Молодой человек отдалившийся от своих корней, традиций, культуры и не знающий своего родного языка теряет чувство родины.

Поэтому в своих требованиях этнические активисты и языковые специалисты особенно настаивают о необходимости ухода от практики предоставления права на выделение количества часов по родным языкам на усмотрение руководителей образовательных учреждений и установления единого норматива часов по родным языкам для всех образовательных учреждений республики в соответствии с учебными планами.

Для придания нового импульса развитию родных языков в Республике Дагестан считаем возможным также проработки на экспертно-консультативном уровне проблемы расширения имеющихся возможностей использования Интернета и Рунета. Создание виртуальной образовательной школы позволит обеспечить этнокультурные запросы дагестанцев через реализацию различных проектов, направленных на сохранение языкового наследия Дагестана.

Многие исследователи предлагают для улучшения ситуации с сохранением родных языков решить следующие первоочередные задачи: улучшение обучения родным языкам в школах, увеличение количества теле- и радиопередач на национальных языках, принятие Закона о языках народов Дагестана [Шахбанова 2022: 79]. Лишь в этом случае, на наш взгляд, можно будет переложить ответственность за сохранность и будущее родных языков с плеч государства на его носителей.

Таким образом, языковая политика, направленная на создание условий для развития родного языка для отдельной личности, так и российских народов позволит безболезненно решить проблему выбора средства коммуникации. Чем больше гарантий сохранения языка той или иной этнической группы, тем боль-

ше шансов на строительство единой общности граждан [Язык и политика 2000: 270]. И наоборот, какое-либо проявление дискриминации языковых прав личности и миноритарного народа будет восприниматься как насильственная ассимиляция и вести к развитию этноцентризма с отрицательными последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Билингвизм как практика и потребность повседневной жизни народов республик РФ (на примере Республики Дагестан). URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=735010#text (дата обращения: 03.11.2022).

Магомедов 2018 – *Магомедов М.И.* Проблемы функционирования русского и дагестанских языков в Республике Дагестан // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018. – № 14. – С. 17-25.

Тетуев 2020 – *Тетуев А.И.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2020. – 224 с.

Тишков 2019 – *Тишков В.А*. Диалог ученых о конфликте вокруг родного языка // Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2019. – 260 с.

Тишков 2021 – *Тишков В.А.* Миф о вымирании языков // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2021. – 620 с.

Филиппова 2013 – *Филиппова Е.И.* Судьба языков в глобализующемся мире // Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. Российско-французский диалог / отв. ред. и пер. с франц. Е.И. Филиппова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2013. – 202 с.

Шахбанова 2021 – *Шахбанова М.М.* Урбанизация и языковое поведение городского населения Дагестана. Современные стратегии устойчивого развития государства и общества в контексте глобальных вызовов. Сборник трудов третьей международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» г. Ростов-на-Дону, 21 октября 2021 г. Под редакцией Игнатовой Т.В., Брюхановой Н.В. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. – 727 с.

Шахбанова 2022 – *Шахбанова М.М* Этничность и языковое сознание дагестанской молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Том 14. – №1. – С. 71-82.

Языки Дагестана 2000 – Языки Дагестана / под общ. ред. Г.Г. Гамзатова (Серия языки народов России) – Махачкала-Москва: «Офсет», 2000. – 553 с.

Язык и политика 2000 – Язык и политика в многонациональном государстве: политологические очерки. – Уфа: Китап, 2000. – 270 с.

REFERENCES

Bilingvizm kak praktika i potrebnost' povsednevnoi zhizni narodov respublik RF (na primere Respubliki Dagestan) [Bilingualism as a practice and the need of everyday life of the peoples of the republics of the Russian Federation (on the example of the Republic of Dagestan)]. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=735010#text (accessed: 03.11.2022). (In Russ.).

MAGOMEDOV M.I. *Problemy funktsionirovaniya russkogo i dagestanskikh yazykov v Respublike Dagestan* [Problems of functioning of the russian and dagestan languages in the Republic of Dagestan]. IN: Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy DNTs RAN. – 2018.–№ 14. – P. 17-25. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze v postsovetskii period* [Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-soviet period]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2020. – 224 p. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Dialog uchenykh o konflikte vokrug rodnogo yazyka // Smert' yazyka — smert' naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh / otv.*

redaktory E. I. Filippova i S. V. Sokolovskii [The dialogue of scientists about the conflict around the native language // The death of the language – the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring states / Ed. by E. I. Filippova and S. V. Sokolovsky]. – M.: Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho- Maklaya RAN, 2019. – 260 p. (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Mif o vymiranii yazykov // Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii / otv. red. M. Yu. Martynova* [The myth of the extinction of languages // Language and identity: an anthropological study of the situation in Russia / Ed. by M. Y. Martynova]. – M.: IEA RAN, 2021. – 620 p. (In Russ.).

FILIPPOVA *E.I. Sud'ba yazykov v globalizuyushchemsya mire // Yazyki men'shinstv: yuridicheskii status i povsednevnye praktiki. Rossiisko-frantsuzskii dialog / otv. red. i per. s frants. E.I. Filippova* [The fate of languages in a globalizing world // Minority languages: legal status and everyday practices. Russian-French dialogue / Ed. and trans. from french. by E.I. Filippova]. – M.: FGNU «Rosinformagrotekh», 2013. – 202 p. (In Russ.).

SHAKHBANOVA M.M. *Urbanizatsiya i yazykovoe povedenie gorodskogo naseleniya Dagestana. Sovremennye strategii ustoichivogo razvitiya gosudarstva i obshchestva v kontekste global'nykh vyzovov. Sbornik trudov tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «SOCIAL SCIENCE (Obshchestvennye nauki)» g. Rostov-na-Donu, 21 oktyabrya 2021 g. Pod redaktsiei Ignatovoi T.V., Bryukhanovoi N.V.* [Urbanization and linguistic behavior of the urban population of Dagestan. Modern strategies of sustainable development of the state and society in the context of global challenges. Proceedings of the third International scientific and practical conference "SOCIAL SCIENCE" Rostov-on-Don, October 21, 2021. Ed. by Ignatova T.V., Bryukhanova N.V.]. – Rostov-na-Donu: YuRIU RANKhiGS, 2021. – 727p. (In Russ.).

SHAKHBANOVA M.M *Etnichnost' i yazykovoe soznanie dagestanskoi molodezhi* [Ethnicity and language consciousness of dagestan youth]. IN: Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2022. – Tom 14. – №1. – S. 71-82. (In Russ.).

Yazyki Dagestana [Languages of Dagestan] / pod obsh. red. G.G. Gamzatova (Seriya yazyki narodov Rossii) – Makhachkala-Moscow: «Ofset», 2000. – 553 p. (In Russ.).

Yazyk i politika v mnogonatsional'nom gosudarstve: politologicheskie ocherki [Language and politics in a multinational state: political science essays]. – Ufa: Kitap, 2000. – 270 p. (In Russ.).

Информация об авторе
Ю.Дж. Джабраилов – кандидат политических наук.
Information about the author
Yu.J. Dzhabrailov – Candidate of Science (Policy).

Статья поступила в редакцию 20.12.2022 г.; одобрена после рецензирования 26.01.2023 г.; принята к публикации 15.03.2023 г.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Обзор книги
УДК 94(470.62)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-347-352
EDN: LYWEIR

ОБЗОР СБОРНИКА «100 ЛЕТ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. АРХИВНАЯ ЛЕТОПИСЬ. – НАЛЬЧИК: ИЗДАТЕЛЬСТВО М. И В. КОТЛЯРОВЫХ, 2022. 384 С. + 80 С. ВКЛ.»

Алексей Хасанович Абазов
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alex_abazov@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-7009

Аннотация. Дан обзор сборника «100 лет Кабардино-Балкарской Республике. Архивная летопись», изданного Архивной службой КБР в 2022 г. в рамках проекта «Документы свидетельствуют» и посвященного 100-летию государственности Кабардино-Балкарии. Отмечается, что в него включено 329 архивных документов и 169 фотографий по истории республики с 1922 по 2022 гг. Дается характеристика помещенных в сборнике документов: нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации органов государственной власти КБР (КБАО, КБАССР) в области национально-государственного строительства, создания и деятельности образовательных и научных учреждений, организации здравоохранения и культурно-досуговой сферы, основных тенденциях развития предприятий аграрного и промышленного комплекса, документов с элементами статистического обобщения, корреспонденции о наиболее значимых событиях в истории региона и т.п. Описаны документы приложения сборника, в котором помещен фотоиллюстративный материал, сведения о героях Советского Союза, героях Социалистического труда, полных кавалеров ордена славы и кавалеров ордена трудовой славы. Обращается внимание, что издание адресовано широкому кругу исследователей: историкам, краеведам, журналистам, писателям, студентам и школьникам, а также всем, кто интересуется историей народов Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, Архивная служба КБР, государственность, кабардинцы, балкарцы, сборник документов, исторический источник

Для цитирования: Абазов А.Х. Обзор сборника «100 лет Кабардино-Балкарской Республике. Архивная летопись. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. 384 с. + 80 с. вкл.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 347-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-347-352. EDN: LYWEIR.

© Абазов А.Х., 2023

Book review

REVIEW OF THE COLLECTION «100 YEARS OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC. ARCHIVAL CHRONICLE. – NALCHIK: PUBLISHING HOUSE M. AND V. KOTLYAROVS, 2022. 384 PP. + 80 PP. ON»

Alexey Kh. Abazov
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alex_abazov@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-7009

Abstract. The overview of the collection "100 years of the Kabardino-Balkarian Republic. Archival Chronicle", published by the KBR Archival Service in 2022 as part of the Documents Testify project and dedicated to the 100th anniversary of the statehood of Kabardino-Balkarian Republic. The paper includes 329 archival documents and 169 photographs on the history of the republic from 1922 to 2022. A description of the documents placed in the collection is given: regulatory legal acts and records of state authorities of the KBR (KBAO, KBASSR) in the field of national-state construction, the creation and activities of educational and scientific institutions, the organization of health care and the cultural and leisure sphere, the main trends in the development of enterprises of the agricultural and industrial complex, documents with elements of statistical generalization, correspondence about the most significant events in the region's history, etc. The documents of the appendix of the collection are described, which contains photographic illustrative material, information about the heroes of the Soviet Union, the heroes of Socialist Labor, full holders of the Order of Glory, and holders of the Order of Labor Glory. Attention is drawn to the fact that the publication is addressed to a wide range of researchers: historians, local historians, journalists, writers, students and schoolchildren, as well as everyone who is interested in the history of the peoples of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Kabardino-Balkar Republic, KBR Archive Service, statehood, Kabardians, Balkarians, collection of documents, historical source

For citation: Abazov A.Kh. Review of the collection «100 years of the Kabardino-Balkarian Republic. Archival chronicle. – Nalchik: Publishing house M. and V. Kotlyarovs, 2022. 384 pp. + 80 pp. on». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 1. – P. 347-352. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-347-352. EDN: LYWEIR.

© Abazov A.Kh., 2023

Сборник «100 лет Кабардино-Балкарской Республике. Архивная летопись (1922-2022)», подготовленный Архивной службой КБР в рамках проекта «Документы свидетельствуют», издан в г. Нальчик (КБР, Россия) в 2022 г. к столетнему юбилею государственности КБР. Главный редактор сборника – Шахим Хаталиевич Шогенов, руководитель Архивной службы КБР, действительный государственный советник КБР 1 класса, кандидат философских наук. Ответственный составитель – Азамат Оюсович Гуртуев, заместитель руководителя Архивной службы КБР, действительный государственный советник КБР 1 класса. Составители: Н.А. Бальжатова, Е.В. Мамбетова, А.В. Мирзова, А.А. Пазов, А.С. Пшибиев, С.О. Якокутова. Также в работе над сборником принимали участие Р.К. Багова, М.К. Гергова, Р.Л. Емкужев, Л.М. Кибишева, К.Т. Максидова, О.Н. Хурова.

Сборник включает предисловие, документы (архивный материал и фотографии) и приложения.

Автором предисловия является Ш.Х. Шогенов. В предисловии приводится краткая характеристика предыстории и основных исторических этапов развития государственности КБР, пояснены подходы составителей к выборке помещенных в сборник документов и фотоматериалов. Ш.Х. Шогенов акцентировал вни-

мание на том, что издание имело целью показать важнейшие вехи становления и развития Кабардино-Балкарии, основываясь на материалах, находящихся на государственном хранении [100 лет Кабардино-Балкарской Республике… 2022: 5]. Он отметил, что «вниманию читателей представлена Коллекция ценных и особо ценных документов из Золотого Архивного фонда Кабардино-Балкарской Республики» [100 лет Кабардино-Балкарской Республике… 2022: 5].

В сборник вошли 329 архивных документов и 169 фотографий, отражающих основные этапы истории республики с 1922 по 2022 гг. Многие помещенные в нем документы и материалы впервые введены в оборот. Это, в основном, документы, извлеченные из фондов управлений Центрального государственного архива и Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР, а также сведения из различных книг, газет, ведомостей Верховных Советов СССР и РСФСР. В сборнике сообщается, что «документы, приведенные с грифами ограниченного допуска, рассекречены в установленном порядке» [100 лет Кабардино-Балкарской Республике… 2022: 5]. Здесь помещены тексты нормативно-правовых актов государственных и партийных органов (законы, указы, постановления, распоряжения), материалы периодической печати, воспоминания участников событий и т.п. Документы содержат сведения по основным направлениям становления и развития государственности Кабардино-Балкарии, тяготах ее жизни в период Великой Отечественной войны, депортации и возвращения на родину балкарского народа, политики государства в области народного хозяйства, промышленности, медицины, науки и образования, культуры, искусства и т.п.

Документальная часть сборника начинается с «Постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета об образовании объединенной Кабардино-Балкарской Автономной области» от 16 января 1922 г. Именно оно ознаменовало объединение Кабардинской автономной области и Балкарского округа и формирование его дальнейшей истории как единого субъекта государства.

По основным направлениям становления и развития государственности Кабардино-Балкарии и деятельности органов власти помещены положение об объединении Кабарды и Балкарии (17.08.1922 г., док-т № 4), протокол заседания Президиума Кабардино-Балкарского облисполкома о заседании комиссии по разработке проекта Конституции КБАССР (13.06.1936 г., док-т № 71), постановление Чрезвычайного X Кабардино-Балкарского съезда Советов «об утверждении Конституции (Основного Закона) КБАССР» (24.07.1937 г., док-т № 85), Декларация Верховного Совета КБАССР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) КБАССР» (25.05.1978 г., док-т № 253), Закон КБССР «об изменении наименования республики и внесении соответствующих изменений в Конституцию (Основной Закон) КБАССР» (26.01.1991 г., док-т № 276), Закон КБССР «об изменениях и дополнениях в связи с учреждением поста Президента Кабардино-Балкарской ССР» (26.01.1991 г., док-т № 276), постановление Парламента КБР «О Конституции КБР» (01.09.1997 г., док-т № 289) и др.

Сведения о жизни населения Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны содержатся в постановлении бюро Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ об обязательной военной подготовке комсомольцев и молоде-

жи» от 28 июня 1941 г. (28.06.1941 г., док-т № 109), постановлении бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) «о введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в г. Нальчике» (25.08.1941 г., док-т № 111), «…о сборе среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии» (15.09.1941 г., док-т № 112); «...о создании оборонительных сооружений на подступах к г. Нальчику» (11.11.1941 г., док-т № 115), «…о формировании Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии» (14.11.1941 г., док-т № 116), поздравительной телеграмме командования 37-й армии обкому партии и Совету Народных комиссаров КБАССР по случаю освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков» от 11 января 1943 г. (док-т № 127); постановлениях бюро обкома ВКП(б) и Совнаркома КБАССР «о восстановлении Баксанской ГЭС» (05.04.1943, док-т № 131) и «о мероприятиях по восстановлению Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината» (05.10.1943 г., док-т № 136) и др. Также этот блок дополняют документы, в которых содержатся сведения о сборе среди населения теплых вещей для Красной Армии, деятельности комиссии по приему и размещению эвакуированного населения, сборе средств на строительство танковой колонны, мобилизации местного населения на оборонительные работы, состоянии промышленности после оккупации, деятельности объединенного партизанского отряда на территории республики, мероприятиях властей по восстановлению народного хозяйства и т.п.

Проблемы и тяготы депортации, а также вопросы возвращения на родину балкарского народа отражены в извлечении из очерка Е.Т. Хакуашева «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) о выселении балкарского народа» (док-т № 141), письме балкарцев, проживающих в Киргизской ССР, Кабардинскому обкому КПСС, Президиуму Верховного совета и Совету Министров кабардинской АССР с просьбой обратиться в ЦК КПСС по вопросу восстановления национальной автономии балкарского народа» (док-т № 173), протоколе заседания бюро Кабардинского обкома КПСС «о восстановлении национальной автономии балкарского народа» (11.12.1956 г., док-т № 176) и др.

Политика государства в области народного хозяйства и промышленности раскрывается в документах об электростроительстве в регионе, о мероприятиях по строительству и организации деятельности заводов и фабрик на территории республики, развитию учреждений сельского хозяйства и др. Становление и развитие здравоохранения в Кабардино-Балкарии отражено в актах власти о мерах по улучшению мер по охране здоровья населения региона, строительства больниц и поликлиник, а также в отчетной документации органов исполнительной власти о состоянии здравоохранения в области (республике) и др. Наука и образование представлены в документах, содержащих сведения об открытии в г. Нальчике областной советско-партийной школы в 1922 г., организации в Кабардино-Балкарской автономной области научно-исследовательского института в 1926 г., о реорганизации Нальчикского педтехникума в 1926 г., Ленинского учебного городка в 1931 г., Горского пединститута и организации Северо-Осетинского, Чечено-Ингушского и Кабардино-Балкарского пединститутов в 1932 г., об организации Кабардино-Балкарского государственного университета в 1957 г., создании научно-исследовательского института кукурузы в

1962 г. и др. Деятельность органов власти в области культуры и искусства раскрыта в нормативно-правовых и делопроизводственных документах, отражавших вопросы развития письменности и литературного творчества на национальных языках, создания духовного и симфонического оркестров, роста культурно-просветительских учреждений, работы областных конференций писателей Кабардино-Балкарии, вовлечения учащихся школ в работу кружков национального искусства, развития телевидения, создания государственного Драматического театра и др. Вопросы развития туризма и курортного дела в республике затрагиваются в документах о признании ряда местностей региона местами курортного и лечебного значения, о проведении первой областной альпиниады, о развитии курортов КБАССР и др.

Также в сборнике представлены документы, отражающие социальную политику государства: протокол заседания бюро обкома РКП(б) «о работе среди женщин-горянок» (05.04.1923 г., док-т № 8); протокол заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) «о борьбе с детской беспризорностью» (04.05.1933 г., док-т № 40); протокол заседания бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС «об открытии дома инвалидов» (28.09.1960 г., № 206) и др.

Отдельное внимание уделено документам о памятных событиях и датах в истории КБР: 400-летия присоединения Кабарды к России в 1957 г., присвоению г. Нальчику почетного звания РФ «Город воинской славы» в 2010 г., о праздновании 100-летия образования Кабардино-Балкарской Республики.

В этой части сборника широко представлены и архивные фотографии, на которых запечатлены знаковые события из жизни республики, а также выдающиеся деятели, которые добились значительных успехов в той или иной области. Также помещены фотографии объектов строительства и архитектуры, символизирующих основные вехи развития государственности Кабардино-Балкарии. Фотоматериал запечатлел эпизоды деятельности органов государственной власти и высших должностных лиц республики с 1923 г. до настоящего времени; работников учреждений образования, науки, культуры и спорта республики; сооружений промышленной, энергетической и туристической инфраструктуры; празднования памятных дат и др. Фотоматериал органично дополняет сведения помещенных в сборнике архивных материалов.

Приложение сборника включает списки Первых секретарей Кабардино-Балкарского обкома РКП(б) / ВКП(б) / КПСС 1921–1991 гг., Президентов и Глав Кабардино-Балкарской Республики с 1992 г. по настоящее время, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, полных кавалеров ордена Славы, полных кавалеров ордена Трудовой Славы, хронику событий, именной и географический указатели, перечень документов и список сокращенных слов.

Таким образом, материалы сборника отражают основные этапы развития государственности Кабардино-Балкарии с 1922 по 2022 г. и существенно дополняют наши представления о деятельности органов государственной власти, должностных лиц и развитии промышленности, сельского хозяйства, туризма, образования, науки, культуры в регионе в указанное время. Помещенные в нем сведения могут быть применимы для проведения научных исследований по социально-политической и экономической истории КБР, подготовки обобщаю-

щих работ по истории и этнографии народов северокавказского региона, в научном планировании исторических исследований в региональных и межрегиональных гуманитарных научно-исследовательских организациях и вузах Юга России, при составлении справочников, учебников, учебных пособий. Сборник может вполне претендовать и на статус справочного издания, т.к. содержит обобщенные сведения и фотоматериалы о деятельности руководителей области/республики и хронологию важнейших в истории развитии государственности КБР событий. Издание представляет большой интерес для государственных и общественных деятелей, исследователей, журналистов, писателей, студентов, школьников, а также всех, кто интересуется историей народов Кабардино-Балкарии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

100 лет Кабардино-Балкарской Республике… 2022 – *100 лет Кабардино-Балкарской Республике. Архивная летопись*. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 384 с. + 80 с. вкл.

REFERENCES

100 let Kabardino-Balkarskoi Respublike. Arkhivnaya letopis'. [100 years of the Kabardino-Balkarian Republic. Archival Chronicle]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 384 s. + 80 s. vkl. (In Russ.).

Информация об авторе
А.Х. Абазов – доктор исторических наук.
Information about the author
A.Kh. Abazov – Doctor of Science (History).

Обзор поступил в редакцию 16.02.2023 г.; принят к публикации 15.03.2023 г.
The article was submitted 16.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – доктор исторических наук, заместитель генерального директоры по научной работе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alex_abazov@list.ru

Абазова Марита Мухамедовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Акопян Завен Викторич – аспирант ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zvakopyan@mail.ru

Борокова Лилия Арабиевна – старший научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: borokova64@mail.ru

Газиева Абидат Абдулаевна – младший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.
E-mail: gazieva.abidat@mail.ru

Гончаров Артем Сергеевич – аспирант ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия.
E-mail: raven-moon-34999@mail.ru

Гулиева (Занукоева) Фаризат Хасановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: gfariza37@mail.ru

Джабраилов Юсуп Джабраилович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.
E-mail: y.djabrailov@yandex.ru

Дириванкина Мария Сергеевна – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: dirivyankina@mail.ru

Донежук Мурат Юсуфович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра по изучению межэтнических отношений ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Россия.
E-mail: donezhuk.murat@yandex.ru

Жилетежев Хажисмель Чиляниевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: hazismel@mail.ru

Жилетежева Лиана Хажисмелевна – магистрант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lianavip333@mail.ru

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: anzhelka28@mail.ru

Зельницкая Рица Шотовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: riza81@yandex.ru

Исмаилова Алмаз Мусаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Кагазежев Жираслан Вальерьевич – кандидат исторических наук, руководитель Научно-инновационного центра «Естественно-научные методы в археологии, антропологии и археографии» ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: jiraslan@mail.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Лаврова Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lawrowa.natali2012@yandex.ru

Лизенко Инна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.
E-mail: lii75@mail.ru

Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Макарова Олеся Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики лингвистического образования и межкультурной коммуникации ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия.
E-mail: o-ss@mail.ru

Николаев Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: avn739@yandex.ru

Павлов Константин Александрович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Анапа, Россия.
E-mail: kommendor@mail.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

Сулаберидзе Юрий Семенович – кандидат исторических наук, приглашенный профессор Института кавказоведения Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси, Грузия.
E-mail: iuri.sulaberidze@mail.ru

Тахушева Инна Сарабиевна – лаборант-исследователь управления научно-исследовательской и инновационной деятельностью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: tahusheva94@mail.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Халидова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Чочиев Георгий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра Российской академии наук, Владикавказ, Россия.
E-mail: georg-choch@yandex.ru

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1

Подписано к изданию:
30.03.2023 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2023